

A $\frac{175}{44}$

1889

А 175
44.

Д. А. СЛАВЯНСКІИ

ВЪ

ЕГО ЧЕТВЕРТЬ-ВѢКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ ИЗСЛѢДОВАЛЪ И ОБРАБОТАЛЪ

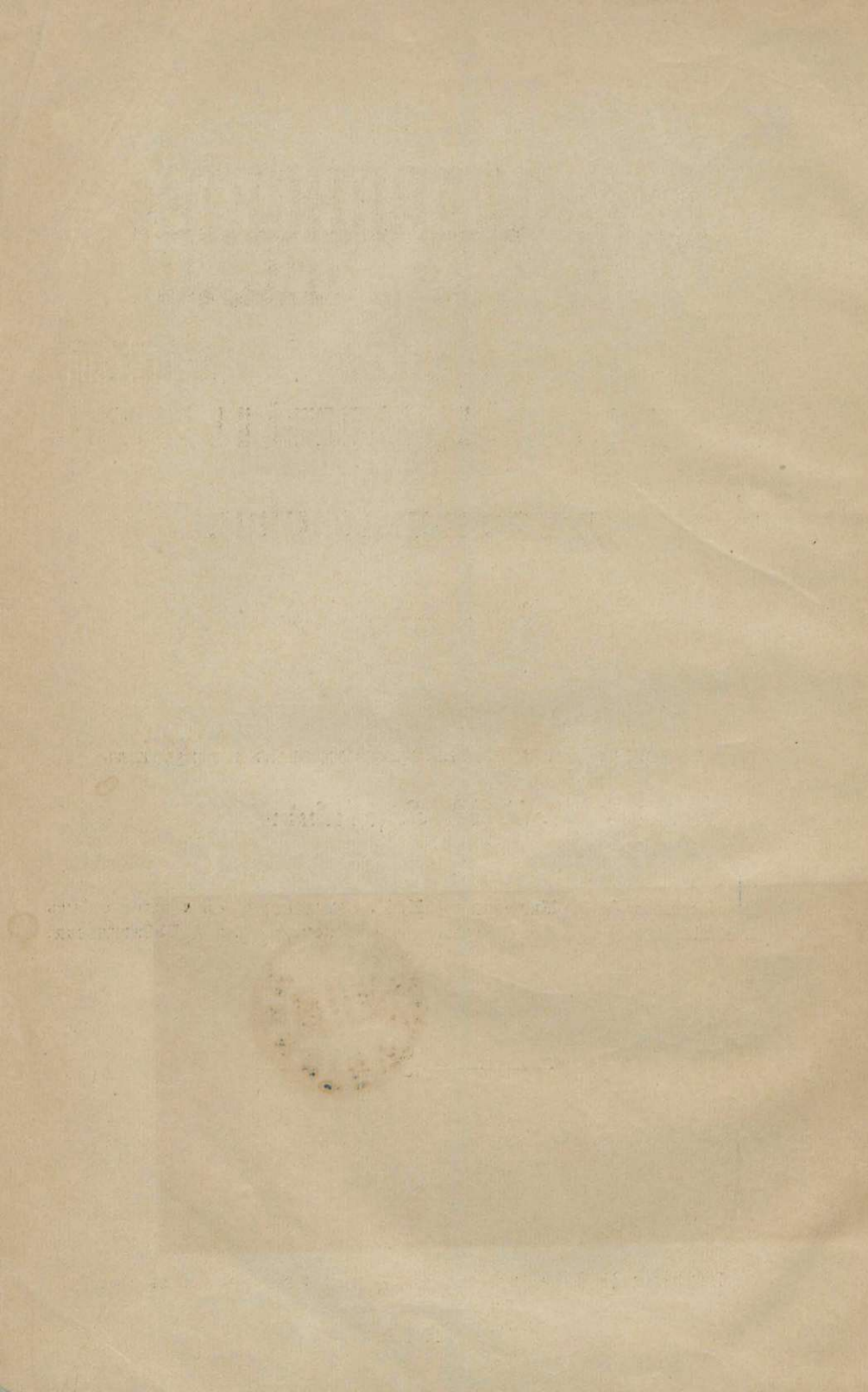
М. В. Юркевичъ.

Съ письмомъ О. Ѳ. Миллера къ М. И. Семевскому, съ предисловіемъ
С. Ѳ. Шарапова и съ доартистическими воспоминаніями А. В. Савельева.

МОСКВА

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и № въ Москвѣ,
Пименовская ул., собств. домъ.

1889.

Книга имеет:

77

77

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Маклад и всписка
44					71		<u>29</u> 130

1871

100
100
100

Д. А. СЛАВЯНСКІЙ

ВЪ

ЕГО ЧЕТВЕРТЬ-ВЪКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ ИЗСЛѢДОВАЛЪ И ОБРАБОТАЛЪ

М. В. Юркевичъ.

Съ письмомъ О. Ѳ. Миллера къ М. И. Семевскому, съ предисловіемъ С. Ѳ. Шарапова и съ доартистическими воспоминаніями А. В. Савельева.

МОСКВА

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о въ Москвѣ,
Пименовская ул., собств. домъ.

1889.

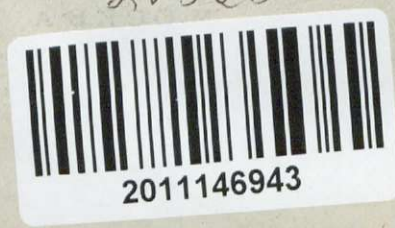
Д. А. СЛАВЯНСКИЙ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

(СР. ПОНЯТИЕ)

22523-0

**Письмо профессора Ореста Федоровича Миллера къ М. И.
Семевскому.**

Многоуважаемый

Михаиль Ивановичь!

Просмотрѣвъ 1-й отдѣлъ книги о Славянскомъ, вижу, что могу о ней написать статью *историческаго* характера, т.-е указать въ ней на постепенный прогрессъ въ сочувствіи къ русской народной пѣснѣ, связанный съ дѣятельностью Славянскаго. Придется выдѣлить и свести самые характерные въ этомъ смыслѣ факты книги, указавъ, гдѣ нужно, и на международное значеніе дѣла.

Орестъ Миллеръ.

№ 10

Письмо профессора Овота бароню фон Шиндлер к М. М.

Самарскому

Министру

Великого князя

Ваше письмо 1-го октября явилось в Самарском уезде, но
уже поздно, так как в это время в Самарском уезде
уже не было ни одного человека, который бы мог
принять участие в деле, связанном с деятельностью
восточной линии железной дороги. В связи с этим
на деле ничего сделать нельзя, так как
невозможно изменить положение дел.

Овоту Шиндлеру

Отъ автора.

Настоящее изданіе имѣеть цѣлю познакомить публику съ четверть-вѣковою дѣятельностью человѣка, имя котораго тѣсно связано съ исторіей общественнаго развитія нашей эпохи. Д. А. Агреньевъ-Славянскій и его дѣло могутъ быть разсматриваемы какъ крупныя бытовыя явленія.

Одинъ человѣкъ при помощи одушевлявшей его горячей любви и неутомимой энергіи могъ чуть ли не перевоспитать художественные вкусы въ цѣлой обширной странѣ. При началѣ артистическаго поприща Д. А. Славянскаго русская пѣсня въ ея высокохудожественномъ значеніи была совсѣмъ игнорируема, заброшена и почти презираема образованнымъ обществомъ.

1885
Черезъ двадцать пять лѣтъ вся Россія справляла юбилей народнаго пѣвца, прославившагося тѣмъ, что создалъ русской народной пѣснѣ подобающее ей положеніе, возбудилъ къ ней интересъ и уваженіе и торжественно пронесъ ее передъ иноплеменными народами. Этотъ двадцатипятилѣтній промежутокъ наполненъ борьбою, которую велъ единолично Д. А. Славянскій съ установившимися вкусами и модой и изъ которой русская пѣсня вышла побѣдительницею. Исторія этой борьбы и составляетъ предметъ книги. Пользуясь матеріаломъ, любезно предоставленнымъ въ мое распоряженіе О. Х. Агреньевой-Славянскою, я старался отмѣтить всѣ моменты этой славной борьбы, шагъ за шагомъ слѣдя за торжествомъ дѣла, все далѣе и далѣе завоевывавшаго почву. Насколько я успѣлъ въ

исполненіи моей задачи, пусть судятъ другіе. Я же старался, ничего не убавляя и не внося никакого субъективнаго пристрастія, быть только искреннимъ, предоставляя фактамъ, изъ которыхъ, собственно говоря, и состоитъ моя книга, говорить самимъ за себя. Въ видѣ предисловія помѣщаю письмо ко мнѣ редактора „Русскаго дѣла“ С. О. Шарапова, который взялъ на себя трудъ освѣтить изложенные мною факты, сдѣлавъ культурно-историческую оцѣнку дѣятельности Д. А. Агренева-Славянскаго.

М. Юркевичъ.

Вмѣсто предисловія.

Письмо С. Ѳ. Шарапова къ М. В. Юрневичу.

Милостивый Государь

Михаиль Васильевичъ!

Вы дѣлаете мнѣ большую честь, обращаясь ко мнѣ съ предложеніемъ сдѣлать культурно - историческую оцѣнку Д. А. Славянскаго - Агренева, развить подробнѣе то, что кратко выражено мною въ моей рѣчи на юбилейномъ празднествѣ. Признаюсь Вамъ, задача для меня непосильная по тремъ причинамъ: вопервыхъ, какъ дѣлать историческую оцѣнку тому, кто еще здравствуетъ и работаетъ; во вторыхъ, какъ говорить объективно и безпристрастно о чловѣкѣ, котораго лично знаешь и любишь? И наконецъ третьихъ, какъ говорить о пѣвцѣ собирателѣ и записывателѣ пѣсенъ, когда чувствуешь свое музыкальное невѣжество?

Вотъ почему, исполняя Ваше желаніе, оговариваюсь заранее, что мое слово будетъ далеко не полнымъ и выразить лишь мое личное, чисто субъективное воззрѣніе на дѣятельность Д. А. Славянскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поколѣніемъ, къ которому я принадлежу, мы познакомились со Славянскимъ еще юношами почти при самомъ началѣ его артистической карьеры. Я помню то впечатлѣніе, которое произвелъ на нашу молодежь его выходъ съ маленькимъ еще тогда хоромъ, въ гостяхъ у насъ во 2-й Московской Военной Гимназіи, въ 1868 году. Русская народная пѣсня звучала такъ необычно, возбуждала въ

VIII

юныхъ душахъ столько необъяснимыхъ, странныхъ, но глубокихъ и торжественныхъ чувствъ, что мы, юноши, были взволнованы и поражены до глубины сердца. На слѣдующій же день уже у насъ былъ готовъ нашъ собственный хоръ и нашъ собственный псевдо-Славянскій, исполнившіе по его образцу и „Дубинушку“, и „Эй, ухнемъ“, и „Ахъ, о чемъ голубка Маша...“ и „Калинку“ до какого-то Американскаго вальса включительно.

Помню дальше, съ какимъ біеніемъ сердца готовился нашъ корпусный хоръ, когда было объявлено намъ покойнымъ П. М. Воротниковымъ, что нашего стараго маэстро посѣтитъ Славянскій съ женою и что въ честь его будутъ пѣть подъ управленіемъ Воротникова соединенные хоры первой и второй гимназіи. Я не помню сейчасъ, что мы пѣли, помню, что кто-то изъ товарищей, разбирая ноты, вздыхалъ: „Ну „Моисеемъ“ да „Вильгельмомъ Телемъ“ *его* не удивишь, вотъ кабы у насъ русскаго побольше пѣлось“. Въ этихъ словахъ высказалось общее ощущеніе, что Славянскій олицетворяетъ собою совсѣмъ иную стихію, одинаково намъ и чуждую и близкую. И вотъ мы пѣли и поглядывали: Славянскій, разумѣется, все одобрялъ, но мы замѣтили, что особенно произвело на него впечатлѣніе. Оказалось, что нашъ гость замѣтно оживился и одобрительно переглядывался съ женой, когда хоръ въ 600 человекъ грянулъ Славянскій маршъ: „Напрей застава славе“, прекрасно аранжированный О. Х. Славянской и полученный отъ нея П. М. Воротниковымъ съ подлиннымъ Словенскимъ текстомъ. Это была и наша любимая хоровая пѣса.

Вотъ начало моихъ впечатлѣній, связывающихся съ личностью и дѣломъ Славянскаго. Могу ли я быть настолько объективенъ, чтобы въ моихъ словахъ не показалось пристрастія, слишкомъ простительнаго, когда воспоминанія восходятъ въ даль юности, въ ту свѣтлую даль, когда такъ смѣло мечталось, такъ полно и живо чувствовалось?..

Затѣмъ наше поколѣніе все время до послѣднихъ дней могло съ такимъ же непрерывающимся интересомъ слѣдить за Славянскимъ, восходившимъ по истинѣ отъ силы въ силу и все расширявшимъ поле своей дѣятельности. Америка, Сла-

вянскія земли, непрерывныя артистическія путешествія съ капеллою, постоянно улучшаемой и доводимой до совершенства, наконецъ прощальные концерты передъ отъѣздомъ за границу и настоящее триумфальное шествіе по Европѣ...

Славянскій, сначала простой концертантъ, народный пѣвецъ, становился на нашихъ глазахъ культурною силою, политическимъ дѣятелемъ. Это его значеніе приковывало къ нему всеобщее вниманіе, дѣлало всякій его успѣхъ, „нашимъ національнымъ успѣхомъ“, какъ прекрасно выразился покойный И. С. Аксаковъ въ коротенькой записочкѣ ко мнѣ *). Даже враги Д. А. Славянскаго — а въ таковыхъ у него недостатка нѣтъ—и тѣ были вынуждены признать громадность значенія его европейскихъ поѣздокъ. Заставить нѣмцевъ умилиться русскою пѣснью, заставить ихъ преклониться передъ величавой русской былиной, заставить этого нѣмца печатно сказать: „*Ja, die Russen haben gesiegt!*“ Это чего нибудь да стоитъ. Вызвать восторги у Англичанъ, у Французовъ, людей совершенно иного міра, совершенно иного склада воззрѣній и художественныхъ вкусовъ, да развѣ же это не великая побѣда?

Смысль и разгадка этихъ побѣдъ уясняется особенно слѣдующимъ сопоставленіемъ. Наша музыка не бѣдна даже въ сравненіи съ наиболѣе богатыми творчествомъ народами. „Русланъ и Людмила“ „Жизнь за Царя“ „Рогнѣда“ „Юдифь“ „Русалка“ „Снѣгурочка“ „Псковитянка“ „Борисъ Годуновъ“ „Хованщина“, даже модныя оперы Чайковскаго смѣло поспорятъ съ произведеніями Россини и Моцарта, Беллини и Мейербера, Гуно и Делиба, не говоря уже про такихъ, какъ Верди, Понкиелли и т. п. Между тѣмъ, какъ это ни странно, русская опера, несравненно болѣе родственная и понятная Европейцу, чѣмъ русская народная пѣсня, несмо-

*) Наговорите Славянскому всякихъ хорошихъ вещей и пожелайте полного успѣха, который въ сущности будетъ нашъ національный успѣхъ. (Отрывокъ изъ письма Ив. С. Аксакова, въ 1885 г.).

тря на всѣ попытки, не могла и до сихъ поръ укрѣпиться ни на одной изъ европейскихъ сценъ.

Какъ ни разсматривать этотъ фактъ, непремѣнно придешь къ тому выводу, что или въ русской оперѣ меньше самобытной культурной силы, чѣмъ въ русской народной пѣснѣ, или инициаторы дѣла не умѣли сами своимъ личнымъ участіемъ создать и восполнить эту силу. И въ томъ и въ другомъ случаѣ рельефно выдвигается заслуга Славянскаго. Если русская пѣсня сама по себѣ культурная сила, то великая честь тому, кто воспользовался этой силой и направилъ ее. Если для пѣсни нужна была кромѣ того личная сила и личный духъ пѣвца, то тѣмъ большая честь Славянскому, счумѣвшему найти въ себѣ этотъ духъ и эту силу.

Вамъ извѣстно мое направленіе и мои взгляды. Я стою на почвѣ покойныхъ Н. Я. Данилевскаго и И. С. Аксакова и вѣрю въ грядущее великое будущее Россіи и Славянства. Непремѣнно, неизбежно наступитъ то время, когда, утомленной духовной и умственной анархіей, Западъ обратится съ надеждой и вопросомъ къ Славянскому Востоку и найдеть оттуда достойный отвѣтъ своимъ сомнѣніямъ. Я вѣрю, что на смѣну отживающей буржуазно-индустриальной цивилизаціи Европы явится новая славянская цивилизація, отмѣченная основною чертою—разрѣшеніемъ вопросовъ высшаго нравственнаго и социальнаго порядка. Проводникомъ и провозвѣстникомъ новой культуры явится Россія.

Культура эта будетъ суммировать, понятно, всѣ наши духовные дары. Впереди духовной жизни человѣчества пойдутъ русская мысль, русское искусство, русская литература, русскіе идеалы. Въ каждой изъ этихъ областей явятся работники, носители русско-славянскаго знамени, истинные двигатели и столпы русской культуры. Въ эпоху этого разцвѣта благодарные потомки оглянутся и на тѣхъ, кто былъ первыми пионерами русской идеи въ то прошлое, а для насъ настоящее, когда пышнымъ цвѣтомъ доцвѣтала еще европейская цивилизація. Такіе пионеры, прославившіе на Западѣ русскій духъ и русское творчество, уже есть во всѣхъ областяхъ нашей духовной жизни. Западъ узналъ Достоевскаго

и Толстаго, Гоголя и Пушкина, Глинку, Сѣрова и Доргомыжскаго, Иванова и Верещагина, Хомякова, Самариныхъ и Аксакова, Скобелева, Черняева и Игнатьева. Къ этому сонму торжественно примкнулъ и Славянскій. Какъ я уже упомянулъ въ своей рѣчи, онъ понесъ Западу самую нѣжную и самую благовонную вѣтвь русской культуры, русскую народную пѣсню, онъ доставилъ ей торжество, онъ заставилъ преклониться предъ нею гордый Западъ!

И тѣмъ полнѣе и выше заслуга Славянскаго, тѣмъ больше его право на собственно исторически-культурную роль, что побѣдилъ онъ не выдающимся феноменальнымъ голосомъ, не музыкальнымъ творчествомъ, но наличностью того могучаго русскаго духа, который выдѣляетъ скромнаго культурнаго работника отъ случайнаго феномена, или генія. Тамберликъ, Мазини, Патти, Рашель — капризные брильянты, появляющіеся случайно въ лабораторіи человѣчества и для исторіи для извѣстной міровой работы почти цѣны не имѣющіе и въ ней не участвующіе. Ни Тамберликъ, ни Патти не станутъ *нарицательными* именами, ибо въ нихъ нѣтъ никакой идеи. Кто ихъ не слышалъ, для того они — пустой, загадочный звукъ.

И наоборотъ: Славянскаго можно никогда не видѣть и не слышать и не ошибиться въ опредѣленіи его роли. Въ немъ, наоборотъ, пѣніе въ смыслѣ музыкальнаго наслажденія для наличныхъ слушателей—отходить на второй планъ сравнительно съ его *дѣломъ*, съ тѣмъ вѣчнымъ слѣдомъ, который онъ оставлялъ по себѣ всюду, гдѣ ни являлась его капелла за границей. Въ Россіи, у русскихъ слушателей, слѣдъ оставался иной, — въ нихъ не замѣтно, но прочно укрѣплялось народное самосознаніе, и русская музыка выводилась изъ земныхъ, тѣсныхъ рамокъ. Слушатели концертовъ Славянскаго: Англичане, Нѣмцы, Французы—не одно наслажденіе выносили изъ этихъ вечеровъ. У нихъ въ лицѣ наиболѣе чуткихъ людей прочно вырабатывалось, выяснялось сознаніе, что Россія есть нѣчто новое, нѣчто грядущее, неразгаданное, полное тайны и надеждъ. Какъ характеренъ, напри- мѣръ, наивный восторгъ старца Гуно, воскликнувшаго: „Я бы

скорне выпилъ всю Волгу, чѣмъ бы мнѣ прискучили народныя волжскія пѣсни“ *).

И вотъ тотъ же самый слушатель, или прочитавшій газетный отчетъ, полный восторженной хвалы, шель и покупаль

*) Г. Шарановъ не имѣлъ подъ руками мнѣнія извѣстнаго критика Флоріана Гейера, относящагося еще къ первымъ дебютамъ Д. А. Славянскаго въ качествѣ пароднаго пѣвца и напечатаннаго въ „*Spenerische Zeitung*“, (24 Mai 1865) „Man muss und sollte so Etwas mehr hören, um den Anfang zu erfinden, wo von die Kunst ausgehend gedacht werden muss. Die slavischen Nationen bieten hierfür ein bedeutendes Gebiet des Forschens, Suchens und Nachdenkens... Das letzte Lied sang H. Slaviansky am lohnendsten... Eine Wärme des Gefühls von beiden Seiden, wie diese hier, hatte für den Berichterstatter ihre tief rührend Seite. Mit Solcher Stimmung verliess er das Haus“. (Flor. G.).

Насколько понимали иностранцы значеніе Славянскаго, еще нагляднѣе высказано въ Вѣнской газетѣ „*Zukunft*“ посвятившей Д. А. Аргеневу-Славянскому цѣлый фельетонъ 19-го ноября 1867-го года (№ 266). Позволяю себѣ привести изъ него здѣсь нѣкоторыя выдержки въ оригиналѣ: „Eine jede Nationalmusik gewinnt in der Ausprägung ihres wahren Characters am meisten durch den richtigen Vortrag im Gesang. Wir haben singende Masaniellos Italiener in Extase bringen gesehen, wir haben Franzosen im Gesange den leichtsinnig genialen Typus der *France gloriense* ausdrücken gehört—allein ureigenthümlicher, unnachahmlicher, kunz nationaler haben wir Nationallieder nie executiren gehört, als Slaviansky in seinen russischen Liedern.

Slavianscy ist vor Allem—Liedersänger.

Durch die ausgezeichnete Schule, vor Allem in der Stimme—Modulirung imponirt er, durch eine ungewöhnliche Weichheit und Zartheit, durch eine sympathische *mezza voce* gewinnt er, durch die genügend umfangreichen Stimmittel ist er in der Lage, die Kontraste zur Geltung zu bringen. Ein schönes Aeussere unterstützt den Effect. Menn er singt, singt er wie es ihm der von ihm executirte Nationalgesang, sein nationales Fühlen, Seine Liebe zum ersteren dictirt.

Es ist kein sogenanntes künstliches Sparen mit der Stimme... Die Macht des Gesanges ergiesst sich ungezähmt und uneingeschränkt, wie ein Strom durch Felsenklüfte, gemäss dem: „Singe wem Gesang gegeben“,—geniessen und geniessen lassen, wen die Natur in die glückliche Lage dieses „*Lassens*“ gesetzt.

Dies haben von Slaviansky anerkannt selbst die kalt und sehr neutral kritisirenden deutschen Berliner...

Die Nationallieder—sind sie nicht der lebhafteste Wiederklang, der lichteste Spiegel der Fühlungen und Strebungen des Herzens?... Solche und ähnliche Stimmungen zogen durch unsere Seele, as wir gestern im „Bösendorfer-Konzertsalon“ Herrn Slaviansky an der Seite seiner ihm am Klavier begleitenden liebreizenden Gemalin singen hörten“ (Wien, 19-ten Nov. 1867. „*Zukunft*“ № 266).

Эти отзывы повторыть развиваемую мысль буквально. (Прим. автора).

въ переводѣ русскаго автора, котораго онъ раньше не хотѣлъ знать, шелъ смотрѣть русскую пьесу, которую раньше сочли бы сумасшествіемъ ставить, покупалъ самоваръ, вводилъ въ моду русское. Изъ суммы всѣхъ этихъ мелочей растетъ и высится обаяніе русскаго имени, растутъ симпатіи къ Россіи, расчищается ея міровой путь.

Я не говорю уже о Славянскихъ земляхъ, гдѣ слѣдъ, оставленный Славянскимъ, былъ такъ осязательно реаленъ. Я не ошибусь, если повторю, не помню кѣмъ изъ дипломатовъ высказанную мысль, что своими артистическими путешествіями Славянскій сдѣлалъ для дѣла Славянской взаимности больше, чѣмъ всѣ иные русскіе дѣятели, работавшіе въ Славянскихъ земляхъ. Тамъ пропѣтая имъ русская пѣснь становилась прямо дѣломъ, ибо почва къ ея воспріятію, а съ нею и русскаго духа была исторически подготовлена. И обратно, тѣ славянскія пѣсни, которыя выносилъ Славянскій отъ Славянъ и пѣлъ въ Россіи, становились также дѣломъ, ибо возвращали идею о славянскомъ братствѣ у насъ. Не даромъ же въ большинствѣ адресовъ Славянскому Славяне называютъ его безъ всякихъ оговорокъ „Нашъ всеславянскій пѣвецъ“.

Я думаю, что такая задача, съ честью исполняемая скромнымъ пѣвцомъ въ теченіе болѣе четверти вѣка, уже сама по себѣ настолько славна и велика, что совершенно становится прочною оцѣнку Славянскаго и какъ артиста, и какъ музыканта.

Вы предприняли отличное дѣло — написать книгу, излагающую шагъ за шагомъ судьбу русской пѣсни въ устахъ Д. А. Славянскаго. Я увѣренъ, что матеріала, имѣющагося у Васъ для этого, довольно, даже слишкомъ довольно. Одинъ юбилей съ этою тучей писемъ, адресовъ, стиховъ, привѣтствій и телеграммъ представляется мнѣ чѣмъ-то колоссальнымъ. Я присутствовалъ на немъ и признаюсь Вамъ, что меня порадовало всего болѣе, это участіе народа, участіе всего того, что иногда едва умѣетъ писать, но умѣетъ думать и чувствовать по-русски. Эта публика не участвуетъ въ жизни нашего общества, не болѣетъ его горестями, не радуется его радостями и чужда его юбилеевъ и торжествъ.

Если она подала здѣсь свой голосъ, то это по стихійному чувству, что праздникъ Славянскаго былъ и ея праздникомъ, праздникомъ простыхъ, безхитростныхъ людей.

Желаю всякаго успѣха Вашему труду. Увѣренъ, что будущій историкъ русской культуры, лѣтъ черезъ сто отъ насъ, воспользуется Вашей книгой, какъ драгоценнымъ матеріаломъ. Біографія Славянскаго, если она будетъ написана достаточно фактически, будетъ органической частью русской культурной лѣтописи, дастъ драгоценный психологическій и бытовой матеріалъ, относящійся къ самой зарѣ русскаго торжества въ мірѣ идей и духа.

Сергій Шараповъ.

20-го марта 1889 года.
С.-Петербургъ.

Доартистическія воспоминанія А. В. Савельева.

Многолѣтняя артистическая дѣятельность, предшествовавшая юбилейному торжеству, восторженные приемы глубокоуважаемаго юбиляра при появленіи его даже въ самыхъ отдаленныхъ городахъ необъятной территоріи нашей матушки Руси и тотъ искренній энтузіазмъ, который безотчетно охватываетъ публику при исполненіи имъ на эстрадѣ назначенныхъ по программѣ нумеровъ—все это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Д. А. Агреевъ не попусту посвятилъ свою жизнь изученію, дорогихъ для каждаго русскаго чело-вѣка, бытовыхъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Лежащая же передъ нами масса сочувственныхъ адресовъ, писемъ и телеграммъ, доставленныхъ почтою и телеграфною проволокою ко дню юбилея, со всѣхъ концовъ русскихъ окраинъ, Европейскаго материка и Америки, свидѣтельствуетъ, что нашъ даровитый юбиляръ обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ выискать потребный матеріалъ, изучить его, призвать, такъ сказать, вновь къ жизни съ сохраненіемъ первобытной формы, а при самомъ исполненіи этихъ славянскихъ мелодій придать имъ ту особую прелесть задушевности, которая завоевываетъ ему симпатію слушающей публики, къ каковой бы народности таковая ни принадлежала. Однимъ словомъ, талантъ и артистическій трудъ русскаго народнаго пѣвца сдѣлали его любимцемъ публики повсюду, гдѣ онъ появлялся со своимъ хоромъ.

Успѣхъ, сопровождающій нашего Агренева, радуеть всякаго истинно русскаго, но, считая для себя не посылать вдаваться въ тонкости и быть специальнымъ цѣнителемъ артистическаго искусства, которымъ обладаетъ юбиляръ, я хочу только познакомиться тѣхъ, кого это интересуетъ, съ первыми днями молодости Агренева, какъ моего товарища по полку.

Я узналъ Агренева въ самомъ юномъ возрастѣ, со времени поступленія его въ военную службу. Оба мы служили въ уланскомъ Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича полку, въ который онъ поступилъ по оставленіи имъ Московскаго университета, во время Крымской компаніи.

Агренева сразу полюбили въ полку за его хорошій, добрый характеръ, сердечную отзывчивость и всегдашнюю готовность помочь товарищу словомъ и дѣломъ.

Воспитанный подъ призоромъ матери, развившей въ немъ любовь къ пѣнію, онъ и въ эскадронѣ не разставался со своей гитарой и съ мыслию добиться когда-нибудь возможности обработать и развить свой природный талантъ, путемъ серіознаго изученія искусства владѣть и пользоваться голосомъ. Эта мысль неотступно преслѣдовала его. Обладая крайне симпатичнымъ, мягкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ теноромъ, онъ дѣйствительно мастерски пѣлъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ многія русскія и цыганскія пѣсни и романсы. За душу хватающій голосъ Агренева и то воодушевленіе, съ которымъ онъ передавалъ музыкальные мотивы и слова пѣсни, сближали насъ съ виновникомъ нашего эстетическаго наслажденія, возбуждая желаніе подражать ему, усвоить приемы и участвовать въ самомъ исполненіи. Самыми яркими поклонниками Агренева были я и два корнета нашего полка, Чагинъ и Ферморъ; къ намъ присоединялись не рѣдко и другіе полковые товарищи, представлялась возможность разучивать хоровыя пѣсни; а иногда исполнялись, подъ руководствомъ Агренева, дуэты, тріо и квартеты и исполнялись не только въ товарищескихъ кружкахъ, но даже, по просьбѣ радушныхъ хозяевъ, и на обыкновенныхъ вечерахъ

у нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Насъ слушали съ видимымъ удовольствіемъ, а увлекались пѣніемъ одного Агренева. Да и нельзя было слушать равнодушно подобнаго пѣвца. Многое говорилъ сердцу каждаго его бархатистый, прочувствованный голосъ, въ которомъ каждое слово создавало образъ, каждый звукъ дышалъ особымъ воодушевленіемъ. Видно было, что въ немъ кроется искра Божія, которая не угасаетъ и не можетъ померкнуть безслѣдно. По природѣ Агреньевъ былъ молчаливъ; находясь въ товарищескихъ кружкахъ, онъ какъ бы не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на живыя рѣчи и споры товарищей и рѣдко принималъ участіе въ дебатахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда и ничто не ускользало отъ его вниманія, такъ что, при его меланхолично-разсѣянной, чисто-артистической внѣшности, никто никогда не подозрѣвалъ въ немъ глубокаго наблюдателя.

У Агренева еще была страсть къ живописи: онъ хорошо рисовалъ акварелью и зачастую, примѣтивъ живописную мѣстность, онъ съ восходомъ или при закатѣ солнца спѣшилъ за городъ или за деревню, даже и во время дневокъ въ походѣ, снимать виды съ натуры. Вообще Агреньевъ жилъ не такъ, какъ всѣ: останавливался почти всегда отдѣльно и свободные отъ военныхъ занятій часы посвящалъ исключительно пѣнію и своимъ художественнымъ экскурсіямъ, страстно любя природу.

Однажды одинъ изъ товарищей, зайдя къ нему нечаянно, засталъ его за растушовкой какой-то сложной группы, и какво же было удивленіе, когда пришедшій узналъ въ рисункѣ многихъ изъ общихъ знакомыхъ. То была карриатура, въ которой мѣтко схвачены были самыя типичныя стороны каждаго изъ изображенныхъ. Новость, что Агреньевъ карриатуристъ, быстро облетѣла товарищей и заинтересовала всѣхъ: пришлось волей-неволей показывать свои альбомы!

Живя очень скромно, Агреньевъ никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи избытка денежныхъ средствъ. Въ его чут-

комъ, отзывчивомъ сердцѣ находило отголосокъ горе ближняго, его нужда и страданія. Самъ же онъ не любилъ обращаться къ людямъ за помощью, и черта эта остается въ немъ и донынѣ.

Бесѣда объ искусствѣ или интересное какое-либо музыкальное представленіе воодушевляли его: горячо отстаивалъ онъ тогда свои артистическія вѣрованія и принципы, долго оставаясь въ первомъ состояніи. Вообще, Агреньевъ не похожъ былъ на военную молодежь того времени и рѣзко отличался въ образѣ жизни и во взглядахъ отъ той среды, въ которой вращался; но отличительныя черты его характера и особенности поселяли въ сердцѣ товарищей къ нему не злобу, не вражду, а какою-то особую симпатію. Словомъ, Агреньевъ пользовался любовью не только полковаго общества, но и въ средѣ знавшихъ его городскихъ знакомыхъ и помѣщиковъ.

Въ полку онъ одинаково былъ хорошъ со всѣми, но со мною былъ связанъ самыми тѣсными узами дружбы, хотя эта дружба имѣла такой характеръ, какъ будто бы Агреньевъ былъ моимъ младшимъ братомъ: я часто останавливалъ его, нерѣдко бранивалъ за неразсчетливую щедрость и, искренно любя, сохранилъ душевную къ нему привязанность и до сей минуты.

Поэтому больно мнѣ было расставаться съ нимъ и сильно затосковалъ я, когда судьба разлучила меня съ Агреньевымъ: я перешелъ на службу въ Петербургъ, а онъ въ Виртембергскій гусарскій полкъ, и мы пошли разными путями въ жизни.

Затѣмъ юный Агреньевъ, руководимый совѣтами своей крестной матери, графини Е. П. Растопчиной, восторженно писалъ мнѣ, что, наконецъ, задушевные мечты его сблизь: онъ ѣдетъ въ Италію, въ страну изящныхъ искусствъ, которымъ всецѣло и безповоротно намѣренъ посвятить всю свою жизнь.

Для солиднаго музыкальнаго образованія, какое жаждалъ получить и получилъ Агреньевъ, пришлось прожить нѣсколько лѣтъ за границей, что сопряжено было съ значительною затратой денежныхъ средствъ, но жажда артистическаго поприща такъ

была сильна, что Агреньевъ рѣшился продать свое родовое имѣніе, село „Дунаево“, Смоленской губерніи, гдѣ мирно протекло его дѣтство, гдѣ впервые зародилась въ немъ любовь къ народной пѣснѣ, гдѣ все было дорого ему по воспоминаніямъ... Жертва была велика, но призваніе пересилило все, конечно, не безъ борьбы и страданій.

Вотъ краткая характеристика Агреньева за то время, когда впервые я узналъ его, а потомъ душою привязался къ этому воистину чистому сердцемъ человѣку.

Протекло десять или нѣсколько болѣе лѣтъ съ момента нашей разлуки и мнѣ пришлось въ первый разъ испытывать наслажденіе, слушая Славянскаго - Агреньева, какъ артиста, при громѣ рукоплеканій многочисленной публики.

Собираясь въ концертъ, мнѣ какъ-то невольно приходило въ голову, что школа, обрабатывая голосовыя средства, часто отнимаетъ у пѣвца ту наивную простоту, ту безыскусственную искренность, обладая которыми артистъ плѣняетъ слушателя. „Не случилось ли и тутъ того же?“ То была мысль, неотвязно преслѣдовавшая меня до той минуты, когда я услыхалъ исполненіе перваго нумера по концертной программѣ. Мнѣ приходилось слышать многихъ знаменитостей, поражающихъ публику силой голоса и своими высокими артистическими дарованіями, но, признаюсь, впечатлѣніе, производимое ихъ исполненіемъ, было иное: никто не забирался, такъ сказать, въ мое сердце, не поднималъ въ его отдаленнѣйшихъ уголкахъ такихъ глубокихъ, такихъ разнообразныхъ ощущеній, которыя мнѣ привелось перечувствовать при слушаніи тогда Агреньева на сценѣ...

Я былъ охваченъ какимъ-то необъяснимымъ, восторженнымъ желаніемъ только слушать и слушать пѣвца; мнѣ не приходило тогда на умъ анатомировать его голосовыя средства, мнѣ все равно было, какія онъ бралъ ноты, я лишь съ жадностью слѣдилъ за звуками, исходящими изъ груди пѣвца цѣлыя образы возставали передъ моими умственными очами

и какъ будто родные, то мучительно сжимающіе сердце, то наполняющіе его какой-то чистой радостью...

Когда же по программѣ, составленной тогда по преимуществу изъ оперной италіанской музыки, изъ устъ пѣвца вдругъ полилась могучая, то грустная, какъ сама необъятная степь, то отрадная, какъ лучъ блеснувшего надъ нею солнца, поэтическая быль-пѣсня, тогда все личное, субъективное исчезло во мнѣ, уступая мѣсто широкимъ, всеобъемлющимъ чувствамъ, и я то плакалъ, то вдругъ громко смѣялся, находясь подъ неотразимымъ обаяніемъ исполняемаго на эстрадѣ. И не одинъ я находился подъ обаяніемъ этихъ чудныхъ, отъ сердца къ сердцу идущихъ звуковъ: публика то какъ бы замирала отъ восторга, то разражалась порывистыми, бурными рукоплесканіями...

Тутъ я убѣдился, что та искра Божія, которая проглядывала и подъ военнымъ мундиромъ въ груди Агренева, воочию разгорается въ широкое, яркое пламя, и что италіанская школа, придавъ изящество его артистическому исполненію, не коснулась того чисто-русскаго оттѣнка задушевности, которая не прививается артисту школою.

При выходѣ тогда же изъ залы мнѣ пришлось услышать сужденіе лицъ компетентныхъ, что этотъ артистъ-художникъ, *вдохновленный и вдохновляющій пѣсню*, дастъ ей подобающее мѣсто въ музыкальной сферѣ.

И дѣйствительно, Агреньевъ, принявшій съ тѣхъ поръ имя Славянскаго, настойчиво сталъ преслѣдовать идею возрожденія пѣсни.

И въ этотъ второй періодъ нашего съ нимъ знакомства мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ неумоимо-настойчиво работалъ онъ на новомъ, пролагаемомъ имъ на родинѣ, артистическомъ пути. Ни денежные потери, ни неудачи, ни лишенія, ни недовѣріе, съ которымъ въ то время русскіе музыканты, воспитанные въ традиціяхъ иностранной школы, относились къ идеѣ возрожденія народныхъ мотивовъ,—ника-

кія, повторяю я, препятствія не поколебали твердой вѣры Агренева въ силу излюбленной пѣсни, и, забываясь о ея возрожденіи, онъ смѣло разносилъ ее по всему свѣту отъ далекихъ окраинъ Сибири до западной Америки, отъ Ледовитаго океана до теплыхъ средиземныхъ волнъ, всюду вызывая ея мотивами симпатію и восторги.

Его концерты въ Европѣ привели даже недовѣрчиво относящихся ко всему русскому нѣмцевъ къ тому убѣжденію, что разнообразіе и прелесть русскихъ и славянскихъ мелодій есть нетронутая сокровищница, открывающая новый источникъ музыкальныхъ богатствъ. Эти мелодіи расшевелили холодныя сердца англичанъ, огласили и Новый Свѣтъ и всюду принесли славу одной изъ отраслей русскаго искусства.

Симпатія къ Славянскому въ Европѣ выразилась наконецъ тѣмъ, что какъ изъ сосѣднихъ и самыхъ отдаленныхъ государствъ, такъ и изъ самыхъ удаленныхъ отъ центра уголковъ нашей православной Руси доносятся до русскаго народнаго пѣвца сочувственные отголоски къ его дѣятельности.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ замѣчательной черты его характера: пронеслось много лѣтъ со времени нашего съ нимъ сближенія, условія жизни и труда постоянно держали насъ вдали другъ отъ друга, а встрѣтишься, заговоришь и снова видишь въ этомъ, серьезно и горячо преданномъ своему дѣлу, артистѣ Славянскомъ, ту же поэтическую натуру, того же добраго товарища, *душу человека*—Агренева, какимъ онъ былъ и въ юные годы. Успѣхи, сопровождавшіе повсюду русскаго пѣвца, не измѣнили его мягкаго нрава, не придали ему ни самонадѣянности, ни самомнѣнія. Онъ счастливъ и веселъ, когда находится въ своей сферѣ, а сфера его—семейная жизнь и искусство.

Во время артистическихъ путешествій онъ попрежнему отправляется съ альбомомъ куда нибудь за городъ и снимаетъ виды съ натуры; а лѣтомъ, находясь въ деревнѣ, устраиваетъ концерты и спектакли у себя дома, на своей домашней сценѣ,

куда стекаются крестьяне изъ окрестныхъ селеній и фабрикъ, горожане и знакомые сосѣди, наслаждался даровыми спектаклями.

Наканунѣ же и въ самые праздники Агреньевъ съ его отдыхающимъ въ лѣтнее время хоромъ установилъ правиломъ пѣть въ своей сельской церкви.

Успѣхи пѣвца на артистическомъ поприщѣ возбуждали зависть въ соперникахъ по сценѣ; не знающіе близко Славянскаго лично твердятъ и увѣряютъ о его будто-бы незаурядномъ богатствѣ; намъ же, хорошо знакомымъ съ семейнымъ строемъ жизни Славянскаго и его отзывчивымъ на всякое доброе дѣло сердцемъ, приходится, положиа руку на сердце, сказать, что двадцатипяти-лѣтняя артистическая дѣятельность, до начала которой онъ продалъ свое богатое имѣніе съ цѣлю изученія искусства въ совершенствѣ, не предоставила артисту тѣхъ средствъ, которыя необходимы человѣку для обезпеченія его не малой семьи, а потому и лишень еще Славянскій права на отдыхъ, несмотря на труды и выдающіяся заслуги, принесенныя имъ въ даръ артистическому дѣлу.

Агреньевъ-Славянскій можетъ служить образцомъ того, какъ единичными усиліями, безъ домогательствъ и субсидій, честный, даровитый человѣкъ, при любви къ труду и искусству, при стойкости своихъ убѣжденій можетъ, минуя всѣ препятствія, побѣдоносно вынести на своихъ могучихъ плечахъ великое дѣло цѣлой отрасли народнаго творчества.

Вотъ та скромная, сильная лепта, которую не безъ искренняго удовольствія вношу я въ общую сокровищницу поступившихъ въ комитетъ свѣдѣній и отзывовъ, которые касаются жизни и дѣятельности нашего глубокоуважаемаго юбиляра, какъ человѣка и вдохновеннаго артиста-художника. Да хранитъ его Господь еще на многіе годы!

Почетный членъ Комитета, избраннаго по случаю празднованія двадцатипяти-лѣтней годовщины артистической дѣятельности русскаго пѣвца, Д. А. Агреньева-Славянскаго

I.

Дмитрій Александровичъ Агреньевъ-Славянскій родился въ Москвѣ, 7 декабря 1836 года, отъ брака Александра Агреньева съ Александрой Ѳедоровной, урожденной Поздняковой, изъ московскихъ дворянъ; родъ Агреньевыхъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода тверскихъ князей Вагреньевыхъ. Съ раннихъ дней дѣтства Д. А. Агреньевъ имѣлъ особенную любовь къ пѣнію и музыкѣ вообще, и въ ребенкѣ 5—6 лѣтъ были уже замѣтны проявленія недюжинныхъ музыкальныхъ способностей. Развитію и укрѣпленію въ молодомъ Агреньевѣ любви и природныхъ дарованій къ музыкѣ и пѣнію не мало способствовала обстановка сельской помѣщичьей жизни того времени. Въ имѣніи матери Агреньева, въ селѣ Дунаевѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ семейство проживало значительную часть года, а особенно въ имѣніи дяди, по матери, Позднякова, содержались постоянные хоры музыкантовъ и пѣсенниковъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, исполнявшихъ, понятно, преимущественно русскія народныя пѣсни. Эти пѣсни, несомнѣнно, вліяли на впечатлительнаго ребенка, часто слышавшаго ихъ и въ хороводахъ, которыя любила покойная его мать и для чего не разъ приглашала поселянъ водить хороводы на барскомъ дворѣ.

Не мало сдѣлала для созданія будущаго народнаго пѣвца мать Агреньева. Рано овдовѣвъ и оставшись съ единственнымъ ребенкомъ, Александра Ѳедоровна Агреньева всѣ свои силы сосредоточила въ заботѣ о воспитаніи любимаго сына. Сама, будучи страстной любительницей музыки и даже талантливой пѣвицей, А. Ѳ. Агреньева дала ему первые уроки игры на фортепьяно и пѣнія. Эти первые музыкальныя на-

ставленія, передаваемыя любящимъ сердцемъ матери и диктуемыя душею артистки, вложили въ душу мальчика первыя начала любви къ русской народной пѣснѣ, чуткость и отзывчивость къ воспѣваемой этою пѣснью горькой долѣ, или молодечеству и удали.

Но пришла пора, и домашнее образованіе подъ крыломъ матери прекратилось. Молодаго Агренева отдали во 2-ю Московскую гимназію. Впродолженіе гимназическаго курса Агреньевъ постоянно состоялъ пѣвчимъ церковнаго гимназическаго хора. Обладая сильнымъ и симпатичнымъ альтомъ, онъ былъ часто приглашаемъ участвовать въ разныхъ церковныхъ хорахъ—то исполнять *соло*, то въ качествѣ *исполнителя*, такъ что сталъ въ этомъ смыслѣ извѣстнымъ по всей Москвѣ солистомъ. По выходѣ изъ гимназіи, Агреньевъ, въ 1853 г., поступилъ въ Московскій университетъ. Охватившее въ то время все мыслящее русское общество патріотическое движеніе, подъ влияніемъ угрозъ нашему отечеству со стороны почти всего европейскаго Запада, не могло не найти себѣ отклика въ сердцѣ будущаго художника, и молодой юноша Агреньевъ, оставивъ школьную скамью, вмѣстѣ со многими другими своими сверстниками, молодыми дворянами, сталъ въ ряды дѣйствующей арміи, сначала юнкеромъ въ рядахъ Владимірскаго уланскаго полка, а затѣмъ въ чинѣ офицера Митавскаго гусарскаго полка. Во время военной, бивуачной жизни, когда удавалось вырвать минуту свободы отъ тяжелыхъ обязанностей солдата, Агреньевъ вспоминалъ о пѣснѣ и въ такія минуты, подъ звуки гитары, отводилъ свою артистическую душу, сжавшуюся отъ суровой, чуждой ей, боевой обстановки, согрѣвая ее теплыми лучами родной пѣсни.

По окончаніи Крымской, неудачной, но славной для Россіи войны, молодой Агреньевъ, тогда уже поручикъ, вышелъ въ отставку.

Знакомство, начатое Агреньевымъ еще во время жизни въ полку, съ графиней (поэтессой) Евдокіей Петровной Растопчиной продолжалось и по выходѣ въ отставку. Въ салонахъ графини молодой человѣкъ познакомился со многими представителями тогдашняго музыкальнаго и литературнаго рус-

скаго міра. Сама графиня и кружокъ ея талантливыхъ знакомыхъ имѣли благотворное вліяніе на Агренева и въ послѣдствіи были ему полезны на первыхъ шагахъ его общественной и артистической дѣятельности. Такъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Растопчиной, а также А. В. Верстовскаго, автора *Аскольдовой Мошлы*, которыми были впервые, какъ слѣдуетъ, оценены музыкальныя способности Агренева, онъ рѣшился начать серьезно изучать пѣніе, чтобы потомъ спеціально заняться музыкальнымъ творчествомъ народа русскаго и родственныхъ ему другихъ славянскихъ народностей.

Съ 1857 года началось систематическое занятіе музыкой и пѣніемъ. Сначала молодой Агреневъ бралъ уроки въ Москвѣ, у хормейстера Императорскихъ театровъ г. Славика, а затѣмъ, по приглашенію директора Императорскихъ театровъ А. М. Геденова, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ число учениковъ директора Музыкальнаго Общества и профессора *Риччи* *).

Оба эти учителя Д. А. Агренева совѣтовали ему ѣхать въ Италію, чтобы окончить свое вокальное образованіе. Риччи предлагалъ отправить талантливаго пѣвца на казенный счетъ, съ обязательствомъ отслужить въ послѣдствіи за это на театральныхъ подмосткахъ, но молодой артистъ не поддался соблазну готовыхъ хлѣбовъ и готовой казенной славы: не располагая достаточными средствами, онъ смѣло поѣхалъ давать концерты по Россіи, въ надеждѣ добыть средства для продолженія музыкальнаго образованія въ Италіи.

Есть явленія въ жизни обществъ, народовъ и отдѣльныхъ лицъ, которыя почти не поддаются объясненію. Такъ было и здѣсь: русскій народъ какъ-бы провидѣлъ своего будущаго Славянскаго, нынѣ славу и гордость бытовой Россіи, и принесъ Д. А. Агреневу свою лепту, нужную для завершенія его музыкальнаго образованія: концерты въ Воронежѣ, Курскѣ, Николаевѣ, Одессѣ и другихъ городахъ дали Агреневу около трехъ тысячъ рублей, и, успокоенный за матеріальную сто-

*) Консерваторія въ то время еще не существовала.

рону дѣла, юноша уѣхалъ на родину западной вокальной музыки, въ Италію. Сначала онъ бралъ уроки пѣнія въ Миланѣ, затѣмъ перѣхалъ во Флоренцію, гдѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго въ свое время маэстро Піетро Романи, прошелъ *флорентинскую* школу музыки, изучая образцы музыкальнаго творчества отцовъ этой школы: Гвидо, Керубини и ея послѣдователей: Россини, Беллини, Доницетти, Верди и другихъ.

Изъ Италіи Д. А. Агреньевъ отправился въ Парижъ, гдѣ опять продолжалъ брать уроки пѣнія у знаменитыхъ въ то время профессоровъ: Аллари, Понофки и Бонольди. Наконецъ, въ 1862 г., закончивъ теоретическое изученіе музыки, Агреньевъ, уже Славянскій, впервые принимаетъ участіе въ оперѣ въ Италіи и концертахъ въ Миланѣ, Флоренціи и Неаполѣ, гдѣ дебютировалъ подъ именемъ *Mity* съ большимъ успѣхомъ, причѣмъ былъ не разъ приглашаемъ пѣть при дворѣ неаполитанскаго короля, и въ Парижѣ въ *Salon Erard*, гдѣ, по рекомендаціи опять той-же графини Растончиной, онъ познакомился съ извѣстными тогда артистами *Mario* и *Гризи*; послѣдніе, пораженные отличнымъ качествомъ его голоса и талантомъ, наперерывъ спѣшили оказать начинающему артисту пользу своими совѣтами и указаніями. Участіе Агреньева въ операхъ и концертахъ не осталось безслѣдно для публики: какъ итальянскіе, такъ и парижскіе музыкальные критики отзывались о немъ, какъ о выдающемся талантѣ. Въ періодъ до 1862 года Д. А. Агреньевъ былъ въ Россіи всего разъ для свиданія съ родными; проѣздомъ черезъ Петербургъ, по желанію тогдашняго директора консерваторіи А. Г. Рубинштейна и изъ любезности, Агреньевъ участвовалъ въ одномъ концертѣ Русскаго Музыкальнаго Общества, гдѣ пѣлъ романсъ М. И. Глинки, „Я помню чудное мгновенье“, и арію изъ оперы „Донъ-Жуанъ“, „*Il mio tesoro*“, подъ аккомпаниментъ самого Рубинштейна.

Наконецъ, въ концѣ 1862 года, Д. А. Агреньевъ-Славянскій, окончивъ свое заграничное вокальное образованіе, возвратился на родину. Вскорѣ по возвращеніи онъ опасно занемогъ, и болѣзнь заставила начинающаго артиста вторично отпра-

виться за границу въ 1863 году, гдѣ онъ и пробылъ до іюля 1865 года, продолжая неустанно заниматься.

Въ этотъ періодъ Д. А. Славянскій былъ приглашаемъ въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи пѣть въ оперѣ, и затѣмъ былъ пожалованъ званіемъ артиста двора короля Неаполитанскаго и орденомъ св. Фердинанда. Въ маѣ 1865 г. въ Берлинѣ, на обратномъ пути въ Россію, Д. А. Славянскій былъ приглашенъ участвовать въ „Африканкѣ“, затѣмъ ^{10/}₂₂ мая далъ свой первый концертъ въ Берлинѣ, въ концертной залѣ Hôtel de Russie, въ программу котораго поставилъ четыре русскихъ пѣсни: „Что ты рано, травушка“, „Ахъ, о чьей голубка Маша“, „Мнѣ жаль тебя“ и „Хуторокъ“, изъ которыхъ первыя двѣ пропѣлъ въ русскомъ народномъ костюмѣ съ балалайкою въ рукахъ. Это было первое заявленіе русской пѣсни о своемъ правѣ гражданства, отнятомъ у нея ея недругами. Одинъ изъ русскихъ обитателей Берлина, нѣкто К***, и многіе другіе, узнавъ о рѣшеніи Славянскаго познакомить Нѣмцевъ съ русскою пѣсней, умоляли его выкинуть несчастную русскую пѣсню изъ программы: „Что вы дѣлаете, Д. А.! Стыдитесь, вы осрамите всѣхъ насъ и себя“, говорили эти русскіе люди. — Бѣдные! Они стыдились своей родной пѣсни!.. „Большой интересъ,—писалъ за то настоящій Нѣмецъ, Фл. Гейеръ *), придворный королевскій музыкальный критикъ,—возбудилъ г. Славянскій пѣніемъ русскихъ пѣсень... онъ пѣлъ ихъ съ своеобразною, неподражаемою, чисто-національною манерой и выразилъ въ нихъ ту грусть и ту удалъ, которыя слышатся въ русскихъ пѣсняхъ“... „Такія вещи,—продолжаетъ нѣмецкій музыкальный критикъ,—надобно, *должно* (man muss und sollte) чаще слушать, дабы найти тотъ источникъ, изъ котораго черпается искусство, именно, ихъ должны были-бы слышать тѣ, которые имѣютъ претензію заниматься всѣмъ національнымъ. Славянскія народности представляютъ въ этомъ отношеніи богатое поприще для изученія и размышленія“. По поводу тѣхъ-же четырехъ русскихъ пѣсень корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“

*) Шнеперова газета. ^{21/}₁₂ мая 1865 г. № 120. Берлинъ.

(5 июня 1865 г., № 140) выражаетъ сожалѣніе, что Славянскій „теряетъ время на устройство концертовъ, тогда какъ русская опера нуждается въ пѣвцахъ“. Такова была первая встрѣча русской пѣсни въ Берлинѣ; находившійся тамъ въ то время министръ Императорскаго Двора, графъ Адлербергъ, предложилъ молодому артисту поступить на сцену Императорскихъ театровъ, но онъ съ достойнымъ мужествомъ отклонилъ это лестное для многихъ предложеніе; готовый окладъ и готовая слава въ кругу петербургскихъ меломановъ—этихъ нашихъ *музыкальныхъ западниковъ*—не заманили будущаго пѣвца русскаго быта, русской исторіи и русской природы: творческій геній русскаго народа отвоевалъ своего избранника у рабовъ западной музыкальной эрудиціи, лишенной *русской* жизненной правды, и повелъ Славянскаго на другую сцену, на сцену того великаго театра, гдѣ было только два актера, русская бытовая правда и, безъ вѣдома ея, насиліемъ вторгшаяся на эту сцену чрезъ продѣланную капризомъ исторіи дверь, западная, чужая—не русская кривда; актеры эти играли на этой сценѣ: *кривда*—чужой водевилъ, а правда—родную драму! Почти два вѣка кривдѣ рукоплещуть, а правду—освистали. Освиставъ загнали ее, родную, за кулисы этой великой сцены, въ дебри родныхъ лѣсовъ, въ родныя поля и горы. Въ этой родной глуши некому было слушать, зрителей не было. И заплѣла тогда русская правда сама себя свою *тѣнь* про свою недолю, про свою удалъ и свое потерянное веселье; плѣла вѣка, и не вспоминали о ней русскіе люди! Да некогда было имъ и вспомнить, сидя въ потѣшномъ водевилѣ кривды, да и не слышна имъ была родная пѣснь правды за громомъ рукоплесканій сторонниковъ и почитателей кривды.

Вотъ за эти-то кулисы, въ эту-то родную глушь и повелъ творческій геній русскаго народа своего избранника—Славянскаго, повелъ его слушать родную драму въ вѣковой пѣснѣ даровитѣйшаго исполнителя, онъ-же и творецъ исполняемаго, народа.

Сердцемъ слушалъ Славянскій эту пѣснь, чутко прислушивался ко всѣмъ ея мельчайшимъ выраженіямъ, слушалъ ее

всюду, гдѣ только она раздавалась, слушалъ ея богатую разнообразіемъ мелодію, слушалъ ея неисчерпаемое богатство мысли, внималъ ея глубинѣ и выразительности чувства, преклонялся предъ ея творческою силой, и, вдохновленный ею, этою родной ему пѣсню, самъ ее запѣлъ,—запѣлъ ее предъ тѣми, кто о ней забылъ, и предъ тѣми, кто забросалъ ее грязью отъ страха предъ неумолимой правдой, какою пѣснь эта поетъ, пѣла и пѣть будетъ!

II.

О дальнѣйшей судьбѣ успѣховъ русской пѣсни, послѣ перваго ея дебюта въ Берлинѣ, я постараюсь прослѣдить по сохранившимся и имѣющимся въ моемъ распоряженіи даннымъ. Такъ, въ Тулѣ, въ январѣ 1866 года, русскіе романсы: „Скажите ей“, „Шли наши ребята изъ Новгорода“,—производятъ на русское общество ажитирующее впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе, по словамъ „Тулскаго Справочнаго Листка“ (№ 4, 23 янв. 1866 г.), предъ концертомъ Славянскаго въ тульскомъ обществѣ является господствующая мысль соединить концертъ съ танцевальнымъ вечеромъ. „Наши дамы,—говоритъ Листокъ,—безъ танцевальнаго вечера не поѣдутъ на концертъ“. Такой взглядъ на пѣсню вынуждаетъ Славянскаго пѣть кромѣ нея и романсы, а тульскую газету ратовать противъ *такихъ дикихъ и ложныхъ понятій*.

Въ № 5 помянутаго „Листка“, критикъ, восхищенный пѣвцомъ, трудится уяснить тайну успѣха Славянскаго, подбирая рядъ теоретическихъ положеній и соображеній, но, запутавшись въ этихъ теоретическихъ догадкахъ, рѣшаетъ двумя словами: „хватаетъ за душу“ пѣсня Славянскаго; не менѣе характерно указаніе той-же газеты на *какія-то обстоятельства*, которыя не пустили русскую пѣснь въ дворянское собраніе, и ей пришлось удовольствоваться помѣщеніемъ городского клуба.

Воронежское общество встрѣтило Славянскаго на другой ладъ; свои восторги и восхищенія концертами Славянскаго общества это уясняетъ себѣ народностью концертныхъ темъ: „народная пѣсня—это неистощимый родникъ, гдѣ онъ (Славянскій) можетъ черпать для себя все новую и новую глубину, силу и прелесть...“—пророчески восклицаютъ „Воронежскія Губернскія Вѣдомости“ (№ 16, 10 февр. 1866 г.); въ программѣ концерта были аріи изъ „Лючіи“ и „Трубадура“; по словамъ „Воронежскаго Листка“ (№ 13, 3 марта 1866 г.), аріи эти прошли эффектно, но незамѣтно, „да и какое русское сердце не забьется сильнѣе при звукахъ родной пѣсни“, оканчиваетъ „Листокъ“.

Въ Варшавѣ Славянскій поетъ кабалету изъ „Vallo in maschera“ и русскіе романсы; послѣдніе,—отмѣчаетъ „Варшавскій Дневникъ“,—привели въ восторгъ всѣхъ слушателей.

Въ Саратовѣ общественная мысль устанавливаетъ свои отношенія къ русской пѣснѣ съ точки зрѣнія музыкальнаго искусства и посвящаетъ въ этомъ направленіи въ „Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ“ (№№ 195, 200, 205, 1866 года сентябрь—октябрь) длинныя теоретически-музыкальныя трактаты. Интересно, что критикъ самъ въ концѣ этихъ трактатовъ забываетъ всѣ, только-что имъ высказанные, музыкальныя рецепты, свой напускной чужими теоріями тонъ, и, какъ живой русскій человѣкъ, бросается въ объятія русской пѣсни: „Сидишь и слушаешь,—говоритъ авторъ помянутыхъ трактатовъ,—и становится такъ тепло и ясно на душѣ!“... „И сладко и жутко становится, и передъ умственными очами нашими встаютъ дорогіе незабвенные образы, рисуются знакомыя мѣста, воскресаетъ передъ нами то, чему суждено никогда не забываться, и снова начинается биться сердце тѣмъ сладкимъ тревожнымъ чувствомъ, которымъ оно билось когда-то, въ невозвратимые, ясные, счастливые дни!“...

Въ Курскѣ (25 марта 1867 г.) желаютъ Д. А. Славянскому осуществить *лучшую изъ артиста-пѣвца—поступитъ на сцену* и прибавляютъ шаблонную фразу: *и быть проводникомъ въ массу гениальныхъ произведеній композиторовъ отечественныхъ и иностранныхъ*. Тѣмъ не менѣе, русская пѣсня заста-

вила въ Курскомъ обществѣ многимъ посчитаться съ живой дѣйствительностью: „г. Славянскій одинаково силенъ какъ въ музыкѣ итальянской, такъ и въ русской пѣснѣ,—прибавляютъ „Курскія Губерн. Вѣдомости“,—но послѣдняя какъ-будто кажется его специальностью и это понятно: *ничто не можетъ имѣть такого вліянія на слушателя, какъ наша народная пѣсня.*

Въ Николаевѣ приходятъ въ восторгъ отъ русской пѣсни Славянскаго; впечатлѣніе, произведенное русскою пѣснью, будить въ душахъ Николаевцевъ сожалѣніе, что „такъ рѣдко можно слышать русскую пѣсню“ („Николаевскій Вѣстникъ“, № 9, июнь 1867 г.).

Полурусская Одесса въ 1867 году ничего не сказала о русской пѣснѣ, кромѣ того, что у ея исполнителя „голосъ хорошъ, обработанъ и свѣжъ“ („Одесскій Вѣстникъ“, № 148, 4 іюля 1867 г.).

Вотъ впечатлѣнія, произведенныя русской пѣснью на Руси въ періодъ съ 1862 по 1867 годы.

Въ томъ-же 1867 году піонеръ русской пѣсни, Д. А. Славянскій отправляется въ славянскія земли. Сербы привѣтствуютъ Славянскаго какъ своего единоплеменника: „Радо поздравлямо долазак саплеменика нашег у нашу средину, који не намъ тако дати прилику, да чујемо милозвучне руске и славенске песме!“—пишетъ газета „Београдски Вести“ *). „Мы слышали, что на концертъ Д. А. Славянскаго пожалуетъ и его свѣтлость“,—прибавляетъ газета. „Народне руске песме, цуне мелодија,—восклицаетъ та-же газета,—и лепи варијација, и овом приликом, јако су пријавале за срдце сродни слуша-лаца (№ 120, 21 сентября 1867 г. **).

Въ Новомъ Садѣ (Австрія) Сербы называютъ Славянскаго народнымъ русскимъ и сербскимъ пѣвцомъ; отмѣчая внѣшность Славянскаго, какъ идеаль, какой сербскій народъ носить о Русскомъ въ воображеніи своемъ, указывая, что нельзя

*) „Бѣлградскія Извѣстія“. Съ радостью привѣтствуемъ прибытіе къ намъ нашего соплеменника, который даетъ намъ возможность послушать сладкозвучныя русскія и славянскія пѣсни.

***) „Русскія народныя пѣсни полны мелодій и тронули сердца родныхъ слушателей“.

было „ни помислити, да пред собом видиш право „Москвића“. „Матица“ въ № 27, 30 септембра 1867 г., прибавляетъ: „И српску песму „Сунце јарко“ отпевао је тако истно невесело, да ниси могао ни помислити, да то Србин не пева: сваки му је гласак такав био, као да из српског срца, из српске душе долази!“ *).

Газета „Застава“, говоря, что пѣсни Славянскаго—что лучъ свѣта, павшій на нихъ съ Сѣвера,—того источника, котораго не обезпокоятъ: ни сольсберійская конференція, ни Кошутъ, ни политическія междуборія, прибавляетъ: „Да ли нам тиме враћају северна браћа она чувства, што им изјависмо летоске здрављајући се съ њима на сантовитој Невы и у кубетовитом Кремльѣ“... „Да су тела северна браћа да нам слију све оне наше летосње осећаје у један овлик, неби нам га лепше могли преставити, него што нам се синоћке показа у Димитрију Славјанскомѣ!“ **).

Австрофильская газета „Напредак“ (№ 79), расхваливая пѣніе и пѣсни Славянскаго, отмѣчаетъ, что Славянскій прекрасно сдѣлаетъ, если, выучивъ пѣсни всѣхъ Славянъ, поѣдетъ въ Россію пѣть славянскія пѣсни.

Затѣмъ русскій пѣвецъ, сопровождаемый кликами всѣхъ сербскихъ газетъ „до скорог виђења!“ „Доћи нам опет—што пре!“, т. е. возвращайся къ намъ поскорѣе,—отправляется въ Вуковаръ, съ намѣреніемъ оттуда проѣхать въ Загребъ (Хорватія), Карловцы, Люблянѣ, и потомъ, чрезъ Вѣну въ чешскую Прагу. Но мадыро-австрійскія газеты прокричали: „Славянскій разжигаетъ симпатію Славянъ къ Русскимъ своимъ умѣньемъ знакомить въ народной русской пѣснѣ съ русскимъ народнымъ духомъ“! (Изъ письма въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, 1867 г. 22 октября).

*) Трудно было думать, что передъ собой видишь настоящаго Русскаго; сербскую пѣсню „Сунце јарко“ онъ такъ грустно пропѣлъ, что и подумать нельзя было, что не Сербъ поетъ эту пѣсню: каждая нотка была такъ выполнена, какъ-бы выходила изъ сердца и души Серба.

**) Не возвращаютъ-ли тѣмъ сѣверные братья намъ тѣ чувства, о которыхъ лѣтомъ мы заявили на берегахъ Невы и въ золотоголовомъ Кремльѣ, сливъ всѣ наши впечатлѣнія въ одномъ образѣ Димитрія Славянскаго.

„Теперь понятно всякому, — прибавляет авторъ этого письма, — отчего такъ опасно кажется Мадырамъ и Нѣмцамъ (Австріи) русское пѣніе г. Славянскаго, отчего такъ не попутру имъ его типичная русская физіономія“.

„Не долго пользовался г. Славянскій свободой давать концерты въ славянскихъ городахъ, — говоритъ корреспондентъ газеты „Голосъ“ (№ 357, 1867 г.). Нѣмцы и Мадыры, конечно, никогда не посѣщавшіе концертовъ *русскаго пѣвца*, и видѣвшіе въ концертныхъ оваціяхъ политическую демонстрацію, а въ самомъ Славянскомъ русскаго эмиссара, стали слѣдить за нимъ и всячески старались вредить ему. Такъ, въ Вуковарѣ было отказано въ общественной залѣ для устройства концерта и самъ жупанъ (начальникъ округа), Сербъ по происхожденію и православный по религіи, не желая прямо отказать настоятельнымъ просьбамъ гражданъ города, а съ другой стороны, боясь навлечь на себя гнѣвъ *Раука* (намѣстника), поступивъ противъ его негласнаго распоряженія, счелъ за лучшее внезапно уѣхать изъ города“. Тѣмъ не менѣе, горожане все-таки устроили концертъ въ залѣ казино (родъ клуба). Биткомъ набитая въ залѣ публика подъ конецъ концерта *требовала исполненія русскаго гимна*.

Изъ Вуковара русскаго пѣвца пригласили въ Самборъ; за десять верстъ отъ города горожане Самбора выѣхали его встрѣтить. „Живно, брате Рус! слава! ура!“ и „до скорог виђења“ — клики, которыми южные и австрійскіе Славяне *въ 1867 году* встрѣчали и провожали русскую пѣснь. Но „туча все болѣе и болѣе собиралась надъ головою русскаго пѣвца“ и *политическое вліяніе бытовой русской тьмы*, непонятое, по невѣденію, или нежеланію, къ несчастью и по сей день для многихъ людей русскихъ, не ускользнуло отъ чуткаго уха и зоркаго ока нѣмецкихъ и мадыарскихъ патріотовъ! Въ Загребѣ, стольномъ городѣ хорватскаго народа, „послѣ четырехдневнаго разсматриванія бумагъ“ русскаго пѣвца, было *оффициально уже* отъ намѣстничества запрещено вовсе давать концерты не только въ этомъ городѣ, но и во всемъ Триединомъ королевствѣ. Ему было приказано выѣхать изъ Триединаго королевства въ 24 часа. „Хорваты

были озлоблены и поражены подобнымъ притѣсненіемъ за одну только національность,—пишетъ корреспондентъ „Голоса“, и „хотѣли устроить Славянскому демонстрацію на улицѣ“, но имъ это не удалось: русскую пѣснь уже успѣли ранѣе прогнать въ Вѣну; „до скорого свиданія“ хорватскихъ Славянъ, которымъ они только и успѣли проводить эту пѣснь,—не оправдалось: въ Вѣнѣ, въ русскомъ посольствѣ *) боялись поддержать бѣдную, „загонену“ нашу пѣсню: „Мы не можемъ ничего сдѣлать,—говорили *русскіе* люди *русскаго посольства*:—мы на австрійской территоріи, а Австрійцы у себя хозяева“... И Австрійцы,—хозяева не только *у себя дома*, но и въ нерусскихъ умахъ русскихъ людей,—выгнали русскую пѣсню изъ родныхъ ей южно-славянскихъ земель, обозвавъ её „Sängerkrieg“омъ“.

Даже нѣмецкая газета „Zukunft“ не могла перенести хладнокровно это изгнаніе русской пѣсни и въ № 266 (ноябрь 1867) восторженно привѣтствуя пѣсню эту, говоритъ: „только мадьярское грубое (zörfische) правительство Тріединого королевства могло не позволить Славянскому давать концерты“. Въ Вѣнѣ австро-мадьярское правительство, очевидно, устыдилось показать шаткость своего внутренняго государственнаго строя, не выказало страха предъ невинной русской пѣснью и позволило ей „избранной славянской публикѣ передать вѣрно духъ народа (*русскаго*), его національнныя чувства и стремленія“, какъ выразилась та-же газета „Zukunft“ и въ томъ-же номерѣ.

Въ Прагѣ (чешской) у австрійскаго правительства чувство страха опять побѣдило сознаніе своего достоинства, и русскую пѣснь впустили въ чешскую землю, взявъ предварительно подписку отъ ея носителя, Д. А. Славянскаго, что онъ будетъ пѣть *не иначе, какъ на чешскомъ нарѣчій, не будетъ пѣть русскаго народнаго гимна*, и не явится въ концертъ въ русскомъ національномъ костюмѣ (Голось, № 357, 1867), а органъ нѣмецкой мысли, официозная, „Vöhrnen“, увѣщевала своихъ читателей „не бросать даромъ гульденовъ на

*) Посланникъ—баронъ Штапельбергъ.

предстоящій концертъ“ (Славянскаго). Тѣмъ не менѣе, правительству Австріи, да и не одному ему, на поученіе, русская пѣснь произвела на Чеховъ могущественное дѣйствіе; чешская общественная мысль подъ впечатлѣніемъ русской пѣсни перешла границу *австрійскихъ* государственныхъ приличій настолько, что берлинскія газеты „Post“ и другія писали: „извѣстный русскій національный пѣвецъ, Славянскій, пріѣхалъ расшевелить чешскую народность и возбудить сочувствіе къ Россіи... многозначительно появленіе русскаго пѣвца въ Прагѣ, поющаго въ народномъ костюмѣ, — это признакъ времени“. Чешскіе-же органы печати отвѣчали на недоумѣнія Нѣмцевъ прямо: „до сихъ поръ мы слышали музыку Запада, но вотъ, наконецъ, настало время, когда посреди насъ раздаются звуки съ Сѣвера, звуки неслыханной доселѣ, хотя родной, какъ будто давно знакомой *пѣсни*“ (Narodni Listy, № 268, 17/29 декабря 1867).

III.

Э то первое путешествіе по славянскимъ землямъ послужило къ обогащенію репертуара русскаго народнаго пѣвца пѣснями южныхъ и западныхъ Славянъ; онъ собралъ болѣе чѣмъ 50 пѣсень нашихъ единоплеменниковъ, отданныхъ, волею капризовъ исторіи и русскою политической небрежностью, въ руки враговъ славянской *національной идеи*. Записанная у себя дома рабами западнаго *композиторства*, русская пѣсня, впервые и такъ смѣло посѣянная Славянскимъ въ братскихъ земляхъ, не попала на каменистую почву и, несмотря на натискъ сильнаго австрійскаго врага, дала отпрыскъ фактическаго славянскаго единенія, въ единственно дозволенной принципами Священнаго Союза, въ то время, области—области духа: нѣсколько образованныхъ и талантливыхъ молодыхъ Славянъ *) откликнулись на призывъ Д. А.

*) Вотъ имена этой почтенной молодежи:
Галій, Гучинскій, Андеристъ, Ядевичъ — Чехи; Славей — Хорватъ; Алесовскій и Рудинскій — Червоноруссы; Новотичъ — Словенецъ.

Славянскаго, „къ великому неудовольствію австрійскаго правительства, по выраженію „Русскаго Инвалида“ *), и поѣхали вмѣстѣ съ нимъ на родственннй имъ „русскій Востокъ“ помочь *дѣлу взаимнаго славянскаго сближенія*.

На рубежѣ Россіи этихъ молодыхъ дѣятелей встрѣтили задушевною русскою рѣчью: „И раздадутся славянскія пѣсни на Русской землѣ!—пишетъ „Варшавскій Дневникъ“ (№ 42, 26 февраля 1868 г.). Настанетъ время, когда онѣ *будутъ перекликаться* между собой изъ разныхъ славянскихъ странъ, пока дружно не споются въ общемъ хорѣ, пока Славяне не споются...“ „Концерты г. Славянскаго и его славянскаго хора необыкновенны; это—миссія“,—прибавляетъ варшавская польская газета.

Петербургу, —этому гиѣзду нерусскихъ и неславянскихъ политическихъ традицій, оставшихся въ наслѣдство отъ дипломатической и канцелярской русской исторіи послѣдняго полутора вѣка, воспитанному съ дѣтства на салонныхъ романахъ, вспоенному итальянскими мелодіями, и приученному къ односторонности разнаго рода симфоній и ораторій,—понятно, трудно было пересилить рутину понятій и вкуса: Петербургу не только ново, но странно и дико, было слушать простое, задушевное, осмысленное и художественно-выполняемое пѣніе народныхъ мотивовъ: этотъ городъ былъ въ то время слишкомъ отдѣленъ отъ народа, отъ его міросозерцанія, отъ всей его обстановки, а потому ему не доступно было счастье наслаждаться мотивами родной пѣсни. Да и какъ могло быть иначе? Вѣдь, для наслажденія народною пѣснью *прежде всего надо было быть и мыслящимъ русскимъ челоѣкомъ*, нужно было быть *глубоко проникнутымъ народною жизнью, всѣмъ ея горемъ и радостью*, а не быть развращеннымъ скабрѣзною пошлостью, цвѣтшей тогда полнымъ цвѣтомъ, оперетки. Не мудрено, что въ *этомъ* Петербургѣ многіе удивились (да, кажется, нѣкоторые и по сей день удивляются) даже возможности слушать *какіе-то концерты какихъ-то заѣзжихъ Славянъ, съ русскою просто-народною пѣсней во главѣ*; этого вреднаго для Россіи, въ смыслѣ

*) См. „Русскій Инвалидъ“, № отъ 13 апрѣля 1868 г.

національномъ, пошиба людей въ ея административномъ центрѣ было все-таки настолько много, и тенденціи этихъ людей настолько имѣли вѣсу и вліянія въ обществѣ, что органы *русской* печати были вынуждены объясняться. „Если нѣмецкія *Lieder* составляютъ принадлежность Германіи,—пишетъ газета „Голосъ“,—точно также, какъ романсъ есть неотъемлемая принадлежность Франціи, если въ этомъ родѣ отражается отчасти характеристика народа, то *наши* пѣсни уже подавно рисуютъ вполне типично славянскіе народы, ихъ душевное настроеніе: пѣсня есть, такъ сказать, *исповѣдь души*, въ ней человѣкъ передаетъ свои думы, печаль, или веселье“.

„Пѣсня, какъ извѣстно, имѣетъ громадное вліяніе на человѣка во всѣ минуты его жизни, она одушевляетъ его, сопровождаетъ его на работу, войну, сопровождаетъ и до могилы,—*стало быть, нечему удивляться, что представители народной пѣсни* вездѣ бывають привѣтствуемы восторженно, съ любовью. Нужно было видѣть, какъ принимали въ Дрезденѣ членовъ всевозможныхъ германскихъ „*Liedertafel*“; нужно видѣть, какъ во Франціи принимаютъ орфеонистовъ, чтобы имѣть понятіе о значеніи народныхъ пѣвцовъ... *Поэтому и мы не могли не привѣтствовать восторженно Д. А. Славянскаго и славянскихъ пѣвцовъ*“.

Насколько народно-бытовое теченіе было слабо въ направленіи русской общественной мысли описываемаго времени, что недостатки въ этомъ смыслѣ полированного Петербурга ощущались даже въ Москвѣ—сердцѣ Россіи: первый концертъ Д. А. Славянскаго былъ встрѣченъ московскимъ обществомъ если не холодно и равнодушно, то, во всякомъ случаѣ, такъ, что вызвалъ въ органахъ мѣстной печати порицаніе: „О Москва, когда ты въ самомъ дѣлѣ подумаешь о своемъ славянскомъ происхожденіи!“—писали „Современныя Извѣстія“.

„Въ томъ-то и горе, что въ сердцѣ Россіи меньше Славянъ душою и тѣломъ, чѣмъ въ другихъ уголкахъ Россіи“, раздраженно восклицалъ московскій корреспондентъ „Голоса“.

Но какъ ни много было въ Петербургѣ недруговъ у русской пѣсни, маскировавшихъ свою антипатію къ этой пѣснѣ раз-

наго рода требованіями съ точки зрѣнія классической музыки, „природы ничѣмъ не заглушишь“, по выраженію „Петерб. Листка“ (№ 44, 1868 г.), а талантливое и мастерское выполненіе Д. А. Славянскаго, его удивительно-симпатичный голосъ, обнаруженное имъ глубокое знаніе вокальнаго дѣла и умѣнье съ неподражаемымъ искусствомъ, вѣрно передавать характеръ пѣсни, а тѣмъ самымъ и знакомить съ самобытнымъ поэтическимъ мирозерцаніемъ народа заставили *нерусскій Петербургъ выносить у себя въ концертахъ* присутствіе славяно-русской народной пѣсни.

Не малую помощь при первыхъ шагахъ русской пѣснѣ оказала сочувствіемъ къ ней великая княгиня Елена Павловна, приглашавшая нашего народнаго пѣвца пѣть въ ея дворцѣ, часто въ присутствіи покойнаго Государя.

Московская и петербургская печать въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей отнеслась къ дѣлу Д. А. Славянскаго не менѣе сочувственно: „Пріѣзжайте поддержать даровитаго пѣвца г. Славянскаго, занявшагося прекраснымъ дѣломъ, — писали единогласно наиболѣе серьезныя газеты: — вы услышите настоящую неподдѣльную славяно-русскую пѣснь“. Борясь въ защиту русской мысли, вызванной къ жизни народною пѣснью, съ пошлою интригой недруговъ этой славяно-русской пѣсни, рѣшившихся, въ безсиліи своемъ, даже чернить ея талантливаго піонера Д. А. Агренева-Славянскаго, мыслящая *русская* печать не оставляла безъ отвѣта ни одного даже мелочнаго случая въ ряду злобныхъ выходовъ западничаствующихъ людей: „г. Славянскаго слѣдуетъ вознаграждать за труды и лишенія, понесенныя имъ въ Австріи и Россіи ради Славянъ“, — писали „Московскія Вѣдомости“ (апр. 1868 г.). „Славянскій вовсе не аферистъ, жадный до денегъ и равнодушный къ искусству. Для наживы денегъ ему слѣдовало-бы оставить патріотизмъ, поменьше пѣть славянскія пѣсни, а вводить ихъ развѣ понемногу во время антрактовъ въ итальянскія аріи. На эту удочку артистовъ космополитическое общество ловится охотно. Но г. Славянскій дѣйствуетъ своеобразно, а потому распѣваетъ не тѣ пѣсни, къ которымъ уже прислушались и которыя не характеризуютъ славянскіе

напѣвы, а взявъ матеріялъ изъ обыденной жизни, изъ семейнаго и общественнаго быта, и предлагаетъ обществу много новаго, самороднаго, — пишетъ „Голосъ“ (апрѣль 1868 г.) и затѣмъ пророчески прибавляетъ: *Все это огинитъ общество, но поздно!*

Даже „Journal de St.-Pétersbourg“ счелъ нужнымъ, подъ давленіемъ осмысленнаго сочувствія русской печати, сказать о Славянскомъ: *l'on peut dire, que pour l'exécution des chants populaires russes ce chanteur n'a point de rivaux.*

Что касается такихъ органовъ печати, какъ „Московскія Вѣдомости“, „Голосъ“, „Современныя Извѣстія“, „Бронштадтскій Вѣстникъ“, „Петербургскія Вѣдомости“, „Русскій Инвалидъ“, то они посвящали славяно-русскому пѣснопѣнію — „этому крупному явленію нашей жизни“, какъ они выражались, цѣлыя статьи: каждый пропѣтый стихъ славяно-русской народной пѣсни, его мелодія и его мысль разбирались, оцѣнивались и были уясняемы русскому обществу. Образовался цѣлый вопросъ и его литература. Какъ характеристику общественной мысли въ вопросѣ о значеніи славянской пѣсни вообще и русской народной пѣсни въ особенности, такъ и для обозначенія ряда новыхъ идей, вызванныхъ концертами Славянскаго, я приведу тексты выдающихся статей газетъ и журналовъ того времени, въ хронологическомъ ихъ порядкѣ:

Почти всѣ представители партіи, особенно сочувствующей славянскому дѣлу, были на-лицо. Въ первомъ ряду стульевъ сидѣлъ, между прочимъ, извѣстный слѣпецъ г. Ширяевъ, основатель здѣшняго кирилло-меоодіевскаго братства и одинъ изъ энтузіастовъ всеславянской идеи. При появленіи на эстрадѣ славянскихъ пѣвцовъ и ихъ диригента, раздались громкія и продолжительныя рукоплесканія. Всѣ пѣвцы были одѣты совершенно одинаково — въ черныхъ чамаркахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ съ вислыми концами (національный уборъ австрійскихъ славянъ), на всѣхъ были кокарды славянскихъ цвѣтовъ. Самъ диригентъ, хотя и Русскій, былъ одѣтъ точно такъ-же, какъ его товарищи. Вечеръ пѣнія начался чешской хоровой пѣсней: „Я сэмъ словаць съ души, съ тѣлемъ“ — и кончился смѣсю (попурри) изъ старо-чешскихъ пѣсней, пропѣтою всѣмъ хоромъ. Когда исполнителей вызвали, они проѣбли — и какъ нельзя бо-
лѣ кстати — нашъ русскій народный гимнь.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о характерѣ слышанныхъ нами въ этомъ вечерѣ пѣсней. Всѣ онѣ, очевидно, носятъ на себѣ отпечатокъ чисто-славян-

слага происхожденія. На каждомъ шагѣ попадаются родные, знакомые звуки; но ритмъ ихъ звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ ритмъ нашихъ народныхъ великорусскихъ пѣсней. Это особенно замѣтно въ звукахъ заунывныхъ; веселые же ближе подходятъ по ритму къ великорусскимъ и еще болѣе къ малорусскимъ пѣснямъ. Ближе всѣхъ напоминаютъ ихъ пѣсни галицко-русскія, затѣмъ идутъ сербскія, хорватскія и славянскія,

пишетъ газета „Голосъ“ по поводу перваго концерта Славянскаго въ Петербургѣ.

О томъ-же первомъ вечерѣ пѣнія Славянскаго „Петербургскій Листокъ“ пишетъ:

Почти всѣ пѣсни исполнялись въ отрывкахъ, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы не утомить повтореніями и оригинальностью възыскательныя космополитскія уши петербуржцевъ, постоянно „дѣлѣмыхъ“ самыми разнообразными тысячарублевыми мелодіями, и, въ малое время, преподнестъ, какъ можно болѣе напѣвовъ. Но это сдѣлано напрасно. Образцы и мозаика звуковъ не дали возможности понять (не только насладиться) самобытныхъ старо-чешскихъ, словацкихъ, сербскихъ, хорватскихъ, мало-русскихъ и даже чисто-русскихъ пѣсней. Къ счастью еще, въ программѣ вечера случились цѣлыя пѣсни, исполненныя г. Славянскимъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ, чувствомъ и талантомъ. Онѣ-то и показали всю прелесть первообраза русскихъ пѣсней. Особенно хорошо и ново для просвѣщеннаго Русскаго—свое родное—долго еще будетъ „новостію—выходили у г. Славянскаго подкидыванья. Они, дѣйствительно, увлекательны.

Этотъ вечеръ пѣнія очень кстати давался въ русскомъ купеческомъ клубѣ, въ которомъ хотя и были отъ него, въ прошломъ году, четыре концерта, со многими русскими артистами, но съ „незамѣтною“ долею русскаго. Славяне это поправили.

Продолжайте-же, любезные гости, знакомить насъ со своими напѣвами; не бойтесь нашего утомленія отъ нихъ: мы привыкли уже слушать, по нѣскольку часовъ сряду, отвлеченныя нѣмецкія фуги и сонаты на всѣ тоны, умѣемъ ловко скрывать дремоту отъ нихъ, и ужь, конечно, не заснемъ при сочувственныхъ звукахъ.

„Петербургскія Вѣдомости“, слушая русско-славянскія народныя мелодіи, на первый разъ не нашли ничего отмѣтить, кромѣ того, что

Славянскій сохраняетъ и въ голосовыхъ средствахъ полнѣйшее преимущество передъ другими представителями славянскихъ племенъ, какъ и подобаетъ Русскому. Русскія пѣсни и романсы публикѣ понравились тоже больше, чѣмъ сербскія и инныя. Съ особеннымъ жаромъ былъ привѣтствованъ романсъ „Виновата ли я“? И замѣтилъ, что онъ преимущественно понравился людямъ пожилымъ, словно въ словахъ романса они нашли оправданіе и своимъ грѣхамъ, и въ глубинѣ души повторяли: „виноваты-ли мы?“

Въ то же время музыкальный критикъ газеты „Биржевыя Вѣдомости“ пишетъ:

Гг. театралы, надѣюсь, извинятъ меня за то, что я обращусь прежде всего къ вечеру пѣвнй общенародныхъ пѣсень, данному въ четвергъ Д. А. Славянскимъ и обществомъ славянскихъ пѣвцовъ. Вечеръ этотъ я отношу къ крупнымъ явленіямъ нашей жизни и полагаю, что большинство читателей болѣе будетъ заинтересовано отчетомъ о славянскихъ пѣвцахъ, чѣмъ рассказомъ о томъ: остался ли Поль Форестье *) вѣренъ супружескимъ обязанностямъ, или-же ускакалъ въ Ниццу, въ догонку за предметомъ своей страсти?

Вечеръ, данный Славянскимъ, носить на себѣ совершенно другой отпечатокъ, чѣмъ всѣ прочіе концерты и музыкальные вечера, которыми насъ угощаютъ безпощадно и отъ которыхъ мы бѣжимъ, какъ отъ Демьяновой ухи. Тутъ не подвизался какой-нибудь скрипачъ, выполняющій на одной струнѣ чудеса чудесъ, піанистъ, блѣдный, истощенный, съ темными глазами и неизбѣжною прической à la Листъ, наконецъ пѣвица, превратившаяся въ флейту, или кларнетъ,—мы просто слушали и наслаждались народными мотивами, родными звуками, вполне доступными каждому изъ насъ и, поэтому, особенно увлекающими насъ.

Само-собою разумѣется, что вечеръ этотъ имѣетъ большое значеніе чисто съ точки зрѣнія на народность въ музыкѣ.

Не стану распространяться о симпатіи нашей вообще ко всѣмъ славянскимъ народамъ, не стану приводить доказательства тому, что между этими народами существуетъ неразрывная связь, точно также, какъ существуетъ она между всѣми германскими народностями, несмотря ни на какія подраздѣленія въ политическомъ отношеніи, точно также какъ существуетъ связь между итальянскими народами.

Обо всемъ этомъ было много писано въ прошломъ году, когда мы съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ принимали славянскихъ гостей,—и о значеніи славянскихъ пѣвцовъ въ такомъ смыслѣ предоставляю распространиться перу болѣе могущественному. Скажу только, что и съ точки чисто-музыкальной нельзя не видѣть такой связи между славянскими племенами.

Д. А. Славянскій достоинъ всякой похвалы уже за то, что знакомитъ насъ съ различными, такъ сказать, музыкальными нарѣчійми славянскихъ племенъ.

Всѣ славянскія страны чрезвычайно богаты народными пѣснями и въ нихъ заключается драгоценный матеріалъ для разработки,—матеріалъ, которымъ должны воспользоваться народные композиторы, разумѣется, достойные быть величаемы такимъ великимъ названіемъ.

Г. Рожновъ оказалъ услугу собраніемъ родныхъ звуковъ, недавно имъ изданныхъ. Хорошо было-бы издать собраніе именно общеславянскихъ народныхъ пѣсень. Самъ Д. А. Славянскій въ полномъ смыслѣ русскій пѣвецъ. Онъ то заливается соловьемъ, то задѣваетъ за живое удалю, чисто-русскимъ рѣзватою вполне русскаго пѣнопѣвца. Можетъ быть, для уха, избѣженнаго сладкою мотивностью южныхъ странъ, иные ухорскіе порывы пѣвца (какъ, напримеръ,

*) Изъ французской комедіи Эмиля Ожье.

въ пѣснѣ „Бхали ребята“) показались слишкомъ рѣзки, но мы видѣли во всемъ полнѣйшее отраженіе русской природы, воображенію нашему представлялся рядъ простолюдиновъ, представителей народа, и, оставляя въ сторонѣ музыкальныя тонкости, невозможно не присоединиться къ большинству публики, приходившей къ восторгу отъ пѣнія Славянскаго и его общества.

Пѣніе это весьма выразительно, но просто, далеко не аффектировано; притомъ Славянскій произноситъ каждое слово чрезвычайно ясно и осмысленно.

Замѣчательно, что въ числѣ слушателей мы встрѣтили весьма немногихъ обычныхъ посѣтителей концертовъ; среди нихъ едва-ли можно было встрѣтить тѣхъ, которые съ опасностью жизни добывали билетъ въ одинъ изъ абонементовъ на итальянскую оперу. Весьма желательно, чтобы Д. А. Славянскій не ограничился однимъ вечеромъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что интересъ будетъ все возрастать, а съ интересомъ и сочувствіемъ публики.

Къ этимъ словамъ прибавить слѣдуетъ и отзывъ рецензента „Кронштадтскаго Вѣстника“ о впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ, прослушавъ славяно-русскія пѣсни:

Д. А. Славянскій поетъ превосходно, но метода его ничего не имѣетъ общаго съ итальянской манерой, или строгой классической музыкой Нѣмцевъ: это совсѣмъ оригинальное пѣніе, въ которомъ слышатся всѣ оттѣнки обширной славянской народности.

А вотъ первыя мысли „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу перваго петербургскаго славянскаго концерта:

Въ Петербургѣ, въ залѣ Русскаго Купеческаго Собранія, 4 апрѣля, г. Славянскій и общество славянскихъ пѣвцовъ устроили вечеръ пѣнія общеславянскихъ народныхъ пѣсень. Концертъ продолжался два часа, включая небольшіе промежутки, и удался вполне. Залъ собранія былъ полонъ. Кромѣ афишъ, продавались по 15 коп. листки съ текстомъ 25 пѣсень, спѣтыхъ въ этотъ вечеръ, на русско-мъ языкѣ, съ объясненіями неудобопонятныхъ словъ, такъ что публика, слушая пѣніе и читая эти листки, отчетливо усвоила содержаніе слышанныхъ пѣсень. За это нельзя не сказать спасибо, но было-бы еще лучше, еслибы при этомъ продавались тѣ-же пѣсни съ нотами для пѣнія и фортепiano.

Въ программѣ концерта нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ, но строго судить выборъ пѣсень нельзя. Между ними встрѣчались, напримѣръ, мало-извѣстныя у насъ пѣсни. Не доставало воинственныхъ молодецкихъ славянскихъ пѣсень. Публика неоднократно просила г. Славянскаго спѣть: „Гей Словане“— одну изъ самыхъ распространенныхъ между юго-западными Славянами пѣсень. Но г. Славянскимъ признано было это неудобнымъ и отклонено по сходству мотивовъ этой невинной и милой по содержанію пѣсни съ польскимъ повстанскимъ гимномъ. Особенно разумно было со стороны г. Славянскаго отклонить это требованіе въ день 4 апрѣля и, притомъ, послѣ „Боже, Царя храни“.

Про г. Славянскаго много писано было въ послѣднее полугодіе въ газетахъ

нашихъ и юго-западныхъ Славянъ. Онъ путешествовалъ по всѣмъ славянскимъ землямъ въ Сербіи, Венгріи, въ Тріединомъ королевствѣ, въ Богеміи и Галиціи. Вездѣ пытался онъ давать русскіе концерты и, гдѣ удавалось это, имъ оставались чрезвычайно довольны.

Г. Славянскій вынужденъ былъ преодолевать всевозможныя препятствія, потому что онъ первый изъ русскихъ пѣвцовъ попытался ознакомить Славянъ на ихъ родинѣ съ русскою пѣснью, живою и понятною для нихъ, изъ устъ Велико-русса. Но видно, что г. Славянскій занимался и самъ изученіемъ пѣсенъ юго-западныхъ Славянъ.

На концертѣ 4 апрѣля всего лучше исполнены были словацкія, чешскія и галицко-русскія пѣсни. Сербскія пѣсни исполнены были тоже удачно; но скучные, заунывные и первобытные напѣвы ихъ немного видоизмѣнились въ устахъ опытныхъ пѣвцовъ. Впрочемъ, это былъ первый опытъ, первый славянскій концертъ въ Россіи, данный г. Славянскимъ.

Г. Славянскій отправится въ Москву, гдѣ дастъ концертъ въ пользу Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, о чемъ онъ уже извѣстилъ секретаря комитета, приглашавшаго его въ Москву.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о доброй чертѣ г. Славянскаго, — помочь своимъ искусствомъ недостаточнымъ товарищамъ-студентамъ университета!

Къ этимъ словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ прибавляю слова „Русскаго Инвалида“ (апрѣль 1868 г.).

Г. Славянскій былъ первый русскій артистъ, познакомившій иностранцевъ съ русскими народными пѣснями, которыя онъ исполнялъ, даже въ русскомъ костюмѣ.

Последнее время онъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Результатъ этого путешествія вышелъ самый блестящій, и, еслибы не австрійская полиція, начавшая преслѣдовать г. Славянскаго за русскую пѣсню, видя въ немъ подосланнаго агитатора, онъ-бы познакомилъ, во всѣхъ городахъ славянскихъ, публику съ интересною для нея русскою пѣснью.

Концерты Д. А. Славянскаго въ Москвѣ, въ 1868 году, вызвали рядъ мыслей, заслуживающихъ и нынѣ вниманія всякаго истинно-Русскаго, въ смыслѣ народно-бытовомъ, челоуѣка.

Вотъ статья Н. П. Гилярова-Платонова въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“:

Не безъ мысли я отправлялся на вечеръ; мнѣ хотѣлось провѣрить по музыкальнымъ впечатлѣніямъ, насколько Русскій по рожденію можетъ быть Славяниномъ по душѣ. На свѣтѣ существуетъ много охотниковъ затаптывать наше славянское происхожденіе въ татарщину, отнимать у насъ наше кровное родство съ западными Славянами. Хотя подобное убѣжденіе исходитъ и отъ враговъ, но, какъ всякое мнѣніе, оно заставляетъ внимательнѣе оглянуться на себя,

тѣмъ болѣе, что въ насъ имѣется дѣйствительно много напускнаго, хотя съ другой совсѣмъ стороны.

Народная музыка, возстановляя народныя чувства, представлялась самымъ вѣрнымъ средствомъ повѣрки. Результатъ повѣрки долженъ былъ выразиться въ томъ, какъ откликнулось-бы русское сердце на пѣсни западныхъ Славянъ. Программа открывала доступъ къ сравненіямъ.

Вышелъ хоръ изъ восьми пѣвцовъ, раздалась дружно-подхваченная всѣми голосами чешская пѣсня: „Я семь Слованъ съ души съ тѣлемъ“ т. е. „Я Славянину душой, тѣломъ,“ — и я, Русскій, видѣвшій передъ собою все русскія лица, остался въ полной увѣренности, что въ слушателяхъ дрогнуло сердце при этихъ энергическихъ призывныхъ звукахъ. Точно кольнуло что-то немного вялую, надсидѣвшуюся надъ обломовщиной, какъ-бы усталую и мечтательную душу Русскаго, взлелѣнную на заувнвной, или безпощадно разгульной жизни. И въ Русскомъ присутствуетъ что-то въ родѣ чувства, изображаемаго величавыми звуками пѣсни, но оно почему-то затаялось въ глубинѣ души, не являясь наружу.

Память, перебирая русскія пѣсни, не находила ни одной подобной, и этотъ пробѣлъ такъ родственно замѣчался чешскою пѣснью. Казалось, что эти родственные звуки, дѣйствительно, охватили собою все пространство отъ Лаба (р. Эльбы) до Балда (Балтійское море), „а Слованъ тамъ свѣ братри ма,—говорилось въ пѣснѣ,—протожь гласамъ въ свѣтѣ цѣлемъ“. Эта пѣсня производила потрясающее впечатлѣніе.

Окончивъ подробный разборъ прочтѣтыхъ славянскихъ пѣсенъ, Н. П. Гиляровъ говорить:

Наша жизнь и наше общество такъ странно сложились. Въ самомъ отрадномъ, превосходномъ явленіи всегда найдется, что омрачить его, что рядомъ съ пріятными порывами затронетъ и желчь. Не въ одномъ только музыкальномъ отношеніи было трудно смотрѣть почти на совершенно пустую залу: были заняты 5—6 рядовъ, остальное пространство хоть шаромъ покати. Причины этого явленія различны. Съ одной стороны виновата въ томъ прелестная оперетка ^{Дочка Покла} „Дочь Покла“ въ Большомъ театрѣ съ г-жею Арто; не бросать-же абонементныхъ билетовъ, когда денегъ и безъ того много выходитъ; въ эстетическомъ отношеніи не мѣнять-же г-жу Арто на какихъ-то заѣзжихъ Славянъ, хотя то и другое чисто-антиславянскія черты. Съ другой стороны, наши Гриши, Пети, Мити, и tutti quanti, обыкновенно наводняющіе залу собранія въ тѣхъ случаяхъ, когда укажетъ имъ мода и священный обычай свѣта, проѣзжали своихъ рысаковъ въ Петровскомъ паркѣ и по улицамъ города, съ благимъ намереніемъ устроить пріятельское вечернее *partie de plaisir*.

Мы, Русскіе, не только не имѣемъ почти никакого понятія о славянскихъ пѣсняхъ и мотивахъ, но мало знакомы даже и съ своимъ національнымъ народнымъ пѣніемъ. Вотъ почему мы не умѣемъ понимать и цѣнить вполнѣ прелесть народной Русской пѣсни со всѣми ея особенностями и оригинальностями, вотъ причина, почему народная, мужицкая пѣсня вызываетъ крикъ и шумъ въ

средѣ разфуфыренныхъ людей и приходится имъ не по вкусу, кажется черезчуръ простонародною и, пожалуй, неприличною въ глазахъ тѣхъ, которыми малѣйшее какое-либо напоминаніе о народѣ, о массѣ, о томъ, что вѣка жило подъ сермягой, заставляетъ уже испытывать неприятное ощущеніе. Для полированного общества, для разныхъ свѣтскихъ денди, звучало диссонансомъ правдивое, живое выполненіе народнаго пѣнія талантливымъ Славянскимъ. Эти господа, произвольно называющіе себя высшей интеллигенціею, неспособны даже уразумѣть возможность пѣнія въ концертномъ залѣ произведеній самобытной народной поэзіи.

„Московскія Вѣдомости“ говорятъ о значеніи славянскихъ пѣсенъ:

Достоинство славянскихъ мелодій давно уже признано въ музыкальномъ мірѣ; многіе изъ знаменитыхъ композиторовъ вводили славянскіе мотивы въ свои сочиненія: чешскія мелодіи слышимъ мы въ „Донъ-Жуанѣ“ Моцарта, въ квартетахъ Гайдна встрѣчаются словацкіе мотивы, а въ двухъ квартетахъ Бетховена—русскіе; въ его концертѣ для скрипки введенъ мотивъ чешской пѣсни: „Ного, Ного vysoka jsi“; у Россини финаль въ оперѣ „Моисей“ построенъ на польской мелодіи, а въ финалѣ „Севиальскаго Цирюльника“ слышна русская пѣсня.

Въ музыкѣ народностей неславянскаго происхожденія эти чужія мелодіи звучатъ, какъ случайныя пѣсни залетной птицы. Нѣмцы и Итальянцы не слышатъ въ нихъ отголосковъ родины, не находятъ ничего общаго съ своими народными пѣснями. Русскимъ эти звуки—не чужіе. Въ мотивахъ чешскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, словацкихъ пѣсенъ, людямъ, обжившимся съ русскою народною жизнію, слышится что-то знакомое, что-то родное, какъ будто эти пѣсни были вѣкогда нашими собственными и только утратились изъ народной памяти, случайно выпали изъ нашихъ музыкальныхъ преданій: такъ глубоко проникнуты онѣ элементомъ одной общей намъ всѣмъ національности.

Г. Славянскій, знакомя насъ съ родными намъ пѣснями западныхъ Славянъ, раскрываетъ сокровищницу, изъ которой наши композиторы смѣло могутъ черпать пищу для своихъ вдохновеній, въ полной увѣренности, что все заимствованное ими будетъ вполне національно.

Это знакомство придаетъ болѣе широкое развитіе нашей музыкѣ. Въ послѣднее время у всѣхъ славянскихъ племенъ началось довольно замѣтное музыкальное движеніе, выразившееся въ повсемѣстномъ образованіи музыкальныхъ обществъ. Правда, что у южныхъ Славянъ движеніе это не было такъ сильно: тамъ музыка дремлетъ еще на первобытной, безыскусственной почвѣ и не выбралась до сихъ поръ за рубежъ народнаго пѣнія, но, тѣмъ не менѣе, музыкальные инстинкты южныхъ племенъ весьма сильны. И въ Босніи, и въ Герцеговинѣ, и въ южныхъ гористыхъ окраинахъ Сербіи, большинство населенія настолько умѣетъ владѣть гусями, что не дурно аккомпанируетъ своему пѣнію. Въ Кроаціи и Иллиріи общества пѣвцовъ группируются около центрального загребскаго общества „Коло“. Въ 1864 году былъ въ Загребѣ съѣздъ всѣхъ этихъ

обществъ. Въ австрійской Сербіи также существуетъ нѣсколько мужскихъ пѣвческихъ обществъ. Лужичане образовали общество Lumig. Въ Чехіи, гдѣ музыкальное образованіе стоитъ уже на значительной высотѣ, пѣвческія общества учредились повсемѣстно. Въ Прагѣ, напримѣръ, не трудно собрать хоръ въ 1.500 мужскихъ голосовъ. Всѣ чешскія пѣвческія общества группируются около пражскаго общества „Глаголъ“.

Распространеніе пѣвческихъ ассоціацій не только содѣйствуетъ поднятію уровня народнаго вкуса, но еще съ бѣльшимъ успѣхомъ служитъ національно-патріотическимъ цѣлямъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ въ особенности важно для славянскихъ племенъ. Имъ предстоитъ тяжелая и, вѣроятно, продолжительная борьба. Въ австрійскихъ и прусскихъ земляхъ они должны отстаивать себя отъ Нѣмцевъ, Венгровъ и Италіанцевъ, а на Балканскомъ полуостровѣ—отъ Турокъ и, къ сожалѣнію, отъ Грековъ. Разрозненные Славяне только въ нравственномъ единствѣ могутъ найти силу для предстоящей борьбы. До сихъ поръ этому единству препятствовала та взаимная отчужденность славянскихъ племенъ, которая была слѣдствіемъ ихъ исторической жизни; теперь этому единству мѣшаетъ ихъ незнаніе другъ-друга. Въ настоящее время единство славянскихъ племенъ едва-ли въ чемъ-либо сказывается слышнѣе, чѣмъ въ народной пѣсни. Слушая, одну за другою, пѣсни чешскія, русскія, сербскія, чувствуешь, что онѣ слагались въ одной средѣ, подъ вліяніемъ одного чувства, принадлежать одному народу.

Газета П. С. Аксакова, „Москва“ не менѣе интересно выясняетъ значеніе дѣла, предпринятаго нашимъ народнымъ пѣвцомъ:

Попытку г. Славянскаго ознакомить русскую публику съ народными пѣснями другихъ Славянъ нельзя не назвать счастливою во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего онъ даетъ понять намъ, что народная пѣсня составляетъ у западныхъ и южныхъ Славянъ, какъ и у другихъ образованныхъ народовъ, столь-же уважаемый предметъ почитанія, какъ и произведенія классической музыки, въ видѣ болѣе, или менѣе отвлеченныхъ симфоній и ораторій. За народною пѣснью ухаживаютъ на Западѣ: ее лелѣютъ и берегутъ для музыкальнаго сознанія, ибо очень хорошо знаютъ, что она столь-же вѣрно и живо передаетъ народный духъ и характеръ, какъ и тѣ дѣянія народные, которыя записаны въ исторіи. У южныхъ Славянъ и эти дѣянія, и пѣсни неразлучны между собой: совершающееся событіе непосредственно сопровождается произведеніемъ самообитной народной поэзіи. Само-собою разумѣется, что подмѣтить и уловить чисто-народный мотивъ во всей его чистотѣ и неприкосновенности—дѣло столь-же трудное, какъ и создать великое произведеніе въ области художественной музыки. Этимъ объясняется, почему пѣсенный мотивъ въ устахъ народа и въ устахъ пѣвцовъ, знакомыхъ съ теоріей пѣвнн, отличаются другъ отъ друга. Но это еще не даетъ права отрицать всякое достоинство у послѣдняго. Составляя лишь одно звѣно въ цѣломъ рядѣ другихъ попытокъ передать народную гармонию, всякое концертное исполненіе народныхъ пѣсенъ важно, какъ дальнѣйшій

шагъ на этомъ пути: ибо отвергать важность народной пѣсни для общественнаго воспитанія столь-же ошибочно, какъ отвергать музыку церковную, оперную, военную и т. д. Но извѣстно, что и въ этихъ сферахъ музыкальнаго искусства могутъ быть произведенія первостепенной важности. Итакъ, любовь къ народной пѣснѣ должна служить однимъ изъ существенныхъ признаковъ каждаго вполне образованнаго общества. Съ другой стороны, знакомя насъ именно съ славянскими пѣснями, прибывшее въ Москву общество пѣвцовъ вводитъ своихъ слушателей въ область родиннаго, близкаго къ намъ по своему происхожденію пѣнія. Народныя пѣсни Славянъ различныхъ племенъ, имѣя такія-же отличія, какъ самый бытъ ихъ, прежде всего напрашиваются на взаимное сравненіе и сближеніе. Каждая изъ нихъ, выражая духъ того племени, среди котораго она родилась, вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ на себѣ печать, общую всему славянскому міру, а стало быть и русскому. Что въ подслушаеете однороднаго въ пѣсняхъ нѣсколькихъ близкихъ другъ-другу племенъ, то навѣрное составляло существенный элементъ ихъ давней, первобытной музыки. Стало-быть, славянскіе народныя мотивы имѣютъ важное значеніе и для русской народной музыки.

Этими впечатлѣніями закончились московскіе концерты „нашего *перваго народнаго* артиста“, по выраженію газеты „Голось“ (апрѣль 1868 г.), и онъ возвратился къ 10 апрѣля въ Петербургъ, куда былъ приглашенъ великой княгиней Еленой Павловной; ея высочество, въ примѣръ другимъ русскимъ людямъ, вполне оцѣнила смыслъ и значеніе славяно-русской народной пѣсни и оказывала ей большое сочувствіе: этой народной пѣснѣ впервые, 10 апрѣля 1868 года, было оказано гостепріимство во дворцѣ.

IV.

Лѣтомъ 1868 года успѣхи русской пѣсни, благодаря неутомимой энергіи Д. А. Агренева, глубоко вѣрившаго въ правоту своей миссіи народнаго славяно-русскаго пѣвца,—успѣхи этой пѣсни достигаютъ значительнаго развитія; концерты его привлекаютъ все болѣе многочисленную публику и слушаются все съ бѣльшимъ восторгомъ. Въ теченіе 1868 года и до осени 1869 года Д. А. Славянскій даетъ концерты въ Петербургѣ, его окрестностяхъ, Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Вар-

шавѣ, Кронштадтѣ и другихъ городахъ съ хоромъ, какъ сказано выше, славянскихъ пѣвцовъ; въ тотъ-же періодъ и репертуаръ нашего пѣвца все болѣе обогащается народными русскими пѣснями; давая концерты, онъ не забывалъ удѣлять время для родной пѣсни, старательно разыскивалъ ее, изучалъ ее, лелѣялъ въ душѣ своей, вникая въ ея смыслъ, и чутко прислушивался къ своеобразнымъ національнымъ приемамъ народныхъ пѣвцовъ этой пѣсни въ деревняхъ и городахъ Россіи.

Въ то-же время Славянскій постепенно увеличивалъ свой хоръ, пополняя его русскими пѣвцами; наконецъ, къ осени 1869 года, онъ рѣшился отправиться въ Америку, съ хоромъ, состоявшимъ изъ 25 человекъ пѣвцовъ. Судя по отзывамъ многихъ русскихъ газетъ того времени, по поводу этой поѣздки въ Америку, нельзя не отдать справедливости громадной энергіи, съ какою рѣшился Д. А. Агреньевъ предпринять этотъ рискованный шагъ: только истинно Русскій, *цѣльный* человекъ, глубоко и крѣпко вѣрующій въ могучую силу русской бытовой поэзіи и сознающій ея чарующую прелесть, могъ рѣшиться ѣхать въ страну „расчета и денегъ“, да еще на свои трудовыя деньги, не имѣя никакихъ обезпеченій, лишь съ одной русской пѣсню и вѣрою въ ея неотразимую обаятельность, съ сознаниемъ ея *политической* невинности, и ея прелести для всякаго мыслящаго человека. Да иначе Д. А. Славянскій не могъ и сознавать народную пѣсню, ибо онъ первый, какъ художникъ, сорвалъ дѣвственный покровъ съ народной пѣсни, а потому первый-же могъ постичь ея характеръ, внутренний смыслъ и ту правду, какую она поетъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть еще одной стороны въ путешествіи русской пѣсни въ страну „цивилизаціи и прогресса“. Изъ приведенныхъ въ предыдущихъ главахъ описаній положенія, какое заняла русская народная пѣснь въ русской общественной мысли, видно, что, съ одной стороны, эта пѣсня, силою своей народности, пробудила въ умахъ русскаго общества идею объ ея политическомъ значеніи и, благодаря той-же своей силѣ, выдѣлила изъ общества людей истинно русскаго сердца и мысли, пошла на проломъ про-

тивъ традицій, въ какихъ воспитано было это общество, не признававшее дотолѣ даже возможности существованія идеи политическаго значенія народной пѣсни, и считавшее живую реальную мысль народной пѣсни лишь профанаціей отвлеченнаго поклоненія еще болѣе отвлеченной итальянской и нѣмецкой музыкѣ; съ другой стороны, та-же народная пѣсня, въ своей евангельской невинности, „не вѣдая бо, что творить“, выдѣлила изъ русскаго общества въ ряды своихъ враговъ всѣхъ тѣхъ людей, кои хотя шли до тѣхъ поръ подъ русскимъ знаменемъ, но Русскими по мысли и чувству никогда не были.

Таково было отношеніе русской мысли къ народной пѣснѣ, когда пѣсня эта заявила о своемъ правѣ гражданства. Мы видѣли, что при первыхъ своихъ шагахъ народная пѣсня должна была идти подъ руку съ итальянской аріей и французскимъ романсомъ на русскомъ языкѣ (1857—65), чтобы быть хоть сколько-нибудь сносно принятой. Затѣмъ, она сдѣлала шагъ впередъ, оставивъ за собою итальянскую арію, но взявши ея взявъ славянскую народную пѣснь; наконецъ, къ концу 1869 года она почти-что остается одна, пробуя опереться на русское національное чувство; таково было положеніе народной пѣсни передъ перспективой артистическаго вояжа въ землю *янки*, отсюда понятно будетъ, если скажу, что какъ съ первыхъ шаговъ, такъ и въ 1869 году ей былъ необходимъ *авторитетъ*, какъ средство, побѣждающее въ борьбѣ съ ограниченностью понятій русскаго общества въ смыслѣ народно-бытовомъ.

Итакъ, осенью 1869 года, Д. А. Славянскій отправился въ Нью-Йоркъ. Къ счастью для народнаго пѣвца и къ счастью русской пѣсни и ея почитателей—истинно русскихъ людей, путешествіе было благопріятно. Идея, руководившая борцомъ народной пѣсни при поѣздкѣ въ Америку, восторжествовала, а значеніе пѣсни огрѣпло.

Славянскій объѣхалъ всѣ штаты Новой Англіи, посѣтилъ югъ и западъ Америки, и всюду пѣвецъ и его хоръ были приняты восторженно.

Въ продолженіи зимняго сезона, сообщала одна изъ русскихъ газетъ, онъ далъ

болѣе 74 концертовъ, изъ которыхъ 40 свѣтскихъ и 34 духовныхъ. Въ свѣтскихъ вся труппа появлялась въ русскихъ, а въ духовныхъ—въ славянскихъ народныхъ костюмахъ; кромѣ концертовъ, онъ давалъ отрывки изъ русскихъ оперъ. Текстъ всѣхъ пѣсень обыкновенно переводился на англійскій языкъ и раздавался публикѣ. Торжественность нашихъ духовныхъ пѣнъ сильно потрясла религіозныхъ Янковъ, такъ что мѣстное духовенство говорило въ церквяхъ проповѣди противъ русской духовной музыки и тѣмъ еще болѣе подстрекало Американцевъ посѣщать эти концерты. По мнѣнію газеты „New-York Tribune“, эти проповѣди были даровымъ объявленіемъ духовныхъ концертовъ. По общей просьбѣ, г. Славянскій долженъ былъ издать нѣсколько духовныхъ пѣсень, между прочимъ, „Херувимскую“, „Плотію уснувъ“, „Отче нашъ“ и другія, а также „Боже, Царя храни“.

Не менѣе духовной музыки затронула Американцевъ за сердце и русская народная пѣсня, поразили и ихъ внезапные переходы отъ грусти къ удали и разгулу—особенность русской впечатлительной и воспримчивой природы. А какъ оцѣнили они „Эй ухнемъ“,—этотъ вопль, надрывающагося отъ тяжелаго труда, чернорабочаго! Нерѣдко вечеромъ на улицахъ Нью-Йорка раздавалась русская бурлацкая пѣсня.

Гимнъ „Боже Царя храни“ Американцы, изъ симпатіи къ русскому народу, слушали, стоя, чего даже они не дѣлаютъ иногда при исполненіи своего національнаго гимна.

Всѣ, буквально, американскія газеты отозвались сочувственно и съ похвалою русскому пѣвцу и его хору, и съ неменьшимъ восторгомъ отнесли къ русской народной пѣснѣ. Массу отзывовъ американской печати трудно было-бы помѣстить сполна; это составило-бы отдѣльный томъ; но вотъ отзывы главнѣйшихъ газетъ:

„The World (Нью-Йоркъ)“ (30 ноября 1869 г.).

Что-то буквально-единственное въ музыкальномъ мірѣ было представлено вчера вечеромъ въ *Steinway Hall* труппой пѣвцовъ подъ именемъ „Русская труппа Славянскаго“. Они появились на сцену, одѣтые въ фантастическіе, необыкновеннаго богатства, русскіе костюмы и въ живописной обстановкѣ исполнили нѣсколько славянскихъ пѣсень, подъ управленіемъ Дмитрія Агренева-Славянскаго. Пѣвецъ владѣетъ съ большимъ умѣніемъ своимъ прекраснымъ голосомъ и производитъ чудное впечатлѣніе своимъ мягкимъ тономъ въ исполненіи оригинальныхъ русскихъ народныхъ музыкальныхъ твореній. Голосъ Славянскаго—теноръ необыкновенной нѣжности и задумчивости; онъ пропѣлъ нѣсколько пѣсень своей родины съ необыкновенной увлекательностью и трогательностью, что вызывало громъ рукоплесканій.

Хоръ пѣлъ съ большой силой и плавностью. Кромѣ интереса, который возбуждается самимъ характеромъ музыки, исполненіе вызываетъ самыя теплыя похвалы. Пѣсни, исполненныя подъ аккомпаниментъ хора, произвели совершенно новое впечатлѣніе.

Славянскій артистъ высокой репутаціи, и внушает уваженіе своими музыкальными достоинствами.

Масса публики собралась привѣтствовать иностранцевъ, и всѣ были увлечены заманчивостью этого превосходнаго концерта.

„Evening Telegram“:

Концертъ въ Steinway Hall, данный Славянскимъ и его труппой вчера вечеромъ, былъ во всякомъ случаѣ радостный музыкальный шагъ. Новизна костюмовъ и волшебство музыки стоить вниманія; но мы раньше всего обращаемъ вниманіе на самый концертъ. Славянскій въ полномъ смѣслѣ слова артистъ и по внѣшности, и по чудному тембру и выработанности его голоса, затѣмъ по обширности голосоваго регистра. Исполненіе нѣсколькихъ народныхъ славянскихъ и московскихъ народныхъ пѣсенъ было превосходно. Русскій народный гимнъ, которымъ закончился концертъ, былъ замѣчательно характеренъ. Мы предсказываемъ нашимъ русскимъ друзьямъ гостепримный приемъ и большой успѣхъ въ ихъ будущемъ путешествіи по нашей странѣ.

„New-York Herald“, (30 декабря 1869 г.):

Агреньевъ-Славянскій съ чуднымъ теноромъ вызвалъ градъ аплодисментовъ исполненіемъ русской бурлацкой пѣсни. Русскія національныя пѣсни показываютъ силу музыки; несмотря на то, что все было исполнено на иностранномъ языкѣ, впечатлѣніе на публику было очевидно изъ безчисленныхъ похвалъ. Успѣхи Славянскаго обезпечены достоинствомъ русской народной музыки и ея выполненія. Насъ посѣщаетъ иногда итальянская, англійская, ирландская, французская, нѣмецкая, китайская оперы, африканская-же остается всегда, теперь-же насъ посѣтила *русская опера* — это что-то совершенно новое. Тѣ, которые не понимаютъ русскаго языка, не понимаютъ, конечно, и *русскую оперу*, говорятъ, что это нѣчто увлекательное, что-же должны сказать понимающіе?

„The New-York Times“:

Национальные костюмы Славянскаго и его капеллы—интересная, любопытная вещь. „Славянская полька“ и двѣ, или три другія хоровыя пѣсни были прекрасные образцы въ своемъ родѣ; были двѣ хорошенькія пѣсни, сильно напоминающія громкія итальянскія „*canzonetta*“, были какъ доказательство о существованіи русской школы. Исполненіе, между тѣмъ, было такъ прекрасно, что доставило удовольствіе всѣмъ и открыло новый музыкальный міръ. Славянскій одаренъ чуднымъ и очень нѣжнымъ, хорошо поставленнымъ теноромъ; особенно это было видно при исполненіи „русской бурлацкой пѣсни“.

„New-Yorker Staatszeitung“:

Русская капелла Славянскаго дала вчера вечеромъ въ Steinway Hall первый концертъ при многочисленномъ стеченіи публики.

Капелла исполняетъ только народно-русскія и славянскія пѣсни, и потому эти концерты интересуютъ любителей и знатоковъ искусства: эти пѣсни, какъ мы уже замѣтили во вчерашнемъ отчетѣ, богаты своими мелодіями, осо-

бенными своими меланхолическими, или сентиментальными оттѣнками, которые производятъ какое-то чарующее впечатлѣніе на слушателя.

„New-York Daily Tribune“:

Русская духовная музыка была болѣе прекрасна, чѣмъ оригинальна. Русская молитва Бортнянскаго—прекрасная вещь, которую весь хоръ пѣлъ съ большимъ чувствомъ.

Характеръ музыки болшею частью задумчивый и однообразный, а мелодія, хотя и изобильна, но неопредѣленна. Гармонія-же богата; вообще, исполненіе хорошо.

„Sontagsblatt der New-Yorker Staats-Zeitung“:

Дмитрій Славянскій-Агреньевъ имѣетъ превосходный теноръ; его исполненіе даетъ сентиментальный оттѣнокъ пѣснямъ, которыя исполняются капеллой. Въ общемъ хоръ отличается тонкостью, правильностью исполненія и тонкими, нѣжными оттѣнками. Сочиненія, исполняемыя Славянскимъ, безъ исключенія модная русская музыка.

„Watson's Art Journal“:

Музыка звучитъ по временамъ странно. „Русская бурлацкая пѣсня“, пѣтая Славянскимъ, была сильно аплодирована. Басъ пѣлъ полную октаву ниже, чѣмъ мы когда-либо слышали, что было весьма замѣчательно. Труппа эта заслуживаетъ полного успѣха, такъ какъ даетъ музыкальное наслажденіе своимъ необыкновеннымъ совершенствомъ исполненія, своей единственной методой и интереснымъ стилемъ.

Мелодія почти всегда нѣжная и меланхолическая гармонія, тонкая и оригинальная; вмѣстѣ это похоже на порывъ вѣтра, пролетѣвшаго съ сѣвера мимо лиственницы. Потому-то дѣіе это и вызвало такой гвалтъ аплодисментовъ. Это, конечно, лучший хоръ, какой можно слышать въ Америкѣ. Костюмы всѣ вообще вѣрны и очень характеристичны: костюмъ Славянскаго безподобенъ; женщинъ-же костюмы волшебны; но за то покрой не граціозенъ и даетъ имъ какой-то странный видъ. Сшиты-же костюмы изъ самой дорогой и драгоценной матеріи; украшенія, цѣпи, ожерелья, кокошники—замѣчательно блестятъ, и это все вмѣстѣ производитъ неподражаемое впечатлѣніе.

Все это очень интересно, такъ что всякій пожелаетъ увидать и съ удовольствіемъ будетъ вспоминать о видѣнномъ.

„The World“:

Этотъ русскій трубадуръ Агреньевъ-Славянскій въ самомъ дѣлѣ обладаетъ чуднымъ хорошо поставленнымъ теноромъ; труппа его мало понимаетъ оперу; слыша между тѣмъ превосходное пѣніе, его чудную гармонію, получаешь непонятное и странное впечатлѣніе. Переливы голосовъ и метода оригинальной сѣверной музыки, удивительное богатство и новизна костюмовъ и качества тенора Славянскаго достаточны, чтобы заинтересовать слушателей до безконечія.

„The Sun“:

Мы нашли мало схожаго съ итальянскими и французскими операми, и тѣ,

которые думают найти въ русской музыкѣ итальянскія арии, ошибутся. Первенствующій характеръ русской музыки и словъ меланхолическій. Мы думаемъ, что это отраженіе характера русскаго народа. Веселость духа—это послѣдній результатъ цивилизаціи, ее нѣтъ въ народной музыкѣ Ирландцевъ, Венгерцевъ, Поляковъ и *Русскихъ*. Все исполненіе представляетъ не только интересную новостъ, но даже новостъ съ научной точки зрѣнія. Въ теченіе двухъ часовъ русскаго концерта можно получить болѣе полное свѣденіе о костюмахъ, привычкахъ и національных чертахъ этой далекой великой славянской расы, нашихъ русскихъ друзей, чѣмъ просиживая цѣлыя недѣли надъ изученіемъ этихъ свѣденій *по книгамъ*.

„The Hartford Daily Courant“:

Несмотря на то, что слушателей не была масса, но за то все это небольшое количество были люди изъ нашего высшаго общества.

Если и было что новаго въ этихъ Русскихъ, одѣтыхъ въ чудные, полные фантазіи, костюмы, то концертъ своею прелестью отвлекъ насъ отъ этого; нельзя было желать болѣе полного и совершеннаго исполненія, съ какимъ хоръ Славянскаго исполнялъ всѣ пѣсни. Самъ Славянской обладаетъ чуднымъ, хорошо-обработаннымъ, чистымъ и гибкимъ теноромъ.

„The Daily Times“:

Слушатели были поражены восхитительнымъ концертомъ, даннымъ вчера вечеромъ въ Аллингъ-Голлѣ. Эти національныя мелодіи народныхъ пѣсней, старинныхъ народныхъ балладъ и церковныхъ гимновъ были намъ совершенно новы, и иногда даже сильно затрогивали нашу душу и сердце своею задушевностью, а въ публикѣ вызвали градъ рукоплесканій послѣ почти каждаго нумера. Это здоровое чувство Съвера столкнулось съ изнуренною поэзіей Юга, сила и чувство, противъ красоты и усталости!

Въ самомъ дѣлѣ, эти пѣсни совершенно не похожи на ту итальянскую музыку, къ которой привыкъ нашъ слухъ, и потому нужно въ нихъ хорошо вслушаться, чтобы понять, въ чемъ онѣ заключаютъ красоты музыки. Онѣ всегда пріятны и имѣютъ много выраженія натуральной гармоніи, безошибочнаго чувства и жизненности.

Теноръ Славянскаго хорошъ, очень пѣвнъ и не очень громокъ въ своихъ верхнихъ нотахъ, симпатиченъ и хорошо обработанъ. Чудный мужской теноръ! Славянской безподобенъ, какъ русскій балладный пѣвецъ, и приводитъ каждую струнку души въ замѣчательно-отрадное волненіе.

„The Evening Post“:

Самое замѣчательное—это пѣніе самого Славянскаго, который обладаетъ чуднымъ теноромъ. Повторенія были безъ конца, публика-же все не умолкала, а Славянской исполнялъ все, что его просили пропѣть. Пѣніе было очень пѣжно и до того съ выраженіемъ, что заставляло невольно плакать, или прослезиться. Мы надѣемся услышать концертъ и во второй разъ.

„The Hartford Daily Times“:

Красота хоровой музыки мужского хора; большое чувство и красота гармонии в народной русской пѣснѣ, рисующей намъ характеръ народа—все это было замѣчено нами сегодня вечеромъ. Эти концерты, какъ *явный знакъ народной культуры, замѣчательны!*

Вчерашний концертъ былъ еще много лучше и интереснѣе предыдущаго. Болѣе всего привлекъ публику своимъ исполненіемъ г. Славянской. Его прекрасный голосъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ и пріятныхъ голосовъ, какіе мы слышали. Хоръ отлично организовать.

Русскій гимнъ. Всѣми присутствующими предложено было стоять во время пѣнія русскаго народнаго гимна, но вышло какое-то недоразумѣніе въ программѣ: гимнъ уже начали пѣть, когда присутствующіе это замѣтили, и каждый ждалъ, чтобы сосѣди встали. Вышло, что только двое, или трое изъ высшаго общества встали во время пѣнія русскаго гимна, но когда-же зазвѣли американскій гимнъ, всѣ поднялись съ мѣстъ. Мы обязаны похвалить пѣвцовъ, представителей русской національности, что они замѣтили этотъ фактъ, и мы надѣемся, что когда они будутъ пѣть русскій гимнъ въ институтѣ, публика исправитъ свою вчерашнюю ошибку.

„The Evening Post“:

Мы слышали чудный русскій концертъ, аплодировали много солисту и хору и всѣ требовали повторенія; въ благодарность намъ спѣли „Живи Америка дома и на свободѣ“, по-англійски, съ большимъ эффектомъ подъ такія рукоплесканія, что хоръ былъ принужденъ повторить эту пѣсню.

„The Republican“ и „The Springfield“ говорятъ:

Духовный русскій концертъ привлекъ массу народа въ городскую залу для выраженія восторговъ русской пѣснѣ. Зала была совершенно набита нашей самой лучшей публикой. Пѣвчіе всѣ—артисты; хоръ замѣчательно исполнялъ. Многія „молитвы“ замѣчательно сходны между собой въ тонѣ и въ движеніи. Пѣсни дышали оригинальною меланхоліей. Было похоже, какъ бы игралъ оркестръ,—до того звуки были чисты; языкъ пѣсенъ и гимновъ былъ мелодично пѣженъ. Жаль, что не было либретто для объясненія словъ. Это была самая возвышенная и лучшая музыка.

Больше всего понравилось публикѣ—это національный русскій гимнъ, гдѣ замѣчательные баси этой труппы болѣе всего выдѣлялись. Бѣдные Русскіе сильно обмануты, принимая „Америку“ за нашъ національный гимнъ, но ошибка простительна, такъ какъ у насъ нѣтъ выписаннаго гимна отъ другихъ народовъ.

Не будемъ приводить множества другихъ отзывовъ; всѣ они отличаются выраженіями восторговъ русской пѣснѣ и ея пѣвцу. Подаркамъ, оваціямъ не было конца и они были многочисленны. Однимъ словомъ, пріемъ русскаго пѣвца Амери-

канцами таковъ, что рѣдко кто изъ прїѣзжихъ и своихъ артистовъ имѣлъ подобный.

Подробности американскаго путешествія Д. А. Славянскаго и его хора чрезвычайно интересны. Объ этомъ путешествіи было много писано въ русскихъ газетахъ и журналахъ въ свое время; беремъ выдержки изъ писемъ самого Д. А. Славянскаго, напечатанныхъ въ газетѣ „Голосъ“ за 1870 годъ:

Дорога отъ Гартфорда до Спринфильда чрезвычайно живописна и оригинальна: она пролегаетъ въ ущельи бѣлыхъ скалъ, поросшихъ сверху елими, отчего и называется White Mountain Route (дорога Бѣлыхъ Горъ). За четверть часа до вѣзда въ городъ видъ измѣняется: взорамъ путешественниковъ представляются холмы, перерѣзанные ручейками, покрытые зеленью, садами, дедьями, между которыми тамъ и сямъ мелькаютъ рядами бѣлые, однообразные домики колонистовъ. Вообще, окрестности Спринфильда чрезвычайно красивы. Самъ-же городъ живописенъ со стороны рѣки Коннектикутъ, на которой онъ расположенъ. Спринфильдъ считается главнымъ арсеналомъ Сѣверныхъ Штатовъ. Въ немъ я далъ нѣсколько концертовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ духовный (sacred concert). По воскресеньямъ разрѣшены, и то не вездѣ, одни только духовные концерты, а всякое свѣтское развлеченіе считается просто святотатствомъ. Вообще, Американцы падки на все религіозное, или, вѣрнѣе сказать, здѣсь сильно развито ханжество,—суббота у нихъ полупраздникъ; въ этотъ день послѣ обѣда закрываютъ всѣ школы. По утрамъ, обыкновенно около двухъ часовъ, разряженные и разрисованные леди выходятъ прогуливаться по главной улицѣ города. Утромъ-же даются разныя представленія, поражающія отсутствіемъ мужчинъ. Кондитерскія, рестораны тоже набиты одними леди. Мнѣ кажется, субботу можно назвать праздникомъ женщинъ. Зато въ воскресенье эти-же самыя леди обречены цѣлый день скучать въ присутствіи своихъ мужей, сидя дома за чтеніемъ Библіи; утромъ и вечеромъ леди ходятъ въ церковь, гдѣ цѣлые часы проводятъ якобы въ молитвѣ.

Вообще, Американцы проводятъ воскресенье, какъ Евреи шабашъ. Во время богослуженія въ церквахъ, городъ принимаетъ опустѣлый видъ; на улицахъ ни души; магазины заперты цѣлый день; объ увеселеніяхъ нѣтъ и рѣчи. Очень рѣдко, и то въ нѣкоторыхъ городахъ, бывають вечеромъ духовные концерты. Когда я вздумалъ дать въ Гартфордѣ въ воскресенье духовный концертъ, мѣстное духовенство сильно возстало противъ этого, и даже говорило проповѣди противъ посѣщенія моего концерта. Но такъ какъ запрещенный плодъ всегда имѣетъ свою заманчивую сторону, то проповѣдь послужила мнѣ рекламою и ко мнѣ собралась масса народа. Въ воскресенье здѣсь строго запрещена продажа всякихъ спиртуозныхъ напитковъ, хотя заднимъ ходомъ можно проникнуть въ любую пивную лавочку и достать себѣ refreshment. Зато въ эти дни аптеки продаютъ въ большомъ количествѣ желудочныя настойки, что и составляетъ одинъ изъ главныхъ ихъ доходовъ. Въ будни Американецъ зашибаетъ деньги

не пренебрегая никакими средствами для достиженія цѣли; оттого эксплуатація ближняго сильно развита здѣсь, а о честности нѣтъ и помину. Воръ и мошенникъ—кто пойманъ; о человекѣ-же, который ловко надулъ и не попался, говорятъ: he is a smart fellow (ловкій), и это отнюдь не порицаніе,—напротивъ, считается какъ-бы похвалою: скорѣе каждый упрекнетъ того, кто дался въ обманъ, чѣмъ того, кто надулъ. Поэтому, каждый здѣсь держитъ ухо востро, а цѣль жизни Американца—деньги; поэтому всѣ его умственные способности, всѣ нравственныя силы направлены къ добыванію денегъ: и рабочій, и профессоръ, трудящійся надъ новымъ открытіемъ, всѣ думаютъ не столько о пользѣ самого дѣла, о нравственныхъ послѣдствіяхъ его, сколько о выгодѣ, которую можно извлечь изъ того, или другого дѣла.

Занятые подобнымъ образомъ, Американцы не имѣютъ времени обращать вниманіи на то, чтѣ не прямо относится къ дѣлу каждаго: оттого объявленія и вывѣски дѣлаются здѣсь бросающимися въ глаза. Чего-чего не придумаютъ здѣсь, чтобы привлечь вниманіе публики. Цѣлыя заборы заклеены разными картинами, изображающими приблизительно то, о чемъ публикуютъ. Приѣзжаешь ли въ городъ артистъ, онъ тотчасъ даетъ знать о себѣ публикѣ, выставяя, гдѣ только возможно, свои портреты въ различныхъ видахъ, иногда колоссальныхъ размѣровъ. Если приѣзжаетъ въ городъ труппа актеровъ, они изображаютъ на афишахъ цѣлыя сцены изъ разыгрываемой ими пьесы; выходитъ-ли новый романъ, тотчасъ берутся изъ него главные сцены, которыя, разрисованныя яркими красками, тоже являются на заборахъ. Сверхъ того, на улицахъ слоняются люди въ костюмахъ, заклеенныхъ съ головы до ногъ объявленіями, мальчишки на главныхъ улицахъ суютъ вамъ въ руки разныя рекламы, карточки, объявленія, даровныя газеты. Однажды я былъ пораженъ, встрѣтивъ на улицѣ двухъ мужчинъ, завернутыхъ въ шкуры, и только тогда, когда они оба сунули мнѣ въ руки по объявленію, я понялъ, что костюмъ ихъ—реклама о лекціяхъ одного профессора, недавно вернувшагося изъ Гренландіи и читающаго о полярныхъ странахъ. Ѣздить по улицамъ и экипажи, на которыхъ устроены будки съ афишами и вертящіяся колеса, выбрасывающія безчисленное множество маленькихъ объявленій направо и налево. Подъ ногами, на тротуарахъ, на ступенькахъ лѣстницъ, вы тоже читаете разныя рекламы. Здѣсь никакое дѣло не можетъ пойти безъ рекламы.

По приѣздѣ въ Америку, я долженъ былъ нанять себѣ, по здѣшнему обыновенію, одного агента и еще секретаря. Должность агента состоитъ въ томъ, что онъ ѣздитъ впередъ за недѣлю до прибытія артиста, дѣлаетъ объявленія въ газетахъ, слѣдитъ за разноской и расклейкой афишъ, нанимаетъ помѣщеніе для концерта, приготовляетъ квартиру артистамъ и т. п.,—словомъ, агитируетъ. Секретарь-же ведетъ всѣ денежныя дѣла, разсылаетъ билеты для продажи, провѣряетъ кассу, ведетъ переписку, заключаетъ условія. Эти господа взимаютъ съ артистовъ подать по 75 дол. въ недѣлю каждый, что составитъ около 800 руб. на обоихъ въ мѣсяцъ. Мой агентъ началъ свои дѣйствія съ того, что потребовалъ отъ меня мою карточку въ русскомъ костюмѣ, и вообразите мой ужасъ, когда я черезъ нѣсколько дней послѣ этого увидѣлъ русскаго цар-

ни, нисколько не похожаго на меня, раскрашеннаго самыми яркими цвѣтами и красующагося на всѣхъ заборахъ. Подпись огромными буквами: „The great Russian tenorist D. Agreneff Slaviansky“, не оставляла никакого сомнѣнiя, что это былъ мой портретъ. Дѣлать нечего, надо было покориться и вспомнить нашу русскую пословицу: „съ волками жить, по-волчьи вить“.

Мнѣ рассказывали, что два года назадъ, одинъ докторъ сдѣлалъ въ Нью-Йоркѣ фокусъ слѣдующаго рода: заготовивши безчисленное множество какихъ-то пилюль, онъ въ одно прекрасное утро взумалъ прокатиться по улицамъ Нью-Йорка въ экипажѣ, запряженномъ четвернею лошадей, покрытыхъ попонами съ надписями о чудесныхъ пилюляхъ. Самъ докторъ сидѣлъ на особо устроенномъ, возвышенномъ мѣстѣ, одѣтый весь въ черное платье. На головѣ у него была черная шляпа съ широкими полями; изъ-подъ шляпы падали на плеча черные доковы. Во время ѣзды, онъ поворачивалъ направо и налево свое блѣдное лицо и томнымъ взглядомъ обводилъ толпившуюся вокругъ его колесницы публику. Сзади его работала машина, выбрасывающая объявленiя, въ которыхъ описывалось чудесное свойство изобрѣтенныхъ докторомъ пилюль и говорилось, что достаточно принять одну только пилюлю, чтобы получить исцѣленiе отъ всевозможныхъ болѣзней. Въ этихъ-же объявленiяхъ было сказано и о мѣстѣ склада этого цѣлебнаго состава. Послѣ трехмѣсячной торговли этими пилюлями докторъ купилъ себѣ многоэтажный домъ въ самой аристократической улицѣ (5-th. Avenue) въ Нью-Йоркѣ, отдѣлалъ съ необыкновенною роскошью магазинъ свой и office (контора) для приѣма больныхъ. Проходя мимо этого дома, можно и теперь часто видѣть блѣдную, худую, высокую фигуру доктора-шарлатана, сидящаго у окна съ книгою въ рукахъ. Другой господинъ ѣздитъ по городамъ и возитъ по улицамъ въ стеклянномъ ящикѣ живую рыбу, продавая въ огромномъ количествѣ въ пузырькахъ, будто-бы, ея жиръ, и тоже составилъ себѣ состоянiе.

Въ настоящее время въ Бостонѣ показывается и привлекаетъ массу народа окаменѣлый человѣкъ-гигантъ (the petrified man—the Onondaga Gigant). Смѣлый антрепренеръ этого дѣла, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, разослалъ изъ Сиракузъ (штата Нью-Йорка) по всѣмъ Соединеннымъ-Штатамъ объявленiя объ открытiи имъ въ окрестностяхъ этого города окаменѣлаго человѣка, приглашая ученыхъ и физиологовъ прiѣхать и убѣдиться въ дѣйствительности этого факта. Конечно, многiе ученые поѣхали туда изъ любознѣтства, и вскорѣ въ разныхъ газетахъ появились статьи о petrified man. Хотя ученые положительно опровергали возможность окаменѣлости человѣческаго тѣла и доказывали, что фигура сдѣлана изъ обыкновеннаго мрамора, что видны даже слоевыя жилы, несмотря на это, Американцы бросались смотрѣть на это чудо, наполняя карманы ловкаго спекулятора. Однажды на желѣзной дорогѣ мнѣ пришлось разговариваться съ моимъ сосѣдомъ, и я узналъ, что онъ ѣдетъ издалека въ Сиракузы для того только, чтобы посмотреть окаменѣлаго человѣка. „Неужели вамъ не жаль бросить 50 долларовъ на эту поѣздку, когда вы заранѣе можете рассчитывать, что это ни что иное, какъ humbug (шарлатанство)?“ — „Я готовъ бросить 50 дол.,—отвѣчалъ Американецъ,—если это дѣйствительно petrified man,

и не пожалѣю 100 дол., если это humbug: мнѣ тогда будетъ интересно по-смотреть, какъ онъ сумѣлъ такъ ловко надуть публику!“

Гигантъ этотъ показывается въ особо нанятомъ помѣщеніи, въ которомъ устроена палатка, вмѣщающая въ себѣ не болѣе ста человекъ. При входѣ въ эту палатку, очень слабо освѣщенную, вы видите огромную человѣческую фигуру въ лежачемъ боковомъ положеніи. Ноги фигуры немного согнуты въ колѣняхъ; одна рука лежитъ на животѣ, другой вовсе не видно. Положеніе фигуры дѣлаетъ на васъ, дѣйствительно, впечатлѣніе человека, умершаго въ корчахъ. Вокругъ фигуры устроена рѣшетка, и каждому посѣтителю позволяется быть maximum пять минутъ. Несмотря на столь короткое время, вы ясно видите, что фигура изъ мрамора, и только не можете дать себѣ отчета, почему скульпторъ далъ ей такое странное положеніе: трудно себѣ вообразить, что она дѣлалась самимъ скульпторомъ для подобнаго обмана. Смѣшнѣе-же всего, что съ мѣсяць назадъ явился конкурентъ съ подобнымъ-же окаменѣлымъ человекомъ, объявивши, что его petrified man настоящей, а первый поддѣльный. Это еще болѣе понравилось Американцамъ и они бросились на новую штуку; тотъ и другой аферисты имѣютъ громадный барышъ, и меня увѣрили, что у нихъ составилъ уже капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ.

Несмотря на страшное мошенничество, кредитъ здѣсь огромный. Если васъ только знаютъ за трудящагося человека, вы можете отлично начать какое угодно дѣло, хотя-бы, на примѣръ, открыть гостинницу, достать нужное серебро, мебель на первое время, провизію—все это въ кредитъ, изъ-за вѣры въ способность и трудъ человека вообще. Новое дѣло не сопряжено здѣсь съ хлопотами: вамъ не нужно просить ни у кого разрѣшенія, не надо ни кланяться, ни держать экзаменъ. Сегодня вы задумали устроить что-нибудь, завтра заказали вывѣску—открыли магазинъ, швейную, школу, гостинницу и т. п., и дѣло кончено. Дѣло самой полиціи уже придти къ вамъ и получить съ васъ небольшую подать. Конечно, вслѣдствіе этихъ свободныхъ вывѣсокъ есть много злоупотребленій. Самозванцы доктора безнаказанно могутъ морить людей, профессорами называютъ себя люди, не получившіе вовсе высшаго образованія. Такъ, одинъ Нѣмецъ изъ Россіи объявилъ въ Нью-Йоркѣ, что онъ будетъ читать лекціи нѣмецкаго и русскаго языка, и въ этихъ объявленіяхъ, равно какъ и на вывѣскѣ, повѣшенной передъ его квартирой, наименовалъ себя знаменитымъ профессоромъ главныхъ въ Россіи университетовъ. Однажды, зайдя къ этому профессору, я лично убѣдился въ его шарлатанствѣ, такъ какъ почтенный ученый едва могъ поздороваться со мной по-русски. Въ отвѣтъ на то, что подобныя злоупотребленія должно преслѣдовать, у Американцевъ есть мудрое правило: къ чему запрещать подобныя вещи закономъ, когда они и безъ того наказываются невыгодою браться за чужое дѣло?

Сегодня здѣсь положительно русскій морозъ, окна въ домахъ замерзли, термометръ показываетъ 12° ниже нуля, народъ не ходитъ, а бѣгаетъ по улицамъ. Недостаетъ только снѣгу, который, впрочемъ, лежалъ здѣсь болѣе 10 дней и доставилъ Бостонцамъ великое удовольствіе покататься на саночкахъ. Вообще же, здѣсь климатъ ужасно непостоянный, переходы отъ тепла къ холоду необык-

новенно быстры, и поэтому здѣсь свирѣйствуютъ горловыя и грудныя болѣзни. Въ докторяхъ недостатка нѣтъ; есть одна большая улица Harrison Avenue, заселенная положительно одними докторами: на всѣхъ домахъ красуются докторскія дощечки и вывѣски. Несмотря, однако, на подобную конкуренцію, цѣны за докторскій визитъ очень возвышены: *minimum*—пять долларовъ. Впрочемъ, Бостонъ славится своею дороговизною: это аристократическій городъ, а извѣстно, что въ Америкѣ только и есть одна аристократія денежная.

Путешествіе артиста въ Америкѣ закончилось; весною 1870 г. Д. А. Агреньевъ-Славянскій вернулъ обратно въ Россію, совершивъ далеко большее дѣло въ смыслѣ культурномъ, чѣмъ какія-бы то ни было дипломатическія сношенія: пѣснею русской сблизилъ Америку съ Россіей.

V.

Въ 1870 году весною концерты русской пѣсни становятся уже настолько популярными, что въ Петербургѣ, напри- мѣръ, на гуляньяхъ въ Таврическомъ саду концертная зала, вмѣщавшая въ себя до 10.000 лицъ, была полна; билеты были распроданы еще за день до концерта.

Тою-же весною начинаютъ впервые появляться статьи, критически разбирающія народную пѣсню, но уже не съ точки зрѣнія, отвергающей народную пѣсню и не признающей ее, какъ заслуживающее вниманія музыкальное цѣлое, но критика истинно-русскаго чувства и души, желающая еще большей полноты, изъ любви къ этой пѣсни, какъ серьезному нравственному фактору въ жизни русскаго общества. Въ Москвѣ въ томъ-же году русская народная пѣсня является на русскую эстраду уже вполне самостоятельно и начинаетъ собирать вокругъ себя все мыслящее русское общество; является мысль о дальнѣйшемъ упроченіи средствъ для развитія бытовой поэзіи, появляется, можно сказать, цѣлая литература; какъ обращеніе всесторонняго возбужденія мысли, я приведу отрывки нѣкоторыхъ статей русской печати, которыя тѣмъ болѣе интересны, что въ цѣломъ составляютъ почти трактатъ *о народной пѣснѣ*.

Лучше и глубже всѣхъ понялъ великое дѣло Д. А. Славянскаго редакторъ-издатель „Современныхъ Извѣстій“ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, помѣстившій нѣсколько выдающихся статей о русской народной пѣснѣ и ея интерпретаціи. Вотъ отрывки изъ этихъ статей, которыя сокращать приходилось поистинѣ съ болью сердца, до того увлекателенъ этотъ замѣчательный русскій мыслитель.

Слушая концерты г. Славянскаго, говоримъ рѣшительно: „Общество любителей народнаго пѣнія должно быть“. Публики у г. Славянскаго бываетъ много и по нѣкоторымъ признакамъ можно судить, что въ большинствѣ именно это не та обыкновенная публика, присяжная посѣтельница общественныхъ зрѣлищъ. Стало-быть, элементы, изъ которыхъ общество могло-бы составиться, готовы; состоятельность общества упрочена. Восторгъ, съ которымъ принимаютъ русское пѣніе г. Славянскаго, неотступно заставляя его повторять прошлое, доказываетъ то-же. Стало-быть, дѣло за починомъ.

Г. Славянскій показываетъ вполне, что можно сдѣлать изъ русской пѣсни. Владѣя необыкновенно-обработаннымъ и гибкимъ голосомъ, онъ въ совершенствѣ передаетъ особенное выраженіе, каждой пѣсни свойственное, и кромѣ того въ совершенствѣ постигъ то общее выраженіе, которое свойственно русскому народному пѣнію, отличительно отъ всякой другой музыки и отъ всякой другой національности. Эта ширь и даль безконечная, это постепенное замираніе и, повидимому, совершенное исчезаніе звуковъ—и вдругъ снова разливъ въ необъятную широту... Впрочемъ, читатели понимаютъ, о какой особенности русскаго пѣнія мы говоримъ, и эта-то особенность передается г. Славянскимъ превосходно. Мы говоримъ о г. Славянскомъ, не говоря о его хорѣ. Но на хорѣ его, исполнявшемъ впрочемъ удовлетворительно, всего яснѣе видно опять то-же, что для русскаго пѣнія нуженъ свой, особенный хоръ. Хоръ, составленный изъ привыкшихъ къ другому пѣнію, никогда не въ состояніи „передать“ русской пѣсни, хотя пропоеть ее безукоризненно. Въ чемъ тутъ сущность, не беремъ объяснять, не принадлежа къ числу специалистовъ, но у привычнаго къ церковному пѣнію русскаго пѣнія всегда отзывается ирмосомъ, у хориста—опернымъ пѣніемъ. На этотъ разъ въ хорѣ, когда приходилось ему передавать русскіе звуки, выходило не то, чего-бы желалось отъ русскаго пѣнія.

Въ числѣ пѣсней исполнялись нѣкоторыя съ аккомпаниментомъ голосовъ; живые голоса исполняли обязанность инструментовъ и отзывались хоромъ созвучными нотами: очень оригинально и эффектно, но слишкомъ искусственно и, по правдѣ сказать, даже ложно. Человѣческое горло есть высшій въ мірѣ инструментъ, и на всякомъ инструментѣ лежитъ обязанность подойти, сколько возможно, къ голосу; чѣмъ ближе онъ подойдетъ, тѣмъ совершеннѣе, а не наоборотъ. То будетъ уже искаженіе: эффектъ для оступившихъ нервовъ, угожденіе гастрономическому вкусу, предпочитающему тронувшіяся лица свѣжимъ.

Говоримъ это не въ осужденіе г. Славянскому. Съ публикой тоже надо счи-

таться. Давать пѣніе безъ инструментальнаго аккомпанимента храбро: можетъ быть, снисходя къ требованіямъ эффекта, которыхъ нельзя не предположить въ публикѣ, г. Славянскій нашель пужнымъ ввести эту особенность въ свой концертъ. То-же, должно быть, руководило его и въ составленіи кадрили изъ русскихъ пѣсень. Последнее немного даже больно; тутъ, какъ будто, скрывается рекомендація: „вотъ-де, что такое русскія пѣсни; изъ нихъ можно даже составить всѣ фигуры кадрили“. Это даже выкинемъ; оно недостойно русской пѣсни; ей не пристало смиряться предъ кадрилинымъ ничтожествомъ, а тѣмъ болѣе занскивать предъ нимъ. Сказали-бы мы и самому г. Славянскому, что онъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько преувеличиваетъ выраженіе, именно въ нижегородской свадебной пѣсни, въ послѣднемъ двоестивіи; пѣніе переходитъ въ чистое рыданіе. Это едва-ли вопліть по-русски, хотя, надобно отдать справедливость, исполнено было истинно мастерски. Мелодія сама по себѣ, и притомъ соединенная съ глубоко-значущими словами, сказывается достаточно; прибавленіе къ ней жестикуляціи голоса скорѣе даже вредитъ, отнимая цѣну у выраженія, которое важно именно по глубинѣ. Было бы это въ природѣ Итальянца; но сѣверный человѣкъ любитъ слову и звуку дать самостоятельное значеніе безъ излишней добавочной помощи со стороны мимики, особенно голосовой-же. Впрочемъ, и тутъ, вѣроятно, опять счетъ съ привычными вкусами публики.

Можно-ли составить, и притомъ въ непродолжительное время, чистый русскій хоръ, не беремъ судить. Но какое впечатлѣніе произведено было-бы его чистымъ, безприкраснымъ, торжественнымъ пѣніемъ, и, притомъ, когда-бы оно исполнено было съ тѣмъ выраженіемъ, которое такъ необыкновенно хорошо передается самимъ г. Славянскимъ! Что было-бы, напримѣръ, еслибы бурлацкое „Ухнемъ“, исполненное г. Славянскимъ соло, пропѣто было цѣлымъ хоромъ, и притомъ съ этою постепенностью замиранія, которая такъ живо изображаетъ вамъ постепенно удаляющуюся лямку, и звуки, болѣе и болѣе уходяшіе въ необъятную ширь пространства,—эти звуки съ этими словами, ничего, повидимому, не выражающими, не заключающими никакого осязательнаго содержанія, повидимому, даже совсѣмъ бессмысленными!.. Но сколько здѣсь смысла, какое богатство содержанія, какая глубина выраженія! „Разъ да разикъ, еще разъ! Ай да—да, ай да, ай да! Ой, ухнемъ, ой ухнемъ! Завьемъ березку, завьемъ да кудрявую!“ Вотъ и все: но цѣлая подробная картина, цѣлая отрасль быта вырастаетъ предъ вами внезапно съ своимъ безмѣрнымъ трудомъ. Тянется лямка по безконечному берегу, по землѣ еще не сохшей отъ половодья; ноги вязнутъ; видѣются березки кое-гдѣ — опушка берега, или предшественницы лѣса, скрывающагося за горизонтомъ. Не до того тутъ, чтобы думать, нечѣмъ развлечь и воображенія,—надобно тащить; и тащить надобно, какъ ни тяжело, подспаривая лишь себѣ работу однимъ возможнымъ взаимнымъ поощреніемъ къ дружному напряженію: „ой ухнемъ, еще разъ, да разикъ, еще разъ! ай да—да, ай—да, ай—да! Завьемъ березку, да кудрявую“... А тамъ, вдали, едва видно, приподнимается вамъ сзади и вся тяжелая лямка, которую тянетъ русскій человѣкъ и тянулъ во всей исторіи, тою-же мѣрною поступью идя, тою-же одушевляя себя безропотною покорностію призванію; тотъ-же и въ

исторіи горизонтъ безъ конца, та-же тягость труда, то-же одиночество множества, то-же единственное подкрѣпленіе взаимнымъ самопоощреніемъ къ еднородушію.

Стоитъ прослушать эту пѣсню (да еще пѣсня-ли она?!), а еще болѣе стоитъ ее пропѣть хоромъ, съ тою торжественною художественностью, какой она заслуживаетъ.

Можно даже сказать, что русская пѣсня поддерживаетъ не только нравственныя, но и физическія силы народа; воображаемъ себѣ эффектъ, еслибы г. Славянскій вдругъ огласилъ залу собранія речитативами *русскія быльи*, напр. про Илью Муромца, или цари Грознаго Ивана Васильевича. Но, можетъ быть, это и случится; будемъ ждать. Г. Славянскій призванъ не только доставлять случайное удовольствіе публикѣ, но и осмысливать русскую пѣсню и воспитывать русское общество въ національныхъ, музыкальныхъ интересахъ. Много публики собирается на „Русскіе концерты“. Шумныя рукоплесканія встрѣчаютъ появленіе г. Славянского на эстрадѣ, еще болѣе шумныя сопровождаютъ каждую пропѣтую имъ пѣсню. Тутъ видится и сочувствіе публики дѣлу русскаго хорового пѣнія, и радушный пріемъ Москвичей Москвичу, дорогому гостю, и громкій привѣтъ таланту, заслуженная дань даровитому народному пѣвцу. Пѣсни хора тоже сопровождаютъ рукоплесканіями, но, казалось намъ, менѣе шумными и относившимися болѣе къ концертанту, чѣмъ къ хору; въ этомъ отбѣнкѣ рукоплесканій звучала скорѣе благодарность публики артисту за начинъ, за любовь, за стремленье въ дорогомъ ей *возникающемъ дѣлѣ*; скорѣе ободреніе ему, нежели одобреніе хору. Тѣмъ не менѣе, спасибо и имъ, пѣвцамъ и любителямъ, за доставленную долю удовольствія: „Мы дружно на враговъ“, „Ай Дунай-ли мой, Дунай“, „Не бушуйте-ка вѣтры буйные“, „Пойдѣ-гонемъ“ — чешская полька, и еще нѣкоторыя, были спѣты безукоризненно хорошо, — но и только; той души, того пошибу русской пѣсни, которые воплощены въ г. Славянскомъ, въ пѣніи хора не слышалось.

.....
Странно! какъ согласить съ одной стороны концертъ г. Славянского и сочувствіе къ нему публики, а съ другой семейно-драматическіе вечера „Вспомогательнаго Общества, находящихся на службѣ въ Москвѣ, лицъ“, гдѣ исполненіе на французскомъ языкѣ? Объявленіе объ этихъ вечерахъ гласитъ, что семейно-драматическихъ вечеровъ, съ исполненіемъ на французскомъ языкѣ, будетъ четыре въ недѣлю, а съ исполненіемъ на русскомъ—два. Что же это: для упражненія во французскомъ языкѣ? Не такъ-бы грустно становилось, еслибъ это были остатки старинны; подумаль-бы: ну, само-собою пройдетъ, и скоро не будетъ этой смѣси; но вѣтъ, это только начало, новое заведеніе. Въ нѣмецкомъ клубѣ, напримѣръ, гдѣ большинство членовъ Русскіе, тоже затѣваются драматическіе вечера, исполненіе—на нѣмецкомъ, въ Артистическомъ Кружкѣ—на французскомъ.... Да гдѣ-же мы будемъ слушать русскую рѣчь? Въ театрахъ?... И тутъ Большой театръ цѣлую недѣлю занятъ итальянскими операми да балетами, въ которыхъ выдѣляются какіе-то непонятные прыжки. Остается одинъ Малый театръ.

Среди всего этого насъ освѣжило родное пѣніе; г. Славянской, какъ будто, прорвалъ завѣсу, скрывавшую отъ насъ русскаго человѣка, русскій духъ; блеснулъ свѣтлый лучъ сквозь непонятный, но давящій насъ туманъ чужеземлаго. Только посреди жизни на насъ неприятно повѣяло мертвециной и напомнило Итальянцевъ, когда г. Славянской пропѣлъ „Когда-бъ я зналъ...“

Велѣдствіе какихъ причинъ наше общество, все, начиная сверху и до низу, средина особенно, живетъ и дома и внѣ, особенно внѣ, слишкомъ грубою, почти животною жизнію, доказать весьма нетрудно: стоить указать на необыкновенное множество процвѣтающихъ гостинницъ съ номерами для пріѣзжающихъ, набитыхъ погибшими, хотя и милыми созданіями; страшное развитие картежной игры; пьянство и обжорство притомъ; переполненные по вечерамъ трактиры, гдѣ есть инструменты, передразнивающіе музыку,—машины; извѣстные переулки, гдѣ въ каждомъ домѣ тоже гремитъ музыка по цѣлымъ ночамъ. Это средній слой. Выше—опять то-же: карты, клубы и окончаніе вечера въ чужомъ домѣ. Ниже—грязные трактиры, пивныя, кабаки, съ гармоникой, шарманкой и хриплымъ пѣніемъ 10-ти копѣечныхъ примадоннъ.

Итакъ, всеобщій развратъ (бросить семью, или не имѣть ея—развѣ не развратъ?), сопровождаемый музыкою, непрерывно,—вотъ вечернее времяпровожденіе генерала, кунца, чиновника и рабочаго. Прекрасная Елена съ Парисомъ выше-ли стоитъ нашего Ваньки съ Танькою? Хуже-ли дѣйствуетъ шарманка на своихъ слушателей, чѣмъ оркестръ, исполняющій, хоть-бы и въ театрѣ, наркотическую музыку? Всего намъ навезено изъ Парижа: и шляпъ, и парикмахеровъ, и юбокъ съ живыми манекенами, и ночей, превращенныхъ въ дни, и купленную семью на часъ, и музыку, бросающуюся въ носъ, и оперетку, не позволяющую плѣшивому старичку, не только унитанному кучицѣ, доѣхать до домашней перины,—всего прислалъ намъ Парижъ. Одного не выслалъ намъ Парижъ: *сознанія самихъ себя* во всемъ. Французъ и самъ только веселится, а раскается, оглянувшись назадъ онъ неспособенъ. Для Француза нѣтъ чистаго поведѣльца: ему вѣчная масляница. Французъ съ своей цивилизаціей и потребностями сейчасъ тотъ-же, какимъ былъ при Людовикѣ XIV. Измѣнились только формы. Мы измѣняемся; идемъ впередъ. Противъ этого трудно возражать. Но наше золотое, родное, двигаясь впередъ, должно-ли пустить въ своемъ шествіи впереди себя чуждое? Слѣдуетъ-ли намъ шагать впередъ подъ звуки французскаго марша и слушаться нѣмецкой команды? А мы слушались и слушаемся. Довольно.

Развитіе искусствъ и степень углубленія ихъ въ массы должны служить доказательствомъ способности народа, племени, къ дальнѣйшему развитію. Музыка есть духовнѣйшее изъ искусствъ; она служитъ лучшимъ мѣриломъ духовной стороны народа.

Укажите мнѣ народъ въ цѣломъ мірѣ, который-бы создалъ такія безграничныя мелодіи, какъ народъ русскій? Нѣмецъ имѣетъ нѣмецкое, Французъ—французское, Англичанинъ—англійское, Итальянецъ—итальянское. А Русскій не ударитъ въ грязь лицомъ ни въ первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, да кромѣ того имѣетъ свое, родное, да такое, что не укладывается въ англо-

франко-итальянско-нѣмецкомъ чердакѣ. Въ ширь-ли, въ глубь-ли, въ высь-ли, въ даль-ли,—всюду хватить звуковъ, вырвавшихся изъ русской груди. А въ церковной музыкѣ наши наѣвы уносятъ не искусственностью, а внутреннимъ, глубокимъ смысломъ, даже за предѣлы осязаемаго, чувственнаго міра, въ міръ иной, лучшей.

Къ сожалѣнію, народъ нашъ рѣдко сталъ слышать родные звуки, даже въ храмахъ, а публика, должно полагать, вовсе не слышитъ ихъ. Есть у насъ консерваторія, но она, такъ сказать, занимается чистой картофеля на французско-нѣмецкой музыкальной кухнѣ для заморскихъ кушаний. Поставлена она на аристократическую ногу и лакомитъ избранный фортуною кружокъ, оставаясь чуждою настоящей, русской Москвѣ. Сдѣлала-ли она и дѣлаетъ-ли что нибудь для народа? Нѣтъ. И слава Богу! Лучше ничего, чѣмъ-бы навязала чужое. Почему-бы при консерваторіи не открыть практическаго, народнаго класса русскаго пѣнія? Вздоръ, [что нѣтъ у насъ голосовъ! На итальянщину не хватаетъ иногда, а къ родному скопится, найдется. Въ Москвѣ зарождается стрѣлковое общество. Неужель не будетъ въ Москвѣ пѣвческаго общества? Родная пѣсня еще болѣе мѣткости придастъ стрѣлкамъ.

Пишу это подъ впечатлѣніемъ выслушаннаго вчера концерта г. Славянскаго. Вотъ вамъ лучшей истолкователь русской пѣсни въ настоящее время. Всѣ отъѣнки чувствъ: грусти-ли, веселья-ли—передаются имъ съ неподражаемою правдою и сердечностью. По поводу указанной мысли объ учрежденіи общества русскаго пѣнія, родившейся подъ впечатлѣніемъ концертовъ г. Славянскаго, одинъ изъ любителей народнаго пѣнія, соглашаясь съ вопросомъ о важности народныхъ пѣсень, извѣщаетъ, что нашлось въ послѣднее время довольно любителей, которые задались непремѣнною мыслию приступить въ распространеніи народнаго пѣнія къ самому дѣлу, собралось не менѣе 40 человекъ, но, не имѣя опредѣленнаго мѣста, производили свѣчки въ частныхъ домахъ у того и у другаго; но дѣло такъ не могло долго продолжаться. Въ прошломъ сентябрѣ хоръ любителей, уже окрѣпшій, единогласно рѣшилъ предложить Московскому Дворянскому клубу, чтобы онъ принялъ подъ свое покровительство распространеніе хорового пѣнія. Но клубъ взглянулъ на это дѣло совершенно съ несимпатичной любителямъ точки зрѣнія. Личности, не имѣвшія понатя о нашемъ хорѣ, и никогда его не слыхавшія, распространили слухъ, что хоръ совершенно не годенъ. Одинъ-же изъ представителей клуба даже сказалъ: „Пусть хоръ проноетъ намъ что-нибудь, когда мы будемъ обѣдать, и тогда мы рѣшимъ, принять его подъ свое покровительство, или нѣтъ. Вѣроятно, Дворянскій клубъ полагалъ, что хоръ любителей—, „что-то въ родѣ хора цыганъ, или пѣсенниковъ“. Такъ покровительствуютъ представители московскаго дворянства распространенію нашего роднаго пѣнія!! Ужели, еслибы репетиція, допустимъ, оказалась плохую, неудачною, то она доказала-бы представителямъ клуба, что распространеніе въ Москвѣ русскаго хорового пѣнія заслуживаетъ презрѣнія?

Удивляемся удивленію г. Любителя. Ужели онъ ждалъ иного пріема? Члены клуба, безъ сомнѣнія, должны были представлять русскихъ пѣвцовъ, или подъ видомъ цыганъ, или въ образѣ Кузьки и Машки. Еслибы дѣло шло до итальян-

скихъ арій, то, разумѣется, и представились-бы Альфонсъ и Элеонора, тутъ и отношенія, конечно, другія—совершенно обратныя. Послѣ такого отказа, съ грустью направились любители къ другому клубу — къ Московскому Артистическому Кружку. Ужъ кто, какъ не Артистическій Кружокъ, долженъ покровительствовать подобному начинанію?—И дѣйствительно, онъ позволилъ любителямъ производить сѣвки въ своихъ залахъ. Въ продолженіи двухъ недѣль хоръ любителей достигъ до 70 человекъ, цифра весьма достаточная для организаціи хора. Любители горятъ желаніемъ поскорѣе достигнуть цѣли: тратятъ и время, и деньги; каждую сѣвку посѣщаютъ аккуратно.

Такъ хоръ любителей русскаго народнаго пѣнія образовался. Онъ заявилъ о своемъ существованіи въ одномъ музыкальномъ вечерѣ Артистическаго Кружка, бывшемъ 1 ноября. Онъ доказалъ, какъ велики его силы и какую надежду подаетъ онъ въ будущемъ, если общество сумѣетъ поддержать его.

Особенно обратило наше вниманіе сочувствующее письмо Русскаго по происхожденію и музыканта, который высказалъ мнѣніе, дающее крѣпкую и вѣрную основу вопросу, охраняя въ немъ русскую народность.

Изъ сказанныхъ нѣсколькихъ словъ о концертѣ г. Славянскаго можно заключить, что русская публика сочувствуетъ русской пѣснѣ и желаетъ улучшенія оной посредствомъ науки. Остается просить желающихъ принять прямое участіе въ устройствѣ „Московскаго русскаго общества народнаго пѣнія“ заявлять о таковомъ. Мы всѣ заявляемъ готовность по возможности, какъ лично, такъ и матеріально, принять соучастіе въ образованіи общества.

Итакъ, были единокіе голоса въ пользу народнаго хороваго пѣнія; теперь слышатся заявленія отъ кружковъ, даже есть цѣлый проектъ объ образованіи общества русскаго народнаго пѣнія. Итакъ,

Потребность несомнѣнна.
Готовность очевидна.
Польза неоспорима!—

восклицаетъ покойный Гилларовъ-Платоновъ, прибавляя, что онъ проситъ чести приписаться въ числѣ первыхъ къ учредителямъ этого общества, и въ заключеніе выражаетъ надежду, что гг. составлявшіе проектъ устава не откажутъ намъ въ дозволеніи обнародовать его главныя черты, чтобы выясненіемъ цѣли оправдать еще болѣе побужденія къ созданію общества и затѣмъ испросить общаго совѣта на подробности.

Самое главное теперь: не разъединяться, а смыкаться,—смыкаться въ одной мысли, которая должна двигать всѣми любителями народнаго пѣнія. Эта мысль—вывести русскую пѣснь изъ загона, въ которомъ она прячется, просвѣтить ее,

осмыслить, распространить и дать въ ней средства къ честному развлеченію и вмѣстѣ развитію общественному, на началахъ народныхъ.

Эта полная зала, этотъ шумный, единодушно-восторженный пріемъ и одобреніе — окончательно убѣждаютъ насъ, что дѣло русскаго пѣнія становится на твердую почву, завоевываетъ давно принадлежащую ему область. Въ этой залѣ собравшаяся русская семья привѣтствовала не талантъ концертанта, не искусство отборнаго хора, — нѣтъ, въ лицѣ г. Славянскаго привѣтствовалась родная, несравненная пѣсня, эти душу щемящія напѣвы, звуки и звуки безъ конца, то мягкіе, нѣжныя, то жалобныя, тоскливыя, то вдругъ бурныя, грозныя, мощно васъ охватывающіе и несущіе съ силой невидимо куда-то въ даль необозримую...

Только слѣдуетъ снова попросить г. Славянскаго избавить насъ на будущее время отъ романсовъ, хотя-бы они пѣлись гг. Развивановыми и даже безъ нѣмецкаго акцента... Для романсовъ пускай будутъ свои мѣста и свои концерты. Вкусъ къ русскому пѣнію, вообще, распространяется. Въ магазинахъ спрашиваютъ русскихъ сборниковъ: примѣта добрая. А еще болѣе пріятно слышать, что, какъ сказывали намъ, даже въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ русская пѣсня начинаетъ получать права гражданства. Начальница одного изъ женскихъ учебныхъ заведеній и начальника одного изъ мужскихъ просили, какъ мы знаемъ, г. Славянскаго снабдить ихъ русскими пѣнями изъ его репертуара. Починъ, достойный полнаго уваженія! Помимо церковнаго пѣнія, за которымъ по праву должно быть оставлено первое мѣсто, къ какому-же, въ самомъ дѣлѣ, пѣнію приучать молодыхъ людей?

Нѣкто г. И. Г. вспоминаетъ свои впечатлѣнія отъ пѣнія г. Славянскаго, и вмѣстѣ даетъ въ той-же газетѣ нѣсколько замѣтокъ о значеніи, вообще, національныхъ пѣсенъ и объ отношеніи композиторовъ къ исполнителямъ и наоборотъ. Г. И. Г. пишетъ:

Не удивляйтесь члену консерваторіи изъ Нѣмцевъ, если онъ ушелъ изъ концерта г. Славянскаго *). Нѣмцу, дѣйствительно, противна наша русская пѣсня; противна въ простомъ ея нарядѣ, въ лаптяхъ, въ рубахѣ на распашку, съ лямкою, и одѣтая, принаряженная въ сарафанѣ и въ той увлекательной русской формѣ, въ какую облакаетъ ее г. Славянскій, какъ драматическій пѣвецъ. Нѣмцу также противна французская, итальянская, какъ непонятная испанская пѣсня. Выполнить ни одну изъ нихъ онъ не въ состояніи. Но онъ не такого былъ-бы мнѣнія о народныхъ пѣсняхъ, и объ испанской въ особенности, еслибы послушалъ г-жу Вольбини на домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ, когда она поетъ національныя испанскія пѣсни.

Нѣмецъ въ музыкѣ требуетъ прежде всего вѣрности чистоты звука и занимательной разнообразіемъ гармонизаціи. Отъ музыки вокальной и инструмен-

*) Объ этомъ случаѣ рассказано ниже.

тальной онъ требуетъ, чтобъ она была ясна и красива своею сущностью, помимо драматическаго таланта исполнителя. Отъ музыки онъ требуютъ не народности, а характера достигаема всякой народности, называя свою музыку общечеловѣческой. Они—симфонисты, хористы, органисты, а не солисты. Исполнители, по ихъ мнѣнью, своимъ музыкальнымъ образованіемъ не усиливаютъ впечатлѣніе отъ сочиненія, а дѣлаются способными понять и передать желаніе композитора, который старается быть выше исполнителя, тогда какъ въ другихъ пьесахъ и пѣсняхъ исполнитель и можетъ, и долженъ быть выше композитора.

И для Русскихъ своя музыка была непонятной до г-жи Билибиной, Воробьевой и Шашиной. Г-жа Билибина, являсь на эстраду въ одно время съ графиней Росси (Зонтагъ), произвела потрясающее впечатлѣніе на публику русской музыкой.

Русскіе, оцѣнивая текстъ пѣсни, нисколько не заботились о собраніи и сохраненіи напѣвовъ; такъ поступали г. Сахаровъ, Кирѣевскій и имъ подобные, издавая пѣсни безъ пѣнія. Русская пѣснь была тайной до г-жи Билибиной. Эту тайну проясняетъ г. Славянскій своимъ исполненіемъ, одинъ и цѣлымъ хоромъ. Я слышалъ его въ Нѣжинѣ и никогда не забуду, какъ самаго исполненія, такъ и значенія для русской музыки г. Славянскаго, поучающаго, какъ нужно исполнять русскія пѣсни, музыку съ характеромъ русской народности.

Возмутительно теперь даже читать презрительный отзывъ чей-то о Славянскомъ, въ средѣ почитателей его, собравшихся для наслажденія. Подобные-же отзывы мнѣ приходилось слышать во время представленій „Жизни за Царя“ Глинки и „Русалки“ Даргомыжскаго. Но то были не члены консерваторіи, не чиновники изъ Нѣмцевъ, а иностранцы, прибывшіе искать и доказывать первенство своей музыки. Они говорили, что отъ русской музыки пахнетъ кнутомъ, сѣгомъ и пустыней. А хотя-бы и такъ: значить она очень выразительна, выразительнѣе пустыни Давида.

Въ вѣрности замѣчаній г. Г—а можно согласиться,—говорить по этому поводу Н. П. Гиляровъ.—Въ разницѣ отношеній исполнителя къ композитору, какихъ требуетъ ученая, и по преимуществу нѣмецкая, музыка, и какія преобладаютъ въ пѣсняхъ, созданныхъ цѣлыми народами, находится, намъ кажется, даже ключъ къ объясненію явленія, которое приводитъ въ недоумѣніе и досаду всѣхъ записывающихъ народную музыку. Ея пѣть вѣрно записанной; это фактъ общественный и повторяется не съ одной русскою пѣснью. Помнимъ, ученый египетской наполеоновской экспедиціи, записывавшій въ Каирѣ и Александріи мелодіи разныхъ восточныхъ національностей, жаловался на то-же самое, на что жалуются и всѣ списатели нашихъ пѣсень. Пѣсня въ народѣ поется ничуть не одинаково; даже одинъ и тотъ-же пѣвецъ повторить предъ списателемъ ту-же самую пѣсню иначе, нежели пропѣлъ ее-же полчаса назадъ. Это-же и французскимъ ученымъ замѣчено было за Арабами, Греками и, вообще, всеми разнообразными поющими племенами, какихъ отыскалъ онъ въ Египтѣ.

Французскій ученый объяснил замѣченное имъ явленіе „восточностью“, что на языкѣ ученаго граничитъ съ первобитностью, или дикостью. Нѣкоторые изъ русскихъ записывателей склоняются, слышали мы, объяснять эти разницы въ передачѣ тоже нетвердостью въ пѣніи, которая часто сбиваетъ даже съ тона. Последнее иногда можетъ быть вѣрнымъ, но не тутъ главная причина, а въ томъ, что пѣвецъ изъ народа всегда есть не просто воспроизводитель, но отчасти и творецъ: къ основному мотиву онъ прибавляетъ украшенія, распространяетъ его по своему личному вкусу; каждый разъ иначе, по вдохновенію, но всегда въ предѣлахъ, требуемыхъ ладомъ и законами созвучія. Иначе не можетъ и быть. Подобное явленіе повторяется отчасти даже въ самомъ текстѣ пѣсень, который также, хотя и менѣе, видоизмѣняется. Пословица: „изъ пѣсни слова не выкинешь“ относится къ соблюденію размѣра, и затѣмъ пѣвецъ свободно расправляется съ словомъ. Отсюда на одинъ напѣвъ одна пѣсня, но съ вариантами въ словахъ; а то и разные, иногда — даже составныя, причѣмъ и самая мелодія видоизмѣняется. Объясненіе все то-же: свобода, съ какою въ народномъ творчествѣ движется и слово и звукъ въ преемственномъ переходѣ отъ лица къ лицу и поколѣнія къ поколѣнію. Покойный Стаховичъ замѣтилъ это явленіе, даже намѣревался распредѣлить напѣвы русскихъ пѣсень по семействамъ и подвести каждое къ основнымъ типамъ и, такъ сказать, мотивамъ-прародителямъ. Ранняя кончина не дозволила ему выполнить своего намѣренія; но при дальнейшей разработкѣ матеріала, безъ сомнѣнія, придутъ другіе ученые къ той-же мысли и доведутъ ее до конца: отыщутъ первые типы, отдѣлятъ отъ вторичныхъ формаций, и въ этихъ послѣднихъ отдѣлятъ въ каждой пѣсни основное, неизмѣнно держимое каждымъ пѣвцомъ, отъ тѣхъ украшеній и распространеній, которыя прилагаются личнымъ вкусомъ, свободою вдохновенія и, отчасти, средствами голоса.

Иначе—въ музыкѣ ученой, которая всегда есть личное произведеніе, и потому-то исполнитель здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ г. И. Г., рабъ композитора и, добавимъ, рабъ, дѣйствительно никогда не возвышающійся до творца. Онъ есть чтець, не болѣе, тогда какъ исполнитель народной музыки есть ораторъ, самостоятельный въ оборотахъ рѣчи, хотя и произносимой по общему плану, заранѣе данному, и съ даннымъ содержаніемъ.

.....

Идетъ отголосокъ г. Славянскому, и притомъ его московскимъ концертамъ: изъ Красной Руси, изъ Австрійской державы! Съ особеннымъ сочувствіемъ отзывается угорскій корреспондентъ газеты „Слово“ на мысль объ устройствѣ Общества любителей русскаго пѣнія; онъ даже призываетъ австрійскихъ Русскихъ отозваться на этотъ призывъ. Для большинства русской публики, имѣющей привычаніе разсуждать, авторитетъ все значить. Еслибъ еще оставались мыслители, которые, по преувеличенному уваженію къ произведеніямъ европейскихъ маэстро и по пренебреженію къ народнымъ произведеніямъ своей земли, продолжали-бы отвергать необходимость въ специальномъ основательномъ изученіи русскихъ пѣсень, тѣмъ пусть послужатъ поученіемъ хотя разсужденія русскихъ людей изъ

Австріи, которые къ Моцарту и Бетховену стоятъ во всякомъ случаѣ ближе насъ Русскихъ въ Россіи.

Одна изъ новыхъ пѣсень, пѣтая Славянскимъ, „Матушка, что во полѣ пыльно“— произвела на многихъ даже потрясающее дѣйствіе художественностію и глубиною содержанія и необыкновенно драматичнымъ исполненіемъ. Въ немногихъ стихахъ и немногихъ звукахъ вылился фактически весь ужасъ „подневольно вѣнчаемой“.

Замѣчательно, что и хоръ теперь почти узнать нельзя; хоръ воспитался; поетъ несравненно живѣе, свободнѣе, осмысленнѣе, „проникновеннѣе русскимъ духомъ“, позволимъ себѣ такъ выразиться.

Особенностями внѣшнего концерта, отличавшими его отъ прежнихъ, были, между прочимъ, двѣ пѣсни, взятія изъ старыхъ русскихъ временъ, и еще—черногорская пѣсня, сочиненіе черногорскаго князя Николая. Одна изъ старыхъ: „Свѣтѣль мѣсяцъ“, „И у батюшки дочка была“, взятая г. Славянскимъ изъ изданія „Каликъ переходжихъ“ и пропѣтая соло, необыкновенно замѣчательна и напѣвомъ, и содержаніемъ, и взаимнымъ соотвѣтствіемъ напѣва съ содержаніемъ. Но исполнена была пѣсколько не смѣло, хотя по обыкновенію, какъ все исполняемое г. Славянскимъ, отчетливо и драматично.

Опасался-ли пѣвецъ за впечатлѣніе, предлагая публикѣ этотъ родъ пѣсень въ первый еще разъ? Опасеніе напрасное!

Пѣсня, сочиненная княземъ орловъ-Черногорцевъ, заслуживала восторженнаго приѣма и по самой мелодіи, и по исполненію. Слова ея замѣчательны какъ своею художественною формою, такъ и представляемымъ ими политическимъ интересомъ. Вотъ они:

Онамо, онамо!... за брда она,
Говоре да је разорен двор
Мојега цара;— онамо веле
Био је негда јуначки здор.—

Онамо, онамо!... Да виђу Призрен;
Та то је моје—дома ћу дођ;
Старина мило тамо ме зове:
Ту морам едноћ оружан пођ.

Онамо, онамо!... Са развалина
Дворова царских врагу ћу реч:
„С огништа милог бјежи ми куго,
Зајам ти морам врачати већ!“

Онамо, онамо!... За брда она,
Казују, да је зелени гај,
Под ким се дижу Дечани свети:
Молитва у њих присваја рај.

Онамо, онамо! за брда она,
Де небо плави савија свод;
На српска поља, на поља бојна,
Онамо, браћо, спремајмо ход!

Онамо, онамо!—за брда она,
Погажен коњама кликуе Југ:
„У помоћ децо, у помоћ синца,
Свести ме старца, свет ви е дуг!“

Онамо, онамо!—сабли ја стара
Негова ребра да тушим рез
По турским ребрим;—да бједне раји
Ном истом с руку разседам вез—

Онамо, онамо!—за брда она
Милошев кажу пребива гроб:
Онамо! покој добићу души,
Кад Србни више не буде роб.

Переводъ этой пѣсни таковъ:

Туда, туда!... Тамъ за горами,
Есть, говорятъ, разрушенный дворець
Царя былого моего: тамъ, по рассказамъ,
Сбирались нѣкогда юнаки-молодцы.

Туда, туда!... Да вижу Призрень:
Тамъ все родное, я приду въ свой домъ.
Туда зоветь любезная мнѣ древности:
Мой долгъ—идти съ рукой вооруженной.

Тамъ, тамъ... Съ развалинъ царскихъ
Дворовъ врагу я буду говорить:
„Прочь съ милаго огнища, прочь, зараза!
Я отплачу тебѣ взаимно весь мой долгъ!“

Туда, туда... Тамъ, за горами,
Есть, говорятъ, зеленый лѣсъ:
Подъ тѣнью висится святой пріютъ Дечана,
Молитва въ немъ приобрѣтаетъ рай.

Туда, туда, гдѣ, за горами
Свиваетъ небо сводъ свой голубой,
На сербскія поля, на поле боевое,—
Туда направимъ шагъ свой, братья!

Туда, туда, гдѣ за горами,
Изъ-подъ коней, растоптанный взываетъ Югъ:
„На помощь, дѣти! Сынovie, на помощь!
Отмстите старика, вамъ мнѣнье—долгъ!“

Туда, туда!... За стария за ребра
Богдановы иступимъ остріе

По ребрамъ Турокъ: и съ рукъ бѣдной раи
Сей самой саблей цѣпи разсѣчемъ!

Туда, туда!... За тѣми за горами,
Есть слухъ, тамъ Милошу насквозь пронзаютъ гробъ:
Туда! Я обрѣту покой своей душѣ,
Когда нашъ Сербъ рабомъ быть перестанетъ!

Стоить, чтобъ Москва откликнулась поэту-композитору: „Туда!“

Пѣсню эту прислалъ артисту самъ князь Николай именно съ цѣлю узнать мнѣніе Москвы о ней. Уже это одно стоитъ, чтобъ мы отнеслись къ ней съ особенною внимательностью. Но, помимо личности творца, мелодія сама по себѣ такова, что съ нею не идутъ въ сравненіе всѣ другія славянскія пѣсни, какія ни исполнялись доселѣ въ Москвѣ хоромъ г. Славянскаго. Въ этомъ „Онамо“ не слышишь ни чешскаго, ни хорватскаго, не сербскаго, ни тѣмъ менѣе русскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ не причислишь его къ западнымъ произведеніямъ: эта величавая торжественность есть именно славянская, и не только просто славянская, но всеславянская,—другаго выраженія прибрать не умѣемъ.

Не лишнее замѣтить, что юго-славянскія пѣсни встрѣчаются публикою съ большимъ сочувствіемъ; сербскій гимнъ (воинственнаго содержанія) просили даже повторить,—что мы относимъ къ сочувствію, возбужденному теперь во всѣхъ слояхъ общества къ страданіямъ Герцеговинцевъ.

Пріемъ, оказанный г. Славянскому, возлагаетъ на него обязанности. Говоримъ не объ обязанности услаждать, а объ обязанности послужить, и пригомъ, вообще, русскому обществу, въ той спеціальности, которою онъ, къ счастью, такъ хорошо владѣетъ. Къ чему такъ сочувственно отнеслась публика, и притомъ безъ различія классовъ? Просто-ли къ искусству пѣвца, пріятному голосу, хорошему выраженію? Отчасти да; но это сочувствіе относилось болѣе всего къ выраженной хорошо именно русской пѣсни. Короче сказать, сочувствіе *Москвою оказано г. Славянскому тенденціозное*. Направленіемъ своихъ одобреній публика тотчасъ-же вырѣзала изъ программы этихъ русскихъ концертовъ, что считала не русскимъ. Не повторялись ни кадрили, исполняемые хоромъ, ни романсы, исполняемые самимъ пѣвцомъ (хотя исполнявшіеся положительно превосходно), очевидно потому, что самъ артистъ увидѣлъ, чего ищетъ публика. Она ищетъ *русскаго тѣмья*; романсовъ и арій она слышитъ достаточно отъ другихъ; здѣсь требуетъ инаго, очаровываясь тѣмъ, что мелодіи, столь ей извѣстныя, облекаются для нея въ новый смыслъ, котораго она не ожидала, которымъ она поражается, признавая въ немъ, тѣмъ не менѣе, не новое что-либо, а именно то самое, что она и безъ того знала, но знала безотчетно; она благодарна артисту за новое, болѣе ясное выраженіе русской пѣсни, за ея художественное истолкованіе.

Въ этомъ состоитъ заслуга г. Славянскаго,—не знаемъ, ожиданная-ли для него самого; его концерты дали толчокъ, и жаль было-бы, еслибы на этомъ остановилось. Сочувствіе, пробужденное къ русскимъ мелодіямъ, можетъ также быстро угаснуть, какъ быстро и сильно оно пробудилось. Теоретическія изслѣ-

дованія не способны поддержать его, не способны его даже возбудить снова: для массы нужно прежде всего художественное исполненіе; мастерство въ исполненіи привлекаетъ ея вниманіе и на то, что исполняется. Скоро-ли по крайней мѣрѣ у насъ будетъ общество, или даже общества хороваго пѣнія?—Нѣтъ, надо слѣшнить своимъ началомъ прежде, чѣмъ успеетъ потухнуть пробуждающійся вкусъ. А дѣла много впереди, помимо простаго, бессознательнаго услажденія родными звуками. Собрать народныя мелодіи изъ всѣхъ мѣстностей, переложить, сличить между собою и съ произведеніями другихъ національностей; выяснитъ ихъ особенность, какъ мелодій, и поискать закона ихъ гармонизаціи; раскрыть зависимость мелодіи отъ содержанія пѣсней и отъ самыхъ словъ и, обратно, зависимость особенностей народно-русскаго стихотворенія отъ мелодій; затѣмъ изученіе историческое и теоретически-критическое.

Это по части музыкальной науки и, въ частности, музыкальной этнографіи, которая въ свою очередь связывается съ этнографіей вообще, и съ физиологіей сравнительной и общей въ частности. А кромѣ того еще практическая работа въ смыслѣ народо-образовательномъ: вести народъ чрезъ искусство, и безъ того имъ любимое, и чрезъ формы ему свычныя; далѣе и выше, видѣется народный театръ въ формѣ концертовъ. Могутъ быть составлены цѣлыя обширныя произведенія исключительно изъ народныхъ-же пѣсень, только при искусномъ ихъ сочетаніи и развѣ съ очень немногими дополненіями. Цѣлый курсъ исторіи можетъ быть преподаанъ рядомъ пѣсень. Картина русскаго народа, со всѣмъ ея разнообразіемъ и со всѣми переходами, просится быть изображенною опять чрезъ пѣсню, которая не оставила ни время года, ни разнообразій климата, ни атмосферическихъ переменъ безъ того, чтобъ ихъ не воспѣть. А быть? Начиная отъ родинъ, свадебъ, похоронъ, вся жизнь семейная, промышленная и жизнь общественная въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, жизнь духовная, наконецъ,—все воспѣто: куксы готовы лежать въ неисчислимомъ множествѣ, они только ждутъ зодчаго, который-бы сложилъ изъ нихъ и, притомъ, не одно цѣлое, но нѣсколько цѣлыхъ обширныхъ произведеній,—называйте ихъ, какъ угодно, драмою, или оперою. А здѣсь начало цѣлаго курса народо-образовательнаго, столь обильнаго послѣдствіями дальнѣйшаго развитія, что ихъ ни предвидѣть, ни исчислить нельзя...

Концерты г. Славянскаго, на которыхъ поются, между прочимъ, чешскія пѣсни и наши былины, даютъ поводъ сказать объ этихъ пѣсняхъ и былинахъ нѣсколько словъ. Извѣстный изслѣдователь по части музыкальной археологіи, докторъ Амброшъ, раздѣляетъ чешскія пѣсни на двѣ категоріи: на духовныя и свѣтскія. Первыя носятъ на себѣ отпечатокъ церковной музыки, и самыя тексты ихъ большею частію духовнаго содержанія.

Музыкальный мотивъ этихъ пѣсень—всегда величавый и большею частію заунывный. Мелодіи-же свѣтскихъ чешскихъ пѣсень неизмѣнно веселыя. Кромѣ того, по изслѣдованію этого ученаго, старочешскія мелодіи, какъ свѣтскія, такъ и духовныя—всѣ построены не болѣе какъ на девяти послѣдовательныхъ нотахъ, и никогда не выходятъ изъ этихъ предѣловъ. Тѣ-же чешскія пѣсни, что сло-

жились въ народѣ, или сочинены въ позднѣйшее время, всё заунывны, служатъ какъ-бы отголоскомъ угнетавшей Славянъ неволи, или грустнымъ воспоминаніемъ о ихъ прежней свободѣ. Этотъ характеръ позднѣйшихъ западно-славянскихъ пѣсень весьма непонятенъ; трудно предположить, чтобы въ музыкальномъ выраженіи мыслей и чувствъ угнетеннаго народа сложилось что другое, какъ не жалоба, стѣваніе, сожалѣніе. Кромѣ того, чешскія народныя мелодіи позднѣйшаго періода уже не стѣсняются предѣлами девяти нотъ.

Старославянская пѣсня „Боже муй“ принадлежитъ къ числу пѣсень, сочиненныхъ еще въ XVI столѣтіи. Въ ней слышатся энергическій и мрачный протестъ, хотя она и имѣетъ воинственнаго и удалаго характера. Въ ней слышится отдаленная гроза народной бури, которая готовится въ угнетенномъ и не видимъ передъ собою исхода племени.

Былевая пѣсня о Чурилѣ. Давно уже былины сдѣлались предметомъ вниманія ученыхъ, давно вошли въ составъ учебниковъ исторіи русской литературы, но до сихъ поръ никто не слышалъ ихъ напѣвовъ; между тѣмъ, живой голосъ столѣтнихъ пѣвцовъ, вѣщающихъ подобныя старины молодому поколѣнію, даетъ особенный, глубокой смыслъ, какъ историческому, такъ и поэтическому ихъ значенію. Несложны ихъ мелодіи, но онѣ поразительно отвѣчаютъ смыслу разсказа, даютъ понять силу главной мысли и главнаго слова, въ самомъ пѣвцѣ обличаютъ сознаніе знатока благо и величіе художника. Впрочемъ, не всѣ былины поются на одинъ ладъ; почти для каждой изъ нихъ существуютъ особые речитативы. Изученіе этихъ речитативовъ, несомнѣнно, принесетъ огромную пользу русской наукѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, русскому обществу; оно не только можетъ содѣйствовать уясненію русскаго эпоса, но можетъ пролить особый свѣтъ на характеры русскаго народнаго стихосложенія. Замѣтимъ, что эта былина существуетъ въ разныхъ пересказахъ: здѣсь она взята въ ея первоначальной основѣ.

Общедоступный концертъ г. Славянскаго въ Экзерциргаузѣ былъ блистательнымъ торжествомъ русской народной пѣсни и вмѣстѣ величественнымъ выражителемъ глубокаго сочувствія къ ней русской груди и русскаго сердца; больше 20.000 собралось слушателей; достовѣрно, что не одна тысяча еще, хотя порывавшаяся, не пошла; не могли протѣсниться даже нѣкоторые изъ хора и изъ оркестра; пѣсни повторялись по два и по три раза; приемъ былъ неизмеримый; единодушные голоса добренія превращались въ стонъ неопи- санный; визовамъ артиста не было конца. Скажемъ, однако, что манежъ слишкомъ громаденъ и не отвѣчаетъ условіямъ акустики; къ тому-же огромная масса народа, и притомъ въ одеждѣ, еще болѣе препятствовала разливаться звукамъ, какъ-бы желательно было. Пѣсни, исполненныя нѣжныхъ переливовъ, — не вполне удалась. Несмотря на многочисленность хора, онъ казался еще недостаточнымъ, и самъ г. Славянскій вынужденъ былъ, кажется, особенно напрягать голосъ, отчего пѣніе выходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ не такъ эффектно, какъ въ залѣ. Вообще, впрочемъ, пѣсни, особенно пропѣты хоромъ

при содѣйствіи оркестра, исполнены были превосходно. Замѣчательно, что даже „Былина о Чуриль“, несмотря на то, что содержаніе ея для многихъ неизвѣстно, была принята замѣчательно хорошо. Въ первый разъ исполненная „Дубинушка“ вызвала такой восторгъ, который почти мѣшалъ даже исполненію. Послѣ каждаго куплета поднимался взрывъ рукоплескавій и буквально—ревъ одобренія.

Отъ многихъ, бывшихъ на концертѣ, слышались выраженія желанія, чтобы г. Славянскій въ будущіе разы печаталъ текстъ всѣхъ пѣсень, назначенныхъ для концерта, и продавалъ ихъ вмѣстѣ съ афишами. Содержаніе пѣсень, а тѣмъ болѣе былинъ—необходимо знать для пониманія самыхъ напѣвовъ.

Чѣмъ менѣе удовлетворенъ манежъ условіямъ акустики, тѣмъ громаднѣе въ нашихъ глазахъ заслуга пѣвца-артиста: стоя на дальнемъ концѣ 30-ти копѣечныхъ мѣстъ, можно было внятно слышать каждое слово соловыхъ пѣсень, тогда какъ крики одобренія съ заднихъ рядовъ до артиста не доносились; сознавая неспособность своего голоса, въ заднихъ рядахъ публики кидала вверхъ шапки, чтобы увидалъ артистъ, въ доказательство, что и они его, по-своему, цѣнятъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти задніе ряды восторгались не силой голоса пѣвца только, но и долетавшею до нихъ душою пѣсень: то пѣжными, то бурными родными переливами.

Нельзя не отдать справедливость и перелагателью-исполнителю былинъ: изъ мертвой буквы сборника Кириши Данилова эта сѣдая древность ожила, воскресла подъ перомъ, и въ устахъ пѣвца-композитора раздались чудные забытые звуки съ издавна впервые въ сердцѣ Руси, въ Москвѣ Бѣлокаменной.

.....

Два послѣдніе концерта, данные г. Славянскимъ въ зданіи Экзерциргауза, заслуживаютъ быть разсмотрѣнными не въ смыслѣ концерта, а въ смыслѣ *общественнаго явленія*. Два концерта, сряду данные, съ одной и той-же программой, и до 40.000 посѣтителей! Мы считаемъ до 40.000 не наугадъ,—и въ первый и во второй концертъ было въ каждомъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ по 19.000. Программа, какъ мы уже сказали, въ оба концерта была одна и таже до послѣднихъ мелочей. Зала была всего менѣе благопріятствовавшая впечатлѣнію; не говоря о ея непоимѣрной величинѣ, о ея ничуть не акустическомъ устройствѣ, достаточно взять въ соображеніе три обстоятельства: полъ, уснпанный пескомъ, воздухъ, наполненный испареніями до того, что временами въ залѣ носился туманъ, какъ надъ болотомъ и, наконецъ, слушатели во всемъ полномъ одѣяніи, шубахъ и шапкахъ: все соединилось, чтобы поглощать звукъ, заваливать пѣвцамъ горло. И, тѣмъ не менѣе, двадцать тысячъ слушателей, повторительно наполнившихъ залу! Время для концертовъ выбрано масляничное; часы—когда и театръ открытъ, и циркъ, и Новинское, и всевозможныя повсюду увеселенія, не считая болѣе существеннаго, хотя и домашняго развлеченія блинами: и все-таки двадцать тысячъ!.. Этого не видѣть нельзя, притворяться не замѣчающимъ даже смѣшно. Никто не собиралъ никогда у насъ такой аудиторіи, и притомъ при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. А къ нимъ на-

добно еще присоединить всеобщее молчаніе печати и нѣсколько даже прямыхъ, недоброжелательныхъ отзывовъ, притомъ со стороны лицъ, именуемыхъ *специалистами*.

Само это молчаніе и само это недоброжелательство, которому оно служить выѣскою, есть фактъ общественный, знаменательный. Въ немъ сказывается и неумѣлость мысли найтись въ новомъ явленіи, не подходящемъ подъ обычныя объясненія затверженными фразами, и—своего рода *цинизмъ неуваженія* къ обществу, вмѣстѣ съ отсутствіемъ пониманія общественныхъ движеній. Оно есть это общественное движеніе; отрицать его не можемъ, повально обвинять его въ глупости не смѣемъ. Да еслибъ оно и было неразумно, то уже по размѣрамъ своимъ является настолько почтеннымъ, что должно-бы, повидимому, смирять черезчуръ поспѣшное порицаніе: съ нимъ надобно счестся, оцѣнить его, искать изъ него выводовъ.

О пѣвцѣ и хорѣ говорили уже слишкомъ. Не станемъ повторять, что г. Славянской поэтъ хорошо. Все это нами сказано не разъ и не два. То-же намъ подтвердилось и послѣдними концертами, и болѣе всего именно этими неблагоприятными условіями, при которыхъ они даны и которыя, однако, почти не воздѣйствовали въ смыслѣ невыгоды впечатлѣнія. Но мы не хотимъ объяснить успѣха и особенно его неслыханныхъ размѣровъ исключительнымъ талантомъ пѣвца и, того менѣе,—искусствомъ хора.

„Публика“ и „народъ“,—оставимъ это дѣленіе, оно соотвѣтствуетъ другому: „интеллигенція“ и „масса“. Большинство сочувствующихъ оказалось въ массѣ; въ публикѣ—сравнительно немного.

Часть ея отнеслась, напротивъ, даже съ полупрезрѣніемъ. Это именно та часть, которая посѣщаетъ оперу и ѣздитъ въ консерваторію, увѣряетъ себя, что она восхищается оперными пѣвцами и умѣетъ слушать классическія симфоніи, даже понимать ихъ смыслъ. Она ожидала отъ концертовъ Славянскаго „композиціи“, въ русскомъ стилѣ,—можетъ быть, и готовыхъ композицій, изъ Глинки что-ли, или Сѣрова, только композиціи,—а никакъ не произведеній, которыя можно найти на улицѣ.

Это та часть публики, которая съ услажденіемъ тратится на выѣзды и на дорогіе подарки забѣжимъ артистамъ и артисткамъ на томъ основаніи, что это есть европейская *répôtée*, и что тѣмъ болѣе выразить она *баранья* подобострастія, тѣмъ она станетъ образованнѣе. Большая часть этихъ господъ и госпожъ въ искусствѣ не смыслятъ ничего, и музыкальнымъ ухомъ обладаютъ менѣе своихъ лакеевъ и горничныхъ. Но народную музыку они считаютъ долгомъ презирать, потому что имъ, къ несчастію, приходилось слышать ее только отъ Матренъ и Гавриль. Они не могутъ раздѣлить музыки отъ лица поющего, а о лицѣ производятъ оцѣнку по аттестатамъ своего рода: кто это, Федоръ, или Теодоръ? Какаа разница! А то пожалуй еще Оедька! Итакъ, изъ устъ этой-то части публики слышишь отзывы въ родѣ такихъ: „а у насъ въ Саратовѣ мужики на сѣнокосѣ лучше поютъ“. Намъ удавалось слышать такіе отзывы, и намъ пріятно засвидѣтельствовать, что трудно подыскать изреченіе, которое съ такою художе-

ственной краткостью обрисовывало-бы сразу степень и пониманіа, и умственного развитія изрекающей особы. „Въ Саратовѣ поютъ мужики лучше“: это исполнѣ возможно. Какой-же, однако, выводъ отсюда? Подразумѣваемый выводъ, котораго не договариваетъ *критикъ*, потому что для этого требуется нѣкоторое непривычное усиліе мозга, есть слѣдующій: такъ какъ это мужицкое, то я и въ лучшемъ исполненіи презираю, ибо я баринъ и Европеецъ, а не только что *отъ этого*, даже по-мужицки недостаточномъ“. Это подразумеваемое даже, по мнѣнію критика, есть ударъ смертный для исполнителя: не только поставить рядомъ съ мужикомъ, но еще ниже. Убить, убить совсѣмъ, на-поваль!

Какъ удивлялась нѣкогда подобная часть публики, когда вдругъ какой-нибудь Гакстаузенъ и даже Кюстинъ поражаются красотой русской рубахи, величавостью крестьянской позы, едва удостоивая въ то-же время высшихъ представителей нашего великаго свѣта приравнивать по манерамъ развѣ только прислугѣ французскихъ изящныхъ домовъ. Что-же тутъ требовать? Тѣмъ менѣ способны они понять, что и музыка, хотя-бы исполняемая мужицкимъ горломъ, важнѣе и замѣчательнѣе многого, чѣмъ восхищается господское ухо.

Часть публики болѣе развитая, интеллигентная не по одному названію и способная цѣнить музыку не по однимъ чужимъ аттестаціямъ, отнеслась къ концертамъ г. Славянскаго неблагоклонно, по другой причинѣ: къ исполняемымъ пьесамъ прилагались отрѣшенные требованія музыкальной теоріи, а отъ исполненія требовалось безусловной артистичности. Второму требованію концерты, съ ихъ скородѣльными хорами, естественно не удовлетворяли; а первымъ они и не задавались. Г. Славянскій желалъ, сколько мы поняли, знакомить слушателей съ народною музыкой, кака я она есть въ народѣ.

Сравнивать нужно однородное, и нужно было, или отрицать вообще умѣтность воспроизведенія народныхъ мелодій (почему однако?), или-же сравнивать ихъ, по мотивамъ, съ мелодіями народными-же другихъ націй, по исполненію — съ исполненіемъ въ самомъ народѣ. Еслибы г. Славянскій рѣшился остаться въ Москвѣ, мы дѣйствительно посоветовали-бы ему, для вразумленія многихъ, произвести это сравненіе наглядно, или, выразиться точнѣе, — „наслухомъ“. Пускай-бы исполнены были въ одномъ и томъ-же концертѣ: шансонетка французская, канцона итальянская и кака-нибудь Mein Lieber Augustin нѣмецкая, непременно народная изъ каждой національной группы, и рядомъ съ ними — народныя-же русскія пѣсни. Можно даже оказать всевозможную деликатность: избирать лучшее, что есть у другихъ народнаго. Нравоученіе было-бы высокое: мы увидели-бы дѣломъ, какою скудостью историческаго матеріала владѣютъ народы, которые однако одарили Европу классической музыкой; а съ тѣмъ вмѣстѣ увидели-бы, кака я у насъ богатая музыкальная закладка... Не говоримъ объ уверткахъ, что пѣвецъ въ первоначальныхъ концертахъ давалъ американскіе вальсы, кадрили изъ русскихъ пѣсенъ, чешскую польку съ нѣмецкимъ мотивомъ. Упреки были-бы основательны, но и то лишь относительно. Для иного кадрили представляеть право на почтеніе, въ которомъ онъ отказываетъ русской пѣснѣ, и артистъ воображалъ зарекомендовать русскую пѣсню оказаніемъ способности ея служить фигурой для кадрили.

Артистъ ошибся: оказалось въ дѣйствительности, что такихъ господъ немного, которымъ-бы нужно было представить русскую пѣсню подъ столь умѣренною рекомендаціею, и тѣмъ лучше. Что „Komm doch“ повторился въ чешской полкѣ и что славянскія произведенія „no motivamъ не оригинальны“, и въ этомъ не артистъ виноватъ. Нужно было задавать вообще вопросъ: стоило-ль, при отсутствіи оригинальности, передавать славянскія мелодіи рядомъ съ русскими? Въмѣстѣ съ другими, мы сказали-бы (и говорили) отрицательно. Но кто подвергаетъ упреку чешскую полку только за то, что она является не подъ именемъ „Komm doch“, отъ того мы будемъ ждать воспрещенія воспроизводить и „Боже Царя храни“ на томъ основаніи, что напоминаетъ тутъ и словами, и мелодіею англійскій „God save the king“. Каждый изъ двухъ гимновъ, при сходствѣ словъ и мелодій, имѣетъ свою особенность, политическую, а здѣсь имѣлись въ виду особенности этнографическія. Г. Славянскій, впрочемъ, скоро и бросилъ эту погоню за сравненіемъ славянскою этнографіей. Направленіемъ своихъ сочувствій слушатели направили артиста: они потребовали отъ него русской пѣсни, и почти ея одной исключительно; за то и награждали за нее неистовыми изъявленіями восхищенія.

Слушатели однако оказались, стало-быть, не совершенно безразборчивыми, хотя въ большинствѣ и принадлежали къ массѣ. Постоянствомъ одобренія и постоянствомъ въ выборѣ одобряемаго они сказали, что дѣйствуютъ не слѣпо, что ими руководить мысль и потребность. Что-же они тутъ дѣлили и чему искали удовольствованія? Объ этомъ стоитъ сказать подробно.

Мысли о необходимости распространенія народнаго пѣнія и устройства народныхъ театровъ, съ такою настойчивостію проводимыя, мало-по-малу начинаютъ достигать своей цѣли. Прежде всего надо отмѣтить извѣстіе, что въ Москвѣ, благодаря вліянію нѣкоторыхъ лицъ, всецѣло посвятившихъ себя изученію русской народности, сформировалось наконецъ „Общество русскаго народнаго пѣнія“. Общество это создано, кажется, на прочныхъ основаніяхъ; кромѣ обстоятельнаго устава, за его силу ручается и то, что въ числѣ его учредителей состоятъ капиталисты, которые, безъ сомнѣнія, окажутъ возможное содѣйствіе задачѣ Общества и тѣмъ навсегда свяжутъ свое имя съ исторіей народнаго пѣнія въ Россіи. Не всѣ-же между ними такіе, которые „вышли отъ народа, но никогда не были съ нимъ“! Уставъ Общества уже подписывается основателями; сущность его состоитъ въ томъ, что въ Обществѣ предполагаются частныя отдѣленія съ спеціальными задачами; отдѣленіе первое занимается собираніемъ и изученіемъ текста и мелодій народныхъ пѣсней; другое отдѣленіе организуетъ и устрояетъ пѣвческія школы, составляетъ учебныя руководства и заправляетъ музыкальнымъ образованіемъ; и наконецъ третье отдѣленіе имѣетъ своею задачею—устроить публичные концерты и содѣйствовать дальнѣйшему развитію музыкальныхъ талантовъ. Мы твердо убѣждены въ великомъ значеніи задачи Общества. Другимъ пріятнымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи служитъ рядъ общедоступныхъ народныхъ концертовъ, устраиваемыхъ Д. А. Славянскимъ. Концерты эти отличаются отъ прежде бывшихъ тѣмъ, что въ нихъ участвуютъ большіе хоры крестьянскіе, цыганскіе и солдатскіе, и ихъ пѣніе соединяется съ пляскою и хорово-

дами. Программа так поставлена, съ одной стороны, для того, чтобы показать извѣстной московской публикѣ, что народныя пѣсни и въ ихъ „мужицкомъ исполненіи“ достойны ея вниманія, а съ другой—для того, чтобы придать больше разнообразія концертамъ и отбѣнить особенности исполненія народныхъ пѣсней у Цыганъ и солдатъ. Сличеніе этихъ особенностей любознательному доставитъ не одно удовольствіе: оно наведетъ его на соображенія условій, при которыхъ видоизмѣняется и даже искажается народная пѣсня у Цыганъ и солдатъ. Изъ пѣсней, исполняемыхъ г. Славянскимъ, двѣ новыя: „Ты заря-ль моя зорюшка вечерняя“ и „Задумалъ Теренька жениться“. Между первымъ и вторымъ отдѣленіями пѣли цыганскій и солдатскій хоры. Громадное стеченіе публики служить разительнымъ доказательствомъ, какой интересъ пробужденъ въ обществѣ къ народнымъ концертамъ. Пѣніе самого артиста увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ; не разъ г. Славянскій во время самого пѣнія былъ прерываемъ взрывомъ рукоплесканій; по временамъ голоса одобренія сливались въ одинъ общій стоиць восторга, а разъ публика раздѣлилась: одна половина требовала повторенія пѣсни „Ахъ, о чемъ голубка Маша“, а другая наистово кричала „Эй ухнемъ!“ Пѣвецъ прерывалъ свое пѣніе и не зналъ, что предпринять. Цыганскій хоръ былъ принятъ очень равнодушно, чтобы не сказать больше; солдатскій — пропѣлъ нѣсколько пѣсней, изъ коихъ въ одной выражается тяжелая и продолжительная солдатская служба, а въ другихъ удалъ и разгулъ русской, широкой природы въ минуты забвенія тяжелаго горя; особенно славнымъ и пріятнымъ голосомъ обладаетъ запѣвало, но говорятъ, что у него нѣтъ теперь и половины прежняго голоса, потому-де, что „выинку любить“. Затѣмъ, выступили на сцену великорусскіе и малороссійскіе крестьянскіе хоры—съ хороводами.

По поводу этихъ доступныхъ народу развлеченій и ихъ значенія для него, мысли, въ слѣдующихъ строкахъ высказанныя, заслуживаютъ вниманія:

„Вчера, на Арбатѣ, встрѣтились съ вами два крестьянина, которые спросили насъ: „А что, баринъ, въ Пашкова домъ пускаютъ, али нѣтъ?“ Пускаютъ,—отвѣчали мы,—видите скорѣе. „А съ платами, али безъ платовъ?“—продолжали они. Тамъ узнаете, отправляйтесь. Крестьяне однако остановились и недоумѣвали, идти, или нѣтъ. „А что, Трифонъ, какъ да насъ не пустятъ?“—возразилъ одинъ изъ нихъ другому. Откуда вы, почтенные?—спросили мы ихъ въ свою очередь. „Да верстъ за 100 отсюда, дальные, батюшка“. Эта встрѣча навела насъ на слѣдующія серьезныя соображенія.

Русскій крестьянинъ, живущій даже не дальше какъ 100 верстъ отъ Москвы, такъ нерѣшителенъ и запуганъ, что боится войти и въ такое мирное учрежденіе, какъ московскій публичный музей; онъ желалъ-бы побывать тамъ и посмотреть тамошнихъ „диковнъ“, но воображаетъ еще, что его могутъ не пустить, что онъ не принадлежитъ къ числу той публики, для которой существуютъ подобныя учрежденія. Чѣмъ болѣе достойно здѣсь сожалѣнія отсутствіе сознанія законныхъ народныхъ правъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія это затаенное желаніе—побывать въ хранилищѣ русскихъ рѣдкостей и познакомиться съ замѣчательными произведеніями знанія и искусства. Намъ положи-

тельно известно, какое сильное впечатлѣніе производитъ московскій публичный музей на простой народъ: „будто мы на небѣ были, будто въ раю сидѣли“, — рассказывали череповскіе крестьяне домашнимъ про свое посѣщеніе музея. Интересно теперь знать, съ платой, или безъ платы въ самомъ дѣлѣ пускаютъ въ музей посѣтителей на пасхальной недѣлѣ? Какъ известно, въ это время бываютъ народныя гулянья, и потому естественно, что народъ по преимуществу теперь могъ-бы массами наплывать въ музей, еслибы только входъ въ него былъ бесплатный. Позволяемъ себѣ надѣяться, что просвѣщенное начальство музея приметъ къ свѣденію наше замѣчаніе, и если входъ въ музей теперь съ платой, на будущее время, въ подобныя праздничныя дни, онъ будетъ бесплатнымъ. Не говоримъ о томъ, что этого требуетъ вообще народообразовательный характеръ музейевъ; благо было-бы уже одно, что въ эти праздники меньше народа сидѣло-бы въ кабакахъ и трактирахъ. Съ этой-же преимущественно стороны достойны особеннаго вниманія и ежедневно продолжающіеся народныя концерты Д. А. Славянскаго. Не знаменіе-ли это нашего времени, что крестьянскіе парни и дѣвочки, съ своими деревенскими костюмами и пѣснями, являютъ публично на эстрадѣ, украшенной цвѣтами, предъ лицомъ и вниманіемъ московскаго общества? Мыслимо-ли подобное явленіе дѣтъ 15, или 20 тому назадъ?

Интересно было видѣть, какъ пугливо вступали на эстраду и какъ робко посматривали на публику эти парни и дѣвочки, собранные съ разныхъ подмосковныхъ деревень; не удивительно, если въ пѣніи ихъ не выдерживается надлежащей стройности; къ тому, зашѣвало—съ голосомъ слабымъ, дребезжащимъ и прерывающимся; публика, какъ будто, понимаетъ это новое состояніе хора и ободряетъ его рукоплесканіями. Воображаемъ, что будутъ рассказывать своимъ деревнямъ эти пѣвцы и пѣвицы! Здѣсь-то именно начинается истинная и живая связь деревни со столицей, крестьянства съ дворянствомъ, мужика съ баринномъ. Малороссійскій хоръ всегда встрѣчается и провожается аплодисментами; красивые костюмы, казацкій видъ пѣвцовъ придаютъ много выразительности самымъ малороссійскимъ пѣснямъ. Хоръ солдатскій въ первый разъ показался робкимъ, но потомъ являлся уже болѣе храбрымъ, одушевленнымъ и стройнымъ. Самъ г. Славянскій каждый разъ принимается съ неистовымъ восторгомъ.

Въ заключеніе, присоединимъ здѣсь одно, слышанное нами, замѣчаніе крестьянина относительно исполненія г. Славянскимъ „Эй ухнемъ“.

— „Ну, вотъ, теперь пропѣлъ въ ногу, а въ первый разъ не въ ногу“. Очевидно, крестьянинъ оцѣниваетъ пѣніе, между прочимъ, съ точки зрѣнія шага, какимъ тянутъ ляжку.

Громадная зала экзерцизгауза всякій разъ во время русскихъ народныхъ концертовъ полна! Чему-же приписать это неслыханное сочувствіе? Никто не станетъ спорить, что такого множества слушателей, считаемаго сподрядъ ежедневно едва не десятками тысячъ, не собиралъ у насъ еще никто. А сочувствіе оказано совсѣмъ не безразборчивое. Цыганскій хоръ, который выставилъ-было г. Славянскій на эстраду, ошканъ былъ немилосердно; настоящій крестьянскій

хоръ, прямо изъ деревни выписанный, принять былъ благосклонно, но не съ такимъ удовольствіемъ, какъ солдатскій. Самому г. Славянскому сочувствіе изъ-являемо было не при всѣхъ пѣсняхъ одинаковое. Инымъ рукоплескали изъ вниманія къ артисту и прекрасному исполненію; но къ другимъ, исполнявшимся не хуже и не лучше другихъ, выраженія сочувствія доходили до неистовства, требовали повторенія и готовы были слушать не *два* раза, но *сто* разъ.

Помимо благодарности пѣвцу за прекрасное исполненіе, помимо сочувствія къ роднымъ мотивамъ, публика особенно восторгается, гдѣ проносится предъ нею картина и гдѣ въ словахъ, сопровождающихъ звуки, часто несложные и незатѣйливые, встаетъ предъ нею драма. „Эй ухнемъ“, „Дубинушка“, „Гостинька“. „На Иванушкѣ чипанъ“ и, наконецъ, „Задумалъ Теренька“: вотъ что доводитъ восторгъ публики до неистовства. И въ этомъ отношеніи надо отдать честь артисту: онъ выбираетъ такія произведенія народной поэзіи, которыя поражаютъ не столько мотивами, сколько глубокимъ смысломъ, заключеннымъ въ сжатомъ образѣ, переданномъ шесть-сьмью стихами и пятью-шестью незатѣйливыми нотами. Возьмемъ въ примѣръ хотя-бы нинѣ слышаннаго „Тереньку“, въ которомъ каждое двоестіише есть цѣлая драма и въ которомъ даже однообразный припѣвъ, повторяемый послѣ каждого двоестіишия, есть тоже драма: „Или, или, или да или...“—не правда ли, что это, повидимому, и просто, и бѣдно? Но въ связи со всѣмъ текстомъ этой короткой пѣсни здѣсь слышится такая глубина раздумья, которая не высказывается цѣлыми печатными листами, если начать анализировать подробно всѣ затрудненія къ счастливому браку, предстоящія крестьянскому парю, начиная съ „тетки Домни“, которая „бранится“, и кончая женами, которыя „выше надъ мужьями стали“. Теренька становится въ тушкѣ и повторяетъ свое недоумѣвающее: „или, или, или да или...“ Итакъ сочувствіе оказывается не столько музыкѣ, и не только пѣвцу, но драмѣ, по смыслу жизни русской, художественно воспроизводимой чрезъ пѣсню и въ пѣснѣ. Въ этомъ есть заслуга г. Славянскаго, — не знаемъ, сознательная-ли, или одолженная художническому чутью отчасти, и отчасти указаніямъ публики. Въ этомъ и заслуга московской публики, можетъ-быть, опять также отчасти безсознательная сама одолженная умному выбору и прекрасному исполненію народныхъ произведеній.

Съ болѣе полною, чѣмъ когда-либо увѣренностью и настойчивостью поэтому можно воскликнуть: давайте-же скорѣе намъ русскій народный театръ,—и не просто театръ, а тѣмъ мѣнѣе театръ изъ какихъ-нибудь самодѣльныхъ, пошлыхъ правоучительныхъ пьесъ, или еще менѣе изъ чужестранныхъ балаганныхъ буффонствъ, но театръ, основою которому служила-бы русская пѣсня съ одной и русская игра, мимика,—однимъ словомъ, русская пляска съ другой стороны. Мы не безъ основанія присоединяемъ сюда пляску. Пляска русская есть тоже драма, безконечно разнообразная, и притомъ точно также неотдѣлимая отъ пѣсни, какъ сама пѣсня своими звуками не отдѣлима отъ своего текста и того бытоваго смысла, который въ ней изображается. Пляска русская еще ждетъ *для себя своего Славянскаго*. Русская пѣсня, умно выбранная изъ безконечнаго репертуара; русская пляска, умно составленная изъ безконечнаго разнообразія, къ которому способна, и умно прилаженная къ тек-

сту и къ мотивамъ—это сочетаніе будетъ не просто развлеченіемъ для народа, но школою его общественнаго воспитанія, зеркаломъ его жизни, просвѣтленіемъ его самосознанія, нитью, которая свяжетъ отбѣжавшій высшій классъ и отставшій низшій, взаимно между собою, новыми и тѣснѣйшими узами. Ободрится и вырастетъ народъ и получить новыя побужденія къ дальнѣйшему творчеству чрезъ воспроизводимыя предъ нимъ, очищенныя выборомъ и художественнымъ исполненіемъ собственыя произведенія; полюбимъ еще болѣе свой народъ и мы, отвѣденныя было отъ него рукою исторіи; освѣжимся и почерпнемъ новыя силы въ ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ; дополнить остальное взаимный обмѣнъ, но обмѣнъ на болѣе разумныхъ основаніяхъ и въ болѣе осмысленномъ видѣ, чѣмъ онъ происходитъ теперь, когда народъ подбираетъ себѣ отъ насъ романсы и арии чрезъ переднія изъ барскихъ домовъ и шарманки съ улицъ, и когда мы принимаемъ отъ него только какую-нибудь „Лучинушку“, или „Не бѣлы снѣги“—тоже чуть не исключительно чрезъ шарманки и людскія.

О другой, низшей пользѣ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ утилитарной, такъ сказать, утилитарно-полицейской, мы уже не говоримъ: то само собою. Достаточно указать даже на то, что оказалось нѣвѣрною предѣлей, и именно концертами г. Славянскаго. Мы достовѣрно знаемъ, что полиція сама поразилась необыкновенною чинностью всѣхъ этихъ пяти концертовъ, на которыхъ численность посѣтителей доходить въ сложности до сорока тысячъ, если не превосходить. Во всѣ эти пять дней изъ всѣхъ этихъ сорока тысячъ, оказалось, какъ говорили намъ лица, достовѣрно знающія, всего только шесть пьяныхъ, и ни одного буйства, которое потребовало-бы вниманія власти. Скажите, гдѣ-же были у насъ еще такія счастливыя и столь строгія собранія, даже изъ менѣе многочисленныхъ?

Дайте же намъ русскій народный театръ, русскій театръ, основанный на русской пѣснѣ, съ ихъ существенною принадлежностью—играми и пляскою.

Такъ заканчивается 1870 и 1871 гг. дѣятельность Славянскаго.

VI.

Въ рядѣ подобранныхъ отрывковъ изъ статей русской печати, полагаю, вполне обрисовался путь, по которому направилась русская общественная мысль въ вопросѣ о русской народной пѣснѣ.

Это путь національный — бытовой. Менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ, русская народная пѣсня, благодаря художественному выполненію, успѣла убѣдить русскую общественную мысль въ необходимости внести въ искусство элементъ народ-

ности, какъ культурнаго начала, и сознать, что виѣ этого элемента музыка остается лишь откликомъ всякаго другаго чувства, кромѣ своего, роднаго, національнаго. Такому направленію русская мысль обязана одному изъ лучшихъ русскихъ мыслителей нашего времени—Н. П. Гилярову-Платонову. Этимъ кругомъ заканчивается производительность русской мысли, возбужденная появленіемъ русской народной пѣсни на общественной эстрадѣ въ 1872 году. Съ весны этого года, до начала 1873 г., повезъ Д. А. Славянскій свое родное и дорогое ему дитя во внутрь Россіи и на ея окраины. Крайне жаль, что нѣтъ всѣхъ отзывовъ провинціальной печати; но вотъ нѣкоторыя мысли провинціальной печати, имѣющіяся у насъ подъ рукой.

„Харьковскія Вѣдомости“ 1872 г. № 33:

Въ заключеніе хоромъ и оркестромъ исполненъ былъ народный гимнъ „Боже, Царя храни“, по случаю высокаторжественнаго дня восшествія на престолъ Государя Императора. Въ этомъ гимнѣ слѣдуетъ цѣнить содержаніе его, оставляя въ сторонѣ достоинство его исполненія, такъ какъ къ исполнителямъ на сценѣ присоединились голоса изъ народа, которому близко все *русское* народное. Народное—это свѣтлый источникъ, изъ котораго черпали всѣ гени музыкальные всѣхъ народовъ. Поэтому важную услугу искусству дѣлаетъ тотъ, кто воспроизводитъ народность предъ нами въ художественныхъ проявленіяхъ литературы, музыки, живописи, валяія и т. п. Народная пѣсня—это одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ элементовъ народности, это одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ памятниковъ народной жизни, съ характеристикою народныхъ особенностей и народныхъ воспоминаній, обычаевъ, правовъ и другихъ проявленій, въ ихъ правдивой, трогательной простотѣ. Д. А. Славянскій съ своею капеллою является въ настоящее время почти единственнымъ и лучшимъ представителемъ исполненія народныхъ славянскихъ пѣсней. Съ 22 по 28 февраля онъ далъ въ Харьковѣ пять русскихъ концертовъ. Д. А. не въ первый разъ доставляетъ намъ удовольствіе слышать народныя славянскія пѣсни. За 3 года предъ симъ онъ давалъ съ своимъ хоромъ въ Харьковѣ концерты. Но на этотъ разъ его капелла представляетъ собою, сравнительно съ прежнимъ его хоромъ, существенное улучшеніе, какъ по составу, такъ и по исполненію. Къ прежнимъ голосамъ его хора добавлены дисканты и альты, исполняемые маленькими учениками г. Славянскаго—мальчиками, которые, совершая артистическое путешествіе, занимаютъ въ то-же время изученіемъ общеобразовательныхъ наукъ, подъ руководствомъ жены г. Славянскаго и ея сестры. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве потому, что считаю его весьма важнымъ по отношенію къ искусству и доказывающимъ, что г. Славянскій сознаетъ важность общаго развитія для изученія искусства.

Газета „Кавказъ“ 1872 г. № 49:

Познавать самого себя, по выраженію философа, есть высочайшая въ мірѣ мудрость,—и мы, Сѣверяне, путемъ долгаго житейскаго опыта дошли, наконецъ, до сознанія полной практичности и примѣняемости сказанной поговорки. Одной изъ коренныхъ, отчасти невидныхъ формъ этой эпохи сравнительнаго бытія является періодъ возрождающейся изъ тѣна и праха нашей пѣсни. Какъ образецъ внутренней образовательной работы, пѣсня извѣстнаго народа есть памятникъ, свидѣтельствующій о прожитомъ горѣ и о новыхъ надеждахъ... Пѣсни русскаго народа могутъ быть названы сколкомъ съ его историческихъ особенностей, отличающихся полнымъ разнообразіемъ мотивовъ и всецѣлостью передачи впечатлѣній минуты. Живой, изливающейся нравственно, несутъ—выражается въ формѣ музыкальнаго тона, воплощаемаго отдѣльной, рѣзкой, вызывающей фразой. А если, по народному выраженію, отлегнуть бѣда, то ширь и просторъ отзываются бойкой, могучей, пѣвучей мелодіей, свидѣтельствующей во-очію о не умирающей никогда своеобразности творческой силы.

Кто прислушивался внимательно къ пѣснямъ г. Славянскаго, тотъ, безъ сомнѣній, ощущалъ нѣчто въ родѣ воспоминанія о чемъ-то родномъ, знакомомъ, сердцу близкомъ, вызывающемъ и дни дѣтства, и первые напѣвы любимой няни,—словомъ, воскресающее далекое былое...

Это, читатель, родная, незабвенная пѣсня. Это голосъ матери, вызвавшій къ вамъ съ дѣтства и откликающийся каждый день, каждый часъ... Таковы пѣсни г. Славянскаго, таково глубокое пониманіе имъ народной жизни.

Хоръ Д. А. Славянскаго, въ свою очередь, есть какъ-бы продолженіе его самого: звучать въ голосѣ солиста задушаемыя слезы,—хоръ отличается тоскливой, дребезжащей ноткой; переходитъ солистъ къ мягкимъ, ласкающимъ трелямъ,—и послушный хоръ отзывается художественной обработкой финальнаго мотива—ударить, будто, по струнамъ славянскій „бардъ“, и звонкимъ, серебрянымъ колокольчикомъ заливается гремущій хоръ, раздаваясь волной, словно брызгами...

Та-же газета 1872 г. № 51:

Дѣло, которому служить Д. А. Славянскій, до того ново, что многіе, не слѣдившіе за нимъ по отзывамъ иностранной и русской прессы, еще смѣшиваютъ его капеллу съ обыкновенными увеселительными хорами, въ родѣ молчановскихъ и цыганскихъ, не замѣчая, что главная особенность въ дѣятельности г. Славянскаго это серьезное изученіе, облагороженное исполненіе и художественная разработка не одной русской народной, но, вообще, славянской пѣсни. (Хотя на образцы послѣдней онъ, вѣроятно, изъ осторожности скушится для тифлисской публики.) То, что начали Кириша-Даниловъ, Сахаровъ, Рыбниковъ, Безсоновъ и др. для собиранія и изученія текста нашей народной пѣсни, во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ былинъ, г. Славянскій предпринялъ въ отношеніи ея мелодій и оркестровки, съ цѣлью ознакомить съ нею образованный міръ, съ одной стороны, и перенести въ Россію пѣсни западныхъ и южныхъ Славянъ—съ другой. Сюда еще присоединяется особая отрасль—духовное пѣніе, по которому мы пока также ничего не слышали...

Такова громадная задача, разрѣшенію которой посвятилъ себя нашъ народный артистъ, и которую уже настолько выполнилъ, что можетъ быть названъ основателемъ цѣлой новой школы.

„Одесскій Вѣстникъ“ 1872 г. № 217:

Слѣшу подѣлиться съ вами чрезвычайно пріятною, радостною вѣстью: сегодня 21 сентября) я имѣлъ счастье быть приглашеннымъ съ моею капеллою въ Ливадію во дворецъ, и дать концертъ для Государя, Государыни и другихъ Высочайшихъ Особъ. Впечатлѣніе, произведенное русскими пѣснями, такъ велико, что Ея Величество лично пригласила меня еще разъ дать концертъ во дворцѣ. Особенно понравились Государынѣ Императрицѣ пѣсни: Матушка, что во полѣ пыльно? (свадебная), Эй ухнемъ! (бурацкая), Спится мнѣ младешенькой...! (бытовая).

Государь Императоръ, чрезвычайно довольный впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Ея Величество, пѣскольکو разъ благодарилъ, отозвавшись съ особенною похвалою о величальной пѣснѣ: „Слава“.

Глубоко убѣжденный, что всѣмъ, сочувствующимъ русской пѣснѣ и ея развитію, такое высокое къ ней вниманіе будетъ истинно-отрадною вѣстью, я счелъ своимъ долгомъ подѣлиться ею съ читателями вашей уважаемой газеты.

Дмитрій Славянкій.

Та-же газета 1872 г. № 222:

Вопреки увѣреніямъ, что Одесса—не русскій городъ; русскій концертъ Д. А. Славянскаго увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Надо отдать справедливость г. Славянскому въ томъ, что онъ придаетъ истинный характеръ своему исполненію народныхъ пѣсень, фразируя и подчеркивая слова и мелодіи такъ, какъ онѣ поются въ народѣ. Какъ пропагандистъ народной русской пѣсни, г. Славянкій смѣло можетъ быть причисленъ къ почтеннымъ общественнымъ дѣятелямъ; мы, Русскіе, еще такъ мало знаемъ свою родную пѣснь, этотъ неисчерпаемый фондъ истинной національной поэзіи; на ней не воспитывается слухъ нашей музыкальной интеллигенціи, которая отъ того и блуждаетъ въ беспочвенныхъ пространствахъ, охотно и безразборчиво предаваясь—то слѣпому поклоненію всякой иностранной музыкѣ, то музыкальному радикализму и нигилизму.

„Кіевлянинъ“ 14 декабря 1872 г.:

Публика наша поспѣшила, конечно, отдать долгъ извѣстному артисту, хотя на первый разъ и не особенно ревностно: любителей было менѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Слышавъ его и прежде, теперь, послѣ поѣздки г. Славянскаго по чужимъ краямъ, мы можемъ сказать, что онъ хорошъ попрежнему — и попрежнему-же можетъ доставить много удовольствія истиннымъ любителямъ хорошаго пѣнія. Что-же касается перваго пока еще концерта, даннаго у насъ, то мы ограничимся однимъ лишь маленькимъ замѣчаніемъ. Какъ извѣстно, genre г. Славянскаго — народныя славянскія пѣсни; въ пѣсняхъ чешскихъ, напримѣръ, онъ неподрожаетъ, и врядъ-ли имѣетъ достойнаго соперника. Очень жаль, что на первый разъ

артистъ, какъ будто, покушлся насчетъ своихъ достоинствъ и далъ намъ возможность прослушать всего одну славянскую пѣсню: „Мы дружно на враговъ“.

„Вѣстникъ Объявленій“, 14 декабря 1872 г.

Чешская національная пѣсня, исполненная полнымъ ансамблемъ, вызвала въ публикѣ общій восторгъ.

Слушая концерты г. Славянскаго въ первый разъ, мы вновь убѣдились въ справедливости лестныхъ похвалъ, воздаваемыхъ артисту и его капеллѣ многими знаменитыми музыкальными личностями въ Россіи. Г. Славянскій, силою своей задушевной симпатичной русской пѣсни, пробудилъ нашъ дремлющій слухъ, убавканный нашими монотонными операми съ ихъ, вѣчно идущими въ разладъ, хорами.

Та-же газета въ слѣдующемъ номерѣ прибавляетъ:

Многіе того мнѣнія, что Д. А. Славянскій лучше всего выдается въ пѣсняхъ, взятыхъ изъ чешскаго быта, и въ исполненіи ихъ неподражаемъ. Западныя славянскія пѣсни, какъ родственныя намъ, заслуживаютъ того, чтобы мы, по возможности, были ознакомлены съ ихъ напѣвомъ; но чтобы Д. Славянскій побольше исполнялъ чешскія пѣсни, было-бы непостѣдовательно. Правда и то, что новинка всегда насъ больше соблазняетъ. И южно-русскія пѣсни, какъ извѣстно, отличающіяся особенно мелодичностью, исполняются Д. Славянскимъ также художественно, какъ и чешскія; въ этомъ мы убѣдились, слушая съ душевнымъ умиленіемъ пропѣтую Д. Славянскимъ съ глубокимъ чувствомъ заунывную малоросійскую пѣсню: „Чи я въ лузи не калына була“.

Вотъ отзывы провинціальной печати. Выдается изъ нихъ тонъ кіевскихъ газетъ: ни слова о русской пѣснѣ; для всѣхъ же вообще, кромѣ кавказскихъ, мысль о значеніи русской пѣсни чужда; что думала объ этой пѣснѣ столичная печать, какъ будто-бы, она для нихъ не существуетъ, какъ будто, это говорилось гдѣ то въ Австраліи, у напуасовъ. Чѣмъ объяснить тенденціозность тона кіевской печати? Въ то время, когда столичная печать восклицаетъ, что „слушать родную пѣсню, пропѣтую по-родному, всякая душа, даже онѣмчившаяся, испытываетъ впечатлѣнія неожиданной встрѣчи съ другомъ, считавшимся погибшимъ“,—въ кіевскихъ душахъ пробуждаетъ наслажденіе только чешская пѣснь. Болѣе, чѣмъ очевидно искусственный, напускной тонъ кіевской печати, врядъ-ли вѣрно передававшій дѣйствительное настроеніе общества.

VII.

Итакъ, въ указанномъ соотношеніи народной пѣсни съ общественной мыслью, проходитъ свой этический путь русская народная пѣсня до 1875 года. Нарушенія нормы этихъ отношеній если и были, то лишь мѣстнаго характера, какъ это указано, на примѣръ, въ Кіевѣ, какъ равно и постоянное присутствіе холоднаго, съ притворнымъ равнодушіемъ сидящаго на Олимпѣ—*ученыхъ музыкантовъ*, слушателя. Въ тотъ-же періодъ пѣсня расширяетъ географическій районъ своего вліянія. Д. А. Славянской ѣдетъ въ 1874 году черезъ Тюмень въ глубь Сибири и доѣзжаетъ до Кяхты. Повсюду, гдѣ ни появлялся, Славянской встрѣчалъ самый радушный, восторженный приѣмъ. За 30—40 верстъ къ нему выѣзжали изъ городовъ депутаціи для встрѣчи, нерѣдко провожали съ оркестрами. Проѣзжая изъ города въ городъ, часто на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ верстъ и въ теченіе десятка дней, пѣвецъ и его капелла были обезпечиваемы предупредительными обывателями нужною провизіей, экипажами и лошадьми тамъ, гдѣ не хватало почтовыхъ средствъ. Чтобы понять энтузіазмъ, съ какимъ встрѣчали Сибиряки русскую пѣсню, привожу слова газеты „Сибирь“, характеризующіе впечатлѣнія, полученныя отъ русской народной пѣсни и въ то-же время настроеніе общественной мысли:

Иркутскъ, 13-го апрѣля. Славянской, прибывшій къ намъ съ своимъ хоромъ на пятой педѣлѣ Великаго поста, и давшій уже нѣсколько концертовъ, все болѣе и болѣе приобретаетъ право на полную благодарность за то, что оживилъ нашъ отдаленный, немзыкальный край. Правда, здѣсь есть тоже свои маленькіе таланты, свои доморощенныя знаменитости, но все это хочеть выполнять, или пресловутыхъ мировыхъ классиковъ, или, впадая въ другую крайность, снисходить до избитой итальянщины, такъ что роднаго, русскаго напѣва, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ нашего Глинки, выполняемыхъ хотя пріятнымъ голосомъ, но съ иностраннымъ акцентомъ, мы, Русскіе, не слышимъ. Г. Славянской наполнилъ этотъ пробѣлъ. Русскіе люди слышали когда-то Бантышева, этого славнаго исполнителя народныхъ пѣсень, слышали Лаврова, Петрова, Сахарова, недавно слышали Ю. Галицына съ его громаднымъ хоромъ; но пѣвца, который-бы такъ вѣрно передавалъ духъ нашихъ пѣсень, взятыхъ цѣликомъ изъ самаго чистаго источника—изъ среды народа, который-бы такъ больно, но вмѣстѣ такъ пріятно

затрогивалъ нашу русскую жилку, какъ г. Славянскій, еще до сихъ поръ не слышали. Я исключая гавоты, польки, вальсы, исполняемые мастерски его дружнымъ хоромъ: это—незначительныя отступленія, какъ будто, для того, чтобы потомъ тѣмъ ярче отдѣлилась настоящая специальность. Мы не пропускали этихъ концертовъ и, скажемъ откровенно, всегда выносили полное наслажденіе, тѣмъ болѣе, что эти мотивы такъ сродны намъ и такъ далеки отъ насъ. Душевное спасибо г. Славянскому!

Въ 1875 году русская пѣснь, обогативъ свой репертуаръ изъ неисчерпаемаго источника—народа русскаго, отъ Алтая до Днѣстра пѣснями инородцевъ Киргизовъ и другихъ, старинными пѣснями Славянъ (какъ чешскій гимнъ XVI вѣка), возвращается опять въ сердце Россіи—Москву. Настроеніе московскаго общества не измѣнилось по отношенію къ своей родной пѣснѣ, но до необычайнаго восторга дошло лишь тогда, когда общество возстановило въ душѣ своей всецѣло впечатлѣніе родной поэзіи. Московская печать отличаетъ эту черту своего общества:

Зала была полна такъ, какъ только можно было желать самому любимому артисту. Встрѣча, впрочемъ, была умѣренная. Это удивляло поклонниковъ русскаго пѣвца. Но извѣстно, что московская публика стала теперь, вообще, не особенно щедра на встрѣчи; она цѣнить потомъ. И дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ пѣсней, расшевелившихъ русскую душу слушателей, концертантъ былъ оцѣненъ, а конецъ увѣнчалъ дѣло. Горячія рукоплесканія краснорѣчиво благодарили пѣвца за то, что опять услышана русская пѣсня со все́мъ ея драматизмомъ и юморомъ. До сихъ поръ за Д. А. Славянскимъ остается первенство въ умѣнѣхъ вѣрно передать тонъ и удалаго молодца, и плутоватой бабенки, и дѣвушки-невѣсты, а также въ умѣнѣхъ выбрать пѣсни.

Спасибо Д. А. Славянскому за то, что своими концертами шевелитъ русскую душу и будитъ нашъ патріотизмъ.

Но не будетъ-ли удачнѣе объясненіе причинъ такого настроенія присутствіемъ въ обществѣ глубоко-засѣвшихъ началъ западничества и заѣдающихъ русскіе помыслы и русскую душу русскаго общества настолько, что нужно постоянно *внѣшними* средствами расшевеливать въ обществѣ *его внутреннюю*, *Русскаго чело́вѣка*, подавленнаго традиціями чуждаго ему западнаго культа?..

Въ концѣ того-же года русская пѣсня, съ одной стороны идетъ на *помощь* страдающимъ Боснякамъ и Герцеговинцамъ, съ другой—является въ Россіи впервые факторомъ полити-

ческаго міросозерцанія Русскаго народа: сербское движеніе, вылившееся въ 1876 году въ войну съ Турками, нашло себѣ агитатора въ народной славяно-русской пѣснѣ; она поетъ сербскія воинственныя мелодіи и разжигаетъ симпатіи русскаго общества къ славянскимъ жертвамъ. Это отмѣчаетъ и печать:

Извѣстно, что Д. А. Славянскій желаетъ удѣлять отъ своихъ концертовъ десятую часть сбора въ пособіе семействамъ Герцеговинцевъ. Первое свое приношеніе (отъ перваго концерта, даннаго имъ въ прошлое воскресенье) препроводилъ онъ къ высокопреосвященному Михаилу Сербскому при слѣдующемъ письмѣ:

„Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Михаилъ! Прошло уже восемь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, въ бытность мою въ Бѣлградѣ, гдѣ дано было мною нѣсколько русскихъ концертовъ, ободренный высокимъ сочувствіемъ и вниманіемъ Вашимъ и покойнаго князя Михаила Обреновича, предпринялъ дальнѣйшее путешествіе по славянскимъ землямъ съ цѣлью ознакомить и другихъ Славянъ съ звуками и поэзіею Русскаго народа. Я имѣлъ въ виду также изучать на мѣстѣ славянскую народную пѣсню, звуки которой живѣе и краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ сердцу русскому о близкомъ родствѣ съ нами нашихъ—увы!—сколько лѣтъ страдающихъ братьевъ. Раздавшееся во всей Руси призывное слово Вашего Высокопреосвященства, живыми красками описавшаго эти страданія, глубоко зашло въ сердца Русскихъ людей, и долетѣвшіе до насъ стоны мучениковъ-христіанъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи невольно заставили содрогнуться всякаго истиннаго христіанина, и протянуть руку помощи единовѣрцамъ и единоплеменникамъ.

„Желая принести и мою посильную лепту на помощь страдающимъ братьямъ нашимъ, я намѣренъ отдѣлять постоянно 10% отъ сборовъ съ моихъ концертовъ, которые буду давать въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, Петербургѣ и въ другихъ городахъ Россійской Имперіи, и высылать на имя Вашего Высокопреосвященства и на Ваше благоусмотрѣніе. Въ настоящее время имѣю честь препроводить при семъ, чрезъ Московскій Учетный банкъ и банкирскую контору гг. Эфрусси и К^о въ Вѣнѣ, триста пятьдесятъ четыре флорина отъ моего перваго концерта, даннаго мною въ Москвѣ сего 9 ноября. Я прошу принять мой усердный даръ, какъ изъявленіе, переполненнаго чувствомъ, сердца.

„Поручая себя молитвамъ Вашимъ, съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь остаться Вашего Высокопреосвященства всепокорнѣйшимъ слугою“.

Москва 10-го ноября 1875 г.

Д. А. Славянскій.

Не лишнее здѣсь прибавить слова „Московскихъ Вѣдомостей“, что юго-славянскія пѣсни встрѣчаются публикой съ большимъ сочувствіемъ. Сербскій гимнъ воинственнаго содержанія просили даже повторить, что мы относимъ къ сочувствію, возбужденному теперь во всѣхъ слояхъ общества къ страданіямъ Герцеговинцевъ.

Въ то-же время, какъ я замѣтилъ выше, притворное равнодушіе музыкальныхъ западниковъ прорвалось; я понимаю ихъ: слишкомъ ужъ больно было ихъ нерусскому сердцу выносить побѣды русской народной пѣсни.

Во время одного концерта въ третьемъ ряду балкона сидѣлъ одинъ очень молодой человѣкъ, средняго роста, тонкаго стана, съ блѣдноватымъ лицомъ, съ русыми волосами и такой-же клинообразной бородкой. Изъ его собственныхъ словъ оказалось, что онъ высшаго полета нѣмецкаго происхожденія и членъ Московской консерваторіи. Во время исполненія концерта онъ велъ себя неприлично: говорилъ вслухъ съ своимъ пріятелемъ, шикалъ и, произнося нѣмецкія фразы, выказывалъ неуваженіе къ публикѣ, которая желала слушать русскія пѣсни, а вовсе не его болтовню. Кто-бы онъ ни былъ, напомните ему, г. редакторъ, чтобы на будущее время онъ уважительнѣе относился къ русской, на его взглядъ невѣжественной, публикѣ, и для изліянія своихъ фанфоронскихъ ощущеній отыскивалъ болѣе благопріятное для себя время и мѣсто. Изъ самыхъ объясненій его съ своимъ пріятелемъ видно было, что не по разуму его „Современная Извѣстія“, не по сердцу ему г. Славянской, не по нутру ему русская народная пѣсня. Писавшихъ о народномъ пѣніи онъ оглашалъ „непривычными просвѣтителями народа“, и наши мысли о значеніи русскихъ пѣсней для музыкальнаго искусства относилъ къ нашему невѣжеству. Не знаемъ, чѣмъ объяснить парадоксы сужденій этого члена Московской консерваторіи: односторонностію-ли его направленія, узкостію-ли его умственного, природнаго уклада, или его иноязычнымъ, враждебнымъ отношеніемъ къ русской пѣснѣ; но пусть знаетъ это консерваторія. Если мы сказали, что репертуаръ русскихъ пѣсней неисчерпаемъ, такъ объ этомъ свидѣлствуютъ многотомные сборники пѣсней Сахарова, Рыбникова, Кириѣвскаго, Максимовича, Костомарова, Шейна и др., что собраніе, развитіе и распространеніе малоизвѣстныхъ національныхъ мелодій и мотивовъ было-бы благотвительно для развитія въ народѣ національнаго чутія, и быть-можетъ, для развитія самого искусства, то это опять такая истина, которую признаетъ всякій благомыслящій человѣкъ; и если г. членъ консерваторіи видитъ здѣсь невѣжество, то этимъ свидѣлствуетъ только о своей личной настроенности и своемъ умственномъ укладѣ. Не воображаетъ-ли онъ наивно, что, заботясь о распространеніи и развитіи русскихъ пѣсней, мы идемъ наперекоръ классической музыкѣ? Пусть успокоится: мы отдаемъ ей должную дань уваженія, но она слишкомъ высока и глубока для простаго русскаго человѣка; пока она также не по сердцу ему, какъ не по сердцу нашему молодому человѣку русская пѣсня; мы хотимъ начать съ своей славяно-русской азбуки прежде, чѣмъ приступать къ музыкальной нѣмецкой философіи; мы должны сначала понять самихъ себя, чтобы сознательно понимать другіе народы. Относительно самого г. Славянскаго члена консерваторіи говорилъ, что тотъ у него былъ съ визитомъ, но что онъ не хотѣлъ съ нимъ познакомиться, и потому не отплатилъ ему взаимностію: не думаемъ, чтобы г. Славянской горевалъ о потерѣ такого знакомства; но насколько достойно члену консерваторіи распространяться о томъ на концертѣ вслухъ публики,—

предоставляемъ судить всякому. Русская-же пѣсня просто возмущала его нерусскую душу: при звукахъ народныхъ мелодій онъ вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней, и, наконецъ, исчезъ, не дождавшись конца. Интересно, солидарна-ли Московская консерваторія такому неблагоприятному поведенію своего сочлена?

На этотъ вопросъ отвѣтили одинъ изъ командировъ музыкальнаго лагеря, укрѣпленнаго традиціями и русскимъ закономъ (конечно, писаннымъ въ дни такого государственнаго режима, когда о русскомъ тонѣ не было и слышно). Въ злбномъ безсиліи и найдя соотвѣтственное для своего величія мѣсто—это были колонны „Русскихъ Вѣдомостей“—излили онъ свою желчь на выросшую въ народнаго богатыря русскую пѣсню: „Читатель, быть-можетъ, ожидаетъ, что я буду толковать о г. Славянскомъ и его русскихъ концертахъ? *Никогда!*—ожесточенно восклицаетъ свирѣпый сторонникъ нѣмецкой музыкальной философіи,—это эксплуатація замоскворѣцкаго патріотизма, съ музыкой ничего общаго не имѣющая“. („Русскія Вѣдомости“ 16 ноября 1875 г. № 246).

Этотъ желчный порывъ, не достойный русскаго талантливаго композитора, вызвалъ слѣдующій спокойный отвѣтъ одной изъ московскихъ газетъ:

Въ № 246 „Русскихъ Вѣдомостей“ г. Чайковскій, трактуя объ итальянской оперѣ и концертахъ музыкальнаго общества, отказывается говорить что-либо о концертахъ г. Славянскаго и называетъ ихъ „эксплуатаціей“ замоскворѣцкаго „патріотизма“, не имѣющаго ничего общаго съ музыкой.

Относясь такъ къ концертамъ г. Славянскаго, г. Чайковскій, очевидно, впадаетъ въ заблужденіе, происходящее отъ той простой причины, что онъ смотритъ на значеніе музыки съ абсолютной точки зрѣнія, а не съ относительной. Г. Чайковскому, повидимому, и въ голову не приходитъ, что музыка должна существовать не для однихъ только людей, получившихъ обширное музыкальное развитіе, а и для массы, и должна во всякій моментъ удовлетворять ея вкусу. У насъ людей, имѣющихъ способность толково оцѣнить и воспринять какое-либо великое музыкальное произведеніе, найдется гораздо менѣе, чѣмъ людей, на которыхъ то-же самое великое музыкальное произведеніе не произведетъ никакого впечатлѣнія.

Я спрошу васъ, г. Чайковскій, какимъ образомъ введете вы во вкусъ высшаго музыкальнаго искусства какую-нибудь одну изъ великаго множества единицъ русской массы, неспособныхъ при настоящемъ своемъ музыкальномъ развитіи воспринять и оцѣнить всѣ красы этого искусства? Если вы начнете подчивать эту единицу сразу произведеніями, пользующимися большою славой въ вашемъ музыкальномъ мірѣ, то вы не достигнете ни малѣйшаго успѣха. | Мнѣ кажется, что

ходъ музыкальнаго развитія долженъ подчиняться тѣмъ-же общимъ законамъ, которымъ подчиняется и ходъ развитія вообще; основой этого закона должна (стр. 94) быть постепенность. Г. Славянскій идетъ вѣрнымъ путемъ: онъ живетъ въ средѣ массы; онъ выхватываетъ у нея ея, хотя и не обработанные, но родные задушевные мотивы (съ высшимъ музыкальнымъ искусствомъ, быть-можетъ, ничего общаго еще и не имѣющіе),—мотивы, близкіе къ сердцу единицъ массы. Г. Славянскій не коверкаетъ эти мотивы, а разумно отдѣлываетъ ихъ и передаетъ ихъ слуху массы въ такой выразительной формѣ, въ которой они уже не могутъ не составлять дорогой принадлежности нашей народной музыки. Г. Славянскій поставилъ себѣ задачу не сочинять, а собирать сырой матеріалъ, обработывать его и возвращать уже въ обработанномъ видѣ той-же самой массѣ, отъ которой онъ его приобрѣлъ.

Масса всегда съ благодарностью оцѣнитъ трудъ г. Славянскаго, и этотъ его трудъ не пропадетъ даромъ, потому что впечатлѣніе отъ его концертовъ не принадлежитъ къ числу скоро пропадающихъ. Эти обработанные мотивы, воспринятые массою, послужатъ ей для дальнѣйшаго ея музыкальнаго развитія. Такой путь будетъ путь совершенно естественный. Чтобы быть полезнымъ массѣ, надо жить съ ней, изучать ея характеръ, ея потребности и стремиться удовлетворить имъ. Вы, г. Чайковскій, мало принесете пользы массѣ, если будете создавать ваши талантливыя произведенія въ своемъ кабинетѣ, и при этомъ будете пользоваться лишь совѣтами вашихъ, изолированныхъ отъ вліянія массы, собратовъ по искусству. При этихъ условіяхъ, ваши произведенія не будутъ нисколько отголоскомъ чувствъ массы. Если вы не будете жить съ русскимъ народомъ, съ массою, не будете изучать его характеръ, не войдете въ его душу, то ваши произведенія получатъ ложное направленіе. Поработайте надъ русскими мотивами такъ-же, какъ вы поработали надъ венгерскими, развейте эти мотивы, уловите ихъ характерныя стороны, введите ихъ въ нашу русскую оперу, которой вы себя посвятили,—и вы въ состояніи будете оказать массѣ услугу, быть-можетъ, даже и большую той, которую оказываетъ ей г. Славянскій.

Программа концертовъ г. Славянскаго и исполненіе ихъ имѣютъ еще и ту прекрасную сторону, что она знакомитъ насъ съ мотивами многихъ разноплеменностей Русской земли. Еслибы вы, г. Чайковскій, не путешествовали по Россіи и не занимались музыкальными изслѣдованіями въ средѣ русскихъ народностей, то мы совѣтуемъ вамъ побольше познакомиться съ изслѣдованіями г. Славянскаго. Это знакомство было-бы вамъ очень полезно при произведеніи вашихъ русскихъ оперъ, которыя, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ съ музыкальной точки зрѣнія, иногда не у мѣста отзываются венгерскими мотивами, изслѣдованіемъ которыхъ вы занимались, повидимому, гораздо болѣе, чѣмъ изслѣдованіями мотивовъ русскихъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что г. Славянскій получилъ хорошее музыкальное образованіе; онъ исполняетъ теноровыя партіи изъ итальянскихъ и русскихъ оперъ съ гораздо большимъ искусствомъ и чувствомъ, чѣмъ многие изъ первоклассныхъ солистовъ нашихъ итальянскихъ и русскихъ оперъ. Если г. Славянскій не поетъ въ своихъ концертахъ ничего кромѣ народныхъ пѣсень, то, впрочемъ, потому только, что онъ поставилъ свою дѣятельность

въ строго опредѣленную рамку и, настойчиво преслѣдуя свою цѣль, не желаетъ выходить изъ этой рамки. Для насъ положительно непонятна та пропія, съ которой г. Чайковскій произноситъ слово: русскіе концерты г. Славянскаго. По нашему крайнему убѣжденію, концерты эти дѣйствительно русскіе, славянскіе.

Тотъ сочувственный пріемъ, который встрѣчаетъ г. Славянскій, если и не отъ сливокъ московскаго общества, то отъ массы Москвичей, говорить самъ за себя; эксплуатація г. Славянскаго есть эксплуатація вполне добросовѣстная; ее ни въ какомъ случаѣ нельзя поставить наряду съ эксплуатаціей итальянской оперы и концертовъ Музыкальнаго Общества, потому что изъ концертовъ г. Славянскаго выходитъ большинство удовлетвореннымъ и совершенно понявшимъ смыслъ пѣнія, и притомъ выходитъ съ задатками (стр. 95) на продолжительность впечатлѣнія; изъ итальянской-же оперы, и тѣмъ болѣе изъ концертовъ Музыкальнаго Общества, большинство выходитъ, ничего не понявши и безо всякихъ задатковъ на продолжительность впечатлѣнія. Итальянская опера и концерты Музыкальнаго Общества для большинства служатъ мѣстомъ для выѣзда въ свѣтъ и для показыванія дорогихъ дамскихъ туалетовъ; посѣщаются они большею частію изъ моды. Въ концерты-же г. Славянскаго ѣздятъ для того, чтобы послушать его пѣніе и внести живое, пріятное и продолжительное впечатлѣніе.!

Намъ остается сказать наше истинно-русское спасибо г. Славянскому отъ лица всѣхъ Русскихъ, которые его любятъ и понимаютъ; пожелаемъ ему дальнѣйшаго успѣха на избранномъ имъ поприщѣ и будемъ надѣяться, что найдутся люди, которые будутъ преслѣдовать его задуманную идею съ такими-же энергіею и успѣхомъ, съ какими онъ преслѣдуетъ ее самъ.

Къ этимъ мыслямъ газета „Современныя Извѣстія“ прибавляетъ: грѣшно не принести искреннюю благодарность за все высказанное по поводу немзыкальной выходки г. Чайковскаго противъ единственнаго и талантливѣйшаго истолкователя русской пѣсни, Д. А. Славянскаго. Но не въ защиту послѣдняго, — г. Славянскій въ ней не имѣетъ надобности, какъ и сама русская пѣсня, — но въ защиту простаго здраваго смысла мы рѣшаемся добавить еще нѣсколько словъ къ размышленіямъ г-жи З-ой. Мы хотимъ напомнить г. Чайковскому, что человѣку, сколько-нибудь понимающему и уважающему музыку, нельзя относиться съ такимъ презрѣніемъ къ народной пѣснѣ вообще и къ русской пѣснѣ въ особенности. Мы налагаемъ на это слово: „понимающему и уважающему музыку“, то-есть музыкальное искусство.

Въ пѣснѣ выражается творчество народное; въ ней первоначальная основа всякой музыки. Пѣсня есть природный, неизсякаемый источникъ, снабжающій музыкальный міръ драгоценнымъ матеріаломъ для всесторонняго изученія исторіи человѣческихъ страстей, вѣрованій, понятій, отношеній. Лѣтъшес обманеть; пѣсня — нѣтъ. Самая опера есть только высшее (впрочемъ, единственно по внѣшней обработкѣ формъ) выраженіе пѣсни, ея олицетвореніе съ помощью множества различныхъ вспомогательныхъ средствъ. Притомъ, еще опера есть, такъ сказать, городское выраженіе пѣсни: для исполненія таковой необходимы опредѣленные мѣста и время, помимо извѣстной подготовки зрителя-слушателя. Чистая на-

родная пѣсня вольна, какъ Божья птичка: она вспорхнетъ съ душистаго луга и запоетъ подъ синимъ небомъ не по заказу и не по приказу. Понять ея высокій, обширный смыслъ можетъ лишь натура богато одаренная чувствомъ и вкусомъ неиспорченнымъ. За то и передать народную пѣсню во всей ея красотѣ музыкальная наука безсильна. Могущество красоты пѣсни, ея жизненность и богатство можетъ быть усвоено и передано несомнѣнно-великимъ талантомъ, сердечно относящимся и къ пѣснѣ и къ творцу ея—народу. Между музыкою обще-европейскою, оперною, концертною, симфоническою, квартетною и проч. и музыкою народною, заключающеюся въ пѣснѣ, созданной вѣками и поколѣніями, такая же разница, какъ между некустарно-разбитымъ садомъ и природнымъ лѣсомъ. Надобно лишиться способности пониманія красотъ природы, чтобы видѣть природу только въ саду. Здравый смыслъ не велитъ навязывать свой вкусъ другому. Пусть одинъ восхищается работою дорого-стоющаго, вышнсаго нѣмца-садовника, подрѣзавшаго верхушки кустарниковъ, а другой любитъ вершинами вѣковыхъ деревьевъ, стремящихся къ солнцу. Если поклонникъ стриженной природы лишается способности понимать природу цѣльную, можно жалѣть о немъ, потому что понимающій цѣльную природу не прочь полюбоваться и украшенною. Въ одномъ случаѣ дѣло условнаго вкуса, во второмъ—дѣло природнаго чувства. Отрицать въ русской пѣснѣ художественно-музыкальное свойство г. Славянскаго, пѣвца-художника, можетъ лишь односторонне-настроенный спеціалистъ музыкальнаго дѣла, утратившій чутье музыкальной красоты, или умышленно предубѣжденный противъ исполнителей, принадлежащихъ не къ „нашему приходу“.

Г. Славянскій имѣть неоспоримое право называть свои концерты русскими. Пронія надъ эпитетомъ скорѣе у мѣста будетъ, когда читаемъ, что Московское Музыкальное Общество называетъ себя русскимъ. Не все то русское, что находится въ Россіи. Мы не прочь полакомиться и симфоніей, и квартетомъ, и оперою; намъ пониманіе этого рода музыки доступно до извѣстной степени благодаря пѣснѣ-же, но...

Что-то слышится родное
 Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска...

И подъ звуки пѣсни родной, живописующей намъ устами и сердцемъ пѣвца-художника и бѣтъ и жизнь въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, воскрешающей въ нашемъ воображеніи картины былаго, прожитаго, возбуждающей въ насъ самыя заветныя чувства и мысли, мы простимъ супротивникамъ ея: *не видятъ бо, что творятъ!*...

Кромѣ изложенныхъ строкъ, заявленіе Чайковскаго вызвало письмо Д. А. Славянскаго, гдѣ онъ фактами къ своей біографіи и дѣятельности *) опровергаетъ навѣты г. Чайков-

*) Опускаемъ это письмо, такъ какъ въ началѣ книги біографія Д. А. Агре-нева-Славянскаго нами изложена.

скаго, и отдаетъ на судъ публики „относящуюся къ нему часть Одиссея г. Чайковскаго“.

Къ этому письму редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ прибавляетъ слѣдующіе комментаріи:

Послѣднія строки внушили намъ, замѣчаютъ „Современныя Извѣстія“, любопытство пробѣжать эту, какъ остроумно выразился г. Славянскій, Одиссею г. Чайковскаго. По мнѣнію г. Чайковскаго, г. Славянскій есть не болѣе какъ безталанный аферистъ, эксплуатирующий невѣжественные вкусы замоскворѣцкаго купечества; онъ есть Леухинъ, издающій безграмотную сказку о „Бовѣ Королевичѣ“ для полуграмотной массы, не способной восхищаться Пушкинымъ и Кольцовымъ. Одиссея проникнута негодованіемъ противъ эксплуататора, прискорбіемъ о невѣжествѣ массы, хотя и не лишена снисходительности къ русской пѣснѣ, въ которой г. Чайковскій находитъ оригинальный, хотя и дикій матеріалъ. Исполненіе русской пѣсни, по мнѣнію г. Чайковскаго, можно слушать только въ натурѣ, въ ея первобытной обстановкѣ, а записывать русскую пѣсню дозвоительно только такому ученому и талантливому знатоку, какъ Балакиревъ, къ которому люди, уважающіе искусство, и могутъ исключительно обращаться; все остальное можетъ быть только дерзкой профанаціей. Г. музыкальный критикъ прибавляетъ, что его отзывъ есть еще лестный, если сравнить съ задушевными взглядами прочихъ истинныхъ музыкантовъ. Соглашаемся вѣрить въ этомъ, и если, къ сожалѣнію, это вѣрно, и въ добавокъ если мнѣніе самого г. Чайковскаго искренне, чему мы также готовы вѣрить, то публика, по крайней мѣрѣ часть публики, слушающей г. Славянскаго, спокойно доставляя музыкальнымъ авторитетамъ скорбѣть о „замоскворѣцкомъ“ невѣжествѣ, можетъ выказать и свое прискорбіе о томъ, на какой жалкой степеніи пониманія искусства и музыки вообще, русской пѣсни и ея исполненія въ частности, стоятъ наши „европейски“ - музыкальные знатоки. Но прискорбіе это будетъ еще болѣе искренне и несравненно болѣе великодушно, чѣмъ прискорбіе г. Чайковскаго. Оно легко обойдется безъ выходокъ дурнаго тона, безъ извращеній и карикатурныхъ преувеличеній, потому что будетъ совершенно спокойно и будетъ — справедливо.

О томъ, въ какомъ разсуждаетъ г. Чайковскій, отчасти могутъ читатели судить изъ выше-приведеннаго сокращеннаго изложенія его выводовъ и сравненій; но приведемъ для характеристики и еще одно, и притомъ подлинное выраженіе: критикъ соглашается признать за г. Славянскимъ достоинство, что онъ отъ ряда артистическихъ неудачъ не упалъ духомъ, какъ подобаетъ русскому человѣку, и „не предался запое“. Надобно прибавить, что, написавъ это, г. „европейски“ - возвысившійся музыкантъ не оговорился, къ какой публикѣ онъ обращается—замоскворѣцкой, или иной.

Цѣль г. Чайковскаго была: отвѣтить на чье-то письмо, укорившее его въ голословныхъ отзывахъ о г. Славянскомъ и въ изложеніи причинъ, почему онъ не можетъ писать рецензію на этого исполнителя. Г. Чайковскій, дѣйствительно, выгодно-бы для себя поступилъ, еслибы совершенно воздержался онъ всякихъ

суждений не только об исполнителѣ русской пѣсни, г. Славянскомъ, но и о самой русской пѣснѣ и отчасти даже о музыкѣ вообще. Какъ характерный образчикъ пониманія можно привести и еще мѣсто, гдѣ г. профессоръ (кажется, мы не ошибаемся, считая г. Чайковского профессоромъ консерваторіи), сравнивая музыку съ цвѣтами, самоувѣренно выражаетъ, что нельзя-же усладиться обоняніемъ сѣмянъ, изъ которыхъ выращены будутъ цвѣты. По мнѣнію профессора, русская пѣсня есть не болѣе какъ сѣмена, и въ добавокъ есть творчество, а не искусство. Оно выходитъ, что творчество не есть искусство, что творчествомъ нельзя наслаждаться, а можно только искусствомъ, и что искусствомъ, и притомъ въ музыкальномъ смыслѣ, можетъ быть признано произведеніе, вставленное только въ условленные, по мнѣнію профессора, европейскія формы. Нашимъ постояннымъ читателямъ мы не имѣемъ нужды повторять нашихъ мнѣній ни о русской пѣснѣ вообще, ни о г. Славянскомъ, какъ ея исполнителѣ; тѣмъ менѣе представляется нужда обращаться къ элементарнымъ понятіямъ о музыкѣ и искусствѣ, но приходится намъ въ голову снисходительный отзывъ Вольтера, а потомъ и нашего Сумарокова о Шекспирѣ, напоминающій снисходительность г. Чайковского къ русской пѣснѣ: „есть отгнѣнныя мѣста у Шакспеара, но просвѣщенную публику нельзя оскорблять представленіемъ его въ натуральномъ видѣ“. Конечно, г. Чайковский—не Вольтеръ; желаемъ ему быть для нашего времени не меньше, чѣмъ Сумароковъ былъ для своего; и русскую пѣсню мы вовсе не думаемъ приравнивать произведеніямъ Шекспира. Но г. Чайковскому не мѣшаетъ напоминать эти отзывы много-даровитаго и мало-даровитаго драматурговъ о драматургѣ-геніи, и при сужденіяхъ, хоть-бы о русской пѣснѣ и объ отношеніяхъ „творчества“ къ „искусству“, спрашивать себя: по силамъ-ли разумнѣя предметъ, выходящій изъ рамокъ театральной, или въ тѣсномъ смыслѣ концертной музыки?

Этимъ эпизодомъ, какъ обращикомъ средствъ, къ какому прибѣгала *культурная* музыка въ борьбѣ съ *простонародной пѣсню*, закончить можно дѣятельность русской пѣсни и ея пѣонера и борца за нее, Д. А. Славянского, до 1877 года. Помню лишь, что въ то время, пока „чистое искусство“ клеветало и злилось, другіе, истинно-русскіе люди воспѣвали славянскаго пѣвца, какъ стоящаго „славы и вѣнца“. Столѣтній старецъ, Ѳ. Глинка, воспѣвалъ „высокоталаннаго Д. А. Агренева“:

„Очарователь нашъ! Ты къ намъ явился снова
 Все съ тѣмъ-же даромъ голоса и слова
 И съ тѣмъ-же, въ пѣніи, умомъ...
 И вѣрь, что звонкія и мастерскія трели
 Твои вчера своей достигли пѣли!—
 Славянскій! Стоишь ты и славы и вѣнца

(И кто тебѣ откажетъ въ нихъ?)
За то, что цѣнью звуковъ золотыхъ
Плѣнять и заплѣнять умѣешь такъ сердца!!!...“

А вотъ и другая пѣсня О. Глинки:

„Еще, залетный соловей,
Запой теноромъ свѣтлымъ, чистымъ,
И къ русскимъ пѣснямъ, голосистымъ,
Свое искусство ты привей!...
Въ волшебныхъ переливахъ звуковъ
Ты насъ дивилъ и услаждалъ,
И пѣсни дѣдовъ слуху внуковъ
Съ такимъ огнемъ передавалъ..

* * *

А пѣсня русская далѣко
Слышна, какъ пѣснь богатирей,
И, словно Русь сама, широко
Идѣть отъ моря до морей!...

* * *

Изъ клавишъ бисеры сверкали
И громъ, порой, леталъ по нимъ,
Когда вы оба чаровали
Своимъ талантомъ насъ двойнымъ!
Явись-же вновь съ своей женою,
Явись артистъ, еще хоть разъ,
И вновь славянской и родною,
Утѣшь игрой и пѣснью насъ!...“

VIII.

Въ теченіе 1877—78 года пѣсня родная идетъ въ помощь Враненному герою освободительной войны, принося посильную лепту на дѣло благотворительности. Въ тотъ-же періодъ появляется рядъ критикъ „изъ лагеря музыкальнаго Олимпна“, сочувственно относящихся къ родной пѣсни и ея пѣвцу, отличая его изъ ряда всѣхъ оперныхъ пѣвцовъ (см. музыкальное обозрѣніе газеты „Голосъ“ за 1877 годъ). Наконецъ,

въ 1878 году русская пѣсня была почтена Высочайшимъ милостивымъ вниманіемъ: 17 октября Д. А. Агреньевъ-Славянскій имѣлъ счастье дать концертъ во дворцѣ, въ Ливадіи, въ присутствіи покойнаго Государя, и былъ награжденъ бриллиантовымъ перстнемъ.

Послѣ окончанія поѣздки въ Крымъ Д. А. Славянскій въ 1879 году объѣзжаетъ Волгу и бассейны Дона; вологодское общество привѣтствовало пѣвца адрессомъ, въ которомъ выражено пожеланіе развитія путемъ пѣсни въ русскомъ обществѣ любви ко всему русскому—родному. Затѣмъ, Д. А. ѣдетъ на Кавказъ въ 1880 году и оттуда, пожавъ лавры, сопровождаемый восторженными привѣтствіями Кавказцевъ, уѣзжаетъ въ Кіевъ. На этотъ разъ посѣщеніе Кіева русскою пѣснью производитъ небывалый въ этомъ, когда-то тенденціозномъ, городѣ восторгъ. Учащаяся молодежь подаетъ Славянскому благодарственныя письма, а кіевская печать подъ вліяніемъ этой пѣсни публикуетъ рядъ статей въ народно-бытовомъ направленіи: „будь любовь къ родной музыкѣ въ русской оперѣ, сколь благотѣльно могла-бы повліять эта опера на воспитаніе вкусовъ въ обществѣ къ народной музыкѣ“, —говорить „Кіевлянинъ“, затѣмъ, прибавляетъ:

Дѣятельность г. Славянскаго, чтò-бы о ней ни говорили враги его, имѣетъ серьезное значеніе и заслуживаетъ полной симпатіи. Приятно видѣть, что въ то время, когда русская опера находится вездѣ въ загонѣ, и въ садахъ, и на малыхъ сценахъ господствуютъ, къ стыду нашему, растлѣвающіе нравы, пошлые шапсонеточныя крикуны, среди Русскихъ нашелся человѣкъ, который сумѣлъ создать національный хоръ и познакомить публику всего цивилизованнаго міра съ сокровищами русской народной музыки. Дай Богъ, чтобы дѣятельность г. Славянскаго нашла себѣ подражателей. Только нерѣшительность, апатія и неподвижность русскаго человѣка могутъ быть причиной того, что и всесвѣтныя успѣхъ хора Славянскаго не послужилъ до сихъ поръ соблазномъ къ организаціи подобныхъ-же хоровъ другимъ.

Въ началѣ 1881 года русская пѣснь снова появляется въ Варшавѣ и затѣмъ въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ, въ зданіи Михайловскаго манежа устраиваются общедоступныя народныя концерты при тысячахъ слушателей.

Общедоступныя концерты Д. А. Славянскаго, по поводу проявленія къ нимъ симпатій низшихъ классовъ населенія,

послужили поводомъ для возбужденія вопроса о прекращеніи пьянства въ народѣ путемъ доставленія ему эстетическаго наслажденія; этому вопросу было посвященъ рядъ статей въ разныхъ газетахъ, но затѣмъ онъ такъ и завалялся вмѣстѣ со старыми нумерами газетъ, не получивъ никакого дальнѣйшаго развитія. Во все пребываніе въ Петербургѣ Славянскаго въ этомъ году восторгъ публики къ русской пѣснѣ росъ въ необычайной прогрессіи. Въ зданіи манежа, во время концерта, буквально „стоялъ какой-то стонъ и ревъ“, „вмѣсто обычныхъ аплодисментовъ“, говоритъ одна изъ петербургскихъ газетъ. Наконецъ, этотъ триумфъ народнаго пѣвца завершился приѣмомъ русскаго Баяна у Великаго Князя Владиміра Александровича:

Д. А. Славянскій былъ почтенъ аудіенціей великаго князя Владиміра Александровича и принятіемъ Его Высочествомъ преподнесеннаго „Сборника народныхъ пѣсенъ“, переложенныхъ на музыку женою пѣвца, О. Х. Славянскою. Великій князь благосклонно бесѣдовалъ съ г. Славянскимъ и изволилъ высказать живѣйшее сочувствіе къ его дѣятельности.

Всѣ почти иллюстрированныя и музыкальныя журналы спѣшили помѣстить портреты пѣвца и его капеллы, писать его біографію, какъ будто, онъ впервые пріѣхалъ въ Петербургъ изъ неизвѣстныхъ мѣстъ. Изъ Петербурга Славянскій во второй разъ посѣтилъ Остзейскія губерніи. Отзывы русскаго печатнаго угла средневѣковыхъ бароновъ, какъ и нѣмецкія газеты, одни съ восторгомъ, другіе съ похвалою воздали честь русскаму пѣвцу; не отстали отъ нихъ, конечно, и литовскія газеты, выразивъ нѣмецкимъ шрифтомъ свою хвалу русскому пѣвцу:

1882 годъ принесъ русскую художественно-промышленную выставку. На этой выставкѣ почетное мѣсто занимала и русская пѣсня. По идеѣ Д. А. Славянскаго и по рисункамъ М. О. Мигѣшина, Н. Н. Каразина и другихъ художниковъ, такъ равно и по совѣтамъ историковъ и знатоковъ старины — Забѣлина, Филимонова, Чаева и Юрѣева, исполнители русскаго бытоваго пѣсна одѣлись въ старинныя русскія костюмы XVI и XVII вв. Впечатлѣніе, произведенное этимъ нововве-

деніемъ на общество, хорошо рисуютъ „Московскія Вѣдомости“ (7 іюля 1882 г., № 186):

Для небывавшихъ на Московской выставкѣ необходимо замѣтить, что эстрада концертнаго зала, довольно высоко приподнятая надъ партеромъ, украшена архитектурою и живописью подъ дерево, стропилами, балюсами, коньками, и представляетъ какъ-бы обширную хоромину въ русскомъ стилѣ. Въ эту-то палату при началѣ концерта чинно вступаютъ шестіемъ попарно мужской хоръ, до 150 человѣкъ, въ придворныхъ костюмахъ XVIII вѣка, въ суконныхъ охобняхъ, однорядкахъ съ позументами, разноцвѣтныхъ шелковыхъ рубашкахъ, и помѣщается въ глубинѣ эстрады. За нимъ идетъ длинная вереница мальчиковъ (дискантовъ), одѣтыхъ рындами, въ бѣлыхъ газетовыхъ кафтанахъ, желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ и собольихъ шапкахъ съ бархатнымъ верхомъ; они занимаютъ авансцену эстрады. Наконецъ, между ними и главнымъ хоромъ размѣщаются женскіе голоса въ костюмахъ сѣнныхъ дѣвушекъ и боярынь, въ кикахъ, низаныхъ жемчугомъ, въ прозрачныхъ фатахъ и сарафанахъ, расшитыхъ и затканыхъ серебромъ и золотомъ. Костюмъ самого г. Славянскаго, боярскій нарядъ временъ царя Алексѣя Михайловича, верхъ роскоши и стариннаго изящества. Общее впечатлѣніе русскаго придворнаго хора пѣвчихъ XVIII столѣтія безукоризненно, какъ съ археологической, такъ и съ эстетической сторонъ.

Къ этому описанію развѣ прибавить, что почти всѣ газеты Петербурга и Москвы передавали тѣ-же впечатлѣнія объ этомъ прекрасномъ нововведеніи. Г. Wallas, корреспондентъ „Times“, въ восторгѣ отъ пѣсенъ, ихъ исполненія и костюмовъ, называлъ капеллу „передвижной консерваторіей и музеемъ“. Читая эти восторженные отзывы печати о русскихъ национальныхъ костюмахъ въ 1882 году, удивляешься, отчего этимъ восторгамъ не дать перейти въ дѣло и не пересоздать всю русскую чиновничью и военную форму *) по русскимъ образцамъ и въ русскомъ вкусѣ? Восторгъ, съ какимъ московское общество въ десяткахъ тысячъ своихъ представителей привѣтствовало въ этотъ-же (1882) годъ русскую пѣсню, былъ небывалый и поражающій всякаго своею грандіозностью. Приводимъ отзывы газетъ: „Московскія Вѣдомости“ сообщали:

Концерты Д. А. Славянскаго пользовались втеченіе всей выставки вполне заслуженнымъ успѣхомъ, но сегодняшній, 31 іюля, выходитъ изъ ряда и обязываетъ газетнаго хроникера отмѣтить его особо. Концертная зала Московскаго Музыкальнаго Общества, несмотря на субботу, была полнехонька, и съ самаго начала втораго отдѣленія начался непрерывный рядъ овацій. Вызовамъ г. Сла-

*) Къ послѣднему, впрочемъ, уже есть стремленіе и малое сдѣлано.

винскаго и требованіямъ повтореній не было конца. Дмитрій Александровичъ пѣлъ сверхъ программы нумеръ за нумеромъ, и казалось, что крики „bis“ никогда не прекратятся. Послѣ каждаго нумера г. Славянскаго вызывали по два и по три раза и снова требовали повторенія. Такъ, сверхъ программы спѣты были: „Дубинущка“, комическая „Дня дудка моя“, „Спится мнѣ младешенькой“, „Ой ты тируська, ты тируська бычекъ“, и много другихъ. Въ заключеніе съ обычнымъ бгю былъ исполненъ народный гимнь, восторженно принятый публикой.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ содѣйствовалъ этимъ ованіямъ распространившійся слухъ о томъ, что это предпоследній концертъ г. Славянскаго. На завтра, 1 августа, какъ мы слышали, предполагается поднесеніе подарка г. Славянскому на прощаніе отъ почитателей его таланта. Жаль, если справедливо, что это будетъ послѣдній концертъ русскаго хора,—ихъ предполагалось 16,—и вотъ они прерываются на половинѣ, и только потому, будто-бы, что зала понадобилась для какихъ-то рететцій (музыкальный Олимпъ опять отозвался!) Трудно себѣ представить, чтобы какимъ-бы то ни было рететціямъ могли помѣшать два часа вь сутки, занимаемые концертомъ русскаго хора. Хотѣлось-бы надѣяться, что дѣло уладится и Москва не будетъ лишена удовольствія слушать родныя пѣсни въ художественномъ исполненіи капеллой г. Славянскаго.

Вотъ, что писали „Современныя Извѣстія“:

Нашъ корреспондентъ въ своемъ отчетѣ о концертахъ г. Славянскаго, 31 іюля и 1 августа, сообщилъ, между прочимъ, что генеральный комиссаръ выставки А. Б. Беръ нашель необходимымъ, чтобы эти концерты (для которыхъ Русск. Музык. Общество закрыло-было двери музыкальной залы выставки) продолжались, ибо они, видимо, доставляютъ русской публикѣ высокое эстетическое наслажденіе. Но намъ кажется, что г. Беръ, дѣлая такое распоряженіе, имѣлъ въ виду и другіе, болѣе глубокіе соображенія и мотивы, а именно, что концерты г. Славянскаго дороги для русской публики не одною родною музыкой и прелестью исполненія русскіхъ и славянскіхъ народныхъ пѣсень, но тѣмъ еще, что она, русская публика, если не сознательно, то инстинктивно вполнѣ и ясно понимаетъ, что они имѣютъ для нея громадное воспитательное значеніе.

Кто-то совершенно справедливо высказалъ, что „въ пѣсняхъ выражается народъ“. И дѣйствительно, въ русскіхъ народныхъ пѣсняхъ — этомъ многословномъ произведеніи поэтическаго народнаго творчества — и въ ихъ оригинальной задушевной музыкѣ вылился весь духовный обликъ великаго народа Русскаго, съ его тысячелѣтнимъ историческимъ прошлымъ и безконечнымъ будущимъ, его религиозное и политическое міросозерцаніе, его свѣчаи и обычаи, его нужды и потребности, и весь его характеръ, со всѣми его добродѣтелями и недостатками; въ этихъ-же пѣсняхъ ясно сказывается безмѣрная ширь Россіи, какъ политическаго цѣлага...

... Вотъ съ какими мыслями и предметами знакомится русская публика, въ роскошныхъ поэтичско-музыкальныхъ образахъ, на концертахъ Славянскаго, — образахъ, которые, кромѣ того, невольно возбуждаютъ еще въ каждомъ мало-мальски русскомъ человѣкѣ глубокой національный патриотизмъ... Конечно, всѣ эти мысли

и чувства никакъ уже не могутъ возбудить безмысленное цыганское галдѣніе, фривольный французскій опереточный канканъ и чуждыя намъ—итальянская опера, съ ея ходульными героями, или нѣмецкая ученая музыка, въ которой сами Нѣмцы открыли сейчасъ неправоильность самой музыкальной гаммы и ищутъ признаковь „правильной гаммы“,—гдѣ-бы вы думали?—въ мелодіяхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ! Но, къ сожалѣнію, наша періодическая пресса, особенно большая, чуть не всякій день обширно описывающая, напримѣръ, событія въ Египтѣ, или то, что сказали, или думали сказать—Бисмаркъ, Гамбетта, или Гладстонъ,—до чего въ сущности русскому человѣку нѣтъ ни малѣйшаго касательства,—не только не придавала концертамъ г. Славянскаго того громаднаго значенія, какое они на самомъ дѣлѣ имѣютъ и имѣть должны, но даже, какъ-бы вовсе игнорируя ихъ, ограничивалась, да и то изрѣдка, самыми поверхностными о нихъ отзывами въ нѣсколько печатныхъ строкъ. Отрадное исключеніе въ этомъ случаѣ составила лишь одна газета—это „Современныя Извѣстія“... Кидая этотъ упрекъ нашей печати, мы приглашаемъ ее вникнуть во внутренней смыслъ концертовъ уважаемаго пѣвца-композитора, особенно глукоіи и имѣющій крайне-важное значеніе въ настоящее время, когда народное самознаніе и чувство патриотизма развивается въ русскомъ обществѣ чужеземнымъ развращающимъ влияніемъ... Съ своей стороны, мы считаемъ концерты талантливаго артиста дѣльнымъ событіемъ, и притомъ громаднѣйшей важности,—а потому всегда давали и будемъ давать о нихъ самыя пространныя рефераты, какіе только можетъ вмѣщать наша газета, на ея столбцахъ.

Несмотря, тѣмъ не менѣе, на такія выраженія общественнаго мнѣнія о русскомъ народномъ пѣвцѣ, петербургское западничество, оказываясь, всё-таки дѣлало *свое* дѣло: молчало предъ побѣдою русской пѣсни и тайно работало противъ нея; я говорю—тайно, потому что ничѣмъ другимъ нельзя объяснить той упорной молчаливой ненависти къ народной пѣснѣ, какую проявило оно за все описанныя двадцать лѣтъ...

Говоря о необычайныхъ успѣхахъ русской народной пѣсни, закончившихъ 1882 годъ, нельзя не упомянуть, что одною изъ немаловажныхъ причинъ этихъ успѣховъ послужила постоянная забота о своей родной пѣснѣ ея представителя Д. А. Агренева-Славянскаго. Эти заботы выразились въ попыткѣ устроить систематическое и правильное обученіе пѣнію членовъ его капеллы.

Вотъ, какъ описываетъ постановку этого дѣла газета „Петербургскій Листокъ“ (22 декабря 1882 г.):

Д. А. Агреньевъ-Славянскій сформировалъ въ своемъ помѣстьи (Тверской губерніи) пѣвческую капеллу—хоръ. Въ то время, когда Д. А. проводитъ время въ

своемъ помѣстьи, его хоръ живетъ въ сосѣднемъ его имѣнїи; жилия помѣщенїя обоихъ имѣнїи соединены телефонами, чтобы Славянскому можно было удобнѣе слѣдить за ходомъ ученїя и обученїя молодыхъ, начинающихъ пѣвцовъ его капеллы, въ числѣ которой есть пѣвцы - любители, бывшіе студенты. Для развлеченїя какъ себѣ, такъ и сосѣдямъ, а также, чтобы члены его капеллы были заняты и не могли предаться въ деревнѣ злымъ наклонностямъ, Д. А. устраиваетъ еженедѣльные спектакли по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ специально выстроенномъ, въ помѣстьи, для этой цѣли, театрѣ. Здѣсь происходятъ репетиціи, спѣвки, читка ролей. По праздничнымъ днямъ хоръ пѣвцовъ Славянскаго поетъ за обѣдней поочередно въ сосѣднихъ православныхъ церквяхъ, куда въ эти дни стекается за 30—40 верстъ масса народу.

Въ началѣ 1883 года Д. А. опять въ Петербургѣ даетъ общенародные концерты въ зданїи Михайловскаго манежа, собирающаго по нѣсколько тысячъ слушателей; на одномъ изъ нихъ присутствовалъ, 9 января, великій князь Владимїръ Александровичъ. Насколько на этотъ разъ сильнѣе стали симпатїи къ народной пѣснѣ, видно изъ описанїя одной Петербургской газеты:

Концертъ Д. А. Славянскаго въ Михайловскомъ манежѣ, 6-го числа, былъ полнѣйшимъ торжествомъ нашего русскаго Баяна. Болѣе восьми тысячъ публики насчитывали въ манежѣ; всѣ нумерованныя мѣста были заняты, и сзади, въ мѣстахъ, отведенныхъ для народа, было не менѣе трехъ тысячъ самыхъ восторженныхъ слушателей. Замѣчательная тишина, царствовавшая во время исполненїя пѣсень и особенно пѣнїя самого боярина - дирижера, доказывала глубокое и великое вниманїе публики, жадно прислушивавшейся къ каждому родному и дорожному звуку своей простой, но задушевной пѣсни, — вниманїе, которое потомъ, по окончанїи пѣнїя, переходило къ какой-то стонѣ, взрывѣ рукоплесканїй и радостныхъ криковъ, выражающихъ высшее удовольствїе. Кто присутствовалъ на этомъ концертѣ, тотъ, конечно, самъ испыталъ на себѣ, какъ велика сила народнаго творчества и простая, несложная, скорѣе однообразная пѣсня, передаваемая съ такимъ мастерствомъ и такою задушевною, въ которыхъ нельзя отказать г. Славянскому, и какое вполнѣ законченное, прїятное впечатлѣнїе она производитъ. Цѣлый курсъ исторїи можетъ быть преподанъ рядомъ пѣсень. Картина русской природы со всѣмъ ея разнообразїемъ и со всѣми переходами просится быть изображенною черезъ такую пѣню, которая не оставила ни времян года, ни разнообразїя климата, безъ того, чтобы ихъ не воспѣть. А бытъ народа! Начиная отъ родниъ, свадебъ, похоронъ — вся жизнь семейная, промышленная и жизнь общественная, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, жизнь духовная, наконецъ, — все воспѣто: куски готовые лежатъ въ неисчислимомъ множествѣ; они ждутъ только зодчаго, который-бы сложилъ изъ нихъ — и притомъ не одно цѣлое, но нѣсколько цѣлыхъ обширныхъ произведенїй, называйте ихъ, какъ угодно: драмою, или оперою. А

здѣсь начало цѣлаго курса народо-образовательнаго, столь обильнаго послѣдствіями дальнѣйшаго развитія, что ихъ ни предвидѣть, ни исчислить нельзя...

1883 годъ проходитъ среди ряда триумфовъ, овацій и восторговъ русской пѣснѣ, прослѣдовавшей отъ Петербурга до Кіева по Россіи. Подводя итогъ всѣмъ выраженіямъ восторговъ и пониманію воспитательнаго, въ смыслѣ народно-бытовомъ, значенія русской пѣсни, какія были обнаружены русскимъ обществомъ до 1884 года, можно смѣло сказать, что не оставалось уголка въ Россіи, гдѣ живетъ мыслящій русскій человѣкъ, въ которомъ-бы не было признано за Д. А. Агреневымъ-Славянскимъ качествъ, свойствъ и значенія современнаго русскаго Баяна; онъ, такъ сказать, всенародно таковымъ былъ признанъ. Такой ростъ элемента народности въ русскомъ самосознаніи съ одной стороны; съ другой, проникаясь красотами своей родной пѣсни, ея былевою правдой, благодаря неподражаемому выполненію этихъ пѣсней Славянскимъ, русскіе люди крѣпли въ смыслѣ народно-бытовомъ: въ народномъ самосознаніи идея народности получила въ этой пѣснѣ сильное подспорье для своего качественного и количественнаго развитія; „*мужичья пѣснь*“ канула въ вѣчность и на ея мѣсто явилась пѣснь народная, и въ два слишкомъ десятка лѣтъ завоевала себѣ право быть *такимъ общественнымъ дипломъ*, которое не только украшаетъ этическую фizioномію общества, но и имѣетъ для него политико-бытовое, воспитательное значеніе: пѣсня эта содѣйствовала повышенію уровня развитія народнаго вкуса, художественнаго чутья и, главное, послужила національно-патріотическимъ цѣлямъ, что при политическихъ условіяхъ недавняго прошлаго (да и нынѣ условія эти не много измѣнились), въ каковыхъ обрѣтались и обрѣтаются Русскій и Славянскіе народы, и въ смыслѣ культурномъ имѣетъ немаловажное значеніе, хотя-бы уже по тому одному, что этою, когда-то только *мужичкою*, пѣснюю, черезъ двадцать лѣтъ, русскіе люди могли уже *гордиться*, какъ своимъ *народнымъ* богатствомъ, какъ уже положеннымъ первымъ краеугольнымъ камнемъ будущаго величественнаго зданія русской народной музыки.

Приводимъ коротенькую записочку И. С. Аксакова къ С. О. Шарапову („Русское Дѣло“ № 5, 1887 г.) писанную передъ отъѣздомъ Славянскаго въ его заграничное путешествіе 1885 года, вполне подтверждающую послѣдній выводъ.

„Любезнѣйшій С. О!

Посылаю Вамъ билетъ на концертъ, доставленный въ редакцію Славянскимъ. Другой отослалъ къ Давидовичу. Непременно побудьте и дайте отчетъ въ „Руси“, а Славянскому отъ моего имени наговорите всякихъ хорошихъ вещей, и пожелайте полного успѣха, *который въ сущности будетъ нашъ національный успѣхъ*. Самъ я заваленъ работой. Вашъ *Ив. Аксаковъ*“.

Таково было значеніе русской народной пѣсни, добытое трудами даровитаго ея исполнителя и носителя Д. А. Агренева-Славянскаго, когда у него созрѣла мысль запѣть свою родную пѣснь южнымъ и западнымъ Славянамъ,—запѣть её не подъ протекціей „романса“ и „аріи“, какъ это было въ 1868 г., но самостоятельно, съ окрѣпшимъ уже сознаниемъ ея бытовыхъ красотъ, ея художественной правды и ея *политической силы*....

IX.

Путешествіе это по славянскимъ землямъ въ 1884 году началось съ Царьграда. Говоря, что путешествіе въ славянскія земли началось съ Царьграда, я не противорѣчу и не сбиваюсь, и думаю, что это всёмъ понятно и не нуждается въ комментаріяхъ.

Чтобы быть точнымъ и вѣрно передать значеніе этого путешествія русской пѣсни въ завѣтныя земли для русскаго сердца, чтобы уберечься отъ обобщеній и не увлечься, я передамъ въ хронологическомъ порядкѣ все то, что записала объ этой культурной русской экскурсіи мѣстная общественная и политическая лѣтопись.

Въ Перѣ о Славянскомъ только и говорятъ. Корреспондентъ „Нов. Времени“ пишетъ, послѣ двухъ концертовъ, данныхъ имъ здѣсь. О своемъ пріѣздѣ онъ никого не предупреждалъ, а пріѣхалъ въ Царьградъ экспромтомъ изъ Севасто-

поля съ семействомъ и хоромъ изъ 45 человѣкъ. Лишь только пароходъ вошелъ въ волшебный Босфоръ, согрѣваемый теплымъ утреннимъ солнцемъ, раздались на палубѣ звуки нашего гимна, который игралъ дѣтскій балльный оркестръ изъ 22 птенцовъ, составленный женой г. Славянскаго и управляемый сыномъ Дмитриемъ — 14 лѣтъ. Этотъ дѣтскій оркестръ продолжалъ играть русскія пѣсни во все время ѣзды по Босфору, пока пароходъ не остановился у Золотого Рога, между токующей Софией и опустѣвшимъ и мрачнымъ Долма-Бахче. Пантелеймоновское подворье предложило хору бесплатное помѣщеніе; командиръ парохода „Тамань“, г. Власевъ, предложилъ снабжать хоръ продовольствіемъ во все время его пребыванія здѣсь. Г. Нелидовъ, встрѣтивъ нашего пѣвца, какъ дорогого гостя, предложилъ ему дать первый концертъ въ залѣ посольства.

До концерта гостей возили по Константинополю, показывали древности, дали имъ возможность полюбоваться зрѣлищемъ во время выѣзда султана въ мечеть. Султанъ, повидимому, былъ пріятно пораженъ колонной длинноволосыхъ птенцевъ, которые поклонились ему, снявъ шапки, на что падишахъ любовно, съ улыбкой, привѣтствовалъ ихъ по-турецки. Первый концертъ состоялся 24 апрѣля въ залѣ нашего посольства. Къ 9 часамъ вечера начала стѣзжаться публика, которая наполнила собою громадную залу, несмотря на то, что всѣ билеты безъ различія стоили по лирѣ (9 руб.). Тутъ были всѣ посольства, турецкіе министры, представители здѣшняго beau mond'a и находящіеся здѣсь Русскіе. По окончаніи первой пьесы, поэмы „Добрыня Никитичъ“, раздались единодушные аплодисменты, воодушевившіе хоръ. Всѣ нумера трехъ отдѣленій были повторяемы по требованію публики, и хоромъ исполнено много пѣсенъ, не значившихся въ программѣ. „Ивушка“, „Слава“, „Твоя милая головка“, „Не бѣлы снѣги“, „Внизъ по Волгѣ“ привели публику въ неописанный восторгъ, который въ особенности единодушно сказался послѣ исполненной „Роши“, „Камаринской“ и „Ухнемъ“. Славянской произвелъ фуроръ. Единогласно рѣшено, что русская пѣснь, звуки которой изрѣдка долетаютъ до европейцевъ, глубока по своей задушевности; она величественна своею историческою тоскою, увлекательностью, и въ музыкальномъ отношеніи волшебна-мелодична. Итальянскій посольскій представитель, что теперь, когда источники музыкальные начинаютъ изсякать, европейцамъ необходимо ближе познакомиться съ русскими народными мелодіями. Между прочимъ, предложено было г. Славянскому испанскому посолу посѣтить Мадридъ, гдѣ его встрѣтятъ съ распростертыми объятіями, а лордъ Дюфферинъ просилъ Славянскаго съѣздить въ Лондонъ. На другой день вся константинопольская пресса восхваляла русскаго пѣвца. Недружелюбные намъ органы забыли свою ненависть къ Россіи, и всѣ въ одинъ голосъ превозносили русскую пѣсню, говоря: „мы ничего подобнаго не видѣли и не слышали“. 27 апрѣля состоялся второй концертъ въ одномъ театрѣ. Наканунѣ концерта уже не было ни одного билета. Бенуаръ занималъ весь дипломатическій корпусъ, а остальные мѣста были заняты членами разныхъ колоній, такъ что можно смѣло сказать, что здѣсь было смѣшеніе языковъ; въ амфитеатрѣ сидѣли наши матросы и съ другихъ станціонеровъ, а за ними кавасы всѣхъ посольствъ. Итальянскій посольскій сострилъ по поводу концертовъ Славянскаго: „Захочетъ Итальянецъ

давать концертъ, онъ долго ищетъ чего-то, пускаетъ рекламы; Нѣмецъ до концерта, по крайней мѣрѣ, выпьетъ бочку пива, обсуждая, какъ и когда концертировать; Англичанинъ флегматично ждетъ, пока его приведутъ концертировать, а Русскій, вздумавъ, пріѣхалъ и спѣлъ, и все это безъ рекламъ. Такъ и съ Восточнымъ вопросомъ. Пока державы думаютъ и разсуждаютъ, Россія идетъ и беретъ“.

31-го апрѣля Славянскій съ хоромъ пѣлъ обѣдню въ больничной церкви Св. Николая. Церковь не запомнить такого стеченія народа и такого сѣзда экипажей съ представителями beau monde'a и дипломатическаго корпуса. Просторный залъ храма не вмѣстилъ всѣхъ желавшихъ послушать церковное пѣніе. Торжественная служба и великолѣпное пѣніе хора вызвали у многихъ слезы умиленія. Чудно были спѣты: „Херувимская“ Бортиянскаго № 7, „Тебѣ поемъ“ Ломакина, „Слава Единородному“ Турчанинова, въ которыхъ соло пѣла дочь г. Славянскаго, Надежда, „Ангелъ вопіе“ Макарова, „Отче нашъ“ Бахметьева.

Послѣ обѣдни землякамъ былъ предложенъ отъ больницы завтракъ, которымъ распорядилась г-жа Нелидова.

Вечеромъ былъ данъ концертъ въ театрѣ, который представлялъ собою по содержанию программы и по энтузіазму публики повтореніе первыхъ двухъ концертовъ. 1-го мая хоръ Славянскаго далъ концертъ во дворцѣ Гильдизъ-кіоскѣ.

Газета „Тарикъ“ отъ ²³/₁₃ мая 1884 г. отмѣчаетъ, что султанъ, пораженный прелестью русскихъ народныхъ мелодій и ихъ художественнымъ исполненіемъ, наградилъ Д. А. Славянскаго орденомъ Меджидіе 2 степени, драгоценнымъ подаркомъ въ 3.800 руб. золотомъ, какъ равно и его семью и всю капеллу“.

Газеты „The Eastern express“ (№№ отъ 28 апр. 2, 7 и 10 мая), „Bosphore“ (№ отъ 7 мая), „La Turquie“ (№ отъ 8 мая), „Тарикъ“ (№ отъ 7 мая) „Stamboul“, „Phare du Bosphore“ (№ отъ 10 мая), „Journal de Constantinople“ (№ отъ 17 мая), „Saturday“ (№ 24 мая), всѣ въ одинъ голосъ помѣстили хвалебные гимны русскимъ народнымъ мелодіямъ и ихъ даровитому исполнителю, отмѣчая даже мелкія подробности.

Корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ впечатлѣнія русскаго человѣка при слушаніи русской пѣсни въ Царьградѣ:

Все русское посольство, съ посломъ во главѣ, предложило Славянскому повѣзку на Принцезы острова, на нашемъ военномъ кораблѣ „Тамань“. Какъ только пароходъ отчалилъ, вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, раздался маршъ „Скобелевъ“; оказалось, что всѣ дѣти Славянскаго и мальчики капеллы составили свой домашній оркестръ, подъ управленіемъ старшаго сына пѣвца, Дмитрія,

мальчика 12 лѣтъ, такъ что все время поѣздки до острова Принкипо, гдѣ была высадка для прогулки и завтрака, мы наслаждались, попеременно, то дѣтскимъ оркестромъ, то пѣніемъ капеллы. По дорогѣ все общество заѣхало въ греческій монастырь Св. Георгія; монахи насъ встрѣтили чрезвычайно любезно, и представьте себѣ ихъ удивленіе, когда вдругъ весь хоръ, войдя въ церковь, грянулъ: „Да воскреснетъ Богъ“ и „Христосъ воскресе“. Минута была поистинѣ величественная. Возвращаясь вечеромъ въ Константинополь, въ то время, когда пароходъ входилъ въ проливъ, и поровнявшись со Стамбуломъ, мы снова испытали такія минуты, какія можемъ испытать только мы, Русскіе, горячо любящіе и обожающіе Царя и Россію; всякій Русскій легко пойметъ это чувство, когда мы скажемъ, что дѣтскій оркестръ у стѣнъ Стамбула грянулъ: „Боже Царя храни!

Изъ Константинополя русская пѣснь перебралась чрезъ Варну въ Болгарію; концерты русскіе въ Варнѣ и Шумлѣ произвели, какъ и въ Русчукѣ, одни и тѣ-же восторженные впечатлѣнія и вызвали шумныя оваціи; особенно ярко выразилось настроеніе болгарскаго общества при отъѣздѣ изъ Русчука.

Послѣ обѣдни, пропѣтой въ мѣстной церкви Св. Троицы хоромъ Славянскаго, онъ со своимъ семействомъ и пѣвцами отправился на пристань, гдѣ окружила его собравшаяся уже въ довольно значительномъ числѣ публика. Въ числѣ членовъ русской колоніи находился и генеральный консулъ г. Макѣевъ. Въ ожиданіи парохода, хоръ военной музыки Шумлинской дружины, по инициативѣ командира ея, маіора Домбковскаго, все время игралъ славянскія композиціи. Въ 11½ час. прибылъ пароходъ и на него взошли семейство пѣвца и окружавшіе его. Послѣ взаимныхъ поздравленій и пожеланій, д-ръ Зоринъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Достоинѣйшій изъ соотечественниковъ нашихъ, Дмитрій Александровичъ! Вы видѣли, съ какимъ пламеннымъ восторгомъ мы принимали знаменитый хоръ Славянскаго; знайте-же, что каждый изъ нашего рѣдѣющаго здѣшняго русскаго общества, давно не видавшій своего роднаго, близкаго сердцу, особенно цѣнить появленіе ваше у насъ, и гордится тою проповѣдью о русскомъ духѣ и его могуществѣ, которую вы передаете такъ удачно и правдиво. Пусть хоть частію укрѣпятъ васъ на этомъ нелегкомъ пути тѣ искренніе порывы наши, которые вы возбуждаете въ сердцахъ нашихъ своею русскою пѣснью. Пусть-же эта пѣсня-проповѣдь идетъ съ вами въ міръ твердыми шагами, и да оновѣститъ она о той силѣ Русскаго человѣка, которая у него совмѣщается съ великою кротостью, изображенною былинами въ его добродушныхъ богатыряхъ. Пусть наши братья-Славяне, разрозненные историческими событіями, сольются также въ одинъ дружный могучій хоръ, въ которомъ каждый голосъ, не теряя своего самостоятельнаго значенія, станетъ поддержкой всего цѣлаго, и да будетъ камертонъ такого хора въ рукахъ могучихъ, знающихъ. Вы, музыкально-передавая намъ народный характеръ, не имѣющій ни отбѣнокъ жестокости, надѣмся, укрѣпите свою проповѣдь въ колеблющихся убѣжденіе, что Русскій народъ, съ свойственнымъ ему

добродушіемъ, постоянствомъ и силою, долженъ быть его единственнымъ знаменосцемъ, неоднократно доказавшимъ свои стремленія къ освобожденію многихъ народовъ, даже враждебныхъ его національности. Пусть ваша пѣсня съ такими стремленіями раздается весело и увѣренно во всемъ мірѣ, да оповѣститъ она каждому, что пришла пора намъ слиться въ могучій, дружный хоръ, и что давній пионеръ нашъ, съ сильнымъ оружіемъ пѣвучаго слова, не только Русскій, но и „Славянскій“, составляющій честь земли нашей“. Рѣчь эту дополнилъ русскій генеральный консулъ: „Я съ своей стороны долженъ добавить, что всѣ мы, окружающіе васъ, Дмитрій Александровичъ, сочувственно относимся къ тѣмъ идеямъ, которыя такъ прекрасно выражены докторомъ“. Слова эти были подтвержены общимъ „ура“!

Дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ Дмитрій Александровичъ Славянскій поблагодарилъ присутствовавшихъ, выразившись между прочимъ: „говорить я не мастеръ; я умѣю только пѣть“, и если звуки исполняемыхъ мною простыхъ народныхъ пѣсень дошли до сердца моихъ слушателей, то я счастливъ, и считаю это лучшею наградою за тѣ заслуги, которыя вамъ угодно признать за мною“. Затѣмъ, вниманіе всѣхъ находившихся на пароходѣ обратила на себя супруга г. Славянскаго, Ольга Христофоровна, произнесшая слѣдующій тостъ: „Господа! Здѣсь, на почвѣ Болгаріи, такъ недавно вступившей въ первую эпоху своей самостоятельной жизни, я предлагаю тостъ за процвѣтаніе этой молодой страны и желаю ей того, что будетъ служить задаткомъ ея дальнѣйшаго развитія— это правильнаго историческаго роста. Для достиженія этой цѣли нужно не пренебрегать тѣми уроками, которые даетъ намъ историческая жизнь всѣхъ славянскихъ народностей. Великъ и могучъ Славянскій народъ и лучшимъ олицетвореніемъ его мощи представляется мнѣ отецъ всѣхъ богатырей Святогоръ, былина о которомъ была исполнена въ одномъ изъ концертовъ Дмитрія Александровича Славянскаго. Сила этого богатыря была до тѣхъ поръ непреодолима, пока всѣ внутреннія стремленія его находились въ полномъ согласіи съ вѣшними проявленіями его силы. Разъ явился внутренній разладъ, богатырь палъ жертвою своей собственной силушки, напрасно потраченной. И ты, великій Славянскій народъ, не трать напрасно своей силушки, не трать!.. Заглянувъ въ исторію, мы видимъ, что всѣ враги Славянскаго міра приходили извнутри, изъ сердца его—это были тѣ внутренніе раздоры изъ-за брошенной кости, которые дѣлали несчастіе народа, потому что въ подобныхъ случаяхъ кость большею частію достается чужимъ псамъ. Итакъ, понявши, что все счастье, вся будущность Славянскаго міра зависитъ отъ полнаго единогласія и единодушія, проникнемтесь чувствомъ патріотизма не въ частномъ, а въ обширномъ смыслѣ этого слова, вышлемте за здоровье не Болгаръ, не Русскихъ и т. д., а за процвѣтаніе единой, родной, обширной Славянской семьи“!

Слова эти, произведшія въ присутствовавшихъ особое восхищеніе, вызвали общее „ура“! Провожавшіе пѣвца, съ самымъ лучшимъ впечатлѣніемъ о немъ, сошли съ парохода, который отплылъ съ пѣсней „Шуми, Марица“ стоявшей на палубѣ капеллы.

Тотъ-же восторгъ проявлялся и въ другихъ городахъ Бол-

гаріи, Систовъ, Ломъ-Паланкъ и проч. Болгарскимъ обществомъ придавалось то-же значеніе русской пѣснѣ, *значеніе сильного политически-объединяющаго родственныя народы фактора!*

Приѣхавъ въ Систово, Славянскій былъ встрѣченъ цѣлой депутаціей гражданъ, позаботившихся уже обо всемъ, какъ для прожитія, такъ равно и для устройства его концертовъ, которыхъ было два. Въ знакъ глубочайшей благодарности за то, что Дмитрій Александровичъ исполнилъ просьбу систовскихъ жителей, городъ устроилъ ему банкетъ, во время котораго О. Х. Славянская обратилась къ гостепріимнымъ гражданамъ съ слѣдующими словами. „Примите отъ насъ нашу искреннюю благодарность за ваше дорогое для насъ приглашеніе посѣтить вашъ городъ. Быть въ Болгаріи и не захватъ въ Систово весьма было-бы печально. Систово—это сердце Болгаріи. Систово дорого и для сердца каждаго Русскаго по своимъ воспоминаніямъ: здѣсь впервые блеснула звѣзда восхода вашей свободы въ 1877 году, здѣсь и та исходная точка, которая связываетъ нити русскаго и болгарскаго сердца. Я предлагаю тостъ за прочность этихъ связывающихъ насъ нравственныхъ узъ, за единодушіе Россіи и Болгаріи, за процвѣтаніе вашей народной жизни, за здоровье тѣхъ, кто на почвѣ Болгаріи привѣтствуетъ, какъ братьевъ, Русскихъ людей, и за „безмязный покой“ тѣхъ русскихъ героевъ, которые положили на вашей землѣ свои кости за вашу независимость“.

Пароходъ, на которомъ выѣхалъ въ этотъ день Славянскій изъ Систова, отошелъ при звукахъ гимна: „Шуми, Марица“, исполненнаго капеллою, при крикахъ „живѣйте“, которымъ напугивали дорогихъ гостей систовскіе граждане.

Доѣхавши до Ломъ-Паланки, Дмитрій Александровичъ встрѣченъ былъ окружнымъ начальникомъ, который былъ присланъ по приказанію князя Александра и министра-президента Цанкова, чтобы способствовать Славянскому и его семьѣ къ доставленію всѣхъ удобствъ во время труднаго переѣзда черезъ горы. Уже наняты были лошади, какъ явилась депутація изъ города, съ просьбой дать концертъ, что и было исполнено въ этотъ-же день. Несмотря на довольно вмѣстительный залъ, въ зданіи гимназіи, мѣстъ для публики, съѣхавшей даже изъ Виддина, не хватило, такъ что до 50 человѣкъ помѣстились въ корридорѣ, гдѣ могли только слушать, ничего не видя, и многіе ушли, не добившись мѣстъ.

Переѣздъ черезъ Балканы, несмотря на всѣ заботы о возможномъ удобствѣ, былъ все-таки затруднителенъ. Капелла, ѣхавшая въ 18 экипажахъ, не находила достаточно просторнаго помѣщенія для ночевокъ. На бѣду при подъемѣ на самую высокую точку перевала настигъ путниковъ проливной дождь, холодъ и градъ. Лошади не могли идти; пришлось сдѣлать подъемъ пѣшкомъ по прямой дорогѣ, или вѣрнѣе, — „по телеграфнымъ столбамъ“, оставивши экипажи позади.

Въ Софіи приемъ былъ не менѣе восторженъ. Газета „Тырновская Конституція“, органъ Каравелова говоритъ:

„Софія должна быть признательна г. Славянскому за его посѣщеніе и возможность, каковую онъ намъ далъ этимъ посѣщеніемъ оцѣнить всю сладость русской

народной пѣсни. Будемъ надѣяться, что еще передъ отъѣздомъ г. Славянскій устроить такъ, чтобы и остальное населеніе могло-бы познакомиться съ русскими пѣснями!“

Торжества, какими встрѣчали и провожали Д. А. Славянскаго, органъ Начевича, „Отечество“, описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Софіи устроена была встрѣча Д. А. Славянскому, и кметомъ города приготовлены безплатныя квартиры, а офицерами клуба—безплатный для всей канцеллы столъ. Отъ 5 до 12 іюня дано было 6 концертовъ, въ которыхъ присутствовалъ и князь Александръ Болгарскій, а также отслужена митрополитомъ при пѣніи канцеллы Славянскаго божественная литургія. Д. А. и О. Х. Славянскіе были приглашены къ обѣду его высочества, а наканунѣ отъѣзда во дворецъ его высочества былъ сервированъ завтракъ для семьи г. Славянскаго исключительно; послѣ завтрака г. Славянскій съ семьей осматривалъ княжескій дворецъ, причемъ его высочество соблаговолилъ объяснить значеніе знаменъ, на которыхъ видны слѣды крови, украшающихъ одну изъ его комнатъ. Когда вошли въ кабинетъ, его высочество передалъ собственноручно Д. А. Славянскому орденъ св. Александра для ношенія на шеѣ, а супругѣ его медаль за науки и искусства; дѣтямъ-же всѣмъ подарены были прелестныя бомбоньерки. Затѣмъ его высочество обнялъ и поцѣловалъ Д. А. Славянскаго.

Въ этотъ-же день, въ 6¹/₂ часовъ вечера, софійское городское управленіе дало въ честь Д. А. и О. Х. Славянскихъ обѣдъ. На обѣдѣ было по крайней мѣрѣ 80 человекъ самыхъ именитыхъ гражданъ и чиновниковъ, между прочимъ и всѣ министры. Русскій дипломатическій агентъ съ обоими секретарями, военный министръ князь Кантакузенъ и много высшихъ русскихъ офицеровъ также здѣсь присутствовали. Обѣдъ былъ оживленъ. Первый всталъ г. кметъ, Пешовъ, и провозгласилъ тостъ за здравіе дорогого гостя, г. Славянскаго, и его семейства, въ отвѣтъ на что славянскій пѣвецъ поднялъ бокалъ и на болгарскомъ языкѣ сказалъ слѣдующее: „Граждане! я не политикъ и не умѣю говорить политическихъ рѣчей. До сего дня я тружусь надъ изученіемъ всеславянской пѣсни, будучи увѣренъ, что въ ея мелодіи отражается та духовная гармонія, которая должна владѣть раздѣленными и разбросанными по свѣту Славянами. Вотъ идея, которую пѣснь моя переноситъ изъ одной страны въ другую по всему великому Славянскому міру. На попріицѣ практическаго примѣненія той-же идеи пускай работаютъ дипломаты и воины, мнѣ-же остается только радоваться, глядя, какъ вы, возрожденные болгарскіе граждане, собрались сюда, чтобы привѣтствовать мощную славянскую пѣсню, и благодарить васъ отъ души и сердца за то, что вы даете мнѣ случай убѣдиться, что идея моей пѣсни живетъ и въ доблестныхъ сердцахъ болгарскихъ. Средчане (т. е. жители города Софіи, называющейся по-славянски Средець), да здравствуйте, „ура!“ Эти оба тоста покрыты были громогласными „ура!“ Потомъ г. Храновъ провозгласилъ тостъ за здравіе русскихъ дипломатовъ и воиновъ, которымъ Болгарія всегда считаетъ себя обязанной своею свободой.

Вообще, говорилось много рѣчей. Наконецъ, встала г-жа О. Х. Славянская и произнесла слѣдующую рѣчь: „Болгаре! вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я, русская женщина, нахожусь въ прекрасной странѣ вашей и чувствую себя такъ хорошо, какъ будто я у себя, въ Россіи, дома!... Не удивляйтесь, господа: давно мыслью и сердцемъ слилась я съ народной всеславянской поэзіей, изучила исторію Славянъ не только по учебникамъ, а по образцамъ ея народнаго творчества, и для меня слово „родина“ получило болѣе обширное значеніе.

„Дѣйствительно, единство идеи великаго славянскаго міра не является нигдѣ такъ наглядно, какъ въ народной пѣснѣ и поэзіи, единственномъ источникѣ доисторической жизни народа.

„Начало нашего славянскаго пѣснопѣнія теряется въ глубокой древности; поэты древнихъ временъ не знали ни правилъ стихосложенія, ни музыкальнаго ритма,—ими руководили только тѣ впечатлѣнія, которыя воспринимались ими извнѣ. Еще въ тѣ незапамятныя времена, когда все обширное пространство, занимаемое нынѣ славянскими государствами, покрыто было дремучими лѣсами, непроходимыми болотами, и Славяне, жившіе отдѣльными семействами, назывались по мѣсту жительства „Полянами, Древліанами, Сѣверянами“ и т. п., предки наши на могилахъ своихъ героевъ воспѣвали ихъ мужество и силу.

„Такимъ образомъ, образовался героическій эпосъ, выразившійся въ былинѣ—старинѣ, сказкѣ и присказкѣ. Періодъ этотъ принадлежитъ нераздѣльно колыбели всего Славянства и служитъ выраженіемъ частію стихійныхъ, частію скрытныхъ народныхъ силъ. Народная фантазія облекла своихъ героевъ въ фантастическіе образы, а стоустая молва, единственная лѣтопись того времени, передала преданія объ нихъ въ потомство въ разукрашенномъ видѣ, напримѣръ, въ былинахъ о „Святогорѣ“ о „Дунаѣ, сынѣ Ивановичѣ“, „объ Алешѣ Поповичѣ“ и др.

„Съ позднѣйшимъ размноженіемъ и расселеніемъ Славянъ, герои вымысла уступили мѣсто болѣе правдивымъ героямъ домашней жизни, и героическая былина перешла въ бытовую пѣсню, изображающую намъ уже индивидуальную жизнь отдѣльных славянскихъ племенъ, но въ полной зависимости отъ ихъ цѣлаго. На такихъ-же точно законахъ образовались и различныя нарѣчія славянскаго языка.

„Такимъ образомъ, пѣсня является единственнымъ проводникомъ общеславянской народной жилы, той устной исторіей, которая передаетъ намъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, всѣ чувствованія, вѣрованія, горе, радости,—словомъ, даже всѣ случайныя впечатлѣнія, воспринятія народомъ и разлившіяся, такъ сказать, во всему его народному тѣлу, подобно вѣтвямъ обширнаго дуба, получающимъ пищу свою отъ одного корня.

„Съ этой точки зрѣнія изученіе народной всеславянской поэзіи и пѣсни является серіозною задачей и дѣломъ полезнымъ. Я, какъ русская женщина, горячо любящая все славянство и посвятившая свою жизнь на изученіе народной поэзіи и пѣсни, а слѣдовательно и народной жизни,—предлагаю (къ сожалѣнію, здѣсь отсутствующей) болгарской женщинѣ въ первую эпоху самостоятельнаго развитія страны обратить на это изученіе серіозное вниманіе. Печальный,

но констатированный фактъ, что образованіе женщины во всякой молодой странѣ долго остается на заднемъ планѣ, между тѣмъ женщина есть воспитательница, болѣе того — она законодательница своей семьи, а семья въ обширномъ значеніи — есть общество, общество-же даетъ намъ полезныхъ членовъ для отечества.

„Давно доказано великими мыслителями, какое великое вліяніе способна оказывать женщина на успѣхи въ наукахъ и искусствахъ, да и тѣ, которымъ неизвѣстны имена этихъ мыслителей, помпять, какую важную роль на страницахъ исторіи введенія и распространенія христіанства играло имя Святой Великой Княгини Ольги Псковитянки у Славянъ. А на другомъ поприщѣ: не Агриппина ли развивала и поддерживала героизмъ и мужество въ римскихъ гражданахъ? И не Аспазія-ли создала золотой вѣкъ Перикла? Наконецъ, у васъ, Болгаре, развѣ умереть когда-либо имя знаменитой Райны, извѣстной всему Славянству подъ именемъ „Панагюрска царица?“

„Понятно, что все это женщины исключительнаго развитія и поставленія въ исключительныя историческія условія; задача-же обыкновенной женщины, гражданки своей страны, это своимъ вліяніемъ на общество поднять и облагородить его нравы и воспитать молодое поколѣніе въ чувствахъ любви къ родинѣ, возбудить въ немъ духъ единодушія и направить всѣ молодыя силы его на приведеніе всѣхъ великихъ славянскихъ идей къ единому общему знаменателю. Вы вступили въ самостоятельную жизнь при счастливыхъ условіяхъ: передъ вами уроки изъ исторической жизни другихъ славянскихъ народовъ... передъ вами примѣры героизма и самоотверженія защитниковъ вашей страны, имена которыхъ останутся на вѣки вѣчные начертанные золотыми буквами на страницахъ исторіи возстановленія независимости Болгаріи... передъ вами совѣты вашихъ учителей — братьевъ по крови и плоти... Пользуйтесь всѣмъ этимъ, братья, и пусть первый лучъ надежды на освобожденіе Болгаріи, купленный цѣною русской крови, блеснуть надъ вами, отъ нынѣ и до вѣка, лучезарной звѣздой восхода новой и сознательной жизни, и да живетъ въ васъ вѣчно славный, мощный славянскій духъ, сливающийся отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря и отъ Адриатическаго моря до Великаго океана все Славянство во-едино! Ура!“

Говорилось еще много рѣчей, затѣмъ Г. В. Стояновъ пѣлъ болгарскія пѣсни, потому танцовали болгарское *хоро* (народный танецъ), въ которомъ участвовали всѣ безъ исключенія. Въ довершеніе всего г. Стояновъ, отъ лица всей Болгаріи, пригласилъ дорогаго гостя присутствовать въ будущемъ году на всеславянскомъ праздникѣ въ Софіи; праздникъ этотъ будетъ въ день свв. Кирилла и Меѳодія. Г. Славянскій обѣщалъ непременно посѣтить Софію со всѣмъ семействомъ во время этого сѣзда.

На другое утро Д. А. Славянскій съ семействомъ и капеллою отправился въ Сербію; его провожало далеко за городъ большое общество. Разставанье было самое трогательное: Болгарія пришелся по сердцу нашъ „русскій бардъ“.

Кстати сказать здѣсь, что, читая обо всѣхъ этихъ восторггахъ, съ какими встрѣчена была русская народная пѣсня бол-

гарскимъ народомъ и его бывшимъ княземъ всего за годъ до „румелійскаго переворота“, враждебнаго Россіи, и сравнивая это настроеніе Болгарь съ таковымъ послѣ упомянутаго переворота, поневолѣ приходишь къ выводу: или не искренни и фальшивы были симпатіи Болгарь и ихъ перваго князя къ Россіи и Русскому, или *враждебное* настроеніе этого народа не истинное, а лишь напускное и подтасованное тѣми, кому это было нужно. Но объ этомъ пусть скажетъ будущее. Мы-же пойдемъ дальше за русскою пѣсню въ сосѣднюю Болгаріи славянскую землю, Сербію.

IX.

Вотъ любопытныя телеграммы, предшествовавшія этой поѣздкѣ:

Нишъ. Маршалу сербскаго двора.

„Возвращаясь съ семействомъ изъ артистическаго путешествія по славянскимъ землямъ въ Россію чрезъ Нишъ, Бѣлградъ и Вѣну, съ капеллой въ 45 человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, прошу вашего ходатайства предъ е. в. соизволить разрѣшить мнѣ давать концерты въ Нишѣ и Бѣлградѣ. Благоволите преподнести къ стопамъ ихъ величествъ чувство моего глубокаго уваженія и просить ихъ не отказать мнѣ въ ихъ высокомъ покровительствѣ.“

Софія. Славянскому:

„Телеграмма г. Славянскаго, которою онъ проситъ о разрѣшеніи дать концерты въ Нишѣ и Бѣлградѣ, составляя вопросъ не относящійся къ министерству двора, ставитъ министра въ невозможность дать отвѣтъ. Что-же касается до августѣйшаго покровительства ихъ величествъ, которые на этихъ дняхъ отправляются въ Бѣлградъ, то такое покровительство и. в. оказываютъ лишь тѣмъ лицамъ, которыя дѣйствительно-бы сумѣли его заслужить. Подписаль: полковникъ *Симоновичъ*.“

По поводу этого отвѣта болгарская газета „Отечество“ большой органъ консервативной партіи, замѣчаетъ: „Неужели, чтобы пѣть славянскія пѣсни въ Сербіи, человѣкъ долженъ заслужить покровительство въ смыслѣ указанномъ въ телеграммѣ, т. е. принять политическое „вѣрую“ короля Милана?“

Тѣмъ не менѣе, на концертѣ 28 іюня въ Бѣлградѣ, король Миланъ просилъ исполнить нашъ народный гимнъ и выслушалъ его, стоя со всею публикой. Пѣніе гимна было покрыто шумнымъ „живіо“.

Принимая Д. А. Славянскаго въ самый день его пріѣзда, король между прочимъ сказалъ, что его называютъ Австрійцемъ и католикомъ, но что онъ надѣется въ скоромъ времени доказать, каковъ онъ Австріецъ и каковъ католикъ. „Я православный и Сербъ,—добавилъ король,— а если я нахожусь въ дружбѣ съ Австріей, то къ этому принуждаетъ меня географическое положеніе Сербіи; будущность докажетъ, на сколько Сербія измѣнила своимъ преданіямъ“.

Вотъ, какъ рассказываютъ о пребываніи въ Сербіи Славянскаго „Московскія Вѣдомости“ (31 октября 1884 г.).

При вѣздѣ въ городъ Нишь, навстрѣчу къ русскимъ гостямъ вышелъ, знаменитый еще во времена зависимости Сербіи отъ Турціи, воевода, Никола Рачицъ, и, отворивъ ворота своего дома, пригласилъ гостей подъ свой гостепріимный кровъ. Гостепріимствомъ воеводы воспользовалось семейство Славянскаго. Такой маленькій городишко, какъ Нишь, выдержалъ три концерта сряду; Славянскаго упросили сѣсть въ церкви. Всѣ присутствовавшіе, съ королевой Наталіей во главѣ, были тронуты звуками нашей духовной музыки.

Королева предложила Славянскому для переѣзда его съ капеллою въ Бѣлградъ нѣсколько вагоновъ въ министерскомъ поѣздѣ и взялась сама устраивать русскіе концерты въ сербской столицѣ. По дорогѣ въ Бѣлградъ Славянскій остановился въ Семендріи (Смередево) только съ цѣлью отдохнуть, но явилась депутация, и онъ обѣщавъ дать на другой день по пріѣздѣ въ этотъ городъ концертъ. Въ концертѣ публика потребовала „русскій гимнъ“ и вывела двухъ Австрійцевъ, не вставшихъ при исполненіи его. Тотчасъ-же по окончаніи концерта снова явилась депутация и внесла прямо полный сборъ за второй концертъ, лишь-бы только остался пѣвецъ нашъ еще на день; можно-бы было дать и еще нѣсколько вечеровъ, но Славянскій получилъ телеграмму изъ Бѣлграда, извѣщающую о томъ, что королева уже справлялась, пріѣхалъ-ли Славянскій. На другой день по пріѣздѣ въ Бѣлградъ Славянскій былъ представленъ королю, а на третій день онъ вмѣстѣ съ женою своею провелъ утро у королевы. Концертъ назначенъ былъ въ придворномъ театрѣ, и билеты, не смотря на страшно-высокія цѣны,

назначенныя самою королевою (а именно: тѣ ложи, которыя обыкновенно про-
даются по 7—8 динаровъ, стоили по 60 динаровъ), были разобраны въ нѣсколько
часовъ на-расхватъ. Театръ былъ переполненъ, даже въ корридорахъ не было
прохода. По прибытіи короля и королевы въ театръ, пѣвцы привѣтствовали ихъ
сербскимъ гимномъ, послѣ чего публика сначала шепотомъ, а затѣмъ все настой-
чивѣе и сильнѣе стала требовать русскаго гимна, такъ что королева прислала
просить Славянскаго сѣсть „Боже, Царя храни“, что и было исполнено къ об-
щему восторгу всей массы, поднявшейся при первомъ аккордѣ. Всѣ три концерта,
данные въ томъ-же помѣщеніи королевскаго театра, были рядомъ овацій пѣвцу
и торжественныхъ изъявленій любви и преданности Россіи. На сцену являлись
депутации отъ различныхъ обществъ, подносили вѣнки и букеты, говорилось много
рѣчей, тутъ-же на эстрадѣ всѣ единодушно просили не покидать ихъ скоро.
Славянской былъ приглашенъ королевою пѣть въ церкви и, не смотря на то, что
отклонялся отъ предложенія, не желая и не считая себя въ правѣ пѣть въ соборѣ
при служеніи архіерея, не признаннаго Русскою церковью, придворные, именемъ
короля и королевы, настоятельно просили объ этомъ и допытывались причины,
почему Славянской предпочитаетъ маленькую придворную церковь королевы во
имя Святой Великомученицы Наталиі обширному собору. Тогда, вынужденный
сказать причину откровенно, Славянской заявилъ, что въ соборѣ онъ можетъ
пѣть только при томъ условіи, если будетъ совершать богослуженіе не архіерей,
а придворный священникъ, отецъ Павловичъ, такъ какъ послѣдній воспитанъ въ
Россіи и посвященъ митрополитомъ Михаиломъ въ санъ священника. Такимъ
образомъ, архіерей былъ удаленъ на этотъ день отъ служенія въ соборѣ и литур-
гія была отслужена священникомъ Павловичемъ при громадномъ стеченіи народа,
въ присутствіи королевы, русскаго посольства, представителей другихъ державъ
и всего прежняго сербскаго министерства, приверженнаго Россіи; но нынѣшнее
министерство отсутствовало.

Въ послѣднемъ концертѣ въ театрѣ явились къ Славянскому депутации ав-
стрійскихъ Славянъ изъ Новаго Сада, Панчова и другихъ городовъ, съ прось-
бой посѣтить ихъ. Славянской послалъ телеграмму въ Вѣну къ русскому послу
съ просьбой доставить ему разрѣшеніе давать концерты въ австрійской Сербіи,
по дорогѣ въ Вѣну, но, получивъ отвѣтъ, что надо испрашивать на то
разрѣшеніе въ каждомъ городѣ отдѣльно, онъ послалъ распорядителя въ выше-
упомянутые города. Мѣстная полиція дала такой отвѣтъ: „мы никогда не гу-
стимъ на свою территорію 48 казаковъ съ ихъ революціонными пѣснями“. Та-
кимъ образомъ, русскій концертъ не состоялся у австрійскихъ Славянъ; мало
того, взята была подписка, что Славянской, отправляясь снова внизъ по Дунаю
въ Болгарію, не высадится даже на австрійскомъ берегу! Такъ Славянской
долженъ былъ возвратиться въ Болгарію. Провожала Славянскаго на пароходъ
масса публики, напутствія были самыя трогательныя и всѣ единогласно про-
сили передать въ Россію, что не ослабла къ ней симпатія Сербовъ, что дѣй-
ствія нынѣшняго министерства идутъ въ разрѣзъ съ чувствами, желаніями и
симпатіями народа. Когда пароходъ сталъ отчаливать, капелла грянула „рус-
скій гимнъ“, покрывшись криками: „Слава! Живіо! До лучшихъ дней, брать

Русь!« Дойхавъ по Дунаю до Рушчука и пригласивъ митрополита Михаила приѣхать на Шипку, чтобъ отслужить тамъ 12-го іюля панихиду по покойномъ Царѣ-Освободителѣ и павшихъ на полѣ брани воинахъ, Славянскій отправился въ Тырново, гдѣ еще продолжалось „народное собраніе“.

Въ Тырновѣ Д. А. Славянскій далъ два концерта, и проѣхалъ потомъ въ сопровожденіи желающихъ присутствовать при панихидѣ на Шипкѣ въ Габрово, гдѣ пѣлъ утромъ 11-го іюля обѣдню въ женскомъ монастырѣ, а вечеромъ далъ концертъ. Погода стояла дождливая, но съ вечера 11-го іюля произошла перемена, и 12-го іюля былъ прекрасный, теплый, солнечный день. Интересно было видѣть длинныя караваны вьючныхъ лошадей, на которыхъ ѣхали: митрополитъ Михаилъ съ сопровождающимъ его духовенствомъ, Славянскій съ семействомъ, съ пѣвцами и пѣвицами; затѣмъ слѣдовали ослики, на которыхъ размѣстившись мальчики изъ капеллы Славянскаго и его младшій сынъ. Вершина Св. Николая послѣ событій 1878 года впервые была такъ густо залита массами народа, пришедшими изъ Болгаріи и Румелии помолиться за упокой христіанскихъ душъ, и почтить память великаго подвига христіанской любви: освобожденія Россіей Болгаріи цѣной своей братской крови.

Въ часъ пополудни совершена была митрополитомъ Михаиломъ, при участіи двухъ болгарскихъ архіерейскихъ намѣстниковъ, панихида по покойномъ Царѣ-Освободителѣ и павшихъ на полѣ брани воинахъ. При звукахъ „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“, всѣ присутствующіе пали на колѣни. Затѣмъ пропѣтъ былъ капеллой гимнъ: „На смерть покойнаго Царя-Освободителя“, сочиненный (слова и музыка) О. Х. Славянскою, а митрополитомъ Михайломъ сказана глубоко-прочувствованная рѣчь. Послѣ того произнесено было многолѣтіе нынѣ царствующему Царю-Покровителю Славянъ. По окончаніи богослуженія, кметомъ Габрова была предложена для гостей закуска, послѣ чего всѣ начали спускаться къ деревнѣ Шипкѣ, гдѣ уже были готовы лошади для отъѣзда въ Казанлыкъ.

Здѣсь не лишнее отмѣтить, что органъ парламентскаго большинства Каравелова и Стамбулова, „*Нородно Собрание*“, редактируемое Д. Петковымъ и Захаріемъ Стояновымъ, по поводу поѣздки Славянскаго на Шипку и, вообще, его пріѣзда въ Болгарію, осыпалъ Славянскаго, митрополита Михаила и населеніе болгарское, отнесшееся такъ сочувственно и восторженно къ русской пѣснѣ, самой площадною бранью!

Эта газета не оставила ничего святаго для русскаго и славянскаго сердца не поруганнымъ. Русская мысль, русскіе нравы, русская наука и искусство, православная вѣра и традиціи Русскаго народа—все было осмѣяно съ самой циничною наглостью! Сравнивая отзывы о значеніи русской пѣсни газеты „Тырновской Конституціи“, органа Каравелова, по-

ка онъ не стоялъ у власти (см. стр. 87), и помянутую площадную брань, газета „*Нородно Собрание*“, органъ того-же Каравелова, когда уже онъ былъ министромъ-президентомъ, поневолѣ приходится согласиться со словами одного русскаго дипломата, сказавшаго о Каравеловѣ, что послѣдній всегда бываетъ руссофиломъ, когда ему нужно добиться власти, и — врагомъ Россіи, когда эта власть въ его рукахъ, и со словами О. Х. Агреновой, пророчески сказавшей въ бесѣдѣ съ Каравеловымъ: „Помните, что ваша политика Іуды приведетъ ваше отечество къ великому несчастью; тогда будетъ поздно и ваше раскаяніе, на которое, впрочемъ, не надѣюсь. Есть люди, которые готовы иногда цѣной продажи своего отечества возвеличить себя; вы-же не способны и на это — вы погубите и себя, и Болгарію“.

Въ Казанлякъ были отведены квартиры для митрополита Михаила, для Славянскаго, его семьи и капеллы, и дано три концерта. Всѣ тѣ-же оваціи, все то-же требованіе гимна. Въ день отъѣзда, въ 6 часовъ утра, митрополитомъ Михаиломъ съ капеллою Славянскаго были отслужены двѣ паннихиды: одна въ церкви женскаго монастыря, а другая на самыхъ могилахъ павшихъ воиновъ. Распрощавшись съ митрополитомъ Михаиломъ и провожавшими его друзьями, Славянскій поѣхалъ въ Филиппополь, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ жители. Въ этомъ городѣ Славянскій съ семействомъ пользовался любезнымъ гостепріимствомъ нашего консула А. Г. Сорокина и его товарища А. Д. Путьяты, а также и извѣстнаго, бывшаго во время турецкаго владычества русскимъ вице-консуломъ, Болгарина Герова. Капелла-же помѣстилась въ зданіи школы, такъ какъ ученики на вакантное время всѣ разъѣхались изъ города. Въ Филиппополь дано было три концерта въ театрѣ и три въ саду, а въ торжественный день тезоименитства Императрицы Маріи Феодоровны отслужена литургія въ церкви. Общество офицеровъ устроило пикникъ въ лагеряхъ, а городское общество и преосвященный владыка Гервасій давали парадные обѣды; кромѣ того, русское консульство устроило пикникъ за городомъ у подошвы Родопскихъ горъ.

Возвратился Славянскій въ Россію опять черезъ Константинополь, гдѣ пробылъ только нѣсколько дней въ ожиданіи парохода. Въ этотъ разъ не одна капелла, но и онъ съ семействомъ остановился въ Пантелеймоновскомъ подворьѣ и пользовался гостепріимствомъ афонскихъ монаховъ.

5-го августа, на пароходѣ „Нахимовъ“, Славянскій возвратился въ Одессу, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ на Балканскомъ полуостровѣ.

XI.

Какъ въ это путешествіе пѣвца русской народной пѣсни въ славянскія земли, такъ и семнадцать лѣтъ назадъ, бросаются въ глаза однѣ и тѣ-же черты въ отношеніяхъ Славянъ къ этой пѣснѣ: одни видятъ въ ней только пѣснь, искусство, другіе — усматриваютъ въ ней значеніе вѣстника русской культуры и, какъ въ таковой, видятъ въ ней фактора въ области славянскаго духовнаго объединенія. Замѣчательно, что завѣдомые враги Россіи исключительно и прямо становятся на послѣднюю точку зрѣнія по отношенію къ русской пѣснѣ: въ 1867 году и въ 1884 году эта пѣсня имѣла одно значеніе: *Sängerrieg'a*. Въ 1867 году Вуковарскій жупанъ не пускаетъ ее въ городъ, а вслѣдъ за нимъ намѣстникъ Раухъ — во все Трїединое королевство. Въ 1884 году уже совѣмъ не пускаютъ пѣсню нашу въ Австро-Венгрію. Въ 1884 году правители Болгаріи ругаютъ ее за присутствіе ея на Балканахъ, а нынѣ въ 1888 году, вѣроятно, не пустили бы ее и въ предѣлы Болгаріи! Въ 1867 году Славяне желали услышать эту пѣсню при „лучшихъ временахъ“. „Въ 1884 году они все еще продолжаютъ желать пѣсни — ждутъ тѣхъ *лучшихъ временъ*“.

Думаю, что меня не упрекнутъ за тотъ выводъ, что какъ ни разсматривать эти черты изъ отношеній враговъ и друзей Россіи къ русской пѣснѣ, какое ничтожное значеніе ни давать этой пѣснѣ, — все-же приходится считаться съ нею, какъ съ вѣскимъ политическимъ факторомъ въ области славяно-русской идеи. Возраженіе, что такое *культурное* значеніе русской пѣсни у Славянъ лишь временное и эффектированное, и на него опираться въ разсужденіи развитія объединяющаго начала было-бы ошибочнымъ и легкомысленнымъ, — не выдерживаетъ критики: общественный и политическій строй западно и южно-славянскихъ народовъ таковъ, что, на нихъ, на ихъ настроеніе, на ихъ симпатіи и антипатіи, наконецъ на ихъ энергію только и можно вліять *живыми*

факторами, а не теоретическими усовѣщиваніями и убѣжденіями. Еслибы надо было поднять народную массу (а это когда-нибудь да будетъ надо, если не надо и теперь) противъ Австрійцевъ на западъ и ихъ клеветовъ на югъ, то это можно было-бы сдѣлать прежде всего славяно-русской бытовой пѣснью! Эта живая, художественная лѣтопись чуднаго прошлаго Славянъ, ихъ героизма, это живое сказаніе о несравненныхъ бытовыхъ достоинствахъ славянскихъ племень, эта пѣснь труда, честности, самоотверженія, любви и глубокой вѣры, — проникла-бы въ затаенные уголки души Славянина, воскресила-бы въ немъ убаюканный экономическими заботами духъ его пращуровъ-богатырей, и въ нужную минуту повела-бы его на побѣдную борьбу съ давящимъ его иноземцемъ; эта борьба не была-бы „колоннами“, ея движенія не зависѣли-бы отъ сигнальнаго рожка, по не-Славянами выдуманному правилу стратегіи, — это была-бы борьба, диктуемая славянскимъ самосознаніемъ, была-бы борьба грудью, мышцами и мускулами, всѣми фибрами и поджилками, — борьба не военныхъ манекеновъ-солдатъ за честь знамени, но борьба Славянъ — живыхъ людей — за свое имя, за свой языкъ, за свою вѣру, за свое право жить на своей землѣ, какъ жили его дѣды и отцы, по своему, по-славянски! Это была-бы борьба не на размѣренномъ и указанномъ полѣ, но всюду и вездѣ, во всѣхъ закоулкахъ, лѣсахъ и дебряхъ, горахъ и долахъ, улицахъ и домахъ Славянской земли, гдѣ только засѣлъ врагъ этой земли и сосеть, какъ паукъ, кровь ея сыновъ, обезличиваетъ ихъ силою своей дьявольской системы *divide et impera*, убаюкивая ихъ героизмъ удовлетвореніемъ кое-какъ насущныхъ потребностей!

Это не увлеченіе. Всмотритесь въ славянскую народную массу, изучите ея міровоззрѣніе, и вы убѣдитесь въ ея эпическомъ характерѣ и свойствахъ, вы убѣдитесь, что это племя и понынѣ тотъ-же богатырь Илья Муромецъ, только-что пока онъ сидеть сидитъ! Оставьте-же ваши шаблонныя агитаціи на латинскій манеръ, оставьте высиженную случайно европейскою цивилизаціей славянскую интеллигенцію, дѣйствуйте прямо на народъ тѣмъ, что ему любо и дорого, что

ему понятно и за что онъ пойдетъ въ огонь и воду, а ему любо его прошлое, дороги его дѣды и отцы, его вѣра и обычаи, его любовь къ своему гнѣзду, къ семьѣ, къ брату, ему любя полновзвучная славянская рѣчь; его миролюбивая пѣнь будить въ немъ сознаніе, что все эти дорогія сердцу его вещи нынѣ на краю гибели, въ рукахъ враговъ, воскресите въ его умѣ мужественные подвиги его народныхъ героев, путемъ живой пѣсни, живой рѣчи и личнаго примѣра, и вы въ короткій срокъ увидите десятки милліоновъ западныхъ и южныхъ Славянъ, какъ одинъ, возставшими отъ сидѣнія, предъ вами выростетъ исполинъ Илья, предъ которымъ задрожитъ самая *железная* армія. Вы не вѣрите въ такую силу живого слова, — вамъ кажется это преувеличеніемъ? — войдите въ любую славянскую деревню, Сербовъ, Чеховъ, Словаковъ, Болгаръ, Моравянъ, Хорватовъ, Поляковъ; скажитесь, что вы консулъ, эмисаръ, что вотъ прокламаціи у васъ, вотъ манифесты, вотъ деньги, вотъ будущія блага, — передъ вами, можетъ-быть, снимутъ шапку, васъ, можетъ-быть, примутъ въ домъ, скажутъ вамъ да, а если подпоите даже крикнуть кое-что во вкусъ вашихъ требованій, но послѣ вашего отъѣзда васъ забудутъ, какъ и то, о чемъ вы проповѣдывали! Пойдите въ ту-же деревню скромно, какъ сама деревня, скажите ей жителямъ про старину, пропойте имъ ихъ пѣнь, сравните съ тѣмъ, что есть и что было по старинѣ, — вы сразу станете своимъ человѣкомъ, станете братомъ, другомъ, васъ не выпустятъ изъ дружескихъ объятій и васъ *не забудутъ*, ваши приходы въ деревню будутъ событія, вамъ будутъ *вѣрить*. Что такова сила живаго слова, мы глубоко вѣримъ! Исходя изъ этой вѣры, мы придаемъ большое политическое значеніе славяно-русской народной пѣснѣ Славянскаго. Только такое пониманіе значенія этой пѣсни заставляеть австрійскихъ государственныхъ людей, вотъ уже двадцать пять лѣтъ, бояться ея и такъ ревниво оберегать „наслѣдство Габсбургскаго дома“ отъ ея погубнаго на него вліянія, несмотря на какіе-бы то ни было прежніе „священные“, или недавно тройственные союзы и австро-мадьярскую милліонную армію.

ХП.

Въ концѣ 1884 года Дмитрій Александровичъ Славянскій поестъ на Кавказѣ: Кавказцы, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтили и проводили русскую пѣсню такъ-же восторженно, какъ это было въ 1880 году, съ тою лишь разницею, что въ 1884 году общественная мысль кавказскаго общества, подъ впечатлѣніемъ русской пѣсни, не ограничилась одними выраженіями чувствъ, но отмѣтила на страницахъ своихъ печатныхъ органовъ и тѣ мысли, которыя созрѣли въ четырехлѣтній періодъ отъ момента первыхъ и тогда новыхъ еще впечатлѣній, какія произвела на нее славяно-русская народная пѣсня въ 1880 году. Газета „Кавказъ“ въ № отъ 19 декабря 1884 года говоритъ: „Подобно древнему вѣщцу Баяну“, Славянскій возстановляетъ передъ нами въ чудныхъ музыкальныхъ образахъ преданія глубокой старины: настоящее, будничное житье-бытье русскаго народа, его труды-заботы, его веселье, его шутки и прибаутки, также чутко и вѣрно передаются Славянскимъ въ его пѣснѣ, то широкой и разудалой, то унылой и тоскующей!

„Въ пѣннй Славянскаго звучитъ русская душа во всей ея неподдѣльности, оттого-то оно такъ сильно, неотразимо дѣйствуетъ на насъ“.

Та-же газета въ номерѣ отъ 3 января 1885 г. видитъ *необходимость*, нужду въ ознакомленіи мѣстнаго населенія съ славяно-русскою пѣснью, и потому говоритъ: „нельзя не принести г. Славянскому глубокой благодарности за его стремленіе облегчить мѣстному населенію знакомство съ превосходными русскими напѣвами....“ „....вообще, дѣятельность уважаемаго Дмитрія Александровича въ высшей степени почтенна, по самой своей идеѣ: не малую службу сослужилъ онъ и продолжаетъ служить въ славянскомъ дѣлѣ, а его послѣдняя поѣздка по Славянскимъ землямъ, и тѣ оваціи, которыя онъ тамъ встрѣтилъ, воочію доказали, насколько наша младшая братія дорожитъ этой идеей и стремится къ

сближенію со старшимъ членомъ славянской семьи, путемъ ознакомленія съ нашей народной музыкой, передаваемой такимъ талантливымъ исполнителемъ, и притомъ такъ близко и вѣрно съ дѣйствительностью“.

Указаннымъ результатомъ русская пѣснь заканчивается 1884 годъ.

Съ началомъ 1885 года эта пѣснь, въ лицѣ своего носителя, помогаетъ разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Особенно выдающимся изъ этихъ концертовъ Д. А. Славянского является таковой въ пользу Преображенской больницы для душевно-больныхъ, данный 28 марта 1885 года. Я опишу этотъ концертъ словами одной изъ московскихъ газетъ:

28-го марта, въ большой залѣ Преображенской больницы для душевныхъ больныхъ, извѣстный русскій пѣвецъ, Д. А. Славянской, съ своею капеллою далъ бесплатный концертъ для страдалцевъ. Концертъ начался въ два часа дня и произвелъ на больныхъ пріятное впечатлѣніе. Больные слушали музыку съ большимъ вниманіемъ, сидѣли въ зрительной залѣ чрезвычайно чинно и смиренно, и человѣку, не посвященному въ то, гдѣ и для кого дается концертъ, трудно было-бы догадаться, что онъ находится среди душевно-больныхъ.

По окончаніи концерта, одинъ изъ выздоравливающихъ больныхъ составилъ и поднесъ г. Славянскому адресъ, полный текстъ котораго мы при семъ помѣщаемъ.

„Многозвѣстнѣйшій и достославный Дмитрій Александровичъ! Давно уже слава о васъ прогремѣла по всему земному шару, и всеславянская пѣснь ваша очаровывала и вдохновляла слушателей; но многіе изъ нынѣ присутствующихъ зрителей знали о васъ только по доходившимъ слухамъ и питали желаніе сами услышать вдохновенныя пѣсни ваши.

Нынѣ, въ столь знаменательный день, когда вы почтили наше общество посѣщеніемъ вашимъ, да будетъ дозволено мнѣ, отъ лица его, произнести вамъ нѣсколько задушевныхъ словъ прівѣта, взамѣнъ прівѣтственныхъ театральныхъ кликовъ и аплодисментовъ, которые не идутъ здѣсь и могутъ быть даже признаны нескромностью.

Наше общество, дружно собравшееся во всемъ составѣ, чтобы послушать васъ и усладить слухъ пѣніемъ вашимъ, теперь свидѣлось съ вами, мы узнали одинъ другаго и стали не чужіе. Я льщу себя надеждой, что мои слова будутъ точнымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, коими исполнены сердца присутствующихъ, которые прівѣтствуютъ въ лицѣ вашемъ великаго національнаго всеславянскаго пѣвца, пробуждающаго гениальнымъ пѣніемъ въ сердцахъ слушателей самыя дорогія и сокровенныя цѣли и идеалы жизни. Итакъ, не театральные восторги и аплодисменты встрѣчаютъ васъ въ стѣнахъ этого дома, но всецѣлое радующее и гостепріимство, соединенное съ истинно-русскимъ національнымъ чувствомъ,

свѣтлымъ, какъ свѣтлый праздникъ Христовъ, и согрѣтое любовью ко всему родному и Славянскому міру.

Было время, и оно еще свѣжо въ памяти нашей, когда въ нашемъ отечествѣ господствовало поклоненіе всему иноземному. Наука и искусство были иностранница, дѣликомъ пересаженныя ея представителями на нашу почву; въ то время свое родное, самое-то дорогое было забыто. Такъ, русская пѣсня и родная музыка слышны были только гдѣ-либо въ глуши, на поляхъ, сопровождаая тяжелый трудъ простолюдина, или его горькое настроеніе.

Она шла рядомъ съ нуждою и вмѣстѣ горевала съ нею. Но вотъ проснулся отъ летаргіи русскій могущественный богатырь — народное самосознаніе, возжглась свѣча русскаго просвѣщенія, и стала свободенъ отъ чуждой зависимости русскій человекъ. Весело огласилась по всей землѣ вашей русская пѣснь, за нею появились русскіе композиторы, выдвинуть изъ тѣни великій композиторъ Глинка съ его безсмертными твореніями, и наша музыка зацвѣла во всей красѣ и прелести звуковъ. Согрѣвъ русскія сердца дорогими звуками, она сдѣлалась предметомъ восхищенія и удивленія всего музыкальнаго міра Европы и внесла новыя реформы въ музыкальномъ искусствѣ. Процвѣтая на обломкахъ прежней иностранной, наша музыка соединилась съ своею родною сестрою — славянскою музыкою, своеобразною, съ своимъ историческимъ прошлымъ, единоименною.

Посреди этого союза высится вашъ всеславянскій геній народнаго пѣвца. Почтимъ-же, господа, великаго пѣвца сердечнымъ привѣтомъ, пожелаемъ ему непрерывной музыкальной славы и пребудемъ къ нему навсегда въ благодарномъ воспоминаніи о сегодняшнемъ днѣ.

Соединимся-же дружно сердцами нашими въ единомъ чувствѣ безпредѣльной любви къ Отечеству и Престолу и возгласимъ Всемилостивѣйшему Покровителю Славянъ, нашему Великому Государю Императору, многія и многія лѣта. Ура!...“

Затѣмъ, 29 марта того-же года, былъ данъ концертъ въ пользу Александровскаго пріюта для престарѣлыхъ вдовъ и сиротъ вспомогательнаго Общества купеческихъ прикащиковъ. Публики „собралось послушать своего любимца,—говорить та-же газета,—болѣе двухъ тысячъ человекъ. Въ числѣ публикѣ было много именитаго купечества“.

Весною 1885 года Д. А. Агреньевъ-Славянскій принялъ видное участіе, какъ представитель славянорусской пѣсни, въ *величественномъ* торжествѣ: празднованіи тысячелѣтія свв. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія—день перваго и великаго славянскаго праздника: *славянскаго* — по своей идеѣ, и *великаго* — по участію въ немъ самого Державнаго Вождя, Русскаго Царя, сопровождаемаго Царицею и всея Ихъ Семь-

ей, и потому, что праздникомъ симъ чествовались *поборники православія*, создавшіе письма нашему, *славянскому*, родному языку и давшіе намъ *услышати* Слово Божіе на томъ же родномъ языкѣ.

Думаю, что въ памяти славяно-русскихъ писателей жива чудная картина этого еще болѣе чуднаго и великаго торжества, дорогаго для всякаго Славянина и перваго, по времени, всенародно-признаннаго славянскаго торжества, а потому я не буду описывать подробностей. Скажу только, что въ за-сѣданіи Славянскаго Общества въ честь этого знаменитаго торжества Д. А. Славянскимъ была исполнена впервые „тысячелѣтняя легенда о крещеніи св. Людмилы (Чешской) св. Меоодіемъ. Эта легенда взята была О. Х. Агреновой съ крюковъ, хранившихся въ Владиславлевскомъ музеѣ при Пражскомъ замкѣ; затѣмъ были исполнены два хорала: VII вѣка—„Бесѣда Спасителя съ учениками“ и XII вѣка—о „Преображеніи Господнемъ“ на старо-словѣнскомъ нарѣчій.

ХІІІ.

Живая дѣятельность въ теченіе 23 лѣтъ русской пѣсни, ея признанное русскимъ народомъ эпическое и бытовое значеніе, и художественное, артистическое исполненіе этой пѣсни ея піонеромъ, Д. А. Славянскимъ, создали этой пѣснѣ возможность засвидѣтельствовать предъ народами Европы о своемъ бытіи и появиться на эстрадѣ, въ соревнованіи съ признанными западной музыкальной школой твореніями музыкальнаго искусства. Передъ этой поѣздкой въ имѣніи Славянскаго, с. Кольцовѣ (Тверской губерніи), сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ было отслужено напутственное молебствіе. Это былъ первый шагъ русской пѣсни, какъ живаго цѣлаго русской народной музыки, въ область строгой теоріи, правилъ и эрудиціи. Первое живое музыкальное слово славяно-русской музыки, не *произнесенное*, а скорѣе *выкрикнутое* не въ унисонъ устарѣлому западному музыкальному

ритму и... противъ чаянія многихъ недруговъ славяно-русской пѣсни... получило, по выраженію газ. „Свѣтъ“ (№ 194 1885 г.), „благословеніе отъ Москвы, гдѣ былъ данъ прощальный монстръ-концертъ, слово это отправилось благовѣстить за границу и произвело грандіозное впечатлѣніе: печать Германіи, Франціи, Англіи, Швейцаріи и Бельгіи въ одинъ голосъ воспѣла диѳирамбы русской народной пѣснѣ, пораженная величіемъ ея простоты, художественности, богатства чувства, полноты души и народности!

Еслибы привести всѣ отзывы иностранной печати о концертахъ Д. А. Агренева-Славянскаго въ 1885 и 1886 гг. въ упомянутыхъ земляхъ, пришлось-бы исписать цѣлые томы. Я ограничусь лишь поименованіемъ газетъ и журналовъ и нѣкоторыми изъ нихъ выдержками, наиболѣе ярко рисующими впечатлѣнія, полученныя иноземцами отъ русской пѣсни.

Журналы Германскіе: „Königlich Privilegierte Berlinische Zeitung“ (23 октября 1885 г.), National-Zeitung (24 октября 1885 г.), Neue Preuszische Zeitung (24 октября 1885 г.), Berliner Fremdenblatt (24 октября 1885 г.), Berliner Kurier (23 октября 1885 г.), Norddeutsche Allgemeine Zeitung (24 октября 1885 г.), National Zeitung (24 октября 1885 г.), Kreuz-Zeitung (23 октября 85 г., № 248), Freisinnigen Zeitung (23 октября 1885 г.), Staatsbürger Zeitung (24 октября 1885 г.), Freien Zeitung (24 октября 1885 г.), Volks-Zeitung (24 октября 1885 г.), Berliner Börser Zeitung (23 октября 1885 г.), Die Post (24 октября 1885 г.), Neue Nestiner Zeitung (18 ноября 1885 г.), Ostseen-Zeitung (18 ноября 1885 г.), Courier (Bremen, 26 ноября 1885 г.), Bremer Nachrichten (26 ноября 1885 г.), Vesper-Zeitung (27 ноября 1885 г.), Provinzial Zeitung (1 декабря 1885 г.), Nordsee-Zeitung (1 декабря 1885 г.), Reform (2 декабря 1885 г.), Hamburger Fremdenblatt (3 декабря 1885 г.), Kieler Zeitung (6 декабря 1885 г. и 7 декабря 1885 г.), Kieler Tageblatt (8 декабря 1885 г.), Hannover Curier (9 декабря 1885 г.), Magdeburgsche Zeitung (14 декабря 1885 г.), Magdeburger Anzeiger (15 декабря 1885 г.), Türringer Zeitung (23 декабря 1885 г.), Allgemeine Anzeiger (23 декабря 1885 г.), Leipziger Nachrichten (25 декабря 1885 г.

и друг.), *Neuester Nachrichten* (8 января 1886 и 9 января 1886 г.), *Münchener Fremdenblatt* (8 января 1886 г.), *Bayrischer Courier* (10 января и 11 января 1886 г.), *Allgemeine Zeitung* (München, 12 января 1886 г.), *Nürnberger Tageblatt* (12 января 1886 г.), *Correspondenz* (12 января 1886 г.), *Fränkischer Kurier* (12 января 1886 г., 14 января 1886 г.), *Würzburger Telegraf* (18 января 1886 г.), *Neues Tagblatt* (21 января 1886 г.), *Strassburger Post* (9 и 10 февраля 1886 г.), *Neuste Nachrichten* (9 февраля 1886 г.), *Rheinischer Kurier* (21 февраля 1886 г.), *Nassausche Volks-Zeitung* (21 февраля 1886 г.), *Heidelberger Zeitung* (17 февраля 1886 г.) и многие другие.

Чешские: *Pokrok* (2 января 1886 г.), *Ceská Politika* (2 января 1886 г.), *Politik* (2 января 1886 г., 5 января 1886 г.), *Narodni Listy* (3 января 1886 г.).

Голландские: *Dagblat* (8 апреля 1886 г.), *Het Niemos van den Dag*. (7 апреля 1886 г.).

Швейцарские: *Genève* (28 января 1886 г.), *La Tribune de Genève* (29 января 1886 г., 30 января 1886 г.), *Baseler Nachrichten* (4 февраля 1886 г.), *Journale de Genève* (4 февраля 1886 г., 11 марта 1886 г.), *La Tribune de Genève* (10 марта 1886 г.), *Le Genevois* (10 марта 1886 г.), *Le Republicain* (11 марта 1886 г.), *Le progrès* (11 марта 1886 г.), *L'Express* (11 марта 1880 г.), *Intelligenzblatt* (8 марта 1885 г.).

Французские: *Gazette du Midi* (4 марта 1886 г.), *Journal de Marseille* (4 марта 1886 г.), *Lyon Republicain* (11 марта 1885 г.), *Le progrès* (11 марта 1886 г.), *Le petit Lyonnais* (11 марта 1886 г.), *L'Express de Lyon* (12 марта 1886 г.), *Le Mondain* (10 марта 1885 г.), *Le Soleil du Midi* (15 марта 1886 г.), *Moniteur Universel* (4 мая 1886 г.), *Le Temps* (5 мая 1886 г.), *Le National* (5 мая 1886 г.), *Le Matin* (4 мая 1886 г.), *La France libre* (5 мая 1886 г.), *La Patrie* (5 мая 1886 г.), *L'Intransigeant* (5 мая 1886 г.), *Le Semaphore de Marseille* (4 марта 1885 г.), *Le petit Marseillais* (12 и 15 марта 1886 г.), *Le petit Provençal* (15 марта 1880 г.), *Le petit Var* (19 марта 1886 г.), *La saison de Nice* (21 марта 1886 г.), *Le Monde élégant à Nice* (21 марта 1886 г.), *L'Indépendance*

belge (2 апрѣля 1886 г.), Journal de Bruxelles (№ 91, 1886 г.), La Gazette (1 апрѣля 1886 г.), Le Figaro (27 мая 1886 г.).

Англійскіе: The Times (17 и 25 іюня 1886 г.), The Daily Telegraph (17 іюня 1886 г.), The Morning Post (17 іюня 1886 г.), The Daily News (19 іюня 1886 г.), The Standard (18 іюня 1886 г.), The World (23 іюня 1886 г.), Pall Mall Gazette (25 іюня 1886 г.), The Dramatic Review (26 іюня 1886 г.), Londoner Zeitung (3 іюля 1886 г.), The Illustrated Sporting and Dramatic News (3 іюля 1886 г.) и многіе другіе.

Всѣ эти журналы и газеты говорили на разные лады одно: „ни одними концертами и концертантами наша публика не восхищалась такъ, какъ славяно-русской пѣсню и ея пѣвцомъ, Славянскимъ, и его капеллой!“ „Le Figaro“, въ нумерѣ отъ 5 мая 1886 г., напечаталъ ноты „Эй ухнемъ“, съ заглавіемъ на русскомъ языкѣ.

Въ Берлинѣ было дано 10 концертовъ: невиданные костюмы поразили Нѣмцевъ, а свѣжія, чудныя мелодіи русскихъ пѣсень привели ихъ въ восторгъ. Здѣсь надо отмѣтить, что въ первомъ-же концертѣ былъ исполненъ русской народный гимнъ, по требованію самой публики. Когда раздались первые звуки русскаго гимна, присутствующіе встали. Въ отвѣтъ на подобную любезность капелла Славянскаго отвѣчала исполненіемъ германскаго національнаго гимна, сопровождавшимся взрывами восторга.

Съ Берлина начинается поистинѣ триумфальное шествіе русской народной пѣсни. Замѣчательно, что нынѣшній директоръ С.-Петербургской консерваторіи, А. Рубинштейнъ, — консерваторіи, не признающей, въ лицѣ своихъ наиболѣе видныхъ членовъ, за русской народной пѣсню музыкальныхъ правъ, или притворяющейся непомнящей этой пѣсни, — подъ впечатлѣніемъ перваго концерта Д. А. Славянскаго-Агренева, предсказалъ миссіи русской народной пѣсни *за-границей* полный и блестящій успѣхъ*).

Изъ Берлина русская пѣнь отправилась пѣть про свою правду по всѣмъ нѣмецкимъ провинціямъ: ее всюду пригла-

*) „Кіевское Слово“ (№ 17-й, 13 января, 1887 г.).

шали и матеріально поддерживали; рѣдкій концертъ, даже въ незначительныхъ городахъ, оплачивался менѣе 2.000 рублей. На родинѣ величайшихъ поэтовъ музыки, гдѣ столько тонкихъ и строгихъ цѣнителей искусства, въ такихъ музыкальныхъ городахъ, какъ Лейпцигъ и Дрезденъ, гдѣ музыка составляетъ, такъ сказать, предметъ народнаго культа, были даны наилучшіе отзывы о русской пѣснѣ и ея выполненіи, почему особенно интересны отзывы газетъ въ Германіи—этой странѣ классической музыки по преимуществу.

„Берлинскій Курьеръ“ (23-го октября 1885 года), восхищаясь роскошною обстановкой концертовъ Славянскаго, „этого, по его выраженію, единственнаго дирижера образцоваго хора“, прибавляетъ: „хоръ, состоящій изъ 50 человекъ исполнителей, провѣлъ разные нумера программы съ ансамблемъ по-истинѣ изумительнымъ. Преимущественно въ pianissimo можно восхищаться необычайной вѣжностью звуковъ и исполненіемъ разныхъ музыкальных отгѣнковъ, доведеннымъ до совершенства. Директоръ этой капеллы обладаетъ очень симпатичнымъ теноромъ; его метода, равно и управленіе хоромъ одинаково безупречны“.

„Deutsches Tageblatt“ (24-го октября 1885 года) заявляетъ, что „публика единодушно признала, что никогда никакого подобнаго (хору Славянскаго) не было видано и слышано въ Берлинѣ. Зрѣлище было по-истинѣ волшебное и переносило насъ въ воображеніи въ заколдованную область „тысячи и одной ночи“.

„Fremdenblatt“ (24-го октября 1885 года) сообщаетъ, что „речитативъ, исполненный Славянскимъ и удивительно поддержанный всѣмъ хоромъ, произвелъ на публику волшебное дѣйствіе и перенесъ насъ мечтою въ лучшій міръ“.

„Magdeburger Zeitung“ (15 декабря 1885 года) заявляетъ, что „когда хоръ Славянскаго загѣлъ русскія національныя пѣсни, впечатлѣніе было ни съ чѣмъ не сравнимое,—думалось, что внимаешь легионамъ ангеловъ, спустившихся съ небесъ“.

„Schlesische Zeitung“ (30 октября 1885 г.) воздастъ похвалы О. Х. Славянской-Агреновой, „которая проявила большой музыкальный талантъ въ аранжировкѣ для хора различныхъ русскихъ мелодій“, и Дмитрію Александровичу какъ исполнителю, „обладающему чистымъ и весьма правильнымъ теноромъ и прекрасною дикціей“, и какъ дирижеру, „управляющему хоромъ съ большимъ авторитетомъ и замѣчательною силой“.

„Veser Zeitung“ (въ Бременѣ, 24 ноября 1885 г.), восклицаетъ: „Русскіе побѣдили! Что Русскіе прекрасно одарены въ музыкальномъ отношеніи, это фактъ давно извѣстный, но мы должны признать, что концерты Славянскаго доставляли намъ глубокое очарованіе. Никогда не слыживали мы подобнаго хора въ Германіи. Славянскій своимъ вѣжнымъ и гармоническимъ голосомъ производитъ по-истинѣ чудеса“.

„Beilage der Leipziger Nachrichten“ (25 декабря 1885 г.): „мелодіи Славянъ, столь разнообразныя — то глубоко грустныя, то легкія и граціозныя, но всегда полныя реальнаго и истиннаго чувства, возвышаютъ душу и радуютъ сердце. — Онѣ служатъ проявленіемъ народа юнаго и мощнаго и заставляютъ насъ задуматься о будущности славянской націи“.

Давъ 150 концертовъ въ Германіи, Д. А. Агреньевъ перѣхалъ въ Швейцарію.

Здѣсь всѣ концерты давали въ церквахъ. Обыкновенно дѣло происходило такъ: когда публика уже собиралась въ церковь, пасторъ читалъ краткую молитву, послѣ которой они начинали свое пѣніе. Въ одномъ городѣ Славянскаго пригласили для концерта въ католическій храмъ. Войдя туда, онъ увидѣлъ, что вся церковь освѣщена какъ-бы для богослуженія; передъ всѣми иконами горѣли свѣчи. Для капеллы была устроена возвышенная эстрада прямо предъ алтаремъ, а публика огромною толпой наполняла всю церковь. Нѣкоторые были въ шляпахъ. Пѣть пришлось, стоя спиной къ алтарю. Тяжкое впечатлѣніе произвело на русскихъ людей такое неуваженіе къ религіи.

И въ Швейцаріи, какъ и въ Германіи, при исполненіи русскаго народнаго гимна, присутствовавшая на концертѣ публика вставала; тѣ же, которые не желали слушать русскаго гимна, вовсе не приходили на концертъ.

Изъ Швейцаріи русскіе пѣвцы совершили прогулку по Рейну и посѣтили прибрежные города, а затѣмъ снова вернулись въ Швейцарію и снова съ неменьшимъ успѣхомъ концертировали въ тѣхъ-же городахъ.

Дальнѣйшій путь капеллы Д. А. Агреньева лежалъ чрезъ Ліонъ, Тулонъ, Ниццу, Канну и Ментону въ Марсель. Французы встрѣтили русскую пѣсню въ высшей степени восторженно. Каждый изъ этихъ городовъ выдержалъ по нѣсколькимъ концертовъ. Въ Марсели, самомъ республиканскомъ городѣ въ республиканской Франціи, публика, собравшаяся на концертъ, потребовала исполненія русскаго народнаго гимна, и всѣ выслушали его стоя. При отъѣздѣ изъ Марселя толпы народныя остановили экипажъ. Кликъ: „vive la Russie“ оглашала воздухъ. По этому случаю русскій генеральный

консулъ въ Марсели сдѣлалъ официальное заявленіе, въ которомъ поблагодарилъ публику за такое вниманіе.

Относительно пребыванія въ Парижѣ и Лондонѣ я буду рассказывать словами газетъ и журналовъ:

При первомъ-же появленіи Д. А. Славянскаго въ Парижѣ произошло съ нимъ маленькое приключеніе. Дѣло въ томъ, что въ Парижъ его приглашали на-перебой три антрепренера. Долго тянулось это состязаніе и кончилось тѣмъ, что онъ уѣхалъ въ Парижъ съ однимъ изъ нихъ, предложившимъ самыя выгодныя условія. По пріѣздѣ оказалось, что онъ не только ихъ не выполнялъ, но и выполнить не въ состояніи. А неустойки, по контракту, считалось за антрепренеромъ 75 тысячъ франковъ. Русскій пѣвецъ отказался отъ штрафа и разорвалъ контрактъ. Этимъ поступкомъ онъ вызвалъ большой энтузіазмъ въ парижской публикѣ, и безъ того относившейся къ нему весьма симпатично.

Такъ, въ Парижѣ было дано 22 концерта, изъ коихъ самыя замѣчательныя были тѣ, которые происходили въ огромной залѣ Трокадеро.

Русскаго народнаго пѣвца постоянно окружало общество лучшихъ французскихъ композиторовъ, какъ: Гуно, Массене, Амбруазъ Тома и многіе другіе; въ залѣ Трокадеро стекались литераторы, художники, артисты. Трудно описать то одушевленіе, восторгъ, съ какимъ они слушали русскіе мотивы! А лучшія музыкальныя силы Франціи о нашихъ пѣсняхъ дали самыя восторженные отзывы. Творецъ „Фауста“ сказалъ: „еслибы я былъ моложе и задумалъ писать оперу, то дѣликомъ вставилъ-бы въ нее русскіе подлинныя мотивы“. Удивительно глубокое впечатлѣніе на Гуно произвели нѣкоторыя изъ русскихъ пѣсень: „Еслибы меня заставили каждый день слушать бурлацкую пѣсню „Эй, ухнемъ!“ и продолжалось-бы это столько времени, сколько нужно для того, чтобы мнѣ выпить всю Волгу, то и тогда-бы не надоѣла мнѣ эта чудная мелодія!“

Кромѣ безчисленныхъ овацій, происходившихъ ежедневно, въ честь народнаго русскаго пѣвца былъ устроенъ обѣдъ обществомъ „Маседуанъ“, состоящимъ изъ всѣхъ артистическихъ силъ Парижа. За обѣдомъ было произнесено много рѣчей, звучавшихъ искренней, глубокой симпатіей къ Россіи. Во время обѣда, канцеллою Славянскаго, по общему желанію, исполнено было нѣсколько русскихъ пѣсень, вызвавшихъ неудержимый восторгъ. Славянскому и его супругѣ были поднесены дипломы на званіе почетныхъ членовъ артистическаго общества „Маседуанъ“.

Одинъ изъ концертовъ посѣтилъ Его Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругою и изволилъ рекомендовать Д. А. Агренева принцу Уэльскому, отъ котораго послѣдній получилъ любезное приглашеніе пріѣхать съ своею канцеллою въ Англію.

Первый концертъ въ Лондонѣ состоялся въ присутствіи принца Уэльскаго съ супругою. Высокіе посѣтители оказали Д. А. Славянскому публично самое лестное вниманіе, а такъ какъ въ Англіи публика высоко цѣнитъ вниманіе, оказываемое кому-либо членами королевской фамиліи, то успѣхъ съ перваго-же

концерта былъ вполне обезпеченъ. Д. А. Славянскій далъ въ Лондонѣ 6 публичныхъ концертовъ и болѣе 20 частныхъ, въ домахъ лордовъ и богатыхъ людей. Платили они за концерты тысячи по 2—3 за вечеръ, причемъ принимали пѣвца повсюду очень любезно; хозяева заботились, чтобы русскій народный пѣвецъ и его семья въ кругу высшей лондонской аристократіи чувствовали себя такими-же гостями, какъ и всѣ.

Королева пригласила русскаго пѣвца къ себѣ въ Виндзорскій замокъ. Здѣсь вся публика состояла исключительно изъ членовъ королевской семьи, придворныхъ и всѣхъ служащихъ во дворцѣ. Приемъ англійской королевы былъ очень радушенъ, такъ что она производила впечатлѣвіе гостепрѣимства старинной русской помѣщицы. Любезность ея простиралась до того, что она „просила у Д. А. Славянскаго позволенія“ представить ему членовъ своей семьи. Послѣ концерта, по приказанію королевы, для русской капеллы былъ сервированъ въ замкѣ роскошный обѣдъ. Ея величество и члены королевской фамиліи выразили желаніе еще разъ выслушать русскій концертъ. Для этого назначенъ былъ принцемъ Уэльскимъ дневной раутъ въ саду при его дворцѣ *Mahlborough house*. Русскихъ пѣвцовъ помѣстили въ богато-убранной палаткѣ, украшенной въ восточномъ вкусѣ. Ея величество по окончаніи концерта подошла къ Д. А. Агреневу-Славянскому, подала ему руку и поблагодарила за доставленное ей удовольствіе. То-же сдѣлали и всѣ члены королевской фамиліи. Концертъ, данный въ древнемъ храмѣ Кентерберійскаго аббатства, по приглашенію архіепископа, назначенъ былъ въ 3 часа пополудни. Къ этому часу храмъ началъ наполняться публикой, преимущественно аристократіей; присутствовалъ и русскій посолъ, г. Сталь. Въ храмѣ царилъ полнѣйшая тишина, такъ что даже до начала концерта присутствовавшіе переговаривались шепотомъ; хоры, на которыхъ помѣщался г. Славянскій съ капеллой, были устланы мягкими коврами.

Архіепископъ кентерберійскій въ полномъ облаченіи, сопровождаемый клиромъ, возшелъ къ престолу, прочиталъ молитву, затѣмъ благословилъ присутствующихъ и сѣлъ на приготовленное для него мѣсто. Началось пѣніе. Высокопозвучавшій былъ моментъ, когда старинные своды Кентерберійскаго аббатства огласились звуками православныхъ церковныхъ пѣснопѣній... По выбору самого архіепископа были пропѣты: „Благослови, душе моя, Господа“, „Чертогъ Твой Спасе“—киевского распѣва, „Херувимская“—Бортнянскаго, № 7, „Вѣрую“—Березовскаго, „Отче нашъ“—Львова, „Помилуй мя, Господи“—Веделя, и „Векую шаташася языци“—Малашкина. Слова этихъ пѣснопѣній переведены были, для удобства публики, на англійскій языкъ и капелла пѣла по-англійски. Когда умолкли звуки русскаго православнаго пѣснопѣнія архіепископъ снова поднялся на возвышенное мѣсто и произнесъ молитву, въ которой просилъ Бога, чтобы Онъ „вразумилъ всѣ народы славить Его святое имя едиными уsty и единымъ сердцемъ, дабы сгладились обрядовыя разности, препятствующія единенію всѣхъ христіанскихъ исповѣданій“.

Изъ Лондона, въ августѣ 1886 года, Д. А. съ капеллой отплылъ въ Россію.

Въ Ревелѣ его встрѣтила съ хлѣбомъ-солью депутація отъ горожанъ. Затѣмъ, почти всѣ представители ревельскаго общества, какъ равно и губернаторъ, кн. Шаховской, посѣтили народнаго пѣвца. Въ этомъ городѣ Д. А. Агреньевъ далъ нѣсколько концертовъ и былъ признанъ почетнымъ членомъ мѣстнаго музыкальнаго общества „Гусли“, которые торжественно вручили ему дипломъ. На привѣтствіе членовъ общества Д. А. Славянскій отвѣчалъ слѣдующей рѣчью:

Мм. Гг.!

Позвольте мнѣ отъ души поблагодарить васъ за вашъ привѣтъ и за то сердечное сочувствіе, съ которымъ вы встрѣтили меня на родной почвѣ послѣ десятимѣсячнаго пребыванія моего на чужбинѣ. Мнѣ отрадно слышать и видѣть, что мои дорогіе соотечественники зорко слѣдили за триумфами русской пѣсни внѣ Русской земли, потому что я признаю, что не я лично, а русская пѣсня, силой своей исторической просты и правды, одержала побѣду и вызвала тѣ похвалы и восторги, которые мы встрѣчали всюду въ Европѣ и съ которыми вы теперь обращаетесь ко мнѣ. Увѣряю васъ, что это лучшая для меня награда за всѣ сопряженныя съ моимъ дѣломъ, лишенія и труды. Я-же, всѣми силами моего сердца любя мою родину, радуюсь, что могу чѣмъ-нибудь служить ей, и если вы, мои дорогіе соотечественники, признаете, что я дѣйствительно принесъ свою долю пользы, удостоивая меня чести быть почетнымъ членомъ вашего пѣвческаго общества *Гусли*, я принимаю это съ удовольствіемъ и благодарностію.

За процвѣтаніе - же простой безыскусственной пѣсни, соединяющей наши русскія сердца во единое чувство любви къ родинѣ,—Ура!

Изъ Ревеля переѣхалъ Д. А. Агреньевъ съ капеллою въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ счастье дать два концерта въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ: первый разъ въ Красносельскомъ театрѣ, а второй — въ Александровскомъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ. По требованію Ихъ Величествъ, нѣкоторые нумера программы были повторены. По окончаніи концерта Ихъ Величества изволили милостиво распрашивать Д. А. объ его артистическихъ путешествіяхъ.

Весь остатокъ лѣта русской народный пѣвецъ провелъ въ окрестностяхъ Петербурга и далъ много концертовъ — въ Лѣсномъ, Павловскѣ, Озеркахъ, Гатчинѣ и другихъ дачныхъ мѣстахъ петербургской публики.

ХІІІ.

Изъ Петербурга Д. А. Славянскій отправляется въ Москву, Нижній-Новгородъ, Оренбургъ, Харьковъ, Тамбовъ, Воронежъ, Саратовъ, и этимъ путешествіемъ заканчивается 1886 годъ. Общественное мнѣніе въ этомъ періодѣ считаетъ Д. А. Славянскаго „русскимъ народнымъ пѣвцомъ“, „патріотомъ“ „роднымъ пѣвцомъ земли русской“ („Московскія Вѣдомости“ 4 сентября 1886 г., „Нижегородскій Листокъ“ отъ 11 октября 1886 г., „Оренбургскій Листокъ“ отъ 26 октября 1886 г., „Воронежскій Телеграфъ“, „Саратовскій Листокъ“, „Южный Край“ и друг.).

„Московскія Вѣдомости“ (№ 244-й 1886 г.), говоря, что „до появленія Славянскаго никто не слыхивалъ такого исполненія русскихъ пѣсенъ, какъ solo, такъ и хорового“, и указывая на выдающіяся черты его *русскаго національнаго дѣла*, приходятъ къ мысли, что „общество и правительство должны оказать поддержку и покровительство единоличнымъ усиліями частнаго человѣка, сѣумѣвшаго достигнуть двадцатипятилѣтнимъ трудомъ такихъ блестящихъ результатовъ“, въ томъ смыслѣ, дабы „дѣло Славянскаго не осталось - бы только частнымъ предпріятіемъ“. „Русское общество“, продолжаютъ „Московскія Вѣдомости“, „обязано Славянскому тѣмъ, что онъ, сумѣвъ заинтересовать русскою пѣсней образованную публику, относившуюся холодно и пренебрежительно къ родной музыкѣ, заставилъ эту публику оцѣнить и полюбить безхитростную и безъискусственную пѣсню простаго народа, и ввелъ её въ моду. Мода на русское—какъ отраднo звучать эти слова! Поворотъ къ родному началъ замѣтно сказываться въ русскомъ образованномъ слоѣ, и Д. А. Славянскому принадлежитъ честь занимать въ этомъ движеніи, по отношенію къ русской народной музыкѣ, не послѣднее мѣсто. Но за что мы еще въ долгу предъ Славянскимъ,—оканчиваютъ „Московскія Вѣдомости“,—это за недостаточное вниманіе наше къ успѣхамъ, которые онъ стяжалъ за границей; его

побѣдка по Европѣ была въ полномъ смыслѣ слова триумфальнымъ шествіемъ русской пѣсни! Эти мысли „Московскихъ Вѣдомостей“ были повторены и провинціальною печатью.

Въ дополненіе къ мысли „Московскихъ Вѣдомостей“ о необходимости обществу, или правительству оказать поддержку единоличнымъ усиліямъ частнаго человѣка, сумѣвшего двадцатипятилѣтними трудами доставить побѣду русской національной пѣснѣ, скажу, что объ основательности указанной мысли не можетъ быть и спора, уже по тому одному, что таковая поддержка послужила-бы гарантіей дальнѣйшаго развитія въ изученіи богатствъ русской народной поэзіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увеличивала-бы ростъ идеи народности въ самосознаніи русской общественной мысли. Но остается вопросъ, какъ помочь этому дѣлу?

Изъ данныхъ, которыя имѣются у насъ подъ рукою, видно, что въ теченіе двадцатипятилѣтней дѣятельности Д. А. Агренева-Славянскаго имъ была сдѣлана попытка, такъ сказать, увѣковѣчить свое дѣло—и эта попытка выразилась въ устройствѣ какъ-бы музыкальнаго училища, въ которомъ занимались періодически, и которое готовило пѣвчихъ для капеллы. Въ то-же время мы видимъ, что Д. А. Агреневу въ теченіе 25 лѣтъ пришлось дать 4.500 концертовъ, т. е. 160 концертовъ въ годъ, или почти черезъ день по одному концерту; подобную неутомимую дѣятельность только и можно объяснить необходимостью постоянно приобрѣтать матеріальныя средства для самаго-же продолженія этой дѣятельности. Понятно, что при такой матеріальной зависимости *дѣла* Славянскаго отъ зарабатываемой на концертѣ платы, нельзя требовать и отъ основанной, какъ я называлъ, періодической школы какихъ-либо солидныхъ результатовъ, такъ какъ и эта школа находилась въ таковой-же прямой зависимости отъ концертнаго гонорара. Если прибавить къ этому, что Д. А. Агреневу нужно было въ періодъ той-же дѣятельности заботиться о воспитаніи, образованіи и обезпеченіи семьи, дошедшей до восьми человѣкъ дѣтей, то матеріальная шаткость упомянутаго музыкальнаго училища будетъ болѣе,

чѣмъ очевидна. Ниже помѣщенные данныя изъ бюджета Славянскаго за 25 лѣтъ подтверждаютъ нашу мысль. Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, въ обществѣ русскомъ нѣсколько разъ путемъ печати появлялась мысль, такъ сказать, объ обезпеченіи будущаго русской народной пѣснѣ, но такъ и оставалась эта мысль лишь въ формѣ печатнаго слова: никто не пришелъ, ни общество, ни правительство, въ помощь, чтобы осуществить эту благую мысль на дѣлѣ, напротивъ, появились даже, хотя и изъ-за угла, не прямо, голоса, чуть не обвинявшіе Д. А. Агренева въ корыстолюбіи, доказывая такія свои соображенія весьма страннымъ аргументомъ: „отчего Славянскій не ходитъ-де съ сумой и не проситъ подаенія?“—„Разъ онъ этого не дѣлаетъ, значить, онъ богатъ“,— „а разъ онъ богатъ“, говорили, продолжая эту мысль, „пускай и устраивается-себѣ, какъ-моль ему угодно, — „другимъ не о чемъ-де и заботиться!“ Что такое поетъ Славянскій?—Русскую пѣсню! Такъ русская пѣсня, вѣдь, не арія Мейербера, или Галеви, для разработки которой понятно устраивать не только школы, но и цѣлыя консерваторіи: эти аріи—принадлежность всего человѣчества, это искусство, преклонившее передъ собою міръ! „А что такое русская народная пѣсня?“—Украшеніе харчевень, кабаковъ и медвѣжьихъ полудикихъ угловъ міра—русскихъ деревень и поселковъ! Правда, эту пѣсню Славянскій перенесъ въ дворцы, но, вѣдь, это временный эффектъ,—эффектъ, который исчезнетъ вмѣстѣ съ Славянскимъ! Русская пѣснь, вѣдь, это не то, что пѣсня „Сатурналій“ и всякаго рода угощеній и оргій римской эпохи, послужившая для Палестрины, триста лѣтъ назадъ, краеугольнымъ камнемъ для созданія латинской церковной музыки, а затѣмъ музыки всего запада Европы! Нѣтъ-съ, русская пѣсня не болѣе, какъ орудіе для „эксплуатаціи замоскворецкаго патріотизма“. Служителю „чистаго искусства“ трудно даже соединить эти дикія заунывныя, то еще болѣе дикія—удалыя мелодіи!“—„Въ нихъ подь-часъ даже нѣтъ ни правильности такта; онѣ гармоничны, правда, но часто, не отвѣчаютъ требованіямъ музыкальнаго ритма!

— „Но эти мелодіи—мелодіи стомилліоннаго русскаго на-

рода!—робко, возражаете вы; онѣ возвышаютъ мое русское національное достоинство, онѣ, такъ сказать, обобщаютъ меня даже въ смыслѣ государственномъ: слушая гдѣ-нибудь эти мелодіи, я говорю: тамъ поетъ Россія,—эти мелодіи *наши, русскія*, рисуютъ предъ иноземцемъ образъ души и сердца моего народа! Еслибы сопоставить пѣсни, пѣтыя на римскихъ оргіяхъ съ нашей русской, безъискусственной пѣснью, можетъ быть, послѣдняя оказалась-бы далеко выше по богатству драматизма, полнотѣ чувства и по своей музыкальной мысли,—вѣдь, не даромъ всё иноземное, что слышало эту пѣсню, приходило въ восторгъ? Наконецъ, кричу я, эта пѣснь—моя, національная, славяно-русская пѣснь! Вы тоже люди Русскіе, и, какъ таковыя, вы должны были-бы гордиться ею и сдѣлать всё, что нужно для обезпеченія будущаго этой пѣсни!... Но элементы народности въ музыкѣ были всегда пугаломъ *служителей чистаго искусства*, а потому и Русское племя оставалось до сихъ поръ и, вѣроятно, останется еще долгое время на попеченіи частной, единоличной инициативы... Потому и вопросъ о продолженіи *для* Славянскаго, возбуждавшійся такими русскими мыслителями, какъ Катковъ, Гиляровъ-Платоновъ и другіе, не переходилъ за предѣлы печатнаго слова и оставался лишь гласомъ, вопіющимъ на газетныхъ столбцахъ. Если и образовались, подъ вліяніемъ дѣятельности Славянскаго, отдѣльные кружки, общества, преслѣдующіе идею развитія чисто-русской національной музыки, то они погибали безъ помощи, существующіе-же не живутъ, а прозябаютъ! „Служителямъ-же чистаго искусства“ это на руку, имъ нужна эта погибель, какъ аргументъ несостоятельности самой мысли! Да какъ имъ и не гибнуть, когда въ такихъ центрахъ, какъ русскія консерваторіи, чуть не метлой выметають русскихъ людей, а съ ними, слѣдовательно, и русскую музыку? Говорю „слѣдовательно“, потому, что трудно допустить, при нынѣшнемъ положеніи этой музыки, возможность ея развитія и преуспѣянія подъ протекціей лицъ не русскаго національнаго направленія, да еще самой идеей *служенія чистому искусству* обезличенныхъ въ смыслѣ народности!

Вотъ почему на вопросъ, какъ помочь *дѣлу* русской пѣсни, приходится отвѣтить, что прежде, чѣмъ думать помочь этому дѣлу, надо стать вполне русскими людьми тѣмъ, отъ кого эта помощь можетъ придти. Если нѣтъ сознанія необходимости въ смыслѣ національномъ вести дѣло русскихъ консерваторій, начавъ хоть-бы съ того, чтобы образовывать при этихъ высшихъ музыкальныхъ школахъ спеціальныя отдѣлы русской музыки и пѣнія, то что-же говорить объ обезпеченіи развитія русской народной пѣсни, выбравшейся на эстраду искусства, благодаря усиліямъ отдѣльныхъ русскихъ людей?

Изложенныя условія и соображенія, въ коихъ обрѣтается и отъ коихъ зависитъ нынѣ дѣло русской музыки, даютъ намъ возможность лишь повторить мысль истинно-русскихъ членовъ нашего общества, выразившуюся въ восклицаніи русской печати. Неужели-же дѣлу русской народной пѣсни не придетъ въ помощь ни общество, ни правительство? Неужели-же эта родная пѣсня, занесенная во дворцы и палаты трудами десятковъ лѣтъ и единоличныхъ усилій, исчезнетъ вмѣстѣ съ этими единоличными усиліями и, на радость ея *обезличенныхъ чистымъ искусствомъ недруговъ*, будетъ отброшена назадъ къ порогамъ кабаковъ и харчевень, какъ безпомощная сирота?! Нѣтъ, мы хотимъ вѣрить, мы замѣтили въ послѣднее время, что поворотъ русской правительственной, общественной мысли на почву народности во всѣхъ почти вопросахъ внутренней и внѣшней жизни Россіи касается и „народной русской музыки“, а тогда и русскую пѣсню ни общество, ни правительство не оставятъ шататься по кабакамъ и харчевнямъ, какъ-бы этого хотѣлось „служителямъ чистаго искусства“, но не совсѣмъ чистыхъ побужденій въ смыслѣ русскомъ, національномъ!

Насколько за русскою пѣсню, къ концу ея двадцатипятилѣтней работы, признавалось русскимъ обществомъ политическое значеніе, а за дѣятельностью Д. А. Агренева—*дѣло*, можно судить не менѣе по слѣдующему весьма неблагоприятному по внѣшности отзыву газеты „Кіевлянинъ“:

Организатору этого хора принадлежитъ безспорно не маловажная заслуга въ дѣлѣ популяризаціи русской народной музыки въ Россіи и за границей.

Программы его концертовъ отличаются разнообразіемъ, доходящимъ отчасти до пестроты; наряду съ истинно-прекрасными образцами древнихъ народныхъ напѣвовъ попадаются современныя издѣлія въ псевдонародномъ духѣ, а также и модныя отпрыски опереточнаго пошпаба. Къ разряду послѣднихъ принадлежатъ „Воспоминанія о путешествіи по Европѣ“, привезенныя капеллой съ Запада въ видѣ подарка для русской публики. Эти польки на ирландскіе мотивы звучатъ, конечно, весьма игриво и пикантно; вслѣдъ за дилетантски-трагическимъ маршемъ какого-нибудь Вильбоа, онѣ составляютъ любопытный контрастъ, свидѣтельствующій о богатствѣ колорита хорошо дисциплинированнаго хора. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о музыкальномъ достоинствѣ подобныхъ кафе-шантаннхъ полекъ (въ особенности той, которую хоръ спѣлъ на бисъ), а также и банальнѣйшаго марша Вильбоа,—остается открытымъ. Достиженіе надлежащаго разнообразія программы возможно на основаніи однихъ истинно-народныхъ пѣсенъ, помимо всякихъ постороннихъ примѣсей. Мы сошлемся для примѣра на удачно-составленную первую часть концерта г. Славянскаго: народныя пѣсни сатирическаго и юмористическаго свойства (шуточныя, игривыя, святочныя и т. п.) вполне достигаютъ своей цѣли въ сопоставленіи съ образцами народной музыкальной эпики и лирики (былины, протяжныя, хороводныя и т. п.). Изъ этой послѣдней категоріи мы упоминаемъ о слѣдующихъ нумерахъ программы: „Былина про Добрыню Никитича“, „Спится мнѣ младшенькой“, бытовая Тверской губерніи, и извѣстная бурлацкая: „Эй, ухнемъ“.

„Виленскій Вѣстникъ“ (февраль 1887 г.), давая отчетъ о концертахъ Славянскаго и припоминая „величайшій успѣхъ“ этихъ концертовъ въ Германіи, Франціи и проч., очевидно, руководится тѣми-же, вполне національными русскими побужденіями, какъ и газета „Кіевлянинъ“, и говоритъ: „Для насъ къ отзывамъ иностранцевъ не остается ничего прибавить, но для насъ можетъ быть вопросъ только въ томъ, не утратило-ли пѣснопѣніе Д. А. Славянскаго во время своего продолжительнаго путешествія и напряженнаго старанія угодить вкусамъ и понятіямъ западной Европы *своего національнаго характера*, которымъ это пѣснопѣніе такъ прославилось?“

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ отзывовъ становится понятнымъ, что къ 1887 году дѣятельность Дмитрія Александровича Агренева въ возрѣніяхъ русской общественной мысли стала *дѣломъ* и *дѣломъ общественнымъ русскимъ, національнымъ*; о состояніи *этого дѣла* и о его будущемъ заботятся, и считаютъ необходимымъ найти средства продолжить *это дѣло*, начатое двадцать пять лѣтъ назадъ, какъ дѣло полезное для русскаго общества и государства. Въ самомъ Д. А. Агре-

невѣ-Славянскомъ видятъ „русскаго народнаго пѣвца“ и „собрателя сокровищъ русскаго народнаго творчества“ *).

Итакъ, къ началу 1887 года, въ двадцать-пятую годовщину съ момента перваго слова русской народной и славянской пѣсни, произнесеннаго первымъ по времени русскимъ народнымъ пѣвцомъ, въ русскомъ обществѣ явилась мысль чествовать этотъ двадцатипятилѣтній трудъ артиста-пѣвца, сумѣвшаго единоличными силами ознакомить образованные народы обоихъ полушарій съ красотами славяно-русской бытовой поэзіи, съ творческою силой славяно-русскаго духа и его внутреннимъ достоинствомъ. Для такого, скажу, *подвига*, мало было быть русскимъ пѣвцомъ, надо было быть и истинно-русскимъ человѣкомъ, и надо было имѣть много любви къ своей родной пѣснѣ.

Вотъ этому-то истинно-русскому человѣку — „народному баяну“ Д. А. Агрневу-Славянскому—и рѣшило русское общество воздать должное—отпраздновать годовщину его двадцатипятилѣтней дѣятельности, чѣмъ и ознаменовать побѣду и торжество русской народной пѣсни, выведенной тѣмъ-же русскимъ человѣкомъ изъ разныхъ угловъ Русской земли, куда она была заброшена почти два вѣка назадъ русскимъ-же образованнымъ обществомъ.

Приступая къ описанію этого юбилейнаго торжества русско-славянской пѣсни, считаю не лишнимъ предварительно отмѣтить цифрами 25-лѣтнюю работу носителя этой пѣсни Д. А. Агрнева — по даннымъ, каковыя мнѣ были любезно предоставлены въ распоряженіе самимъ народнымъ пѣвцомъ:

За 25-лѣтній періодъ, Д. А. Агрневъ-Славянскій проѣхалъ около 915.000 верстъ. За проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и инымъ путямъ сообщенія выплачено имъ 400.000 рублей. За перевозку багажа и номера гостиницъ—197.000 руб. Наемъ помѣщеній для концертовъ—365.340 рублей; за печатаніе афишъ—69.000 руб.; плата извозчикамъ—46.420 руб.; плата за телеграммы—20.160 руб.; жалованье капеллъ—477.000 р. Пожертвовано разнымъ благотворительнымъ обществамъ и

*) „Моск. Вѣд.“ отъ 4 сентября 1886 года.

другимъ учрежденіямъ, разнымъ пострадавшимъ и отдѣльнымъ лицамъ въ Россіи и за границей—57.790 р. Временные расходы по содержанію училища и устройству народныхъ театровъ въ сельцѣ Кольцовѣ (имѣніе Д. А. Агренева, Тверскаго уѣзда и губ.)—6.870 руб. Работа и матеріалъ мужскихъ и женскихъ старинныхъ боярскихъ костюмовъ вмѣстѣ съ драгоценными камнями—130.000 р. Всего—1.763.580 рублей. Во весь 25-ти-лѣтній періодъ дано около 4.500 концертовъ.

Общая сумма доходовъ за 25 лѣтъ—2.230.000 руб. Изъ оставшейся суммы въ 486.420 руб. на личную жизнь Д. А. Агренева и его семьи, воспитаніе и образованіе дѣтей израсходовано 417.000 р., какъ равно на жизнь и образованіе въ Италіи и Франціи Д. А. Агрневымъ было истрачено тридцать семь тысячъ.

За свою дѣятельность Д. А. Агреньевъ получилъ отъ въ божѣ почившаго Государя Александра II-го семнадцать драгоценныхъ подарковъ, какъ равно и отъ членовъ Императорской фамилии. Онъ имѣетъ ордена почти отъ всѣхъ иностранныхъ государствъ—и ни одного русскаго ордена *), кромѣ медали въ память севастопольской войны. Состоитъ почетнымъ членомъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, дѣйствительнымъ членомъ Общества Краснаго Креста, С.-Пб. Славянскаго благотворительнаго Общества, Императорскаго челоуѣколюбиваго и многихъ другихъ благотворительныхъ и музыкальныхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

XV.

Двадцать пятаго апрѣля, 1887 года, въ часъ дня, въ Москвѣ, въ большой залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія происходило чествованіе Д. А. Агренева-Славянскаго. Зала и устроенная въ ней эстрада были украшены тропическими

*) „Rigasche Zeitung“. Декабрь 1887 г.

растеніями и устланы сукномъ; по краямъ были установлены пирамидальныя горки, покрытыя коврами, полученными въ даръ юбиляромъ отъ его почитателей изъ Самарканда; на выступахъ этихъ пирамидъ были разставлены драгоценныя подарки, поднесенныя почитателями русской народной пѣсни ко дню юбилея ихъ славнаго пѣвца. Въ ряду этихъ подарковъ, изъ массы золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, какъ-то: вазъ, кубковъ, блюдъ и т. под., выдѣлялись китайскія фарфоровыя вазы, 1½ аршина вышиною, — подарокъ города Марселя, — затѣмъ портретъ королевы Викторіи, томы старинныхъ народныхъ пѣсенъ Англій, Шотландіи и Ирландіи отъ лорда Кильморэ, серебряный рогъ изобилія, чудной работы — изъ Ліона, альбомъ видовъ Праги, громадный вѣнокъ отъ г. Женевы, четыре дорогихъ картины голландской школы изъ Тулона, серебряный вѣнокъ отъ г. Одессы, жемчужомъ вышитая подушка — отъ московскаго купца Мѣшкова и проч. и проч. Затѣмъ масса вѣнковъ серебряныхъ и живыхъ, вѣнчавшихъ вершины и углы пирамидъ. Комитетъ, принявшій на себя устройство юбилейнаго торжества, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, вице-предсѣдатель В. Барсовъ; члены: Е. Забѣлинъ, А. В. Савельевъ, Н. А. Чаевъ, С. Ѳ. Шараповъ и С. А. Юрьевъ.

При открытіи юбилея залу наполняли сотни почитателей русской пѣсни, между которыми были депутаціи отъ разныхъ мѣстъ и обществъ.

Ровно въ часъ былъ отслуженъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ соборне съ духовенствомъ молебенъ, съ провозглашеніемъ обычнаго многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему царствующему Дому, митрополиту Михаилу и юбиляру — „сердечному выразителю пѣсенныхъ думъ Русскаго народа и родственныхъ ему Славянскихъ народовъ“, какъ выразился протодіаконъ Юстовъ, провозглашавшій многолѣтіе.

Послѣ молебна митрополитъ Михаилъ благословилъ юбиляра иконой Божіей Матери; затѣмъ началось чтеніе теле-

граммъ, адресовъ, стиховъ и прочихъ поздравленій, полученныхъ юбиларомъ. Чтеніе было открыто телеграммою Великаго Князя Владиміра Александровича. Вотъ ея текстъ:

„Привѣтствую достойнаго юбилара и всероссійскаго пѣвца въ знаменательный для него день завершенія двадцатипятилѣтія настойчиваго труда на честь и славу русской пѣсни“.

Затѣмъ было прочтено слѣдующее привѣтствіе митрополита сербскаго Михаила:

„Многоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Двадцатипятилѣтіе мирнаго вашего труда уже протекло и мы нынѣ съ радостію привѣтствуемъ васъ съ успѣхомъ, увѣнчивающимъ вашъ трудъ. Ваша пѣснь обошла все страны славянскія и сдѣлалась извѣстной и другимъ народамъ. Пѣснь ваша объединила Славянъ духовно, ибо во всехъ славянскихъ земляхъ нынѣ слышны пѣсни всехъ славянскихъ племенъ и Славяне узнаютъ и радости и скорби другъ-друга, высказанныя въ пѣсняхъ.

„Пѣснями своими вы научили и Европу, и Америку, что Славяне имѣютъ право быть въ ряду культурныхъ народовъ. Благородныя чувства Славянъ, высказанныя въ пѣсняхъ, ставятъ ихъ выше эгоизма другихъ народовъ; о семъ знаютъ люди, видѣвшіе и слышавшіе патріотическія и религіозныя дивныя ваши пѣсни, олицетворенныя въ вашей благородной патріотической и религіозной личности. Успѣхъ вашъ стѣбитъ васъ и неусышныхъ трудовъ, и великихъ жертвъ. И домъ и вся семья ваша несетъ съ вами труды ваши на семъ благородномъ поприщѣ, и все съ вами поютъ народность и славу вашу. Привѣтствую васъ съ двадцатипятилѣтіемъ вашего подвига и поздравляю съ успѣхомъ вашего пѣнія, восклицая: „Слава вамъ, другъ Славянъ, во истину Славянскій!“ Прощу Господа: да хранитъ Онъ васъ въ добромъ здравіи и продолжитъ дни ваши, чтобы вы дождались празднованія и пятидесятилѣтія вашего пѣнія въ любви и братскомъ единеніи всехъ Славянъ. Призываю на васъ и семейство ваше благословеніе Господа Бога и съ истиннымъ уваженіемъ и

преданностию пребываю вашимъ отцомъ и богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ“.

Кромѣ того, были читаны привѣтствія королевы англійской, королевы Виртембергской, королевы Сербской, московскаго ген.-губ., князя В. А. Долгорукова, князя Волконскаго, товарища министра народнаго просвѣщенія, предводителей дворянства и прочихъ сановниковъ, отъ бывшаго французскаго военнаго министра, генерала Буланже, встрѣченная съ особеннымъ энтузіазмомъ*), отъ университетовъ, гимназій, городовъ, ученыхъ, благотворительныхъ и музыкальных обществъ, отъ театровъ, отъ композиторовъ, поэтовъ, художниковъ, артистовъ, ремесленниковъ и крестьянъ, газетъ, разныхъ кружковъ и отдѣльныхъ лицъ, какъ изъ Россіи, такъ и изъ остальнаго міра. Телеграммы и привѣтствія въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ помѣщены въ приложеніи къ настоящей книгѣ.

Послѣ прочтенія привѣтствій, въ 5 часовъ состоялся торжественный обѣдъ. Вотъ рѣчь г. Плевако, произнесенная на этомъ обѣдѣ:

„Дмитрій Александровичъ! Марко Вовчекъ, или-же Кохановская, гдѣ-то рассказываетъ, что она знала пѣвицу, которая на старости лѣтъ позабыла слова пѣсенъ; но если ей напомнили напѣвъ, то съ нимъ возвращалась и память словъ и думъ, заключенныхъ въ пѣснѣ. Дѣйствительно, есть какой-то законъ сродства между мыслью, думой и тономъ, которымъ то и другое производится пѣвцомъ. Но замѣчаніе, сказанное объ отношеніи напѣва къ слову пѣсни, имѣетъ и болѣе широкое обобщеніе: можно сказать, что пѣсня и съ ея музыкой, и съ ея словами—вся составляетъ только напѣвъ къ словамъ и думамъ того народа и того времени, когда она воспріяла свое начало, или когда она пѣлась сохранившимся

*) Въ отвѣтъ генералу Буланже была Комитетомъ адресована слѣдующая депеша: Paris Général Boulanger. „Le gracieux télégramme de Votre Excellence reçu au concert jubilaire à l'assemblée de Noblesse et lu en présence du public nombreux, fut longuement applaudi avec extase. Agrérez reconnaissance Sincere de Dmitri Slaviansky et de Comité jubilaire.

ее въ своей памяти народомъ. По ней, по пѣснѣ, внимательное ухо можетъ воспроизвести духовный обликъ страны, думы и горя ея обитателей. Вы, четверть вѣка посвятивши себя собиранію, воспроизведенію и распространенію въ своей странѣ и въ странахъ намъ единокровнаго Славянства подчасъ позабываемыхъ, или невѣдомыхъ въ одномъ концѣ страны, но любимыхъ въ другомъ народныхъ пѣсень, подъ видомъ скромной доли, сослужили не малую службу великой славянской семьѣ. Ваши пѣсни расшевелили сердца, оторванные отъ народа суею личныя интересовъ, ваши пѣсни напомнили братьямъ великой семьи другъ о другѣ и о горяхъ, радостяхъ, надеждахъ и стремленіяхъ отдѣльныхъ членовъ ея. Вотъ раздаются торжественные звуки славы: „Слава на небѣ солнцу красному, на землѣ Государю Великому, слава воинству храброму и всему царству Русскому!“ Не напоминаетъ-ли она, эта вѣковѣчная пѣсня, что сила Русской земли—въ единеніи вѣры и власти, народа и его мужественныхъ защитниковъ? Но торжествующіе звуки прерываются другими, воздерживающими насъ отъ обольщенія и лѣни. Нельзя бездѣйствовать, сложа руки! Честному дѣлу много работы. Много горя у нашего труженника. Не онъ-ли взываетъ словами тульской пѣсенки: „Кто-бы моему горюшку помочь“,—не онъ-ли напоминаетъ, что тяжелыя условія существованія отрываютъ массу добрыхъ семянъ отъ роднаго гнѣзда: „опостылѣла ты мнѣ чужа-дальня сторона“. А вотъ иныя пѣсни, съ перваго раза, какъ-бы чужія, непонятныя. Но прислушайтесь—и родное, можетъ-быть, давно позабытое, такъ и охватить всю вашу душу: издалека несется полная отваги пѣсня юнаговъ: „мы, юнаки молодые, все отважные бойцы, у насъ пушки боевыя, ятаганы и штыки“. Это пѣсня воинствующаго Славянства, призваннаго оружіемъ и кровью отстаивать свою національность. А, значить, тамъ далеко, у нашихъ братьевъ бранное поле зоветъ отважныхъ на защиту вѣры и народности! И наше сердце, и нашъ слухъ поражаютъ вдругъ полные стоны и отчаянія звуки: вотъ, нашей кровью освобожденные, простирая руки къ небу, молятся о томъ, чтобы утихли ужасы братоубійственной рѣзни, что-

бы вѣтры грозъ не навѣвали, чтобы Богъ отъ звѣря спасъ народъ. Значить, врагъ силенъ и густой массой окружаетъ нашу родную семью. Что же будетъ?—спрашиваютъ встревоженные и трусливые, а пѣсня имъ отвѣчаетъ отъ имени всего Славянства: „Мы дружно на враговъ, на бой съ нимъ поспѣшимъ, за родину, за славу, за честь мы постоимъ“.

„Знакомьте, сближайте, Дмитрій Александровичъ, пѣснями раздѣленныхъ пространствомъ и условіями жизни членовъ великаго цѣлага. Не громко, но честно ваше служеніе общему дѣлу. Вамъ не придется краснѣть, что вы даромъ прожили. И если въ послѣднюю минуту жизни на вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ наполнила свою земную жизнь душа ваша, ей придется робко отвѣтить: „я все *тѣла*“... „*Это дѣло*“,—скажетъ ей Судья нашихъ поступковъ“.

XVI.

На слѣдующій день, 26 апрѣля, состоялось торжественное засѣданіе въ той-же залѣ Благороднаго Собранія.

По открытіи засѣданія І. Я. Лашковъ, поднесъ юбиляру лавровый вѣнокъ; въ срединѣ котораго изображены ноты la, do, re, коими начинается извѣстная пѣсня „Эй ухнемъ“, причемъ имъ были произнесены слѣдующія слова: „Привѣтствую истолкователя русской народной пѣсни въ день двадцати-пятилѣтняго юбилея его славной дѣятельности на честь и гордость нашего дорогаго отечества и на пользу всего Славянства! Да раздастся еще долго ваша пѣсня отъ моря и до моря, и да служитъ, какъ и до сихъ поръ служила, связующимъ звеномъ всего Славянства, и да будетъ вамъ наградой польза, вами принесенная!“

Послѣ того была прочитана рѣчь г. Урусова, крестьянина по рожденію, замѣчательная своею поэтичностью. Вотъ ея текстъ:

„Да позволено будетъ и мнѣ присоединить къ общему поздравительному хору свой негромкій голосъ, нашъ дорогой Русскій пѣвецъ и Русскій человекъ, Дмитрій Александро-

вять! Осмѣливаюсь принести этотъ голосъ отъ имени простаго русскаго человѣчества, роднаго крестьянства, къ которому имѣеть честь принадлежать пишущій это и душою и тѣломъ; отъ имени многомилліонной, простой многострадальной крестьянской семьи, занявшей необъятныя земельныя пространства отъ моря и до моря и цѣлыя вѣка несущей на своихъ плечахъ всяческія и всѣхъ тягости; отъ имени сѣраго, невзрачнаго, но могучаго богатырства народнаго, ведущаго свой родъ духовный отъ Добрыни и Алеши, отъ Ильи и Потока; отъ имени тѣхъ, изъ чьей горячей крови и буйныхъ головушекъ сложилась-скрѣпилась нерушимая твердыня русскаго могущества и силы; отъ имени того слоя роднаго народа, который умѣлъ выплывать на берегъ, не захлебнувшись мутными и холодными волнами чужеземной водополицы, прорывавшей не разъ плотины нашей родной, духовной и мысленной самостоятельности, безъ которой нѣтъ тѣла народнаго и общественнаго. Народъ нашъ, наше крестьянство, и въ своихъ лишеніяхъ и въ бѣдности своей матеріальной, духовно богатымъ былъ всегда, и въ своемъ временномъ порабоженіи, въ тяжелыя годы своего историческаго пути - подвига, онъ властвовалъ надо всѣмъ и надъ самимъ собою, посредствомъ великой силы смиренія. Народъ нашъ по слѣдамъ Христовымъ шелъ; онъ отдавалъ душу свою часто за другихъ. Много перенесъ онъ мрачнаго, тяжелаго, не часто праздновать приходилось ему; но все имъ перенесенное, печальное и веселое, горестное и радостное, имъ сильно и глубоко перечувствовано, и все перечувствованное имъ отлито въ безсмертныя монументальныя формы пѣсень и былинъ. И пѣсни тѣ, то „стону подобныя“, то безгранично веселыя, широкія, какъ безграничны и владѣнія великаго народа-творца, всегда полны то высокаго смиренія духовнаго и кротости, то величія, чистоты и красоты поэзіи. И вѣтъ отъ пѣсень тѣхъ теплотою сердечною, весеннею, влажною, пахучею.

„Переживала и еще не избыла Русь дорогая потопленія иноземнаго, иномысленнаго, во многомъ. Затопило-было, захлестнуло холоднымъ валомъ, изжужа накатившимся, и

теплую пѣсню русскую, народную, могучую, прекрасную, что твоя царевна въ теремѣ съ звѣздой на челѣ. Лишь кое-гдѣ изрѣдка стала слышаться пѣсня родная, завѣтная. То придавило, вымело ее изъ хоромъ барство нерусское; то забросило ее на задворкахъ, искаженную, обезображенную развратною праздною дворчины-крѣпощины...

„Но народное творчество есть такой ключъ, который ни заглушить, ни захламоситить совсѣмъ, до смерти не въ силахъ ничто. Скоро-ли, долго-ли, а пробьется онъ! Нынѣ чествуемый, славный пѣвецъ-юбиляръ, всѣхъ смѣлѣе и живѣе первымъ подошелъ съ угадчивымъ сердцемъ, съ любовью къ этому заброшенному-было, захламощенному источнику „живой воды“, къ русской народной пѣснѣ и былинѣ-сказанью; разгребъ сильною и умѣлою рукою хламъ наносный, остигъ подходъ къ истоку, и—заструился, засверкалъ на солнцѣ Божьемъ нашъ родной гремучій ключъ!

„Чудною силою обладаетъ эта животворная пѣсня-струя! Она не только освѣжаетъ усталые члены заблудившагося путника; не только очищаетъ, отмываетъ наносную, насѣдшую грязь, но еще обладаетъ свойствомъ взаимнаго притяженія и склеиванія разошедшихся было слоевъ одного и того-же дерева, сращения разрозненныхъ членовъ одного и того-же тѣла. Пѣсня народно-бытовая, вылетѣвшая изъ груди роднаго пѣвца, Дмитрія Александровича, и по всему бѣлу свѣту разносящаяся, подсобила дѣлу самопознанія и взаимной оцѣнкѣ раздѣленныхъ слоевъ общества, помогла сойтись, понять, узнать многимъ разлученнымъ другъ-друга. На пѣсню верхнее низошло, съ пѣснейю нижнее возвысилось, и пѣсня-заслуга занимаетъ понемногу свое законное, достойное и праведное мѣсто. Черезъ пѣсню народную, бытовую, художественно переданную дорогимъ пѣвцомъ-юбиляромъ, многіе высокопросвѣщенные умы правителей и водителей судебъ народныхъ, едва-было не отщепившіеся отъ водимой массы, заглянули и въ избу, и въ сердце мужичка, творца пѣсни, подслушали-подглядѣли его великое горе семейное и бѣды общественныя, и радости сердечныя раздѣлили съ нимъ; полюбовались его счастьемъ; раздѣлили съ мужичкомъ

и его „бабою-хозяйкою“, кормилицею всей Русской земли, заботушку о судьбѣ дочки-красавицы, внучки-сиротиночки. Любовались они въ пѣснѣ той и темнымъ боромъ дремучимъ, и лугомъ зеленымъ, цвѣтущимъ, и многоводною свѣтлою рѣкой, и темнымъ, бурнымъ море-океаномъ, и снѣжною вьюгой-метелью, и дождичкомъ частымъ. Пѣсня народная святое созданіе тысячелѣтнаго, многострадальнаго, многомилліоннаго, кроткаго, сильнаго, гениальнаго Русскаго народа-племени, прошла черезъ вѣщее сердце пѣвца-истолкователя вмѣстѣ съ прожитымъ имъ и прочувствованнымъ горемъ-злосчастьемъ ползучею змѣею, и удалымъ добрымъ молодцемъ, и красною дѣвицею, пролетала и орломъ-соколомъ по поднебесью, и сіяла-алѣла, что твой цвѣтикъ полевой, подъ яснымъ солнышкомъ и побывала она, наша доченька, съ тобою нашъ пѣвецъ, въ царскихъ хоромѣхъ, во дворцахъ, гостей дорогою, и вѣрится намъ, что и въ Царское сердце путь себѣ нашла. И за эту честь, тобою, Дмитрій Александровичъ, возвращенную Русской пѣснѣ народной,—всенародное спасибо и ура!“

Затѣмъ слѣдовала рѣчь предсѣдателя юбилейнаго комитета, Н. П. Гилярова-Платонова:

„Мм. гг.! Привѣтствія, часть которыхъ вчера слышана вами, вещественные знаки вниманія, образцы которыхъ разложены предъ вами, то и другое свидѣтельствуетъ, что дѣятельность Д. А. Славянскаго прошла не безслѣдно. На насъ, чествующихъ его нынѣ, лежитъ обязанность осмыслить этотъ фактъ. Какъ-бы кто лично ни относился къ Агреневу-Славянскому, принадлежитъ-ли къ числу его почитателей, или къ числу хулителей, которыхъ, къ счастью, немного и которые всѣ сосредоточены въ опредѣленномъ узкомъ кружкѣ, общественный фактъ неотразимъ: въ тотъ годъ и въ другой, подъ тою широтою земнаго шара, или противоположною, вездѣ Славянской собиралъ дань самаго громкаго успѣха; справедливость требуетъ добавить—за-границею дань болѣе громкую, нежели у насъ; въ Россіи успѣхъ, можетъ-быть, былъ болѣе существенъ, но менѣе кричалъ о себѣ: печать на сотую долю не

принимала участія въ оваціяхъ публики. При заграничныхъ же путешествіяхъ дождемъ лились сочувственныя рецензіи на каждый концертъ; а при поѣздкахъ по славянскимъ землямъ власти тамошнія прибѣгали даже къ мѣрамъ политической предосторожности въ опасеніи національныхъ возбужденій. Въ нѣкоторыя части Австро-венгерской монархіи Славянскому съ своимъ хоромъ даже вступать было не дозволено, а посѣщеніе Сербіи въ 80 годахъ у теперешняго сербскаго правительства взято было, можно сказать, съ боя, на-проломъ.

„Таковъ фактъ неоспоримый, осязательный. На чтѣ же косилось австрійское правительство, чему не хотѣлъ дать хода Гарашанинъ, чему рукоплескали въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи, Берлинѣ, Прагѣ, Парижѣ, Женевѣ, Лондонѣ, при дворѣ самой Британской королевы, на чтѣ, наконецъ, восторженно отзывались отъ Ревеля до Кяхты, отъ Петербурга до Тифлиса? Фактъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ изученія, что Славянскій—одинъ въ своемъ родѣ; точнѣе сказать, онъ есть самъ по себѣ особенный родъ, который въ немъ одномъ и олицетворяется. Есть концертныя пѣвцы, есть оперныя солисты; Славянскій къ нимъ не принадлежитъ. Онъ не поетъ арій, а музыкальныя знаменитости и посредственности не поютъ того, чтѣ исполняется Славянскимъ. Славянскій, правда, поетъ иногда романсы, его капелла исполняетъ духовныя пѣсни; но романсы составляютъ такую ничтожную долю репертуара, усвоеннаго нашимъ юбиляромъ, такъ несущественны въ общей его дѣятельности, что ихъ нельзя принимать въ счетъ; духовныя-же пѣсни исполняются имъ исключительно за границею. Итакъ, уже по вѣдшему содержанію исполняемыхъ пьесъ, по ихъ, выражусь такъ, заголовку, Славянскій есть нѣчто другое, особенное. Онъ исполняетъ преимущественно русскую народную пѣсню и отчасти національныя пѣсни другихъ славянскихъ племенъ: вотъ въ чемъ его особенность. Употребляю съ намѣреніемъ два разные термина—національный и народный. Вотъ болгарскій, или чешскій маршъ, вотъ пѣсня „Онамо“ князя Николая Черногорскаго. Эти произведенія исполняются Славянскимъ, и каждая изъ нихъ національна, потому что въ нихъ слышенъ духъ народа, который ихъ

употребляетъ, и потому что народомъ они признаны за свои, по мелодіи, или, чаще всего, по ихъ тексту. Но они не самимъ народомъ сложены, подобно нашимъ былинамъ, или *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, у которыхъ не найдете ни автора, ни композитора, которыя не только усвоены народомъ, но имъ и сочинены и даже продолжаютъ сочиняться, какъ вообще, такъ и каждое въ частности, подвергаясь измѣненіямъ и въ мелодіи, и въ текстѣ. Разницу эту отмѣтить весьма важно. Изъ нея видно, что пѣвца нашего влечетъ къ себѣ не происхожденіе пѣсь, а ихъ отношеніе къ народности; этимъ онъ выдѣляетъ себя и отъ другихъ исполнителей русской пѣсни не менѣе, чѣмъ отъ оперныхъ хористовъ и солистовъ. Кого-бы мы ни взяли, разнообразныя-ли хоры русскихъ пѣсенниковъ, отдѣльныхъ-ли пѣвцовъ, бывший-ли наконецъ хоръ князя Голицына, къ которому капелла Славянскаго, повидимому, болѣе всего приближается, между прочимъ, и потому, что Голицынъ, подобно Славянскому, также разбѣжались по чужимъ краямъ,—никто изъ нихъ не беретъ на себя знакомить публику съ пѣснопѣніемъ Славянъ.

„Такова первая особенность, внѣшняя; но есть другая, болѣе глубокая, касающаяся именно русской пѣсни. Есть извѣстный ограниченный репертуаръ, общій всей Россіи, назову такъ, всенародныхъ пѣсень, въ родѣ *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, ихъ поетъ всякій, и даже въ образованномъ обществѣ, можно сказать, онѣ распространеннѣе, нежели въ народѣ. Этими привилегированными пѣснями болѣе всего и ограничиваются обыкновенные хоры и пѣвцы, и притомъ останавливаясь исключительно на музыкальной ихъ сторонѣ. Изъ десяти человѣкъ, которымъ извѣстна мелодія *Не бѣлы сныи*, *Не будите молодю*, или *Барыня-Барыня*, смѣло можно ручаться, даже одного не найдется, которому-бы извѣстенъ былъ полный текстъ пѣсни. Слушатель и самъ исполнитель, если онъ не принадлежитъ къ профессиональнымъ пѣвцамъ, ласкаетъ свой слухъ только красивою мелодіей; она одна ему цѣнна и забираетъ за душу, сама-собою, независимо отъ словъ; о чемъ тамъ поетъ эта пѣсня, душа пѣвца, какъ и слушателя, вполне къ тому равнодушна. Въ репертуарѣ

Славянскаго находимъ другое. Избитыхъ народныхъ мелодій программы его, какъ будто, даже избѣгаютъ; большинство произведеній, имъ предлагаемыхъ, имъ пропѣты и даже открыты въ первый разъ, дотолѣ никому неизвѣстныя; и, въ добавокъ, большая часть ихъ не блещетъ богатствомъ и самостоятельною красотой мелодіи. Наоборотъ, бѣдность звуковъ, ограниченный діапазонъ многихъ изъ нихъ даже существенны, но и то самое придаетъ пѣснѣ свою красоту, и притомъ въ зависимости отъ текста. Указываю для примѣра на двѣ пѣсы, изъ которыхъ одна, можно сказать, составляетъ краеугольный камень славы нашего юбиляра. Слушатели догадываются, что я разумѣю „Эй, ухнемъ“; прибавлю еще бѣлорусскую „Цы ня дудка моя“. Какая бѣдность, какое однообразіе звуковъ, а въ Эй ухнемъ съ тѣмъ вмѣстѣ бѣдность содержанія, точнѣе сказать, отсутствіе всякаго содержанія: „Эй ухнемъ, ай да-да-да, разовьемъ березу, да кудрявую“... Вотъ вамъ и все содержаніе, безконечно повторяющееся. Но это самое и образуетъ силу этой... „пѣсни“, хотѣлъ-было я сказать. Но это не пѣсня; это есть продолжительный вздохъ напряженія и взаимно-поощреніе непомѣрнаго труда мѣрнымъ звукомъ, ритмически-соотвѣтствующимъ бурлацкому шагу. Содержаніе словъ есть непосредственное отраженіе окружающей бѣдной природы. „Но цѣлая подробная картина“, — повторяю сказанное мною-же нѣкогда, — „цѣлая отрасль быта выростаетъ предъ вами внезапно со своимъ безмѣрнымъ трудомъ. Тянется лямка по безконечному берегу, по землѣ, еще не обсохшей отъ половодья; ноги вязнутъ; напряженіе силъ неимоверное; все пустынно; виднѣются березки кое-гдѣ, — опушка лѣса, или предшественницы лѣса, скрывающагося за горизонтомъ. Не до того тутъ, чтобы думать, нечѣмъ развлечь и воображенія; надобно тащить; и тащить надобно, какъ ни тяжело, подпаривая лишь себѣ работу однимъ возможнымъ взаимнымъ поощреніемъ: „эй ухнемъ, еще разъ, еще разикъ, еще разъ. Ай да-да-да, ай да-да, разовьемъ березу, да кудрявую“! А тамъ, вдали, едва видно приподнимается вамъ и еще тяжелая лямка, которую тянетъ русскій человѣкъ и тянулъ во всей исторіи, тою-же мѣрною

поступью идя, тою-же одушевляя себя безропотною покорностью призываю; тотъ-же и въ исторіи горизонтъ безъ конца, та-же тягость труда, то-же одиночество множества, то-же единственное подкрѣпленіе взаимнымъ само-поощреніемъ къ единомушію“.

„Не менѣе краснорѣчива въ своей бѣдности звуковъ бѣлорусская *Дудка Веселуха*. Парень сидитъ съ дудкою, самодовольно восклицая о себѣ: „ухъ я!“ и подсказывая дудкѣ веселить его. Но чтѣ-же веселаго сообщаетъ она?—Что ихъ трое братьевъ: одинъ лапти плете, другой кони пасе, а третій, должно-быть, ни къ чему болѣе не способный, сидитъ съ дудкою, которая притомъ у него завалилась — „ухъ я“! Не прочли-ль мы въ этомъ несложномъ содержаніи всю исторію многострадальнаго бѣлорусскаго народа, католическо-шляхетскимъ гнетомъ придавленнаго до того, что, по увѣренію знающихъ людей, діапазонъ его не простирается далѣе четырехъ нотъ, а въ счетъ съ трудомъ онъ досчитывается даже до десяти. „Фу, ты,—съ досадою восклицаетъ пріѣзжій Москвичъ на торговку, затрудняющуюся счетомъ сдачи:—семи счесть не умѣешь“!—„Ахъ, паночекъ,—отвѣчала она,—да чтѣ-же намъ считать-то было“!—Фактъ подлинный.

„Пока я разбиралъ эти двѣ піесы, особенность репертуара, избраннаго Д. А. Славянскимъ, уже названа. Изобразительность—таково отличительное качество исполняемыхъ имъ русскихъ пѣснопѣній, гдѣ мотивъ, тѣсно связанный съ содержаніемъ, изображаетъ вмѣстѣ съ нимъ какую-нибудь сторону, или часть народной жизни. Дополнимъ, что къ числу наиболѣе облюбовываемыхъ нашимъ пѣвцомъ народныхъ пѣсень принадлежатъ произведенія, по характеру и формѣ драматическія,—совершенно обратно обыкновеннымъ хорамъ и пѣвцамъ, которые останавливаются на произведеніяхъ лирическихъ. Послѣ представленнаго мною сейчасъ опредѣленія это понятно: въ смыслѣ характеристики быта и народа лирическія изліянія личныхъ чувствъ краснорѣчивы всего менѣе. Иное дѣло такія пѣснопѣнія, какъ *Спится мнѣ младешенькѣ*, или *Что, матушка, во полѣ пыльно*, гдѣ передъ слушателемъ проходитъ дѣйствіе, или даже такія, какъ на *Ива*

нушки чапанъ, На горь-то калина и Сударево дитятко. Первые двѣ пѣсни ближе всего напоминаютъ греческую драму, разумѣется, въ зародышѣ. Вотъ бѣднякъ, пьяница-забулдыга. Богъ знаетъ, во чтò онъ и одѣтъ, и чѣмъ приходится ему питаться. Напѣвъ веселый, кадансъ быстрый, пьяница не заботится и не горюетъ. Но послѣ каждаго стиха затягиваетъ хоръ: „слышишь ли, Иванушка?“ совсѣмъ другимъ напѣвомъ, другимъ размѣромъ. Предъ вами фактъ; горькій самъ по себѣ, но веселящійся, ни о чемъ не тужащій забулдыга; и тутъ же сейчасъ сказывается сужденіе: смотреть сейчасъ-же посторонній глазъ, и посторонній голосъ грустно подпѣваетъ обличеніе: „слышишь-ли, Иванушка?“ Другая пѣсня сплетенно рассказываетъ, какъ молодой человѣкъ съ одною изъ дѣвицъ, отправившись гулять, чуть-ли не намѣренъ устроить любовное свиданіе. По мѣрѣ развитія дѣйствія тотъ-же посторонній голосъ хора напоминаетъ сплетнику-соглядатаю: „ну, что-жь, кому дѣло,—ну, какое кому дѣло!“ О драмѣ, изображающей подневольно-вѣнчанную въ пѣснѣ *Чтò, матушка, во полъ пыльно*, столь всегда трогавшей въ Бозѣ почившую Государыню Императрицу, отличающейся строгимъ, почти церковнымъ напѣвомъ, или о картинѣ драматическаго дѣйствія, проходящей въ *Спится мнѣ, младешенькой*,—не упоминаю. Характеръ ихъ очевиденъ; но не премину сказать о пѣснѣ *Сударево дитятко*, нѣкогда исполнявшейся. Здѣсь сужденіе о мужичкѣ, который промышляетъ воровствомъ, произносится въ видѣ вопросовъ и недоумѣній посторонняго лица, на которые у Сударева дитятки на каждый находится беззащитный отвѣтъ, оканчивающійся памятными каждому, слышавшему эти пѣсни: „украду, матушка, украду,—убѣгу, матушка, убѣгу“.

„Я утомилъ-бы собраніе, еслибы сталъ перечислять пѣсни драматическаго, или діалогическаго характера, исполняемыя Славянскимъ и его капеллою, начиная съ *Акулина, это что?* и кончая новѣйшими въ репертуарѣ нашего пѣвца *Четкою* и *Какъ по рѣчкѣ по песочку*. Посѣтителемъ собранія пѣсни эти болѣе, или менѣе, извѣстны; обращу вниманіе его лишь на то, что драматическія произведенія изображаютъ дѣйствія, а

потому требуютъ игры. И вотъ, я подхожу къ другой отличительности нашего пѣвца: онъ не только поетъ, но *играетъ*, тамъ—гдѣ требуется отгнѣнить дѣйствія и лица; онъ измѣняетъ голосъ, ускоряетъ и замедляетъ темпъ, переходитъ отъ *riano* къ *forte* и обратно, по требованіямъ изображаемаго дѣйствія. Къ выраженію, уже означаемому и текстомъ, и мелодіею, онъ прибавляетъ мимику голоса и иногда тѣлодвиженія, всегда исполняемую, прибавлю, съ великимъ тактомъ, не переходящую никогда въ вульгарность, пародію, или карриатуру, при комическомъ содержаніи, и не пересаливающую сантиментальностью въ грустномъ. Отсюда получается—не скажу двойная изобразительность, а изобразительность въ квадратъ, гдѣ мелодія идетъ неразрывно съ текстомъ, и изобразительность того и другаго довершается изобразительностью исполненія. Получается картина въ звукахъ, очаровывающая слушателя иногда до самообмана. Напомню о фактахъ, которыхъ, можетъ-быть, нѣкоторые изъ васъ бывали свидѣтелями. При особенно удачномъ исполненіи бурлацкаго „Эй ухнемъ“, съ послѣднимъ замирающимъ звукомъ, слушатели остаются на нѣсколько секундъ скованными въ совершенномъ молчаніи, прежде чѣмъ разразятся рукоплесканіями. Пѣвецъ уже кончилъ, но имъ еще чудится повтореніе „эй ухнемъ“, какъ будто произносимое, тогда какъ оно произносится на слуховомъ барабанѣ рефлексивно, безъ дѣйствительнаго повторенія пѣвцомъ.

„Итакъ, Славянскій своимъ пѣніемъ изображаетъ намъ русскій народъ на разныхъ ступеняхъ его быта и въ разныхъ обстоятельствахъ,—изображаетъ, поколику самъ народъ себя же, эти ступени и эти обстоятельства воспѣваетъ въ своихъ твореніяхъ. Славянскій не пѣсню повторяетъ, подслушанную у народа, поколику народъ въ ней отражается формально своимъ творчествомъ и реально своею судьбою, а воспроизводитъ онъ, Славянскій, самыя эти судьбы и бытъ народа, поколику они изображаются въ народныхъ пѣсняхъ, передаетъ намъ народную душу, воплощаетъ предъ нами народъ. Прошу вникнуть въ эту разницу, дабы не предъявлять пѣвцу неумѣстныхъ требованій: да вѣрно-ли онъ запи-

салъ текстъ, да точенъ-ли мотивъ, да совершенна-ли арранжировка? Впервыхъ, что касается арранжировки, то, имѣя въ виду ближайшую практическую цѣль—распредѣленіе партій въ своей капеллѣ, полагаю, она не имѣетъ и претензіи на окончательность. А точно-ли записаны текстъ и мотивъ пѣсенъ, вопроса объ этомъ въ данномъ случаѣ я даже не допускаю. Когда арія композиторомъ сочинена и выложена на разграфленныхъ листахъ, мы имѣемъ право требовать рабскаго подчиненія отъ исполнителя всѣмъ указаніямъ творца. А когда нѣтъ предъ вами самого подлинника? Когда подлинникъ въ первой редакціи и подносится вамъ пѣвцомъ? Очень можетъ быть, да и несомнѣнно съ внѣшней, формальной стороны вамъ подносится только одинъ изъ варіантовъ, допустимъ, даже видоизмѣненный самимъ пѣвцомъ (хотя я этого не предполагаю); но отсюда ничего не слѣдуетъ. Да всѣ народныя произведенія по существу и представляютъ только безконечный варіантъ, и въ текстъ и въ мотивъ; ту самую пѣсню, которую вы слышали минуту назадъ, пѣвецъ изъ народа пропоетъ иначе, когда вы его попросите повторить. Это фактъ общеизвѣстный, поразившій еще ученаго Виллота, сопровождавшаго египетскую экспедицію Бонапарта. Онъ приходилъ въ недоумѣніе, въ досаду, что Грекъ, Арабъ, Эѳіопъ и разные представители другихъ восточныхъ національностей никогда ему ни одного своего народнаго мотива не воспроизводили два раза къ ряду съ точностью. Тагъ и всегда бываетъ въ народной музыкѣ: исполнитель ея всегда бываетъ и участникомъ въ творествѣ. Вопросъ въ томъ, вѣренъ-ли исполнитель духу произведенія, передаетъ-ли мысль, достигаетъ-ли ощущенія, вложеннаго въ единство текста и мелодій. То-же и о нашемъ пѣвцѣ: спрашивайте не о томъ, гдѣ ты взялъ эту ноту, у кого подслушалъ этотъ ритмъ, а выразилъ-ли онъ душу народа, воплотившуюся въ пѣснѣ? Точность протоколиста требуется отъ изслѣдователя, а не отъ художника; и если художникъ сказываетъ урокъ, слышанный отъ народа, своими словами, а не въ зубряжку, то тѣмъ выше ему цѣна.

„Да, подтверждаю я, и я увѣренъ,—надѣюсь, увѣрено со мною

все достопочтенное собраніе,—что ни одинъ бурлакъ не спеть съ такимъ изяществомъ и выраженіемъ *Эй ужемъ*, или дѣвицы на посидѣлкахъ *Спится мнѣ, младешенькѣ*, какъ поеть ихъ юбиляръ. Не тысячу-ли разъ случается, что авторъ читаетъ собственное сочиненіе съ меньшимъ выраженіемъ и меньшею силой, нежели посторонній? Пушкинъ, рассказываютъ современники, читалъ превосходно; а способенъ-ли онъ былъ прочесть своего *Скупого рыцаря* съ тѣмъ совершенствомъ, какъ читалъ его Щепкинъ, чтобы волосы приподнимались у слушателя и сердце замирало? Сомнѣваюсь. Славянской по отношенію къ творцу-наробу есть Щепкинъ по отношенію къ Пушкину; онъ не техникъ только въ пѣснѣ, а поэтъ; онъ не заслушиваться только заставляетъ, а переживать. Онъ переноситъ, погружаетъ васъ въ міръ, воспѣтый народомъ-пѣснотворцемъ, сливаетъ васъ съ нимъ; и такъ какъ это міръ русскій, то онъ сливаетъ васъ, единитъ духовно съ русскимъ народомъ, будитъ въ васъ русскую душу, поднимаетъ въ васъ сокровенные родники народности.

„Сказанное сейчасъ устанавливаетъ точку зрѣнія и на произведенія, такъ-называемыя въ программахъ нашего юбиляра—*шуточныя*, каковы о сентитюрныхъ платочкахъ, или *Какъ по рѣчкѣ по песочку*. Въ числѣ сторонъ теперешняго русскаго быта несомнѣнна и изображаемая этими произведеніями трактирно-фабричная цивилизація; и она воспѣла себя не менѣе того, какъ смерть Скопина, или Мамаево вообще. Но какъ воспѣла?—Иронически. Нашъ пѣвецъ-художникъ со свойственнымъ ему изяществомъ воспроизводитъ и эту иронию, причемъ пѣсня площадная и даже иногда грязная сама по себѣ звучитъ очищенною и одухотворенною, выслушивается съ удовольствіемъ, возбуждая съ тѣмъ вмѣстѣ въ слушателяхъ смѣхъ надъ изображаемымъ явленіемъ. Этотъ родъ пѣсенъ можно назвать сатирическою народною философіей въ звукахъ. Къ тому-же разряду отчасти относится цыганская *Голубка Маша*. Она воспроизводитъ страстный разгулъ, свойственный цыганской пѣснѣ; но рядомъ съ точнымъ, одушевленнымъ исполненіемъ вы ощущаете и взоръ исполнителя на эту пѣсню, выражаемый ироническимъ рыданіемъ.

„Короче сказать: русскій жанръ, но не въ краскахъ, а въ звукахъ, притомъ излившихся изъ устъ самого народа, этнографическая и социальная лѣтопись народа, самосказавшаяся въ музыкальной формѣ: вотъ, изъ чего преимущественно состоитъ репертуаръ нашего юбиляра и вотъ, въ чемъ его спеціальность, точнѣе — его привилегія, которой онъ есть единственный обладатель. Сказавъ это, мы тѣмъ самымъ признали въ Славянскомъ одного изъ двигателей народнаго самосознанія. А когда припомнимъ, что Славянскій есть пѣвецъ по преимуществу странствующій, то должны признать, что онъ есть проводникъ народнаго единства, проповѣдникъ народнаго братства. Проповѣдать можно не словами только, но и звуками. На деньги, занятыя у именитой русской родственницы, Луи Наполеонъ, когда еще былъ принцемъ, снарядилъ 100.000 шарманщиковъ; они искрестили всю Францію, разыгрывая на своихъ инструментахъ славу временъ первой имперіи: результатомъ было семь миллионѣвъ голосовъ въ избирательной урнѣ. Нашъ юбиляръ совершаетъ то-же, но въ другомъ, болѣе возвышенномъ и болѣе симпатическомъ родѣ. Тифлисъ и Кяхта, Ревель и Херсонъ, города, наполненные сверхъ русскаго, разными племенами, одинаково восхищаются слышанными произведеніями; одинаково во веѣхъ городахъ, по отъѣздѣ пѣвца съ его капеллою, раздаются по улицамъ подражательныя повторенія слышаннаго. Совершается обмѣнъ духовнаго кровеобращенія; великорусская, малорусская и бѣлорусская пѣсня братаются: въ волжскомъ бурлакѣ житель Кавказа, въ обитателѣ пинскихъ болотъ житель сибирскихъ лѣсовъ — опознаетъ брата. Согласимся, мм. гг., что тутъ нѣчто даже выше таланта, чествуемаго въ другихъ пѣвцахъ, которыхъ притомъ все право на вниманіе пріобрѣтается часто исключительно случайнымъ даромъ природы съ малымъ личнымъ трудомъ. Здѣсь не талантъ только, но общественная заслуга, а заслуга не въ формальномъ только удовлетвореніи эстетической потребности, не въ потѣхѣ публики, а въ серьезномъ дѣлѣ народнаго самосозданія. А ступимъ шагъ еще, — и горизонтъ еще болѣе расширяется. Славянскій поетъ не русскимъ однимъ, но и чуже-

земцамъ, и притомъ въ ихъ родной землѣ. Въ этой новой обстановкѣ и задача его, сколько мы слѣдили, видоизмѣняется. Впередъ, понятіе о братствѣ расширяется, изъ общерусскаго переходя въ общественное. И ввторыхъ, для чужеземцевъ на первый планъ выдвигается не народъ въ пѣснѣ, а пѣсня въ народѣ. Этнографическая задача, главная при исполненіи въ родномъ краѣ, уступаетъ мѣсто музыкальной; Европу знакомить не съ тѣмъ, каковъ этотъ народъ, отдыхающій, по ея мнѣнію, иногда подъ тѣнью огромной клюквы, а какими музыкальными сокровищами онъ владѣть. И мы знаемъ, мм. гг., мы такъ недавно читали и слышали, какой громадный эффектъ производимъ былъ умѣло-подобранными и талантливо исполненными образцами русскаго пѣснопѣнія. Въ западной Европѣ проникались удивленіемъ и уваженіемъ къ русскому генію, въ западномъ Славянствѣ—братскимъ восторгомъ и гордостью. Это не сказка, а быль, свидѣтельства о которой вы слышали не далѣе, какъ вчера. Добавлю и свой личный опытъ: какъ зашевелились и въ Москвѣ, и въ провинціяхъ, и въ Славянскихъ земляхъ при первыхъ гласныхъ успѣхахъ нашего юбиляра въ 1870 году! Я былъ настолько счастливъ, что первый его громко привѣтствовалъ; одновременно съ тѣмъ полились ко мнѣ требованія и предложенія: образовать пѣвческое общество, достать книгъ съ русскими пѣснями, помочь образованію учрежденія, которое способствовало-бы обмѣну музыкальныхъ произведеній между Россіей и Славянскими землями.

„Я произнесъ слово „заслуга“, говорилъ о „задачахъ“, выпавшей Агреневу, прозванному Славянскимъ, назвалъ его проповѣдникомъ и возбудителемъ народнаго самосознанія. То и другое вѣрно, но я былъ-бы ложно истолкованъ, когда-бы то и другое понято было въ смыслѣ тенденціозности. Нашъ юбиляръ сколько есть двигатель, столько и орудіе; онъ воспитывалъ общество, равно и самъ дѣйствовалъ и шелъ по указаніямъ общества. Въ молодомъ корнетѣ находятъ голосъ и умѣнье пѣть увлекательно, особенно русскія пѣснн. Товарищи совѣтуютъ не пренебрегать даромъ природы. Корнетъ бросаетъ службу, начинаетъ учиться пѣнію, беретъ уроки у

русскихъ учителей; не довольствуясь ими, ѣдетъ въ Парижъ и Миланъ, совершенствуясь подъ ферулою тамошнихъ пѣвческихъ руководителей. Казалось-бы, арии, оперное пѣніе, обыкновенная театральная сцена—вотъ будущее его поприще. Казалось-бы такъ... Но онъ отказывается отъ театральной службы. Даетъ самостоятельные концерты, съ рутинной сначала программой арій и романсовъ, лишь въ видѣ исключенія вводя, по старой памяти, частичку русскихъ пѣсеней, которыми такъ восхищалъ въ полку. Но публика, хотя и благосклонная къ исполненію романсовъ, скоро вымела ихъ изъ программы. Безконечныя bis, ревъ рукоплесканій при однихъ и тѣхъ-же пьесахъ, и именно русскихъ, при каждомъ концертѣ и въ каждомъ городѣ, указали художнику, въ чемъ его сила и гдѣ его призваніе. На этотъ разъ она воспитала артиста, и въ этомъ смыслѣ я позволяю себѣ сказать, хотя, можетъ быть, нѣсколько и удивлю собраніе: настоящій юбилей я признаю столько-же торжествомъ юбиляра, сколько и воспоминательнымъ о себѣ торжествомъ самой публики, нѣкогда презиравшей народное пѣсно-творчество, а нынѣ ему внимающей. Это родное наше торжество—память о взаимномъ нашемъ воспитаніи. Въ послѣднемъ отношеніи не краснорѣчивъ-ли тотъ фактъ, между прочимъ, что, ограничиваясь сперва бытовыми, сталъ юбиляръ вводить въ свой репертуаръ историческія и героическія пѣсни? Не замѣчается-ли здѣсь ростъ мысли, не совершается-ли углубленіе и не происходитъ-ли это подъ взаимодѣйствіемъ требовательной публики и чуткаго исполнителя? Съ этой точки зрѣнія въ высшей степени любопытно и поучительно было-бы прочитатъ когда-нибудь рассказъ самого артиста о пройденномъ имъ процессѣ, а вмѣстѣ и о борьбѣ съ предубѣжденіями, сквозь которыя приходилось ему прокладывать дорогу, прежде чѣмъ онъ завоевалъ себѣ и русской пѣсенѣ настоящее видное мѣсто. Онъ сказалъ-бы намъ тогда и о томъ, подъ влияніемъ чего пришла ему мысль о славянскомъ братствѣ еще ранѣе этнографическаго съѣзда 1867 г., осѣнившая его и давшая ему артистическое имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ міру. Помимо художественнаго чутья, этимъ сказался и глубокой его

взглядъ. Съ этой стороны нашъ юбиляръ публикъ мало, даже, пожалуй, совсѣмъ неизвѣстенъ. Но „Голосъ“ и „Современныя Извѣстія“, куда онъ писалъ заграничныя корреспонденціи, умѣли цѣнить его и съ этой стороны. Что касается меня въ частности, то провозглашаю во всеуслышаніе, что по зоркости и обширности взгляда, по политическому чутью, по умѣнью опознаться въ политическихъ интересахъ страны и отмѣтить выдающіяся стороны общественной жизни—я немного знаю русскихъ корреспондентовъ, которые-бы равнялись съ Дмитріемъ Александровичемъ. Еслибы онъ не очутился знаменитымъ пѣвцомъ, онъ былъ-бы выдающимся публицистомъ.

„На этомъ я могъ-бы кончить. Задача относительно самого юбиляра и относительно настоящаго торжества исполнена. Но меня охватываетъ грустная мысль. Вкусъ къ русской пѣснѣ пробужденъ въ обществѣ нашимъ юбиляромъ, между прочимъ, если не имъ главнымъ образомъ. Красота ея оценена. Наукою признано ея высокое музыкальное значеніе, а корифеи музыкальнаго искусства, и между ними Листъ, сулятъ ей міровое будущее, въ виду изсякшихъ родниковъ творчества на Западѣ, осужденномъ повторять зады и пробавляться музыкальной риторикой. Читенію о русскомъ музыкальномъ строѣ Вестфаль посвящаетъ цѣлый семестръ въ Лейпцигскомъ университетѣ; профессоръ-специалистъ Эттингенъ ѣдетъ въ Петербургъ отыскивать естественную гамму, а ргіогі имъ открытую, существованіе которой, какъ дознано имъ потомъ, сохранилось въ русскомъ ладѣ. Профессоръ воображалъ, смѣшно сказать, обрѣсти народную музыку на петербургской театральной сценѣ! А она, эта народная музыка, сохранившаяся въ народной пѣснѣ, отчасти въ мірской, отчасти церковной, стоитъ не собранная, не разобранная, не изслѣдованная, не признанная. Текстъ еще достаточно собранъ вѣчно памятнымъ П. В. Кирѣевскимъ и его продолжателями—Рыбниковымъ, Гильфердингомъ, Барсовымъ, Безсоновымъ, Шенномъ и другими. Да и то не частица-ли лишь малая? Да и что мы знаемъ о пѣснѣ, когда мы не выяснили еще законовъ просодіи русской; того мало,—не выяснили себѣ зако-

новъ ударенія словъ даже въ прозѣ. Въ музыкѣ-же народной все есть пока бѣлый листъ; мелодію записывать только пытаются; гармонизаціи только приподнять край Ю. Н. Мельгуновымъ, имени котораго нельзя произносить безъ глубокаго уваженія. Музыка пѣсни нашей—въ томъ положеніи, въ какомъ стоялъ текстъ во времена Сахарова, или даже ранѣе Калайдовича, въ старыхъ пѣсенникахъ, когда русское стихосложеніе распяливали на нѣмецкую просодію, воображая, что исправляютъ невѣжество. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ даже музыкальныя знаменитости наши отрицали существованіе народной гармонизаціи, настаивая, что русская пѣсня и въ хору поется только унисономъ; другіе отрицали въ ней ритмъ; всѣ вообще недоумѣвали надъ гаммою, закушленные темперированною гаммою европейскою. Отсюда всѣ записи, всѣ сборники представляютъ не полное и большею частію фальшивое зеркало пѣсни. Да иначе и быть не можетъ. Представимъ, что намъ трехсложныя стопы неизвѣстны, и существованіе ихъ нами даже отрицается. Каково было-бы чтеніе, когда-бы дактилическій стихъ мы пялили на хорей, а въ амфибрахіи признавали ямбъ?

„Народныя мелодіи и образцы ихъ гармонизаціи не только не записаны и не собраны, но у насъ еще и не воспиталось умѣнья ни записывать, ни заслушивать то и другое. И вотъ, на этомъ праздникѣ русскаго пѣвца, который есть вмѣстѣ праздникъ русской пѣсни, невольно поднимается мысль о ней, о русской пѣснѣ вообще и русской музыкѣ въ частности; невольно просится желаніе, чтобы настоящій случай послужилъ толчкомъ къ изученію русскаго пѣсно-творчества болѣе основательному и обширному, нежели было доселѣ. Намъ извѣстно, что и юбиларъ нашъ обладаетъ многочисленными памятниками народнаго пѣсно-творчества, имъ записанными, но ни имъ и никѣмъ другимъ не изданными. Онъ-бы могъ, скажемъ болѣе—грѣхъ былъ-бы на его душѣ, еслибы онъ не подѣлился собранными имъ сокровищами. Они образовали-бы краеугольный камень, на которомъ, при содѣйствіи общественномъ, могло-бы вырасти цѣлое зданіе.

Окончу свое слово воспоминаніемъ о высказанномъ семнад-

цать лѣтъ назадъ. „Русская пѣсня есть тайна. Въ чемъ ея особенность? А особенность есть, и притомъ высокая. Такъ разсуждали два глубокіе знатока музыки и вмѣстѣ друзья: покойный гениальный Глинка и—теперь, увы! тоже покойный—князь В. Ѳ. Одоевскій. Сбирались они, толковали, раздумывали, искали. Глинка отправился за границу, въ Берлинъ, чтобы тамъ въ музыкальныхъ архивахъ, въ специальныхъ сочиненіяхъ, историческихъ, критическихъ, теоретическихъ, поискать ключа къ загадкѣ: въ чемъ сущность русской музыки, слышимая, но необъяснимая? „Поѣзжай, сказалъ ему другъ, но напрасно: ничего ты тамъ не найдешь; а отдайся лучше своему генію, онъ тебя вывезетъ; я же здѣсь поверну къ церковному пѣнію русскому и поищу, нѣтъ-ли въ немъ ключа“... Геній вывезъ Глинку: чутьемъ онъ возсоздалъ русскую пѣсню въ своей *Жизни за Царя*; а другъ его, отдавшійся изученію церковнаго пѣнія съ этою цѣлю исканія, схваченъ былъ на полдорогѣ неуязвимою смертію“. Болѣе полулѣтка прошло со времени разговора друзей, 18 минуло со смерти Одоевскаго. Далеко-ли мы ушли по дорогѣ, которой искали знаменитые друзья; много-ли успѣли даже при распространившемся сочувствіи къ русской пѣснѣ, которое во всѣхъ классахъ общества пробуждено нашимъ юбиляромъ?“

Послѣ прекрасной рѣчи Н. П. Гилярова выступилъ со слѣдующимъ словомъ Е. В. Барсовъ:

„Мм. гг.! Чтобы вполне оцѣнить общественное значеніе того, кто пѣснопѣнія разныхъ селъ и деревень объединилъ въ общественномъ сознаніи, какъ пѣснопѣнія единой земли Русской, кто огласилъ ими троны монарховъ, кто повѣдалъ ихъ единоплеменнымъ народамъ, кто пронесъ ихъ по Европѣ, Азии и Америкѣ, для этого прежде всего нужно понимать значеніе русской пѣсни во всей глубинѣ ея историческаго и бытоваго содержанія. Чѣмъ глубже постигается это содержаніе, тѣмъ величественнѣе выступаетъ образъ юбиляра, этого, можно сказать, всемірнаго провозвѣстника ея. Народная пѣсня—не знамя только національности, она сама въ себѣ есть народ-

ное самосознаніе въ самомъ процессѣ его переживанія. Наука давно поняла такое значеніе русской пѣсни и работаетъ неустанно на поприщѣ ея изученія; но для общественнаго воззрѣнія пѣсня все еще не болѣе, какъ утѣха и забава; общественное вниманіе еще глухо къ выводамъ науки и поверхностно относится къ внутреннему смыслу народныхъ пѣснопѣній.

„Родники народной поэзіи просто неистощимы: это необозримый океанъ, въ которомъ не знаешь, гдѣ остановиться. Пѣсня уноситъ въ глубочайшую доисторическую древность; пѣсня отражаетъ народныя воззрѣнія почти на всѣ важнѣйшія историческія событія и главнѣйшія историческія лица; пѣсня продолжаетъ жить и являютъ свое животворящее дѣйствіе въ народной исторіи. Наукою сдѣлано для нея также не мало, такъ что трудно и почти невозможно въ краткомъ словѣ распространяться предъ вами о глубокомъ смыслѣ народнаго пѣснотворчества. Вотъ почему я позволяю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе лишь на отрывочномъ предметѣ изъ этой необозримой области, именно на томъ, какъ русская женщина изобразила саму себя въ своихъ пѣняхъ, какъ выразила она свое нравственное сознаніе и свое теплое сердце, какъ воспѣваетъ она свою судьбу въ разныхъ своихъ положеніяхъ, отъ колыбели до могилы. Но и при этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что предлагаемый очеркъ укажетъ лишь немногія черты въ образѣ и судьбахъ русской женщины.

„Славянскій языкъ прекрасно выразилъ идеальный образъ женщины именемъ *дѣва*, что по коренному своему смыслу значить: *свѣтлая, озаряющая, божественная*. Не даромъ чарующія и привлекательныя горы во многихъ мѣстахъ русской земли называются *дѣвими* горами, а свѣтлыя и прозрачныя рѣчки носятъ названіе *дѣвицы*. Въ языческой мифологіи *дѣва* возведена была на небо и ей вручено было веретено, на которомъ пряла она нить человеческой жизни и ткала судьбу отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Въ образѣ поленицъ удалыхъ она зажигала богатырскія сердца и властвовала надъ человеческими страстями. Въ дѣйствительной-же жизни

прелесть дѣвы сказывается всегда въ таинственной чистотѣ, въ святомъ очарованіи и райской привлекательности.

„Въ великорусскихъ пѣсняхъ такое понятіе дѣвы, какъ существа свѣтлаго, озаряющаго, божественнаго, нерѣдко выражается въ самыхъ осязательныхъ образахъ: *дѣва*—это зоренька ясная, звѣзда подвосточная, луча солнца краснаго. Но еще характернѣе она сказывается въ пѣсняхъ малоросійскихъ: дѣва, словно яркая звѣзда, въ вечернюю пору выходящая изъ-за тучи, озаряетъ и радуетъ сердце своего милаго друга:

И зиронька зійшла,
Усе поле освитыла,
А дивчина вийшла
Козаченька звеселыла.

„Пѣсня воспитываетъ красную дѣвицу и возводитъ ее къ идеаламъ своего возраста. Взлелѣянная колыбельными пѣснями она, согрѣвая свои побужденія, сама затѣмъ *лепетъ* ихъ сначала надъ куклами, а потомъ и надъ дѣйствительными дѣтьми, когда становится *нянькою*. Дѣлаясь *подросткомъ*, она подпѣваетъ *взрослымъ* и въ пѣсняхъ-же выражаетъ затѣмъ и свои радости, и свое горе. Необыкновенно высоки и художественны пѣснопѣнія, въ которыхъ выражается тайна любви дѣвичьей, или потребность сердца отдать себя въ жертву другому для собственнаго счастья, ради родной семьи и на благо семьи новой. Живя непосредственнымъ чувствомъ, свято храня тайну своего сердца, дѣва бесѣдуетъ съ вѣщей птиченькой и повѣдаетъ ей свои тревожныя думы:

Скажи мнѣ, соловьюшко,
Любить-ли меня милой,
Любить-ли, горюетъ-ли?
А я по немъ по всякъ часъ,
По всякъ часъ минутою,
Вспоминаючи о немъ.

„Но еще выразительнѣе и глубже сказывается сила любви ея въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

Вы темныя мое ночушки, вы осенія,
Не могу-то я васъ, ночушки, проспять-прождать

Какъ безъ милаго я друга, безъ любезнаго
И безъ ласковаго слова, безъ привѣтливаго!
Когда кто полюбится, *пріобычнтся*.
Полюбился добрый молодець красной дѣвицѣ,
Онъ, что ночь,—что день, душа моя, съ ума нейдетъ.

„Пѣсня различаетъ удалыхъ добрыхъ молодецвъ: однихъ она хвалить и величаетъ, другихъ корить и унижаетъ.

Вотъ, какъ, напрімѣръ, она величаетъ:

И то свѣща стоитъ вѣдь онъ, да нетопленая
И то верба стоитъ теперь, да золоченая
И очи у дѣтины—ясна собола
И брови у дѣтины—чёрна соболя,
И завивались его кудри ровно въ три ряда
И во четвертый-то рядочекъ по плечамъ лежать;
И говорить да онъ дѣтина, какъ рублемъ дарить,
И во устахъ да его рѣчь-то разсынается.
И знать отъ умныхъ онъ, сердечныхъ родителей.

„Иначе рисуетъ пѣсня дѣтину нелюбимаго:

Какъ головушка его да не заглажена
И на щекахъ-то у его да растутъ—ельнице
И подъ щеками у его растутъ—березице;
И въ чистомъ полѣ его конюшки пугаются
И по деревнямъ все ребята устрашуются:
„И не чортъ-ли то идетъ да изъ болотины,
Не дѣсовикъ-ли то идетъ да со мху дикаго“.

„Идеалы внѣшней красоты у разныхъ дѣвицъ различны:

Кому черны очи, а мнѣ голубоньки.

„Сердце дѣвичье въ пѣсняхъ протестуетъ противъ выдачи замужъ *за неровню, за богатаго и за пропойцу*.

Хочетъ батюшко вѣдь замужъ выдавать,
Родна матушка вѣдь съ волей разлучать,
И выдать дѣвушку-ль меня не за ровню,
И за старымъ я, дѣвка, въ любви жить не буду,
И за неровней я, дѣвка, погуливать стану.

„Богатство также не пользуется сочувствіемъ пѣсенъ: съ словомъ *богатый* неразлучны эпитеты *губатый, горбатый* и т. п. Не дай Богъ никому нужды заѣдающей, но и не въ золотѣ человѣческое счастье.

По атласу я, маменька, по бархату хожу,
Я на бѣлую камчу и глядѣть не хочу.
Черезъ золото, маменька, слезы текутъ,
Черезъ чистое серебро катятся.

„Но всего страшнѣе представляется женихъ *волохита и проицца*.

Ужь не дай Боже того, да Боже-Господи!
Быть отданю за злу эту невольшку великую,
За безсчастную уныясливу головушку:
Надо ноженьки держать да на дороженькѣ,
Буйну голову держать да во окошечкѣ
Ясны очушки держать да во чистомъ полѣ.

„Измѣна любви нерѣдко также служитъ предметомъ народной пѣсни, особенно южно-русской. Достоиню вниманія, до какой нравственной высоты достигаетъ здѣсь идеализація любви. Дѣвушка желаетъ своему измѣннику, все-таки для ней милому, полного счастья съ другою, лишь-бы и та цѣнила его, какъ она:

Колы зъ такую,
Якъ изо мною,
Поможи ёму Боже!
Якъ же зъ иншою
Ще й поганшею
Разлучи его, Боже.

„Вотъ, затѣмъ дѣва является въ качествѣ невѣсты. Какъ свадебный ритуаль представляетъ цѣлую драму, развивавшуюся въ теченіе вѣковъ, такъ сопровождающая его пѣсня постепенно наростала и отражаетъ въ себѣ разныя ступени развитія семейнаго быта и общественныхъ отношеній. Складъ семьи, общества и народа ознаменованъ въ исторіи ожесточенною борьбой, кровавыми жертвами, виѣшними насильствами и нравственными страданіями. Не въ однихъ только курганахъ и могилахъ сохранились до насъ остатки доисторической жизни: и въ обрядѣ, и творческомъ словѣ видимъ мы эти остатки. Пѣсня вмѣстѣ съ обрядомъ является для насъ живымъ свидѣтелемъ, какія тяжкія времена переживала женщина въ исторіи своего семейнаго и общественнаго по-

ложенія. Сначала она была похищаема, затѣмъ продаваема и, наконецъ,—пропиваема.

„Умыганіе невѣсты женихомъ, хотя съ ея согласія, держится донинѣ во многихъ мѣстахъ. Не касаясь разнообразныхъ обрядовыхъ подробностей, приведемъ здѣсь лишь одну пѣсню, относящуюся къ этому факту, остатку дикаго до-историческаго быта, когда невѣста добывалась оружіемъ и насиліемъ.

„Лишь только совершится похищеніе, дѣвушки той деревни собираются въ одинъ кругъ и, словно стадо птицъ, слетѣвшееся для самозащиты и неистово кричащее о помощи, начинаютъ пѣть слѣдующую пѣсню:

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго,
Вылетало тамъ два стадичка:
Перво стадо-то гусиное,
Друго стадо лебединое.
Отставала лебедь бѣлая,
Что-ль отъ стада лебединого.
Приставала лебедь бѣлая
Ко стадичку гусиному.
Стала лебедь-то покрививати:
Не щипайте гуси сѣрне,
Не сама зашла-заѣхала
Завезли-то кони добрые, и т. д.

„Услыхавъ эту пѣсню, вся деревня вдругъ узнаетъ, что какаля-то дѣвица похищена удалымъ добрымъ молодцемъ.

„Но еще характернѣе отражаетъ пѣсня куплю и пропой невѣсты.

„Вотъ подходитъ къ родителямъ *злодѣй* большій сватъ и торгуется. Онъ сулитъ имъ засѣки „хлѣба Божьяго и поле пшены бѣлояровой“:

На то мои родители не окинулись,
И прочь подалъ отъ злодѣевъ пріотдвинулись.

„Онъ сулитъ отцу невѣсты „сапоженьки козловые, шляпоньку пуховую и тулупъ одинцовый, а брату ея—коня вонороного, новгородскіе сани и московскіе ковры“.

„Какъ лукавъ этотъ разсказъ, да злодѣй большій свать!
Онъ подвигается поближе, поклоняется пониже и судить го-
рода съ пригородками и села съ приселками:

И на то мои родители не окинулись,
И прочь подалѣ отъ злодія пріотдвинулись.

„Но вотъ онъ, наконецъ, на породу именитую посулилъ
полтора ведра да зелена вина:

И пораздумался родитель тутъ мой батюшко:
И упою да я породушку учестестую
И будетъ честь хвала-то мнѣ да позаочная;
И тутъ смѣняли дорогу за мою волюшку
На разные хмѣльны эти напичочки.

„Въ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ укорахъ протестуетъ женское сердце противъ такого безжалостнаго къ нему отношенія:

И вы послушате желанныи родители:
Да каку-жъ вину предъ вами провинилась?
Изживаете меня да красну дѣвушку,
Будто лютаго звѣря да изъ темна лѣса,
Быдто лютую змѣю да со чиста поля.
Знать не трудничка была я, не работничка.
И не скорое была я послушаньце,
И знать при мнѣ бѣлой лебедушкѣ,
На дворѣ у васъ не плодилось,
И на полѣ у васъ не родилось,
И золота казна у васъ да придержалася.
Богъ-судья да вамъ желанныи родители!

„Красная дѣвица ходитъ обыкновенно съ алой ленточкой на головѣ; дорога для ней эта алая ленточка, она символъ ея красы и воли; одѣвается она въ узорчатое платьице, какими узорами бывали красно солнышко, свѣтель мѣсяць и часты звѣзды. Въ чуткихъ ушахъ ея *златы рясъ*, на рукахъ у ней златы перстни—знаки небеснаго свѣта жизни и радости. Но вотъ теперь, когда становится она достояніемъ студника, чужаго чужанина, на буйной головѣ ея не фата семишелковая, а бабья схима постригальница; въ трубчатой

ея косынькѣ не алыя ленточки, а шелковая плеточка; на рукахъ не златы перстни, а работушка тяжелая.

„Впрочемъ, не одни отжившія формы насилія и власти надъ женскимъ сердцемъ знаетъ свадебная пѣсня; она воспроизводитъ для насъ и бытующую форму болѣе развитаго свободнаго брака:

Вотъ у Ирины была матушка
И добрая и ласковая; посылаетъ она
Дочь свою во горницу и говоритъ:
Выбирай-ко мое дитятко,
Изъ чиновъ-то ты чиновника,
Изъ бояръ-то ты боярина,
Изъ приказныхъ-то приказнова,
Изъ купцовъ да ты купчинушку.

„Но дочь отвѣчаетъ:

Не нашла я лучше, матушка,
Лучше чиву-то крестьянова,
Лучше Федора Ивановича.

„Подобное-же нравственное отношеніе сказывается въ одной пѣснѣ и жениха къ невѣстѣ:

Ты не плачь, не плачь, Ирианушка,
Ты не плачь, да свѣтъ Ивановна!
.
Я солью тебѣ чашу зѣлоту
Чашу зѣлоту съ офинистами;
Ужь и буду я соловьемъ въ саду,
Ужь и буду я утѣшать тебя...

„Но вотъ тайна брака совершилась, и дѣва стала женой. Любовь и ласки ея къ своему мужу выражаетъ слѣдующая пѣсня:

Уласкала его милая ладушка
На постелѣ лежучи, на правой рукѣ держучи,
Лѣвою обнимаючи, къ сердцу прижимаючи;
Ты животь-ли, животь, собина моя,
Не вижу—тужу по тебѣ, увижу—обрадуюся,
Ровно красному солнышку,
Ровно младому мѣсяцу,
Частымъ да мелкимъ звѣздочкамъ.

„Великая радость о появленіи дѣтей также выражена въ пѣсняхъ; при этомъ высказывается взглядъ на сына, какъ на кормильца, а на дочь, какъ на гостью въ родительскомъ домѣ:

Я тебѣ радость скажу,
Я тебѣ дѣтей подарю,
Подарю тебѣ сына и дочь.
Тѣ мнѣ дары и надобны;
Сынъ-то у насъ будетъ
Поилецъ и кормилецъ;
Дочь-то у насъ будетъ
Дорога—честна гостыюшка.

„Кажется, нѣтъ болѣе согрѣвающихъ образовъ, которыми бы не воспользовалась пѣсня для выраженія любви матери къ своимъ дѣтямъ. Мать ублажаетъ сына величаніями: „яра моя свичушка, красное мое на золотѣ, тепла моя пазушка, вольный бѣлый свѣтушко, свѣча моя воска яраго, яблонь кудряватая, верба золоченая“; она называетъ его „болѣзнымъ своимъ дитяткомъ, своимъ рожденъемъ, воспитанъемъ и всѣмъ таланомъ—участью“. Дочь для ней—это „голубонька теплая, наливная ягодка, косатая ластушка, бѣлая лебедушка“ и т. п.

„Такія-же отношенія выражаются въ пѣсняхъ и дѣтей къ родителямъ: отецъ—„кормилецъ батюшко, красное солнышко, человекъ, што ни лучший, человекъ самолучшій“. Мать—это „великое сердечное желанье, родитель жалостливая, возмольщица, оборонушка великая, миженный день“.

„Но какъ скоро молодая является среди „богоданной“ большой семьи, то ей приходится всѣмъ угождать:

Свекру постелюшку стлать
Свекрови въ головѣ искать,
Деверю коня сѣдлатъ,
А золовкѣ русу косу заплетать.

„Но угодить всѣмъ невозможно, и положеніе ея въ домѣ становится тяжелымъ:

Какъ свекровь-матушка
Невѣстку журить-бранить:
Отъ чего, ты, сноха ходишь
Не веселая, ходишь не убраная?
.....

У меня молодой свекровушка лиха,
Посылаетъ меня и туда и сюда,
И не вѣдомо куда.

„Но еще лучше съ несносными характерами богоданной
родни знакомить насъ слѣдующая пѣсня:

Золовки-колотовки
И кутять и мутять;
Деверья-то—кобелья
По подлавочью лежать,
По-собачьи визжать;
Свекры на печи,
Будто сука на цѣни;
Свегоръ на палати,
Будто кобель на канатѣ.

„Въ такой семьѣ неизбѣжны для молодой слѣдующія кар-
тины:

Дубовыя двери
Всю ночь проскрипѣли;
Шелковыя плети
Всю ночь просвистали.
Меня батенька билъ, билъ, билъ.

„Побой эти часто бывали для ней невыносимы, и вотъ:

Сестра брату
Стала жалиться,
Слезно плакаться:
— Какъ меня вѣчоръ,
Меня мужъ побилъ,
Онъ не столько билъ,
Сколько выбранилъ.

„Но братъ совѣтуетъ ей одно: мириться съ своимъ поло-
женіемъ:

Какъ и братъ сестрѣ
Сталъ рассказывать:
Да и гдѣ-жь, сестра,
Мужья женѣ не бьютъ,
Я и самъ, сестра,
Самъ жену побилъ,
И не больно билъ,
Да всё выпугалъ.

„Опасаясь утомить ваше благосклонное вниманіе, я не могу васъ вводитьъ глубже въ семейныя отношенія, насколько выражены они въ народныхъ пѣсняхъ, и прямо перехожу къ изображенію женщины-вдовы. Относящіяся къ ней пѣснопѣнія представляютъ пророческій свитокъ, въ которомъ вписаны плачь, рыданіе и горе.

„Положеніе бездѣтной вдовы въ пѣсняхъ представляется тяжелымъ потому особенно, что ей не предстоитъ въ будущемъ ровно никакихъ утѣшеній: „при древней, глубокой ея старости некому объ ней позаботиться“.

„Еще тяжелѣе горе вдовы, окруженной цѣлымъ стадомъ дѣтей. Мучительные труды и заботы предстоятъ ей для того, чтобы выростить ихъ при тѣхъ скудныхъ средствахъ и обстоятельствахъ, въ какихъ она обыкновенно остается:

Ужъ какъ растить-то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Рѣзвы ноженки—притопчутся,
Бѣлы рученьки—примахаются,
Сила мѣгуча—во плечушкахъ придержится,
Безъ морозушку сердечко прирастрескаеть.

„Иногда по смерти мужа вдова остается въ той-же „богоданной семьѣ“ и поднимаетъ дѣтей своихъ въ кругу дядей, тетокъ и тому подобныхъ родственниковъ. Эта особенность ея положенія не только не облегчаетъ, но, напротивъ, часто усиливаетъ ея страданія. Несправедливое и жестокое отношеніе семьи къ ея дѣтямъ возмущаетъ ее до глубины души:

У ней совѣтся тоска неугасимая,
Она взмолился тутъ матушкѣ сырой землѣ:
Ты прими меня, матушка сыра земля,
Схорони меня съ сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ.

„Сама она въ семьѣ будто чужая; только поглядываетъ изъ-за дверей, какъ другіе угощаются. Невѣстки на нее злятся: „имъ не въ честь ея крестьянская работушка“. По ночамъ, когда всѣ спятъ, показываетъ видъ, что „веселѣшинька, а у самой безъ огня сердце разгорается, безъ смолы утроба воскипаетъ, безъ воды рѣзвы ножки подмываетъ“.

„Не легче положеніе вдовы, если ей одной съ сиротами

приходится поддерживать свой домъ и вести крестьянство. Материнская любовь къ дѣтямъ въ ней борется съ крайнею нуждою, которая заставляетъ посылать ихъ на работы трудныя и имъ непосильныя. Превосходно въ пѣсняхъ описаніе этой нравственной борьбы. Мать хочетъ разбудить свое дитя, но вотъ, оно спитъ крѣпко:

Рѣзвы ноженьки его пораскиданы,
Бѣлы рученьки отъ сердца поразмахнуты,
Его желты кудерки порастрахануты.

„Тихо подходитъ она, къ тесовой кроваточкѣ, сотворить Іесову молитовку; погладитъ по молодой головушкѣ: жаль разбудить его; призакроетъ соболинымъ одѣятелемъ и выйдетъ въ хоромное строенъце“.

„Но вотъ ея недоростки на луговой поженькѣ. Она спѣшитъ навѣдаться о нихъ. Приходитъ и видитъ:

Спать ея сердечны малы дѣтушки
Какъ зайки подѣ ракиновымъ подѣ кустышкомъ,
Горностаи подѣ малиновымъ подѣ прутикомъ.

„Она начинаетъ браниться; дѣти плачутъ; она пеняетъ на свою судьбу несчастную и тоже слезами обливается. Сосѣдки ея утѣшаютъ, и материнская любовь снова начинаетъ ласкать „малыхъ своихъ дѣтушекъ“.

„Бываетъ, наконецъ, еще болѣе жалкое положеніе вдовы-матери. Предоставленная самой себѣ, окруженная стадомъ дѣтей, она не въ силахъ бываетъ доставить имъ кусокъ хлѣба для насущнаго пропитанія. Единственное спасеніе для нихъ отъ голодной смерти — хожденіе по міру и собираиье милостыни. Болитъ за дѣтей материнское сердце; они страдаютъ отъ непогоды, пугаются собакъ и терпятъ всевозможныя огорченія отъ людей. Отправляя ихъ въ міръ крещеный, она дѣлаетъ имъ такіа наставленія:

Вы ходите, малы дѣтушки, умнешенько,
Вы на уличкѣ, дѣти, не балуйтетко,
По крестьянскимъ домамъ да не воруйтетко.
У мня милости тогда вы не упрсите.
Буду бить-бранить сердечныхъ я васъ дѣтушекъ.

„Положеніе молодой вдовы представляетъ для нея новыя испытанія. Кромѣ общаго вдовьяго горя, ей предстоитъ еще много соблазновъ и искушеній, опасныхъ для ея чести. Навставленія, какія даетъ сосѣдка молодой вдовѣ, рисуютъ предъ нами идеаль нравственнаго и благороднаго направленія народной жизни. „Будутъ зариться и приласкаться удалы добры молодцы и будутъ уговаривать ее: „что возростимъ мы сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ“:

Не окинься бѣдна вдовушка молдая
Ты на этихъ на удалыхъ добрыхъ молдцевъ.
Живутъ ласковы словечушки обманчивы:
Не честь-хвала тебѣ
Красоту смѣнять, побѣдна, на безчестьице.
Ты оставь да свои прежнія гуляшница
Худой славы на тебѣ-бы не наздынули,
Въ чистомъ полѣ-бы вороны не награялись.

„Также прекрасно рисуется пѣсня и положеніе сиротъ:

Какъ сову да знать по перьяцамъ,
Совинныхъ дѣтей по крыльицамъ,
Такъ сиротку знать по платицамъ,
Звать по буйной по головушкѣ.

„Я не могу наконецъ удержаться, чтобы не выставить предъ вами того, какъ женщина-солдатка выражаетъ свое горе, положеніе которой бывало хуже положенія всякой вдовы:

Рвучи рветъ ее безсчастное сердечушко
И трескомъ трескается безсчастливая утробушка.

„Мнѣ куда съ горя, горюшѣ, подѣваться, говорить она. Прикоротать-ли жизнь свою безсчастную? Но тутъ раздумуюсь побѣднымъ своимъ разумомъ: воспокинуть, вѣдь, сердечныхъ надо дѣтушекъ, и тутъ сама того, побѣдна, я сполдхаюсь: материнское, вѣдь, сердце не звѣриное и дѣтиная тоска неутихаемая. Не-йти ли лучше во темны лѣса дремучіе и сообидушки во мхи да, вѣдь, дыбучи? И уже тутъ моя кручина не уходится, и уже тутъ мое сердечко не утѣшится, и во мхахъ да, вѣдь, всѣ звѣри поразвоюются, они Господу Владыкѣ поразжалются. Ужъ не стать-ли мнѣ на горы, на высокія и

выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью? И уже тутъ мое сердечко не утѣшится и краснымъ солнышкомъ оно да не согрѣется. И мнѣ пойти съ горя ко синему ко морюшку и мнѣ ко славному ко синему Онегушку. И на синемъ морѣ вода да сколыбается и со желтымъ пескомъ вода да помутилася; и круто бьетъ теперъ вода да непомѣрная и по камешкамъ вода да разсыпается; и ужь тутъ моя кручина не уходится и уже тутъ мое сердечко не утѣшится. Ужь какъ зла эта великая обидушка и кругъ меня, она—злодѣй, да обвиняется и за сердечушко, злодѣй, она хватается и съ того умъ разумъ въ головушкѣ мѣшается.“

И пойду да во Божью церковь посвященную,
И помолюсь да я Богу отъ желаньца,
И чтобы Господи Владыко-свѣтъ помиловаль,
И пресвята Мать Богородица заступилась,
И утолили-бы печаль неутолимую,
И угасили-бы тоску неугасимую,
И на моемъ да на несчастномъ ретивомъ сердцѣ.
И тутъ головушка моя да взвеселяется,
И кручинушка моя да утишается
И тутъ злодѣй—эта обида поуходится.

„Вотъ гдѣ источникъ нравственныхъ утѣшеній для скорбящей души народа! Вотъ гдѣ спокойное пристанище въ его страдалой крестьянской жизни!

„Поистинѣ и священна, и величественна народная русская пѣсня! Раздольна она, какъ широка Свято-Русь земля; глубока она, какъ моря и океаны ее окружающіе; высока, какъ сводъ небесный ее обнимающій.

„Какъ ни мало мы сказали объ избранномъ предметѣ, но и изъ сказаннаго вы можете видѣть, что пѣсня не только знакомить насъ съ дѣйствительною жизнію народа, но и вводитъ насъ во святое святыхъ души его: она не знамя только народности, она—само народное самосознаніе въ самомъ процессѣ его переживанія.

„Если безсмертна русская пѣсня, то исторія ея, смѣемъ думать, лучше насъ оцѣнить того, кто четверть вѣка всею душою послужилъ на славу ей, кто заставлялъ волноваться ею сердца тѣхъ, кои отъ насъ вышли, но съ нами никогда

не были, кто огласилъ ею троны монарховъ, кто пронесъ ея по Европѣ, Азіи и Америкѣ. Въ просвѣщенныхъ странахъ Запада насъ донинѣ считали варварами медвѣжьей страны, въ родѣ Самоѣдовъ, или Чукчей. Никакая дипломатія, никакая ученость не могли разубѣдить ихъ въ этомъ. Но вотъ, въ чудныхъ звукахъ русской пѣсни, разнесенныхъ юбиляромъ, иноземные народы почували великую душу русскаго народа, поняли тонъ его сердца и глубину его чувствованій; они постигли, что Русская земля есть великая культурная нація, что многострадальное любящее сердце ея способно цѣнить симпатіи другихъ народовъ и глубоко сочувствовать въ ихъ страдахъ, какъ своихъ собственныхъ, всѣмъ величіемъ своей *громады*. Такова слава русской пѣсни! Таково завоеваніе Славянскаго!

Привѣтъ-же тебѣ отъ насъ, удалый добрый молодецъ!
Привѣтъ тебѣ, вѣщій Баянъ нашего времени!“

Послѣ Е. В. Барсова редакторомъ „Русскаго Дѣла“, С. Θ. Шараповымъ было сказано слѣдующее:

„Мм. Гг.! Сегодняшнее торжество Славянскаго есть одинъ изъ свѣтлыхъ и дорогихъ дней для Славянства. Въ лицѣ славнаго русскаго пѣвца русское общество привѣтствуетъ нынѣ одну изъ крупныхъ и блестящихъ побѣдъ славянской культуры.

„Славянская культура! Это слово теперь уже не страшно произнести. На нашихъ глазахъ вставала рать бойцовъ, носителей этой культуры, и блестящею побѣдой увѣнчивалось ихъ дѣло.

„Принадлежностями каждой міровой культуры являются: оригинальная и самобытная духовная и политическая мысль, самобытное общественное устройство и гражданскіе идеалы, наконецъ оригинальное и самобытное творчество въ области искусства. Народъ, поставленный Провидѣніемъ во главѣ культуры, выдвигаетъ въ каждой ея отрасли великихъ личностей, становящихся какъ-бы знаменосцами, выносящихъ на своихъ плечахъ все развитіе идеи и остающихся навсегда въ исторіи цивилизаціи цѣлой міровой группы.

„Славянская цивилизація опредѣлилась и выступила въ міръ тогда, когда собрался и политически окрѣпъ русский народъ, поставленный судьбою во главѣ славянской культуры. Дыханіе славянскаго генія почувствовалось неудержимо сквозь толстую кору раздражательнаго раболѣпства передъ чужою цивилизаціей. Изъ-подъ нѣмецкой философіи блеснула вдругъ яркимъ лучомъ русская политическая мысль, вынесенная Кирѣевскими, Хомяковымъ, Самаринимъ, Аксаковыми. Изъ хаоса чуждыхъ звуковъ могучею волной полились славянскіе звуки Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова. Сквозь мрачную міровую скорбь Байрона послышался русский смѣхъ и русскія слезы Пушкина, изъ-за Свифта и Вальтеръ-Скотта вышелъ Гоголь.

„Но еще не было реальной почвы у русской и славянской культуры. Это были лишь первые проблески, первые лучи будущаго свѣта съ Востока. Еще на Западѣ цвѣла полнымъ цвѣтомъ своя старшая культура, и гордо смотрѣла она на первые чудные цвѣты Славянства. Ни славянофилы, какъ политическіе мыслители, ни русскіе поэты, музыканты и художники не были поняты Западомъ.

„Но вотъ, посреди средневѣковаго нѣмецко-бюрократическаго государства вдругъ, въ великій историческій моментъ, всталъ во весь ростъ самодержавный Царь и осуществилъ, подъ наитіемъ того-же славянскаго генія, великій политическій идеаль—свободу и землю для десятковъ милліоновъ.

„Русская культура нашла почву, увидѣла свѣтъ, славянской геній вышелъ изъ пеленокъ. Въ великомъ актѣ 19 февраля Западъ увидалъ не простую административную мѣру русскаго правительства, но великое откровеніе. Однимъ почеркомъ пера рѣшался необъятный историческій и культурный вопросъ, надъ которымъ бесплодно бьется до сихъ поръ Западъ.

Пусть мы бѣдны, пусть бѣдна и пуста еще наша жизнь,—что-жь, если какъ слѣпцы, бродимъ мы вокругъ свѣта, не видя этого свѣта—его видятъ другіе!

„Міровой ходъ русской и славянской культуры послѣ 19 февраля сталъ замѣтно иной. Какими розмахами стали заби-

рать и русская мысль, и русское творчество! Запад увидалъ, что Россія—не шутка, не подчиненное культурно-младшее племя, а новая сила, грядущая въ міръ. Новое поколѣніе великихъ художниковъ и мыслителей творить и говорить уже не только для Россіи и Славянства,—перлы русскаго искусства, выводы русской политической мысли уже властно выступаютъ передъ усталыми и озлобленными старыми народами Европы, новые идеалы гордо красуются надъ міромъ.

„Припомнимъ успѣхъ во Франціи, передовой странѣ Запада, нашихъ великихъ писателей: Толстаго и Достоевскаго. Припомнимъ Скобелева и Аксакова, какъ представителей политической мысли. Какіе могучіе отголоски нашла эта мысль на Западѣ. Какъ зрѣеть она тамъ, какую любовь въ однихъ и какую ненависть въ другихъ возбуждаетъ она!

„Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому досталось въ удѣлъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ передовой дружинѣ носителей русской культуры. Онъ понесъ Европѣ вдохновенную, чудную пѣснь русскаго народа. Слово дорогой бриллиантъ, отдѣланный мелкими камнями, окружилъ Славянской эту пѣснь прекрасными мелодіями остальныхъ славянскихъ племенъ. Рядомъ съ величавою древнею былинной, рядомъ съ грустно-заунывною пѣснью Сѣверянина и веселымъ, бойкимъ напѣвомъ Малоросса, звучитъ граціозная и кокетливая польская пѣсня, задушевная и простая сербская, мелодическая и веселая чешская. И этотъ чудный міръ невѣдомыхъ звуковъ, добытыхъ Славянскимъ изъ самой глубины славянской души, предсталъ передъ изумленнымъ Западомъ во всей своей чудной красѣ.

„Съ какою гордостью, съ какою свѣтлой радостью слѣдили мы здѣсь за успѣхами Славянскаго за границей, какимъ біеніемъ сердца отвѣчали на тотъ неподдѣльный, искренній восторгъ, который умѣлъ возбуждать Славянской въ сердцахъ не только Французовъ, поэтическихъ и пылкихъ, но холодныхъ и разсудительныхъ Англичанъ, инстинктивно ненавидящихъ Русь и Славянство—Нѣмцевъ!

„Да, великое счастье выпало Славянскому! Ни передъ какою вѣтвью русской культуры не склонился такъ полно и

съ такимъ почтеніемъ Западъ! Ни русскимъ мыслителямъ, ни русскимъ художникамъ не удавалось такъ увлекать все и всѣхъ, доставлять такое цѣльное, такое безспорное торжество русскому творчеству.

„Да и то сказать! Самую яркую, самую самобытную и, прибавимъ, самую симпатичную и ароматную вѣтку оторвалъ Славянскій отъ великаго корня, взлелѣялъ въ своей душѣ и подарилъ міру. Эта вѣтка—славянская народная пѣснь!

„Пусть-же льется и звучитъ она вольно и побѣдно. Пусть поють намъ и Западу эти чудные звуки миръ и любовь, вѣчно живущіе въ русской душѣ, все согрѣвающие, все умягчающіе и возвышающіе. И пусть будетъ вѣчная слава пѣвцу! Его заслуга—наша гордость, гордость русскаго гения. Побѣда Славянскаго недалека. На нашей сторонѣ—правда и любовь, миръ и красота, и тотъ, кто честно сумѣлъ имъ послужить, заслужить горячую благодарность потомства и безсмертное имя“.

Г. Шараповъ, какъ извѣстно, обладаетъ прекраснымъ голосомъ и говоритъ съ искренностью и одушевленіемъ, умѣя увлечь слушателя. Буря аплодисментовъ была отвѣтомъ на его прекрасную рѣчь. Публика вскочила съ мѣстъ и минутъ пять продолжалась шумная овація.

За г. Шараповымъ говорилъ г. Скрипицынъ, сотрудникъ *Русскаго Курьера*. Затѣмъ О. Х. Агренева-Славянская, супруга юбиляра, передала въ прекрасномъ и живомъ разказѣ краткую біографію Дмитрія Александровича и интересныя подробности изъ жизни и дѣятельности народнаго пѣвца.

„Окончивши свое музыкальное образованіе въ Италіи подъ руководствомъ знаменитаго профессора пѣнія Пьетро Романи во Флоренціи, Славянскій съ большимъ успѣхомъ сдалъ свой сценическій дебютъ на сценѣ Миланскаго театра и, приглашенный вскорѣ ко двору Неополитанскаго короля, получилъ отъ него орденъ Фердинанда и титулъ королевскаго придворнаго пѣвца. Передъ нимъ открыта была дорога опернаго артиста, дорога торная и вѣрная, но сердце его жаждало другаго... Врожденная и развитая въ дѣтскіе годы любовь къ роднымъ, безыскусственнымъ напѣвамъ брала верхъ; при

мысли о нихъ сердце юнаго пѣвца наполнялось то какимъ-то желаннымъ счастьемъ, то точно щемило его что-то, и тогда счастье это казалось несбыточнымъ, беспочвеннымъ. И въ сотый разъ перечитывалъ Славянскій мелко написанныя строки дорогаго письма, въ которомъ знаменитая того времени женщина-писательница, графиня Растопчина, сочувствовавшая всему прекрасному, говорила молодому артисту:

„Вы любите народныя мелодіи, изучите ихъ въ земляхъ всѣхъ Славянъ и сдѣлайтесь пѣвцомъ славянскимъ. Посвятите свой талантъ и силы свои Славянству, а благородное потомство оцѣнитъ вашъ трудъ!“ Вотъ что гласили дорогія строки и слова эти, падая на горячо-любящее родину и ея напѣвы сердце, влекли пѣвца на иной путь....

„Но какъ приняться за невѣдомое еще дѣло?... Какъ облетѣть эти привольныя, необоримыя, родныя пространства и, уловивши въ звукъ народное чувство, дать этимъ звукамъ форму, заключить ихъ въ рамку музыкальнаго фасона?...

„Природное влеченіе взяло однако верхъ и, отклонивши даже предложеніе, сдѣланное ему въ Берлинѣ гр. Адлербергомъ вступить въ число артистовъ русской оперной труппы въ Петербургѣ, Славянскій возвратился въ Россію и сталъ усиленно прислушиваться къ народнымъ напѣвамъ, записывая ихъ и дѣлая опыты исполненія ихъ въ концертахъ, такъ какъ составить программу исключительно изъ народныхъ пѣсень было въ то время рѣшительно невозможно.

„Въ 1865 г. Славянскій получилъ приглашеніе спѣть на большой сценѣ Королевскаго театра въ Берлинѣ отрывки изъ еще тогда не поставленной оперы „Африканка“. Здѣсь впервые онъ вывелъ на судъ иностранной публики русскую пѣсню, свое любимое родное дитя, предложивши антрепренеру спѣть въ антрактѣ двѣ русскія пѣсни въ русскомъ народномъ костюмѣ. Антрепренеръ принялъ предложеніе съ восторгомъ; за то возстали всѣ Русскіе, боясь, что русская пѣснь не вынесетъ критики. Однако, наперекоръ русскимъ людямъ, раздались на чужбинѣ русскіе звуки и стяжали себѣ такой успѣхъ, который былъ залогомъ будущей славы Славянскаго и символомъ силы, кроющейся въ этихъ звукахъ. Придворный

критикъ *Флоріанъ Гайеръ* говоритъ по поводу этого концерта слѣдующее: „Новая сокровищница неисчерпаемаго народнаго музыкальнаго богатства открылась передъ нами—это сокровищница русскаго пѣснопѣнія“. И думая, что всякій русскій костюмъ называется *сарафаномъ*, онъ восторженно воскликнулъ: „и какъ идетъ къ красивому русскому лицу артиста его *красный сарафанъ!*“

„Въ 1866 г. Славянскій отправился по Дунаю въ славянскія земли. Остановившаяся въ Рущукѣ, Силистріи и др. городахъ, онъ конечно не могъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ концерттировать, но за то записывалъ мѣстныя мелодіи, рискуя быть принятымъ турецкимъ правительствомъ за политическаго агента.

„Такимъ образомъ онъ добрался до *Бѣлграда*. Сербія въ то время только-что выгнала изъ своихъ крѣпостей войска султана, а такъ какъ Славянскій косвеннымъ путемъ принималъ участіе въ дѣлахъ Славянъ, доставляя черезъ высокопреосвященнаго митрополита Сербскаго Михаила часть сбора со своихъ концертовъ въ пользу сербскаго войска, то онъ принятъ былъ Сербами радушно, какъ Русскій во первыхъ, а во вторыхъ, какъ человекъ сочувственно относившійся къ близкому ихъ сердцу дѣлу. Князь Михаилъ Обреновичъ обласкалъ Славянскаго, а мѣстное музыкальное общество „Певачко Друштво“, подъ предсѣдательствомъ Тодоровича, избрало его своимъ почетнымъ членомъ, и всѣ пѣвцы этого общества предложили Славянскому участвовать хоромъ у него въ концертѣ. Такимъ образомъ, первый хоръ, которымъ управлялъ Славянскій, былъ въ Бѣлградѣ, состоялъ изъ Сербовъ и исполнялъ русскія пѣсни, между тѣмъ, какъ самъ Славянскій пѣлъ любимыя сербскія народныя пѣсни *Сунце жарко, Ој таласи* и др. Ни одного концерта не обходилось безъ русскаго народнаго гимна, безъ сочувственныхъ къ Россіи рѣчей. Всѣ вокругъ радовались новой зарѣ свободнаго существованія и припоминали, какъ нѣкогда приходилось имъ на пирахъ провозглашать горячіе тосты за дядю Ивана, такъ называли они Бѣлаго царя, имени котораго тогда произносить никто не смѣлъ открыто. Напутствуемые восклицаніями *до свиданія, братіе Русь*, мы переправились на ту сторону Дуная,

въ Панчеву — въ Австрійскую Сербію. Мы посѣтили, кромѣ того, Новый Садъ, Вуковаръ, Сомборъ, Загребъ и др. города. Извѣстный поэтъ *Лазо Костицъ* сопутствовалъ намъ, уча сербскому языку, жители славянскихъ городовъ присылали русскому пѣвцу отовсюду приглашенія, передавая его изъ рукъ въ руки и куда только возможность была, хотя бы на невозможномъ экипажѣ, или верхами проѣхать, — мы проникали, не забывая главной задачи: записыванія мелодій. Восторгъ Славянъ, сочувственныя Россіи рѣчи, часто устраиваемыя гражданами Славянскому послѣ концертовъ факельныя шествія — возбудили подозрѣніе австрійской полиціи. Она вообразила, что Славянскій никто иной, какъ русскій эмиссаръ; поэтому его стали притѣснять, всѣми силами препятствуя концертамъ, и наконецъ однажды ночью мы получили въ Загребѣ бумагу, въ которой полиція требовала нашего немедленнаго выѣзда изъ Тріединого Королевства (Далматіи, Хорватіи и Славоніи). Однако, это распоряженіе не осталось неизвѣстнымъ, и Славяне устроили Славянскому торжественныя проводы, говоря: *мы докажемъ, что не въ одной концертной залѣ можетъ быть мѣсто оваціямъ*. Редакторъ мѣстной газеты Дежеличъ сказалъ въ стихахъ рѣчь которая начиналась такъ:

Slavjanski, druze, koji žališ milo
Žali oj s Rusi narod hrvatski,
On je te ljubi i ljubio bratski...

и. т. д. Мы обратились было къ русскому посольству въ Вѣнѣ, но... получили въ отвѣтъ, что *Австрійцы — у себя дома....*

Говоря о путешествіи у Славянъ, мнѣ приходитъ на память оригинальный разговоръ съ одной женщиной на базарѣ въ Новомъ Садѣ, куда мы часто ходили рано утромъ, наблюдая нравы и обычаи народа. Говоря между собой по-русски, мы обратили на себя вниманіе группы женщинъ и одна изъ нихъ при нашемъ приближеніи спросила: кто вы такіе, что и похоже и не похоже на насъ говорите?

„Мы — русскіе!“ отвѣчали мы. — Такъ такъ, (такоје такоје), — сказала одна изъ нихъ. — Ну, а перекреститесь! — Мы перекре-

стились. Ну, конечно, вы тоже Сербы, только издалека!— рѣшила женщина.

Не имѣя возможности продолжать концертровать въ австрійско-славянскихъ земляхъ, Славянскій остановился въ Прагѣ, гдѣ и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ дружески сошелся съ патриотическимъ кружкомъ, гдѣ гремѣли тогда имена Палочкаго, Ригера, Браунера и др. При помощи извѣстнаго профессора *Коляра*, бывшаго студентомъ Казанскаго университета и знатока славянской старины, знаменитаго архивариуса Эрбена, мы получили доступъ во Владиславлевскій музей, гдѣ обогатили свой репертуаръ стариннѣйшими мелодіями, записанными на пергаментѣхъ, послѣ бывшаго въ этомъ замкѣ въ архивѣ пожара, сохранявшихся при каплицѣ Св. Вацлава, покровителя Чехіи. Большая часть этихъ сокровищъ—въ крюкахъ; обгорѣлыя страницы возстановлены были обыкновеннымъ способомъ, послѣ долгихъ розысканій чешскихъ композиторовъ, Кровомъ и Андрашемъ. Такимъ образомъ, Богъ помогъ мнѣ этимъ сослужить службу Славянскому, нынѣшнему юбилару, такъ какъ въ юбилейныхъ концертахъ исполнятся многія изъ этихъ вещей. Въ Прагѣ разрѣшены были Славянскому концерты съ условіемъ, что все будетъ исполняться въ переводѣ на чешскій языкъ, дабы, какъ объяснено было, дать возможность полиціи, для которой потребовали съ этой цѣлью 40 билетовъ, услѣдить за текстомъ; кромѣ того, Славянскій далъ подписку, что не будетъ исполнять въ концертѣ русскаго народнаго гимна. Несмотря на то, что Коляръ перевелъ всѣ пѣсни близко къ русскому тексту, Славянскій, по совѣту друзей, *все пѣлъ по-русски*, а полиція, беря подписку на 2-й концертъ, требовала, чтобы и на 2-мъ концертѣ все было исполнено такъ-же, какъ и на 1-мъ концертѣ. Возмущенные запрещеніемъ русскаго гимна, Чехи, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, собрались вечеромъ въ 6 ч. на площадь Св. Вацлава и тамъ всею массой народной исполнили сначала знаменитую свою гусситскую пѣсню „*Тем-месе благу надеи*“, а затѣмъ нѣсколько разъ русскій народный гимнъ, и съ пѣніемъ бродили по городу до 2 час. ночи. Конечно, публика и здѣсь *восторженно привѣтствовала* Славян-

скаго, между прочимъ, появились маленькія шарманочки съ музыкой, играющія русскій гимнъ, которыя полиція тщательно отбирала въ магазинахъ и уничтожала. Въ то-же время концерты наши въ Вѣнѣ не встрѣчали никакихъ притѣсненій. Возвратившись послѣ поѣздки къ Славянамъ въ Россію, Славянскій осуществилъ свою мечту: привезъ съ собою *двойное четверотнѣ* (т. е. квартетъ), составленный изъ Славянъ различныхъ народностей и исполнявшій въ концертахъ наши и славянскія пѣсни. Расширивши затѣмъ этотъ квартетъ русскими голосами, онъ составилъ большой мужской хоръ, съ которымъ и совершилъ огромное путешествіе по всей Россіи, доѣзжая въ Сибири до Кяхты и до другихъ самыхъ далекихъ окраинъ Россіи. Въ то-же время онъ сталъ подбирать мальчиковъ, изъ которыхъ образовалось ядро его настоящей капеллы.

„Въ 1871 году Славянскій совершилъ большое путешествіе въ Америку, гдѣ пробылъ почти годъ, и далъ 265 концертовъ русской и славянской народной, а также и русской духовной музыки.

„Срокъ пребыванія Славянскаго за океаномъ и количество данныхъ тамъ концертовъ гораздо краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о томъ успѣхѣ, который сопутствовалъ русскому пѣвцу и въ странѣ Янки.

„Въ первый-же концертъ въ огромной залѣ Steinway-Hall не хватило мѣстъ, а послѣ исполненія двухъ первыхъ пѣсенъ поднялся въ залѣ такой гвалтъ, что Славянскій съ ужасомъ сошелъ съ эстрады и бросился за сцену: кто хлопалъ особенными хлопущками, кто кричалъ, кто свисталъ, — словомъ, были какія-то сильныя выраженія, но чего?... Концертантъ не зналъ, что все это значить и что ему дѣлать, но явившіеся Русскіе, въ томъ числѣ и бывший тогда консуломъ въ Нью-Йоркѣ баронъ *Остенъ-Сакенъ* торопили Славянскаго выходить къ публикѣ, поздравляя его съ неслышаннымъ успѣхомъ. На другой день всѣ газеты единодушно прокричали объ успѣхѣ Славянскаго, но за-то жутко пришлось ему отъ американскихъ ловчаковъ, которые осадили его на другой день: кто просилъ монополію на продажу фотографій, кто

помѣщеніе портрета Славянскаго въ томъ, или другомъ иллюстрированномъ журналѣ, на коробкахъ съ пудрой, конфектами, на флаконахъ съ духами; даже какой-то докторъ явился покупать одинъ изъ лучшихъ сарафановъ, чтобы разодѣтъ въ него свою жену, и выводить ее въ немъ за общій столъ къ обѣду, съ цѣлью обратить на нее вниманіе и увеличить тѣмъ свою практику. Кто предлагалъ заказы, кто покупалъ цѣлый рядъ концертовъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—словомъ, непрощенные гости одинъ за другимъ входили и выходили отъ насъ. Газеты говорили, что Американцы ходили въ первомъ еще концертѣ нарочно подслушивать, какъ говорятъ пѣвцы Славянскаго между собою, чтобы убѣдиться, *настоящіе-ли это Русскіе, нѣтъ-ли тутъ подлога, и не переодѣтые-ли это Янки*. Но чтò всего изумительнѣе въ свободной странѣ—это то, что Американцы, требуя въ каждомъ концертѣ исполненія русскаго гимна, всей массой поднимались при пѣніи его, заявляя печатно, что они воздають тѣмъ должную дань уваженія своимъ далекимъ друзьямъ, обитателямъ страны великаго будущаго. Духовныхъ концертовъ было по счету болѣе, чѣмъ свѣтскихъ, и они произвели въ публикѣ такое волненіе, что мѣстное духовенство говорило проповѣди, убѣждая прихожанъ—*не посѣщать ихъ, тѣмъ болѣе, что они даются въ часы церковной службы*. Но подобное отклоненіе, какъ и всегда бываетъ, было только даровою рекламою для русскихъ духовныхъ концертовъ, говорила газета New York World. Кстати замѣчу, что первая русская церковь образовалась въ годъ отъѣзда Славянскаго изъ Соединенныхъ Штатовъ; русская духовная музыка разошлась въ странѣ въ количествѣ 10.000 экземплярахъ во время концертнаго сезона Славянскаго въ Америкѣ.

„Въ 1884 году весной Славянскій предпринялъ снова большое путешествіе черезъ Константинополь и Славянскія земли; путешествіе это продолжалось пять мѣсяцевъ. Въ концертѣ, данномъ во дворцѣ русскаго посольства въ Константинополь, собралась самая изящная публика, состоявшая изъ представителей всѣхъ державъ. По окончаніи концерта всѣ напереывъ высказывали свое восхищеніе, а корреспонденты ино-

странныхъ газетъ сообщили въ столичныя европейскія газеты о русскомъ хорѣ и совѣтовали Славянскому ѣхать въ Европу, пророча ему тамъ неслыханный успѣхъ. Интересное очень замѣчаніе сдѣлалъ въ первомъ концертѣ испанскій посоль: „давно, говорилъ онъ, ожидали мы въ Константинополь одинъ знаменитый нѣмецкій хоръ, затѣмъ Итальянцевъ, французскихъ артистовъ, слышно было и о пріѣздѣ армянской труппы; но пока Нѣмцы собирались концерттировать и пили пиво, Французы дѣлали знакомства и газетныя рекламы, а Итальянцы заботились о чистотѣ голосовъ,—неожиданно, почти безъ предварительныхъ объявленій, пріѣхали Русскіе, сразу пропѣли намъ концертъ и плѣнили всѣхъ“.

„Пробывши мѣсяць въ Константинополь, гдѣ Славянскій покорилъ всѣ симпатіи разноплеменной и разнохарактерной Перы, мы отправились на пароходѣ „Веста“ въ Болгарію. Первый городъ нами посѣщенный, былъ Варна. Оказалось, что залы, могущей вмѣстить всѣхъ желающихъ посѣтить концертъ Славянскаго,—нѣтъ, а публики набралось такъ много въ концертѣ, что правалился мѣстами въ залѣ полъ и поднялся переполохъ, но тѣмъ не менѣе концертъ былъ данъ.

„Вообще, путешествіе это по славянскимъ землямъ было настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ русской пѣсни. Жители всѣхъ городовъ присылали приглашенія, денеши, адреса, подписанные сотнями гражданъ, и ни одинъ концертъ не обходился безъ требованія русскаго гимна, который выслушивался стоя и съ полнымъ вниманіемъ; по окончаніи концертовъ устраивались пиры, говорились рѣчи и заключалось торжество пѣніемъ и танцами болгарскаго народнаго *хоро*. Нерѣдко, за недостаткомъ залъ повмѣстительнѣе, отворялись въ концертномъ помѣщеніи окна и публика извнѣ слушала концертъ. Устраивались концерты иногда въ баракахъ, и такимъ образомъ тамъ, гдѣ еще такъ недавно слышались лишь стоны страдальцевъ за освобожденіе братьевъ, раздавались нынче звуки побѣдоносной русской пѣсни. Эстрада въ такихъ помѣщеніяхъ бывала изъ досокъ, положенныхъ на рядъ бочекъ, нѣкогда содержавшихъ въ себѣ порохъ. Такимъ образомъ даны были концерты въ Шумлѣ,

Руцукъ, Габровъ, Тырновъ, Систовъ, Ломъ-Паланкъ, Казанлыкъ, Филиппополъ и Софiи. Неудобствомъ этого путешествiя были ужасные переѣзды на лошадахъ и перевалы черезъ Балканы иногда на волахъ. Въ Сербiю оказалось не такъ легко попасть,—пришлось испрашивать разрѣшенiе короля, а послу поручиться передъ нимъ за насъ въ томъ, что мы не ввеземъ въ Сербiю ничего запрещеннаго.

„Мы въѣхали въ Нишъ, гдѣ въ то время была скупщина, т.-е. народное собранiе, и всѣ гостинницы были переполнены; между тѣмъ, жителямъ города было, какъ намъ передавали, запрещено помѣщать у себя на дому Русскихъ. Но извѣстный со времени борьбы Сербiи съ Турками, Никола К. Рашичъ, вышелъ къ намъ навстрѣчу и отворилъ ворота своего дома. Въ первый день такъ и не устроилось концерта, несмотря на то, что залъ скупщины былъ намъ данъ; онъ оказался запертымъ и никто не зналъ, кѣмъ и у кого искать ключи. На другой день мы не дали затворить зала послѣ засѣданiя и концертъ состоялся, а также и пѣнiе въ церкви по приглашенiю архiereя. Въ церкви была королева и весь ея придворный штатъ. Стройное, сердце шевелящее, наше православное пѣнiе сдѣлало свое дѣло: всѣ были тронуты и королева, благодаря Славянскаго за чудное пѣнiе, пригласила его въ Бѣлградъ, обѣцая устроить тамъ сама ему концерты въ придворномъ театрѣ. Рашичъ послѣ службы церковной сказалъ рѣчь, которая заключалась словами: „Эти звуки разбудили и въ грубыхъ сердцахъ высоко-человѣческiя стороны, скрывавшiяся за оболочкой лжи и продажныхъ чувствъ, что отразилось и на лицахъ ихъ, и мнѣ, и всѣмъ казалось, что надъ присутствовавшими пронесся духъ Бѣлаго Царя...“

„Минута была чудная, но тѣмъ ужаснѣе для насъ, любящихъ отечество—пробужденiе!

„Вообще, хотя народъ и знаетъ, что у него свой король, но имя Бѣлаго Царя для него что-то высшее надъ всѣми земными властями, и даже въ деревняхъ часто упоминають о немъ: напримѣръ, въ одной сербской деревнѣ, въ глуши, одна старушка спросила насъ: живъ-ли нашъ батюшка, Бѣ-

лый Царь, Николай Павловичъ? По дорогѣ на лошадяхъ черезъ *Семендрию* (*Смередово*), гдѣ насъ задержали особенно долго и особенно сочувственно отнесли къ пѣнію Славянскаго, насъ останавливали во многихъ маленькихъ городкахъ и селеніяхъ депутаціи, съ просьбой дать концертъ. Въ Бѣлградѣ король и королева Сербскіе приняли насъ ласково и мы удостоились быть приглашены королевой на завтракъ у нея. Театръ былъ приготовленъ для насъ, только цѣны, несмотря на нашъ протестъ, назначены страшно высокія; предполагали всѣ, что это съ цѣлью сдѣлать недоступнымъ массѣ посѣщеніе концерта, и даже устроенъ былъ въ тотъ же вечеръ огромный даровой праздникъ для народа съ нѣмецкимъ хоромъ, представленіями и т. д.; но, несмотря на все, театръ былъ переполненъ. Присутствовала королевская чета и весь дворъ, и когда въ массѣ послышался гулъ требованія русскаго гимна, королева прислала просить его спѣть и первая встала, а съ нею вмѣстѣ, какъ одинъ человекъ, и весь театръ. На сцену въ антрактѣ явились представители изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ славянскихъ въ Австріи: изъ Панчева, Новаго Сада и др., прося пріѣхать концерттировать къ нимъ. Депутаціи являлись на сцену съ адресами и лавровыми вѣнками, а послѣ концерта намъ устроили факельное шествіе. Затѣмъ королева прислала своего духовника, Павловича, просить спѣть при служеніи нынѣшняго Сербскаго митрополита въ соборѣ обѣдню, но такъ какъ Θεодосій Мраовичъ не былъ признанъ нашею церковною властью, то Славянскій согласился пѣть съ условіемъ, чтобы совершалъ богослуженіе Павловичъ, что и устроилось. Когда мы выходили изъ церкви, на улицѣ стояла публика шпалерами и кричала намъ: „слава, живіо“. Вслѣдъ затѣмъ мы получили приглашеніе обратно вернуться на выборы въ Тырново, что мы и исполнили, тѣмъ болѣе, что въ Австрію насъ не только не впустили концерттировать, но даже взяли подписку, сажая на пароходъ, что мы не высадимся нигдѣ на австрійскомъ берегу. Газетные нѣмецкіе органы усердно слѣдили за нашимъ путешествіемъ, называя его „*Slaviansky's Sängerkrieg*“. На прощанье былъ устроенъ пиръ за городомъ, въ имѣніи извѣ-

стиаго ученаго и поэта д-ра М. Бана, куда было приглашено почти все бывшее министерство, сочувствовавшее Россіи, и затѣмъ нѣсколько Далматинцевъ и Черногорцевъ, которые говорили: „пріѣзжайте къ намъ, мы васъ на рукахъ черезъ городъ перенесемъ“. На пристани собралась толпа провожать насъ и мы, отъѣзжая, запѣли, по желанію всѣхъ, нашъ русскій гимнъ.

„Изъ *Тырнова*, 12 іюля 1884 г., мы верхами отправились на *Шинку*. День былъ чудный. Взобравшись на вершину горы Св. Николая, мы увидали на ней толпу народа: то были паломники изъ обѣихъ Болгарій, собравшіеся на паннихиду, которая и была отслужена высокопреосвященнымъ митрополитомъ Сербскимъ, Михаиломъ, соборне съ болгарскимъ духовенствомъ, передъ украшеннымъ нами цвѣтами памятникомъ покойнаго Государа, за упокой его души и душъ падшихъ воиновъ.

„При звукахъ „со святыми упокой“ вся масса, какъ одинъ человекъ, опустилась на колѣни; раздался гулъ, заглушенный рыданіями нѣсколькихъ тысячъ народа, и старая Планина, нѣкогда свободная, затѣмъ свидѣтельница пяти-вѣковаго рабства и униженія, потомъ орошенная и искупленная потоками русской крови, наконецъ свободная, стонала отъ рыданій гольнопреклоненной публики.

„Путешествіе заключилось Филиппополемъ и опять черезъ Константинополь мы возвратились въ Россію.

„Въ 1885 году, осенью, Славянскій, принявши благословеніе своего рѣднаго города, Москвы, предпринялъ годовое свое путешествіе по Европѣ, съ большою капеллою и роскошными, вновь сдѣланными костюмами.

„Концертный сезонъ Славянскаго начался въ Берлинѣ, въ залѣ Филармоническаго Общества и затѣмъ заранѣе были устроены ежедневные концерты во всѣхъ городахъ Европы. За три дня до перваго концерта сняты были громадныя группы всей капеллы и вскорѣ весь Берлинъ говорилъ о Славянскомъ.

„Для того, чтобы сдѣлать каждому иностранцу понятнымъ наше пѣніе, мы перевели исполнявшіяся въ концертахъ всѣ пѣсни на многіе европейскіе языки и каждая программа вы-

давалась въ видѣ либретто, а передъ исполненіемъ каждаго нумера программы выставялись печатные нумера.

„Жутко было выходить въ первый разъ передъ публикой, совѣмъ незнакомой; но едва пропѣлъ Славянскій первый речитативъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, а хоръ тихо, какъ бы издали, отвѣтилъ ему, въ залѣ поднялись аплодисменты, которые были ручательствомъ за успѣхъ. Въ антрактѣ все, что есть знаменитаго въ берлинскомъ артистическомъ и литературномъ мірѣ, пришло намъ высказать свой восторгъ и благодарность за испытанное удовольствіе, а на другой день мы съ наслаженіемъ прочли во всѣхъ газетахъ болѣе, нежели одобрительные отзывы, облетѣвшіе изъ Берлина всю Германію. Нѣмцы съ такимъ интересомъ относились къ народному русскому богатству, что ничто не было забыто ими. Болѣе всего ихъ поразило то, что ничего нѣтъ театральнаго въ этомъ концертѣ съ костюмами; намъ казалось,—говорила газета *Vossische Zeitung*,—что мы находимся въ древней боярской хоромнѣ, а не въ концертномъ залѣ, и мы любовались присущему древнимъ русскимъ боярамъ вкусу къ роскошному и изящному“.—„Какъ пастырь, какъ князь, окруженный своей блестящей свитой, вышелъ артистъ и плѣнилъ всѣхъ“, говорилъ *Courier*. „Вѣтъ чѣмъ-то свѣжимъ, юнымъ, отъ этихъ ласкающихъ слухъ мелодій“,—между прочимъ говорила *Berliner Zeitung*. „Мы не слыхали ничего торжественнѣе этихъ древнихъ былинъ при простотѣ ихъ музыкальнаго строя. Еслибы Славянскій исполнилъ въ концертѣ только одинъ речитативъ первой былины, и тогда-бы успѣхъ его былъ-бы уже обезпеченъ!“—воскликаетъ *Kreuz Zeitung*.

„Тотъ-же успѣхъ сопровождалъ весь рядъ нашихъ концертовъ въ Германіи. Мы не испытали холодности Нѣмцевъ, напротивъ, встрѣтили лишь аплодисменты, вызовы, восторженныя статьи. Всѣ европейскіе дворы оказывали намъ покровительства и многія высокія особы посѣщали концерты, или приглашали Славянскаго пѣть во дворцѣ. „Да, Русскіе побѣдили“,—воскликала *Weser Zeitung*.

„Слушая эти мелодіи, то грустныя и безконечныя, какъ сама степь,—говоритъ *Tageblatt*,—то могучія, какъ горы Кав-

каза, то ласкающія слухъ нашъ, какъ лепетъ младенца, то сосредоточенныя, какъ мечь Сербъ, или игривыя и цвѣтущія, какъ сады Малороссіи,—начинаешь вѣрять въ будущность Славянства“.

„Концерты эти интересны не только въ музыкальномъ, но и въ этнографическомъ отношеніи,—говорить *Vossische Zeitung*. И какое стройное исполненіе! Нѣтъ, такого пианиссимо не могутъ добиться и въ нашемъ знаменитомъ соборномъ хорѣ (*Domchor*). Нигдѣ не обходился ни одинъ концертъ безъ исполненія русскаго гимна и въ ревнующей къ нашему росту Германіи, и въ социалистической Швейцаріи, и въ республиканской Франціи—вездѣ концерты, по желанію публики, заключались торжественнымъ „Боже Царя храни“.

„Концертируя въ южной Германіи, Славянскій получилъ письмо за подписью *Южное Славянство*:

„Братъ Русь, ты восхищаешь Европу своими дивными мелодіями и забываешь тѣхъ, кто едва-ли не болѣе способенъ оцѣнить ихъ. Если-же какія-либо препятствія помимо твоей воли являются между желаніемъ твоимъ и исполненіемъ, скажи, и мы докажемъ, что та страна, которая боится пѣсни—не что иное, какъ карточный домъ“.

„Мы отправились въ Прагу, думая проѣхать по австрійскимъ славянскимъ городамъ. Какъ-то особенно тепло на этотъ разъ отнеслись къ Славянскому Чехи, составляя цѣлый маршрутъ его концертовъ у Славянъ, но и на этотъ разъ дальнѣйшее путешествіе оказалось сопряженнымъ съ такими препятствіями со стороны полиціи, которымъ подвергаться, рискуя быть высланнымъ изъ города въ городъ—имѣя съ собою болѣе 60-ти человекъ—было страшно. Видя невозможнымъ ѣхать въ южные славянскіе города, Славянскій послалъ въ одну редакцію въ Загребъ отвѣтъ на письмо отъ Южнаго Славянства, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Сердце мое рвется къ вамъ, братья, но руки связаны... До свиданія до лучшихъ дней!“ Въ самой Прагѣ концерты были разрѣшены безъ затрудненій. Вотъ, что говорилось въ одной изъ статей „Народныхъ Листовъ“: „17 лѣтъ тому назадъ впервые посѣщилъ поѣхать насъ знатный (т. е. знаменитый) пѣвецъ. То время было

тяжелое для Чеховъ... Славянство вездѣ было угнетаемо, и Славянскому запрещено было пѣть на русскомъ языкѣ въ Прагѣ. Славянство и Славянскій одинаково страдали. Въ тотъ-же годъ у насъ въ Прагѣ явилась на свѣтъ Божій первая дочь Славянскаго, Надежда Славянская! Не была-ли ты предзнаменованіемъ нашей возвратившейся тогда Славянскою надежды?!"

„Затѣмъ Славянскій посѣтилъ Швейцарію и южную Францію; за нимъ слѣдовальъ всюду и неслыханный его успѣхъ.

„Доходило до того, что въ Марселѣ карету Славянскаго, при отѣздѣ его изъ города, окружила масса публики на улицѣ и требовала еще концерта, а въ Женевѣ огромный залъ Réformation не могъ повторительно вмѣстить въ себѣ желающихъ слушать русское пѣніе, и не попавшихъ въ послѣдній концертъ толпилась такая масса у дверей, что Славянскому принесенъ былъ контролеромъ во время пѣнія адресъ съ просьбою повторить концертъ этотъ хотя-бы на другой день утромъ. Цвѣтами, выписанными изъ Ниццы, забросали всю сцену, а депутациямъ, являвшимся на сцену, не было конца.

„Во Франціи даже русскимъ консуламъ приходилось заявлять печатно благодарность публикѣ, а газеты на это отвѣчали: „мы восхищаемся русскими пѣвцами вопервыхъ потому, что ихъ пѣніе очаровываетъ насъ, а вовторыхъ потому, что это Русскіе, значить друзья“.

„Въ Парижѣ первый концертъ данъ былъ по приглашенію редакціи въ большой залѣ отеля Фигаро (гдѣ находится редакція) куда г. Régiviet, главный редакторъ Фигаро, пригласилъ весь знаменитый литературный и музыкальный Парижъ. Извѣстный критикъ Blavet посвятилъ огромную сочувственную статью появленію въ Парижѣ русскихъ пѣвцовъ.

„Гуно, Прейферъ, Массене, Равина приходили въ восторгъ отъ русскихъ мелодій и сами писали о концертахъ Славянскаго музыкальныя замѣтки. Гуно, между прочимъ, по поводу пѣсни „Эй ухнемъ“ сказалъ: „скорѣе я выпилъ-бы всю воду въ Волгѣ, чѣмъ охладѣлъ къ чуднымъ звукамъ русской пѣсни“. Кружокъ артистовъ и литераторовъ, называющійся „Mascédoine“ давалъ въ честь Славянскаго обѣды и вечеръ, за-

тѣмъ онъ былъ въ числѣ прочихъ знаменитостей приглашенъ участвовать въ пользу института доктора Пастера и въ заключеніе, давъ два общедоступныхъ концерта въ огромной залѣ Тракадеро, поѣхалъ въ Лондонъ, отказавшись отъ предложеній изъ Лиссабона и Флоренці, такъ какъ они совпадали со временемъ концертнаго сезона въ Лондонѣ.

„Въ Англіи концерты давались подь особеннымъ покровительствомъ принцессы и принца Уэльскихъ, которые посѣщали каждый концертъ и дважды приглашали Славянскаго къ себѣ: въ первый разъ при приемѣ ими графа Парижскаго, а во второй—на огромномъ пирѣ, гдѣ было до 4.000 приглашенныхъ изъ мѣстной лондонской аристократіи и пріѣзжихъ изъ всѣхъ англійскихъ колоній, изъ Америки и Индіи на Индійскую выставку. Королева тоже присутствовала во время нашего пѣнія. Ранѣе еще Славянскій былъ приглашенъ къ ея величеству дать концертъ въ Винздорѣ. Въ большой Георгіевской залѣ замка собралась вся королевская семья и весь придворный штатъ. Королева чрезвычайно милостиво отнеслась къ Славянскому и требовала повторенія понравившихся ей пѣсень, отличаясь большимъ музыкальнымъ вкусомъ, она попросила спѣть нѣсколько духовныхъ пѣсень, которыя выслушала стоя, а въ заключеніе пожелала слышать и русскій гимнъ, послѣ котораго капелла Славянскаго пропѣла въ честь ея величества англійскій: *God save the queen*. По окончаніи пѣнія ея величество благодарила Славянскаго за доставленное удовольствіе и пожелала, чтобы Славянскій представилъ ей всю его семью. Обласкавши всѣхъ насъ, она сказала съ истинно царской величавой простотой: „а теперъ я вамъ представлю свою семью“. Затѣмъ ея величество сказала: „я хочу еще разъ слышать Славянскаго“, и дѣйствительно, посѣтила нашъ концертъ у принца Уэльскаго. Весь Лондонъ заговорилъ о Славянскомъ, а газеты въ восторженныхъ статьяхъ прозвали Славянскаго съ капеллою „львами сезона“....

„Каждый день являлись по три-четыре частныхъ приглашенія; ни одинъ крупный пиръ не обходился безъ Славянскаго, а когда насъ всѣхъ пригласили однажды посѣтить концертъ

органиста въ огромной залѣ индійской выставки Albert Hall, а въ другой разъ концертъ англійскаго хороваго пѣнія, то при появленіи насъ въ залѣ былъ исполненъ русскій гимнъ и вся публика поднялась.

„Славянскій съ капеллою пѣлъ за границею во всѣхъ почти русскихъ посольскихъ церквахъ, также и въ Лондонѣ; духовное православное пѣніе производило вездѣ поразительное впечатлѣніе. И вотъ, въ Лондонѣ архіепископъ Кентерберійскій лично пригласилъ Славянскаго спѣть въ его церкви православныя духовныя піесы, при его личномъ служеніи. Публика въ церкви была по приглашенію архипастыря: были многіе изъ лондонской аристократіи, послы, ихъ жены и др. На возгласы архіепископа на англійскомъ языкѣ мы отвѣчали по славянски „аминь“ и т. д. Послѣ обѣдни архіепископъ прочелъ замѣчательную молитву (въ родѣ нашей проповѣди), заключившуюся словами: „должно быть едино стадо и единъ пастырь“, а въ заключеніе хоръ пропѣлъ духовный концертъ лаврскаго распѣва „Помилуй мя Господи“, гдѣ самъ Славянскій исполнилъ соло. Послѣ богослуженія архіепископъ пригласилъ всѣхъ гостей и насъ къ себѣ. Это человекъ высокаго ума, съ восторгомъ говорящій о Россіи и интересующійся всѣмъ русскимъ. Дочь его занимается исключительно переводами на англійскій языкъ исторіи Россіи. Провожая насъ, епископъ вышелъ на крыльцо и до тѣхъ поръ махалъ платкомъ, пока экипажи наши не скрылись изъ глазъ.

„Дошелъ слухъ о концертахъ Славянскаго въ Европѣ въ Америку, и извѣстный Lotus club прислалъ м-ра Марбала пригласить Славянскаго на три мѣсяца по контракту въ Соединенные Штаты. Но Славянскій былъ такъ утомленъ этимъ почти годовымъ путешествіемъ съ концертами изо дня въ день, что его тянуло на родину, и въ августѣ мѣсяцъ мы моремъ возвратились въ Россію. Впечатлѣніе, вынесенное нами, было самое отрадное: русская народная мелодія завоевала себѣ почетное мѣсто въ глазахъ европейскихъ глубокихъ знатоковъ музыки, и если во Франціи можно, пожалуй, долю успѣха приписать симпатіи къ Русскимъ, а въ Англии „модѣ“, то уже въ Германіи и Швейцаріи, самыхъ

музыкальныхъ странахъ, успѣхъ Славянскаго не былъ подкрашенъ ни тѣмъ, ни другимъ, а всецѣло объяснялся богатствомъ и оригинальностью мелодій, артистически-хорошимъ исполненіемъ и блестящею обстановкой. Славянскій можетъ гордиться тѣмъ, что первый огласилъ Европу родными его сердцу мелодіями, въ которыхъ излилъ всю свою чисто-русскую душу; онъ забросалъ иностранцевъ душистыми цвѣтами русской народной фантазіи и, покоривъ ей всѣ сердца, разнесъ русскою пѣсней—русскую славу по всему цивилизованному свѣту.“

Рѣчи ораторовъ сопровождались пѣніемъ, причѣмъ были исполнены капеллой Д. А. Славянскаго самыя старинныя славяно-русскія пѣсни, а именно:

Древній стихъ: „Я у бабушки“.

Волочевная: „Какъ шли прошли волочевные“, съ припѣвомъ „Христосъ Воскресъ“.

Пѣсня изъ временъ татарскаго погрома: „Не громъ гремитъ, не боръ шумитъ“.

Старинная свадебная, сохранившаяся въ Олонецкой губерніи: „Съ терема на теремъ Марья шла“.

Легенда на старо-славянскомъ нарѣчьи: „Крещеніе Людмилы Меоодиѣмъ“.

Старо-чешская: „Боже муй“.

Пѣсня Бѣлой Горы: „Горо, горо“.

Гуситская, разобранная съ крюковъ: „Тешмесе благоу нодеи“.

Былина „Объ Иванѣ Грозномъ и о Кострюкѣ Кострюковичѣ“.

27 апрѣля былъ данъ юбилейный концертъ, на которомъ присутствовало около 5.000 посѣтителей. Зала Дворянскаго Собранія едва вмѣстила это громадное множество русскихъ людей, пожелавшихъ почтить торжество русской пѣсни и ея русскаго пѣвца. Въ продолженіе всего концерта не прерывался громъ рукоплесканій, заставлявшій дрожать стекла оконныхъ рамъ. Клики восторга непрерывно сопровождали всякую пропѣтую юбиларомъ пѣснь.

Въ заключеніе концерта были пропѣты гимны, посвящен-

ные юбиляру Н. Д. Агреновой и Г. Н. Ивановымъ и пѣснь „слава Славянскому“ Малькова.

XVI.

Нашъ трудъ былъ-бы не полонъ и наша характеристика значенія успѣховъ русской пѣсни и ея пѣвца Д. А. Славянскаго была-бы совершенно односторонняя, еслибы мы позабыли включить въ наше изданіе то, что говорилось и кричалось противъ Славянскаго. Насъ могутъ спросить, зачѣмъ мы помѣщаемъ здѣсь плоскія и тупоумныя выходки газетныхъ брехуновъ, гдѣ среди сплошной пошлости и глупаго зубоскальства едва наберется нѣсколько крупицъ истиннаго юмора и остроумія? Отвѣтъ нашъ будетъ простъ: эта тѣневая сторона существенно необходима для полноты и яркости свѣтовой. Пусть читатель внимательно прочтетъ эту главу со всѣми выдержками и провѣритъ свое впечатлѣніе. Мы увѣрены, что это будетъ впечатлѣніе живаго состраданія къ людямъ, не умѣвшимъ ни понять великаго историческаго явленія, ни возвыситься до пониманія Россіи и Славянства,—къ людямъ, для которыхъ слова „русское“, „русскій“ ничего не говорятъ, и которые считаютъ какою-то заслугой стоять въ сторонѣ и презрительно отворачиваться отъ того, что составляетъ русское сердце биться шибче и грудь дышать вольнѣе.

А сколько злости,—безсильной, но кричащей злости во всѣхъ этихъ выходкахъ! Пусть-же за эту злость, за это презрѣніе къ своему, за это поклоненіе чужимъ богамъ будутъ наказаны виновные праведнымъ судомъ позднѣйшаго потомства; для этого суда мы собрали довольно полный историческій матеріалъ.

Начну съ нашихъ музыкантовъ. Въ отвѣтъ на почетныя приглашенія юбилейнаго комитета были получены слѣдующія два посланія:

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

Я всегда оставался совершенно равнодушенъ къ дѣятельности г. Славянскаго, а потому не могу принять на себя званіе почетнаго члена Комитета по устройству его юбилея, о чемъ снѣшу увѣдомить гг. членовъ Комитета.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи

23 апрѣля
1887 года.

Н. Римскій-Корсаковъ.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

Дѣятельность г. Славянскаго по своему характеру стоитъ внѣ моей оцѣнки, а потому я не могу принять участіе въ устраиваемомъ для него торжествѣ и присланный мнѣ билетъ снѣшу препроводить обратно.

М. Балакиревъ.

23 апрѣля 1887.
С.-Петербургъ.

Съ этими двумя свѣтилами русской музыки составилъ трогательную компанію издатель-редакторъ одной московской, нынѣ уже умершей театральной газеты, имя котораго въ порядочномъ обществѣ обыкновенно не произносится.

Московская консерваторія, къ сожалѣнію, слишкомъ далекая отъ русской народной музыки, отвѣтила на почетное приглашеніе участвовать въ торжествѣ отрицательно.

Перейдемъ къ враждебнымъ Славянскому отзывамъ русскихъ газетъ. Таковыхъ, впрочемъ, оказалось всего двѣ.

На первомъ планѣ, въ смыслѣ яркой враждебности къ Славянскому, стала „профессорская“ газета „Русскія Вѣдомости“. Приводимъ изъ нея полностью два фельетона:

I.

„Мы забыли отпраздновать одинъ изъ замѣчательныхъ юбилеевъ: недавно минуло ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, когда у насъ задымилась первая папироска. „Свѣдущіе люди“ напоминаютъ теперь, что, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго собора, нѣкій отставной офицеръ, Спиглазовъ, впервые открылъ магазинъ съ продажей папиросъ, и тѣмъ самымъ произвелъ коренную реформу въ курительномъ дѣлѣ. Съ этого момента началась систематическая борьба курильщиковъ-либераловъ, вооружившихся папиросами, съ курильщиками-консерваторами, предпочитавшими трубки, набитыя жуковскимъ табакомъ.

„На этотъ разъ либералы одержали полную побѣду, и, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, — какъ трубки съ длинными черешневыми чубуками, такъ и знаменитый

когда-то табакъ Василя Жукова исчезли безслѣдно,—папироска получила полное право гражданства по всей Россіи, и всѣ курильщики могутъ теперь дружнымъ хоромъ пѣть извѣстный старинный романсъ: „Папироска, другъ мой тайный, какъ тебя мнѣ не любить!..“

„Вотъ каковъ прогрессъ обнаружили мы по курительной части... И такой-то, такъ сказать, національный юбилей мы оставили безъ вниманія! Если не емямъ, то хоть-бы папироски воскурили въ честь отставнаго офицера Спиглазова, произведшаго такую реформу въ средѣ курильщиковъ. Непростительное равнодушіе къ реформаторамъ земли Русской...“

„Постараясь-же хоть теперь сбросить съ себя предосудительную апатію и отнесемъ съ должной любовью и энергіею къ другому, стоящему на очереди, юбилею и тоже національнаго характера: не далѣе, какъ въ концѣ нынѣшняго мѣсяца предположено праздновать двадцатипятилѣтній юбилей „артистической“ дѣятельности „народнаго пѣвца г. Славянскаго“. Ровно 25 лѣтъ тому назадъ г. Славянской впервые проникся „народнымъ духомъ“ и впервые запѣлъ „народную“ пѣсню: „Ахъ ты тируська бычекъ“. Съ того времени г. Славянской изъ года въ годъ поетъ этого „тируську“ не только по всѣмъ городамъ и весямъ Россійской имперіи, но и въ западной Европѣ и даже въ Америкѣ. Благодаря г. Славянскому, російскій „тируська бычекъ“ получилъ всемірную извѣстность. Уже за одно это г. Славянской заслуживаетъ особой признательности и поощренія на будущіе „артистическіе“ подвиги. Не будь г. Славянскаго, Европа такъ-бы и не узнала, что мы обладаемъ такими музыкальными перлами, какъ „тируська бычекъ“, или знаменитая „Барыня“... Какъ-же послѣ этого не почтить г. Славянскаго юбилеемъ и не ударить во славу его въ трубы и тимпаны?!

„Для устройства праздника въ честь г. Славянскаго уже организованъ въ Москвѣ особый „комитетъ“, составъ котораго пока сохраняется въ глубочайшей тайнѣ, но, пѣть сомнѣнія, когда въ день юбилея члены комитета откроютъ свои имена, мы въ средѣ ихъ встрѣтимъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ нашихъ музыкантовъ, литераторовъ и ученыхъ. Музыка, литература и наука соединятся вмѣстѣ, чтобы торжественно увѣнчать лаврами нашего великаго „народнаго пѣвца“.

„Судя по появившимся уже въ газетахъ воззваніямъ отъ „комитета по устройству юбилея“ г. Славянскаго, предстоящее юбилейное празднество обѣщаетъ быть чрезвычайно торжественнымъ. Для чествованія юбиляра предназначено цѣлыхъ три дня по слѣдующей программѣ:

День первый. „Имѣетъ быть актъ (?) съ принесеніемъ поздравленій отъ разныхъ депутацій (!) и сочувствующихъ лицъ“.

День второй. „Утромъ публичное засѣданіе (въ университетѣ, или въ консерваторіи?), на которомъ имѣютъ быть чтенія о русской народной пѣснѣ и лично о заслугахъ (?) Д. А. Славянскаго. Вечеромъ данъ будетъ концертъ (въ пользу юбиляра для покрытія расходовъ по устройству юбилейнаго праздника?).“

День третій. „Публичный концертъ Д. А. Славянскаго“ (тоже въ его пользу?).

„Далѣ слѣдуетъ такое воззваніе юбилейнаго комитета: „Ученныя (!) и артистическія (!!) общества, а также корпораціи (!!!) симъ приглашаются къ выраженію привѣтствія юбиляру, или черезъ особыя депутаціи, или-же при посредствѣ писемъ, телеграмъ и *иныхъ знаковъ вниманія* (это насчетъ цѣнныхъ подарковъ?), адресованныхъ или на имя Д. А. Славянскаго: Москва, Дворянское собраніе, — *идь имѣть быть чествованіе юбиля* (sic!), или-же на имя комитета: Москва, Малая Бронная, домъ Ермолаева, кв. № 4.

„Итакъ, комитетъ устраиваетъ „чествованіе юбиля“ въ залѣ Дворянскаго собранія, а гдѣ будетъ чествовать самого юбиляра,—это пока еще неизвѣстно. По моему, всего-бы лучше перенести это торжество на Красную площадь,—ужь коли торжествовать, такъ торжествовать!... Впрочемъ, я увѣренъ, что почтенный юбилейный комитетъ вынужденъ будетъ сдѣлать это въ силу необходимости. По полученнымъ мною свидѣніямъ изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ, для поднесенія привѣтствій нашему „народному пѣвцу“ организуется такое громадное количество депутацій, что ни одно зданіе не только въ Москвѣ, но и во всемъ мірѣ вмѣститъ ихъ не можетъ. Поневолѣ придется устроить приемъ „депутацій“ на Красной площади. Самъ юбиляръ, окруженный членами юбилейной комиссіи, могъ-бы помѣститься на Лобномъ мѣстѣ подъ особымъ увитымъ лаврами и разукрашеннымъ флагами багдахиномъ и отсюда внимать привѣтственнымъ рѣчамъ депутацій, посланныхъ нашими университетами и консерваторіями, учеными и артистическими обществами, сословіями и корпораціями и, наконецъ, всякими разночинцами, возжелавшими „выразить привѣтствіе юбиляру“. Здѣсь-же могли-бы быть приняты и „знатные иностранцы“, которые тоже приглашены юбилейнымъ комитетомъ въ Москву на праздникъ перваго русскаго „народнаго пѣвца“. Ожидаютъ, что не только наши, но и заграничныя ученые и артистическія общества и университеты не упустятъ случая черезъ особыя депутаціи привѣтствовать въ лицѣ г. Славянскаго всемірнаго „артиста“ и великаго „народнаго пѣвца“, и поднесутъ ему „въ знакъ своего сочувствія“ дипломы на званіе почетнаго члена. Увѣряютъ, что недостатка и въ „днхъ знакахъ вниманія“ къ достопочтенному юбиляру тоже не будетъ, въ виду чего юбилейная комиссія уже заблаговременно заказала особую витрину съ надписью: „Цѣнные подарки, полученные знаменитымъ россійскимъ народнымъ пѣвцомъ Д. А. Славянскимъ въ день двадцатипятилѣтняго юбилея его славной артистической дѣятельности“...

„Какъ извѣстно, путь всякаго артиста усыпанъ не одними лаврами,—попадаютъ и терніи. Не мало терній выпало и на долю г. Славянскаго во время его двадцатипятилѣтней „артистической“ дѣятельности. Достойно замѣчанія, что въ то время, какъ истые носители россійскаго духа—замоскворѣцкое купечество—уже давно призвало за г. Славянскимъ значеніе великаго „народнаго пѣвца“, спеціалисты-музыканты вообще, и музыкальные критики, въ особенности, не признаютъ за г. Славянскимъ ни малѣйшаго артистическаго достоинства и видятъ въ немъ лишь ловкаго антрепренера, умѣющаго „потрафлять“ вкусамъ невзыскательной публики, для которой и „тируска бычекъ“ идетъ за „народную“ пѣсню и представляется художественною мелодіей.

„Такое отношеніе присяжныхъ музыкантовъ къ „народному пѣвцу“ объясняется очень просто: всѣ завидуютъ успѣху г. Славянскаго, а потому и злословятъ. Той-же завистью можно объяснить и тѣ нападки, которыя дѣлаются по-временамъ на г. Славянскаго со стороны лицъ, служившихъ въ его „капеллѣ“; такія-же „нападки“ появились и теперь, наканунѣ предстоящаго юбилея. Нѣсколько хористовъ и хористовъ бросили г. Славянскаго и организовали изъ себя особый хоръ, назвавъ его „бывшей капеллой г. Славянскаго“. Г. Славянской, разумѣется, возмущенъ такимъ поступкомъ и заявилъ въ петербургскихъ газетахъ, что этихъ хористовъ онъ самъ выгналъ изъ своей „капеллы“ за отсутствіемъ у нихъ голоса. Одинъ изъ этихъ „отступниковъ“, г. Кузнецовъ, въ свою очередь, тоже заявляетъ въ газетахъ отъ лица своихъ товарищей, что не они, а самъ г. Славянской уже давно лишился голоса, а его пресловутая „капелла“, за выходомъ лучшихъ пѣвцовъ, состоитъ теперь изъ „сборной сотни“ пѣвчихъ, нанимаемыхъ для концертовъ изъ разныхъ хоровъ. Тотъ-же г. Кузнецовъ сообщаетъ кстати и нѣкоторые интимные эпизоды артистической дѣятельности г. Славянскаго. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Кузнецова, „въ провинціи бывали случаи, что мальчиковъ и даже пѣвцовъ румянили, бѣлили, наряжали въ сарафаны, и въ такомъ видѣ они изображали изъ себя пѣвицъ“. Самъ авторъ письма, г. Кузнецовъ, „одѣтый въ сарафанъ, представлялъ изъ себя контральто, а г. Ивановъ, всегда поющій басомъ, въ такомъ-же нарядѣ изображалъ сопрано (?)“. И такое превращеніе кавалеровъ въ дамъ и басовъ въ сопрано въ „капеллѣ“ г. Славянскаго было обычнымъ явленіемъ: гг. Серебряковъ, Карповъ, Брикенъ точно также нерѣдко одѣвались въ женскіе костюмы“.

„Все это, разумѣется, ставится въ укоръ и въ осужденіе г. Славянскому, а по-моему въ этомъ еще бѣльшая его заслуга, еще большее основаніе къ тому, чтобы достойно отпраздновать день его юбилея. Увѣряютъ, что у г. Славянскаго голоса нѣтъ; пусть это такъ, но имѣя голосъ, всякій можетъ пѣть, а вы попробуйте-ка, какъ г. Славянской, пѣть безъ голоса и за это получать хорошее вознагражденіе. Какъ оказывается, такимъ умѣньемъ обладаетъ только г. Славянской, да еще нѣкоторые изъ артистовъ нашей русской оперы. Это—достоинство г. Славянскаго, какъ артиста, а вотъ его качества, какъ начальника „капеллы“: не мудрено нанять пѣвчихъ изъ разныхъ хоровъ, выучить ихъ пѣть „типруську бычка“ и этою „народною пѣсней“ приводить въ восторгъ замоскворѣцкое купечество и прикащиковъ Ножевой линіи, но сумѣть мужичинъ обратить въ дамъ, а дамъ въ кавалеровъ и заставить басы пѣть сопрано, а дамамъ, обладающимъ контральтовыми голосами, поручить исполненіе басовыхъ, или баритонныхъ партій—такую метаморфозу могъ совершить только одинъ г. Славянской, за что и подобаешь воздать ему должное въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея. Увѣренъ, что Москва отпразднуетъ юбилей своего „народнаго пѣвца“ съ должною помпою. Не знаю, будетъ-ли по сему радостному случаю представлено обывателямъ право возжечь иллюминацію и украсить свои дома флагами, но въ депутацияхъ, рѣчахъ, телеграммахъ и „иныхъ знакахъ вниманія“ недостатка не будетъ. Не слѣдуетъ забывать, что г. Славянской, по справедливому замѣчанію одной московской газеты, „долженъ быть причисленъ къ пере-

довымъ людямъ патріотическаго направленія“, ибо онъ „воспроизведеніемъ народныхъ пѣсенъ предъ публикою отъ Петербурга и до Кяхты оказалъ воспитательное (!) дѣйствіе на общество: возвратилъ довѣріе (?) и уваженіе (?) къ народному творчеству, ослабивъ увлеченіе иностранными романсами, дотолѣ господствовавшее въ образованномъ классѣ и, къ сожалѣнію, прососавшееся даже въ народъ“. Теперь же, при просвѣщенномъ содѣйствіи такого „передоваго челоѣка патріотическаго направленія“, какъ г. Славянскій, даже и „образованный классъ“ предпочитаетъ распѣвать въ салонахъ не иностранные романсы, а наши доморощенные „тируску бычка“ или „Барыню“... Что касается до заграничныхъ путешествій г. Славянскаго, то, по увѣренію той-же московской газеты, тамъ г. Славянскій являлся „политическимъ“ дѣятелемъ, ибо „пѣсни г. Славянскаго (все тотъ-же „тируска бычекъ“) разсѣявали предубѣжденіе противъ насъ за границею (!), покоряли намъ Европу (!!).

„Отсюда уже прямой выводъ, что на предстоящій юбилей г. Славянскаго нужно ждать не только „внутреннихъ“ депутацій „отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“, но и депутацій изъ-за границы, изъ той Европы, которую мы „покоряли“, при посредствѣ дивнаго голоса г. Славянскаго...

„Все это, вѣроятно, такъ-бы и было, еслибы упомянутая газета въ своихъ прославляющихъ г. Славянскаго статьяхъ не сдѣлала непростительной оплошности: пропѣвъ диверамбъ въ честь „народнаго пѣвца“ и радушно пригласивъ пожаловать на его юбилей „знатныхъ иностранцевъ“, газета вслѣдъ затѣмъ предлагаетъ коварный „проектъ“ о налогѣ на всѣхъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію для ознакомленія съ ея самобытностью. Газета не довольствуется громаднымъ налогомъ на заграничные паспорта для Русскихъ и требуетъ, чтобы такой-же налогъ взымали и „съ пріѣзжающихъ въ Россію иностранцевъ“. Положимъ, такой налогъ проектируется все съ тою-же похвальною цѣлью поднять нашъ курсъ и улучшить наши финансы, но отъ этого для „знатныхъ иностранцевъ“, пожелавшихъ-бы пріѣхать къ намъ на юбилей г. Славянскаго, будетъ не легче: они пріѣдутъ, чтобы почтить народнаго пѣвца, а тѣмъ временемъ проектъ о штрафахъ какъ съ Русскихъ, посѣщающихъ заграничныя государства, такъ и съ иностранцевъ, пріѣзжающихъ къ намъ, будетъ приведенъ въ исполненіе,—и тогда даже и „знатные иностранцы“, пріѣхавшіе на юбилей г. Славянскаго, будутъ тоже оштрафованы. Многіе, пожалуй, не захотятъ подвергаться такому риску и, благодаря этому, г. Славянскій въ день своего юбилея можетъ остаться безъ „знатныхъ иностранцевъ“. („Русскія Вѣдомости“ 1887 г. № 98).

II.

Юбилейная трилогія, или торжество пѣснопѣвца.

(Посвящается „великому народному пѣвцу“ *Д. А. Агрневу-Славянскому-тожѣ*).

„Ахъ ты, тируска, ты тируска бычешь!...“
(Одна изъ народныхъ пѣсней репертуара г. Славянскаго).

„Флаги убраны, иллюминація погасла, торжество закончилось. Увѣнчанный лаврами юбиляръ, нагрузивъ три вагона адресами и поздравительными телеграммами, полученными имъ въ дни юбилейной трилогіи, торжественно возвратился на отдыхъ въ свою вотчину... Всероссийское, или, вѣрнѣе сказать, всемирное торжество окончилось, и теперь самое время подвести итоги, и хоть немного разобраться въ тѣхъ восторгахъ до изступленія и славословіяхъ до самозабвенія, которыми ознаменовались юбилейные дни въ честь пѣснопѣвца г. Славянскаго-Агрнева.

„Уже при первой мысли объ этомъ торжествѣ устами одного изъ глубоко-мысленныхъ нашихъ публицистовъ было возвѣщено, что г. Славянскій не просто пѣснопѣвецъ, распевающій „тируску-бычка“ и за это получающій съ публики известную мзду, а въ нѣкоторомъ родѣ герой, сумѣвшій своими очаровательными пѣсенками „объединить“ всѣ народы и „завоевать“ всю Европу“. Ну а „герою“ нужно было воздать и подобающую ему честь. Вотъ почему для празднованія юбилея г. Славянскаго была избрана Москва, какъ „сердце Россіи“, и празднество продолжалось не одинъ день, какъ бывало при празднованіяхъ юбилеевъ обыкновенныхъ смертныхъ, а три дня и три ночи.

„Рѣшили отпраздновать съ помпой. На подготовительные расходы не жалѣли денегъ, и пригласительные билеты на юбилей печатались и разсылались по всѣмъ государствамъ новаго и стараго свѣта въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Всѣхъ просили пожаловать въ Москву, чтобы почтить „народнаго героя“ и выразить ему свое сочувствіе при посредствѣ адресовъ, или иныхъ „вещественныхъ“ доказательствъ. Независимо отъ этого, всѣ хоть сколько-нибудь выдающіеся дѣятели, какъ наши отечественные, такъ и иностранные, были удостоены званіемъ „почетныхъ членовъ комитета по устройству юбилея“ г. Славянскаго, о чемъ также были извѣщены особыми письмами съ приглашеніемъ пожаловать въ Москву на юбилей. По странной случайности, юбилейный комитетъ засѣдалъ въ Москвѣ, а множество подобныхъ приглашеній, — по словамъ петербургскихъ газетъ, — разсылалось, какъ видно изъ почтовыхъ штемпелей, не изъ Москвы, а изъ Твери. Какъ-бы то ни было, нѣсколько десятковъ тысячъ приглашеній было разослано, и если не количество депутацій, то громадное число привѣтственныхъ телеграммъ было обезпечено. Расчетъ былъ вѣрный: каждый общественный дѣятель, удостоенный неожиданно званіемъ почетнаго члена юбилейнаго комитета, хотя и уклонялся отъ личнаго присутствія

на юбилей, но из чувства вѣжливости вынужденъ былъ поблагодарить комитетъ за вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поздравить юбиляра. А намъ только это и было нужно.

„Благодаря такому ловкому приему распорядителей, даже и генералъ Буланже оказалась въ числѣ почетныхъ членовъ юбилейнаго комитета и тоже удостоился г. Славянскаго своимъ привѣтствіемъ. Да что Буланже! По слухамъ, званіемъ почетныхъ членовъ юбилейнаго комитета были удостоены и султанъ турецкій, и китайскій императоръ, и даже король Сандвичевыхъ острововъ. Отсутствіе отъ нихъ поздравительныхъ телеграммъ въ день юбилея объясняется совершенною случайностію, — телеграммы запоздали...

„Усилія юбилейнаго комитета возвести г. Славянскаго въ санъ „народнаго героя“ встрѣтили поддержку и со стороны органовъ нашей прессы. Не только *Современныя Извѣстія* и *Русскій Курьеръ*, но даже *Московскія Вѣдомости* посвятили г. Славянскому *руководящія* статьи и прославили его, какъ „общественнаго (!) дѣятеля“ и какъ „музыканта“ (?!)...

„Въ былыя времена о музыкальныхъ достоинствахъ г. Славянскаго *Моск. Вѣд.*, когда въ нихъ печатали такіе компетентные судьи, какъ гг. Чайковскій и Ларошъ, были совсѣмъ другаго мнѣнія. Теперь-же газета находитъ возможнымъ даже въ передовой статьѣ трактовать о музыкальныхъ достоинствахъ г. Славянскаго и о его „превосходномъ исполненіи“ народныхъ пѣсней въ теченіе двадцатипятилѣтней его „артистической“ дѣятельности; а вотъ что о томъ-же г. Славянскомъ писалъ извѣстный музыкальный критикъ г. Ларошъ въ № 40-мъ за 1870 г. въ *Современной Литотисис*, издававшейся при тѣхъ-же *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: „Музыка, слышанная нами въ концертѣ (г. Славянскаго) 12-го ноября, была по большей части не русская“... „Странно было слышать на этомъ русскомъ концертѣ кадрили изъ русскихъ пѣсней (что можетъ быть народнаго въ ритмѣ и формѣ кадрили?), шведскую польку, невѣрно названную чешскою, и американскій вальсъ. Всего страннѣе и прискорбнѣе было слушать, какъ хоръ выдѣлывалъ аккомпаниментъ въ кадрили, полькѣ и вальсѣ, *передразнивая* контрабасы и вторяя скрипки. Это — *тривиальная безмыслица, самое полное отрицаніе основнаго опредѣленія тѣмъ, какъ музыки, соединенной со словомъ*“.

„По поводу „народныхъ“ концертовъ, данныхъ г. Славянскимъ въ 1871 году въ манежѣ, тотъ-же г. Ларошъ въ *Современной Литотисис* (за 1871 годъ отъ 12-го апрѣля) приходитъ въ удивленіе отъ успѣховъ г. Славянскаго: „Очевидно, — замѣчаетъ г. Ларошъ, — г. Славянскій увлекъ толпу дешевою популярностію и вмѣстѣ съ тѣмъ импонировалъ знаменемъ народнаго направленія“. Сравнивая затѣмъ народныя пѣсни, исполнявшіяся въ концертѣ крестьянами, съ пѣснями фабрикаціи г. Славянскаго, г. Ларошъ замѣчаетъ, что пѣсни первыхъ „были дѣйствительно народною музыкою, и цѣлая пропасть отдѣляла ихъ отъ тѣхъ новѣйшихъ сластей, которыя исполняли хоръ подъ дирижерствомъ г. Славянскаго.“

„Генію г. Славянскаго посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ и нашъ извѣстный композиторъ П. И. Чайковскій. Въ качествѣ музыкальнаго критика онъ писалъ въ той-же *Современной Литотисис* (за 1871 г., № 46): „Интересна и

поучительна судьба этого артиста. Появившись *года четыре тому назад* (слѣдовательно, въ 1867 году,—не рано-ли мы отпраздновали двадцатипятилѣтній юбилей?!) *предъ пустыми залами* Москвы и Петербурга, въ костюмѣ славянскаго брата съ польскою венгеркой и высокими ботфортами, г. Славянскій, послѣ кратковременнаго пребыванія среди насъ, уѣзжаетъ къ за-атлантическимъ друзьямъ, изъ среды которыхъ возвращается въ отечество увѣнчанный неувядаемыми лаврами. Здѣсь начинается для русскаго пѣвца цѣлый рядъ триумфовъ; его *русскіе* концерты съ *американскимъ* вальсомъ порождаютъ цѣлыя тѣмы восторженныхъ поклонниковъ; одна газета выпускаетъ рядъ передовыхъ статей о національномъ значеніи концертовъ г. Славянскаго, котораго провозглашаютъ чуть-ли не благовѣстителемъ новой эры въ русскомъ искусствѣ“.

„П. И. Чайковскій этихъ восторговъ не раздѣлялъ и пришелъ только въ недоумѣніе, узнавъ, что г. Славянскій, не довольствуясь славой пѣснопѣвца, держитъ издать сборникъ русскихъ пѣсенъ, *имъ* переложенныхъ, то есть,—запѣваетъ г. Чайковскій, — „взяться за такое дѣло, на которое едва достало такого первостепеннаго таланта, такого всесторонняго музыкальнаго развитія, какіе мы находимъ въ Балакиревѣ...“

„Таково было мнѣніе о г. Славянскомъ редакціи *Моск. Вѣд.* въ семидесятихъ годахъ, а теперь и эта редакція увѣнчала чело г. Славянскаго „неувядаемыми лаврами“ и воспѣла въ честь его диоерамбы въ „руководящихъ“ статьяхъ... Время переходчиво, люди перемѣнчивы...

„Но, какъ-бы то ни было, *подготовительныя* работы къ юбилею были всѣ покончены и наступилъ, наконецъ, самый день торжества.

„*День первый.* Громадныя залы Россійскаго Благороднаго Собранія представляютъ безлюдную пустыню. Всюду пусто, и только въ одномъ углу залы стоитъ около двухсотъ человекъ, окружая эстраду, на которой возсѣдаютъ юбиляръ и члены юбилейнаго комитета (нѣкоторые изъ послѣднихъ, сославшись на нездоровье, уклонились отъ удовольствія возсѣдать публично на помостѣ). Меня поразило такое безлюдье: десятокъ тысячъ приглашенныхъ билетовъ—и всего двѣсти человекъ посѣтителей!..

— Что-же это значить?—обращаюсь я за разъясненіемъ къ одному изъ членовъ юбилейнаго комитета, а тотъ мнѣ въ отвѣтъ: „непредвидѣнный случайности помѣшали: кто боленъ, а кого дѣла задержали; но за то сколько телеграммъ получено!“

— Много?

— Тысячами считаемъ. Съ самой полночи корзинками сюда носимъ и все перенести не можемъ. Завалили телеграммами!..

„По бокамъ эстрады, гдѣ засѣдалъ юбилейный комитетъ, съ г. Славянскимъ во главѣ, были устроены двѣ горки, силою уставленныя всевозможными „вещественными знаками“. И чего-чего только здѣсь не было! И лавровые вѣнки, и мельчировый самоваръ, и олеографическія картинки въ золотыхъ рамахъ, и чайный сервизъ британскаго металла, и торжковскія туфли... Всѣ эти „вещественные знаки“ были красиво перевиты національными русскими флагами и лентами, и въ общемъ представляли прекрасную выставку вещей, собранныхъ слу-

чайню въ касѣ ссудъ, или взятыхъ на прокатъ изъ магазина, торгующаго старыми вещами. Я былъ увѣренъ, что всѣ эти „вещественные знаки“ только-что привезены разными прибывшими въ Москву на юбилей г. Славянскаго депутациями, и въ день юбилея будутъ торжественно поднесены юбиляру. Но—увы!—по справкѣ оказалось, что всѣ эти вещи привезъ съ собою самъ почтенный юбиляръ и выставилъ ихъ на-показъ, какъ подарки, полученные имъ прежде, въ теченіе всей его двадцатипятилѣтней „артистической“ дѣятельности. Первый-же день юбилея никакими подарками не ознаменовался; телеграммъ было много, а „вещественныхъ знаковъ“ было получено всего два: торговецъ парчевымъ товаромъ г. Мѣшковъ преподнесъ г. Славянскому отъ щедротъ своихъ вышитую подушку, да „капелла“ г. Славянскаго преподнесла ему бровзовые часы. Подобно Калхасу изъ „Прекрасной Елены“, сѣтовавшему на поднесеніе ему однихъ цвѣтовъ, г. Славянскій могъ-бы тоже воскликнуть: „Все телеграммы, телеграммы и телеграммы—слишкомъ много телеграммъ!..“

„Несчастный секретарь юбилейнаго комитета совсѣмъ потерялъ голосъ, читая безчисленное количество телеграфическихъ привѣтствій, а два вахтера въ громадныхъ корзинахъ для бѣлья все несутъ и несутъ новые вороха телеграммъ и сваливаютъ ихъ въ кучу на эстрадѣ..“

„Подъ монотонное чтеніе секретаря, начинаю перелистывать жизнеописаніе юбиляра, изложенное въ особой брошюрѣ, обязательно продававшейся тутъ-же, при входѣ въ залу. Читаю—и еще болѣе проникаюсъ восторгомъ къ личности „виновника торжества“. Авторъ брошюры, наградивъ г. Славянскаго эпитетами „великаго пѣвца“, „барда“, „вѣщаго Байна“, „апостола пѣсни“, „знаменитаго общественнаго дѣятеля“, *приравниваетъ его прямо къ Пушкину!*... Авторъ брошюры увѣряетъ, что „дѣятельность г. Славянскаго есть не только фактъ громадной важности въ исторіи отечественной музыки (!), но и знаменательное явленіе общественно-народнаго, національнаго значенія“...

„И на юбилей такого-то „дѣятеля“ по исторіи отечественной музыки не только не присутствовалъ ни одинъ изъ нашихъ выдающихся музыкантовъ, но никто изъ нихъ не почтилъ г. Славянскаго даже привѣтственной телеграммой! Мало этого, нашлись такіе дерзновенные, которые возвратили пригласительные билеты и прислали мотивированные отказы.“

„Распорядители, разсмаявъ во всѣ концы свѣта дипломы на званіе почетнаго члена юбилейнаго комитета, почтили такимъ-же дипломомъ и директора нашей консерваторіи, С. И. Танѣева. Въместо того, чтобы принять на себя это лестное званіе и увѣнчать, по примѣру другихъ, „великаго народнаго пѣвца“ лаврами, г. Танѣевъ въ официальномъ письмѣ на имя одного изъ членовъ юбилейнаго комитета не только отказался отъ предложенной ему чести, но изложилъ и мотивы своего отказа. „Я подробно,—пишетъ С. И. Танѣевъ *),—разсматривалъ изданное въ нѣсколькихъ выпускахъ „Вечера пѣнія“ Дмитрія Александровича Славянскаго, заключающіе въ себѣ переложеніе русскихъ пѣсней, исполненныхъ имъ въ его концертахъ, и убѣдился, что *обработка этихъ пѣсней не только*

*) Текстъ письма сообщаю съ разрѣшенія его автора.

не соответствует изъ характеру, но и сдѣлана весьма неумѣлою рукою и предполагаетъ въ авторѣ недостаточное знакомство съ самыми элементарными музыкальными требованіями“.

„Я отнюдь не имѣю намѣренія,—продолжаетъ далѣе г. Танѣвъ,—отрицать заслугъ Дмитрія Александровича Славянскаго, обратившаго вниманіе западно-европейской публики на русскія пѣсни. Лучшимъ доказательствомъ того, что его заслуги всѣми признаются, служатъ имена членовъ комитета, принадлежащія самымъ выдающимся литераторамъ и ученымъ. Но, будучи музыкантомъ, я никоимъ образомъ не могу сочувствовать той формѣ, въ какой Дмитрій Александровичъ Славянскій пропагандируетъ русскія пѣсни, почему и считаю невозможнымъ принять участіе въ предстоящемъ торжествѣ“...

„Первый день юбилейной трилогіи завершился торжественнымъ обѣдомъ, причѣмъ на составленіе меню юбилейный комитетъ потратилъ не мало остроумія. Для торжества „національной идеи“ было признано необходимымъ составить „меню съ музыкою“, такъ, чтобы каждое кушанье обѣда сопровождалось соответственной хоровою пѣсней изъ репертуара г. Славянскаго. По этому поводу члены юбилейнаго комитета имѣли тридцать засѣданій, и послѣ долгихъ преній и обсужденій выработали слѣдующее меню, которое съ гордостью и пропечатали во всѣхъ газетахъ:

1) Щи зеленые съ горохомъ по-славянски. Хоръ поетъ: „Ахъ, на что было огородъ городить, да къ чему-же капусту садить“.

2) Наваръ изъ сибирскихъ рябчиковъ. Хоръ поетъ: „На калинѣ птица сидитъ“.

3) Кулебячка съ куриной начинкой. Хоръ поетъ: „Курица-Варюшка, пѣтухъ-отъ былъ Митюшка“.

4) Осетрина изъ Волги. Хоръ поетъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“.

5) Говядина на кости съ грибами. Хоръ поетъ: „Ты пойдѣ, моя коровушка, домой“. *)

6) Холодникъ сладкій съ виномъ. Хоръ поетъ: „Эй, ухнемъ“!

7) Жаркое: фазаны, цыплята курскіе **) и дичь изъ муромскихъ лѣсовъ (?). Хоръ поетъ: „Курочка по сѣмечкамъ тюкъ - тюрю - рюеъ“ и „Какъ во лѣсахъ было во Муромскихъ“.

8) Капуста. Хоръ поетъ: „У меня-ль во садочкѣ“.

9) Спаржа съ кievскими подливками (?). Хоръ поетъ: „У Кіева ой морозеньку“.

*) Явный недосмотръ членовъ юбилейнаго комитета. Говядину кушали не отъ коровы, а отъ быка, а потому это блюдо всего-бы лучше сопровождать знаменитою „народною“ пѣсенкою г. Славянскаго:

„Ахъ, ты тируська, ты тируська—бычекъ.
Молодая ты говядинка“!..

**) Цыплята были названы „курскими“ въ честь единственнаго юбилейнаго депутата въ мундирѣ, директора курскихъ музыкальныхъ классовъ (?) г. Абазы.

10) Мороженое Агреновское съ земляничкою. Хоръ поетъ: „Земляничка ягодка“.

11) Плоды разные. Хоръ поетъ: „Ужь ты яблонь, ты яблонь зеленая мол“.

12) Кофе по-сербски. Хоръ поетъ: „Сербскую военную пѣсню“.

„Юбилейный обѣдъ въ честь г. Славянскаго имѣлъ еще одну особенность: въ залѣ, гдѣ происходилъ обѣдъ, былъ устроенъ возвышенный помостъ, нѣчто въ родѣ трона, красиво убранный тропическими растеніями. На этомъ тронѣ, за особымъ столомъ, изволили кушать: юбиляръ и члены юбилейнаго комитета; остальная-же публика, хотя и платила по 10 руб., но обѣдала, въ качествѣ челяди, у подножія юбилейнаго трона.

„Самый обѣдъ прошелъ чрезвычайно весело и оживленно. Хоровое пѣніе всѣмъ чрезвычайно понравилось, особенно пѣсня „Эй, ухнемъ!“, пріятная при подачѣ блюда подъ № 6 („холодникъ сладкій съ виномъ“). Въ теченіе всего обѣда, какъ только бокалы наполнялись игристою влагою, всѣ требовали повторенія этой пѣсни и даже сами подтягивали. Ухали, ухали и доухались до глубокой полночи...

„Само собой разумѣется, юбилейный обѣдъ не обошелся и безъ рѣчей. Особенный восторгъ произвела рѣчь г. Плевако, уподобившаго почтеннаго юбиляра „попрыгунь-стрекозѣ“. Превознеся юбиляра „превыше облака ходячаго“, ораторъ такъ закончилъ свою рѣчь:

„Знакомьте, сближайте, Д. А., пѣснями раздѣленныхъ пространствомъ и условіями жизни членовъ великаго цѣлаго. Не громко, но честно ваше служеніе общему дѣлу. Вамъ не придется краснѣть, что вы даромъ прожили. И если въ послѣднюю минуту жизни на вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ наполнила свою земную жизнь душа ваша, ей придется робко отвѣтить: *я все тѣла...* „*Это дѣло!*...“ *скажетъ ей Судья нашимъ поступкомъ.*

„Кто-то изъ обѣдающихъ воскликнулъ было въ видѣ окончанія этой рѣчи: „такъ поди-же попляши!“ Но этотъ возгласъ былъ заглушенъ взрывомъ рукоплесканій и криковъ „браво!“ по адресу затрапезнаго оратора. А затѣмъ опять залѣнилось вино въ бокалахъ, и всѣ безъ исключенія затынули хоромъ: „Эй ухнемъ! еще разикъ, еще разикъ!“

Ухали долго, а на прощанье затынули другую „народную“ пѣсню:

„Ужь мы пили, пили, пили,
Ужь мы ѣли, ѣли, ѣли,
Такъ что еле-еле-еле
По домамъ насъ растащили!...“

И было утро, и былъ вечеръ,—день первый юбилейной трилогіи.

День второй. По программѣ юбилейнаго празднества въ этотъ день должно было происходить „ученое засѣданіе“, но въ дѣйствительности оказалось не просто ученое засѣданіе, а „ученое засѣданіе съ музыкою“. Послѣ каждаго „ученаго“ реферата всгаваль предсѣдатель юбилейнаго комитета и заявлялъ публикѣ: „а вотъ не угодно-ли вамъ, милостивыя государыни и милостивые государи, прослушать очень хорошенькую русскую пѣсенку“. Хоръ поетъ, публика

слушает. Кончается другой „ученый рефератъ“, и председатель юбилейнаго комитета вновь заявляет: „А вотъ еще, милостивые государи и милостивыи государни, есть одна тоже весьма недурная русская пѣсенка“.

„И опять хоръ поетъ, и опять ученый рефератъ смѣняется музыкальнымъ упражненіемъ.“

„Прекрасная выдумка. До сего времени только гувернантки бывали съ музыкою, или безъ музыки, а теперь такое-же различіе вводится и для „ученыхъ засѣданій“. Что касается до меня, то я „ученое засѣданіе съ музыкою“, устроенное въ честь г. Славянскаго, весьма одобрилъ, и рѣчи „ученыхъ“ ораторовъ прослушалъ съ неописаннымъ восторгомъ. Изъ рѣчи г. Гилярова-Платонова я узналъ, что г. Славянскій своими пѣснями „совершаетъ обмѣнъ духовнаго кровообращенія“ между народами, причѣмъ у почтеннаго юбиляра „пѣсня площадная (!) и даже иногда грязная (!!)" сама по себѣ звучитъ очищенной и одухотворенною (?!)“. Кромѣ того, г. Славянскій, по ученому изслѣдованію г. Гилярова-Платонова, оказался „однѣмъ въ своемъ родѣ, или, точнѣе сказать, — самъ по себѣ особаго рода (?!)“. Не обошлось дѣло и безъ сравненій (такова участь г. Славянскаго—его все сравниваютъ то съ Пушкинымъ, то съ „попрыгуньей-стрекозой“); но на этотъ разъ г. Славянскаго уподобили не Пушкину и не „попрыгуньей-стрекозѣ“, а Наполеону. Вотъ это мѣсто изъ рѣчи оратора:

„Проповѣдовать можно не словами только, но и звуками. На деньги, занятія у именитой родственницы, Луи Наполеонъ, когда еще былъ принцемъ, снарядилъ 100,000 шарманщиковъ; они искрестили всю Францію, разыгрывая на своихъ инструментахъ славу временъ первой имперіи: результатомъ было семь миліоновъ голосовъ въ избирательной урнѣ. Нашъ юбиляръ совершаетъ то-же, но въ другомъ, болѣе возвышенномъ и болѣе симпатическомъ родѣ. Тифлисъ и Кяхта, Ревель и Херсонъ, — города, наполненные сверхъ Русскаго разными племенами, одинаково восхищаются слышанными произведеніями; одинаково во всѣхъ городахъ, по отъѣздѣ пѣвца съ его капеллою, раздаются по улицамъ подражательныя повторенія слышаннаго“.

„Пусть это и такъ, но вѣдь наполеоновскіе шарманщики не справили своихъ юбилеевъ, за что-же русскимъ шарманщикамъ воздается такая честь?..“

„Другой „ученый“ ораторъ, г. Скрипичевъ (?), говоря объ „артистическихъ“ заслугахъ юбиляра, тоже уподобилъ г. Славянскаго... атаману разбойнической шайки. Такъ и ликнулъ: „ваха, дескать, капелла это—вольница низовая, а вы, почтенный юбиляръ,—ея атаманъ“. Впрочемъ, ораторъ поспѣшилъ прибавить, что это „вольница не душегубная, а душу услаждающая, мысль нашу исправляющая (?), о думѣ народной и объ исторіи и бытѣ его поющая,—словомъ, вольница культурная, и потому тѣмъ болѣе еще удачая, еще болѣе могучая“. А въ заключеніе восторженныя возгласы: „Слава же ей! Слава ей атаману!“ („Совр. Изв.“ № 117).

„Третій „ученый“ ораторъ, г. Шараровъ, воздержался отъ всякихъ сравненій г. Славянскаго, и въ качествѣ истаго носителя „славянофильскаго духа“, настолько говорилъ о г. Славянскомъ, сколько о нашей русской „самобытности“, „банѣ пакыбитіа“, народной „подоплѣкѣ“ и иныхъ диковинкахъ, хранящихся въ славяно-

фильскомъ музеѣ древностей. Свою рѣчь г. Шараровъ закончилъ съ пафосомъ, бѣя себѣ въ грудь и кому-то угрожая кулакомъ. Г. Шараровъ былъ величественъ и страшенъ, заканчивая свою рѣчь такими торжественными фразами: „Пусть же льется и звучитъ славянская народная пѣснь вольно и побѣдно! Пусть поютъ намъ и Западу эти чудные звуки миръ и любовь, вѣчно живущіе въ русской душѣ, все согрѣвующіе, все умягчающіе и возвышающіе. И пусть будетъ вѣчная слава пѣвицу. Его заслуга — наша гордость, гордость русскаго гениа. Побѣда Славинства не далека. На нашей сторонѣ правда и любовь, миръ и красота, и тотъ, кто честно сумѣлъ имъ послужить, заслужитъ горячую благодарность потомства и безсмертное имя“.

„Послѣ ученаго засѣданія съ музыкою состоялся концертъ въ пользу юбиляра. Нѣкоторые увѣрили, что ради такого торжественнаго случая г. Славинскій выступитъ на этотъ разъ на эстраду одѣтый въ сарафанъ и въ кокошникъ древняго образца, но слухъ оказался вздорнымъ,—г. Славинскій пѣлъ въ обычномъ своемъ костюмѣ „болярина“ XVII столѣтія, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ (это при русскомъ-то костюмѣ XVII столѣтія!), сверхъ которыхъ на каждомъ пальцѣ руки было вдѣто по десятку перстней...“

„Второй день юбилейной трилогіи закончился товарищескимъ ужиномъ г. Славинскаго и его почитателей въ „Русской палатѣ“ Славянскаго Базара, причемъ, по заведенному порядку, сперва пѣли хоромъ „Эй ухнемъ!“, а затѣмъ: „Ужь мы пили, пили, пили...“

И было утро, и былъ вечеръ—день второй.

„День третій. Все утро было посвящено хлопотамъ по приѣму запоздавшихъ поздравительныхъ телеграммъ, чтенію ихъ и укупоркѣ въ особые тюки для отправки на храненіе въ вочину юбиляра. Вечеромъ состоялся второй юбилейный концертъ и тоже въ пользу достопочтеннаго юбиляра. Расходы по Устройству юбилея были покрыты съ избыткомъ. И новая слава приобрѣтена, и капиталъ сохраненъ,—чего-же больше желать?“

„Юбилейная трилогія завершилась дружескимъ ужиномъ г. Славинскаго и его почитателей въ трактирѣ Тѣстова. Застольная пѣсня „Ей, ухнемъ!“ была пропѣта безчисленное число разъ; пѣсня заключительная: „Ужь мы пили, пили, пили“—была пропѣта на этотъ разъ съ особою экспрессіею...“

„Въ видѣ финала члены юбилейнаго комитета подъ управленіемъ г. Славянскаго и подъ аккомпаниментъ его супруги пропѣли хоромъ:

„Ахъ, на что-бы юбилей городить,
„Да къ чему-же капусту садить?...“

И было утро, и былъ вечеръ — день третій и послѣдній юбилейной трилогіи.

Оба эти фельетона принадлежать одному и тому же „Скромному Наблюдателю“.

Другая газета выступившая противъ Д. А. Славянскаго „Новое время“. Сама редакція напечатала одну лишь предварительную замѣтку о юбилеѣ, но она широко открыла

страницы известному „Русскому Страннику“. Этот господин настолько известен в русской литературе своими похождениями и приобрел себе такую печальную репутацию, как корреспондент, что можно лишь удивляться, как серьезная газета решается посылать его именно туда, где совершаются наиболее интересные события.

Замѣтка въ № 4000 „Новаго Времени“ (отъ 20 апрѣля 1887 г.) гласитъ:

„Ахъ, Москва, Москва, Москва! Всегда эта ворчливая, брюзгливая, безалаберная, но въ сущности добрая старушка, которой только немножко не мѣшаетъ почтиться, ибо очень заплылась отъ времени, возьметъ да и выкинетъ какую-нибудь штуку, и совсѣмъ, совсѣмъ неподходящую для старушки. Старушка наша празднуетъ—что бы вы думали?—25-ти-лѣтній юбилей дѣятельности „народнаго пѣвца Д. А. Славянскаго“. Положимъ, начальство разрѣшило—отчего не праздновать! Слава Богу. Но, вѣдь, праздникъ празднику рознь. Есть обстоятельства, въ которыхъ лучше всего напиться въ тихомолочку, а не то чтобы на весь городъ себя показывать.

„25 лѣтъ г. Славянскій проиѣлъ, г-жа Славянская въ это время ему подыгрывала—очень хорошо,—ну и выпейте на здоровье среди своихъ друзей и почитателей своихъ талантовъ, но зачѣмъ-же на стѣну-то лѣзть, а тѣмъ болѣе на Кремлевскую.

„Подъ дѣйствіемъ этаго затмѣнія старушка Москва для празднованія юбилея пѣвца Славянскаго основала комитетъ, да какой Предсѣдатель комитета!—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, товарищъ предсѣдателя Е. В. Барсовъ; члены комитета: Н. А. Чаевъ, С. А. Юрьевъ, И. Е. Забѣлинъ; секретарь С. А. Орловъ.

„Юбилейный комитетъ разсылаетъ печатныя заявленія во всѣ города и села и во всѣ редакціи газетъ такого содержанія:

„Въ текущемъ 1887 году минуло 25 лѣтъ тому, какъ известный пиѣй всей Россіи и даже всему просвѣщенному свѣту, Дмитрій Александровичъ Агреньевъ-Славянскій, началъ свое народно-артистическое поприще. Событіе это, съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предположено ознаменовать торжественнымъ воспоминаніемъ заслугъ знаменитаго общественнаго дѣятеля“.

„Комитетъ хочетъ праздновать день, другой и даже третій и на праздникѣ на второй день будетъ какое-то *ученое* (?) засѣданіе, на которомъ почтенные члены, вѣроятно, будутъ считать рубли въ карманѣ г. Славянскаго, собранные имъ съ русской и частью иностранной публики, слушать рефераты по изслѣдованію ученыхъ вопросовъ: всѣ-ли пѣвцы и самъ дирижеръ хора безголосые, или только одна треть ихъ, и всѣ-ли дѣвушки въ хорѣ всегда принадлежали къ женскому полу? Иного ученаго засѣданія право невозможно себѣ представить по поводу такого „событія“, какъ юбилей г. Славянскаго.

„Удивительное дѣло, отчего это раньше содѣлатель и регенту известнаго хора пѣсенниковъ—старика Молчанову—не праздновали юбилей? Вѣдь, онъ тоже

пѣлъ русскія пѣсни—настоящій народный пѣвецъ. Бѣдный, не дожилъ до нашихъ дней, когда пошла мода на юбилей, когда все, что свиститъ, шипитъ, поетъ, реветъ и воетъ и публику морочитъ, будетъ справлять празднества на счетъ этой самой публики.

„Русскій Странникъ“ помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ нѣсколько огромныхъ писемъ. Я затрудняюсь приводить ихъ цѣликомъ, такъ какъ онѣ утомительно скучны. Приведу лишь нѣсколько наиболее характерныхъ выдержекъ.

„Изъ этого, съ позволенія сказать, юбилея вышло одно всеобщее, сплошное недоразумѣнне, несомѣнно имѣющее отозваться и на дальнѣйшей артистической дѣятельности капеллы не только въ Россіи, но и за границей. Причину всего этого можно охарактеризовать въ двухъ словахъ небольшою поправкою къ фразѣ, высказанной въ замѣткѣ „Новаго Времени“. „Новое Время“ (въ № 4000) говоритъ между прочимъ, что „Славянскій 25 лѣтъ пѣлъ, а жена ему подыгрывала“. Здѣсь многіе несогласны съ такою характеристикой и утверждаютъ напротивъ, что г-жа Славянская 25 лѣтъ играла, а г. Славянскій все время ей подпѣвалъ. Кроме того, подпѣвалъ ей и во время юбилейныхъ подготовительныхъ работъ и что тутъ-то и заключается вся суть и что именно здѣсь, „liegt der Hund begraben“, какъ говорятъ Нѣмцы.

„Я вовсе не желаю сплетничать и задѣвать дамъ въ печати, но дѣло здѣсь идетъ не о дамѣ, а о личности, признающей себя артисткой, берущей на себя не малую долю заслугъ мужа, держащей въ желѣзныхъ рукахъ всю капеллу отъ мальчика до регента включительно, руководившей и обстановкой юбилея, и комитетомъ, и наконецъ произносившей застольныя и публичныя рѣчи. Ergo, г-жа Славянская въ своей общественной дѣятельности можетъ быть подвергнута публичной оцѣнкѣ точно такъ-же, какъ и всякая другая артистка.

„Характеръ этой дѣятельности можетъ быть очерченъ въ двухъ словахъ, хотя бы, на примѣръ, маленькимъ инцидентомъ, извѣстнымъ всему Константинополю до русскаго посольства и русскою колоніи включительно. Въ Константинополѣ мнѣ рассказывали, что послѣ пропѣтыхъ тамъ, въ прошломъ году, г. Славянскимъ концертовъ, султанъ прислалъ ему со своимъ церемоніймейстеромъ орденъ, а его супругѣ цѣнное кольцо. Въ отвѣтъ на это г-жа Славянская, на глазахъ потерявшагося паши, бросила кольцо объ полъ. Переконфузившійся церемоніймейстеръ умилостивилъ разгнѣванную артистку тѣмъ, что привезъ и ей орденъ, а кольцо досталось (если не ошибаюсь) одному изъ членовъ семьи энергичной артистки. Повидимому, г-жа Славянская употребила такіа-же рѣшительныя мѣры и на устройство юбилея по своему вкусу, хотя и не со столь блестящими результатами, какихъ она этимъ путемъ достигла въ Турціи. . .

...одурачить удалось все-таки только одну провинцію и за границу. Обѣ-же столицы сразу усмотрѣли ходульность рекламы, и 25-го апрѣля, на первомъ „ученомъ“ засѣданіи въ Дворянскомъ Собраніи комитетъ уже сидѣлъ не въ полномъ

составъ и, несмотря на даровой спектакль всей публики, вмѣстѣ съ единственными въ своемъ родѣ „депутациями“ отъ „курскихъ музыкальныхъ классовъ“ и „Московского совѣта дѣтскихъ пріютовъ“, съ калеллой и участниками въ торжествѣ не набралось и 200 человекъ! Князь В. А. Долгоруковъ, всегда и во всемъ отличающійся своей отзывчивостью и глубокимъ тактомъ, не имѣя возможности посѣтить „по случаю семейнаго траура“ ученыя засѣданія и торжества въ честь г. Славянскаго, прислалъ юбиляру двѣ чрезвычайно любезныя привѣтственныя телеграммы.

...тосты, здравицы и рѣчи лились на обѣдѣ несравненно обильнѣе, чѣмъ шампанское. Послѣ обычныхъ тостовъ, сердечныхъ и разумныхъ здравицъ и рѣчей митрополита Михаила, Гилярова-Платонова, Плевака и другихъ, уже пошла, что называется, отсебятина. Молодой владимірскій адвокатъ произнесъ благодарственный тостъ не болѣе и не менѣе, какъ отъ имени всей провинціальной Руси (?). Другой господинъ, и повидимому не успѣвшій даже хорошенько пообѣдать, произнесъ почти безъ передышки цѣлыхъ пять рѣчей, одна удивительнѣе другой. Въ первой онъ выразилъ собогѣзнованіе, что въ то время, когда вся Европа и вся Россія чествуютъ нашего вѣщаго Баяна, одна-де только Сибирь молчитъ, несмотря на то, что несравненный юбиляръ и ей пѣлъ русскую пѣсню. Ораторъ едоумѣваетъ о причинѣ, ибо увѣренъ, что лица, перевалившія черезъ Уральскій хребетъ, тоже обладаютъ русскимъ сердцемъ, и сверхъ того сомнѣвается, чтобы начальство запретило сибирякамъ телеграфировать ихъ привѣтствія. Слѣдующую рѣчь ораторъ начинаеть съ поправки предыдущей, говоря, что первая рѣчь не въ счетъ, ибо ему сейчасъ предъявили телеграммы изъ Томска и Омска, которыя онъ-де проглядѣлъ раньше. Изъ кармана затѣмъ вынимается цѣлый пукъ телеграммъ и начинается чтеніе избранныхъ изъ нихъ. Затѣмъ тосты и снова тотъ же господинъ вытаскиваетъ изъ бездоннаго кармана разукрашенный виньетками листъ и поясняетъ, что въ одной изъ московскихъ типографій лежитъ по законамъ цензуры еще не выпущенное, но уже отпечатанное стихотвореніе г-жи Славянской къ мужу и что онъ, пріобрѣтя экземпляръ его, пользуется случаемъ познакомить публику съ вѣрной оцѣнкой и поэтическимъ талантомъ ближайшей сотрудницы юбиляра. Затѣмъ читается чрезвычайно лестное и длинное стихотвореніе, если и не особенно звучное, то трепещущее горячимъ чувствомъ жены къ мужу. Слѣдуютъ тостъ за ближайшую сотрудницу, ея рѣчь, въ которой она благодаритъ и въ то-же время полемизируетъ „съ представителями литературы, учеными и ораторами“—„о значеніи русской пѣсни“. Опять тосты, благодарности разчувствованнаго юбиляра и его жены, взаимные комплименты на мотивъ народной пѣсни „ай да ты, ай да я, ай да женушка моя!“ Однимъ словомъ, было и очень просто, и очень весело.

„Къ сожалѣнію, я не могъ быть на концертахъ, но вчера утромъ ко мнѣ зашли двое моихъ знакомыхъ, ничего не пропустившихъ изъ юбилейныхъ торжествъ.— Ну что, какъ прошли концерты?—спросилъ я ихъ.—О, прекрасно, воскликнулъ С., извѣстный своимъ злымъ языкомъ по всей Бѣлокаменной. Несмотря на огром-

ныя дѣны, публики была масса. Это такъ тронуло Славянскихъ, что они, съ торжествомъ оглядѣвъ занятія въ залѣ мѣста и обращаясь къ публикѣ, пропѣли и сыграли сверхъ программы:

Веселуха моя!

Ухъ я!

Веселишь ты меня!

Ухъ я!

„А публика такъ и захлебывалась отъ восторга и просто насадилась отъ браво и бисовъ.

Остальное въ томъ - же родѣ. Разумѣется, никакихъ комментариевъ къ изложенному въ этой главѣ дѣлать не приходится.

XVII.

Двадцати-пятилѣтіе русской пѣсни и ея носителя Славянского окончилось.

Припоминая первые шаги нашей народной пѣсни и сопоставляя условія, въ какихъ эта пѣсня находилась четверть вѣка назадъ съ настоящими, нельзя не отмѣтить, съ одной стороны, завоеваній, которыя сдѣлала эта пѣсня въ области русской общественной мысли, съ другой—того роста идеи народности и національнаго самосознанія, въ ущербъ западническимъ теоріямъ въ русскомъ обществѣ, который поневолѣ бросается въ глаза читателю всѣхъ помѣщенныхъ какъ въ текстѣ этой книги, такъ и въ особомъ приложеніи при вѣтствій.

Я не буду приводить вторично все то, что уже мною изложено по поводу первыхъ встрѣчъ народной пѣсни въ русскомъ обществѣ, а потому прямо перейду къ тому, какъ отдало честь этой пѣснѣ русское общество въ день двадцати-пятилѣтія ея и ея энергичнаго піонера.

Болѣе чѣмъ сорокъ русскихъ городовъ, около 40 разныхъ русскихъ обществъ, кружковъ и корпорацій, около 20 русскихъ ученыхъ и другихъ учреждений и институтовъ, многіе высшіе сановники, предводители дворянства, крестьяне, куп-

цы, редакціи журналовъ и газетъ, артисты и художники— всё принесли свою лепту въ честь своей народной пѣсни.

Одни воздають хвалу „разносителю жизненнаго смысла народной пѣсни“ и „русской народной поэзіи“, „повѣствователю иноземному міру поэтическаго міровоззрѣнія глубокаго славянскаго духа“ и считаютъ, что „распространеніе русской народной пѣсни между иноземцами“—„заслуга предъ отечествомъ“; другіе—„служителю дѣла развитія народнаго самосознанія путемъ передачи красотъ нашей бытовой поэзіи“, „видному фактору въ развитіи патріотическаго чувства въ сердцахъ русскихъ людей“; третьи видятъ въ исполненіи славяно-русской пѣсни стремленіе осуществить идеалы лучшихъ людей Россіи и Славянъ—всеславянское единеніе, „скрѣпляющее узы славянскихъ народовъ“, „вдохновляя жизнь въ мотивы славянской старины“, а во „вдохновленныхъ“ этихъ мотивахъ видятъ первый шагъ къ осуществленію идеи объединенія Славянства“ и потому считаютъ, что *Славянский нуженъ Россіи*. Четвертые, увѣренные въ бытовую и историческую правдѣ народной пѣсни, а потому и въ культурной ея силѣ, ожидаютъ отъ нея другихъ, болѣшихъ еще результатовъ, чѣмъ ея только національное торжество“. Въ силу тѣхъ-же культурныхъ свойствъ народной пѣсни, полагаютъ, что пѣсня эта „возвышаетъ и освѣжаетъ душу и чувство русскихъ людей“; считаютъ Славянскаго въ ряду тѣхъ, кто „ознакомилъ міръ съ величіемъ русскаго народнаго духа,“ и „съ творческою силой русскаго народнаго генія“, а потому величаютъ „всероссійскаго пѣвца“—„дѣятелемъ общественнымъ“ и видятъ въ его дѣятельности—„исполненіе девиза русскаго дворянства“: „Польза, слава и преданность Царю и Россіи“! Пятые смотрятъ на „роднаго пѣвца“, какъ на „фактора мира, любви и вѣчной гармоніи“ въ разрозненномъ обществѣ; считаютъ, что „пѣвецъ вѣрилъ въ пѣсню и потому не постыдился ея, когда всё ея чуждались, и тѣмъ отвоевалъ ей права гражданства на родинѣ и у чужихъ“, „заставилъ повѣрить и невѣрующаго въ бытіе русской народной пѣсни, возродивъ ее изъ праха и неизвѣстности“, „перешелъ всё фазы отъ возрожденія до прославленія“ этой

пѣсни, а потому, „слава пѣснѣ! Она ваша слава, она славна вами, вы—ею!“

Наконецъ, восторженно восклицаютъ: „честь обществу, признавшему ваши заслуги“. Помните, что „вась чествуетъ Москва, значитъ вась чествуетъ Россія!“

Иностранцы говорятъ еще прямѣе:

„Вы побѣдили предубѣжденіе такъ-называемыхъ культурныхъ народовъ, и вырвали у нихъ признаніе русской музыкальной самобытности, свѣжести и силы“.

„Вы поднимаете духъ націи, воспроизведеніемъ ея національныхъ, духовныхъ богатствъ. Вы сумѣли заставить насъ восхищаться вашей націей въ ея народной пѣснѣ. Честь и слава вамъ, русскій бардъ!“

Изъ этихъ отношеній общества обоихъ полушарій вытекаетъ явно, что изъ „загоненной и заброненной“ русской народной пѣсни двадцати-пятилѣтними трудами *одного Славянскаго* создалась сила. Полагаю, что комментаріи къ этому результату излишни, скажу только, что съ *этой силой* нельзя не считаться!

Но кромѣ собственно народной русской и славянской пѣсни, въ дѣятельности Д. А. Агренева-Славянскаго не менѣе видное мѣсто занимаетъ исполненіе духовно-нравственнаго пѣснопѣнія.

Какъ мы видѣли, въ Америкѣ оно производило сильное впечатлѣніе, вызвавъ даже оппозицію въ органахъ клерикальной печати, въ 1869 году. Затѣмъ въ Англии, въ Швейцаріи, въ Бельгіи въ 1885—86 годахъ духовные концерты Славянскаго вызвали сильную агитацію. Епископъ Кентерберійскій, по выслушаніи одного изъ такихъ концертовъ въ церкви въ Лондонѣ, произнесъ слѣдующую молитву: „Церковь едина, какъ едина истина! Да признаютъ - же всѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, едину церковь и единого Пастыря—Господа нашего Иисуса Христа!“ Эта полная глубокаго содержанія молитва, послѣдовавшая подъ впечатлѣніемъ прекрасно исполненнаго капеллою Славянскаго православнаго духовнаго пѣснопѣнія, составляетъ не маловажный фактъ въ области духовнаго единенія обществъ и народовъ. Говорю не мало-

важный, потому что въ дѣлахъ вѣры чувство *часто* убѣдительно дѣйствуетъ на людей, чѣмъ доводы и убѣжденія. Послы князя Владиміра были поражены пѣснопѣіемъ и благолѣпіемъ греческой церкви, и вся Русь приняла христіанство; да и много другихъ подобныхъ фактовъ въ исторіи чело-вѣчества можно-бы было подобрать въ доказательство вы-сказанной мысли. Поздравленія многихъ духовныхъ сановниковъ, священнослужителей, иноковъ и другихъ духовныхъ лицъ, полученные Д. А. Славянскимъ въ день юбилея, не менѣе доказываютъ мою мысль.

Послѣ праздновапія торжества русской народной пѣсни Д. А. Агреньевъ-Славянскій опубликовалъ въ газетахъ слѣдующее письмо.

М. Г., г. редакторъ!

„Прошу Васъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ вашей уважаемой газеты мою сердечную благодарность людямъ, удостоившимъ меня поздравленія въ день моего двадцати-пяти-лѣтняго юбилея, такъ какъ, получивъ болѣе четырехъ тысячъ поздравленій, я не имѣю возможности отвѣтить на каждое отдѣльно.

„Съ любовью лелѣя впродолженіе двадцати пяти лѣтъ мое желанное дѣтище—русскую пѣсню, взростивши ее и отдавъ на судъ общественный, я былъ глубоко, несказанно тронуть во дни праздновапія моего 25-ти лѣтняго юбилея полученіемъ единодушныхъ, теплыхъ сердечныхъ привѣтствій. Болѣе четырехъ тысячъ поздравленій, поступившихъ въ комитетъ по устройству моего юбилея, въ формѣ телеграммъ, писемъ, адресовъ, стихотвореній, гимновъ, положенныхъ на музыку, и поздравленій путемъ газетъ были для меня лучшей наградой за тѣ многія лишенія и горькія неудачи, которыя приходилось мнѣ переживать впродолженіе моей дѣятельности, за тѣ щелчки, которымъ порою подвергалось мое дѣтище и отъ которыхъ болѣзненно сжималось мое сердце...

„Повторяю, привѣты эти дѣлаютъ меня безпредѣльно счастливымъ, поддерживаютъ во мнѣ энергію и силу на продолженіе любимаго моего дѣла, укрѣпляютъ въ убѣжденіи, что

дѣтище мое растеть не подь однимъ слабымъ моимъ призоромъ, но подь заботливою рукою многихъ и многихъ тысячъ его покровителей.

„И выростеть оно могучее и побѣдоносное на славу своей родины, на радость и пользу родной великой семьи!...

„Большое-же еще разъ спасибо всеѣмъ, ратующимъ за родную пѣсню, отъ человѣка, который былъ только слабымъ проводникомъ ея въ общество, и заслуга котораго лишь въ томъ, что онъ возлюбилъ родную пѣсню и ни разу не отрёкся отъ нея“.

Примите и проч.

Дмитрій Агреньевъ-Славянскій.

29 апрѣля 1887 г.

Пусть прочтуть этотъ мой скромный трудъ все тѣ, кто до сихъ поръ въ странной слѣпотѣ не хочетъ видѣть въ русской народной пѣснѣ того значенія, какое она себѣ создала, при помощи вынянчившаго ее Д. А. Агренева. Я увѣренъ, что, положа руку на сердце, все признають вмѣстѣ со мною за русскою пѣсню—силу, съ которой нужно и *нужно будетъ* считаться; чтѣ-же касается именитаго и энергичнаго пионера этой пѣсни, Д. А. Агренева-Славянскаго, то о немъ я закончу словами покойнаго Михаила Никифоровича Каткова:

„Празднованіе въ Москвѣ двадцати-пятилѣтія дѣятельности Д. А. Агренева, извѣстнаго подь артистическимъ именемъ Славянскаго, заслуживаетъ живѣйшаго сочувствія. Сочувствіе это должно относиться къ культу русской народной пѣсни, которому г. Агреньевъ посвятилъ всю свою дѣятельность.

„Поставивъ себѣ задачею быть славянскимъ народнымъ пѣвцомъ, Д. А. Агреньевъ блистательно исполнилъ эту задачу. Онъ, въ превосходномъ исполненіи, ознакомилъ русскую публику со множествомъ, совершенно неизвѣстныхъ ей, народныхъ пѣсень самаго разнообразнаго содержанія: историческихъ, бытовыхъ, фабричныхъ, заводскихъ, шуточныхъ. Онъ познакомилъ насъ съ русскою пѣсню самыхъ

разнообразныхъ мѣстностей Россіи. Онъ познакомилъ насъ и съ пѣснями родственныхъ намъ славянскихъ племенъ. Благодаря ему, впервые раздалась русская пѣснь въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, въ Европѣ и въ Америкѣ, которыя онъ посѣтилъ со своей капеллой, и вездѣ встрѣтилъ самый сочувственный пріемъ.

„Въ этомъ заключается несомнѣнная заслуга Д. А. Агренева передъ русскимъ обществомъ и народомъ. Для исполненія задачи, принятой имъ на себя, нужно было много любви къ дѣлу.

„Д. А. Агреньевъ положилъ первый починъ и 25 лѣтъ потрудился на его развитіе. Надлежитъ привѣтствовать все доброе, что есть въ этомъ починѣ, и что достигнуто въ продолженіи цѣлой четверти вѣка непрестанной дѣятельности. Преемникамъ и послѣдователямъ легко будетъ исправлять погрѣшности, вкравшіяся въ эту дѣятельность. Намъ, ея свидѣтелямъ, принадлежитъ выскать ей признательность и сочувствіе“. („Москов. Вѣд.“ отъ 28 апрѣля 1887 г. № 115).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І ОТДѢЛЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ и ГИМНЫ.

I.

Хвала, пѣвецъ нашъ вдохновенный!
Ты воскресилъ у насъ въ сердцахъ
Забытыхъ дней звукъ драгоцѣнный, —
Поешь о дѣдахъ и отцахъ.

Ты путь пробилъ для русской пѣсни,
И ей всю жизнь ты посвятилъ;
Ты, какъ боецъ на полѣ чести,
Любовь къ родному пробудилъ.

Вдругъ пѣсню снова огласилась
Родною Русская земля;
Въ Москву та пѣсня доносилась
Отъ горъ Урала, отъ Днѣпра.....

За единеніе Славянства
Не проливалъ въ войнѣ ты кровь,
Но у Славянъ во время рабства
Ты пѣсней пробуждалъ любовь

Къ Россіи и, святой идеей
Проникнутый, за океанъ
Понесъ тѣ звуки; мракъ разсѣялъ,
Сердца всѣхъ покорилъ гражданъ.....

И, какъ орелъ взмахнувъ крылами,
Ты описалъ въ Европѣ кругъ,
И нынче тамъ кричатъ толпами:
„Да, побѣдилъ нашъ русскій звукъ!“

Тебя Россія прославляетъ,
Тебя Европа признаетъ,
Тебя Славянство величаетъ—
Весь міръ тебѣ хвалу поетъ!

Пѣвца такого оцѣняетъ
Потомство, чтя труды его,
И надъ тобой звѣзда блистаетъ—
Символь безсмертья твоего!

Ольга Аренева-Славянская.

II.

Въ глубокой древности, среди богатырей,
На шумныхъ пиршествахъ воинственныхъ князей,
Во славу родины, на страхъ враждебныхъ странъ,
Слагалъ свободно пѣснь восторженный баянь.
И чудной пѣснѣ той внимало все кругомъ;
И взоры воиновъ искрились огнемъ.
И долго пѣлъ пѣвецъ о милости боговъ,
О сладости любви, о храбрости отцовъ.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка; теперь баяновъ нѣтъ,
И даже пѣсни ихъ давно исчезнуть слѣдъ,
А съ ними поблѣднѣлъ великій идеалъ,
Которымъ старый мѣръ гордился и дышалъ....

Вдругъ, словно посреди нависшихъ темныхъ тучъ,
Мелькнулъ божественный и яркій солнца лучъ,
И пѣсня смолкшая на длинный рядъ вѣговъ,
Внезапно вырвалась изъ плѣна и оковъ.
Скажите намъ: кто тотъ невѣдомый пѣвецъ,
Создавшій пѣснями минувшему вѣнецъ?...
Онъ нынѣ среди насъ, мы чествуемъ его,
И пѣсенъ и былинъ мы жаждемъ отъ него!...

П. Суворовъ.

Москва.

(Полковникъ Генеральнаго Штаба).

III.

Пѣвецъ исторіи народа!
Пѣвецъ надежды и мечты,
Тебя намъ создала природа,
Покрыль Русь громкой славой ты!
Насъ Русскихъ прославлять воспрянулъ
И поднялъ снова павшій духъ
Съ тѣхъ поръ, какъ голосъ твой намъ грянулъ:
„Дубинушка эй ухни!..... Ухъ!“
Тебя поемъ пѣвецъ народный
И слабый голосъ нашъ внемли:
Ты—нашъ пѣвецъ, ты нашъ природный,
Ты гордость нашей всей земли!
Веселья, жизни и страданій
Народа русскаго пѣвецъ,
Его любви, его мечтаній,
Всего, что далъ ему Творецъ!
Ты Русскихъ уважать заставилъ,
Европы мнѣнье измѣнилъ.
На судъ имъ нашу пѣснь представилъ,
За нами славу укрѣпилъ!
Никто ужъ больше не рѣшится
Сказать, что все медвѣди мы;
Назвать насъ грубымъ побоится,
Для всѣхъ мы музыки полны.....
.....
Люби народа воспѣванью
Ты четверть вѣка посвятилъ
И за твое, пѣвецъ, старанье

Тебя народъ нашъ возлюбилъ.
Твой юбилей онъ воспѣваетъ
И будетъ вѣчно воспѣвать
Тебѣ клянется, общаетъ
Тебя во вѣкъ не забывать.
Живи-жь, пѣвецъ, не увядая,
Пусть отъ Амура до Днѣпра
И отъ Кавказа до Алтая
Кричатъ достойному „ура“!!....

Андрей В.....й.

Петербургъ
Апрѣль 1887 г.

IV.

Народной пѣснею глубоко
Вы волновали намъ сердца,
И пѣснь прославилась далеко,
Родной страны во всѣхъ концахъ.

* * *

И не въ одной Россіи славной,
Вашъ чудный голосъ прозвучалъ,
Но пѣснѣ русской православной,
Весь міръ съ участіемъ внималъ.

* * *

И далеко, за океаномъ,
Та пѣсня, полная красой,
Пронзая синія туманы,
Лилась игривою струей.

* * *

Отраднѣйшій этотъ день встрѣчая,
Среди знакомыхъ и друзей,
Пусть ваша муза молодая
Рукою пѣжною своей
Советъ вѣнокъ изъ лавръ душистыхъ
На свѣтлое чело пѣвца,
То думъ возвышенныхъ и чистыхъ,
Пріютъ достойнѣйшій вѣнца.

* * *

Да будетъ Вамъ и честь, и слава,
И пусть еще на много лѣтъ,
Во славу Руси православной,
Свой чудный оставляя слѣдъ,

* * *

Звучить, какъ прежде, ваша лира,
И пѣснь несется далеко,
Во всѣхъ странахъ живаго міра
Съ земли на небо высоко.

Владиміръ Петровъ Юрловъ.

Симбирскъ.

(Старѣйшій писатель, больной).

V.

Не звѣзды выси міровой
Угасли яркими толпами,
Владиміръ-Солнце головой
Повиѣ за бранными столами.
Не много времени пройдетъ
И не оставитъ мѣсть за чашей, —
И кто, какъ нынѣ, пропоетъ
О нашей жизни, славѣ нашей?
Дѣла давно минувшихъ дней
Дойдутъ-ли цѣльно до потомковъ,
Не погребетъ-ли и князей
Старуха-смерть внизу обломковъ, —
Обломковъ жизни стариговъ
Подъ упоенными дѣтями?
Кто избѣжалъ ея оковъ,
Царящей властно надъ мірами?
И князю славному въ отвѣтъ
Добрыня молвить величавый:
Не пропадетъ, о княже, слѣдъ
Ни твой, ни всей твоей державы.
Родная пѣсня донесетъ
Его до внуковъ отдаленныхъ, —
Она безсмертна! Славенъ тотъ,
Кто звуковъ, дивно сохраненныхъ,
Пойметъ всю прелесть и въ груди
Почуетъ силъ своихъ движеніе,
Связей съ лежащимъ назади —
Во всемъ объемѣ пробужденіе,

Затѣмъ что-родина тогда
Предъ нимъ, какъ образъ цѣльный, встанеть
И тьмы разсѣется гряда
И долгу онъ доступнѣй станеть.
Блаженъ Славянскій! Лучшихъ силъ
И благороднѣйшихъ стремленій
Родною пѣсней пробудилъ
Ихъ безъ конца твой свѣтлый геній!

А. Н. Замысловъ.

(Изъ Сборника стихотворе-
ній „Четыре времени года“).

Москва, 1887 г.

VI.

Кого славимъ мы?
Кому честь воздаемъ?—
Славимъ мы боярина Димитрія,
Честь воздаемъ Александровичу:
За что славимъ мы,
За что честь воздаемъ?

Вы послушайте, ребяташки,
Про силу-силушку Александрыча:
Эта силушка—не изнашивается,
Что твой конь—не изъѣживается;
Все растеть по Руси Святой—матушкѣ,
Все плыветь по ней далеко-широко.
Заплыла эта силушка къ басурманщинѣ,
Къ нѣмчурѣ, къ итальянщинѣ.

А и скоро, скоро будетъ Нѣмецъ нашъ
И затынетъ онъ пѣснь по-нашему—

По-нашему, православному:

- „Гой вы, ребяташки,
- „Тѣмъ сильны—могучи вы, дѣтушки,
- „Что вы дѣтушки Царя Бѣлаго—Славнаго,
- „Царя Славнаго—Православнаго!
- „У Царя у вашего, Богомъ даннаго,
- „Много слугъ есть вѣрныхъ, нелицемѣрныхъ;
- „Въ числѣ слугъ Его есть Пѣвецъ родной,
- „Богатырь Александровичъ!
- „Сила въ немъ непомятая,
- „Эта силушка—пѣснь могучая,

„Пѣснь могучая, пѣснь славянская,
„Заливная пѣснь, задушевная;
„То веселая, то унылая,
„То тоскливая, то игривая —
„Пѣснь сердечная!
„Пѣснь сердечная, пѣснь народная!
„А услышитъ кто эту пѣсенку,
„Вѣкъ ему не забыть ее!“
А ужъ Нѣмецъ сказалъ, намъ и Богъ велѣлъ!
Тагъ давайте-же, други милые,
Выпьемъ чарочку винца русскаго
За здоровьице, силу крѣпкую,
За Димитрія—наше Солнышко,
Александрыча Всеславянскаго.

С. Рышковъ.

Варшава.

23 апрѣля 1887 года.

VII.

Кому какое дѣло?!

Голосистый соловей къ намъ залетѣлъ,
Звонко пѣсенку родимую запѣлъ,
И внимая дивной пѣснѣ соловья,
Всѣ заслушались.... заслушался и я.
Прямо въ душу звуки чудные лились;
И толпой въ душѣ видѣнья поднялись:
Намъ привидѣлась родная сторона,
Намъ представилась сѣдая старина:
И Чурила, и Добрыня-богатырь
И равнины святорусской гладь и ширь.
Спотыкаяся, камаринскій мужикъ
По равнинѣ той бѣжить, бѣжить, бѣжить,
Жить не можетъ безъ зеленого вина...
(Ну, кому какое дѣло,—калица!)
Вонъ за рѣчкою родимое село;
Всю окрестность бѣлымъ снѣгомъ замело;
При лучинушкѣ молодга тамъ прядеть,
Цѣлу ночку мила друга въ гости ждетъ;
Не до сна ей: стлать постелюшку должна....
(Ну, кому какое дѣло,—калина!)
Вотъ и лѣтняя картина: вдоль рѣки
Бичевою тянутъ лямку бурлаки;
Водятъ дѣвки развеселый хороводъ:
Ванька съ Танькой на заваленкѣ сидитъ
И о чемъ-то на ушко ей говоритъ....
Словно маковъ цвѣтъ, зардѣлася она....
(Ну, кому какое дѣло,—калина!)

— Ой ты гой еси, Славянскій—соловей!
Прилетай-го ты опять къ намъ поскорѣй,
Захвати съ собой и всю свою семью:
Пусть она подтянетъ дружно соловью!
Пробуди ты насъ отъ тяжкаго отъ сна....
(Ну кому какое дѣло,—калина!)

Е. Козинъ.

Сѣдлецъ.
25 января 1888 года.

(Завѣдующій Сѣдлецкою
женскою гимназіею.)

VIII.

Русскія пѣсни.

То-ли пѣсни, пѣсни дивныя,
Звуки сладкіе—волшебные,
Полны грусти—заунывные,
Полны чувства—задушевные!
Въ нихъ звучать: и скорбь великая,
И души порывы страстные,
И разгуль веселья дикаго,
И любовь, и радость ясная;
Въ нихъ—гручина безысходная,
Женской доли жизнь постылая,
Сила духа, мощь народная,
Въ лютость горѣ терпѣливая.
Сердцу близкіе—понятные,
Полны силой вдохновенною,
Эти звуки благодатные,
Эти пѣсни незабвенныя!

Харьковъ.

Богаевская.

IX.

Хвала тебѣ, пѣвецъ народный,
Пѣвецъ съ прекрасною душой!...
Ты не умрешь въ устахъ народа
Съ своею пѣсней дорогой...
Ты понялъ духъ родной отчизны
И въ пѣснѣ выразилъ его,—
Духъ предковъ сильный и могучій,
И духъ народа твоего...
И льется вольно и свободно
Родная пѣснь изъ устъ твоихъ,
Пѣснь чувства, жизни и раздолья,
Пѣснь чистой, искренней любви...
Поешь-ли ты про горе жизни,
Про лютый жребій, иль тоску,—
Какъ будто жилъ ты съ этимъ горемъ,
Какъ будто пережилъ борьбу...
Когда-жъ поешь про радость жизни,
Про пѣгу, счастье, иль мечты,—
Ты преисполненъ вдохновенья,
Ты полонъ жизни, красоты...
Хвала-жъ тебѣ, пѣвецъ народный,
Пѣвецъ съ прекрасною душой!...
Ты не умрешь въ молвѣ народной
Съ волшебной пѣснею родной!

Мих. Донецкій.

(Воспитаникъ Воронежской
Дух. Семинаріи V кл.

Х.

Послѣ концерта Д. А. Славянскаго.

„И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
„Какъ выразительны, унылы,
„Протяжны, звучны и полны
„Преданьями родной страны!...“

Кольцовъ.

Пѣсенъ отчизны напѣвы родные
Такъ увлекательно-чуждо звучали...
Милые звуки, душѣ дорогіе!...
Сколько любви въ нихъ и сколько печали!...
Сколько въ нихъ удали русской, могучей,
Сколько веселья и радости шумной!...
Сколько въ нихъ силы и страсти кипучей,—
Страсти глубокой, иль дикой, безумной!...
Славное прошлое родины милой
Въ чудныхъ напѣвахъ встаетъ, какъ живое...
Слышится—полное мощною силой,—
Что-то великое, что-то святое...
Сердце, застывшее въ омутѣ жизни,
Снова отъ тяжкаго сна пробудилось
И безконечной любовью къ отчизнѣ
Такъ горячо и такъ сильно забилося...
Пѣсни умолкли... Но радость святая
Все еще царствуетъ въ сердцѣ такъ властно,
Что забывается жизнь вся пустая,
Что забывается міръ нашъ ужасный...

Василій Ивановъ.

Харьковъ,
24 апрѣля 1887 года.

XI.

Я слушалъ, какъ страстные, нѣжные звуки
Родимыхъ мнѣ пѣсенъ звучали на лирѣ твоей,
И забывалъ я невольно всѣ муки,
Что вынесъ я въ жизни чрезъ злобу людей.
Тѣ звуки блаженства я жадно ловилъ
Небесной гармоньи пѣвцовъ въ тишинѣ,
Мнѣ жизни прибавилъ и бодрости силъ,
Вновь стало все мило, забылось все мнѣ.
Я новою жизнію неба дышалъ,
Меня чаровали тѣ пѣсни собой,
Всѣ козни людскія, я все забывалъ
И вновь я былъ молодъ и крѣпокъ душой,—
Въ невѣдомый міръ ты меня перенесъ;
Тѣ пѣсни природы, родимой земли
Такъ много прелестныхъ и радостныхъ грѣзъ
Для сердца поэта съ собой принесли.

Стрѣлокъ.

Одесса.

17 апрѣля 1877 года.

ХІІ.

Хвала тебѣ пѣвецъ народный!
Ты нашу пѣсню превознесъ,—
Ее, баянь нашъ благородный,
Ты и въ Америку занесъ
И тамъ, триумфы пожиная,
Стяжалъ себѣ ты славу, честь,
Про родину не забывая,
Стараясь пользу ей принести.
Отъ всего сердца сожалѣя,
Что намъ нельзя провести съ тобой
Дни дорогаго юбилея,
Я и друзья мои со мной
Почтимъ тебя, пѣвецъ прекрасный,
Заздравнымъ тостомъ издали,
Чтобъ долго ты, нашъ соколъ ясный,
Красою былъ родной земли.
Твой юбилей чрезъ четверть вѣка
Дай Богъ почтить триумфомъ намъ,
Въ тебѣ пѣвца и человѣка
На память будущимъ вѣгамъ,
Привѣтствуя единодушно
Со всѣхъ концовъ земли родной,
Чтобъ, сердца голосу послушны,
Почтили всѣ тебя хвалою.
Дай Богъ, чтобъ ты изъ сотенъ многихъ
Учениковъ, иль изъ семьи
Даль намъ преемниковъ достойныхъ

Концерты продолжать твои,
Потомковъ нашихъ улаждая,
Какъ улаждалъ ты часто насъ,
Чтобъ и въ потомствѣ оживая
Твоей блескъ славы не угасъ.

Николай Плискій.

С.-Петербургъ,
20 апрѣля 1887 года.

ХІІІ.

Баяна пѣснь для Руси голосиста,
И за моремъ гремѣла пѣсня эта,
Такъ за нее отъ стараго артиста
Прими сочувствіе привѣта.
Не говори, что пѣсня твоя спѣта,
А пой ее еще на многи лѣта!

Л. П. Леонидовъ.

(Артистъ Императ. театровъ.)

С.-Петербургъ.
Апрѣль 1887 года.

(При стихахъ былъ присланъ фотографическій портретъ артиста.)

XIV.

Слава родному отчизны пѣвцу,
Слава Славянскому, слава!
Слава Агреневу слава!
Выразители
Всѣхъ душевныхъ искръ
И вліятели
На духъ общества,
Всей поэзіи
Представители,
И художники,
Слова-ль, кисти-ли,
Иль ваянія,
Сцены-ль, музыки-ль,
Или пѣнія,—
Всѣ влекутъ всѣхъ насъ
Въ идеальный міръ,
Все къ развитію,
Къ освѣженію,
Къ возвышенію
Правовъ, мыслей въ насъ,
Чувствъ, желаній всѣхъ.
Четверть вѣка ужъ
Съ тѣхъ поръ минула,
Какъ народный шель
Праздникъ Руси всей,
Какъ лѣтъ тысяча
Завершилась
Государственныхъ
Руси матушки

И какъ вся она
Обновлялася,
Какъ реформъ ей рядъ
Начиналъ давать
Александръ Второй,
Какъ наукъ, искусствъ,
Всѣхъ идей, всѣхъ дѣлъ
Усвоеніе
Раздвигалось,
Расширялось
Средь родной страны;
Начинала Русь
Съ самой той поры
Знать Агренева,
Что фамилію
Взявъ Славянскаго,
Начиналъ съ тѣхъ дней
Пѣсенъ русскихъ лить
Звуки дивные.
И сначала онъ
Одиного пѣлъ,
Но чрезъ пять—шесть лѣтъ
Свой могучій хоръ
Набирать онъ сталъ
Изъ російскаго
Населенія
И изъ странъ-земель,
Соплеменныхъ намъ,
Изъ Славянскихъ странъ.
И забытая
Пѣсня русская,
Что заброшена
Много лѣтъ была
Русскимъ обществомъ,
Въ деревняхъ, въ селахъ
Только слышалась,
Вдругъ воспрянула

И прославилась
Отъ Агренева,
Отъ Славянскаго.
Слава родному отчизны пѣвцу!
Слава Агреневу, слава!
Слава Славянскому, слава!

И понесъ пѣвецъ,
Съ изощренною
Имъ капеллою
Звуки чудные,
Пѣсню русскую
И въ край Сѣверный,
И въ Русь Южную,
На Кавказъ и въ Крымъ
И въ Уральскій край,
И въ Сибирь понесъ,
И въ Америку,
И въ Славянскій мѣръ;
Черезъ Балканы несъ
И въ Царьградъ вносилъ
Звуки русскіе,
Въ нихъ народныхъ думъ
Отраженіе
И желаній, чувствъ
Выраженіе;
И Европу онъ
Посѣщалъ потомъ,
Всюду всюду несъ
Пѣсню дивную
Отъ Австрійцевъ тамъ
Много зла онъ снесъ...
Пѣснь Славянства онъ
Передъ обществомъ
Многихъ странъ пѣвалъ,
Предъ народами
Пѣлъ различными,
Въ храмахъ Божіихъ

И въ дворцахъ пѣвалъ.
Такъ предъ міромъ всеѣмъ
Та Славянства пѣснь
Имъ представлена,
И причислень онъ
Къ сонму доблестныхъ
Собирателей—
И цѣнителей,
Возсоздателей
Вдохновенныхъ дѣлъ,
Дѣлъ народнаго
Пѣснетворчества.

Слава родному отчизны пѣвцу,
Слава Агрневу, слава!
Слава Славянскому, слава!

Время горести,
Время радости,
Дни великіе
И простые дни—
Все случалось,
Все свершалось,
Пронеслося
Надъ страной родной
И надъ міромъ всеѣмъ;
Много разныхъ дѣлъ
Начиналося,
Продолжалось
И кончалось;
Шли дни мрачные,
Шли дни свѣтлые,
Но цѣнители
Дарованія
Все влеклись толпой
И стекались,
Собирались
Къ наслажденію
Благородному

Къ дѣлу мудрому
Дѣлу славному,
И пріятному,
И полезному.
И звучала въ ширѣ
Разливалась
По родной странѣ,
По чужимъ краямъ
Пѣснь церковная,
Пѣснь народная
Всероссійская
Пѣснь и мѣстная,
Современная
И былинная,
Бытовая пѣснь
И бурлацкая,
И славянская,
Разныхъ странъ, земель
Сопленныхъ намъ,
Пѣсня сладкая,
Или грустная
Или бодрая,
Пѣсня горести,
Пѣсня радости,
Пѣсня дивная,
Пѣснь Агренева,
Пѣснь Славянскаго.

Слава родному отчизны пѣвцу!

Слава Агреневу, слава!

Слава Славянскому, слава!

А потомъ къ нему
Изъ семьи его
На подмогу шли,
И поетъ теперь
Соловей родной
Все съ семьей своей,
Все съ подругою
Жизни вѣрною,

Съ красной дѣвицей,
Взрослой дочерью,
Съ подрастающимъ
Сыномъ юношей,
И съ капеллою
Многочисленной.
И прославленъ онъ
Не въ своемъ одномъ
Лишь отечествѣ,
Но средь всѣхъ племенъ
Намъ родныхъ Славянъ
И въ Европѣ всей,
И въ Америкѣ.

Слава родному отчизны пѣвцу!

Слава Агрневу, слава!

Слава Славянскому, слава!

И семьѣ его,
И капеллѣ всей!
Въ юбилейный день
Въ сердцѣ Руси всей,
Что живетъ всегда
Со Славянствомъ всѣмъ
Въ единеніи,
Прославляемъ мы
Пѣсни дивныя,
Столь могучія,
Поэтичныя.
Въ нихъ народное
Пѣснетворчество,
Что такъ образно,
Геніально такъ,
Возсоздалъ для насъ
Нашъ Баянъ-пѣвецъ
Современныхъ дней!...
И желаемъ всѣ —
Долго, долго-бы,
Много, много лѣтъ
Все звучала-бы,

Разливалась
По родной странѣ
По чужимъ краямъ
Пѣснь Агренева,
Пѣснь Славянскаго
И семьи его;
Вновь и вновь всегда
Продолжала-бы
Все трудиться пѣть
И все множиться,
И капелла вся,
А Агреневъ-бы,
Все Славянскій нашъ,
Пробуждалъ-бы въ насъ
Сердце русское
Дивнымъ пѣніемъ,
Имъ устроеннымъ,
И съ народомъ насъ
Единилъ-бы всѣхъ,
Шевелилъ бы все
Струны нѣжныя
Идеальныя.

Слава родному отчизны пѣвцу!
Слава женѣ его, слава!
Слава ихъ дочери, слава!
Ихъ сыну помощнику, слава!
Слава семьѣ всей ихъ, слава!
Слава капеллѣ всей, слава!
Слава Агреневу, слава!
Слава Славянскому, слава!

Москва,
26 апрѣля. 1887 г.

Князь Владиміръ Ливинъ.

Народному пѣвцу.

Опять вся Русь съ конца въ конецъ
Гремитъ заслуженною славой...
Хвала тебѣ, хвала пѣвецъ
Отчизны пѣсни величавой!

Тѣ звуки дивные пѣвца
До гроба, мнится, не забудешь:
Ты зажигаешь въ насъ сердца,
Волнуешь кровь и душу будишь.

Въ твоихъ напѣвахъ все слилось:
Веселье, нѣга, грусть и горе,
И гулкимъ эхомъ отдалось
Въ душѣ народа звуковъ море.

Въ твоихъ напѣвахъ предо мной
Встаетъ порою Русь съдая,
Или могучею волной
Вдругъ льется пѣсня удалая...

И пѣсня дѣдовъ и отцовъ
Съ своею грустью безысходной,
И пѣсня скорби бурлаковъ:
„Эй, ухнемъ!“ съ Волги многоводной.

Порою пѣснь гремитъ, какъ громъ
На омрачившейся лазури:

То слышны стоны подъ ярмомъ,
То вихрь свирѣпой и страшной бури...

Въ твоихъ напѣвахъ все слилось:
Веселье, нѣга, грусть и горе,
И гулкимъ эхомъ отдалось
Въ душѣ народа звуковъ море...

Къ народамъ чужеземныхъ странъ
Ты перенесъ напѣвъ родимый...
Хвала тебѣ, второй Баянъ,
Россіи сынъ, пѣвецъ любимый!

Хвала тебѣ!... Пусть, много лѣтъ
Увѣнчанный блестящей славой,
Ты оглашать весь будешь свѣтъ
Отчизны пѣснью величавой!...

Сергій Епифановъ.

(Техникъ.)

Москва.

7 апрѣля 1887 года.

XVI.

Отъ С. Л.

Какъ чудно пѣснь твоя звучить,
Какъ стройно звуки дивны льются:
То нѣжить душу, то томить,—
Съ небесь-ли звуки тѣ несутся?

То слышны вопли, то восторгъ,
То плачь и стонъ, то счастье, радость,
То будто чувствъ переполохъ,
То духа упоенья сладость...

То съ Волги звукъ родной несется,
То съ Дона, то съ Оги, Днѣпра,
То вдругъ волной съ Дуная льется,
То съ Буга, Влтавы, то съ Днѣстра...

Балканъ, Карпаты-исполины...
Ураль, Шумава и Кавказъ,
Ущелья, дебри и долины...
Святой Аѳонъ, родной Парнасъ...

Моря, озера, океаны,
Родныя, вражія страны—
Всѣ пѣснью мощнаго Байана
Руси родной восхищены...

Хвала тебѣ, нашъ Бардъ родимый,
Россіи славный вѣщій сынъ!
Небесной силою хранимый,
Живи ты долго, гражданинъ!

XVII.

Не громка моя лира, въ ней нѣтъ
Величаво-торжественныхъ пѣсень.

Н. Некрасовъ.

Больную душу исцѣлилъ,
Твое я понялъ назначенье,
Пѣвецъ! привѣтствую тебя;
Исчезли всѣ мои сомнѣнья;
Повязка прочь, и я прозрѣлъ,
Когда звукъ пѣсни намъ раздался,—
Я, какъ ослабленный больной,
Въ купели овчей искупался.
Да, я былъ слѣпъ. И заглушилъ
Во мнѣ мотивы всѣ родные
Налетный иностранннй звукъ,
Иль звуки оперы чужіе.

Съ больной душой, холоднымъ сердцемъ
На юбилей я твой пришелъ.
И мнѣ казалось, что такимъ-бы
Разочарованнымъ ушелъ...

* * *

Но грянула пѣсня живою струей,
И въ душу запало мою упованье,
И яркое солнце взошло надо мной,
Согрѣло любовью меня неземной.
Тѣ звуки свершили во мнѣ чудеса,
И Савлу подобенъ въ моментъ тотъ былъ я.
Я понялъ, что Русскій не только я тѣломъ,
Но духомъ и мыслью сынъ Руси родной,
Что всѣ мы собрались на русское дѣло,
Какъ дѣти кормилицы нашей одной.

* * *

Челомъ тебѣ бью,
Наша пѣснь безпредѣльная,
Сильная, славная, жгучая, дѣльная!
Соколомъ вьешься, орломъ воспаряешься,
Русскою удалю ты величаешься.
Кислую пѣсню—ворону нѣмецкую—
Кто промѣняетъ на пѣснь молодецкую?
Слава да будетъ всегда у тебя,
Нынѣ привѣтствую, пѣсня моя,—
Ты, наша грозная, сильная лава.
Честь-же тебѣ и пѣвцу твоѣму слава,
Пусть-же пройдетъ наша русская сила
Съ пѣснью, съ тобой, отъ Москвы до Тагила
Въ тундрахъ Сибири, въ Нѣмецкой землѣ,
Въ Пештѣ, Бѣлградѣ,
Въ Прагѣ, въ Царьградѣ
Свѣтъ твоей пѣсни пусть блещетъ во мглѣ!
Ты-же не сѣтуй на злобу холодную;
Лей на нее ты росу благородную.
Теплое слово добра и вниманья
Совѣсти грѣшной разбудить сознанье...
Чудною рѣчью и пѣсни той звуками
Я примирился съ сердечными муками,—
Многое мнѣ юбилей твой открылъ...
Многихъ людей онъ со мной примирил...

* * *

Да будетъ пѣсня намъ и славой, и началомъ,
Чтобы съ ней могли служить мы родинѣ святой
И, выполняя долгъ безъ страха и сомѣнья,
Сознаньемъ гордые, мы твердо шли впередъ
Съ глубокой вѣрою въ святое Провидѣнье
И величавый нашъ народъ.

Крестьянинъ самоучка.

Москва.

XVIII.

На пароходѣ „Одесса“ въ Мраморномъ морѣ.

Звуковъ волна, что морская волна,
Связь ихъ гармоніи чудной полна!...
Ладить слухъ пѣсни подь говоръ морской
Грезить тѣ пѣсни, что міру на вѣкъ
Пѣль намъ Славянскій въ четверть ста лѣтъ.
Пѣсни тѣ льются—моремъ широкимъ,
Льются далеко по Руси Святой...
Смысль ихъ глубокій, какъ нѣдры морей...
Тихо, но вдругъ разгулявшись,
Грянетъ порывъ, все громчѣй и звучнѣй...
Бурные звуки по вѣтру несутся и, дальше стихая, ле-
тять...

Пѣсни Россіи стихійныя вы!...
Быстро несите-же волны привѣтъ:
„Слава пѣвцу-собирателю пѣсенъ
Русской землѣ родной почестъ и слава!!“
Вихремъ волна звуговая летитъ,
Громко раздастся пусть въ старой Москвѣ
Въ этотъ торжественный день и привѣтъ моряка.

Александръ Рыжій.

11 апрѣля 1888 года.

(Капитанъ Русскаго Общества
Пароходства и Торговли).

XIX.

Ура, нашъ Славянскій! Честь тобі и слава!
Нехай щасте пливе, якъ зъ вулкана лава
Тобі, щирый друже, Славянъ всѣхъ збудитель!
Враговъ нашихъ-супостативъ ты миротворитель!
Вивать, нашъ Славянскій! Честь тобі и слава!
Свята зъ ними справа, якъ Небесный зъ нами
Рукою святою веде Славянами!...
Ты-жъ, Боже Велькій, укріпи насъ въ сыли,
Щобъ голосъ Славянскій не замеръ въ могилі!
Живіо! нашъ Славянскій!... Честь тобі и слава!

Житомиръ.

Ф. Д.

Славянинъ

XX.

Живи и славься—незабвенный
Артистъ и тѣломъ и душой,
И будь свѣтиломъ неизмѣнной
Россіи—родины святой.

Придетъ пора, вполне оцѣнить
Твои труды и твой талантъ,
Тебѣ фортуна не измѣнить,
Вручивши тайный талисманъ.

Бываетъ такъ, что солнце всходитъ
Сквозь мглу и мракъ дождливыхъ тучъ
И на людей на всѣхъ наводитъ
Свой благотворно-свѣтлый лучъ....

Твои стремленья безкорыстны,
И, въ дальніе края прибывъ
Не для похвалъ, не для корысти...
Прославилъ ты родной мотивъ;

Но жаль, что эти иноземцы
(Могу немного ихъ назвать:
То Англичане, или Нѣмцы)
Не смогутъ этого понять,

Съ какою цѣлью благотворной,
Твой путь далекій предстоялъ;
Но, какъ Россіи сынъ покорный,
Во всѣ края ты проникалъ.

Привѣтъ тебѣ Россіи цѣлой!
Живи и славься много лѣтъ
И протори рукою смѣлой
Дорогу намъ проникнуть въ свѣтъ!

Н. Н.

XXI.

Не улетай нашъ соловей,
А здѣсь, въ Москвѣ, гнѣздо ты свей;
Пришелся крѣпко намъ по сердцу
И русской пѣснью твоей
Сроднилъ ты всѣхъ съ собою насъ
Пропѣвъ ее въ счастливый часъ.

Теперь желаніе прими:
Ты пѣсню русскую возстанови—
Для круга высшаго людей,
Далегихъ отъ ея идей.

К. И—нъ.

XXII.

Стоишь и стройно такъ ты хоромъ управляешь,
Всѣ смотрятъ на тебя, чтобъ пѣсни запѣвать.
Мое-же сердце вновь ты счастьемъ озаряешь,
Подъ пѣніе твое, все можно забывать!...
Воскреснуть вдругъ въ душѣ, всѣ радости былыя!
Жезломъ въ своей рукѣ ты въ силахъ грусть прогнать....
Послушаю тебя,—напѣвы всѣ родные,
Заговорятъ въ душѣ и въ сердцѣ зазвучать!
Уѣдешь скоро ты, но долго помнить буду
Головку милую, что спать мнѣ не даетъ,
И *Волну*, и *Бычка*—всѣ пѣсни не забуду,
И *чуднаго тѣнца*, что пѣсни тѣ поетъ!...

Русская.

XXIII.

О ты, пѣвецъ земли родной,
Прими мое творенье,
Мой стихъ невзвучный и простой,
Мое благодаренье.

Я душу оторвать не могъ,
Отъ этихъ звуковъ вдохновенныхъ,
То грустныхъ, радостныхъ, то нѣжныхъ...
Я душу оторвать не могъ!
Прости, пѣвецъ святой отчизны,
Въ тебѣ вся наша Русь видна,
Въ тебѣ всѣ чувства,—все родное,
Въ тебѣ все русское простое,
Въ тебѣ кормилица она.....

О ты, пѣвецъ земли родной,
Прими мое творенье
Мой стихъ невзвучный и простой,
Мое благодаренье.

Русскій человекъ.

XXIV^а.

Славься, славься, Русь святая,
Славься, славься, нашъ пѣвецъ;
Ты родила дорогая
Намъ зазнобушку сердцецъ!

Твои пѣсни утѣшали
Насъ, соотчичей твоихъ,
И умѣньемъ восхищали,
Какъ пѣвалъ Славянскій ихъ!

Какъ отчетливо, искусно
Онъ тѣ пѣсни выполнялъ,
Было весело и грустно.....
Поражалъ и умилялъ!

Русь родимая сумѣла
Оцѣнить тебя, пѣвца!
Отъ восторговъ все гремѣло—
Отъ начала до конца.

Хоръ чудесный твой съ умѣньемъ
Все, что нужно, выполнялъ;
Мы внимали съ наслажденьемъ,
Какъ онъ нѣжно замиралъ.

Что здѣсь хоръ намъ италіанскій?
Постыдитесь, господа;
Пусть поетъ намъ нашъ Славянскій,
Бью челомъ ему,— ура!

Харлампій Дадиревъ.
(Священникъ).

XXV.

Братья высоко подымете знамя,
Пѣсни народной побѣду хваля,
Славя могучаго Руси Баяна,
Гдѣспода слава, и Русь, и Царя.
Братья скажите: въ комъ сердце не билось
Радостнымъ чувствомъ въ скорбной груди—
Русское „Ухнемъ“ когда заводилось,
Или неслись „Не бѣлы-то снѣги“?

* * *

Не онъ-ли, на славу и гордость Россіи,
Міръ чужеземный собой удивиль,
Не онъ-ли стремленья къ мелодіи чуждой
Пѣсней родной побѣдилъ?

Дружно-же, братья, помянемъ сегодня
Дѣло того, кого чтѣмъ;
Выпьемъ его дорогое здоровье
Многая лѣта споемъ:

Многая лѣта, многая лѣта,
Многая лѣта!

Аксентій Ежищенко.

(Пѣвчій).

XXVI.

О ты пѣвецъ народа славы,
Пѣвецъ и гордость всѣхъ Славянъ!
Ты пѣсню русскаго народа
Возвелъ на чудный пьедесталь!

Со всѣхъ концовъ Руси широкой
Къ тебѣ привѣтствія летятъ
И съ благодарностью глубокой
Всѣ предъ тобой главу клонятъ.

Тѣбѣ поемъ пѣвецъ свободы
Мы славу днесъ на много лѣтъ,
Живи на радость ты народа,
Живи народный нашъ поэтъ!

Пройдутъ вѣка и пѣснь родная
Сольется со своимъ пѣвцомъ,
А духъ надъ нею твой витая
Безмертвѣя скрасится вѣнцомъ!

Я. Хлапонинъ.

С.-Петербургъ.

XXVII.

Здравствуй, нашъ русскій народный пѣвецъ,
Здравствуй, отечества славы сказатель
Здравствуй! нашъ геній народныхъ всѣхъ пѣсень тво-
рецъ,
Пусть да продлитъ твои лѣта Создатель.

* * *

Славься, ликуй, въ свой торжественный день,
Славу поемъ мы твою.
Дружной средь дани отъ сонма людей,
Ты не отвергнешь лепту мою.

* * *

Ты въ былинахъ своихъ, кагъ въ картинахъ, намъ
Русь показалъ,
И князей, и бояръ, и всѣхъ витязей славныхъ;
Въ нихъ веселія смѣхъ, стонъ и плачь бурлага
возсоздалъ,
Въ нихъ вложилъ ты характеръ Славянъ право-
славныхъ.

* * *

Процвѣтай-же ты въ славѣ и крѣпни въ ней, рус-
скій пѣвецъ!
Дай Богъ силы, здоровья и счастья,
Да продлитъ твои годы и славу Творецъ,
И минуютъ тебя пусть ненастья!

Н. Н. Амелинъ.

Москва.

25 апрѣля 1887 года.

XXVIII.

Ты въ былинахъ своихъ
Стару Русь воскресилъ,
И князей, и бояръ,
И людей удалыхъ.

* * *

Ты намъ женскій удѣлъ
Въ своихъ пѣсняхъ открылъ
И всю горечь его
Въ сильныхъ звукахъ излилъ.

* * *

Ты пропѣлъ, какъ бурлакъ
Нашъ на Волгѣ стоналъ
Да и братьевъ Славянъ
Намъ ты пѣсни собралъ.

* * *

Нашимъ дѣтямъ дай Богъ
Слышать пѣсни твои,
Чтобъ они, какъ и мы,
Прославляли тебя!

А. Комаровъ.

XXIX.

Пѣвецъ любви, пѣвецъ желаній,
 Пѣвецъ надежды и страданій,
 Пѣвецъ съ возвышенной душой,
 Пѣвецъ властитель надъ толпой!
 Сердцеъ людскихъ миротворитель,
 Минувшихъ дней ты воскреситель,
 Любви къ отчизнѣ возбудитель,
 Идей великихъ ты носитель!
 Ты дѣло славное свершилъ,
 Имъ четверть вѣка заключилъ:
 Ты пѣсню нашу взялъ съ пеленокъ,
 Она была больной ребенокъ,
 Ее въ отчизнѣ презирали,
 Ее нигдѣ не признавали...
 Съ какимъ отеческимъ вниманьемъ,
 Съ какой заботой и стараньемъ
 Ее отъ зла оберегалъ,
 Ее лелѣялъ ты, ласкалъ...
 Съ своимъ взлелѣяннымъ ребенкомъ
 И съ этимъ выросшимъ орленкомъ
 Подсвѣта ты исколесилъ
 И пѣсней міръ весь огласилъ.
 Тебѣ внимала съ восхищеньемъ
 Отчизна съ радостнымъ волненьемъ,
 Россіи славу ты разнесъ,
 Ея ты эпосъ превознесъ!
 Прими-жь, пѣвецъ любви, желаній,
 Пѣвецъ надежды и страданій,
 Прими ты нашу благодарность!
 (А мнѣ прости мою бездарность!)

Непризнанный поэтъ

Бѣльскъ.

Николай Горьмичевъ.

XXX.

На мотивъ пѣсни;
„Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего!“

Знала радость душа,
Мѣсяць ярко свѣтилъ,
А любовь какъ пришла—
И сказать нѣту силъ...
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Полюбился вдругъ мнѣ
Ты за ласку рѣчей,
И твоихъ мнѣ во снѣ
Блескъ все снился очей.
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Локонъ русыхъ кудрей
Я любила ласкать....
Всѣхъ милѣй ты, добрѣй,
Всѣхъ умѣль увлекать.
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Я узнала тебя
Въ деревенской глуши,

Гдѣ жила я, любя
Силой юной души.
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Дивный взоръ твой блисталъ
Неземною красой,
А улыбкой ласкалъ
Какъ небесной росой!
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Предо мной ты мелькнулъ
Какъ видѣнье души,
Словно призракъ порхнулъ
Въ деревенской глуши.
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Такъ-ли было—скажи?
Или страшный былъ сонъ?..
Ты сказалъ: не тужи!..
Ты слыхалъ-ли мой стонъ?
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Какъ теперь я грустна,
Какъ былинка одна;
Какъ ковыль, какъ трава,
И суха и желта.....

Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Улетѣли мечты,
Какъ осенни листы,
А на сердцѣ свинецъ
Давить гнетомъ въ конецъ!

Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Безъ любви человѣкъ
Лишь томится весь вѣкъ,
Безъ милова дружка
Одно горе, тоска...

Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Жизнь убита въ конецъ....
Въ погребальный вѣнецъ
Нарядите скорѣй,
Схороните живѣй!...

Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Сбейте гробъ тесовой;
Вы друзья, не златой
Крестъ поставьте надъ нимъ
На могилѣ простой.

Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Мертвеца подъ землей
Ожидаетъ покой...
А покуда живемъ,
Все чего-то мы ждемъ...
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего.

* *
*

Прилети, соловей,
На могилъ пропой;
Тамъ и ранней весной
Себѣ гнѣздышко свей!...
Мнѣ не надо никого,
Мнѣ не надо ничего!

Е. И. Л.

Нѣжинъ.

Русскому Баяну Соловью Будиміровичу.

АКРОСТИХЪ.

Услыша здѣсь о торжествѣ,
 Рѣшаемся вѣнокъ Вамъ сплестъ,
 А въ томъ вѣнкѣ, какъ даръ, мы всѣ
 Сердца свои готовы несть!
 Любовь вездѣ Вы заслужили,
 А мы Баяномъ Васъ зовемъ;
 Въ Европѣ славу получили,
 Явившись русскимъ соловьемъ,
 Народный эпосъ сочетали
 Славянъ со всѣхъ концовъ земли,
 Какъ собиратель пѣсенъ стали
 И какъ пѣвецъ ихъ—первый Вы!

А. И. Фельдтъ-Ансарова.

Одесса.

Пѣвцу юбиляру.

На святой Руси когда-то
Жилъ князь Дмитрій удалецъ,
Онъ врага и супостата
Покорилъ, разбилъ въ конецъ....
А теперь въ странѣ родимой
Дмитрій есть у насъ другой,
Столь-же славный и любимый—
Нашъ Славянскій дорогой,
Онъ съ душой такой-же смѣлой,
Какъ у тески молодца,
Со своей лихой капеллой,
Покоряетъ всѣ сердца.
Какъ „Дубиннушку“ затынетъ
Чародѣя стройный хоръ,—
Сердце русское воспринетъ,
Не однихъ лишь Россіянь:
Онъ, отважный, пробирался
И за „море огіянь“,
Со своей дружной гордой
Онъ объѣхалъ цѣлый свѣтъ.
И отъ чопорнаго лорда
Онъ встрѣчалъ почетъ, привѣтъ;
На рукахъ его носили
Всѣ—и Нѣмецъ и Французъ...
Цѣлыхъ четверть вѣка въ силѣ

Былъ вездѣ служитель музъ.
Подвигъ онъ свершилъ гигантскій!
Покорилъ себѣ весь міръ,
Вотъ какъ славенъ нашъ Славянскій,
И его побѣдный клиръ!

П. Б—въ.

(Отъ имени редакціи юмористическаго журнала „Стрекоза“).

XXXIII.

Тебѣ пою, пѣвецъ народный,
 Ты пѣснь родную воскресилъ;
 Прими-жь ты въ дань мой стихъ неровный:
 Въ душѣ сдержать всѣхъ чувствъ нѣтъ силъ...
 Когда твою пѣсню звонкой
 Ты насъ плѣнялъ и чаровалъ,
 Герои старины глубокой—
 Чурило Плѣнковичъ вставалъ,
 И Святогоръ, и Будимірычъ...
 Нѣтъ больше старинѣ оковъ!...
 А вслѣдъ за ними самъ Силъ Силычъ
 И вся картина бурлаковъ...
 Томимой чувствами взгрустилось
 Младешенькѣ въ семьѣ чужой;
 Головкой чудною склонилась
 И щечку подперла рукой....

Ей припомнились матушки слова.

„Игры, дѣвонька, прииграются,
 Думы-думушки разгуляются,
 Притуманится сразу голова...“

Дочку мать благословляетъ,
 Въ чужи люди отправляетъ....
 Дѣтвора тамъ воетъ—мелкота:
 Провожаютъ батьку въ рекрута...
 А въ садочкѣ цвѣты-цвѣтики цвѣтутъ
 И красотою парни стерегутъ! . . .

Все дышетъ правдой въ пѣсенкѣ твоей:
 Есть въ ней начало жизни и конецъ.
 Такъ пой-же, пой, родной нашъ соловей!
 Изъ этихъ пѣсенокъ сплетемъ тебѣ вѣнецъ!

Н. А. Григоровъ.

XXXIV.

Тому, чья мысль сжилась съ народной,
Кто жизнь отчизнѣ посвятилъ,
Славянской пѣснѣ, нашей сродной,
Часы досуга удѣлилъ,—
Тому пою хвалу простую,
„Спасибо“ русское скажу
За то, что пѣсню удалую,
Иль заунывную, живую,
Простонародную лихую
Въ твоихъ концертахъ нахожу;
Что въ ней порой себя я вижу,
Свою семью, своихъ дѣтей,
Что въ ней все правда безъ затѣй....
(Я ложь всѣмъ сердцемъ ненавижу!)
Что въ ней видна вся Русь святая,
Что въ ней цѣпей нѣтъ и оковъ,
Что въ ней вся радость изжитая,
Мечты младенческихъ годовъ....
Сыновъ отчизны мощь сказалась
Въ тѣхъ звукахъ пѣсни былевой;
Мнѣ, слушая тебя, казалось,
Что самъ я—вигязь боевой!

Н. И. Коробкинъ.

Кромѣ того было поднесено нѣсколько гимновъ отпечатанныхъ или написанныхъ въ роскошныхъ переплетахъ, съ портретами, видами, и многіе изъ нихъ исполнялись на юбилейныхъ празднествахъ. Приводимъ списокъ нѣкоторыхъ.

I. „Слава“.

Гимнъ для хора, фортепіано и оркестра. Соч. *А. А. Малькова.*

Слава, слава, слава, слава!
Русскому пѣвцу Славянскому
Слава, слава на многія лѣта!

* * *

Славянскій русскій нашъ пѣвецъ
Прославилъ Русь по всей землѣ;
Былины, пѣсни хоръ его
Воспѣлъ о русской старинѣ!

II. Отъ Г. Н. Иванова.

Юбилейный гимнъ. Слова *А. Ежищенко.*

III. Отъ Д. А. Нешумова.

Юбилейный гимнъ. Слова *Н. Н. Амелини.* Москва.

Посвящается народному русскому пѣвцу *Д. А. Славянскому.*

IV. „Слава Славянскому-пѣвцу“.

Слова и муз. *А. Комарова.*

V. „Вечерній звонъ“.

Музыка. П. Д. Гинэбурга. Слова *Козлова.* Самара.

VI. Кадриль изъ русскихъ пѣсенъ

(изъ репертуара *Д. А. Славянскаго*).

Отъ *Б. Лашека* (Чеха-музыканта).

VII. Отъ В. Р. Лещинскаго

ДВѢ ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

VIII. Докторъ А. А. Авенариусъ

посвятилъ *Д. А. Агрневу-Славянскому* переложеніе басни Крылова:

„Осель и Соловей“.

IX. Дочь юбиляра *Н. Д. Славянская-Агрнева*

ПОДНЕСЛА ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМНЪ.

ОТДѢЛЪ II.

А Д Р Е С Ы.

I.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

По случаю празднованія Вашего двадцатипятилѣтняго народно-артистическаго поприща Московскій Совѣтъ Дѣтскихъ Приютовъ считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ выразить Вамъ свою признательность и принести поздравленіе съ этимъ знаменательнымъ для Васъ днемъ, какъ своему почетному члену и сорекователю на пользу подвѣдомственныхъ ему дѣтскихъ приютовъ.

Предсѣдательница Совѣта вдова сенатора генерала
отъ Инфантеріи *Варвара Чертова.*

За Правителя дѣлъ Совѣта *Евг. Остроумовъ.*

Почетный членъ и бухгалтеръ Совѣта

Кол. Ас. Мосоловъ.

Москва.

25 апрѣля 1887 года.

II.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Двадцать пять лѣтъ славной Вашей артистической дѣятельности даютъ Вашему имени почетное мѣсто въ исторіи развитія русскаго искусства. Силою своего таланта выразили Вы въ высокой степени народный характеръ и художественную красоту русской пѣсни, вы вдохнули снова жизнь въ начинавшіе приходить въ забвеніе задушевные мотивы старины; мало того, русская пѣсня, запѣтая Вами на Руси, раздалась по всему образованному свѣту, вызывая восторгъ и удивленіе. Въ торжественный день, когда русское общество воздаеть Вамъ должную дань признательности за доставляемое Вашими концертами эстетическое наслажденіе и заслуги, оказанныя русскому искусству, мы присоединяемъ свое поздравленіе и благожеланія къ общему голосу почтателей Вашего таланта.

Примите увѣреніе въ нашемъ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности.

А. Сомовъ. (Губернаторъ.)

Евгеній Пушкинъ. (Предсѣдатель Ок-
ружнаго Суда.)

А. Жизневскій. (Предсѣдатель Казен-
ной Палаты.)

А. Нечаевъ. (Городской голова.)

Г. Тверь.

23 апрѣля 1887 года.

III.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ

Наша родная русская пѣсня подь вліяніемъ высоко-художественнаго таланта достигла той степени эстетическаго развитія, которое стяжало ей всеобщую извѣстность.

Въ памятный и дорогой для Васъ день исполнившагося 25ти-лѣтія Вашей артистической дѣятельности отъ всего сердца привѣтствуемъ Васъ.

Дай Богъ Вамъ много, много лѣтъ подвизаться на избранномъ Вами поприщѣ и Вашею пѣснею продолжать развивать въ русскихъ сердцахъ патріотическія чувства и любовь къ нашимъ роднымъ прекраснымъ русскимъ мотивамъ.

М. Кормилицынъ. (Губернаторъ.)

Д. Волоцкой. (Губер. Предвод.
Дворянства.)

А. Латтѣ.

А. Лихаревъ.

А. Зеленецкая.

Н. Ськировъ.

А. Власьевъ.

А. Соважъ.

Е. Брянчаниновъ.

А. Мешалинъ.

Ив. Андачинскій.

Н. Брянчаниновъ.

Щелканской.

И. Степановскій.
Сафоновъ.
П. Трошинъ.
П. П. Васильевъ.
Д. Раковъ.
К. Шелларовскій.
Эр. Тимашевъ.
Пав. Шишинъ.
А. Сачинскій.
А. Герасимовъ.
Сергій Калашкинъ.
О. Маховъ.
А. Непловъ.
В. Эрше.

Вологда.
23 апрѣля 1887 года.

IV.

Адресъ отъ г. Новгорода.

Многоуважаемый Дмитрій Александровичъ!

Высоко цѣня знаніе Ваше, какъ народнаго пѣвца, соловьиная пѣснь котораго распространилась далеко за предѣлы нашего отечества и дала иностраннымъ народамъ надлежащее понятіе о могучей силѣ и высококомъ достоинствѣ русской пѣсни, мы, небольшой кружокъ Новгородцевъ, рѣшились, въ день Вашего юбилея, высказать наше глубокое уваженіе къ заслугамъ Вашимъ на поприщѣ отечественнаго чувства съ пожеланіемъ много и много впереди лѣтъ продолжать Вашу плодотворную дѣятельность. Апрѣля 22 дня 1887 года. Г. Новгородъ.

Потомственный почетн. гражд.

Александръ Александр. Соловьевъ.

Иванъ Ал. Жемчужинъ.

Надвор. совѣт. *Лаврентій Степ. Слоницкій.*

Землевладѣлецъ *Сертій Харитоновъ Честковскій.*

Германъ Карловичъ Ланценбаутъ.

Кандиба Кашердъ.

Елена Петровна Хохлова.

Купецъ *Иванъ Иванов. Пытуховъ.*

Коллежскій ассессоръ *Влад. Юсифов. Якубовскій.*

Потом. поч. гражд. *Павель Александр. Свѣтловскій.*

Титулярный совѣтн. *Иннокентій Никифоровскій.*

Степанъ Алексѣев. Соколовъ.

Гражд. Ст. *Ив. Киселевъ.*
Куп. *Александръ Петр. Чистяковъ.*
Отст. капит. *Ив. Яков. Петровъ.*
Емельянъ Ильичъ Ильинъ.
Дворянинъ *Александръ Соколовъ.*
Купецъ *Л. Шупинъ.*
Землевлад. *Григорій Игнатъев. Мелеховъ.*
Купецъ *Павелъ Садовниковъ.*
Лич. поч. гражд. *Ив. Мать. Матвеевъ.*
Иванъ Бляевъ.
Купецъ *Дмитрѣевъ.*
Александръ Михайлов. Коноваловъ.
Дворянинъ *Г. Кручинъ.*
Поручикъ *Михаилъ Семеновъ.*

(При адресѣ—виды Новгорода.)

V.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Могилевское общество, неоднократно восхищавшееся чарующею мелодіей Вашихъ чудныхъ пѣсень, выражающихъ такъ полно чувства Русскаго народа, вообще и въ частности нашего Бѣлорусса, считаетъ долгомъ выразить Вамъ, въ знаменательный день юбилея четверть - вѣковой народно-артистической дѣятельности Вашей, сердечное привѣтствіе съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы благотворная дѣятельность эта продолжалась еще многіе годы.

Могилевскій Губернаторъ *А. Дембовецкій.*

За Могилевскаго Губернскаго Предводителя
Дворянства и за себя

Могилевскій Уѣздный Предводитель Дворянства *М. Карачевичъ.*

Могилевскій Городской Голова *Каптелевъ.*

20 апрѣля 1887 года.

VI.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Члены Ломжинскаго Городскаго Управленія, цѣня заслуги Ваши, какъ знаменитаго общественнаго дѣятеля на народно-артистическомъ поприщѣ и желая, хотя письменно, участвовать въ чествованіи знаменитыхъ заслугъ Вашихъ 25 и 26 текущаго мѣсяца, уполномочили меня поздравить Васъ и пожелать, чтобы Провидѣніе дало Вамъ силы еще многія лѣта продолжать Ваши труды на этомъ поприщѣ.

Исполняя это пріятное для меня порученіе, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности высоко цѣнящаго Ваши заслуги

*Владислава Щенсновича, Президента
города Ломжи.*

Городъ Ломжа.
Апрѣля 22 дня 1887 г.

VI.

Адресъ города Шуи.

Дмитрій Александровичъ!

„Лучше поздно, чѣмъ никогда“, гласить наша народная мудрость. И мы, жители „Старой“ Шуи, спѣшимъ присоединиться сегодня (7 мая 1887 года) къ тому дружному хору Вашихъ почитателей, который чествовалъ Васъ, глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ, недавно въ нашей первопрестольной столицѣ на юбилей 25-лѣтняго служенія Вашего нашей родной пѣснѣ. Живите долго и долго, разнося повсюду славу русскаго и славянскаго народнаго гения, такъ полно и многосторонне проявившаго себя въ полной, изъ глубины чувства и жизненнаго смысла народной пѣснѣ, и помните, что искреннее сочувствіе всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ Русскій народъ и его пѣсня, всегда и вездѣ на Руси, будетъ на сторонѣ Васъ, Вашей дорогой соотрудницы и Вашей образцовой капеллы.

Потомственный Почетный Гражд.

Николай Алексѣевичъ Посылинъ.

Николай Турлатовъ.

Николай Котовъ.

И. Чернышевъ (Учитель Гимназіи).

Иванъ Егоровъ. Леонтьевъ (купецъ).

Почетный гражданинъ *Иванъ Поповъ.*

Предсѣдатель Земской Управы

Д. Бальмонтъ.

Шуйскій гор. Врачъ

Александръ Константинов. Зотзиндъ.

Инспекторъ Шуйской гимназiи

Стат. Совѣт. *Николай Меморскій.*

Потом. поч. гражд.

Абрамъ Тихоновичъ Шорыгинъ.

Учитель *М. Сперанскій.*

Шуйскій купецъ *И. Пльшковъ.*

Шуйскій купецъ *Иванъ Мукоسةвъ.*

Шуйскій купеческiй сынъ

Александръ Павловъ.

Учит. Прих. Училища *Павель Ванчаковъ.*

Штатный Смотрит. Шуйск. Уѣзд. Уч.

Павель Нечаевъ.

Губернскiй Секретарь *Павель Мальчевскiй.*

Учит. Шуйск. Мужской Гимназiи

Иванъ Кузьмичъ Веберъ.

Дмитрiй Лисинъ.

Шуйскiй купецъ *Геннадiй Колоткинъ.*

Шуйскiй купецъ *В. Мукоسةвъ.*

Учитель *В. Китаевъ.*

Ученикъ Владимiрской Гимназiи *Кишкинъ.*

Василiй Пророковъ.

Павель Александр. Хомяковъ.

Петръ Яковлевъ Заря.

Воспитанникъ Шуйской Гимназiи

Эдуардъ Рыхлинскiй.

Воспит. Шуйск. Гимн. *Н. Шорыгинъ.*

Воспит. Шуйской Гимназiи *Гиляревъ.*

Гаврилъ Васильевъ Павловъ.

Констант. Сергеев. Култашевъ.

Препод. Шуйской Гимназiи *Н. Бережковъ.*

Письмов. Шуйской гимназiи *К. Смирновъ.*

Коллежскiй Ассессоръ *А. Лозиновъ.*

Пот. Поч. Гражд. *Леонтiй Калужскiй.*

Упр. Шуйско-Ивановской желѣз. дороги

Д. Г. Червяковскiй.

Депут. Шуйскаго Двор. Подпор.

И. Порошинъ.

Коллежскій Ассессоръ *А. Побединскій.*

Жена пред. Земской Управы

Впра Бальмонтъ.

Начальникъ дистанціи Шуйскаго Округа

Лавнасьевъ.

Помощ. Пристава *М. Левковъ.*

VIII.

Дмитрію Александровичу

Агрневу-Славянскому.

Оставивъ боевую саблю гусара и избравши для своей дѣятельности мирную лиру пѣвца, Вы въ теченіе 25-ти лѣтъ услаждали насъ чудною мелодіей русскихъ народныхъ напѣвовъ и былинъ, самобытной прелестью которыхъ приводили въ восторгъ и умиленіе всѣхъ тѣхъ, кому приходилось слышать Васъ и за-границей. Прославлять такъ русскую родную пѣсню, какъ прославили ее Вы—подвигъ и слава для всей Руси! И вотъ когда прошла четверть вѣка съ начала Вашей артистической дѣятельности, мы, всегда восторженные почитатели Вашего таланта, въ этотъ юбилейный день, отъ искренняго сердца шлемъ наши задушевные пожеланія, чтобы Вы, во главѣ созданной Вами чудной капеллы совмѣстно съ Вашею талантливою супругой и высокодаровитою Надеждою Дмитріевною, подвизались на славу Вамъ, на славу всѣмъ Русскимъ, еще многіе и многіе годы!

Надежда Александровна Загоскина.

Варвара Гавриловна Потемкина.

Софья Людвиговна Булакова.

Зинаида Дмитріевна Юматова.

Марья Дмитріевна Панчулидзева.

Варвара Александровна Вишневская.

Надежда Павловна Каминовская.

Любовь Ниловна Ознобишина.

Наталья Ниловна Ознобишина.

Вѣра Анатомевна Озерова.
Никифоръ Ивановичъ Семивановъ.
Владиславъ Алоизіевичъ Куликовскій.
Іосифъ Тарасовичъ Новохацкій.
Константинъ Ѳеодоровичъ Булаковъ.
Константинъ Петровичъ Периовъ.
Дмитрій Константиновичъ Гевлингъ.
Левъ Валеріановичъ Ребиндеръ.
Алексей Николаевичъ Бекетовъ.
Николай Константиновичъ Арсеневъ.
Гавріилъ Петровичъ Преображенскій.
Александръ Васильевичъ Болдыревъ.
Владиміръ Александровичъ Араблинскій.
Давыдъ Александровичъ Панчумидзевъ.
Николай Григорьевичъ Крехтышевъ.
Николай Тимофеевичъ Никитинъ.
Николай Эмильевичъ Фризе.
Ситсоровъ.
Антонъ Вячеславичъ Шейхель.
Сергій Андреевичъ Успенскій.

Пенза.

IX.

Отъ Калужской гимназіи.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Сегодня минуло 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Вы, замѣчательный пѣвецъ простонародной пѣсни, выступили въ первый разъ на оригинальное поприще искусства—исполненіе народныхъ русскихъ пѣсенъ. Расширяя постоянно свой артистическій репертуаръ, Вы, наконецъ, внесли въ него не только многія русскія пѣсни и былины, но и пѣсни родныхъ намъ славянскихъ народовъ. Такимъ единеніемъ общеславянскаго чувства, выражаемаго въ народной пѣснѣ, Вы стремились по возможности къ осуществленію того идеала, который глубоко начертанъ и живучъ въ сердцахъ какъ лучшихъ людей Россіи, такъ и всего славянскаго міра.

Вся образованная Европа рукоплескала Вамъ, когда Вы съ своей капеллой артистическимъ исполненіемъ славянскихъ пѣсенъ услаждали слухъ требовательныхъ Европейцевъ. Но Вы, какъ истинный служитель искусства, не довольствовались этимъ, но, переплывъ огромныя водныя пространства Океана, повѣдали и Новому Свѣту поэтическое міровозрѣніе глубокаго славянскаго духа и мотивы его народной пѣсни.

Пусть же еще многія лѣта чрезъ Васъ раздается на земномъ шарѣ славянская пѣсня, начиная съ глубоколирической и нѣжной славянской пѣсни и кончая веселой и ухарской русской „дубинушкой“.

Директоръ Калужской гимназіи *Н. Овсянниковъ*.

Инспекторъ Г. Невзоровъ.

Преподаватели:

Н. Басовъ.

М. Боле.

П. Трейтеръ.

С. Благовищенскій.

М. Бъловъ.

К. Шифольда.

Бидо.

И. Четверкинъ.

Г. Калуга.

23 апрѣля 1887 г.

Х.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Русскіе Рижане привѣтствуютъ Васъ съ исполненнымъ 25-ти лѣтіемъ Вашей неутомимой и плодотворной музыкальной дѣятельности. Являясь неоднократно въ нашъ городъ, Вы своими концертами вселяли въ насъ уваженіе къ русскому народному творчеству, русской народной пѣснѣ; Вы служили дѣлу народнаго самосознанія, передавая намъ съ совершенствомъ очаровательнымъ характеръ и смыслъ нашихъ былинъ, нашихъ бытовыхъ пѣсней, въ которыхъ сказалась и вылилась душа нашего народа. Вы помните, съ какою радостію и удовольствіемъ мы встрѣчали Васъ въ нашемъ городѣ, помните, съ какимъ вниманіемъ слушали Васъ, съ какимъ одушевленіемъ въ лицѣ Вашемъ воздавали честь пѣснѣ русской, понимать и цѣнить которую Вы учили насъ. Двадцати-пяти-лѣтній трудъ Вашъ не пропалъ даромъ, силою же своего таланта и совершенства своего хора, указывали и намъ, Русскимъ, и иностранцамъ, сколько могущества, силы и задушевной прелести таится въ русской народной поэзіи, выразившейся въ своеобразномъ складѣ пѣсни и музыки.

Заслуги Ваши, какъ собирателя и истолкователя драгоценныхъ сокровищъ народнаго творчества, пребудутъ въ памяти всякаго Русскаго. Привѣтствуемъ Васъ еще разъ, искренно желая, чтобы сѣянное Вами принесло обильный плодъ.

Примите, досточтимый Дмитрій Александровичъ, глубокое

уваженіе къ Вашей дѣятельности, съ какимъ мы, русскіе Рижане, пребываемъ Вашими усердными почитателями.

Пот. Поч. гражд. и куп.

Инатій Шутовъ.

Риж. куп. *Н. Вялишевъ.*

Риж. куп. *Теодоръ Шебановъ.*

Риж. куп. *Яковъ Степановъ.*

Рижскій гражд. *Алексій
Меньковичъ.*

Николай Рудниковъ.

Владиміръ Успенскій.

Дмитрій Новиковъ.

Сергій Луковниковъ.

Василій Кашкинъ.

Ф. Кашкинъ.

Апакинъ.

Яковлевъ.

А. П. Анисимовъ.

Я. П. Лисицынъ.

П. Оурсовъ.

Петръ Поповъ.

Евграфъ Четыхинъ.

Иванъ Дмитріевъ.

Леонидъ Ветсиръ.

Рига

25 апрѣля 1887 г.

XI.

ДИПЛОМЪ

Рыбинскаго Ремесленно-Промышленнаго Попечительства

въ память

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

На основаніи §§ 4 и 11 Уст. данъ сей г. Почетному Члену Попечительства Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому.

Предсѣдатель общихъ собраній
членовъ *Ф. Губченко.*

Предсѣдатель

Правленія *Н. Заиниковскій.*

Члены

} *В. Подставинъ.*
} *Е. Ремизова.*
} *А. Крашенниковъ.*

Рыбинскъ.
1887 г. апрѣля 21 дня.
№ 252.

ПРАВЛЕНІЕ
ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО
ВСПОМОЖЕНІЯ ТРУЖЕННИКОВЪ
МУЗЫКАЛЬНАГО ДѢЛА.

Въ г. Одессѣ.

18-го апрѣля 1887 г.

№ 55.

XII.

Многоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Правленіе Общества взаимнаго вспоможенія труженниковъ музыкальнаго дѣла, поздравляя Васъ съ юбилейнымъ торжествомъ двадцати-пятилѣтняго служенія Вашего родному искусству и желая Вамъ счастья, благополучія и успѣха на поприщѣ почтенной Вашей дѣятельности, имѣеть честь поставить Васъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстность, что Вы внесены въ списокъ почетныхъ членовъ Общества, подлежащихъ избранію въ ближайшемъ Общемъ Сбраніи.

Предсѣдатель *Д. фонъ Рессель.*

Секретарь *Оибериъ.*

ХІІІ.

25 апрѣля 1887 года.

Адресъ

ЗНАМЕНИТОМУ РУССКОМУ НАРОДНОМУ ПѢВЦУ-АРТИСТУ

Дмитрію Александровичу Славянскому

отъ Курскихъ музыкальныхъ классовъ.

Глубокоуважаемый нашъ Русскій, знаменитый
народный пѣвецъ,

Дмитрій Александровичъ!

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣемъ честь принести Вамъ поздравленіе въ день 25-ти лѣтняго юбилея Вашей народно-артистической дѣятельности, въ продолженіе которой Вы неуклонно, несмотря ни на какія обстоятельства, преслѣдовали высокую цѣль: ознакомить общества людей какъ въ предѣлахъ своего роднаго Отечества, такъ и далеко за предѣлами онаго съ богатствами народной поэзіи, преимущественно русскихъ и вообще славянскихъ мелодій и художественнымъ исполненіемъ пѣсень, собранныхъ Вами и (прекрасно) гармонизированныхъ и положенныхъ на хоръ глубокоуважаемой супругой Вашею, О. Х. Славянскою, возбуждать эстетическое и національное чувство у слушателей и тѣмъ привлекать ихъ къ жизни съ народомъ въ самыхъ высшихъ его чувствахъ.

Директоръ классовъ:

Аркадій Абаза.

Преподаватели:

А. Финне.
Орлова.
Ю. Штокманъ.
И. Балашовъ.
А. Герибейнъ.

Члены классовъ.

Ив. Шатровъ.
П. А. Чичинадзе.
А. Четвертушкинъ.
С. Тихомировъ.
С. Шабловскій.
М. Васильева.
П. Васильевъ.
М. Пузановъ.
Ф. Фивкъ.
Г. Гавриловъ.
Дамбуриъ.
Ив. Красовъ.
Ф. Климентовъ.
Н. Покровскій.
Лавровъ.
К. Лаврова.

Учащіеся въ классахъ.

Н. Лоскутовъ.
Н. Финне.
Н. Шалоевъ.
Н. Бредихина.
О. Иванова.
С. Ярошевская.
Е. Домратова.
С. Митеръ.
Н. Степановъ.
К. Городенскій.
З. Заурихъ.

- М. Бълецкая.*
И. Штокманъ.
П. Корниловъ
М. Ребеша.
Н. Штунинъ.
М. Ахило.
А. Четверикова.
О. Градовская.
Ю. Хращенко.
А. Голецкая.
А. Шимановичъ.
Н. Цепина.
А. Манья.
З. Ерохина.
Мещерскій.
В. Лаврова.
А. Холодова.
Л. Холодова.
С. Ошесва.
К. Чукунова.
-

Именитому Русскому пѣвцу,

облагодившему и украсившему народную пѣснь,

Дмитрію Александровичу

Агреньеву-Славянскому.

Достоважаемый

Дмитрій Александровичъ!

С.-Петербургскіе пѣвческіе хоры—Невскій Его Высочайше-освященства и Каѳедрального Собора Исаіевскаго, движимые чувствами глубокаго уваженія къ 25-ти лѣтней дѣятельности Вашей на народно-артистическомъ поприщѣ, — въ благознаменитый день праздника Вашего, привѣтствуютъ и поздравляютъ, при пожеланіи Вамъ многихъ лѣтъ, здоровья и продолженія славнаго и полезнаго служенія родному музыкальному искусству.

Представители хоровъ:

Регентъ хоровъ *Гр. Львовъ.*Помощн. регента *И. Болдановъ.*Помощникъ регента *И. Соколовъ.*

Уполномоченные отъ хоровъ:

*М. Ильинскій.*Кол. секр. *Ив. Степ. Варфоломеевъ.**И. Красноплъцевъ.**И. Овечкинъ.**Михаилъ Нитъ.**Миронъ Мясниковъ.*

С.-Петербургъ.

XV.

Высокоочтимый

Дмитрій Александровичъ!

Четверть вѣка тому назадъ мы съ восторгомъ и уваженіемъ встрѣтили Ваше артистическое появленіе предъ нами, четверть вѣка мы наслаждаемся Вашимъ художественнымъ исполненіемъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, съ которыми въ это время Вы успѣли ознакомить весь просвѣщенный міръ. Въ сегодняшній знаменательный день позвольте привѣтствовать Васъ отъ полноты души, какъ высокаго художника — выразителя нашихъ народныхъ думъ и чувствованій, поблагодарить Васъ за тѣ незабвенные часы, которые вы доставляли намъ Вашимъ геніальнымъ воспроизведеніемъ родной намъ пѣсни, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать, чтобы и въ будущемъ Вы продолжали дарить насъ тѣмъ же высокимъ наслажденіемъ.

Стат. Сов. *Θ. М. Петропавловскій.*

Поручикъ *Затль.*

Кол. Сов. *И. Дейловъ.*

Штабъ-Ротмистръ *Алеутовъ.*

Генераль-Маіоръ *Бычковскій.*

Потомст. двор. *П. Гаттенбергерь.*

Учитель музыки *Г. В. Скрипичинъ.*

Г. Воронежъ. 1887 года
апрѣля.

XVI.

Дмитрію Александровичу

Славянскому

по поводу его 25-ти лѣтней артистической дѣятельности.

Почитатели Владиміры, присоединяясь къ чествованію Первопрестольной Столицы, просятъ принять тебя, нашъ Баянъ, родное сердечное привѣтствіе по поводу 25 лѣтней дѣятельности и пожеланіе полного благоденствія на многія, многія лѣта. Пусть не забываетъ Баянъ бывший стольный градъ Владиміръ. Тебѣ славному гостю, мы всегда рады. Пусть твоя родная, славная пѣсня льется долго еще по Русскому бѣлому свѣту.

С. Иконниковъ.

Отъ лица артистовъ С. Алякринскій.

В. Приклонскій.

С. Ивановъ.

П. Петровъ.

Я. Сорокинъ.

Е. Готманъ.

Владиміръ губернской.

XVII.

Шлёмъ наше поздравленіе творцу русской народной нашей пѣсни, глубоко почитаемому талантливому Дмитрію Александровичу Агрневу Славянскому по случаю его XXV лѣтней артистической дѣятельности, искренно желая, чтобы онъ услаждалъ нашъ слухъ своей пѣсней еще многіе годы.

Семья Рузскихъ.

Семья Андреевыхъ.

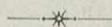
Шальшины.

Шрейберъ.

О. Смирновъ.

Сергеевъ.

Нижній-Новгородъ.

XVIII.

Многоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Въ день празднованія 25-ти лѣтняго славнаго служенія Вашего родному музыкальному творчеству; Сергіево-Посадское общественное собраніе, въ лицѣ председателя своего Д. П. Ефремова, присоединяетъ свой голосъ ко множеству другихъ, привѣтствуя Васъ и выражая Вамъ глубокую признательность за тѣ плодотворные труды Ваши, которые Вы въ продолженіи четверти вѣка употребляли на собраніе и артистическое воспроизведеніе русской пѣсни.

Позвольте же пожелать, чтобы еще многіе годы звучала пѣсня эта, въ талантливомъ исполненіи Вашемъ, такъ много говорящая сердцу.

Председатель Собранія *Д. Ефремовъ.*

Казначей Собр. *Простомолотовъ.*

Старшина Собр. *В. Соколовъ.*

Старшина Собр. *И. Корсунскій.*

Членъ Собр. *Г. Казанскій.*

Членъ Собр. *С. Розановъ.*

Членъ Собр. *Мальшевъ.*

Членъ Собр. *А. Кузнецовъ.*

Членъ Собр. Дѣйст. Ст. Совѣт.

Егоръ Амфитеатровъ.

- Членъ Собр. *Н. Тихомировъ.*
Членъ Собр. *А. Овсянниковъ.*
Членъ Собр. *П. Успенскій.*
Членъ Собр. *В. Лучининъ.*
Членъ Собр. *Павелъ Треубовъ.*
Членъ Собр. *Вильгельмъ Гвидовичъ*
Гильберинъ.
Членъ Собр. *И. Рукавишниковъ.*
Членъ Собр. *Н. Горчиновъ.*
Членъ Собр. *В. Толмачевъ.*
Членъ Собр. *С. Шариковъ.*
Членъ Собр. *Н. Леонтьевъ.*
-

XIX.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Нѣжинскіе почитатели Вашего таланта шлютъ привѣтъ Вамъ, по случаю 25-ти лѣтней достославной Вашей дѣятельности.

Воспроизведенныя Вами пѣсни Русскаго народа, эта цѣлая эпопея его быта и исторіи.

Ваши „Ухнемъ“ и „Дубинушка“ отголоски стонувъ древняго татарскаго ига, создавшаго выносливость Русскаго народа, терпѣливое подчиненіе своей судьбѣ и настойчиво преслѣдованіе намѣченной цѣли. Ваша „*Веселуха моя*“—картина незатѣйливаго быта Бѣлорусскаго простонародья, находящаго нехитрое развлеченіе и утѣшеніе въ горькой долѣ, среди окружающихъ ихъ болотъ, лѣсовъ и неблагоприятной каменистой почвы. Ваши *баллады* переносятъ слушателей къ далекому славному времени „*Краснаго солнышка*“ и къ подвигамъ его богатырей.

А Вы сами, Дмитрій Александровичъ, одинъ изъ блистательныхъ представителей народа, умѣвшихъ подмѣтить и опоэтизировать стоны и радости роднаго Вамъ племени. Да пошлетъ Вамъ Богъ силу и здоровье къ продолженію благотворной дѣятельности на томъ же пути.

Я. И. Лан.

И. Л. Дейкунъ.

Н. В. Кобуевъ.

С. П. Кулипинскій.

Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.

З. М. Пашковскій.

С. В. Григорьевъ.

В. Я. Мюнтеровъ.

П. О. Кушаковичъ.

В. В. Лосъ.

Георгій Ланинъ.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте просить Васъ, многоуважаемый Д. А., присоединить отъ насъ, Кологривцевъ, отброшенныхъ отъ міра наши слабыя по формѣ, но сильныя по чувству выраженія поздравленіи Васъ со днемъ достойнаго юбилея на артистическомъ поприщѣ Вашемъ, и позвольте искренно пожелать, чтобы слѣдующую четверть вѣка, Вы на томъ же поприщѣ, также продолжали услаждать міръ и все народы, запечатлѣвая въ душѣ, сердцѣ и разсудкѣ ихъ любовь къ этому искусству.

Кологривовскій Предводитель Дворян.

П. Перфильевъ.

Коллежскій Совѣтникъ *Павелъ Чистяковъ.*

Надворный Совѣтникъ *А. Станкевичъ.*

Дворянинъ *Г. Вознесенскій.*

Губернскій Секретарь *Григорьевъ.*

Коллежскій Секретарь *Мих. Громовъ.*

Дворянинъ *Григорій Кузнецовъ.*

Гражданинъ Г. Кологрива *Иванъ Невзоровъ.*

Дворянинъ *Василій Яков. Апушкинъ.*

Князь *Дмитрій Катуаровичъ Абашидзе.*

Кологривскій Городской Голова, Купецъ

А. Л. Хохловъ.

Воинскій Начальникъ Подполковникъ

Горбакинъ.

Дворянинъ *Пет. Ис. Штирревъ.*

Надворный Совѣтникъ *Николай Кировъ.*

Кологривъ.

Апрѣля 19 дня 1887 г.

XXI.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Почитатели и цѣнители таланта Вашего шлютъ Вамъ свой привѣтъ по случаю двадцати-пяти-лѣтняго юбилея артистической Вашей дѣятельности и русское спасибо за распространение нашей народной пѣсни не только по всей Россіи, но и во многихъ чуждестранныхъ государствахъ и странахъ, чѣмъ Вы оказали заслугу дорогому отечеству нашему и обезсмертили имя свое на вѣчные времена.

Глубокопочитающіе Васъ

Ф. Крѣпнишъ.

Софья Крѣпнишъ.

Н. Пльсская.

К. Плесскій.

В. Вознесенскій.

В. Чайковскій.

А. Ависовъ.

З. Владимірова.

Н. Владиміровъ.

Петръ Верховскій и семейство.

Макарьевъ на Увжѣ,
Костромской губерніи.

XXII.

Привѣтъ Московскихъ ремесленниковъ

Народному пѣвцу.

Собраніе выборныхъ ремесленнаго сословія единогласно постановило принести Д. А. Славянскому привѣтствіе отъ лица представителей 28.000 (*двадцати восьми тысячъ*) Московскихъ гражданъ—ремесленниковъ, поручивъ г. старшинѣ адресовать оное предѣдателю Юбилейнаго Комитета.

За двадцать восемь тысячъ Московскихъ ремесленниковъ сословный старшина

Я. И. Бухановъ.

Москва. 27-го апрѣля 1887 года.

XXIII.

4.000 рабочихъ на докахъ, въ благодарность за неоднократно доставляемое Вами Д. А. удовольствіе слышать Ваше народное пѣніе въ стѣнахъ ихъ мастерскихъ, привѣтствуютъ Васъ.

Генераль *Бровцинъ*.

XXIV.

Дмитрій Александровичъ!

Нѣтъ уголка въ нашемъ обширномъ отечествѣ, который не слыхалъ бы о знаменитомъ національномъ пѣвцѣ. Торжество 25-лѣтняго юбилея Вашего было торжествомъ большей половины истинно Русскихъ людей.

Но не каждый уголокъ можетъ похвалиться счастьемъ слышать Ваше неподражаемое исполненіе національныхъ пѣсенъ. Это счастье выпало теперь на нашу долю. Мы душевно признательны и благодарны Вамъ за эти немногія счастливейшія минуты, которыя останутся отраднѣйшимъ воспоминаніемъ о Васъ, незабвенный Дмитрій Александровичъ, лучшимъ усладителѣмъ нашей однообразной, тяжелой фабричной жизни.

Мы просимъ Васъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, принять наше поздравленіе, какъ слабый знакъ нашей горячей признательности и благодарности за Ваше посѣщеніе „Чѣмъ богаты“, Дмитрій Александровичъ, „тѣмъ и рады“.

Да здравствуетъ, Дмитрій Александровичъ и его капелла.—Ура!

Депутація рабочихъ Воткинскаго завода, Вятской губерніи, Сарапульскаго уѣзда.

Депутатъ *Анатолій Арнольдъ*.

Воткинскъ. 4 іюля 1887 года.

Высокочитимый Дмитрій Александровичъ!

Сегодня въ день двадцать пятой годовщины служенія Твоего, родной намъ пѣвецъ, землѣ Русской и Государю Великому, спѣшимъ и мы принести свою лепту въ общую урну Твоей славы—славы перваго возвѣстителя міру бытовой русской правды и русской культурной мощи. Позволь изгнанникамъ Болгаріи, не забытой Тобою и нашедшей себѣ выраженіе въ тимпанахъ и гусяхъ боговдохновенной души твоей, въ нынѣшній первый праздникъ надмощія славянской народной мелодіи надъ обвѣтшалою духомъ, западной кичливою пѣснюю,—позволь, въ эту торжественную минуту, припомнить лучшіе дни нашей земли, когда могучая и удалая русская пѣсня лилась изъ твоей богатырской груди широкою волною славяно-русскихъ звуковъ и, перекатываясь по роднымъ Балганамъ и долинамъ Марицы и Дуная, отдавалась въ сердцахъ роднаго Тебѣ, Славянскій пѣвецъ, Болгарскаго народа понятнымъ ему эхомъ!

Повѣрь, Баянь исторической славянской правды, что даже тѣ сыны земли нашей, которые, забывъ пролитую за нашу свободу кровь русскаго завѣта, уклонились отъ исполненія народнаго долга, и тѣ, въ тайникахъ души своей, носятъ и по сей часъ образы славяно-русскаго творчества, повѣданнаго имъ тобою въ сказаніяхъ славной старины. Пой же истинный сынъ земли русской, еще многія и многія лѣта, русскую пѣсню вѣмъ братьямъ-Славянамъ „на послушеніе“ и не забывай, что пѣснь твоя не умретъ въ сердцахъ славяно-русскаго племени во вѣки!

Величаемъ Тебя бояринъ „Русскаго Царства Великаго“ душею и сердцемъ нашими, вызванными къ жизни двуипо-

стасною волею Царя и Россіи, и, поздравляя Тебя съ днемъ двадцати-пяти-лѣтняго юбилея, желаемъ, дабы день сей свѣтилъ тебѣ многіе долгіе годы свѣтомъ благословенія Божія во славу Царю, на пользу Отечества и для счастья дорогой тебѣ и всѣмъ намъ Твоей семьи!

По уполномочію и отъ имени пятидесяти четырехъ Болгарскихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Одессѣ.

Михаилъ В. Юркевичъ.

Одесса.

Апрѣля 25 д. 1887 г.

XXVI.

Высокопочитаемый

Дмитрій Александровичъ!

Мы читали о торжествѣ Вашего XXV-лѣтія и отъ всей полноты русскихъ юныхъ сердець радовались ему. Глубоко цѣня посѣщеніе Вами этого уголка западной окраины Россіи, въ которомъ мы, студенты Ново-Александрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, съ восторгомъ привѣтствуемъ нашу родную русскую пѣснь, въ исполненіи Вашемъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, освѣжающемъ наши силы для труда и науки. Спасибо Тебѣ, народный Русскій пѣвецъ!!

Русскіе студенты: *В. Лыниковъ.*

Н. Копоновичъ.

В. Жулинъ.

Т. Беклимишевъ.

Н. Бьлоусовъ.

М. Петровъ.

Кураевъ.

Богоязвенскій.

Н. Ведерниковъ.

Вьскланъ.

Глѣбовичъ.

Полиновскій.

Антоновъ.

Яковлевъ.

Новоселовъ.

Тейдда.

Рейномъ.

Н. Ведеръ.

Исаевъ.

Соколовскій.

Васильевъ.
Гозоферно.
Гетманъ.
Тилль.
Акснеръ.
Волохинъ.
Лесевичкій.
Кутузовъ.
Зорви.
Ө. Лукьяновъ.
Толмачовъ.
Венюковъ.
Козловъ.
Жекулинъ.
Крачковскій.
С. Божадзе.
Куракинъ.
Н. Теризовъ.
Ө. Бері.
Атабеняинъ.
Н. Дьлдвъ.
Билавинъ.
К. Уловъ.
Алаферовъ.
Михайловскій.
Калининъ.
А. Бахзади.
М. Гецковъ.
Н. Громовъ.
С. Пылаевъ.
Тетеринъ.
Корольковъ.
Стахорскій.
Чевскій.
Корвацкій.
Тарасовъ.
Лмичиковъ.
Банковскій.

Отъ общества отставныхъ воинскихъ чиновъ въ Ригѣ.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ.

Своевременно мы имѣли честь и удовольствіе поздравить Васъ, какъ Почетнаго Члена нашего Общества, телеграммою ко дню Вашего торжественнаго юбилея. Позвольте и еще разъ поздравить Васъ съ торжествомъ русской пѣсни, достойнымъ представителемъ которой Вы являетесь, что не мѣшаетъ Вамъ являться и въ утвержденныхъ Правительствомъ обществахъ съ Вашей матеріальной помощью, помогая всюду осушать слезы несчастныхъ... Великое спасибо Вамъ за то вниманіе, которое Вы оказали Вспомогательному Обществу отставныхъ воинскихъ чиновъ нынѣшнимъ Вашимъ концертомъ. За тѣмъ, отъ имени Общества, прошу Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, принять на память вотъ этотъ незначительный подарокъ. Не рассчитывайте найти въ этомъ портфельѣ вещи дорогія по цѣнѣ денежныхъ знаковъ; въ немъ нѣтъ такихъ вещей. Въ немъ нѣтъ вещей, украшенныхъ золотомъ и серебромъ, камнями самоцвѣтными и жемчугомъ бурмицкимъ. Въ немъ вещи все простыя, даже далеко не изящныя.

Въ немъ лежатъ: во-первыхъ, планъ сраженія подъ Ригею 9-го іюля 1701 года между Шведами съ одной и Саксонцами и Русскими съ другой стороны; во-вторыхъ, фотографическіе снимки съ части мѣстности острова Люцаусгольмъ. Эти послѣдніе снимки дороги по тому воспоминанію, которое свя-

зяно съ этимъ островомъ для всей русской арміи, для всего Русскаго народа.

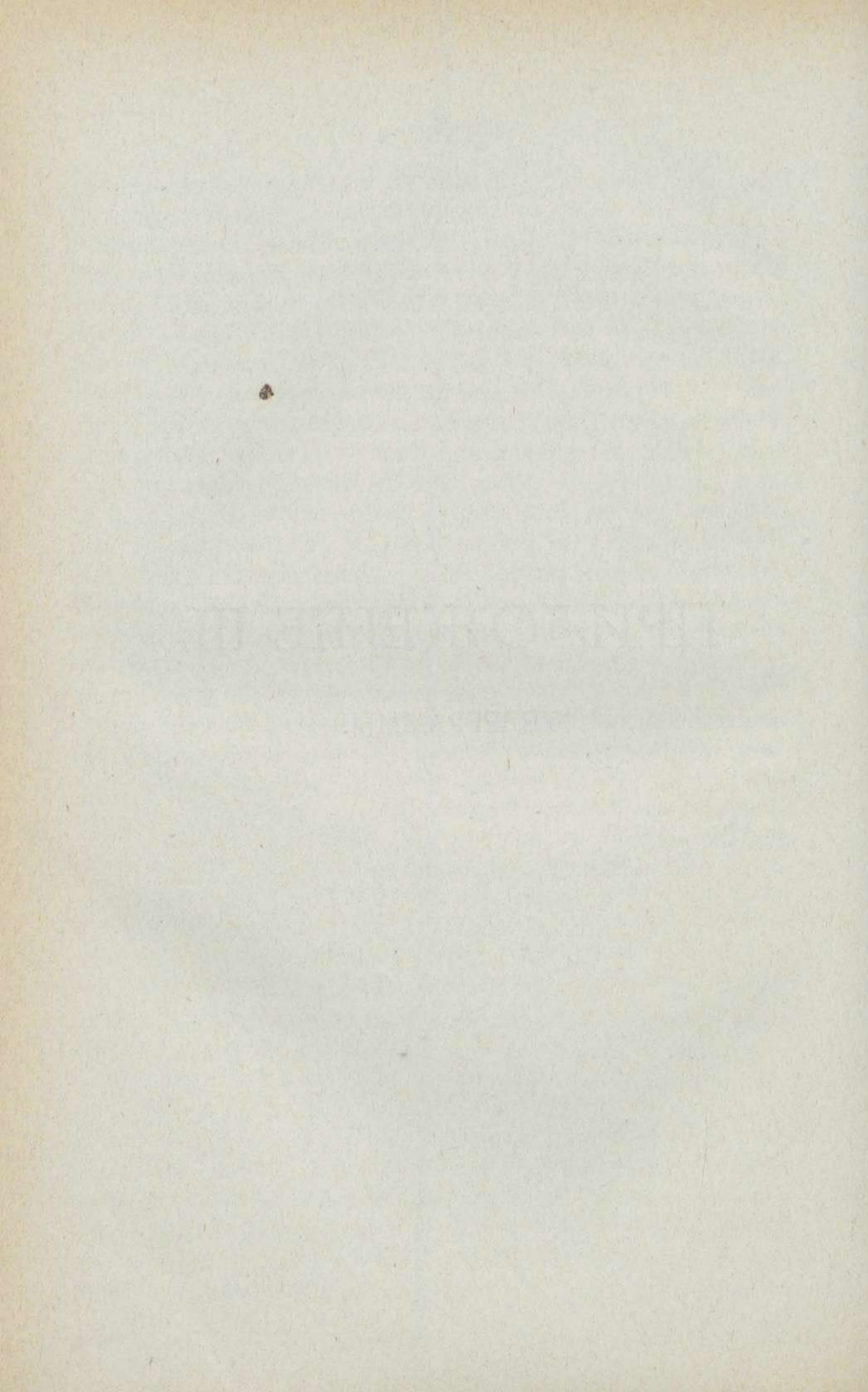
Здѣсь сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, послѣ битвы подъ Ригой, оставалась небольшая часть Русскихъ въ числѣ 400 воиновъ. Въ ночь съ 9 по 10 іюля 1701 года она была атакована сильнымъ шведскимъ отрядомъ. Бой былъ ужасный! Шведы нѣсколько разъ предлагали русскому отряду положить оружіе на выгодныхъ для него условіяхъ. Но, не смотря на всѣ выгодныя условія капитуляціи, Русскіе отвергли предложеніе и всѣ до единого положили здѣсь животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество и во славу молодой тогда русской арміи. На этомъ славномъ мѣстѣ по почину Общества отставныхъ воинскихъ чиновъ 10-го іюля сего года отслужена была панихида по павшимъ героямъ, на могилѣ водруженъ крестъ, а въ будущемъ предполагается воздвигнуть достойный героевъ памятникъ. Вотъ какое Общество имѣетъ счастье имѣть Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ, а равно и супругу Вашу Ольгу Христофоровну.

Еще разъ прошу Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, извинить насъ за недорогой по внѣшности подарокъ.

Предсѣдатель Общества отставн.
воинск. чиновъ. Генерал. Штаба
Полковникъ *Далаевъ*.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Петербургъ.—Привѣтствую достойнаго юбиляра и всероссійскаго пѣвца въ знаменательный для него день завершенія двадцатипятилѣтія настойчиваго труда на честь и славу русской пѣсни.

ВЛАДИМИРЪ.

Оренбургъ.—Признавая Васъ, достоуважаемый Дмитрій Александровичъ, такимъ русскимъ пѣвцомъ, который, воспѣвая прошлые подвиги и совершенныя доблести роднаго народа, нерѣдко съ удовольствіемъ посвящаетъ свое искусство и пѣснопѣнію святой православной церкви. Я долгомъ считаю искренно привѣтствовать Васъ въ сей торжественный день и пожелать Вамъ еще многихъ лѣтъ славной жизни и дѣятельности.

Макарій (Епископъ Оренбургскій и Уральскій).

Ковно.—Сердечно поздравляю Васъ отъ всѣхъ друзей, всей душою желаю Вамъ блистательныхъ успѣховъ и утѣшаюсь надеждой слышать Васъ не разъ.

Епископъ Антонинъ.

Екатеринбургъ.—Поздравляю и прославляю великаго мастера и честнаго труженика русскаго музыкальнаго дѣла на народной почвѣ.

Епископъ Нафаниль.

Пермь.—Душевно-сочувствуя высокой идеѣ Вашей дѣятельности, шлю Вамъ сердечные привѣты и благословляю на продолженіе полезнаго дѣла.

Епископъ Пермскій.

Москва.—Въ день чествованія двадцатипятилѣтїя Вашей дѣятельности привѣтствую въ лицѣ Вашемъ трудолюбиваго собирателя памятниковъ русскаго хороваго народнаго пѣснетворчества, своею художественною дѣятельностію содѣйствующаго сохраненію въ памяти народа лучшихъ образцовъ русскаго напѣва въ той самобытной его чистотѣ, въ которой вылился въ немъ родной музыкальный геній. Привѣтствую Васъ и какъ талантливаго исполнителя исторической бытовой русской пѣсни, и какъ русскаго художника, насаждающаго въ средѣ и своихъ и иноплеменныхъ музыкальныя красоты нашего роднаго напѣва.

Князь *Долгоруковъ*.

Москва.—Благодарю всѣхъ присутствующихъ на юбилей и Васъ лично за присланный мнѣ любезный привѣтъ. Мое сочувствіе русскому празднику есть сочувствіе прекрасной идеѣ, вызванной любовью къ одной изъ возвышеннѣйшихъ формъ проявленія народнаго творчества, и осуществленной кружкомъ талантливыхъ представителей родной мысли и роднаго слова. Желаю и виновнику сегодняшняго торжества и просвѣщеннымъ устроителямъ праздника еще долгіе годы служить своими талантами русскому дѣлу и русскому слову.

Князь *Долгоруковъ*.

Петербургъ.—Приношу Вамъ мое искреннее поздравленіе и желаю, чтобы долгіе и долгіе годы Вы могли продолжать Ваше прекрасное служеніе отечественному искусству.

Князь *Михаилъ Волконскій* (Тов. минист. Нар. Просвѣщ.).

Петербургъ.—Поздравляю привѣтствую славнаго юбиляра.

Графъ *Перовскій*.

Москва.—Жена и я искренно поздравляемъ Васъ по случаю Вашего юбилея.

Графъ и графиня *Давыдовы*.

Петербургъ.—Радуюсь исполненію Вашего желанія и въ свою очередь сердечно поздравляю Васъ, дорогаго юбиляра и хранителя славы русской пѣсни.

Бобриковъ (Начальн. Штаба Гвардейскаго корпуса).

Петербургъ.—Отъ души поздравляю юбиляра; сожалѣю, что не могу исполнить этого лично.

Сенаторъ *Дейеръ*.

Пенза.—Вмѣстѣ съ русскими людьми праздную торжество русской пѣсни.

Князь *Грузинскій*.

Тверь.—Непростая Ваша пѣснь, умирающая въ стѣнахъ того зданія, гдѣ она раздается могучею струею, прорывается она наружу, возбуждая среди рева, гнусныхъ страстей сочувственный откликъ родственныхъ струнъ: Шипка, Бѣлградъ, Прага!

А. В. Каульбарсъ.

Ярославль.—Спѣшу засвидѣтельствовать Вамъ мое поздравленіе и уваженіе, какъ бывшему товарищу моего отца. Моя мать лично хотѣла увидать Васъ.

Князь *Борисъ Оболенскій*.

Ревель.—Сердечно привѣтствуемъ Васъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, отъ насъ лично и отъ многихъ друзей Вашихъ съ выполненіемъ двадцатипятилѣтняго труднаго подвига. Творческій народный геній въ талантливомъ Вашемъ воспроизведеніи обнаружилъ передъ лицомъ почти всего свѣта силу и величіе Русскаго народнаго духа; всѣ истинно-русскіе люди глубоко цѣнятъ Вашъ подвигъ, шлютъ Вамъ братское спасибо и сердечно желаютъ Вамъ и талантливому семейству Вашему многія лѣта для продолженія славнаго патриотическаго служенія.

Князья *Сергій и Елизавета Шаховскіе*.

Кіевъ.—Примите, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, мое сердечное поздравленіе съ знаменательнымъ днемъ двадцатипятилѣтія Вашей народно-артистической дѣятельности.

Левъ Тимара (Губернаторъ).

Оренбургъ.—Глубоко сочувствуя Вашей патриотической дѣятельности и привѣтствуя Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, въ настоящій знаменательный для каждаго русскаго день завершенія Вами двадцатипятилѣтняго служенія народному лирическому искусству, отъ души желаю, чтобы день чествованія заслугъ Вашихъ вдохнулъ двойныя въ Васъ силы для дальнѣйшей разработки той почвы народнаго самосознанія, на которой Вы съ такимъ успѣхомъ и славой работали по настоящее время. Великому неустоимому русскому Баяну слава!

Оренбургскій губернаторъ *Николай Масловецъ*.

Самара.—Примите мое сердечное привѣтствіе.

Сверблевъ (Губернаторъ).

Харьковъ.—Примите мое искреннее привѣтствіе по случаю двадцатипятилѣтней Вашей глубоко-патриотической дѣятельности. Народная пѣсня, нашедшая въ Васъ безпримѣрнаго исполнителя, пронеслась дивными звуками по всему лицу земли Русской и доставила русскому сердцу невыразимое наслажденіе. Передавая Вамъ привѣтъ Вашихъ харьковскихъ почитателей, выражаю надежду, что мы еще долго будемъ Васъ заслушивать, и часто будемъ Васъ встрѣчать съ тѣмъ же радушіемъ, къ какому Вы въ Харьковѣ привыкли.

А. Петровъ. Харьковскій губернаторъ.

Петербургъ.—Искреннѣйшія поздравленія и полное сочувствіе заслугамъ уважаемаго юбиляра.

Адлербергъ.

Петрозаводскъ.—Съ теплымъ чувствомъ благодарности за сладкія грезы, навѣянные родными звуками русской пѣсни, привѣтствуемъ Васъ, Дмитрій Александровичъ, и въ лицѣ Вашемъ торжество славянской и въ особенности русской національной музыки.

Предсѣдатель палаты *Борцевъ*.

Прокуроръ *Петти*.

Харьковъ.—Поздравляю славнаго пѣвца, желаю много лѣтъ здравствовать, улаждая слухъ, радуя сердца Русскихъ.

Батюшковъ.

Одесса.—Отъ себя съ семьей и Вашихъ одесскихъ друзей и почитателей поздравляю съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей славной дѣятельности на поприщѣ служенія искусству. Привѣтствую русскаго пѣвца, раскрывшаго сокровищницу народной пѣсни, и какъ передатчика трогательныхъ былинъ русской исторіи. Искренно желаю, чтобы задушевная пѣсня Ваша звучала еще многіе, многіе годы.

Зеленой (Одесскій градоначальникъ.)

Тула.—Цѣня высоко заслуги Дмитрія Александровича на поприщѣ народнаго русскаго искусства, прошу передать почтенному юбиляру мое поздравленіе и искреннее пожеланіе продолженія его артистической дѣятельности.

Тулскій губернскій предводитель дворянства *Арсеньевъ*.

Вологда.—Горячо привѣтствуя преданнаго Царю дворянина юбиляра, главная дѣятельность котораго, согласно девизу дворянства Русскаго, была всегда направлена на пользу и славу Россіи.

Предводитель дворянства *Касаткинъ*.

Петрозаводскъ.—Почитая совершившееся нынѣ двадцатипятилѣтіе Вашего народнаго артистическаго поприща, въ продолженіе котораго Вы звуками народныхъ пѣсень и былинъ Олонецкой губерніи, сохранившихся въ ней изстари,

плѣняли не только нашу родину, но и чужіе края, я позволяю себѣ присоединить свой голосъ къ сонму привѣтствій цѣлой Россіи и пожелать, дабы это возвышенное нравственное вліяніе Ваше долго продолжалось къ утѣшенію народныхъ чувствъ и къ укрѣпленію признательности Вамъ и Вашему неутомимому первому сотруднику, Ольгѣ Христофоровнѣ.

В. Савельевъ (Пред. Олонецкой Губер. Земской Управы).

Пятигорскъ.—Дмитрій Александровичъ, примите сердечный привѣтъ съ той отдаленной цѣлебной окраины, которая одна изъ первыхъ услышала и поняла задушевную Вашу русскую пѣсню. Отъ сердечно уважающихъ Васъ

Смирновыхъ (Генераль и генеральша).

Казань.—Почтенному юбиляру, старому школьному товарищу сердечный привѣтъ, искреннее поздравленіе и наилучшія пожеланія.

Масленниковъ (Попечитель учебнаго округа).

Чебоксары.—Богатство воспѣваемой Вами бытовой русской жизни неисчерпаемо. Дай Вамъ Создатель здоровья начатое дѣло русское довершить. Поздравляемъ.

Чегодаева (Княгиня).

Ревель.—Четверть вѣка прославлявшему русскую пѣсню дорогому соловушкѣ Д. А., супругѣ и семьѣ его привѣтъ и слава.

Игнатъевъ.

Гельсингфорсъ.—Поздравляемъ, да хранить Васъ Богъ и да процвѣтаетъ русская пѣсня.

Языкова.

Казань.—Заочно здѣсь чествуемъ пѣвца родныхъ съ дѣтства звуковъ, затрогивающаго за живое всѣ русскія сердца. Пой, Баянъ, до золотой твоей свадьбы пѣсню, слава и честь тебѣ за ея возрожденіе отъ тлѣна! Ты согрѣлъ ее го-

рячимъ своимъ дыханіемъ, ты отвоевалъ ей право гражданства на родинѣ, въ Европѣ.

Фальмейеръ.

Петербургъ.—Дмитрій Александровичъ, примите нашъ задушевный привѣтъ и поздравленіе съ знаменательнымъ днемъ Вашего плодотворнаго двадцатипятилѣтняго служенія искусству и украшенію Россіи. По истинѣ, Вы виновникъ того отраднаго явленія, что культивированная русская народная пѣсня сдѣлалась достояніемъ на обоихъ полушаріяхъ всѣхъ слоевъ общества въ заунывныхъ и ухарски-молодецкихъ пѣсняхъ. Вы мастерски сумѣли проявить нашъ могучій духъ русскій и мы увѣрены, что чудно-чарующіе звуки нашей народной пѣсни на вѣки останутся глубоко въ памяти тѣхъ, которые дотоль считали и ее отсутствующей въ устахъ нашихъ. Да сохранить Васъ Богъ на долгія лѣта. Искренно любящіе и почитающіе Васъ

П. Шиффъ, Н. Крыловъ (Гвардейскаго Штаба адъютанты).

Москва.—Дорогой юбиляръ! Многія сотни тысячъ русскихъ людей скажутъ сегодня здравицу русскому пѣвцу, не разъ заставлявшему ихъ сердца замирать въ сладкомъ трепетѣ. Присоединяю и я къ нимъ мой голосъ и сердечно тебя привѣтствую съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ твоего славнаго служенія русскому искусству и русской пѣснѣ. Чрезвычайно жалѣю, что служебныя обязанности не позволяютъ мнѣ принести мое поздравленіе тебѣ лично.

Протасовъ (Профессоръ семинаріи).

Муромъ.—Отъ души поздравляю юбиляра. Желая ему продолжать такъ-же блистательно свое народное артистическое поприще. Сожалѣю, что самъ не могу участвовать въ торжествѣ.

Бурцевъ (Предводитель дворянства).

Епифань.—Старый знакомый шлетъ искренній привѣтъ пѣвцу, четверть столѣтія пріятно-усплаждавшему любителей народной пѣсни.

Иванъ Павловъ Игнатьевъ (Предводитель дворянства).

Тверь.—Въ день двадцатипятилѣтія удостойте принять поздравленіе пастыря Вашего прихода.

Священникъ отецъ *Іоаннъ*.

Баку.—Привѣтствуя съ береговъ Каспія вмѣстѣ съ Москвою именитаго кобзаря, ознакомившаго просвѣщенный міръ съ могучею славянскою мелодіею, цѣнители таланта Дмитрія Александровича просятъ Васъ передать славному юбиляру сердечныя пожеланія его народно-артистической дѣятельности на многія лѣта.

Деспотъ Зеновичъ (Бакинскій городской голова).

Симферополь.—Вы познакомили весь образованный міръ съ тою духовною стороною русскаго человѣка, которая до Васъ была ему или мало знакома, или вовсе невѣдома, съ чудными мотивами русской народной пѣсни, и всюду у враговъ и друзей Россіи вызывали восторженный приѣмъ. Да сохранить-же Богъ Вашъ талантъ и Вашу энергію на славу дорогаго отечества еще на долгіе годы.

Ивановъ (Симферопольскій городской голова).

Гродно.—Сердечно привѣтствуя Васъ съ сегодняшнимъ торжествомъ, душевно сожалѣю о невозможности лично участвовать на праздникѣ.

Козьминъ (Городской голова).

Ярославль.—Привѣтствую съ двадцатипятилѣтіемъ пѣвца русской пѣсни.

Вахрамѣевъ (Городской голова).

Таганрогъ.—Привѣтствую въ лицѣ Вашемъ знаменитаго русскаго пѣвца, поставившаго народныя пѣсни на высоту поэзій и художественности, восхищавшей слушателей обоихъ полушарій.

Штурмитремъ (И. д. мѣстнаго городск. головы).

Сумы.—Поздравляемъ всѣхъ и желаемъ всего лучшаго.

Алферовъ (Исправникъ).

Одесса.—Мысленно присоединяюсь къ чествованію знаменитаго русскаго пѣвца и прошу принять мой сердечный привѣтъ и добрыя пожеланія.

Бунинъ (Полиціймейстеръ).

Вильно.—Привѣтствую незамѣнимаго пѣвца, низко кланяюсь за усладу русскаго сердца родными пѣснями и былинами.

Раевскій (Полиціймейстеръ).

Тифлисъ.—Привѣтствую Васъ, какъ нашего знаменитаго народнаго пѣвца и распространителя русской пѣсни не только въ русскомъ населеніи, но и среди инородцевъ вообще, кавказскихъ въ частности, и привѣтствую Васъ отъ себя, своихъ сослуживцевъ и учащихся кавказскихъ національностей, увлекающихся Вашими пѣснями.

Яновскій (Попечит. Тифлисскаго учеб. округа).

Казань.—Сердечный привѣтъ славному русскому народному пѣвцу. Слава его таланту, предприимчивости, духу благотворительности!

Кремлевъ (Ректоръ Университета).

Сѣдлецъ.—Пѣвцу—юбиляру искренній привѣтъ. Желаю счастья, долголѣтія.

Евгеній Козинъ (Инспекторъ гимназій).

Владикавказъ.—Привѣтствую Васъ со вступленіемъ въ двадцать шестой годъ неутомимаго служенія дѣлу ознакомленія цивилизованнаго міра съ красотами русской пѣсни.

Поповъ (Директоръ Владикавк. реальн. училища).

Сумы.—Искреннему исполнителю русскихъ пѣсней привѣтъ собирателя, издателя и изслѣдователя.

Безсоновъ (Профессоръ Харьковскаго университета).

Клекотки.—Сердечно привѣтствую Васъ и супругу Вашу, шлю искреннее пожеланіе продолженію Вашей славной дѣятельности на многіе, многіе годы.

Евгеній Сафоновъ (Правитель дѣлъ Общ. Попечительства о дѣтскихъ приютахъ).

Москва.—Уважаемый Дмитрій Александровичъ! Примите мой привѣтъ и благодарность за то хорошее душевное настроеніе, которое всегда навѣваетъ на меня Ваше чудесное воспроизведеніе нашей народной пѣсни. Отъ души желаю Вамъ еще надолго сохранить бодрость и энергію для продолженія Вашей артистической карьеры.

Искренно уважающая Васъ

Н. Вотякова (Бывшая Начальн. Царицынской гимназіи).

Самара.—Ставлю себѣ за честь привѣтствовать Васъ въ торжественный день празднованія юбилея Вашего съ пожеланіемъ той-же дѣятельности на многіе будущіе годы.

Душой преданный Вамъ, старый знакомецъ,

Николай Петровичъ Шехларевъ (Директ. Самар. банка).

Петербургъ.—Сердечно празднуемъ съ Вами этотъ для Васъ счастливый день. Шлемъ Вамъ и семейству Вашему живѣйшія пожеланія продолженія патріотической дѣятельности на многія лѣта.

Елена и Михаилъ Тучковы.

Петербургъ.—Поздравляю почтительно юбиляра съ торжествомъ его и народной пѣсни.

Николай Жоховъ (Дѣйств. ст. сов.).

Тверь.—Горячо привѣтствую Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей славной артистической дѣятельности и торжества русской пѣсни, выраженной Вами въ чарующей ея красотѣ.

Генераль Жизневскій.

Петербургъ.—Примите душевное пожеланіе съ юбилеемъ въ честь и славу Вашей дѣятельности, поднявшей такъ высоко русскую пѣсню, облагороженную Вашимъ гениальнымъ вкусомъ.

Генераль *Теляковскій*.

Рига.—Съ душевной отрадой поздравляю съ четверть-вѣковой высоко-артистической дѣятельностью Вашей, послужившей къ прославленію отчизны въ лирическомъ отношеніи. Глубоко желаю дальнѣйшихъ преуспѣяній Вамъ на этомъ-же поприщѣ. Передайте искренній привѣтъ мой душевно-уважаемой Ольгѣ Христофоровнѣ.

Костогоровъ (Генераль).

Рига.—Родному Баяну душевныя поздравленія и дружескія пожеланія продолженія начатаго.

Баронъ *Фриде* (Управл. жел. дор.).

Самара.—Уважаемый Дмитрій Александровичъ, мое искреннѣйшее поздравленіе съ юбилеемъ артистической дѣятельности. Продолжайте Ваше достойное поприще еще много лѣтъ. Семейству Вашему шлю привѣтъ.

Поваляшинъ (Управляющій Оренбургской ж. д.).

Кострома.—Прошу принять отъ стараго друга и сослуживца сердечное поздравленіе съ двадцатипятилѣтней годовщиной твоего славнаго служенія на народно-артистическомъ поприщѣ. Желаю полнаго успѣха. Семья привѣтствуетъ тебя.

Верновъ.

Петербургъ.—Скорбя, что не могу быть на Вашемъ торжествѣ, привѣтствую Васъ отъ всей полноты любви къ русской народной пѣснѣ.

Орестъ Миллеръ.

Ревель.—Душевно привѣтствую Васъ, семью Вашу, знаменательный день всемірной славы русской пѣсни. Шлемъ нашъ привѣтъ и пожеланія еще многія лѣта служить на пользу русскаго искусства.

Игнатъевы (Мать и дочь).

Астрахань.—Сказка—складка, пѣсня—быль. Герою славянской пѣсни, глубокому, самобытному, неподражаемому ходячему историку привѣтъ ума, души и сердца. Ура!

Голубковъ (Присяжн. повѣр.)

Тула.—Высокоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Примите отъ меня искреннее поздравленіе съ торжествомъ. Двадцать пять лѣтъ слушалъ я Вашу пѣсню съ полнымъ упоеніемъ, съ восторгомъ, постоянно возраставшимъ. Ваша пѣсня и теперь свѣжа и обильна жизненной силой, какъ русская красавица. Искренне желаю слушать эту пѣсню еще много, много лѣтъ, потому что ожидаю отъ нея еще много новаго, потому что увѣренъ, что она еще далеко не спѣта.

Румянцовъ.

Саратовъ.—Въ день Вашего юбилея сердечно привѣтствую Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, присоединяюсь и я къ многимъ почитателямъ вашего таланта съ пожеланіемъ продолженія артистической Вашей дѣятельности на долгое, долгое время.

Левъ Дехановъ (Директоръ Отдѣленія Музыкальнаго общества).

Ревель.—Сердечно поздравляю глубоко-уважаемаго юбиляра. Да процвѣтаетъ, благодаря Вашимъ неусыпнымъ трудамъ, дорогая наша русская пѣсня.

А. Василевскій.

Москва.—Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ, приношу Вамъ мое сердечное поздравленіе со днемъ Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея. Сожалѣю, что болѣзнь лишаетъ меня возможности лично принять участіе въ Вашемъ торжествѣ.

Рѣшимовъ (актеръ).

Москва.—Вы имѣли смѣлость надѣяться на русскую пѣсню, не стыдились ей вѣрить, показали ее всему свѣту, какъ могли своими собственными усиліями и средствами. Чту и поздравляю.

Лентовскій.

Петербургъ.—Поздравляю дорогаго юбиляра; отъ души желаю благополучно дожить пятидесятилѣтняго юбилея.

Варламовъ (актеръ).

Москва.—Многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, глубоко сочувствуя Вашей славной двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности, спѣшу поздравить Васъ въ этотъ памятный для всѣхъ насъ, почитателей русскаго искусства, день Вашего юбилея. Очень жалѣю, что по болѣзни не могу лично принять участія въ Вашемъ праздникѣ.

Акимова (артистка Моск. Импер. театровъ).

Харьковъ.—Радуюсь и присоединяюсь къ привѣтствію народнаго пѣвца. Вѣрная передача этого богатства народнаго творчества изъ темныхъ захолустьевъ въ міръ, малознакомый съ народомъ, есть великая миссія. Горжусь 29-ти лѣтнимъ знакомствомъ съ Вами и цѣню знаки Вашего вниманія. Скромный труженикъ!

Булаковъ (музыкантъ).

Феодосія.—Привѣтъ народному русскому артисту отъ русскаго художника.

Айвазовскій.

Казань.—Сердечно обнимаю и поздравляю дорогаго Дмитрія Александровича. Искренно сожалѣю, что не могу лично присутствовать при торжествѣ стариннаго друга. Съ удовольствіемъ вспоминаю Ваши первые концерты, въ которыхъ

я пѣвалъ дуэть съ Вами, восхищаясь Вашимъ голосомъ и предсказывая Вамъ блестящую будущность.

Вальеръ (профессоръ пѣнія).

Юрвецъ. — Привѣтствуемъ двадцатипятилѣтіе русскаго народнаго пѣвца. Честь и слава юбиляру!

Пушкинь-Винклеръ.

Пенза. — Привѣтствую маститаго юбиляра Дмитрія Александровича Славянскаго. Да процвѣтаетъ русская пѣсня, прославленная имъ.

Вакуленко.

Курскъ. — Поздравляемъ и желаемъ долго наслаждаться русской родной пѣсней.

Бернаръ.

Москва. — Міру славянства пѣвецъ, златой тебѣ вѣнецъ; величаемъ тебя отца, русской пѣсни творца.

Завьяловъ (учитель).

Кострома. — Жалѣю, что лично не могу пріѣхать. Поздравляю.

Власовъ (антрепренеръ).

Петербургъ. — Въ числѣ множества поклонниковъ и цѣнителей Вашего таланта, привѣтствую и я Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, съ супругой, съ торжественнымъ юбилеемъ двадцатипятилѣтія Вашей почтенной дѣятельности, составляющей славу и гордость нашего отечества.

Владиміръ Ховановъ (фирма Югансонъ).

Одесса. — Поздравляю юбиляра съ славной дѣятельностью.

Н. Бертенсенъ.

Курскъ. — Примите, дорогой Дмитрій Александровичъ, наше поздравленіе.

Пригожева.

Варшава. — Старый знакомый шлетъ сотоварищу по музѣ скромныя и горячія поздравленія.

Бьсядовскій.

Петербургъ. — Мысленно поднимаю бокаль, чувствуя серебряный юбилей на поприщѣ роднаго искусства друга своего, Дмитрія Александровича. Дай Боже здравія и энергіи ему продлить эту службу до юбилея золотаго.

Академикъ *Михаилъ Микшинъ*.

Г а з е т ы:

Екатеринбургъ. — Шлетъ сердечныя поздравленія юбиляру
„Екатеринбургская Недѣля“.

Одесса. — Поздравленія, пожеланія!
„Новороссійскій Телеграфъ“.

Саратовъ. — Шлемъ восторженныя поздравленія.
Сотрудники „Саратовскаго Листка“.

Казань. — Воспроизводителю глубокой древности сочувственныя поздравленія.

Юшковъ. „Казанскія Губернскія Вѣдомости“.

Самара. — Приносимъ искреннія поздравленія дорогому юбиляру за его двадцатипятилѣтнее служеніе русскому дѣлу.

Сотрудники „Самарской Газеты“.

Воронежъ. — Славному импровизатору родныхъ мелодій привѣтъ и поздравленіе.

Исаевъ. „Воронежскій Телеграфъ“.

Иркутскъ. — Сотрудники редакціи мѣстной газеты просятъ принять ихъ отдаленный горячій отзывъ на русское торжество.

„Губернскія Вѣдомости“.

Кіевъ. — Въ день торжественнаго праздника русской пѣсни,

редакція „Кіевскаго Слова“ шлетъ искренній привѣтъ имени-тому ея поборнику и желаетъ ему здоровья на многіе годы.
Профессоръ *Антоновичъ*.

Харьковъ.—Поздравляю Васъ и Ваше семейство, желаю Вамъ отпраздновать и пятидесятилѣтній юбилей Вашей блестящей дѣятельности съ такимъ же сочувствіемъ русскаго общества, какъ сегодня.

Гозефовичъ (Редакторъ „Южнаго Края“).

Самара.—Присоединяюсь къ общему торжеству по случаю двадцатипятилѣтія Вашей артистической дѣятельности. Шлю сердечный привѣтъ и желаніе въ продолженіе еще многихъ лѣтъ пользоваться той же славой народнаго пѣвца, которая сопутствовала Вамъ не только въ Россіи, но и на чужбинѣ.

Новиковъ (Редакторъ „Самарск. Газеты“).

Тамбовъ.—Признавая Ваши огромныя заслуги въ дѣлѣ развитія отечественной музыки и нашей народной пѣсни, редакція „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ привѣтствуетъ Васъ, Дмитрій Александровичъ, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей артистической дѣятельности и желаетъ, чтобы она продолжалась еще много, много лѣтъ.

Соловскій.

Оренбургъ.—За пѣсни родныя пѣвцу могучему многи лѣта и вѣковѣчная слава!

Редакція „Оренбургскаго Листка“.

Петербургъ.—Эй ухнемъ, Уrrrrrrrrrrrrра!

„Стрегоза“.

Минскъ.—Присоединяемся къ общему чествованію Славянскаго пѣвца.

Редакція „Минскихъ Вѣдомостей“.

Енисейскъ.—Сотрудники газеты просятъ принять теплыя поздравленія, идущія изъ холодныхъ странъ.

„Енисейскія Вѣдомости“.

Баку.—Отдаленные сотрудники газетнаго слова, помняще тотъ восторгъ, котораго свидѣтелями они здѣсь были, радуются торжеству Вашему и Вашей пѣсни.

„Каспій“.

Общества и кружки:

Житомиръ. — Житомирское общество, припоминая Ваши, Дмитрій Александровичъ, чудныя пѣсни, спѣтыя между прочимъ и у насъ, считаетъ своимъ долгомъ присоединить и свой привѣтъ къ тому многочисленному хору лицъ, который сегодня привѣтствуетъ Ваше четверть-вѣковое артистическое, полное любви къ родинѣ и ея славнымъ пѣснямъ, поприще. Отъ искренняго сердца желаемъ Вамъ, Дмитрій Александровичъ, еще много и много лѣтъ продолжать свою славную задачу и свою высокохудожественную дѣятельность. Ваша чуткость ко всему прекрасному чисто-русскому, Ваша любовь къ нашей дорогой родинѣ и ея пѣснямъ, Ваше собраніе русскихъ древнихъ былинъ въ томъ первообразѣ, какой создала народная неподкрашенная муза и фантазія, даютъ Вамъ право на признательность всякаго русскаго сердца, которому дорога родина и все то поэтическое и художественное, что она создала. Горячо и искренно привѣтствуемъ Васъ. Да будетъ этотъ многознаменательный день съ одной стороны днемъ завершения пріятнаго славнаго артистическаго пути, а съ другой — началомъ новой неувядаемой дальнѣйшей дѣятельности Вашей въ будущемъ.

Баронъ Бирксъ, Фонъ-Валь (Губернаторъ), Уваровъ, Немира, Дипскій, Зехтенъ, Крестьяновъ, Казинъ, Беккеръ, Клица, Петровъ, Жолткевичъ, Радаковъ, Карповичъ, Матусевичъ, Синьковскій, Семковскій, Марковъ, Бекъ, Козловъ, Кирьяковъ, Омелянскій, Налайскій, Гадзинскій, Сачинъ, Ласковій, Качауновъ, Рыбикій, Безпаловъ, Брунсъ, Яцута, Пишувскій, Спунскій, Грекулевичъ, Соколовскій, Александровскій, Дединцовъ, Гладкій, Каваленскій, Щербикій, Латшанизовъ, Карпинскій, Краузе, Жукъ, Смолницкій, Раевскій, Гнивковскій, Скиба, Яницкій, Быковъ, Натъ, Зепинцевъ, Водарскій, Риана, Сьницкій, Малюшко, Юрашевъ, Карашевичъ, Давыдовскій, Яновъ, Вышинскій, Орловъ, Свадковскій, Думенькевичъ, Вертицкій, Богушевскій, Браунъ, Матковскій, Ляшковъ, Чернеръ, Розенбергъ, Зыбинъ, Василевскій.

Кострома.—Костромское Общество музыкальнаго и драматическаго искусства, высоко оцѣнивая двадцатипятилѣтнюю артистическую дѣятельность Вашу, шлетъ Вамъ привѣтъ и душевныя желанія, чтобы дѣятельность Ваша продолжалась еще много, много лѣтъ.

Почетный членъ *Калачевъ* (Костромск. Губернаторъ), *Желтзовъ*, (Директоръ) *Чальцевъ*.

Ревель.—Ревельское Преображенскаго собора училище попечительства привѣтствуетъ Васъ съ исполненіемъ двадцатипятилѣтней высоко-художественной народной артистической дѣятельности на славу дорогаго отечества. Да подастъ Вамъ Господь силы продолжать свое служеніе искусству на многія лѣта.

Предсѣдатель протоіерей *Поповъ*.

Сѣдлецъ (Польша).—Русское общество города Сѣдлеца шлетъ горячій привѣтъ и сердечное поздравленіе родному пѣвцу, посвятившему цѣлую четверть вѣка народно-артистической дѣятельности, восхищая русскихъ людей и вознося ихъ художественною передачей чарующихъ звуковъ родной пѣсни въ высшія сферы человѣческаго духа. Вы, высокопочитаемый *Димитрій Александровичъ*, въ то-же время явили всему цивилизованному міру богатство и прелесть русской народной пѣсни. Да звучитъ-же еще долго и долго родная пѣсня въ художественномъ воспроизведеніи Вашемъ, освѣжая и возвышая чувства русскихъ людей.

Суботкинъ (Сѣдлецкій губернаторъ), *Дмитровскій* (Начальн. дивизіи), *Викторовскій* (Управляющій Палатой), *Дермонтовъ* (Предс. Окружн. Суда), *Мудрова*, *Богдановъ*, *Чуйковъ*, *Широковскій*, *Зыковъ*, *Князь Дручій*, *Соколинскій*, *Черняевъ*, *Губоніевъ*, *Сикорскій*, *Авальдъ*, *Бржезовскій*, *Пестифоровъ*, *Федоровъ*, *Кудричій*.

Оренбургъ.—Оренбургскіе дворяне, цѣня Ваши заслуги предъ Русскимъ народомъ и признавая Васъ носителемъ

истинной народной пѣсни, прозвучавшей съ высокимъ достоинствомъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра, привѣтствуютъ Васъ съ двадцатипятилѣтнею дѣятельностію славнаго служенія и желаютъ, чтобы русская пѣсня еще долго звучала подъ знаменемъ Вашего славнаго имени.

Черновъ (Губернскій предводитель).

Кіевъ.—Кіевляне съ чувствомъ глубокой признательности присоединяются къ сонму привѣтствующихъ пѣвца народныхъ пѣсень и желаютъ ему многихъ лѣтъ.

Сольскій (Городской голова).

Омскъ.—Омское общество поздравляетъ Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ и желаетъ всего лучшаго, съ удовольствіемъ вспоминая концерты, данные Вами въ Омскѣ.

Езетъ (Омскій городской голова).

Самара.—Двадцатипятилѣтнее Ваше плодотворное служеніе отечественному искусству побуждаетъ самарское городское общество привѣтствовать Васъ съ настоящимъ юбилеемъ.

Алабинъ (Городской голова).

Новгородъ.—Граждане Новгорода поздравляютъ со днемъ двадцатипятилѣтія дѣятельности Вашей. Сердечное пожеланіе Вамъ на много лѣтъ.

Евдокимовъ (Городской голова).

Полтава.—Полтавцы сердечно Тебя привѣтствуютъ и поздравляютъ съ окончаніемъ двадцатипятилѣтней Твоей артистической дѣятельности. Присоединяясь къ нимъ, обнимаю Тебя крѣпко и шлю всей Твоей семьѣ лучшія пожеланія.

А. Абаза (Полтавскій городской голова).

Оренбургъ.—Оренбургская городская дума, въ засѣданіи 19-го апрѣля, единогласно уполномочила меня выразить Вамъ,

почтенный юбиляръ, глубокую признательность всего городского общества, какъ собирателю, хранителю и неподражаемому въ исполненіи артисту русскаго народнаго поэтическаго творчества. Ваши дѣятельность и искусство навсегда запечатлѣлись въ сердцахъ признательныхъ Оренбуржцевъ, которые въ сей знаменательный для всѣхъ день отъ души шлютъ Вамъ привѣтъ и пожеланія продлить на многіе годы Ваше славное и благотворное служеніе русской народной поэзіи и музыкѣ.

Середа (Городской голова).

Рѣжицы.—Рѣжицкое русское общество, желая вмѣстѣ съ Москвой выразить Вамъ свое сочувствіе по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей артистической дѣятельности, покорнѣйше просить Васъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ глубокой признательности, принять искреннія пожеланія, чтобы предпринятое Вами дѣло изслѣдованія русской народной музыки, развитія ея и ознакомленія съ ней публики продолжалось долго подъ Вашимъ талантливимъ руководствомъ во славу роднаго искусства и Вашего имени.

Уполномоченные: городской голова *Рытинскій*, Предсѣд. Съѣзда мировыхъ судей *Сачковъ*, Исправникъ *Браунъ*.

Серпуховъ.—Городъ Серпуховъ шлетъ свой привѣтъ и поздравленіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтнимъ служеніемъ Вашимъ на народно-артистическомъ поприщѣ на славу Россіи многіе годы!

Алексій Черновъ (Серпух. город. голова).

Бузулукъ.—Отъ лица всѣхъ здѣсь почитателей Вашихъ, живо помнящихъ двукратное Ваше посѣщеніе нашего города, и лично отъ себя приношу Вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ празднованіемъ Вашего юбилея. Дай Богъ Вамъ жить много лѣтъ!

Городской голова города Бузулука.

Кунгуръ.—Достоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Кунгурское городское общество, помня заслуги Ваши, какъ народнаго пѣвца и собирателя разнаго рода русскихъ народныхъ мотивовъ, въ настоящій знаменательный день считаетъ приятнымъ долгомъ выразить свое привѣтствіе и льстить себя надеждой услыхать когда-либо Ваше незабвенное пѣніе.

Колтаковъ (Кунгурскій городской голова).

Кишиневъ.—Кишеневское городское общественное управленіе проситъ привѣтствовать отъ его имени Дмитрія Александровича Агренева - Славянскаго въ славный день его юбилея, и выразить ему благодарность какъ за то истинное удовольствіе, которое неоднократно доставлялъ онъ Кишиневу, такъ и за то, что онъ познакомилъ Кишиневцевъ съ чисто-русской пѣснейю.

Карлъ Шмидтъ (Городской голова).

Сызрань.—Дмитрій Александровичъ! Позвольте принести въ день Вашего юбилея искреннюю признательность отъ жителей города Сызрани и лично отъ меня за тотъ трудъ, который Вы съ европейскою славою перенесли на народно-артистическомъ поприщѣ, и проѣздомъ не одинъ разъ давали возможность съ большимъ удовольствіемъ слышать Ваши художественныя произведенія пѣсенъ въ нашемъ небольшомъ городѣ. Мы льстимъ себя надеждою и еще встрѣтить Васъ въ нашемъ городѣ. Просимъ принять нашъ радушный привѣтъ.

Орловъ (Сызранскій полиціймейстеръ).

Ливны.—Поздравляемъ Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, благодаримъ за доставленное Вами нѣсколько разъ Ливенцамъ удовольствіе слышать и ознакомиться съ чисто-народнымъ пѣніемъ и желаемъ Вамъ еще много, много лѣтъ продолжать народно-артистическую дѣятельность.

Исправникъ *Гемельманъ*, Городской голова *Акатовъ*, Управляющій банкомъ *Рыбинъ*.

Нѣжинъ.—Ваши поклонники, лицеисты, пьютъ за Ваше здоровье и желаютъ Вамъ продолженія на многія еще лѣта Вашей славной дѣятельности.

Отъ Нѣжинскаго лицей.

Азовъ.—Просимъ принять горячее поздравленіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей славной дѣятельности.

Смолькова, Рыкалова, Антонова, Губкина, Сенковичъ.

Коломна.—Владимірскіе драгуны шлютъ товарищескіе привѣты, сердечныя поздравленія старому однополчанину съ юбилеемъ славнаго служенія родному русскому искусству.

Полковникъ *Виноградовъ* (Владимірскаго драгунскаго полка).

Оренбургъ.—Съ береговъ Урала шлемъ сердечный привѣтъ нашему чудесному Баяну и пожеланія много лѣтъ еще восхищать Русскій народъ его родными пѣснями.

Боголюбовъ (Директоръ Оренбургской военной прогимназіи) и его сослуживцы.

Москва.—Сердечно поздравляютъ уважаемаго юбиляра

начальница Александро-Маріинскаго училища и ея сослуживцы.

Харьковъ.—Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвиць, помня доставленное Вами художественное удовольствіе, шлетъ Вамъ привѣтъ и теплое поздравленіе съ двадцатипятилѣтнемъ Вашей артистической дѣятельности.

Голозвастова (Начал. Харьк. инстит. благород. дѣвиць).

Елецъ.—Прошу Васъ принять сердечныя поздравленія отъ воспитаницъ здѣшней гимназіи, надѣющихся праздновать Вашу пятидесятилѣтнюю юбилей.

Елецкая женская гимназія.

Калуга.—Педагогическій персоналъ Калужскаго реальнаго училища отъ души привѣтствуетъ перваго русскаго народнаго

пѣвца съ двадцатипятилѣтнемъ его славной артистической дѣятельности.

Кононовъ.

Кострома.—Неутомимому распространителю и славному исполнителю славянской народной пѣсни Славянскому шлють привѣтъ

Директоръ, Инспекторъ и Предсѣдатель Костромской гимназіи.

Горы-Горещія.—Горещія учебныя заведенія привѣтствуютъ двадцатипятилѣтній юбилей русскаго Баяна и распространителя русской пѣсни въ отчизнѣ и за моремъ, Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, и шлютъ ему искреннія пожеланія.

Арнольдъ, Безсоновъ 1-й, Кордюковъ, Озеровъ, Безсоновъ 2-й, Старостинъ, Череповъ.

Тюмень.—Дмитрій Александровичъ! Мы знаемъ Васъ не по наслышкѣ только; мы не разъ приходили въ восторгъ подъ вліяніемъ Вашего чуднаго исполненія чудныхъ русскихъ пѣсень и вполне раздѣляемъ торжество, устроенное въ честь Васъ.

Словцовъ, Поповъ, А. Петровъ, Захаровъ, Пикель, Лепехинъ, Катаевъ, Кузьминъ, Силецкій, Карповъ, Гейель. (Тюменское Реальное училище).

Пенза.—Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Въ высокоторжественный день двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей артистической дѣятельности позвольте и намъ выразить Вамъ свое сочувствіе, да продлитъ Господь Ваши дни, и да ниспошлетъ Вамъ здоровья и силу, чтобы Вы могли съ такимъ-же успѣхомъ продолжать Ваше великое служеніе.

Преподаватели и преподавательницы Пензенской женской гимназіи: *Ваагъ, Деливеронъ, Рудницкая, Бауеръ, Брокеръ, Николаева.*

Кіевскій Кадетскій корпусъ. — Привѣтствуемъ достойнѣйшаго Дмитрія Александровича въ юбилейный день его двадцатипятилѣтняго служенія народному искусству.

Алексѣевъ, Савостьяновъ, Стеблинъ-Клминскій, Федоровскій, Критскій, Троицкій, Демидовскій, Голицынскій, Зеховъ, Калашниковъ, Евреиновъ, Базилевичъ, Корольковъ, Дуссанъ, Прокопьевъ, Берестневъ, Островскій, Дьяченковъ, Третескій, Нечиторенко, Радошевичъ.

Пенза.—Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Преподаватели и воспитанники пензенской первой гимназіи поздравляютъ Васъ и, ожидая въ Пензу, желаютъ сдѣлать Вамъ торжественную встрѣчу, просятъ васъ не отказать съ капеллою проѣхать обѣдно въ гимназической церкви.

Христіанъ Петровичъ Вагъ.

Петербургъ.—Предсѣдательница и Правленіе нашего Общества поручили мнѣ поздравить Васъ съ днемъ двадцатипятилѣтія благотворной артистической дѣятельности Вашей, и выразить Вамъ въ столь знаменательный день сердечную благодарность Общества за неоднократно доказанное Вами сочувствіе къ его цѣлямъ.

Товарищъ предсѣдателя Общества попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ.

Михаилъ Гучковъ.

Кіевъ.—Поздравляю съ Высочайшимъ утвержденіемъ, втораго апрѣля, званія Директора Кіевскаго Губернскаго Попечительнаго Комитета.

Игнатъевъ.

Тверь.—Тверское благотворительное общество „Доброхотной копѣйки“, привѣтствуя Васъ, какъ почетнаго члена своего, въ дни юбилейнаго чествованія двадцатипятилѣтней по-

лезной народно-артистической дѣятельности Вашей, шлетъ Вамъ свои благопожеланія на дальнѣйшій трудъ для пользы и чести родины.

Предсѣдатель Тверскаго благотворительнаго общества „Доброхотной копѣйки“ *Сомовъ*, Секретарь *Покровский*.

Вологда.—Вологодское женское благотворительное общество, извѣщая Васъ объ избраніи въ почетные члены, въ лицѣ предсѣдательницы поздравляетъ Васъ, достойнаго юбиляра, съ торжествомъ.

Васильева.

Рыбинскъ.—Рыбинское ремесленно-промышленное попечительство горячо привѣтствуетъ своего высокоуважаемаго почетнаго члена въ день торжества его славной двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности на пользу отечественной музыки.

Правленіе *Нубченко*, *Заіончевскій*.

Петербургъ.—Попечительство надъ дѣтьми, отданными Императорскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ въ ученіе, какъ своего члена-соревнователя привѣтствуетъ Васъ по случаю празднуемаго сегодня двадцатипятилѣтія артистической дѣятельности Вашей, съ честію Вами посвященной собиранію и распространенію народныхъ пѣсень Русскихъ.

Предсѣдатель попечительства *Елисейвъ*, Товарищъ предсѣдателя *Климовъ*, Секретарь *Дебальскій*, Казначей *Левшикій*.

Вологда.—Правленіе Общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Александровскаго Вологодскаго Реальнаго Училища, съ чувствомъ особаго удовольствія привѣтствуя Васъ, какъ почетнаго члена Общества, въ памятный сегодня день, шлетъ высоко-уважаемому юбиляру свои искреннѣйшія благопожеланія.

Маакъ (Предсѣд. Общ. вспомош. уч. Александр. Вологодск. Реал. Учил.), Секретарь правленія *Полиевктовъ*.

Рига.—Члены Общества отставныхъ и запасныхъ воинскихъ чиновъ Риги привѣтствуютъ Васъ, своего почетнаго члена, въ этотъ торжественный день, какъ славнаго пѣвца родныхъ нашихъ пѣсенъ, отъ души желаютъ Вамъ долгой столь-же блистательной дѣятельности Вашей на артистическомъ пути.

Далева (Предсѣдатель).

Рязань.—Поздравляемъ, привѣтствуемъ славнаго юбиляра!
Зейцъ (Старшина Дворянскаго собранія).

Курскъ.—Нѣкоторые изъ курскихъ старшинъ собранія просятъ Васъ принять поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ служенія родинѣ.

Отъ старшинъ Курскаго собранія.

Новгородъ.—Дирекція клуба Новгородскаго соединеннаго Общества приноситъ поздравленіе со днемъ Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея. Сердечное желаніе продолженія Вашей артистической дѣятельности на процвѣтаніе русско-народной пѣсни. Многія лѣта глубоко-уважаемому русско-народному пѣвцу!

Ялта.—Общество спасенія на водахъ шлетъ привѣтствія и поздравленія своему почетному члену съ двадцатипятилѣтіемъ его служенія на поприщѣ народномъ.

Иваненко.

Москва.—Примите поздравленія отъ Общества, въ которомъ состоите почетнымъ членомъ.

Генеральша *Чертова* (Предсѣдательница попечительства Московскихъ дѣтскихъ приютовъ).

Ярославль.—Сердечныя поздравленія по случаю двадцатипятилѣтняго торжества

отъ воспитанниковъ Ярославскаго лицея.

Нѣжинъ.—Позволяемъ себѣ поздравить Васъ, Дмитрій Александровичъ, съ Вашей, дорогой нашему сердцу, русской дѣятельностью.

Отъ студентовъ Нѣжинскаго лицей.

Харьковъ.—Поздравленія и пожеланія юбиляру.

Отъ воспитанниковъ ветеринарнаго института.

Омскъ.—Омское Отдѣленіе Императорскаго Рускаго Музыкальнаго Общества, высоко цѣня заслуги Ваши на народно-артистическомъ поприщѣ и труды Ваши по ознакомленію далекой сибирской окраины съ русскою народною пѣсней, привѣтствуетъ Васъ, какъ наилучшаго выразителя художественныхъ сторонъ русской народной пѣсни и какъ распространителя и усовершенствователя русскаго народнаго эпическаго искусства.

Отъ Омскаго Отдѣл. Русскаго Музык. Общества: Предсѣдатель *Дмитріевъ-Мамоновъ*, Директоръ *Н. Фредериксъ*, *М. Буланже*, *М. Герасимовъ*, *И. Павловъ*.

Тамбовъ.—Тамбовское Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества привѣтствуетъ Васъ въ знаменательный день юбилея патріотической музыкальной дѣятельности Вашей, выражая искреннѣйшее желаніе, чтобы подъ руководствомъ Вашимъ еще многіе годы родная пѣсня раздавалась у насъ и за предѣлами дорогаго отечества.

Почетный членъ Отдѣленія Баронъ *Фредериксъ* (Тамб. губернаторъ), Предс. Тамбовск. Отд. И. Р. Музык. Общества *Е. Давыдова*.

Саратовъ.—Дирекція Саратовск. Отд. Имп. Руск. Музык. Общества поздравляетъ Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ служенія родному искусству.

Дирекція Саратовск. Отд. Имп. Руск. Музык. Общества.

Одесса.—Имѣютъ честь поздравить многоуважаемаго Дмит-

рія Александровича съ торжественнымъ днемъ двадцатипятилѣтняго юбилея его благотворной дѣятельности.

Инспекторъ классовъ Императ. Русск. Музык. Общества Одесскаго Отдѣленія, преподавательницы: *Анна Ивановна Чарова, Ценовская*, учащіяся.

Астрахань. — Астраханское музыкальное драматическое Общество, вспоминая то высокое наслажденіе, которое нѣсколько разъ получали Астраханцы, слушая Ваши концерты, позволяетъ себѣ присоединить свой скромный голосъ къ громадному хору почитателей Вашихъ со всѣхъ концовъ Россіи, поздравляющихъ Васъ сегодня съ крупнымъ событіемъ Вашей жизни, являющимся событіемъ и въ исторіи Русскаго народнаго искусства. Пользуясь этимъ случаемъ, наше Общество проситъ принять свои искреннія пожеланія, чтобы плодотворная дѣятельность Ваша продолжалась еще многіе годы съ прежнимъ успѣхомъ и прежней пользой для всѣхъ слоевъ Русскаго народа.

Предсѣдательница *Ольга Цеймернъ*.

Архангельскъ. — Архангельское Общество любителей музыки, не разъ исполнявшее творенія любимаго пѣвца, сердечно привѣтствуетъ его въ двадцатипятилѣтіе славной дѣятельности. Да живетъ на многія лѣта для славы русскаго народнаго искусства пѣвецъ Славянскій, да слышитъ его и нашъ дальшій Сѣверъ!

Члены Общества: *Гувелякенъ, Миллеръ, Бестужевъ, Анкудовичъ, Геллерманъ, Гувелякенъ, Фонтейнесъ, Поповъ, Гувелякенъ, Гербачевъ, Карповъ, Оболенскій, Ненаевъ, Синцовъ, Пецъ, Ульяновскій, Казабановъ, Мейеръ, Славинъ*.

Минскъ. — Минское музыкальное Общество приноситъ поздравленіе съ днемъ юбилея.

Предсѣдатель Совѣта Общества старшина *Герике*.

Казань.—Распорядительный комитетъ Казанскаго кружка любителей музыки, сочувствуя многолѣтней плодотворной Вашей дѣятельности, сердечно привѣтствуетъ со днемъ юбилея, душевно желаетъ силъ и здоровья продолжать Ваше служеніе родному искусству.

Члены: *Рустичкій, Болтерманъ, Ковальскій, Смоленскій, Юшковъ.*

Кишиневъ.—Въ день празднованія юбилея Вашей славной народно-артистической дѣятельности, примите привѣтствіе Кишиневскаго Музыкальнаго Общества.

Старшина распорядитель *Препелица.*

Самара.—Самарское Общество любит. музыки и драматическихъ искусствъ привѣтствуетъ двадцатипятилѣтіе Вашей плодотворной артистической дѣятельности и искренно желаетъ, чтобы русская народная пѣсня еще многіе годы имѣла въ Васъ своего просвѣщеннаго руководителя и покровителя.

Правленіе Самарск. Общ. любит. муз. и драмат. искусства.

Ревель.—Ревельское Общественное Собраніе „Гусли“ привѣтствуетъ славное двадцатипятилѣтіе великаго пѣвца русской пѣсни, вдохновеннаго проповѣдника славянской мысли.

Предсѣдатель *Яичевецкій.*

Полтава.—Дмитрій Александровичъ, Васъ чествуетъ Москва; конечно, и мы гордимся, что Вы у насъ почетнымъ членомъ. Поздравляемъ, радуемся!

Сафонова, Картова.

Рига.—Горячо привѣтствуемъ нашего почетнаго члена и сладкопѣвца въ день юбилея, да звучитъ русская пѣсня изъ конца въ конецъ по Руси прелестью душевной, теплотой и пользой въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ изъ сладкихъ устъ вдохновеннаго народнаго пѣвца.

Общество пѣнія и изящнаго говоренія въ Ригѣ „Баянъ“.

Шафрановъ (Предсѣд. Общ. „Баянъ“).

Псковъ. — Достоуважаемый Дмитрій Александровичъ, сегодня, въ день двадцатипятилѣтія Вашей артистической дѣятельности, примите искренній привѣтъ и душевное поздравленіе отъ Псковскаго хороваго Общества, столь много обязаннаго своимъ развитіемъ Вамъ, какъ истинному выразителю народнаго музыкальнаго творчества, Вамъ, великому народному пѣвцу, родителю и воспроизводителю дорогихъ всякому русскому сердцу родныхъ мелодій. Общество наше душою присутствуетъ на настоящемъ свѣтломъ праздникѣ Вашей жизни. Пусть Ваши мощныя пѣсни и впредь пробуждаютъ въ сердцахъ людей чувства мира, любви и гармоніи вѣчной и пусть Ваша слава льется и впредь, какъ лилась она четверть вѣка, широкой могучей рѣкой, пусть льется она и растетъ безконечно на пользу народа Россіи.

Предсѣдатель Общества *Клименбергъ*, Управляющій хоромъ *Кондратьевъ*.

Макарьевъ. — Макарьевское Общество любителей музыкально-драматическаго искусства привѣтствуетъ Васъ, какъ знаменитаго распространителя народной пѣсни, съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей народно-артистической дѣятельности.

Предсѣдатель *Верховскій*, Директоръ *Баскаковъ*, Члены: *Волженскій*, *Фроловскій*, *Михалевъ*.

Либавъ. — Либавское литературное Общество, чтя Ваше двадцатипятилѣтіе по собиранію и обработкѣ народныхъ напѣвовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствуетъ Васъ какъ заслуженнаго общественнаго дѣятеля, впервые съ очевидностью показавшаго Русскому обществу богатства народно-поэтическаго творчества и поставившаго народную пѣсню въ общемъ мнѣніи на подобающую ей высоту.

Желобовскій, *Семикольновъ*, *Непорожневъ*, *Кедренскій*, *Соллосъ*, *Малкинъ*, *Шумовъ*, *Аугенбергъ*.

Оренбургъ.—Съ далекой окраины, съ береговъ Урала привѣтствуемъ Васъ въ день двадцатипятилѣтія служенія Вашего русскому народному пѣснопѣвчеству художественнымъ исполненіемъ народно-славянской пѣсни. Вы, нашъ новый Баянъ, оживили и воскресили въ сердцѣ образованнаго общества родные напѣвы и прославили ихъ за предѣлами отечества. Привѣтствуемъ Васъ въ этотъ знаменательный день и желаемъ, чтобы истинная русская пѣсня широкой, живой волной разливалась по лицу родной земли, укрѣпляя народное самосознаніе и разливая въ сердцахъ доблестныя чувства, составляющія силу великаго народа, и чтобы плодотворная дѣятельность Ваша на этомъ поприщѣ продолжалась многія, многія лѣта.

Максимовичи, Андреевъ, Мунтъ, Безакъ, Софія Мунтъ, Зыбина, Рейнеръ, Луканина, Тильновъ, Пономаревъ, Распоповъ.

Воронежъ.—Воронежскіе почитатели таланта Дмитрія Александровича привѣтствуютъ его со днемъ двадцатипятилѣтія народно-артистической дѣятельности и шлютъ сердечное пожеланіе, да утѣшаетъ онъ Россію еще много лѣтъ ея родною пѣснею.

Бодановичъ, Карновичъ, Чертковъ, Лисаневичъ, Юрьевъ, Толстой, Струковъ, Семеновъ, Лабзинъ, Воскресенскій.

Кишиневъ.—Воспроизводителю русской глубокой старины, прославителю Россіи за границей честь и слава!

Ястребовъ, Шалшипамская, Викицкій, Чижовъ, Коровавъ, Выхинъ, Астафьева, Делингъ, Борисовскій, Осинъ, Межековскій, Клиновъ.

Петербургъ.—Пушкинъ очистилъ русскую рѣчь, Глинка открылъ родные звуки гармоніи; Вы облагородили русскую пѣснь. Слава, слава, слава Вамъ, доблестный юбиляръ!

Отъ почитателей.

Петербургъ. — Сердцемъ будемъ завтра и въ послѣдующіе дни торжества съ Вами. Спасибо Москвѣ за чествованіе своего Русскаго человѣка.

Титова, Протасовъ, Поповъ, Климова, Вишневскій, Ольшевъ, Яковлевъ, Мерецкій.

Москва. — Дорогому товарищу-юбилару привѣтъ. Искусство Ваше будетъ ореоломъ для Славянъ. Пойте, идите Вашей блестящей стезею. Гордимся 25-мъ апрѣлемъ, это — исторія. Ура! живіо счастливцу юбилару!

Коднеръ, Ушкановъ, Невскій, Анна Иванова.

Пенза. — Поклонники Русской пѣсни поздравляютъ своего любимаго юбилара.

Вакуленко.

Москва. — Ваша пѣсня затрогиваетъ живыя струны сердца, въ ней воплотилась сила и мощь Русскаго народа-великана.

Румянцева, Поваляшина, Анке.

Астрахань. — Компания друзей и поклонниковъ поздравляетъ Васъ, глубоко сочувствуя Вашей славной дѣятельности.

Ухтомскій, Власьевъ, Кохъ, Валькова.

Казань. — Многоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Молодежь приноситъ глубокую и искреннюю благодарность за Вашу близкую ея сердцу народную дѣятельность и самыя задушевные пожеланія Вамъ заслуженной оцѣнки отъ сердца Россіи — Москвы.

Студенты.

Елизаветградъ. — Елизаветградское общество шлетъ привѣтъ и поздравленіе славному русскому пѣвцу.

Марковъ.

Самаркандъ. — Цѣлый кружокъ Русскихъ людей просить меня передать Тебѣ ихъ сердечныя поздравленія и полное сочувствіе и спрашиваетъ, когда посѣтишь наши окраины?

За почитателей *Коротковъ.*

Тобольскъ. — Спѣшимъ присоединиться мысленно къ общему чествованію народнаго пѣвца, когда-то посѣтившаго и нашъ городъ.

Веревкинъ, Штибинъ, Дружановъ, Денисовъ, Рюзинъ, Брыховскій, Яковлевъ.

Екатеринбургъ. — Отъ Екатеринбургскаго Общества. — Честь и слава Вамъ, пѣвецъ русской земли. Восторженно привѣтствуемъ Васъ, какъ и съ восторгомъ нѣкогда слушали дивную Вашу капеллу. Съ Урала шлемъ ура!

Миславскій, Ландезинъ, Совѣткинъ.

Минскъ. — Поздравляемъ дорогаго юбиляра и желаемъ отъ всей души дальнѣйшаго успѣха.

Минскіе почитатели.

Екатеринославль. — Приносимъ сердечныя Вамъ поздравленія издалека по случаю торжественнаго юбилея Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельности; вѣрьте искреннимъ чувствамъ Вашихъ горячихъ поклонниковъ.

Ястребева, Шамшпанская, Андреевъ, Велиховъ, Сорокинъ.

Москва. — Проста та пѣсня, которую Вы поете, но чувства, вызываемыя ею, также сильны, какъ исторія народа, у котораго Вы заимствовали эту пѣсню. Радуетъ Вашей славы и поздравляемъ.

Смирновъ, Зинель, Павловъ, Антоновъ, Веселой.

Ярославль. — Достойному юбиляру наши сердечныя поздравленія, искреннія пожеланія всѣхъ удачъ въ его симпатичной дѣятельности.

Алашова, Верховцева, Тарасовъ, Кохъ, Колобовъ.

Гродно.—Вѣрите самымъ горячимъ чувствамъ Вашихъ друзей, слѣдящихъ всегда за Вашей славою въ Европѣ и на родинѣ. Поздравленія, привѣты наши вполне искренни.

Рѣпина, Смольянинова.

Самаркандъ.—Въ знаменательный день двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей артистической дѣятельности, любители пѣнія посылаютъ Вамъ изъ далекой окраины привѣтствіе, глубокую признательность и сердечное пожеланіе, чтобы Вы, нашъ народный пѣвецъ, еще многія лѣта жили и съ прежнимъ успѣхомъ и великой славой пробуждали бы въ сердцахъ Славянскомъ чувства отчизны родной.

Отъ имени общества

Степановъ, Вирскій, Коротковы, Коробицынъ, Богдановъ, Чесноковъ, Черногорецъ Табурновъ.

Баку.

Колдыбинъ, Алачеевъ, Товеркинъ, Санинъ, Зарубинъ, Грубинъ.

Каменская Станица.—Шлемъ и мы изъ скромнаго уголка тихаго Дона въ день юбилея народнаго пѣвца свое задушевное привѣтствіе и глубоко благодаримъ за не разъ доставленное намъ удовольствіе. Дай Богъ пожить Вамъ еще долго и потрудиться на славу родины и радость Русскаго сердца.

Карповъ, Яновъ, Грековъ, Малининъ, Дмитровъ, Гуевъ, Купидоновъ, Иванъ и Василій Холмовы, Уткинъ, Севрюгинъ, Аркадій Золотаревъ, Алексій Золотаревъ.

Вильно.—Приносимъ сердечныя поздравленія съ двадцатипятилѣтней дѣятельностью. Да сохранить Васъ Богъ, на пользу и славу родной земли, излюбленный нашъ славяно-русскій пѣвецъ.

Кононовъ, Прибытковъ, Озеровъ, Залѣскій, Власевы.

Бердянскъ.—Присоедините наши искреннія поздравленія Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельности къ общему торже-

ству. Мы любимъ и чтимъ Васъ, Дмитрій Александровичъ, русскаго пѣвца-дѣятеля.

Славинъ, Мансфельдъ, Головкинъ, Сахарова.

Калишь. — По случаю торжественнаго юбилея Вашей патріотической дѣятельности приносимъ Вамъ наши сердечныя поздравленія.

Лебедевъ, Инатъева, Вакулова, Берманъ, Соловцова.

Пековъ. — Всѣ истинно-Русскіе люди сочувствуютъ торжеству въ Вашу честь. Примите наши лучшія пожеланія, поздравленія.

Чельшева, Ильина, Малькова, Котылова, Иванова.

Саратовъ. — Привѣтствуемъ Дмитрія Александровича Славянскаго, какъ единственнаго исполнителя богатой мелодіями чудной русской пѣсни.

Почетные члены Комитета, Саратовцы: *Ларионовъ, Горизонтовъ.*

Сѣдлецъ. — Можете быть увѣрены, что во всѣхъ углахъ Россіи сочувствуютъ Вашему торжеству. Примите поздравленія.

Милаловъ, Вознесенскій, Витмеръ, Ветковскій.

Ахалцыхъ. — Вы доказали на дѣлѣ силу русской народной пѣсни, Вы увѣровали въ нее и насъ научили вѣрить, увлекающая дивнымъ ея обаяніемъ, Вы поразили, восхитили Европу, Америку! Спасибо Вамъ отъ русскихъ людей съ окраины.

Борисовъ, Быковъ, Змиевъ.

Лодзь. —

Сапойловичъ, Круковскій, Густь, Озеровъ, Александровъ.

Черниговъ. — Дозвольте, намъ, друзьямъ и сослуживцамъ выпить за здоровье товарища-юбилера.

Тихоміровъ, Акулины, Ивановъ, Поливановъ.

Балаклава.—Кто разъ слышалъ Ваши дивныя пѣсни, вѣчно находится подъ ихъ обаяніемъ. Чествуемъ Васъ и поздравляемъ.

Мирскій, Осиповъ, Вранскій, Алексѣева.

Красноярскъ. — Воспоминаніе о Вашихъ концертахъ живетъ между красноярцами. Шлемъ Вамъ поздравленія, привѣтъ и приглашеніе посѣтить насъ вновь.

За Красноярцевъ *Черныхъ, Цибумскій, Губкинъ, Барановъ.*

Петербургъ.—Идите такъ-же неуклонно и слѣдующую четверть вѣка. Отечество оцѣнило Вашу дѣятельность, а потомство воздвигнетъ Вамъ памятникъ въ сердцахъ своихъ.

Медомъ, Исаева, Коль.

Ахалцыхъ. — Закинутые сюда рукою судьбы, Ваши поклонники сердцемъ участвуютъ въ Вашемъ торжествѣ.

Булнина и Истомина.

Петербургъ. — Старые друзья и поклонницы просятъ принять поздравленія и сердечныя пожеланія долгой полезной дѣятельности.

Зыбина, Окуньковъ, Идельсонъ, Преображенскій, Абраменко.

Верхотурскъ. — Душевно радуемся, поздравляемъ съ торжественнымъ праздникомъ и желаемъ долголѣтней дѣятельности на пользу отечества.

Горилинъ, Курбатовъ, Самойлова.

Вологда.—Вы пѣли, а сердца наши вторили Вашимъ чуднымъ звукамъ. Ваше имя безсмертно въ памяти слушавшихъ Васъ. Чествуемъ Васъ, Вы достойны этого.

Владиславлевъ, Погорскій, Захаровъ, Ульяновъ, Акимова, Древшъ.

Вѣрный. — Не простую мелодію, оторванную отъ почвы, поете Вы. Ваша пѣсня—историческая правда, звуки ея—го-

лось народа, слово—бытовая его жизнь. Сердечно радуемся чествованіямъ Васъ, пѣвца русской пѣсни. Поздравляемъ, обнимаемъ роднаго Баяна.

Куманина, Сумарокова.

Петербургъ.—Ваши горячіе поклонники шлютъ Вамъ поздравленія и сердечныя пожеланія еще долгихъ лѣтъ на славу родной земли.

Кеель, Муравьева, Городецкая.

Тифлисъ.—Поздравляемъ, радуемся торжеству. Много сдѣлали Вы Вашей дивной пѣсней. Довершайте такъ-же достойно хорошее Ваше дѣло,—прославите и пѣсню и себя.

Абамелекъ, Ахтыровъ, Носовъ, Болотовъ, Ладьяжкинъ.

Оренбургъ.—Съ границъ Азіи русскимъ отзывчивымъ Вашимъ сердцемъ примите русскихъ людей поздравленія, сердечныя желанія Вамъ и дѣлу Вашему долгихъ лѣтъ, а равно и сотрудицѣ неутомимой Вашей.

Пазухинъ, Сулицъ, Ермилинъ, Ольховская, Комарова, Гридина.

Петербургъ.—Пойте еще многіе годы, слава Россію и народъ нашъ. Благодарное потомство запишетъ Ваше имя въ своемъ сердцѣ.

Михалковъ, Голубова, Захаровъ.

Тамбовъ.—Приносимъ Вамъ поздравленія отъ истинно любящихъ русскую пѣсню и цѣнящихъ въ Васъ ея возстановителя.

Мещерякова, Потъхинъ, Романовскій, Саблеръ, Третьяковъ.

Култукскъ.—Звуки пѣсенъ родныхъ залетали въ души наши, то пробуждая въ нихъ скорбь любви на днѣ сердца, то горе, или радость матери, то печаль и прелесть молодости. Неслись соловьинымъ щекотомъ пѣсня лебедя, иль твоего

хора чародѣйнаго. Дивиль ты и Парижъ, и Нью-Йоркъ чудной голосистостью Русскихъ звуковъ. Процвѣтай, желанный, на славу искусства.

За все общество *Корнеевъ, Булмучевъ, Баталинъ, Зыбинъ, Кшикинъ, Орловъ, Войццкій, Палатовъ.*

Царицынъ.—Поздравляемъ проводника русскихъ напѣвовъ, роднаго соловушку.

Царицынскіе почитатели.

Тверь.—Станція ж. д., проѣзжающіе. Еще не потеряли воспоминанія о вечерѣ, устроенномъ въ честь народной пѣсни и Васъ, ея представителя. Примите здравицу того кружка.

Славина и почитатели—пассажиры.

Нижній-Тагиль.—Многіе почитатели Вашего таланта просятъ принять отъ лица ихъ и принести Вамъ поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей полезной дѣятельности.

Семякина, Сытовъ, Озеровъ, Раповскій.

Рыбинскъ.—Родная зѣмля наша гордится Вами, а Вы прославили ея пѣсню, разнеся звуки родные за горы и моря чужеземныя. Поздравляемъ, величаемъ Васъ.

Апухтина, Зимина, Селезнева, Александрова.

Полоцкъ.—Искреннія поздравленія, душевныя пожеланія друзей и поклонниковъ.

Афросимовъ, Солдатенковъ, Селезневъ, Стимъ, Сатинъ.

Петропавловскъ.—Далекіе друзья русской пѣсни просятъ привѣтъ ихъ большое спасибо за прославленіе народа нашего въ Европѣ. Поздравляемъ, сочувствуемъ Вашему заслуженному торжеству.

Авдѣевъ, Анпенковъ, Говоровъ, Павловъ, Величко, Верещанинъ, Антиповъ.

Каменецъ-Подольскъ.—Торжество Ваше—торжество всѣхъ русскихъ людей. Радуюсь, поздравляемъ.

Ширяева, Блиновъ, Ръзуновъ, Студіенко, Велиховъ, Вельскій.

Витебскъ.—Привѣтствуемъ нашего Баяна. Пусть возвѣщаетъ онъ русскою пѣсней миръ и благоволеніе во всѣхъ странахъ свѣта.

Гвоздевъ, Ивановскій, Кирилловъ, Павловъ, Сапуновъ, Фелицынъ, Чеботиревъ.

Тамбовъ.—Какую обаятельную прелесть имѣетъ Ваша пѣсня, доказалъ намъ восторгъ Европейцевъ. Мы гордимся Вами, Дмитрій Александровичъ, славимъ Васъ и участвуемъ мысленно въ Вашемъ торжествѣ.

Сергѣевъ, Филатовъ, Васильевъ.

Гжатскъ.—Не обманетъ Ваша пѣсня: она искренна и правдива, какъ Ваша душа, оттого всѣ сердца покоряете Вы ею. Поздравляемъ Васъ, славимъ и пьемъ Ваше долгоденствіе.

Молотова, Калугина, Ръшетина, Есипова.

Вышній Волочекъ.—Да здравствуетъ пѣсня и ея достойный представитель. Слава. Ура!

Почитатели таланта пѣвца Славянскаго.

Калуга.—Ваше имя долго будетъ жить въ памяти горячихъ Вашихъ поклонниковъ.

Отъ поклонниковъ Калужскаго общества.

Брянскъ.—И здѣсь поклонники и поклонницы Ваши пьютъ Ваше здоровье.

Салова, Анненкова, Кондратьева, Болотова.

Вольскъ.—Радуюсь за Васъ и за родную пѣсню, которую Вы вынянчили. Поздравляемъ.

Келли и Сидоренко.

Василь-Сурскъ. — Воспроизводителю народной жизни, хранителю бытовой правды, собирателю народныхъ богатствъ—слава и честь.

Чеботаревъ, Бьльскій, Мелюковъ.

Выборгъ — Просимъ принять наши поздравленія по случаю торжественнаго юбилея Вашего.

Шаховской, Зьвревъ, Устиновъ.

Владиміръ губ. — Завтрашній день будетъ памятенъ всей Россіи, гдѣ всѣ воистинну русскіе люди сочувствуютъ Вашему успѣху и торжеству пѣсни.

Сабуровъ, Онуфриевъ, Дьвочкинъ, Динковская.

Пенза.—Уважая Ваши многолѣтніе труды на пользу русскаго музыкально-вокальнаго искусства, съ древними и новыми произведеніями котораго Вы, благодаря Вашему образцовому хору, больше чѣмъ кто-либо другой познакомили и русскую и иностранную публику, привѣтствуемъ всѣмъ обществомъ Васъ со днемъ исполненія двадцатипятилѣтія Вашей артистической дѣятельности и выражаемъ наше искреннее желаніе продолженія ея на многіе годы во славу нашего отечества, искусства и Вашего таланта.

Гасриль Преображенскій, Христіанъ Ваагъ.

Вятка.—Отрадныя минуты, доставленные намъ Вашими концертами, незабвенны. Все общество желаетъ вновь слышать Васъ и приносить Вамъ поздравленіе съ торжествомъ вашего юбилея, радующимъ всякаго русскаго человѣка. За всѣхъ почитателей Вашихъ

Митропольскій, Антоновичъ, Метлицкій.

Алатырь.—Старые поклонники и поклонницы Вашего дѣла шлютъ поздравленія отъ искренняго сердца.

Власьева, Картавова, Анисимова, Петровъ, Жемчужниковъ, Соловьевъ, Крутойярова.

Раздорская станція (Донецкой ж. д.).—Слава Славянскому пѣвцу. Четверть вѣка Вашей почтенной дѣятельности ставятъ

прочно дѣло Ваше на историко-научную почву. Примите поздравленія поклонниковъ Вашего симпатичнаго всякому русскому человѣку дѣла.

Козинъ-Иловайскій, Десяревъ, Карпицкій, Ковальскій, Шмидтъ, Раменскій, Устиновъ, Осташевскій.

Елабуга.—Слава пѣвцу народныхъ звуковъ, пѣвцу избраннику, слава русской простонародной пѣснѣ! Честь и хвала тому обществу, которое сумѣло оцѣнить дѣятельность и услуги, оказанныя Вами русскому народному дѣлу. Поздравляю, преклоняюсь!

Смолюковъ.

Бѣжецкъ.—Безцѣнный родной нашъ одинъ пѣвецъ народный, здѣсь сіяетъ также лучезарная Твоя звѣзда. Прими поздравленія скромныхъ поклонниковъ!

Добронравовъ, Коровинъ, Коншинъ, Теплицынъ, Александровъ.

Маріуполь.—Лучше поздно, чѣмъ никогда! Сейчасъ узнали о Вашемъ юбилеѣ. Спѣшимъ поздравить!

Енгельмартъ, Петровъ, Копыловъ.

Чистополь.—Восхищенные Вашими дивными пѣснями, мы, скромные здѣшніе жители, позволяемъ прибавить наше скромное поздравленіе къ множеству другихъ по случаю Вашего торжественнаго юбилея.

Вольскій, Ходневъ, Самсоновъ.

Плоцкъ.—Живите многія лѣта на славу родины, несравненный пѣвецъ славянскихъ мелодій, не забывая и на окраинахъ русскихъ людей.

Водовъ, Ахлестышевъ, Васильевъ, Смирновъ.

Арзамасъ.—Дай Богъ Вамъ и Вашему дѣлу процвѣтанія и долговѣчія.

Никитинъ, Сухотинъ, Максимовъ, Глаголевъ, Заруцкій, Выдринъ.

Вязьма.—Вяземское общество привѣтствуетъ юбиляра торжественнымъ воспоминаніемъ заслугъ именитаго русскаго пѣвца.

Василій Гусевъ, Ф. Зуевъ, Уклонскій, Григорьевъ, Ф. Бобровъ.

Минскъ.—Почитатели русской пѣсни приносятъ сердечныя поздравленія поборнику русской пѣсни въ день признанія ея торжества.

Поповъ.

Оренбургъ.—Посылаемъ искреннее привѣтствіе достойному пѣвцу, распространителю русской народной пѣсни по всему цивилизованному міру. Слава!

Замятина, Беррманъ, Панфилова, Витторфъ, Пацевичъ.

Уральскъ.—Славянскому пѣвцу. Поздравляемъ, желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ!

Мецзяковъ, Чаинъ, Василевъ, Иванинъ.

Карачевъ.—Прошу Васъ принять поздравленія

Карачевскихъ почитателей.

Кутаисъ.—Пойте, пѣвецъ, на радость и славу Вашей родины и на укрѣпленіе русскаго духа въ Россіи.

Самсоновъ, Арнольдъ, Симсонъ.

Динабургъ.—Дай, Богъ чтобы струны Вашей лиры звучали вѣчно въ унисонъ съ чувствами русскихъ людей.

Быковъ, Цытаевъ, Славскій.

Ирбитъ.—Слышавшіе Васъ въ концертахъ въ Тобольскѣ почитатели привѣтствуютъ Вашу двадцатипятилѣтнюю дѣятельность.

Суконцевъ, Кумиковъ, Выходцевъ, Лбовъ.

Петербургъ.—Народному пѣвцу Дмитрію Александровичу

Славянскому, лучшему воспроизводителю русской исторической старины. Слава и искреннія поздравленія отъ поклонниковъ пѣсни.

Сопчаковъ, Крутойрова, Волховской, Вурмъ.

Петербургъ.—Примите и наши горячіе привѣты и поздравленія съ торжественнымъ днемъ Вашего двадцатипятилѣтія. Дай Богъ Вамъ продолжать и еще столько же славную и полезную Вашу дѣятельность.

Повалишинъ, Каменева, Грибушина, Селиховичъ.

Владикавказъ.—Народному пѣвцу Славянскому. Радуемся Вашему славному юбилею двадцатипятилѣтней неутомимой дѣятельности. Поздравляемъ и желаемъ многолѣтія на пользу родины.

Славковичъ, Беличевъ, Горталовъ, Янушкевичъ.

Бѣлостокъ.—Четверть столѣтія трудитесь Вы на поприщѣ русско-славянской музыки, поздравляемъ!

Лихачевъ, Снитковъ, Угловъ.

Кутаисъ.—Народному артисту Славянскому. Ваши далекіе друзья шлютъ привѣтъ Вамъ и поздравленія, Вы дѣлаете хорошее честное дѣло, продолжайте!

Величковъ, Зиминъ, Сладковичъ.

Поздравляемъ, привѣтствуемъ славнаго юбиляра:

Петровъ (адвокатъ, изъ Новгорода), *Тупаловъ* (изъ Можайска), *Келлеръ* (изъ Витебска), *Федоръ* и *Ольга Каминскіе* (изъ Костромы), *Харитоновъ*, *Зубакинъ* (изъ Петербурга), *Шрейеръ* (изъ Кутаиса), *Рудаковский* (изъ Дорогобужа).

Смоленскъ.—Многіе Ваши почитатели приносятъ Вамъ ихъ искреннія поздравленія въ день чествованія Вашей достойной уваженія двадцатипятилѣтней дѣятельности и желаютъ ей процвѣтанія.

Верховская, Боброва, Яхонтовъ, Тихонравовъ, Ессенъ.

Ставрополь.—Нашему боярину пѣснопѣвцу Дмитрію Александровичу отъ друзей его поздравленія и лучшія пожеланія еще большей, если возможно, славы.

Щеткинъ, Саватовъ, Субботинъ.

Тифлисъ.—Славянскому пѣвцу. Конецъ славнаго двадцатипятилѣтія народной дѣятельности пусть будетъ началомъ новаго славнѣйшаго. Отечество цѣнитъ достойно Ваши труды.

Наумовъ, Желобовскій, Струйскій.

Рига.—Желаніямъ нашимъ Вамъ успѣха нѣтъ границъ. Поздравляемъ, благодаримъ за чудныя минуты въ Вашихъ концертахъ.

Родольфъ, Гензель, Шмидтъ.

Черниговъ.—Дружескія привѣтствія, сердечныя поздравленія родному пѣснопѣвцу родныхъ напѣвовъ!

Бирюлинъ, Яковлевъ, Сертсва.

Рязань.—Мы свидѣтели того, какъ постепенно, благодаря Вашимъ неустаннымъ заботамъ, распространялась наша пѣсня, какъ росло ея значеніе, и какъ достигла она настоящей высоты. Поздравляемъ.

Мамуръ, Кротковъ, Мазуринъ, Ивановъ, Жельзневъ.

Мелитополь.—Незнакомые Вамъ почитатели Вашихъ концертовъ посылаютъ Вамъ немного запоздалое, искреннее поздравленіе.

Новиковъ, Аванасьева, почитатели.

Петербургъ.—Вы пѣли пѣсни нашего народа и мы повѣрили ихъ будущности. Славимъ Васъ и пѣсню Вашу и поздравляемъ съ торжественнымъ юбилеемъ.

Василевскій, Анастасьевъ, Марковъ, Крюковъ, Розовъ.

Херсонъ.—Приносимъ нашу лепту поклоненія таланту Ва-

шему, энергій, доведшимъ Ваше дѣло до блестящихъ результатовъ.

Сиверсъ, Качаловъ, Василевскіе, Хохлова.

Ярославль.—Сейчасъ узнали о Вашемъ юбилеѣ, примите наши сердечныя поздравленія и желанія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Федоровскій, Дегтяревъ, Чавкинъ.

Дербентъ.—Народному пѣвцу Славянскому. Горюемъ о позднемъ поздравленіи, сейчасъ узнали о предстоящемъ торжествѣ. Горячо привѣтствуя, молимъ Бога, да сохранитъ Васъ на многія лѣта.

Одинцовъ, Зурскій, Тумаковъ.

Петербургъ.—Пой еще долго, утѣшая насъ своими нѣжными, въ душу идущими звуками, дорогой нашъ соловушко. Честь тебѣ за торжество русской пѣсни и спасибо за стойкую дѣятельность на поприщѣ патріотическо-народномъ.

Рыбицкая, Веселовская, Кутукова, Голявкинъ, Кубаревъ, Соимоновъ.

Петербургъ.—Народному пѣвцу Славянскому. Въ кругу друзей, окруженный славой и поклоненіемъ, вспомните старыхъ знакомыхъ и примите ихъ искреннѣйшія поздравленія по случаю двадцатипятилѣтія Вашей славной патріотической дѣятельности. Вы совершили четверть вѣковой гражданской подвигъ и имя Ваше перейдетъ въ исторію народа. Вамъ слава и честь, а намъ—радость.

Захаровъ, Захарова, Голубова, Астафьева, Кулаковскій, Маня Захарова.

Тотьма.—Величаемъ и поздравляемъ лучшаго дѣятеля на поприщѣ народно-музыкальномъ. Дай Богъ Вамъ здоровья и силъ на продолженіе этой дѣятельности.

Кузьминъ, Турчаниновъ, Прибытковъ.

Соликамскъ.—Далекіе, но истинные почитатели Ваши поздравляютъ, прославляютъ и величаютъ Васъ, пѣвецъ,—дѣятель на почвѣ народной.

Рябининъ, Судяновъ, Худяковъ, Уголенцевъ, Витпель.

Рыбинскъ.—Поклонники Вашего таланта и заслугъ по народно-художественной дѣятельности въ день Вашего юбилея шлютъ Вамъ сердечный привѣтъ и поздравленія.

Хлѣбниковъ, Фаворовъ, Дебиль, Резова, Покровский, Подставинъ.

Кременчугъ.—Концерты Ваши раскрыли намъ новую сокровищницу звуковъ. Мы гордимся Вами и радуемся торжеству Вашего двадцатипятилѣтія.

Терещенко, Солнцевъ, Максимовъ, Сеницынъ, Бойцовъ, Авдѣева.

Бологое.—Съ полупути къ Москвѣ присоединяемся къ общему чествованію Васъ и поздравляемъ народного нашего импровизатора, пѣвца русской исторической были.

Корниловъ, Крицковъ, Гейцихъ, Холутовъ, Вишневецкая, Рыкалова, Сапожниковъ, Сергѣевъ.

Горки.—Скромные обитатели Горокъ, уважая полезную Вашу во истину народную дѣятельность, шлютъ Вамъ поздравленія съ торжественнымъ юбилеемъ.

Рязановъ, Зыбинъ.

Зарайскъ.—Дорогаго нашего боярина поздравляемъ со днемъ торжества.

Котыловъ, Алмазовъ, Клубининъ, Андреевъ.

Варшава.—Проѣздомъ за границу посылаемъ теплыя, сердечныя поздравленія и пожеланія родному пѣвцу.

Мысловскій, Власовъ.

Козловъ.—Дивные звуки Ваши не забыть намъ, — тѣмъ искреннѣе наши поздравленія. Желаемъ Вамъ полного успѣха, который Вы вполне заслужили.

Любители пѣнія.

Ромны.— Вы поняли значеніе пѣсни и дѣлаете ея чудеса. Славимъ, поздравляемъ.

Истева, Авдѣева, Жемчужниковъ, Ръшетницкій, Савельевъ.

Переяславль-Залѣсскій.— Лѣтя себя надеждой слышать и у насъ Ваше дивное пѣніе, шлемъ Вамъ теплыя привѣтствія по случаю Вашего юбилея.

Горплингъ, Астафьевъ, Кубаревъ, Мятлевскій, Васильевъ.

Моршанскъ.— Празднованіе Вашего двадцатипятилѣтія есть торжество возрожденія русской пѣсни. Спасибо Вамъ отъ русскихъ людей!

Меркулова, Апановъ, Семевскій, Кондратьева, Любимовъ, Ваагъ.

Черкасскъ.— Русскому пѣвцу любители русской народной музыки шлютъ сердечные привѣты и лучшія пожеланія. Да продлится Ваша плодотворная дѣятельность на многіе годы.

Сердюковъ, Гофмейеръ, Прибытковъ, Волковъ, Лазаревъ.

Новгородъ-Сѣверскъ.— Присоединяемъ наше поздравленіе ко множеству, несомѣнно летящихъ къ Вамъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Быстровъ, Тихоновъ, Раевскій, Карпенко, Коваленко, Сидоровъ, Матвѣева.

Шуя.— Примите сердечныя поздравленія, поздравленія Вашихъ поклонниковъ съ Вашимъ славнымъ юбилеемъ.

Никитинъ, Страчевскій, Онеговъ.

Сызрань.— Почитатели Вашего чуднаго пѣнія просятъ передать Вамъ поздравленія и сочувствіе торжеству Вашей двадцатипятилѣтней славы.

*Веревкинъ, Замятина, Ковалевъ, Андрониковъ, Якушкинъ—
Почитатели.*

Шуя.— Незванная, не прошенная болѣзнь лишаетъ возможности усерднаго Вашего поклонника присутствовать на юбилеѣ Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельности. Примите заочно горячія поздравленія и сердечныя пожеланія полнаго успѣха.

Капустинъ, Сердюковъ, Савеловъ, Котыловъ, Пазухинъ, Калиновичъ.

Севастополь.— Присоединяемъ наши поздравленія къ прочимъ, желаемъ Вамъ долголѣтнихъ успѣховъ и славы. Слава Вамъ, что пронесли нашу пѣсню по всему свѣту.

Рыкаловъ, Масловъ, Дюжиковъ, Рыбниковъ, Покровский, Саваткинъ.

Самаркандъ.— Мысленно присутствуя на торжественномъ празднованіи Вашего двадцатипятилѣтія служенія родинѣ, говоримъ Вамъ: вспомните и посѣтите и далекія окраины Россіи, гдѣ такою-же любовью къ русской пѣснѣ бьются русскія сердца.

Руффъ, Щербо, Кротковъ, Степановъ, Алабисовъ.

Ставрополь.— Сегодня праздникъ для всей русской великой семьи— праздникъ совершеннолѣтія русской пѣсни, вынянченной Вами. Благодаримъ и поздравляемъ!

Вакуровъ, Сатинъ, Постыловъ, Почирскій.

Коломна.— Примите поздравленія отъ Вашихъ поклонниковъ, всегда съ восторгомъ слушавшихъ Ваше, чарующее душу, пѣніе.

Многіе почитатели Вашего таланта.

Таганрогъ.— Чудныя Ваши пѣсни усладили много горькихъ дней въ нашей жизни. Поздравляемъ Васъ съ торжествомъ этой многосильной пѣсни. Дай Богъ Вамъ много лѣтъ прославлять народными звуками дорогую родину.

Пименовъ, Замятнинъ, Никифорова, Волгинъ.

Ростовъ-Ярославскій.— Почитатели Вашего таланта поздравляютъ Васъ въ день двадцатипятилѣтняго юбилея дѣятельности Вашей на поприщѣ развитія русской національной музыки и желаютъ Вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

С. Мясцовъ, Андрей Ивановъ, Мазаевъ, Оминъ, М. Додоновъ, И. Латышевъ, Н. Латышевъ, К. Рыбаковъ, А. Алейсъ, И. Семилкевичъ, П. Пирожковъ, И. Кудрявцевъ, Н. Рыковъ, Н. Аверкиевъ, В. Маминъ.

Царицынъ.— Сегодня, въ день Вашего двадцатипятилѣтняго, друзья Ваши провозглашаютъ Ваше здоровье, многолѣтне. Славу Вашему имени!

Челодаевъ, Ширяевъ, Прокофьевъ, Солдатенковъ, Акимовъ.

Карачевъ.— Поздравляемъ Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ на поприщѣ народнаго артистическаго русскаго пѣнія. Если вздумаете посѣтить Карачевъ, то доставите удовольствіе.

Перковский, Звездинцевъ, Жуковъ, Беляковъ, Баталинъ, Лещинскій, Мостовенко, Лозинскій.

Друскеники.— Старые друзья поздравляютъ съ юбилеемъ Вашей артистической дѣятельности и желаютъ Вамъ долго еще трудиться на славу народной музы.

Гопитровская, Масальская.

Екатеринодаръ.— Друзья русской пѣсни приносятъ славянскому пѣвцу искреннія поздравленія съ двадцатипятилѣтнимъ полезной дѣятельности.

Плоцкъ.— Доброе дѣло дѣлаете Вы, Дмитрій Александровичъ, поднимая пѣсню и прославляя ею наше отечество. Русскіе люди на западѣ и на окраинахъ слѣдятъ за Вами сочувственно.

Соловцовъ, Декауръ, Семеновъ, Дыминъ, Деицеровъ.

Сумы. — Сумскіе почитатели поздравляютъ юбиляра и на-
дѣются не разъ еще восхищаться его чуднымъ пѣніемъ.

Почитатели таланта.

Бѣжецкъ. — Славному юбиляру сердечныя привѣтствія позд-
равленія, пожеланія!

Зыбинъ, Крюковъ, Владиміровъ, Силыгинъ.

Бердичевъ. — Нечаянно узнавши о Вашемъ двадцатипяти-
лѣтнемъ юбилеѣ, спѣшимъ принести позднее наше поздрав-
леніе и величаніе пѣвца изъ пѣвцовъ!

Ахтыровъ, Каменевъ, Мерлюковъ, Куницый, Севастьяновъ.

Петербургъ. — Желаемъ Вамъ славнаго продолженія давно
начатаго дѣла. Поздравляемъ!

*Хомяковъ, Чеботаревъ, Славинъ, Калининъ, Малецкій, Сидоринъ,
Вурмъ.*

Моршанскъ. — Поздравляемъ дорогаго юбиляра съ торжест-
веннымъ празднованіемъ двадцатипятилѣтія, желаемъ здо-
ровья для процвѣтанія его дѣла.

Кубаревъ, Губкинъ, Потъхинъ, Мятлевъ.

Оренбургъ. — Не забываются Ваши пѣсни, какъ голосъ лю-
бящей няни, Вы будите воспоминанія юности. Поздравляемъ,
прославляемъ.

Севастьяновъ, Аридтъ, Голиковъ, Горскій, Завидовъ.

Таганрогъ. — Четверть вѣковая дѣятельность Ваша поло-
жила краеугольный камень русскому музыкальному дѣлу.
Дай Богъ Вамъ вполне достигнуть желанной цѣли: вырабо-
тать самостоятельную музыку на родной почвѣ.

Рышетовскій, Румянцевъ, Ананьевъ, Саловъ.

Каменской-станицы. — Поклонники Вашего таланта просили
передать Вамъ сердечныя поздравленія и полное сочувствіе
празднеству Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея.

Нотариусъ Малининъ. Полковникъ Пономаревъ.

Гжатскъ.—Поздравляемъ дорогаго юбиляра съ торжествомъ его двадцатипятилѣтняго празднованія. Желаній много,—а исполненія ихъ Вы достойны, честный глашатай русской старины.
Савинъ, Поливановъ, Духановъ.

Симферополь.—Вы взлелѣяли родную пѣсню; она возмутила и, благодарная, дала Вамъ славу. Поздравляемъ Васъ обоихъ.

Быстровъ, Вершинъ, Раменскій, Сухотинъ, Гаврильчиковъ, Доанасевъ.

Николаевъ.—Ваши почитатели изъ морскихъ офицеровъ просятъ Васъ принять ихъ поздравленія.

Почитатели.

Саратовъ.—Радуетъ отъ всего сердца за Вашъ юбилей; пошли Вамъ Богъ помощь на дальнѣйшее развитіе начатаго дѣла.

Кондоуровъ, Мертваго, Сидоренко, Замцъ.

Петербургъ.—Поздравляемъ Васъ съ юбилеемъ и желаемъ полного успѣха.

Поклонницы Ваши: *Рыпинская, Салькова, Каменская, Чилина, Туманская.*

Богодуховъ.—Народному пѣвцу Славянскому. Желанію Вамъ успѣха пѣть предѣловъ! Чтимъ Васъ и уважаемъ за плодотворную дѣятельность. Вѣрьте искренности нашихъ поздравленій.

Химченко, Соловьевъ, Глузскій.

Пенза.—Примите лучшія пожеланія еще долгой дѣятельности на народной почвѣ и поздравленія съ торжествомъ.

Успенскій, Сафоновъ, Мясопдова, Уварова, Хобдаревъ.

Керчь.—Далеко разнесли Вы родную нашу пѣсню за моря, горы и лѣса. Пойте, пѣвецъ, на радость и славу русскихъ людей.

Съверинъ, Лаптевъ, Крушининъ, Бѣльскій, Десяревъ.

Вильно.—Народному пѣвцу Славянскому. Дай Вамъ Богъ долго разносить изъ конца въ конецъ идею объединенія Славянства могучей силой русской пѣсни въ дивномъ Вашемъ исполненіи. Поздравленія наши идутъ отъ цѣнящихъ и понимающихъ Васъ людей.

Глыбовъ, Науменко, Ржевскій, Замятинъ, Савельевъ.

Старобѣльскъ.—Ваши концерты оставили здѣсь глубокое впечатлѣніе. Поздравляемъ Васъ, дай Вамъ Господи силъ на продолженіе Вашего хорошаго дѣла.

Ярославцевъ, Губинъ, Выводцевъ, Осининъ, Еропкинъ.

Варшава.—Ура, народный нашъ пѣвецъ! Тобой всегда мы любовались, тобой въ Европѣ восхищались. Да сохранить тебя Творецъ!

Калининъ, Соловьевъ, Брыкаловъ, Извъковъ, Войтъ, Кулаковскій.

Сызрань.—Нашему родному русскому народному пѣвцу Дмитрію Александровичу привѣтствія отъ простыхъ русскихъ людей.

Сукновъ, Мясодовъ, Апановъ, Потановъ, Алашевъ, Тихонравовъ.

Ростовъ-на-Дону.—Бѣдемъ въ Москву привѣтствовать Васъ съ торжественнымъ днемъ Вашего юбилея.

Поляковъ, Кузнецовъ, Репнинскій, Протопоповъ, Самсоновъ.

Славянскъ.—Сердечно поздравляемъ всѣхъ, вспоминаемъ Васъ сегодня, провозглашаемъ Ваше здоровье.

Афетовъ, Сахаровъ, Свѣчинъ, Дембицкій, Александровъ.

Тифлисъ.—Въ день Вашего двадцатипятилѣтія всѣ Ваши почитатели шлютъ Вамъ сердечныя поздравленія. Богъ въ помощь Вамъ.

Питуевъ, Яковскій, Гавриловъ, Сабуровъ.

Могилевъ на Днѣстрѣ.—Ваши пѣсни облетѣли рѣшительно весь цивилизованный міръ и стяжали и себѣ, и Вамъ заслу-

женный успѣхъ. Любящіе все родное не могутъ не сочувствовать Вамъ.

Запольскій, Самсоновъ, Фишеръ, Ложиновъ, Дехановъ.

Самара.—Посылаемъ сердечный привѣтъ юбиляру, какъ первому и лучшему проводнику русскихъ народныхъ чувствъ.

Гинзбургъ, Алашеевъ, Ташиларевъ, Бемъ.

Москва.—Не недостатокъ сочувствія, а болѣзнь — причина моего отсутствія. Поздравляемъ Васъ всей нашей семьей. Молимъ Бога послать Вамъ еще много славы и радости.

Собья Джаксонъ, Устинова, Братмеръ.

Житомиръ.—Не откажите принять и наши сердечные привѣты и лучшія пожеланія дальнѣйшей славной дѣятельности.

Ватруинъ, Пузыревскій, Акимовъ, Вельтманнъ, Сытинъ, Сохновскій.

Динабургъ, со станціи ж. д.—Народному пѣвцу Славянскому. Проѣздомъ за границу привѣтствуемъ роднаго нашего соловушку. Пусть заливадается онъ на всю землю и трелью своей увлекаетъ чужеземца, радуя свой народъ.

Шулепниковъ, Быстровъ, Голубцовъ, Антиповъ, Крамеръ, Сидоровъ, Зайцевъ, Сиверсманъ, Пршековскій, Кнопъ, Фишеръ, Зелинскій.

Млава.—Семья русскихъ людей, поставленная высокою волею нашего Великаго Царя на рубежъ земли Русской для охраны Россіи, привѣтствуетъ пѣвца нашей исторической бытовой правды и плетъ родной привѣтъ Вамъ, родному намъ по мысли, чувству и стремленіямъ.

Русскіе.

Москва.— Въ день двадцатипятилѣтней Вашей благородной дѣятельности съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ Васъ. Принадлежа къ разнымъ мѣстностямъ Русскаго царства, намъ всегда было отрадно слышать родную Русскую пѣсню вообще и пѣсню своей родины въ особен-

ности, которая всегда оставляла въ насъ самое пріятное впечатлѣніе и къ Вамъ, Дмитрій Александровичъ, глубокую и сердечную благодарность.

Служащіе магазина Андреева.

Чупріяновка. — Многіе рабочіе съ Морозовской фабрики, извѣстные Вамъ: Иванъ, Никаноръ, Авдотья и другіе поздравляютъ

Семеновъ.

Казань. — Труженики печатнаго дѣла привѣтствуютъ лучшаго выразителя горя и радости русскаго простонародія.

Общество взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ города Казани.

Чупріяновка. — Поздравляемъ со днемъ юбилея, желаемъ всего лучшаго. Гордимся Вами.

Служащіе рабочіе, прикащикъ Чуриловъ, управляющій Тихомировъ.

Чупріяновка. — Поздравляемъ, батюшка баринъ, тебя съ торжествомъ твоего празднованія. Живи на славу и многія лѣта, нашъ благодѣтель!

Крестьяне: Вишенскіе, Греблевскіе, Кольцовскіе, Симоновскіе, Садыковскіе, Бортниковскіе; служащіе при сельцѣ Филиповкѣ.

Телеграммы отъ разныхъ лицъ:

Кечъ. — Славянскому юбиляру. Твердо вѣря Вашей могучей пѣсни, поздравляемъ!

Клубинскій, Широковъ.

Тифлисъ. — Во дни юбилея Вашей знаменитой дѣятельности по собиранію и восстановленію народныхъ пѣсенъ, считаемъ себя счастливыми привѣтствовать съ дальней окраины народнаго дѣятеля.

Даль.

Тифлисъ.—Во дни юбилея Вашей знаменитой дѣятельности по собранію и возстановленію народныхъ пѣсенъ считаемъ себя счастливыми привѣтствовать съ дальней окраины роднаго дѣятеля.

Богачевъ.

Тверь.—Поздравляю со днемъ юбилея дорогаго папу. Сожалѣю, что не могу присутствовать на достойномъ чествованіи тебя матушкой-Москвой. Насколько я люблю тебя, какъ рѣдкаго отца, настолько и горжусь, какъ общественнымъ дѣятелемъ на почвѣ родной пѣсни.

Дмитрій Ауреневъ.

Вильно.—Привѣтствую пѣвца родныхъ напѣвовъ. Пусть многіе годы льются дорогіе звуки изъ устъ Вашихъ и обновляютъ въ насъ теплыя чувства къ нашей родинѣ.

Литвиновъ (Полковникъ Генер. Штаба).

Кіевъ.—Я и жена моя искренно и отъ глубины души поздравляемъ Васъ съ юбилеемъ двадцатипятилѣтней славной дѣятельности Вашей на поприщѣ русскаго народнаго пѣвца. Дай Вамъ Богъ и дорогому семейству Вашему еще много лѣтъ сіять славой нашему народу и вызывать своею пѣснею возвышенныя чувства народовъ за предѣлами Россіи.

Инатъевъ.

Казань.—Сердечно привѣтствуемъ почтеннаго юбиляра, четверть вѣка разносившаго по всему свѣту русскую пѣснь, прославляя Россію; желаемъ и впредь такого успѣха.

Константинъ Сьмякинъ, Наталья Сьмякина.

Митава.—Пробудителю русскихъ чувствъ—поздравленія.

Желобовскій, Ястребовъ (Преподаватели русскаго языка)

Ростовъ Ярославскій.—Привѣтствую сдѣлавшаго русскую пѣснь любезною и для тѣхъ, кто относился къ ней съ презрѣніемъ.

Титовъ.

Воронежъ.— Сердечный привѣтъ и поздравленія. Да продлится Ваше служеніе пѣснѣ народной на многіе годы.

Виноградовъ.

Тула.— Слово нѣтъ выразить восторгъ, уваженіе, поклоненіе. Приносимъ Вамъ сердечныя поздравленія съ торжествомъ.

Борисякъ, Рюминъ.

Петербургъ.— Поздравляемъ Васъ, дорогаго юбиляра, и Ольгу Христофоровну со днемъ юбилея; желаемъ всего хорошаго.

Бусъ.

Новгородъ.— Старые знакомые и почитатели привѣтствуютъ юбиляра.

Батюшковы, Фонъ-Езеквейнъ.

Сумы.— Семью Славянскихъ поздравляемъ!

Семья Безсоновыхъ.

Владикавказъ.— Привѣтъ мой Вамъ, достойный труженикъ народнаго дѣла на историко-музыкальной почвѣ.

Прохоровъ (Генераль).

Воронежъ.— Поздравляю дорогаго юбиляра съ торжественнымъ заключеніемъ двадцатипятилѣтнихъ его трудовъ на честь и пользу Россіи.

Милютинъ.

Хоботовъ.— Прочувствованной программой Вашего концерта, изливающего чувства русскаго народа, чаруете Вы слушателей. Дай Вамъ Богъ многія, многія еще лѣта славить Русскаго Царя и Его славный народъ. Мысленно участвую въ Вашемъ двадцатипятилѣтнемъ торжествѣ.

Баронъ Дельвинъ.

Курскъ.— Концерты Ваши даютъ намъ отрадныя минуты. Примите за нихъ нашу благодарность и поздравленія.

Приложевы.

Козловъ.— Народному пѣвцу Славянскому. Старый знакомый дружески жметъ руку, отъ души поздравляя юбиляра съ заслуженной славой.

Вранель.

Тверь.— Поздравляю съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей артистической дѣятельности Васъ, Вашу многоуважаемую супругу и семейство. Да сохранить Васъ Господь на многія лѣта.

Муравьевъ.

Пенза.— Сердечно поздравляемъ уважаемаго юбиляра, представителя русской пѣсни.

Панчулидзева.

Борисоглѣбскъ.— Прошу принять наши поздравленія— скромныя, но сердечныя, а также пожеланія.

Рыбаковъ, Зарубинъ.

Чупріяновка.— Москва, Славянскому. Близкому сердцу нашему юбиляру мои самыя горячія поздравленія и сердечныя желанія еще большей славы.

Анна Кирютъ.

Елизаветградъ.— Дмитрію Александровичу Славянскому. Дорогому юбиляру сердечныя поздравленія.

Круссеръ.

Карачевъ.— Поздравляю Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ. Желаю процвѣтанія Вашему артистическому искусству на многіе годы.

Лецинскій.

Петербургъ.— Присоединяясь къ общему чествованію, шлю мое сердечное поздравленіе, съ искреннимъ пожеланіемъ еще много лѣтъ со славой подвизаться на поприщѣ народнаго пѣвца.

Елизовъ.

Кишиневъ. — Привѣтствую и сердечно поздравляю тебя, дорогой Дмитрій Александровичъ, и сожалѣю, что не могу участвовать лично на торжествѣ праздника, въ который Россія чествуетъ своего народнаго именитаго пѣвца.

Почитатель Твоей пѣсни, бывший товарищъ однополчанинъ
Аршеневскій.

Самара. — Душевно привѣтствуемъ Васъ и семью Вашу. Сожалѣемъ, что лично не можемъ поздравить; искренно сочувствуемъ торжеству; любимъ Васъ какъ русскіе люди; цѣнимъ пользу, которую Вы принесли народной пѣснѣ своею неутомимою въ продолженіе четверть вѣка трудовою артистическою дѣятельностью.

Алексій и Анна Борисякъ.

Луганскій заводъ. — Примите наше душевное поздравленіе съ двадцатипятилѣтнею артистическою Вашей дѣятельностью. Радуемся, что цѣнители искусства собрались отдать Вамъ должную дань и сожалѣемъ, что насъ нѣтъ среди ихъ.

Елизавета Александровна и Иванъ Ивановичъ Балкашевы

Одесса. — Привѣтствую Васъ, съ удовольствіемъ вспоминаю нашу встрѣчу въ Болгаріи. Много пережито съ тѣхъ поръ злосчастной Болгаріей, но русская пѣсня жива тамъ. На юбилей пѣвца русской пѣсни пожелаемъ ей звучать сильнѣе и слиться въ общій Славянскій хоръ.

Мусницкій (Полковникъ).

Среди чествованій настоящаго знаменательнаго для Васъ дня, просимъ многоуважаемаго Дмитрія Александровича принять и наше привѣтствіе съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной артистической дѣятельности на поприщѣ русскаго народнаго пѣнія. Желаемъ привѣтствовать Васъ и съ пятидесятилѣтіемъ.

Владиміръ, Борисъ, Клавдія, Петръ Верховскіе.

Петербургъ. — Находясь неожиданно по службѣ въ Петербургѣ, не имѣю возможности принести лично мое сердечное

поздравленіе Дмитрію Александровичу Славянскому съ сегоднѣшнимъ знаменательнымъ для него днемъ.

Вишневскій (Полковникъ).

Минскъ.—Позвольте намъ заочно присоединиться къ публичнымъ чествованіямъ Вашей народно-артистической дѣятельности: пожелать Вамъ и высоко даровитой сотрудницѣ Вашей, Ольгѣ Христофоровнѣ, всякаго благополучія и успѣха въ Вашихъ полезныхъ трудахъ.

Николай и Ольга Верховскіе.

Ростовъ Ярославскій.—Памятный день двадцатипятилѣтія празднуемъ во славу родины!

Пирожковъ.

Чебоксары.—Примите поздравленіе съ славной двадцатипятилѣтней дѣятельностью. Отъ друзей

Леонтьевыхъ.

Вильно.—Достопочтеннѣйшему именованому пѣвцу русскихъ народныхъ пѣсень. Поздравляю съ торжественнымъ днемъ двадцатипятилѣтняго юбилея. Да сохранитъ Господь Васъ на многія лѣта для нашей драгоценной Россіи. Вашъ врачъ и капеллы Вашей.

Коллегорскій.

Брянскъ.—Искренно поздравляю со днемъ юбилея Вашего народнаго артистическаго поприща. Дай Богъ русской пѣсни звучать изъ Вашихъ устъ во славу и благоденствіе всему славянскому миру на многія лѣта.

Василій Невструевъ.

Москва.—Сожалѣю о томъ, что не могъ вслѣдствіе болѣзни быть оба дня на празднованіи славнаго юбилея. Поздравляю заочно.

Севастьяновъ.

Тула.—Привѣтствую народнаго пѣвца, доставившаго столько наслажденій воспроизведеніемъ русской народной

пѣсни, познакомившей насъ съ забытыми нашими родными мотивами.

Иванъ Шляковъ.

Царицынъ.—Къ великому горю, прѣвхать не могу; душевно желаю успѣха Вашей полезной дѣятельности, здоровья и силы для продленія присущей Вамъ энергій.

Преданный *Баскаковъ* (докторъ).

Юрѣвецъ.—Высоко цѣня Ваши заслуги и труды на пользу родной русской пѣсни, сердечно поздравляю съ двадцатипятилѣтнимъ Вашимъ юбилеемъ.

Андреева.

Варшава.—Всей семьей приносимъ сердечныя поздравленія, искренно сожалья, что не можемъ лично участвовать на торжествѣ.

Вашъ искренній почитатель и другъ *Николай Малыгинъ.*

Тула.—Прошу передать многоуважаемому юбиляру Дмитрію Александровичу мое сердечное поздравленіе съ торжествомъ и пожеланіе ему продолжать свое полезное артистическое поприще еще многіе годы.

Черемисиновъ.

Курскъ.—Искренно привѣтствуемъ и поздравляемъ дорогаго многоуважаемаго Дмитрія Александровича съ радостнымъ днемъ юбилея. Отъ души желаемъ еще долго идти по пути славы и восхищать насъ родными пѣснями.

Давніе знакомые и почитатели *Котляровы.*

Борисоглѣбскъ.—Полезная дѣятельность Ваша обезсмертитъ Ваше славное имя, и всѣ истинно русскіе люди будутъ гордиться Вами отнынѣ и до вѣка.

Голубкова.

Харьковъ.—Проѣздомъ въ Петербургъ, сейчасъ узнала о Вашемъ юбилеѣ; поздравляю, сердечно торжествую за Васъ.

Бровцына.

Новгородъ.—Искренно поздравляю со днемъ юбилея. Желаю здоровья и счастливаго продолженія Вашего народно-артистическаго поприща.

Преданный *Рейнгольдъ Крженовскій.*

Петербургъ.—Привѣтствую Васъ въ день славнаго Вашего юбилея. Прославляйте Русь на многія лѣта, какъ прославились сами навѣки.

Валеріанъ Теляковскій.

Волочекъ.—Достопамятный день юбилея артистической Вашей дѣятельности празднуютъ всѣ, и мы съ восторгомъ привѣтствуемъ Васъ, дорогой юбиляръ, и желаемъ, чтобы Ваши родные напѣвы еще долго услаждали сердца русскаго народа. Душевно благодаримъ Васъ за вниманіе.

Крестница Ваша *Анненкова* и *Рожковскіе.*

Астрахань.—Ваше дѣло — святое и безкорыстное. Трудности его мнѣ извѣстны. Радуюсь, что увѣнчалось оно славой. Поздравляю.

Заводовскій.

Тверь.—Привѣтствую народнаго пѣвца и прошу принять мое поздравленіе; душевно сожалью, что лично не могу присутствовать.

Карякинъ.

Казань.—Привѣтъ русскому піонеру-пѣвцу русской женщины.

Леонилла Фуллонъ.

Черниговъ.—Противостоять нельзя обаянію Вашего пѣнія. Врагъ, слушая Васъ, обращается въ друга. Трогаетъ такъ только то, въ чемъ есть правда.

Хохлова, Иванченко.

Одесса.—Привѣтствуемъ глубокоуважаемаго юбиляра, таланту и предпріимчивости котораго русская пѣсня обязана всемірной извѣстностью.

Доктора *Старковъ* и *Авенаріусъ.*

Гатчина. — Многоуважаемый Дмитрій Александровичъ и Ольга Христофоровна, позвольте Васъ поздравить и пожелать, чтобы Ваша драгоценная для каждаго русскаго сердца дѣятельность продолжалась еще многіе годы.

Лихарева.

Вологда. — Поздравляю юбиляра и его сотрудницу Ольгу Христофоровну.

Елизавета Пацевичъ.

Тула. — Поздравляемъ. Да продлитъ Богъ Вашу жизнь на многи лѣта.

Борисовы.

Петрозаводскъ. — Сегодняшнее торжество Ваше — залогъ будущей самостоятельности музыкальной въ Россіи, основанной на зачаткахъ народныхъ музыкальныхъ богатствъ.

Семинъ, Тарасовъ (студенты).

Серпуховъ. — Сердечно радуемся Вашему заслуженному торжеству. Просимъ принять наши задушевные поздравленія.

Степановы.

Богородицкъ. — Сердечно поздравляемъ и искренно радуемся торжеству, заключающему достойно Вашу двадцатипятилѣтнюю дѣятельность.

Попова, Тихонова, Титова.

Александровскъ. — Въ день двадцатипятилѣтія желаемъ пѣвцу — художнику еще долгой, полезной родинѣ, дѣятельности. Ура!

Добронравовъ, Мейеръ, Волкова.

Брестъ-Литовскъ. — Истинное наслажденіе слушать Васъ и великая радость знать о Вашемъ торжествѣ, — торжествѣ вынянченной Вами пѣсни.

Кованько.

Батумъ. — Прошу принять и мои скромныя поздравленія.

Генике.

Петербургъ. — Пой пѣвецъ — импровизаторъ и воскрешай въ

нашей памяти прошлую жизнь нашего народа и дни нашей юности.

Фелезенъ, Дестуни.

Владикавказъ.—Вы услаждали насъ чудными звуками Вашихъ безсмертныхъ пѣсенъ. Считаемо за счастье принести поздравленіе съ юбилеемъ Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельностью.

Иловайскій, Кондратьевъ.

Минскъ.—Просимъ принять поздравленія и лучшія пожеланія.

Акинѣева, Воробьевъ, Приселковы.

Харьковъ.—Въ Вашемъ исполненіи пѣсня явилась картиннымъ изображеніемъ народнаго духа въ его высоко-художественной правдѣ. Честь Вамъ, народный импровизаторъ!

Памфиловъ, Вульфъ.

Москва.—Болѣзнь помѣшала лично поздравить Васъ. Радуясь, читая, какъ чествуютъ Васъ истинно-русскіе люди. Къ сожалѣнію, я отсутствую.

Позняковъ.

Бендеры.—Моимъ желаніямъ успѣха Вашему симпатичному дѣльному дѣлу нѣтъ предѣловъ. Чту Васъ, величаю, поздравляю и желаю продолженія Вашей дѣятельности на этомъ поприщѣ.

Дроздовъ.

Полтава.—Примите горячія поздравленія Вашего почитателя.

Карпенко.

Петербургъ.—Вы возродили пѣсню изъ праха и неизвѣстности; Вы пережили всѣ фазы ея отъ возрожденія до прославленія; Ваша слава—ея слава: она славна Вами,—Вы ею.

Крюковъ.

Коломна.—Товарищу дѣтства шлетъ искренній привѣтъ и поздравленія

Полковникъ Александръ Болотовъ.

Балта.—Пусть еще четверть вѣка раздается пѣсня Ваша въ сердцахъ и окраинахъ Россіи, возбуждая въ сердцахъ нашихъ любовь къ родинѣ.

Вактовскій.

Тамбовъ.—Позвольте поздравить и сказать спасибо русскому пѣвцу за процвѣтаніе русской пѣсни.

Мещеряковъ.

Озургеты.—Поздравляю съ двадцатипятилѣтіемъ артистической дѣятельности.

Ральцевичъ.

Петербургъ.—Родному производителю нашей бытовой жизни шлемъ сердечное спасибо и радуемся проснувшемуся въ обществѣ сознанию и заслуженной оцѣнкѣ его дѣятельности.

Шнейдеръ.

Одесса.—Завтрашній день будетъ праздникомъ Славянства навѣки! Имя Ваше безсмертно среди славянской разбросанной семьи.

Клочаревъ.

Сумы.—Концерты Ваши соединяютъ разрозненные слои общества. Всѣ русскіе люди цѣнятъ и уважаютъ Вашу дѣятельность.

Тихонравова.

Вологда.—Сердечно поздравляемъ дорогаго Дмитрія Александровича и желаемъ полного сочувствія общества къ достойному юбиляру.

Василевъ.

Харьковъ.—Поздравляемъ и молимъ Всевышняго, да сохранить онъ Васъ для славы русской пѣсни.

Якимовъ.

Мелитополь.—Шлетъ свои поздравленія и пожеланія

Трескинъ.

Петербургъ.—Нѣтъ достаточно словъ выразить чувства радости по случаю Вашего юбилея.

Верховицева.

Тула.—Фортуна заслуженно посадила тебя на свою колесницу. Чествуемъ тебя, пѣвца избранника!

Архангельскій.

Петербургъ.—Поздравляю, желаю всего лучшаго.

Наталія Верховская.

Баку.—Слава пѣвцу Славянскому, слава его сотрудникамъ.
Ура!

Алавердовъ.

Кіевъ.—Славному дѣятелю отъ скромнаго почитателя родственныя поздравленія, лучшія пожеланія продолженія столь славнаго дѣла—служенія родинѣ.

Федоровъ.

Брестъ-Литовскъ.—Прошу принять наше горячее поздравленіе, дорогой пѣвецъ нашей родины, пѣвецъ всѣхъ Славянъ. Первый рѣшили Вы отдать свои силы, свой талантъ двадцать пять лѣтъ назадъ трудному дѣлу и достигли цѣли. Честь Вамъ и слава!

Смоляниновъ.

Самара.—Концерты Ваши возбуждаютъ въ сердцахъ слушателей любовь къ дорогой родинѣ, къ ея нравамъ и обычаямъ. Да будетъ на Васъ благословеніе Божіе за Вашу безупречную службу народу и отечеству.

Гунстманнъ.

Вязники.—Присоединяю свой привѣтъ ко множеству вокругъ меня привѣтствующихъ юбиляра, желая ему многихъ лѣтъ на пользу добрыхъ дѣлъ, коимъ онъ себя посвятилъ.

Цандеръ.

Кременчугъ.—Родные напѣвы будятъ теплыя въ насъ чувства. Слава тебѣ!

Анна Бусъ.

Бѣжецкъ.—Поспѣлъ хорошо. Результатъ будетъ хорошій.

Карповъ.

Пенза.—Приношу сердечное поздравленіе по случаю двадцатипятилѣтней Вашей музыкальной дѣятельности. Желаю Вамъ и капеллѣ Вашей процвѣтанія на многія лѣта.

Шоръ.

Пенза.—Иванъ Павловичъ съ семействомъ поздравляетъ съ торжествомъ, благодарить за память.

Грузиновъ.

Минскъ.—Искренно поздравляемъ.

Старыя друзья *Арсеньевы.*

Казань.—Привѣтствую русскаго Баяна, — пѣвца давно минувшихъ дней, преданій старины глубокой.

Анатолій Кремневъ.

Петербургъ.—Поздравляемъ. Сердечныя пожеланія дожить до пятидесятилѣтняго юбилея.

Александръ и Михаилъ Трахтенбергъ.

Аккерманъ.—Издалека несутся къ родному пѣвцу родной пѣсни горячіе возгласы: слава и честь тебѣ, нашъ прекрасный соловейшко!

Зиель, Волковъ, Авдѣева.

Акмола.—Приносимъ сердечныя поздравленія съ далевнихъ окраинъ Россіи народному пѣснопѣвцу.

Злотницкій, Запольскій, Яковлевъ.

Кіевъ.—Присоединяемся къ общему торжеству! сегодня. Пьемъ за здоровье русскаго народнаго пѣвца.

Семеновы.

Каменецъ-Подольскъ.—Въ сочувствіи сомнѣваться нельзя. Присоединяемся къ общему торжеству.

Глинка.

Бѣлая-Церковь.—Привѣтствую Васъ съ юбилеемъ, просимъ посѣтить Бѣлую-Церковь, дать концертъ.

Героусъ.

Арзамасъ.—Примите и наши скромныя поздравленія со славнымъ торжествомъ.

Смирновъ, Петровскій, Анисимовъ.

Москва.—Многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, отъ души поздравляю Васъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтїемъ Вашей патріотической дѣятельности и желаю Вамъ всего наилучшаго.

Никаноръ Боровковъ.

Пенза.—Ко многимъ поздравленіямъ присоедините мое задушевное поздравленіе со славнымъ для Васъ днемъ.

Талантовъ.

Рига.—Позвольте и мнѣ примкнуть къ ликующимъ по случаю Вашего достославнаго дня, отъ души пожелать Вамъ дождаться всѣхъ роскошныхъ веховъ и плодовъ отъ вашихъ неустанныхъ артистическихъ трудовъ.

Дмитріевъ.

Серпуховъ.—Поздравляемъ со днемъ юбилея Вашей знаменитой дѣятельности.

Степановъ.

Архангельскъ.—Дивной пѣсней Вашей вторитъ вся Русь православная, она покорила сердца и на западѣ. Честь Вамъ и слава.

Буфѣ.

Борисовъ.—Солидаренъ съ чествующими Васъ. Вы сдѣлали хорошее дѣло для родины.

Грековъ.

Елецъ.—Ваши концерты обновляютъ русскаго человѣка, очищаютъ его душу. Благодаримъ, поздравляемъ!

Ползиковъ, Ахматовъ, Голиковъ.

Саратовъ.—Во имя тѣсной связи между народной музыкой и народнымъ воспитаніемъ, поздравляю многочтимаго юби-

ляра и желаю продолженія его плодотворной дѣятельности на много, много лѣтъ.

Вакуровъ.

Харьковъ.—Мы душею съ Вами. Приносимъ поздравленіе великому народному пѣвцу, доброму Дмитрію Александровичу.

А. Ивановъ.

Петербургъ.—Сердечно поздравляетъ юбиляра съ торжествомъ двадцатипятилѣтія его славной народной дѣятельности, да продлится она до золотого пятидесятилѣтія.

Семейство Хлопониныхъ.

Тифлисъ.—Юбиляру Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому. Поздравляю, величаю!

Сукновъ.

Рыбинскъ.—Поздравляемъ и молимъ Бога о сохраненіи Васъ на многія лѣта.

Петровъ.

Кострома.—Поздравляемъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей артистической дѣятельности.

Андреевъ.

Пултускъ.—Какъ бывший товарищъ гусаръ, сердечно привѣтствую славнаго русскаго пѣвца въ день юбилея. Не устывай служить родному искусству!

Булмучевъ.

Одесса.—Привѣтъ тебѣ, нашъ русскій пѣвецъ; пой для славы Россіи и русскаго народа еще многія и многія лѣта.

Михаиль Симченко.

Петербургъ.—Шлемъ Вамъ нашъ искренній привѣтъ и поздравляемъ съ побѣдой русской пѣсни; да поможетъ Вамъ Богъ еще много, много лѣтъ идти по избранному Вами пути.

Хлопонинъ.

Сергіевскій-Посадъ.—Поздравляю, постараюсь завтра приѣхать поздравить лично, обнять юбиляра.

Ефремовъ.

Псковъ.—Глубокочтимый Дмитрій Александровичъ, примите искреннее поздравленіе со днемъ двадцатипятилѣтія Вашей высокой артистической дѣятельности, да процвѣтаетъ она и впредь на долгія лѣта на пользу развитія дорогой и чудной русской пѣсни.

Кондратьевъ.

Кіевъ.—Примите поздравленіе отъ бывшего Вашего воспитанника.

Лошинскій.

Тобольскъ.—Гармонію тѣла и души, самопознаніе и отзывчивость возбуждаетъ Ваша пѣснь.

Гувернантка Муравьева.

Болдерая.—Пѣвцу воспроизводителю бытовой старины. Слава!

Кащенко.

Зарайскъ.—Привѣтствуемъ Васъ, дорогіе незамѣнимые Россіяне. Душей и сердцемъ съ вами.

Русановы.

Таганрогъ.—Родному пѣвцу родныхъ напѣвовъ родины святой привѣтъ!

Ушаковъ, Анненковъ, Гельцеръ.

Петербургъ.—Душевное поздравленіе глубокоуважаемому юбиляру съ желаніемъ многолѣтія на славу искусства.

Екатерина Мейеръ, Александра и Анна Геріетъ.

Кострома.—Въ день торжественнаго чествованія Вашихъ высокихъ заслугъ на пользу родной пѣсни, примите сердечное привѣтствіе, душевное пожеланіе всякаго благополучія отъ искренно преданныхъ Вамъ

Каминскихъ.

Уфа. — Концерты ваши и успѣхъ ихъ лучшее выраженіе народнаго духа и нравственный подъемъ послѣдняго.

Хомутовъ.

Рига. — Прѣздомъ узнали о Вашемъ юбилеѣ. Дайте намъ больше слушать Васъ, чтобы познать наше родное богатство, за открытіе котораго горячее спасибо! Поздравленія, тысячу пожеланій.

Сахаровъ, Лукьяновъ.

Скопинъ. — Старый товарищъ привѣтствуетъ отъ души юбиляра пѣвца-очарователя, желаетъ многія лѣта и громкую славу.

Ашебергъ.

Псковъ. — Поздравляемъ со днемъ двадцатипятилѣтія и радуемся первой эпохѣ развитія народной музыки. Дай Богъ хорошее начало, въ добрый часъ.

Неструевъ, Ларионовъ.

Тифлисъ. — Сейчасъ узналъ о совершившемся симпатичномъ праздникѣ Вашего двадцатипятилѣтняго труднаго дѣла; поздравляю и искренно желаю долгіе еще годы восхищать Вамъ слушателей дивнымъ своимъ пѣніемъ.

Арбузовъ.

Каменская станица. — Продолжайте, поощренный торжественной оцѣнкой родины, долго еще пѣть намъ Ваши дивныя пѣсни, которыя услаждаютъ нашъ слухъ и успокаиваютъ сердце.

Малининъ.

Кобъ. — Примите позднее наше искреннѣйшее поздравленіе, нашъ родной пѣвецъ, импровизаторъ мелодій, созданныхъ народной фантазіей.

Павлининъ, Басковъ, Яновъ (путешественники).

Чудово. — Спѣшу за границу, ѣду въ Константинополь. Очень жалѣю, что не могъ заѣхать и поздравить лично; примите поздравленія и пожеланія, поклонъ всеѣмъ.

Каракановскій.

Павловскъ. — Искренно поздравляю Васъ, очень желаю имѣть свѣдѣнія о торжествѣ Вашемъ. Примите искреннія пожеланія.

Кауфманъ.

Петербургъ. — Искренно, отъ души поздравляю съ торжествомъ.

Крутовичъ.

Петербургъ. — Привѣтъ дорогому юбиляру!

Олга Хлопонина.

Тверь. — Поздравляемъ и желаемъ всего хорошаго.

Яковлевы.

Митава. — Шлемъ Вамъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, искреннѣйшій привѣтъ.

Быстровы.

Владимірь. — Шлемъ привѣтъ и поздравленія народному пѣвцу.

Ширяевъ.

Старица. — Привѣтъ славному пѣвцу вселенной!

Фонъ-Циллеръ.

Пенза. — Искренно поздравляю достопочтеннаго юбиляра.

Сивохинъ.

Саратовъ. — Поздравляю съ юбилеемъ славнаго народнаго пѣвца.

Тилло.

Петербургъ. — Поздравляю Васъ и Ваше семейство съ двадцатипятилѣтней дѣятельностью; желаю всего лучшаго.

Боресковъ.

Вологда. — Примите сердечное поздравленіе отъ поклонниковъ Вашего таланта.

Лихаревы, Соважъ.

Вильно.—Примите мое искреннее поздравление съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ. Почитатель таланта

Цвинтеръ.

Воронежъ.—Сердечное и искреннее поздравление, какъ отъ старѣйшаго поклонника Вашего таланта. Да процвѣтаетъ все болѣе и болѣе русская задушевная пѣсня.

Кастнеръ (Музык. магазинъ).

Мало-Угоры.—Искренно поздравляю, желаю всего хорошаго.

Крупскій.

Станція Тверь.—Поздравляемъ, желаемъ еще надолго процвѣтать русской пѣснѣ.

Руссановъ.

Керчь.—Вамъ и сотрудницъ Вашей, энергичнымъ борцамъ за русскую старину, слава и честь.

Казарина.

Рига.—Привѣтствуемъ Васъ съ двадцатипятилѣтнѣмъ трудомъ на славу родной пѣсни.

Бялявскій, Капустинъ, Спѣшковъ.

Петербургъ.—Я и все мое семейство шлемъ искреннія поздравления Дмитрію Александровичу и Ольгѣ Христофоровнѣ съ торжественнымъ днемъ двадцатипятилѣтія ихъ полезной дѣятельности, желаемъ ей продолженія и всякаго благополучія.

Богдановичъ.

Карачевъ.—Сердечно поздравляю Васъ съ торжественнымъ днемъ Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея народно-художественнаго труда, отъ души желая Вамъ продолженія его въ добромъ здоровьи и счастіи. Сердечно сожалью, что не могу имѣть счастія лично поздравить Васъ. За память искренно благодарю.

Кочергинъ.

Петербургъ.—Изъ газетъ узналъ, что празднованіе Вашего юбилея кончилось въ Москвѣ на этихъ дняхъ. Прошу принять, хотя позднее, но тѣмъ не менѣе искренное мое поздравленіе Васъ съ заслуженнымъ торжествомъ. Пускай долго свѣтитъ еще Вамъ Ваша путеводная звѣзда, все озаряя на Вашемъ пути.

Славинскій.

Зарайскъ.—Слава Славянскому пѣвцу—юбиляру, слава его полезной дѣятельности.

Картавовъ, Дюковъ.

Тверь.—Привѣтствуя Вашу двадцатипятилѣтнюю артистическую дѣятельность, искренно желаю дальнѣйшаго ея процвѣтанія.

Арсеній Святоиоровъ (Купецъ).

Тула.—Дружескій привѣтъ, поздравленія и желанія еще бѣльшаго успѣха на второе двадцатипятилѣтіе.

Борисова.

Тверь.—Поздравляю народнаго пѣвца со днемъ юбилея, желая ему и въ будущемъ успѣшно продолжать начатое дѣло.

Фальковскій.

Тверь.—Не имѣя возможности лично поздравить Васъ и многоуважаемую супругу Вашу, Ольгу Христофоровну, какъ ближайшую Вашу помощницу, я сердечно присоединяюсь къ числу прочихъ цѣнителей Вашего таланта, собравшихся въ день Вашего юбилея для торжественнаго воспоминанія Вашихъ заслугъ, какъ общественнаго дѣятеля. Глубокоуважающій Васъ

Василій Святоиоровъ (Купецъ).

Екатеринодаръ.—Не зная положительно мѣста празднова-

нія юбилея, посылаю Вамъ поздравленія, сердечныя пожела-
нія по извѣстному адресу Вашего имѣнія.

Ельчанинскій.

Екатеринбургъ. — Старога друга и пѣвца поздравляютъ
съ торжествомъ, вполнѣ заслуженнымъ.

Логутяевъ, Ивановъ, Николаевъ.

Петербургъ. — Всею душою поздравляю народнаго и уважа-
емаго пѣвца — юбиляра, воскресившаго родную русскую
пѣснь. Дай Богъ жить многія лѣта!

Харитоновъ.

Варшава. — Все говоритъ намъ въ Вашемъ пѣніи о родинѣ
и любви; весь путь Вашъ устланъ цвѣтами народной фанта-
зіи, народной поэзіи. Прошу принять нашъ далекій привѣтъ
пѣвецъ, достойный сынъ родины.

Филатовъ.

Одесса. — Радуюсь устройству юбилея, буду стараться быть
въ Москвѣ, чтобы поздравить дорогаго юбиляра лично. При-
ятно получить мнѣ отрадную, дорогую сердцу вѣсть о празд-
нованіи въ честь роднаго труженика русскаго дѣла. Отлич-
ное исполненіе Вами родныхъ напѣвовъ даетъ Вамъ право
на заслуженную оцѣнку трудной Вашей дѣятельности.

Саханскій, Сидоринъ.

Нижній-Новгородъ. — Поздравляемъ Васъ, Дмитрій Алексан-
дровичъ, и желаемъ Вамъ и Вашему дѣлу полного успѣха.
Жалѣемъ, что отсутствуемъ на Вашемъ праздникѣ.

Ремерсъ, Клотъ.

Тверь. — Поздравляю дорогаго юбиляра.

Муравьевъ.

Моршанскъ. — Концерты Ваши чаруютъ и поучаютъ; поз-
дравляемъ и величаемъ.

Протасовъ, Вороновъ, Окуньковъ.

Нарва.—Мнѣ, служившему у Васъ, хорошо извѣстно Ваше трудное дѣло; тѣмъ сердечнѣе мои поздравленія и желанія Вамъ полного успѣха.

Шницбергъ.

Тверь.—Высокое наслажденіе, которое всегда и вездѣ приносилъ Вашъ несравненный талантъ, даетъ мнѣ поводъ искренно поздравить Васъ съ юбилеемъ, который нынѣ такъ торжественно празднуется. Да продлитъ Богъ на долгіе годы и Ваше здоровье и Вашъ неподражаемый талантъ.

Ф. Юренсонъ.

Тверь.—Поздравляю Васъ съ торжественнымъ днемъ Вашего юбилея.

Яньковскій-Русинъ.

Клинъ.—Поздравляемъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ.

Начальникъ станціи.

Ново-Екатеринославъ.—Приносимъ Вамъ наши поздравленія съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего симпатичнаго дѣла.

Почитатели Вашего таланта.

Серпуховъ.—Поздравляемъ, обнимаемъ Васъ, отъ всего сердца ликуемъ за Вашъ успѣхъ.

Степановы.

Новочеркасскъ.—Привѣтъ родному пѣвцу, процвѣтаніе его дѣятельности, слава его таланту, честь его энергіи... Ура!

Ръшетницкій, Грековъ.

Карачевъ.—Народному пѣвцу Славянскому. Вы вполне достойны того торжества, которое устраиваютъ въ Вашу честь. Сочувствуемъ, поздравляемъ!

Телепневъ, Замошниковъ.

Новомосковскъ.—Поздравляю Васъ съ празднованіемъ Вашего юбилея.

Короленко.

Концерты Ваши производятъ обаяніе на русскаго человѣка и вызываютъ восторги иностранцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сила Вашего таланта неотразима. Радуюсь торжеству Вашему, поздравляемъ.

Идельсонъ, Повалишинъ.

Чупріяновка.—Торжествуемъ славное празднованіе Вашего юбилея!

Григорьевъ (Начальникъ станціи).

Кронштадтъ, 21 апрѣля. — Г. предсѣдателю Юбилейнаго Комитета въ честь Дмитрія Александровича Славянскаго. Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ передать 25 числа мое привѣтствіе Дмитрію Александровичу Агреневу-Славянскому.

Д-ръ Н. Вакуловскій.

Одесса. — Отъ всего сердца поздравляю Васъ, достойный юбиляръ!

Гейстромъ.

Севастополь.—Поздравляю Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ.

Чернышевскій.

Петербургъ.— Въ Комитетъ по устройству юбилея народнаго пѣвца. Прошу принести между тысячами прочихъ поздравленій также и мое маститому Дмитрію Александровичу.

Оомигъ.

Раздѣльная (станція).—Горячо привѣтствуемъ юбиляра!

Добродѣевъ.

Мценскъ.—Позвольте бывшему соучастнику вашихъ кон-

цетовъ принести Вамъ поздравленіе, соединенное съ чувствомъ высокопочитанія.

Горбовъ.

Петербургъ. — Пожеланіямъ моимъ преуспѣнія Вамъ вѣтъ границъ.

Вердеревскій.

Бендеры. — Поздравленія и сердечныя пожеланія юбиляру!

Зарубинъ.

Мелитополь. — Восторженные привѣты.

Отъ поклонниковъ.

Нижній-Новгородъ. — Позвольте, уважаемый Дмитрій Александровичъ, мнѣ поздравить Васъ, пожелавъ счастья.

Чижовъ.

Грязовецъ. — Осмѣливаюсь принести Вамъ мои горячія поздравленія.

Анна Рессл.

Петербургъ. — Отъ незнакомаго Вамъ лично горячаго поклонника примите сердечныя поздравленія.

Швалевъ.

Вѣрный. — Спасибо, братъ сообщилъ о Вашемъ юбилеѣ, приношу издалека мои искреннѣйшія желанія всего хорошаго.

Петровъ.

Самаркандъ. — Вмѣстѣ со служащими моей конторы поздравляю почтеннаго Дмитрія Александровича.

Устинья Грановская.

Оренбургъ. — Поздравляемъ нашего русскаго пѣвца, молимъ Бога о здравіи его.

Миловановъ.

Вологда. — Передайте Дмитрію Александровичу мои поздравленія.

Швалова (черезъ Карпова).

Поздравляемъ дорогаго юбиляра!

Устиновъ (изъ Камышина), *Баумартенъ* (изъ Выборга), *Зубакинъ* (изъ Петербурга), *Губинъ* (изъ Руссы), *Покровскій* (изъ Царскаго села), *Теленовъ* (изъ Тамбова), *Смысловъ* (изъ Астрахани), *Сысоевъ* (изъ Твери), *Букчевъ* (изъ Златоуста), *Левшинъ* (изъ Могилева).

Архангельскъ. — Кто много перенесъ горя, тотъ сильнѣе чувствуетъ; далеко отъ своихъ по волѣ судьбы, я чувствую вдали еще глубже, какъ хороши звуки Вашихъ дивныхъ пѣсенъ, какъ обильно орошаютъ они незачерствѣлое сердце познаніемъ истины и добра. Поздравляю Васъ, безцѣнный юбиляръ; желаю, чтобы лучистая теплота, идущая отъ Вашего сердца, никогда не изсякла.

Ляпуновъ.

Березовъ. — Съ далекаго сѣвера, случайно закинутый туда судьбою, шлю Вамъ, дорогой юбиляръ, горячее поздравленіе съ Вашимъ торжествомъ. Радуюсь, что славенъ пророкъ въ своемъ отечествѣ.

Мельницкій.

Тверь. — Поздравляемъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ. Желаемъ радостно провести, быть здоровымъ.

Зазыкины.

Бузулукъ. — Примите искреннее поздравленіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ; отъ души желаю достиженія и пятидесятилѣтняго юбилея.

Строевъ.

Одесса. — Примите поздравленіе и наше, простыхъ людей, Вашихъ поклонниковъ, съ торжественнымъ празднованіемъ Вашего юбилея.

Николай Трофимовъ.

Тверь.—Сердечно поздравляю Васъ.

Николай Костеревскій.

Чупріяновка.—Словъ нѣтъ выраженію восторга, шлю сердечныя Вамъ поздравленія.

Семеновъ.

Тверь (станція жел. дор.).—Батюшку Дмитрія Александровича поздравляемъ, почитаемъ.

Андрей Бондаревъ.

Кимры.—Не разъ имѣлъ счастье и особенное удовольствіе слышать Васъ поющимъ народныя пѣсни наши, производящія пріятное впечатлѣніе на душу всякаго русскаго чело-вѣка. Въ день Вашего юбилея примите отъ меня, мужичка, мое искреннее поздравленіе и проживите еще многіе годы въ добромъ здравіи и благополучіи.

Крестьянинъ Тверской губ., Калязинскаго уѣзда, села Тал-дома, Иванъ Сидоровъ *Клычковъ.*

Тула.—Отъ конторщиковаго патроннаго завода фонъ-Гиллен-шмидта.

Константинъ Рейслеръ, Викторъ Рейслеръ.

Петербургъ.—Поздравляю тебя, несказанно счастливъ за твою славу!

Александръ Верховскій.

Нижній-Новгородъ.—Глубокоуважаемому Дмитрію Александровичу сердечныя поздравленія!

Красовскій.

Нижній-Новгородъ.—Сердечныя поздравленія достойнѣйше-му пѣвцу родныхъ пѣсень.

Кокоревъ.

Нижній-Новгородъ.—Ваши постоянные поклонники, русскіе люди, поздравляютъ:

Иконниковъ (кассиръ пароходства Курбатовой), *Тихоновъ* (служащій).

Галичъ.—Сердечныя поздравленія преданнаго Вамъ
Елизарова.

Макарьевъ.—Поздравленія и почтеніе скромнаго почитателя.
Черновъ.

Макарьевъ на Унжѣ.—Сердечно поздравляю Васъ, многоуважаемый юбиляръ.
Казинъ.

Петербургъ.—Примите, дорогой Дмитрій Александровичъ, поздравленія старухи, знавшей Васъ ребенкомъ, радующейся Вашей славѣ.
Екатерина Назарьевна.

Можайскъ.—Мой сердечный привѣтъ и поздравленіе юбиляру.
Казначеевъ.

Яранскъ.—Приносимъ поздравленія и пожеланія всѣхъ благъ, восхищавшіеся Вами здѣсь.
Акуловъ, Доброхотовъ, Валянскій.

Кунгуръ.—Ваши пѣсни не забыты здѣсь и всѣ радуются Вашимъ успѣхамъ.
Усовъ, Телепневъ.

Ирбитъ.—Давно не услаждали насъ Вы пѣніемъ. Мы вспоминаемъ, поздравляемъ Васъ.
Золотаревъ, Тимошинъ, Шабарова.

Мензелинскъ.—Пѣсня Ваша обошла весь міръ, залетѣла къ намъ и будетъ всегда памятна. Поздравляемъ.
Лопухинъ, Инокентьевъ.

Бирскъ. — Примите наши поздравленія отъ простаго, но русскаго сердца къ русскому человѣку.

Петровъ, Матвѣевъ.

Черкассы. — Поздравляю Васъ, Дмитрій Александровичъ, цѣню и почитаю.

Бартмеръ.

Петербургъ. — Поздравленія. Счастлива чествованію дорогаго, близкаго сердцу, юбиляра.

Мыславская.

Харьковъ. — Печатавшіе Ваши афиши и слушавшіе Ваше, въ душу идущее, родное пѣніе, поздравляютъ.

Зильбербергъ (Типографія).

Епифань. — Ваша пѣсня звучала и здѣсь, радовала и утѣшала насъ. Не забыть ее ввѣкъ. Поздравляемъ отъ чистаго сердца.

Пьцовъ, Смолковский.

Богородскъ. — Ваши поклонники чествуютъ заочно роднаго пѣвца.

Матковский, Небольсинъ, Небольсина.

Баку. — Лютятся звуки Вашихъ пѣсенъ, какъ волна морская, все поднимая на днѣ сердца. Примите поздравленія отъ этихъ сердець.

Малиновскій.

Усть-Сыольскъ. — Поздравляемъ роднаго соловушку, ждемъ, авось залетитъ и къ намъ.

Андроновъ, Астафьевъ.

Томскъ. — Въ далекой Сибири памятенъ родной пѣвецъ. Поздравляемъ, вновь приѣзжайте.

Чернышъ, Цыбульскій.

Ченстохово. — Приносимъ поздравленія юбиляру съ двадцатипятилѣтнимъ торжествомъ.

Крутиковскій, Соболевскій, Демидовъ.

Васильсурскъ. — Примите отъ нашей семьи поздравленія, если помните насъ.

Якимовъ.

Камышинъ. — Старая знакомая по сценѣ радуется успѣхамъ, поздравляетъ.

Александрова.

Астрахань. — Поклонницы дивныхъ пѣсенъ поздравляютъ виновника ихъ развитія.

Смирницкая, Лебедева.

Оренбургъ. — Ваши дорогія пѣсни еще звучать въ моемъ сердцѣ, будя чудныя воспоминанія. Если помните, примите поздравленія.

Ольга Павлова.

Варшава. — Импровизатору, дорогому воспроизводителю народной фантазіи слава, поклоненіе!

Ольга Касторская.

Тетюши. — Поздравляемъ Васъ, достойнѣйшій труженикъ русскаго дѣла.

Аверкеевъ, Зиель.

Друскеники. — Старый другъ шлетъ восторженныя поздравленія достойному юбиляру.

Массамская (генеральша).

Новочеркасскъ. — Нѣтъ страны, гдѣ бы не восхищались Вашей пѣсней. Честь, слава Вамъ и поздравленія со всѣхъ концовъ земли!

Австеевъ, Бѣльскій.

Мариамполь. — Примите поздравленіе стараго знакомаго, помнящаго Ваши первые шаги.

Кукушевъ.

Ковель. — Не за горами, не за долами и мы, навѣстите. Ожидаемъ, поздравляемъ, встрѣтимъ достойно.

Славиковъ, Щербининъ.

Ростовъ на Дону. — Вѣчно бы слушала и не наслушалась чудныхъ пѣсень Вашихъ. Отъ души радуюсь торжеству, поздравляю.

Въра Мусницкая.

Слонимъ. — Приносимъ дань поклоненія Вашему таланту воспроизведенія старины и поздравляемъ сердечно.

Лысковъ, Панютинъ.

Москва. — Въ память дружбы съ близкими мнѣ, примите мои юношескія поздравленія.

Краснокутскій.

Азовъ. — Приносимъ сердечныя поздравленія, самыя горячія желанія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Бронникова, Ипатовъ, Колдыбинъ.

Никольскъ. — Услаждайте наше сердце Вашими чудными пѣснями. Спасибо Вамъ за нихъ.

Отъ Русской женщины.

Поздравляемъ Дмитрія Александровича съ двадцатипятилѣтнимъ торжествомъ!

Доброславскій (изъ Кременчуга), *Михалевичъ* (изъ Москвы), *Анисимовъ* (изъ Рославля), *Поповъ* (изъ Маріуполя), *Ануфриевъ* (изъ Бѣжецка).

Гельсингфорсъ. — Поздравляемъ русскаго пѣвца, оставившаго здѣсь много воспоминаній о его концертахъ.

Анна Крокъ, Вакуловъ, Гербертъ.

Калуга.—Радуеться и поздравляемъ.

Афросимова съ семьей.

Рига.—Примите поздравленія отъ Вашихъ друзей.

Фришъ и Крюгеръ.

Переяславль.—Поздравляемъ дорогаго юбиляра.

Дарья Стойкова, Путиловъ.

Смоленскъ.—Поздравляемъ! Чествуемъ Васъ заочно.

Вахрамьевъ, Колчинъ.

Рыбинскъ.—Поклонницы шлютъ поздравленія юбиляру!

Сергеева, Колъчина.

Петербургъ.—Примите наши сердечныя поздравленія.

Сахарова, Скрипичъна, Вахрамьева.

Горбатовъ.—Поздравляю отъ всего сердца.

Анастасова.

Воронежъ.—Много общала Ваша пѣсня и все исполнила.
Можно удивляться и преклоняться.

Николаевъ.

Бѣлгородъ.—Привѣтствую Васъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, и отъ всего сердца, Вамъ безконечно благодарнаго, прошу принять мои сердечныя пожеланія продолженія Вашей заслуженной славы и почестей.

А. Акинфьева.

Курскъ.—Въ семьѣ славянскихъ народностей Вы занимаете заслуженно почетное мѣсто; всѣ Васъ цѣнятъ и славятъ; не погнушайтесь привѣтомъ стараго друга прежняго отдаленнаго времени.

И. Горбовъ.

Черниговъ.—Поздравленія, привѣтствія, пожеланія.
Фотинскій, Кедрова.

Петербургъ.—Поздравляемъ роднаго пѣвца.
Захаренко, Круткова, Базарова, Шидилова.

Екатеринославль.—Поздравляемъ Васъ.
Шеллипанская, Оситова.

Житомиръ.—Съ сердечной радостью привѣтствуемъ юбиляра.
Акулова, Лихаревъ.

Петербургъ.—Привѣтствую Васъ, какъ артиста и уважаемаго мною человѣка.

Артистъ Эбель.

Ярославль.—Поздравляемъ юбиляра.
Яблочкова, Лавректвевъ.

Чебоксары.—Въ торжественный день привѣтствую, чрезъ Ваше посредство, русскую пѣснь.

Миловановъ.

Самара.—Сердечно поздравляетъ Васъ вашъ другъ.
Левинскій.

Керчь.—Вся Россія празднуетъ Вашъ праздникъ и потомство будетъ чтить его: съ нимъ соединится воспоминаніе о возрожденіи пѣсни.

Анненковъ, Горбовъ, Добротинъ.

Вятка.—Поклонники Вашего таланта шлютъ Вамъ привѣтъ.

Пермь.—Пусть долго еще пѣснь соловья оглашаетъ родныя и чужестранныя земли на радость намъ и на удивленіе чужеземцевъ.

Оленина, Палачанина, Сиворскій, Алексеева.

Уфа.—Радостное извѣстіе о праздникѣ въ честь русской пѣсни донеслось до насъ и радостью наполнило сердца. Привѣтствуемъ Васъ.

Афросимовъ, Лохматова, Комарова, Харитоновъ.

Брянскъ.—Поздравляемъ, привѣтствуемъ Васъ, родной пѣвецъ.

Назаровъ, Мамцевъ.

Витебскъ.—Примите наши искренніе привѣты и благодарность.

Савельевъ, Титовъ.

Мариуполь.—Всей семьей празднуемъ Вашъ праздникъ—праздникъ русской пѣсни.

Журавской.

Рига.—Примите наши искреннѣйшіе привѣты!

Сорокинъ, Воиновъ.

Радомъ.—Привѣтъ Вамъ, дорогимъ всякому русскому сердцу, людямъ, стоящимъ на стражѣ роднаго дѣла.

Томилинь, Томилина.

Астрахань.—Присутствуемъ душевно и мысленно на Вашемъ праздникѣ, съ наслажденіемъ вспоминая Васъ и гордясь Вашей дружбой.

Говорковъ, Сытинъ.

Сумы.—Сочувствуя дѣятельности Дмитрія Александровича, посылаемъ ему наши горячія пожеланія, привѣтствія.

Куницинъ, Грушевичъ, Воробьевъ.

Горбатовъ.—Скромные привѣты наши удостойте принять, дорогой юбиляръ.

Астафьева, Куликовъ.

Благовѣщенскъ.—Съ далекихъ окраинъ приносимъ запоздѣлыя, но горячія привѣтствія.

Кобякинъ, Стромиловъ, Вуличъ.

Велижъ.—Сожалѣя о невозможности лично поздравить, привѣтствуемъ сердечно родного соловушку.

Иконниковъ, Сивухинъ, Кулаковскій.

Бугульма.—Поздравленія, привѣтствія!

Ермолаевъ.

Камышинъ.—Пѣсни Ваши такъ полны правдивой красоты, что покоряютъ всѣхъ, кто однажды Васъ слышалъ. Привѣтъ Вамъ и честь!

Соловьева, Гумилина, Панкратевъ.

Царицынъ.—Сочувственно всѣ кругомъ относятся къ Вашему торжеству и привѣтствуютъ Васъ.

В. Алексинъ, Сумбатовъ.

Варшава.—Поздравляю Васъ!

Заводовскій.

Бѣлостокъ.—Спѣшу выразить Вамъ мои сердечныя симпатіи и привѣты.

Серіевскій.

Бендеры.—Примите мои сердечныя поздравленія.

Симскій.

Гродно.—Приносимъ поздравленія по случаю Вашего двадцатипятилѣтняго служенія родинѣ.

Демидовъ, Ковельскій.

Кишиневъ.—Поздравляемъ Васъ, какъ артиста и добраго знакомаго.

Семья Нейборнъ.

Житомиръ.—Сочувствуемъ Вашей славѣ и Вашему торжеству.

Ордынцевъ, Кливтъ, Семеновъ.

Могилевъ на Днѣпрѣ.—Дмитрій Александровичъ, включите насъ въ число празднующихъ Вашъ тріумфъ и горячо привѣтствующихъ Васъ.

Ольховскій, Кадыковъ, Николенко.

Уральскъ.—Всѣ уголки Россіи облетѣла Ваша соловьиная пѣсня, всюду вербуя себѣ поклонниковъ, пронеслась быстрѣе сокола по Европѣ, залетѣла за океанъ,—кто не повѣритъ ея мощи? Слава пѣвцу самобытной пѣсни!

Донской старый казакъ.

Симбирскъ.—Поздравленія, привѣты юбиляру!

Языковъ, Хохловъ.

Славянскъ.—Именемъ многихъ изъ общества поздравляемъ юбиляра!

Степановскій, Ольшесъ.

Бахмутъ.—Привѣтствуемъ пѣвца нашей простой искренней пѣсни.

Хомякова, Доброхотова.

Сувалки.—Кто знаетъ Вашу дѣятельность, не можетъ не радоваться сегодняшнему торжеству.

Домбровский, Вотяковъ.

Херсонъ.—Ваши поклонники изъ общества по многочисленности посылаютъ Вамъ общее сердечное поздравленіе.

Черниговъ.—Слава Вамъ, русскому пѣснопѣвцу, и горячіе привѣты!

Вербицкій, Федоренко.

Письма изъ Россіи.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Двадцать пять лѣтъ мирнаго Вашего труда уже прошло, и мы нынѣ съ радостію привѣтствуемъ Васъ съ успѣхомъ, увѣнчавшимъ Вашъ трудъ.

Ваша пѣснь обошла всѣ страны славянскія и сдѣлалась извѣстною и другимъ народамъ. Пѣснь Ваша объединила Славянъ духовно, ибо во всѣхъ славянскихъ земляхъ нынѣ слышны пѣсни всѣхъ славянскихъ племенъ. И Славяне узнаютъ и радости, и скорби другъ друга, высказанныя въ пѣсняхъ. Пѣснями своими научили Вы и Европу, и Америку, что Славяне имѣютъ право быть въ ряду культурныхъ народовъ. Благородныя чувства Славянъ, высказанныя въ пѣсняхъ, ставятъ ихъ выше эгоизма другихъ народовъ. О семъ знаютъ люди, видѣвъ и слышавъ высокоблагородныя патріотическія и религіозныя дивныя Ваши пѣсни, олицетворенныя въ Вашей благородной, патріотической и религіозной личности.

Успѣхъ Вашъ стѣбитъ Вашихъ и неусыпныхъ трудовъ, и великихъ жертвъ. И домъ Вашъ, и вся семья Ваша несетъ съ Вами труды Ваши на семъ благородномъ поприщѣ, и всѣ съ Вами поютъ на славу и радость Вашу.

Привѣтствую Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего подвига и поздравляю съ успѣхомъ Вашего пѣнія, восклицая: слава Вамъ, другъ Славянъ, воистину Славянскій!

Прошу Господа, да хранитъ Васъ въ добромъ здравіи и

продолжить Ваши дни, чтобы мы дождались праздновать пятидесятилѣтіе Вашего пѣнія въ любви и братскомъ единеніи всѣхъ Славянъ.

Призываю на Васъ и Ваше семейство благословеніе Господа Бога и съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію пребываю Вашимъ смиреннымъ Богомолецъ Митрополитъ Сербскій
Михаилъ.

Москва, 5-го декабря 1886 г.

Ваше Высокоблагородіе,

Милостивый Государь, Дмитрій Александровичъ!

Пріятнымъ долгомъ считаю принести Вашему Высокоблагородію почтительнѣйшее привѣтствіе съ двадцатипятилѣтіемъ славнаго Вашего служенія благороднѣйшему и благодѣтельнѣйшему искусству.

Молю Всевышняго Бога, чтобы Онъ хранилъ и подкрѣплялъ Васъ на дальнѣйшее служеніе этому искусству, къ чести и славѣ имени Вашего и къ пользѣ дорогаго нашего отечества.

Вашего Высокоблагородія покорнѣйшій слуга

Антонинъ, епископъ Ковенскій.

Ковно, 24-го апрѣля 1887 г.

Получивъ билетъ на званіе почетнаго члена Комитета по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго, считаю долгомъ принести комитету за оказанную мнѣ честь глубокую благодарность.

Антонинъ, епископъ Ковенскій.

Ковно.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Съ восторгомъ, какъ русскій человекъ, привѣтствую Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей славной артистической дѣятельности.

Трудитесь, не зарывайте въ землю даннаго отъ Бога Вамъ таланта.

Призывая на Васъ обильное благословеніе Божіе, съ чувствомъ совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности, имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою.

Настоятель Бабаевского монастыря архимандритъ *Густинъ*.

Въ комитетъ по устройству юбилея Д. А. Славянскаго.

Многоуважаемый,

Елпидифоръ Васильевичъ!

Приношу Вамъ мою почтительную и глубокую благодарность въ лицѣ Вашемъ всему комитету по устройству юбилейныхъ торжествъ для Дмитрія Александровича Славянскаго, народно-художественной дѣятельности котораго я вполне сочувствую. Отъ души привѣтствую, просто, какъ гражданинъ семьи русской, почтеннѣйшаго юбиляра.

Протоіерей *Разумовъ*.

Москва.

Досточтимый Дмитрій Александровичъ!

Среди миллионовъ поздравленій и привѣтствій Вамъ со всѣхъ концовъ всего блага свѣта да предстанетъ предъ Вами и мое скромное, но вполне искреннее привѣтствіе.

Не мнѣ, какъ духовному, изображать все величіе, всю доблесть Вашего добровольнаго, въ высшей степени художественнаго и эстетическаго, и потому уже самому духовнаго, въ обширномъ смыслѣ этого слова, служенія во славу возлюбленнаго нашего отечества, нашей святой Россіи. Найдутся, безъ сомнѣнія, многіе талантливые ораторы, которые достойно восхвалятъ Вашъ подвигъ и въ своихъ рѣчахъ передадутъ объ немъ грядущимъ вѣкамъ. Мнѣ хотѣлось бы, хотя кратко, сказать въ Вашъ великій всерадостный праздникъ о томъ влияніи, какое Вы своимъ художественнымъ пѣ-

ніемъ производите на нравственное чувство христіанина. Къ величайшей чести Вашей должно сказать, что Вы никогда не избирали для пѣнія такихъ пѣсень, въ которыхъ содержится хотя малая тѣнь чего нибудь скандалезнаго, противнаго чистотѣ цѣломудрія и непорочности. Вы артистическимъ сердцемъ Вашимъ прекрасно поняли ту истину, которую такъ недавно выразилъ одинъ французскій писатель, сказавшій, что Русскій народъ, по самой природѣ своей, — народъ христіанскій. Въ избранныхъ и излюбленныхъ Вами пѣсняхъ Вы настолько умѣли драматизировать слово и содержаніе пѣсни, что, внимая Вашему голосу и звукамъ Вашего хора, невольно чувствуешь ту жизненную правду, въ которой всегда такъ оцутительно, такъ наглядно проявляется присносущная правда—быль. Въ Вашемъ голосѣ, въ Вашихъ звукахъ слышится безсмертная душа со всѣми ея лучшими стремленіями, со всѣмъ тѣмъ, на чемъ лежитъ въ человѣкѣ образъ Божій,— и не Ваша только душа, но и безсмертная душа тѣхъ, чьи чувства и мысли Вы такъ полно и хорошо передаете.

Мнѣ не разъ приходилось слышать Вашу пѣсенку: „ахъ, матушка, что во полѣ пыльно?“ Пѣсенка, дѣйствительно, изображаетъ предъ нами семейную драму—но въ истинно русскомъ духѣ. Бракъ въ наши добрыя старыя времена совершался большею частію безъ вѣдома невѣсты, по согласію и благословенію родителей. Жизнь молодой женщины, въ чужомъ домѣ, при чужомъ отцѣ съ матерью, при мужѣ, о которомъ она прежде ничего не знала, не могла быть особенно радостною и была во всякомъ случаѣ неизвѣстною. А какъ теперь подъ крылышкомъ родной матери покойно и уютно. И вотъ случайно видитъ дочь пыль въ полѣ по дорогѣ къ деревнѣ, какъ будто кто мчится на тройкѣ. Въ уединенной деревнѣ такая пыль явленіе необыкновенное. Дочь спрашиваетъ мать совершенно спокойно: „что въ полѣ пыльно?“ Мать знаетъ про эту пыль, но щадить сердце дочери и начинаетъ, какъ говорится, отводить ей глаза. Но чуткое сердце дѣвушки инстинктивно чувствуетъ что-то не обыкновенное, не радостное; въ ея голосѣ съ каждымъ новымъ возгласомъ слышится все болѣе и болѣе трепеть души; да и въ

голосъ матери, при всѣхъ ея, повидимому, успокаивающихъ отвѣтахъ, яснѣе и яснѣе пробивается истинно материнская любовь. Въ послѣднихъ замирающихъ звукахъ материнскаго благословенія драматизмъ доходитъ до высшей степени. Въ этихъ рѣчахъ матери и дочери, въ ихъ трепещущихъ звукахъ не слышится-ли голосъ жизненной правды? Не слышится-ли совершенная преданность вседержавной волѣ Божіей?...

Изъ Вашей пѣсни: „Эй, ухнемъ“, которую Вы такъ глубоко поняли и такъ прекрасно передаете, и которою были поражены въ Европѣ, не слышится-ли голосъ того могучаго, дружнаго, все преодолюющаго и въ безпредѣльную даль продолжающагося безропотнаго труда, на который осужденъ правдою Божіею человѣкъ, такъ какъ трудъ будетъ продолжаться на землѣ, доколѣ будетъ существовать родъ человѣческой. Мы слышимъ голосъ этихъ тружениковъ, то приближающихся къ намъ, то предъ самими нами поющихъ, то опять удаляющихся въ безпредѣльную даль,—и всегда, и вездѣ онъ напоминаетъ намъ слово правды Бога... „въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой.“

Вотъ еще Ваша пѣсенка: „спится мнѣ младшенькой, дремлется,“—дышащая правдою житейскою и въ то время напоминающая намъ правду Божію. Невѣсту выдавали въ былое время очень въ молодыхъ лѣтахъ замужъ, да и мужъ-то нерѣдко бывалъ немного старше невесты; а хозяйственный быть требовалъ отъ молодой женщины рабочей силы, тогда когда она сама должна еще крѣпнуть силами—ей спится, ей дремлется, клонить ея головушку на подушечку. А между тѣмъ свекоръ и свекровь, добывающіе хлѣбъ потомъ и горбомъ, сердятся, стучать, гремять, снохѣ спать не даютъ. Имъ нужна ея рабочая сила. Кто заступится за это юное, еще не окрѣпшее существо? Заступится любящее сердце мужа, быть можетъ, честнаго молодаго, но уже много трудящагося и работающаго,—онъ понимаетъ, что сонъ этотъ не отъ лѣни, не отъ умѣнья взяться за работу, а отъ молодости, отъ того, что она и за мужъ-то рано выдана, вслѣдствіе капризовъ и гоненій лихой мачихи.

Но я заболтался. Простите, добрѣйшій Дмитрій Алексан-

дровичъ, если я отвлекъ Ваше вниманіе отъ другихъ, болѣе дорогихъ Вамъ привѣтствій. Мое привѣтствіе, какъ капля въ морѣ, но оно искренно и чисто, какъ капля росы небесной.

Душевно преданный Вамъ

протоіерей *В. Владисловъ.*

Тверь, 25 апрѣля 1887 г.

Достоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Поздравляю Васъ съ совершившимся двадцатилѣтіемъ Вашей артистической дѣятельности и для Васъ многотрудной, а для Россіи многополезной, а Ольгу Христофоровну, также много потрудившуюся для успѣха Вашего дѣла, съ досточтимымъ юбиларомъ. Для Россіи вы воскресили духъ древне-русской пѣсни, а для другихъ странъ раскрыли красу и гармонию этой пѣсни.

Вполнѣ сочувствую благодарнымъ сынамъ Россіи, настоящимъ торжествомъ воздающимъ достойную честь Вашимъ заслугамъ на пользу отечества. Отъ души желаю дожить Вамъ въ добромъ здоровьѣ и до пятидесятилѣтняго юбилея.

Искренно преданный Вамъ Власьевскій священникъ

Іаковъ Лазаревъ.

Село Власьево (Тверской губ.)
24 апрѣля 1887 г.

Дорогіе, хорошіе, Дмитрій Александровичъ и Ольга Христофоровна! 25 апрѣля съ самаго утра нахожусь мысленно съ Вами; иду въ церковь молиться за Васъ, подамъ на проскомидію о здравіи Вашемъ, а за молебномъ попрошу Господа Бога продлить жизнь и дѣятельность Вашу на пользу родины на столько же лѣтъ. Ура! и многія лѣта Славянскимъ!

Тверскаго женскаго монастыря

Игуменія *Палладія.*

Еще разъ въ послѣдній день Вашего юбилея примите мое привѣтствіе. Боже праведный, помилуй и сохрани Васъ!

Дошло ли первое привѣтствіе мое? Не витіевато оно, но искренно и сердечно. Отправивши его, я помолилась за Васъ 25 апрѣля, помолились и пѣвчіе, бывшіе въ церкви; потомъ священникъ во всеуслышаніе произнесъ знакомыя всѣмъ имена Дмитрія и Ольги съ чада ихъ!.. и раздалось многолѣтіе. Сегодня конецъ, и слава Богу! Теперь помогите Вамъ Господи благополучно возвратиться въ родное Кольцово. До глубины души преданная Вамъ

Игуменія *Палладія*.

Высокопочтимый юбиляръ!

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности, лично явиться на Вашъ почетный праздникъ, приношу мои поздравленія съ пожеланіями письменно:

Вы четверть столѣтъя искусству служили,
Сердце услаждая всѣхъ слушавшихъ Васъ,
Почетный вѣнокъ Вы себѣ заслужили—
То общее мнѣніе и Божій то гласъ!

Примите же и мое поздравленіе, почтенный юбиляръ.

Вамъ вполне преданный

Эдуардъ Йогансенъ (пасторъ).

Тверь, 24 апрѣля 1887 г.

Многоуважаемый и безцѣнный

Дмитрій Александровичъ!

Хотя поздно, но и мы приносимъ наше живѣйшее и искреннее поздравленіе со днемъ Вашего юбилея и чистосердечно просимъ принять наше малое приношеніе за Ваше здоровье, въ знакъ Божія благословенія, святую просфору. Мы отъ всей души молимъ Господа, чтобы Онъ благословилъ и помогаль Вамъ продолжать Вашъ честный трудъ на многія лѣта для блага Вашего благороднѣйшаго семейства и пользы отечеству. Да и впредь Его милосердіе да хранитъ Васъ въ бодрости духа и добромъ здравіи.

Глубоко и искренно уважающія Васъ

Маргарита и Анна Пушиновы.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

Препровождая вмѣстѣ съ симъ (въ особомъ пакетѣ) поздравленіе отъ меня и управляемыхъ мною хоровъ—Невскаго и Исаакіевскаго съ двадцатипятилѣтіемъ Д. А. Агренева-Славянскаго, долгомъ считаю выразить Комитету мою признательность за удостоеніе меня званія почетнаго члена.

Регентъ хоровъ Невскаго и Исаакіевскаго

П. Львовскій.

Петербургъ, 23 апрѣля 1887 г.

Тверской Губернаторъ. Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

20 апрѣля 1887 года.

№ 2069.

Считаю долгомъ принести мою истинную благодарность Комитету по устройству юбилея Дмитрію Александровичу за лестное вниманіе, оказанное Комитетомъ, избравшимъ меня почетнымъ своимъ членомъ.

Не находя возможнымъ, по дѣламъ службы, лично принять участіе въ торжествѣ, которое предназначено въ Москвѣ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея артистической дѣятельности Дмитрія Александровича, я позволю себѣ настоящимъ письмомъ выразить мое высокое уваженіе народно-артистической дѣятельности Дмитрія Александровича въ теченіе 25-ти лѣтъ.

Съ отличнымъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Аванасій Сомовъ.

Милостивый Государь,

Никита Петровичъ!

Я имѣлъ честь получить отъ Комитета по устройству юбилея Д. А. Славянскаго приглашеніе принять на себя званіе почетнаго члена означеннаго Комитета.

Въ продолженіе 25 лѣтъ славнаго артистическаго, можно сказать, непрерывнаго торжества Дмитрія Александровича, а вмѣстѣ съ нимъ и русской пѣсни, поднятой имъ и даровитою его супругою, Ольгою Христофоровною, до художественной красоты, я всегда относился съ живымъ сочувствіемъ къ успѣхамъ нашего даровитаго пѣвца-художника и не пропускалъ возможности насладиться его концертами. Поэтому съ большою радостью я встрѣтилъ лестное для меня званіе почетнаго члена предсѣдательствуемаго Вами Комитета.

Принося Вамъ и глубокоуваемымъ Вашимъ сочленамъ благодарность за оказанную мнѣ честь, тѣмъ не менѣе, къ крайнему моему сожалѣнію, я не могу принять участія въ распоряженіяхъ Комитета въ виду служебныхъ обязанностей, требующихъ моего присутствія въ Твери.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности

А. Жизневскій.

Тверь, 20 апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь,

Никита Петровичъ!

Только-что получилъ извѣщеніе Комитета по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго объ избраніи меня въ почетные члены сего Комитета.

Принося глубокую признательность Комитету за оказанное мнѣ вниманіе—включеніемъ въ число лицъ, призванныхъ къ непосредственному участию въ чествованіи столь извѣстнаго общественнаго дѣятеля, я крайне сожалѣю, что не могу прибыть ко времени торжества въ Москву, о чемъ и спѣшу

Васъ увѣдомить и вмѣстѣ покорнѣйше просить не отказать передать многоуважаемому Дмитрію Александровичу, что, при невозможности лично участвовать въ празднествѣ, я всеѣмъ сердцемъ присоединяюсь мысленно къ общимъ привѣтствіямъ по случаю двадцатипятилѣтія его народно-артистической дѣятельности. Мое отсутствіе мнѣ тѣмъ прискорбнѣе, что я хорошо помню, какъ, наѣзжая въ Саратовъ, въ бытность мою тамъ губернаторомъ, Дмитрій Александровичъ отзывчиво относился къ нуждамъ благотворительности. Его знали и цѣнили тамъ—и не только тамъ, конечно—и какъ народнаго пѣвца, и какъ человѣка, не забывавшаго среди своихъ успѣховъ приходить на помощь бѣднымъ.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ Вамъ уваженіи и совершенной преданности.

М. Галкинъ-Враскій.

Петербургъ.

Глубокоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Мнѣ крайне прискорбно, что въ столь для Васъ знаменательный день я лишень возможности присутствовать на торжествѣ чествованія русскими людьми двадцатипятилѣтнихъ неусынныхъ трудовъ Вашихъ для русскаго дѣла. Я, такъ близко всегда принимавшій къ сердцу Ваши успѣхи, не могу теперь взойти въ Вашу радость. Хотя я и за 600 верстъ отъ Москвы, но сердцемъ я съ Вами, и горячо привѣтствую Васъ, нашъ дорогой Баянъ, отъ русскаго сердца обнимаю Васъ, счастливаго выраженіемъ общихъ симпатій, общаго восторга.

Спасибо, крѣпкое спасибо скажутъ Вамъ все русскіе люди за патріотизмъ, подвигъ четвертивѣковаго служенія русской пѣснѣ. Вы намъ спѣли эту пѣсню въ выраженіи, дотолѣ неслыханномъ; Вы показали намъ, осмѣяннымъ западными кумирами, мощь роднаго музыкальнаго творчества и пріохотили къ роднымъ мелодіямъ, къ русскому музыкальному ладу, самую суть, душу котораго Вы угадали и не-

подражаемо передавали; Вы пронесли русскую пѣсню по всей Европѣ и заставили её звучать за океаномъ—въ Америкѣ. Вездѣ—у такъ-называемыхъ культурныхъ народовъ—Вы сумѣли побѣдить укоренившіяся предубѣжденія противъ всего русскаго и своимъ мастерствомъ, своею русской душею вызвали у нихъ восторги нашею пѣсней, вырвали у нихъ признаніе за нашимъ народомъ музыкальной самобытности, свѣжести и силы. Никакіе вещественные плоды, никакое матеріальное благосостояніе не могутъ служить достаточной наградой за неутомимый трудъ Вашъ, за испытанныя Ваши лишенія, за неустанную энергію, съ которой Вы лучшіе свои годы пожертвовали всецѣло одному дѣлу—русской пѣснѣ. Искреннее сочувствіе и широкая симпатія русскихъ людей, общее признаніе заслугъ Вашихъ передъ родиною—вотъ что только одно можетъ Васъ вполне удовлетворить. И это Вы нынѣ торжественно принимаете въ Москвѣ—сердцѣ Россіи.

Пожелаемъ же, чтобы долго, долго еще звучала намъ неумолкаемо Ваша русская пѣсня, чаруя, прельщая и вливая въ насъ богатырскую силу Русской земли.

Передайте, пожалуйста, мои искреннія поздравленія Ольгѣ Христофоровнѣ и всему Вашему семейству. Вашъ

Кн. Николай *Шаховской*.

С.-Петербургъ, 22 апрѣля 1887 г.

Достопочтенный юбиляръ,
многоуважаемый Дмитрій Александровичъ!

Позвольте и мнѣ, скромному почитателю Вашихъ трудовъ въ дѣлѣ народной музыки, принести сердечное поздравленіе въ счастливый день Вашего юбилея, причемъ шлю Вамъ горячія пожеланія полного здоровья и силъ для продолженія Вашего полезнаго дѣла.

Не могу не пожелать появленія въ свѣтъ общедоступнаго сборника народныхъ пѣсень съ текстомъ, изданнаго подъ Вашей редакціей.

Поистинѣ это было-бы достойнѣйшимъ и цѣлесообразнѣйшимъ завершеніемъ чествованія Вашего юбилея. Всякій Русскій, любящій свое родное, встрѣтитъ такую тетрадь полнымъ сочувствіемъ, и со многихъ концовъ Россіи долетитъ до „народнаго пѣвца“ большое спасибо.

Одинъ изъ безчисленныхъ поклонниковъ русской мелодіи

Иванъ Сапожниковъ.

Петербургъ.

Высокоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Будьте здоровы и да сохранитъ Васъ Господь на многія лѣта, нашъ именитый и дорогой артистъ-пѣвецъ! Имѣю честь принести Вамъ мое искреннее сердечное поздравленіе. Не нахожу словъ выразить, съ какимъ удовольствіемъ и чувствомъ глубокаго уваженія къ Вамъ приношу я свои привѣтствія и благія пожеланія въ этотъ торжественный для Васъ день двадцатипятилѣтія Вашего артистическаго поприща.

Все, что я скажу, будетъ слабо и не выразитъ моихъ чувствъ. Вы получите тысячи привѣтствій и мое, конечно, будетъ песчинкой въ морѣ. Скажу только, что и здѣсь, какъ и повсюду, есть почитатели и поклонники Вашего таланта и Вашей неутомимой дѣятельности. И мы надѣемся, что Ваше служеніе народной поэзіи и искусству продлится еще многія лѣта и мы долго еще будемъ имѣть высокое удовольствіе слушать Ваши соловьиныя пѣсни. Пьемъ за Ваше здоровье, нашъ родной и дорогой Дмитрій Александровичъ, бьемъ Вамъ челомъ, ура! ура! ура!...

Съ глубокимъ уваженіемъ къ Вамъ остаюсь всегда готовая къ услугамъ Вашимъ

Вѣра Голубкова.

Астрахань, 24-го апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Авторъ настоящей замѣтки первоначально имѣлъ въ виду напечатать ее въ одной изъ казанскихъ газетъ, но, прочитавъ въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ отзывъ неизвѣстнаго о Вашихъ концертахъ и не чувствуя себя солидарнымъ съ авторомъ этого отзыва, а съ другой стороны, принимая въ соображеніе, что настоящая замѣтка, если-бы она и была напечатана, могла бы и не попасться Вамъ на глаза,—авторъ рѣшился выразить свое мнѣніе въ нижеслѣдующемъ письмѣ къ Вамъ. Только любовь къ отечественной музыкѣ, горячее уваженіе къ Вашему таланту и желаніе споспѣшествовать Вашимъ успѣхамъ руководятъ меня въ настоящемъ случаѣ. Но ближе къ дѣлу.

Прежде всего о достоинствахъ Вашихъ концертовъ.

Самое лучшее въ Вашихъ концертахъ—это Ваше собственное пѣніе. Какой-то великій пѣвецъ, если не ошибаюсь—Рубини, сказалъ, что наилучшіе пѣвцы въ молодости имѣютъ голосъ, но не умѣютъ пѣть, а когда съ годами приобрѣтаютъ искусство пѣть, то теряютъ голосъ. Конечно, и Вы платите дань природѣ. Но при всемъ томъ голосъ Вашъ настолько сохранился, что слушатель совершенно позабываетъ, что Вы празднуете уже двадцатипятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности, побывавъ притомъ предварительно еще въ военной службѣ. Мягкость, естественность, искренность, задушевность Вашего пѣнія съ лѣтами, кажется, только возрастаютъ. Правильность интонаціи, вѣрная экспрессія и умѣнье держаться въ регистрѣ, свойственныя Вашему голосу, составляютъ Ваши неотъемлемыя и, правду сказать, не часто встрѣчающіяся въ пѣвцахъ качества. Одно изъ самыхъ большихъ и тоже рѣдкихъ качествъ Вашего пѣнія заключается въ томъ, что Вы поете вполне естественно—безъ вибрацій, безъ завыванья и не придавая голосу фальшиво-страстнаго тембра. Я недавно слышалъ одного изъ петербургскихъ оперныхъ пѣвцовъ, который даже *ухар-*

скія и замхватскія русскія пѣсни поетъ не иначе, какъ *вибрирующимъ* голосомъ,—и смѣшно, и досадно....

Одно изъ самыхъ прелестнѣйшихъ и поразительнѣйшихъ достоинствъ Вашихъ концертовъ—это исполненіе *riano*. *Riано* дискантовъ въ пѣснѣ о *Добрынь* представляетъ почти идеальное совершенство.

Лучшій номеръ въ Вашемъ исполненіи—пѣсня о *Добрынь*. Жаль, что невѣжественная публика ни разу не попросила повторить эту превосходную и превосходно исполненную пѣсню. Очень хороши также: *Ужъ я золото хороню, Во лузяхъ, Многи мѣта, Ухнемъ*; постепенное замираніе голосовъ въ послѣдней пѣснѣ просто верхъ совершенства. Объ этомъ *Ухнемъ* можетъ-быть скажу нѣсколько словъ еще въ концѣ этого письма. Отличное впечатлѣніе производятъ также нѣкоторыя изъ не русскихъ пѣсень, особенно исполняемыхъ *adagio*. Къ сожалѣнію, я позабылъ названіе этихъ пѣсень.

Но при громадныхъ достоинствахъ Вашихъ концертовъ, послѣдніе все-таки должны совершенствоваться такъ какъ часто и очень часто темпъ бываетъ излишне быстръ, причемъ слова пѣсень тогда нельзя разслышать, и пѣсни напоминаютъ деревенскіе хороводы, потому что самыя ноты, при излишне быстромъ слѣдованіи, теряютъ характеръ *тоновъ* и слышится какъ бы родъ шума (выражаясь языкомъ физики), между тѣмъ какъ тонъ, вѣдь, *сущность* музыки,—*безъ тона нтъ музыки*. Тому назадъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, на выставкѣ, мнѣ привелось слышать въ Вашемъ исполненіи пѣсню: *Какъ на горѣ калина*. Тогда она исполнялась Вашимъ хоромъ гораздо медленнѣе и выходила удачнѣе. Умѣренно быстрое пѣніе женскими голосами (правда, что ихъ было тогда 20, а не 6, какъ теперь) словъ: *ну что жъ, кому дѣло, калина...* заключало въ себѣ какую-то чарующую прелесть и производило почти волшебный эффектъ; при быстромъ же очень темпѣ пѣніе выходитъ похожимъ на что-то вродѣ толченія, или колоченія.

Замираніе голосовъ въ *Ухнемъ*, какъ я сказалъ, вполне хорошо, но это замираніе все-таки не то затиханіе, которое слышится при постепенномъ значительномъ удаленіи поющихъ. Аллегорія, кажется, была-бы полнѣе, еслибы поющіе,

въ то-же время постепенно оборачиваясь, дѣйствительно уходили за кулисы; можно бы многого достигнуть въ этомъ отношеніи также измѣненіемъ расположенія и передвиженіемъ кулисъ. Впрочемъ, это лишь предположеніе и осуществленіе возможно лишь при собственной концертной залѣ и при другихъ исключительно благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Любитель.

Дорогой русскому сердцу пѣвецъ,

Дмитрій Александровичъ!

Ваши концерты чаруютъ душу, но еще болѣе Ваши артистическія поѣздки поражаютъ изумленіемъ умъ. Гдѣ берете Вы вѣру въ то, что у современнаго человѣка внутри есть что-нибудь кромѣ матеріальныхъ расчетовъ? Какъ могли Вы сохранить такъ долго свѣтлый огонь искусства и вѣрить въ неотразимость дѣйствія всего изящнаго на душу массъ? Какимъ глубокимъ убѣжденнымъ художникомъ надо быть для этого!

Выходишь, бывало, изъ концертнаго зала въ глубокомъ волненіи и проводишь порой всю ночь напролетъ въ оживленныхъ толкахъ о впечатлѣніяхъ, забывая, что суровая неумолимая дѣйствительность призоветъ на другой день съ разсвѣтомъ каждаго къ его станку. Обобщая выводы массы, можно сказать, выработалось такое мнѣніе: „это не звуки пѣнія только, а звуки сердца“!

Я подслушалъ однажды, какъ выразилъ свой восторгъ простой человѣкъ: „Эхъ, дюже хорошо! Вотъ и замолчалъ, а на сердцѣ у тебя какъ будто все еще онъ поетъ“. Замолкну и я, вполне согласный съ простымъ человѣкомъ. Закончу пожеланіемъ: пошли Вамъ Богъ здоровья для Вашихъ артистическихъ подвиговъ, пусть весь міръ видитъ, что не можетъ быть варварской страна, въ которой рождаются люди, глубоко потрясающіе чувство и тѣмъ доказывающіе, что люди не такіе безнадежные матеріалисты.

В. Томилинъ.

Г. Бржезинъ, Петроковской губ., 17 апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Присоединяюсь къ всеобщему чествованію Вашей двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности, которая, познакомивъ съ русской мужицкою пѣсней весь образованный міръ, доставила ей доступъ къ Высочайшимъ дворамъ, и въ сильной степени содѣйствовала укрѣпленію узъ между славянскими народностями.

Позволяю себѣ это потому, что я имѣлъ честь познакомиться съ Вами, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, на зарѣ Вашей славной карьеры, когда Вы, окончивъ свое путешествіе по Итали, явились къ австрійскимъ Славянамъ и въ Вѣну, и посѣтили меня тамъ въ моей редакціи.

Вѣроятно, у Васъ сохранился тотъ № руссофильской моей газеты „Zukunft“, въ которомъ восторженно описывалось начало Вашихъ триумфовъ въ Итали, Австріи и въ Вѣнскомъ салонѣ Безендорфера.

Моя газета была вскорѣ послѣ этого запрещена за ея направленіе, и я самъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію, но бѣжалъ въ Россію. Здѣсь я служу по учебной части уже 18 лѣтъ, изъ нихъ половину въ качествѣ инспектора Ришельевской гимназіи. Но эта тяжелая служба пошатнула мое здоровье настолько, что я уже не могу полагаться лишь на свои собственные силы.

На апогеѣ своей славы, не забудьте Вашего преданнѣйшаго почитателя

Лаврентія Лясковецъ.

Одесса, 28 апрѣля 1887 г.

Предсѣдателю Комитета Н. П. Гилярову.

Вспоминаетъ съ глубокимъ сочувствіемъ о дѣятельности Дмитрія Александровича Славянскаго

Е. Н. Кожуховъ.

Предсѣдателю Комитета Н. П. Гилярову.

Благодарить за присылку почетнаго билета и просить передать его поздравленіе юбиляру

Маслениковъ.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

На циркуляръ, приглашающій меня къ участию въ публичномъ чествованіи Дмитрія Александровича, считаю долгомъ сообщить, что, высоко цѣня заслуги и талантъ Д. А. Агренева, я не пропускалъ ни одного его концерта. Но я не могу присоединиться къ числу прочихъ цѣнителей именитаго пѣвца, готовящихся публично чествовать его, такъ какъ военнослужащимъ запрещено участіе въ подобныхъ манифестаціяхъ.

Генераль-маіоръ *Николай Мамонтовъ.*

Москва, 4 апрѣли 1887 г.

Милостивый государь,

Никита Петровичъ!

Принося искреннюю благодарность за оказанное мнѣ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ Вашимъ, Комитетомъ вниманіе, я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ принимаю званіе его члена, что мнѣ посчастливилось быть свидѣтелемъ первыхъ успѣховъ Дмитрія Александровича въ зиму 1862—63 г. въ отдаленномъ Екатеринбургѣ.

Прося принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности, имѣю честь быть Вашъ покорный слуга

П. Серодъ.

Екатеринбургъ.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

Выражая признательность за принятіе меня въ почетные члены Комитета, я, къ сожалѣнію, долженъ ограничиться

только письменнымъ поздравленіемъ знаменитаго юбиляра, которое при семь честь имѣю доставить.

Θ. В. Бестужевъ-Рюминъ.

Высокоуважаемый, именитый народный пѣвецъ,

Дмитрій Александровичъ!

Привѣтствую Васъ, какъ славнаго роднаго юбиляра, въ знаменательный торжественный день воспоминаній двадцатипятилѣтнихъ трудовъ Вашихъ надъ былинами и пѣснями обширнаго нашего отечества. Вы первый познакомили всѣ страны свѣта съ бытовыми пѣснями великой матушки Россіи. Дорого русское слово въ народномъ его напѣвѣ. Вы подарили это слово въ полномъ его значеніи, и теперь мы знаемъ русскую пѣсню не какъ одну забаву, а слышимъ въ ней натуру задушевнаго человѣка. Честь и слава за двадцатипятилѣтнія заслуги первому пѣвцу Русской земли.

Родной по чувству за родное дѣло

Θ. В. Бестужевъ-Рюминъ.

Принося Вамъ, многоуважаемая Ольга Христофоровна, и высокоуважаемому Дмитрію Александровичу поздравленіе съ наступающимъ торжествомъ двадцатипятилѣтней дѣятельности, въ которой Вы, Ольга Христофоровна, были самымъ близкимъ и дѣятельнымъ его сотрудникомъ, прошу принять увѣреніе въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Савельевъ.

Петрозаводскъ.

Глубокоуважаемая и добрѣйшая

Ольга Христофоровна!

Позвольте и мнѣ, больному, присоединиться къ чествованію Дмитрія Александровича, котораго я глубоко люблю,

какъ человѣка, и высоко цѣню, какъ великаго художника и артиста. Вы примете на себя трудъ передать юбиляру вѣнокъ отъ меня, и повѣрьте, что я глубоко скорблю о невозможности быть эти дни съ нимъ и съ Вами.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть нижайшимъ слугою

Евгеній Ринкъ.

Москва, 26 апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Примите отъ меня хотя и запоздавшее, но искренное, сердечное привѣтствіе съ знаменательной для Васъ и всего русскаго общества годовщиной Вашего служенія на пользу родинѣ русскаго искусства.

Двадцатипятилѣтніе труды Ваши были направлены къ тому, чтобы собрать и разработать сокровище русскаго народнаго духа, таившееся въ неизвѣстности и поставить всюду на подобающій пьедесталь русскую пѣсню; эти труды увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ваше высокохудожественное исполненіе русской пѣсни возгрѣло любовь къ ней въ средѣ насъ, русскихъ, и заставило полюбить ее и иностранцевъ. За это, Дмитрій Александровичъ, Ваше имя сохранится навѣки въ русскомъ народѣ. Васъ знаютъ и всегда будутъ вспоминать, какъ честнаго, неутомимаго труженика на поприщѣ отечественнаго искусства.

Пусть же и еще много—много лѣтъ льется изъ Вашихъ устъ русская пѣсня и за предѣлами русской земли разносятся, чрезъ Ваше посредство, все шире и шире родные мотивы, на славу дорогой нашей отчизны.

Примите, Дмитрій Александровичъ, увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ уваженіи юнаго почитателя Вашего таланта.

Р. S. Честь и хвала Вашимъ сподвижникамъ и помощникамъ въ достиженіи избранной Вами цѣли. Русское *спасибо*

мальчикамъ Вашей капеллы. Ихъ участіе въ хорѣ придаетъ пѣнію особую прелесть.

Владиміръ губ.

Юный почитатель.

Милостивый Государь,

Дмитрій Александровичъ!

Приношу самыя сердечныя привѣтствія Вамъ, какъ любезному пѣвцу русской пѣсни, когда-то загнанной, чуть не забытой, а Вами поднятой до подобающей высоты. Честь Вамъ и слава за двадцатипятилѣтнее служеніе этой русской пѣснѣ и русскому народу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Тула.

Н. Дроздовъ.

Многоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Примите мое сердечное поздравленіе съ торжественнымъ днемъ Вашего юбилея. Вашъ многолѣтній трудъ увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ—и слава о Васъ прогремѣла по цѣлому свѣту.

Давно жители Смоленска не имѣли удовольствія Васъ слышать и наслаждаться Вашимъ талантомъ; впрочемъ, я теперь и сама не живу въ Смоленскѣ, а поселилась въ 30 верстахъ отъ него, въ с. Городокъ, Краснинскаго уѣзда, гдѣ наслаждаюсь вполне красотами природы, слушаю хоры пернатыхъ и благодушествую. Часто въ уединеніи мысленно переносусь въ Верховье и вспоминаю развалины Дунаевского дома, липовую рощу, изъ которой выглядывалъ въ два окошечка деревянный маленькій флигелекъ—обиталище милаго пѣвца, и какъ бы вижу, по извилистой дорожкѣ, между изумрудныхъ кустарниковъ вѣдущаго всадника; какъ трепетно, бывало, билось сердце при видѣ юнаго красавца. Но увы! гдѣ наша молодость? какъ быстро она прошла...—да и судьба раскинула насъ по разнымъ сторонамъ; хоть и хорошо намъ каждому

по своему живется, но молодость не возвратится; что прошло, того не будетъ. Еще разъ изъясляю искреннее сочувствіе и прошу принять отъ товарища Вашей юности хвалу Вашимъ доблестямъ. Уважающая Васъ и искренно преданная Вамъ

Генеральша *Марія Юревичъ.*

Село Городокъ (Смоленской губ.), 23 апрѣля 87 г.

Г. КУРСКЪ.
Музыкальные классы
ДИРЕКТОРА.

19-го апрѣля 1887 года.

Въ Комитетъ по устройству двадцатипятилѣтняго юбилея Д. А. Славянскаго.

Имѣю честь принести Комитету юбилейнаго празднованія въ честь нашего знаменитаго современнаго народнаго пѣвца Дмитрія Александровича Славянскаго мою глубокую искреннюю благодарность за оказанную мнѣ честь избранія меня въ почетные члены вышепоименованнаго Комитета.

Надѣюсь имѣть счастье лично привѣтствовать именитаго юбиляра и раздѣлить народное торжество славянской эпической поэзіи въ кругу людей, связанныхъ единствомъ цѣли въ обширной области музыкальнаго искусства.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть всепокорнѣйшимъ слугою

Аркадій Абаза.

Милостивый Государь,

многоуважаемый Дмитрій Александровичъ!

Позвольте въ числѣ многихъ имѣть честь поздравить Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей, всей Руси извѣстной, признанной патріотической дѣятельности съ истиннымъ желаніемъ дальнѣйшихъ успѣховъ и вообще всякаго благо-

получія, какого только можетъ желать самый искренній русскій патриотъ и русскій дворянинъ, всегда вѣрный своему девизу. Я тотъ самый, который имѣлъ честь въ прошедшемъ году, въ г. Пензѣ, лично представиться Вамъ послѣ послѣдняго даннаго Вами концерта и передъ тѣмъ передать Вамъ въ рукописи собственное мое философско-нравственное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Миръ прекрасенъ — ярко блещетъ моя лира*; въ стихотвореніи этомъ я вкратцѣ изложилъ основаніе моего великаго патриотическаго и общечеловѣческаго педагогическаго проекта, представленнаго мною господину министру Народнаго Просвѣщенія въ письмахъ моихъ отъ 27 ноября и 30 января 1880 г. и отъ 30 апрѣля 1881 г.

Имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Подполковникъ *Эдуардъ Бломъ*.

Приношу мое сердечное поздравленіе Вамъ, глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ, милый и близкій нашему сердцу славянскій бардъ!

Душевно желаю отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей также блистательно, въ полномъ здравіи и въ ослѣпляющемъ ореолѣ заслуженной славы.

Одинъ изъ выросшихъ и созрѣвшихъ подъ пѣснь славянскаго Баяна, глубокоуважающей и признательной

артистъ Императорскихъ театровъ *В. Далматовъ*.

Принося мою искреннюю благодарность Комитету по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго за сдѣланную мнѣ честь избранія меня въ число почетныхъ членовъ, присоединяю ко множеству другихъ и мое поздравленіе съ пожеланіемъ русскому пѣвцу еще многіе годы съ честью и славой служить на поприщѣ родного искусства.

Артистъ Императорскихъ театровъ *М. Садовскій*.

Друзья мои,
Митюха и Ольга Христофоровна!

Что же это такое?!

Чести, грому и славы сколько угодно, а *существеннаго* ни-ни!

Или я проглядѣлъ въ газетахъ?... Какъ же это и отъ Великаго Князя Владиміра, и отъ иностранныхъ королей, и отъ Долгорукова, и отъ великихъ людей такія громкія привѣтствія, а *дѣйствительной* награды за признанный подвигъ дѣятельности отъ правительства никакой. Ни пенсіи, ни ордена?!... Это вполнѣ непонятно и я желалъ-бы отъ Васъ разъясненія...

Отвѣтите, пожалуйста, поскорѣе, а то я собрался отбыть въ Туркестанъ.

Цѣлую тебя, Митя, въ губы, Ольгу Христофоровну въ ручки. Всѣ мои шлють привѣтъ.

М. Микльшинъ.

Петербургъ.

Письмо въ Комитетъ.

Прошу передать достопочтенному юбиляру мои поздравленія и мое глубокое уваженіе.

Артистка Императорскихъ театровъ

Марія Климентова.

Москва.

Высокоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Примите мое душевное поздравленіе въ день празднованія Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея во славу народной пѣсни. Желаю Вамъ отъ чистаго сердца многіе и многіе годы разносить по всему свѣту дорогія всѣмъ русскимъ людямъ наши народныя мелодіи и пѣть ихъ такъ, какъ Вы одинъ умѣете. Приношу Вамъ публичную благодарность за исполненіе и моихъ слабыхъ произведеній—былинь, какъ-то: *Святогора*, *Ермака Тимофеевича* и проч., которыя Вы такъ неподражаемо воспроизводите. Хотя и не могу быть лично на Ва-

шемъ народномъ празднествѣ, но мысленно я присутствую на немъ и поздравляю Васъ отъ глубины моего русскаго сердца.

Композиторъ *Л. Д. Малашкинъ*.

Рязань, 24-го апрѣля 1887 г.

Высокоуважаемый артистъ-художникъ,
пѣвецъ русской пѣсни

Дмитрій Александровичъ!

Въ то время какъ со всѣхъ концовъ нашей матушки Россіи стеклись сюда искренніе почитатели Вашего таланта привѣтствовать Васъ и почитать поистинѣ блестящій трудъ Вашей двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности, позвольте и мнѣ, старику, принести мое искреннее сердечное привѣтствіе и самое душевное пожеланіе—неизмѣнно еще на многіе годы оставаться вѣрнымъ своему священному призванію. Вы своимъ чуткимъ сердцемъ умѣли подмѣтить въ безыскусственныхъ пѣсняхъ широко разбросанной Россіи всю дивную прелесть народнаго музыкальнаго творчества и стали неподражаемымъ учителемъ для своихъ же бывшихъ учителей,—т. е. для народа. Вы, получивъ отъ него его „пѣсню“, ему же ее и возвратили, научивъ лишь какъ нужно пѣть эту пѣсню; отсюда и естественна вполнѣ та безконечная любовь русскаго народа всѣхъ его слоевъ, сопровождавшая Васъ въ теченіе всей четверти вѣка Вашей артистической дѣятельности.

Отъ полноты чувства и признательности прошу Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, принять отъ меня въ даръ написанное мною и положенное на музыку—мое музыкальное Вамъ привѣтствіе.

Простите меня за нѣкоторую ограниченную, быть можетъ, содержательность этого произведенія, но уже одно то чувство, которое мною руководило при написаніи его, достаточно сгладить всѣ шероховатости музыкальныхъ формъ моего наброска.

Отъ почитающаго Васъ *Александра Малькова*.

Саратовъ.

Милостивый Государь,
искренноуважаемый

Дмитрій Александрович!

Я знаю Васъ съ тѣхъ поръ, какъ Вы молодымъ еще офицеромъ стали посѣщать незабвеннаго и для меня Г. А. Ламакина. Я видѣлъ Васъ потомъ въ г. Нѣжинѣ и способствовалъ къ увеличенію слушателей Вашихъ концертовъ, неимѣвшихъ понятія ни о Васъ, ни о Вашемъ хорѣ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я Васъ въ Черниговѣ въ прошедшемъ году, чтобы видѣть Васъ въ славѣ и блескѣ,—но эти чаянія не сбылись.

25 лѣтъ назадъ я оставилъ Петербургъ по болѣзни, и остаюсь съ своей богатѣйшей библіотекой для камерной музыки безызвѣстнымъ миссіонеромъ а Вы будете праздновать двадцатипятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. Вы исполнили завѣтную мою мечту и желаніе — познакомиться славянскій міръ съ русской пѣсней. Вы сдѣлали болѣе, чѣмъ я мечталъ; Вы познакомили не Славянъ только съ русской пѣсней и русскимъ хоромъ: Вы показали всему міру Русь, въ ея костюмахъ, въ словѣ пѣсни и въ музыкѣ ея, и насъ познакомили съ славянскими пѣснями и такимъ образомъ привлекли къ намъ сердца и единоплеменниковъ, и не знавшихъ насъ вовсе. Вы—знаменитость, я простой любитель и пропагандистъ камерной музыки, напрасно потратившій свои стремленія къ ней, забытой или забываемой, но не совсѣмъ. Были и есть благодарные мнѣ люди, кромѣ рано умершаго П. Бородина.

Покорнѣйше прошу принять съ любовію привѣтъ старца, доселѣ честно относящагося къ музыкѣ полифонической, многоголосной, и съ величайшимъ уваженіемъ къ Вашему служенію и созданію немислимыхъ до Васъ народныхъ хора и музыки.

Вашъ почитатель и слуга *Ив. Гаврушевичъ.*

Черниговъ, 23 марта 1887 г.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

Приношу Комитету мою искреннюю благодарность за честь избранія меня въ почетные члены Комитета.

А. Майковъ.

Многоуважаемый,

Никита Петровичъ!

Спѣшу заблаговременно увѣдомить Васъ и попросить извиненія за меня у Дмитрія Александровича. Пользующій меня докторъ положительно запретилъ мнѣ заниматься по крайней мѣрѣ до осени, да если бы и не запретилъ, не могу связать двухъ-трехъ мыслей, и какъ ни бился надъ статьею ничего не выходитъ кромѣ замиранія сердца и бессонницы. Можетъ быть, угонять меня за границу: хочу на дняхъ съѣздить къ Захарьину. Душевно скорблю, что не могу поговорить о любимомъ дѣлѣ и привѣтствовать Дмитрія Александровича за его вполне почтенную заслугу. Вѣрьте, не притворяюсь; глать не умѣлъ никогда и не умѣю.

Истинно уважающій Васъ и преданный *Н. Чаевъ.*

Р. S. Сейчасъ были такіе припадки, что перепугалъ жену. Простите меня и вѣрьте—повторяю, что это не притворство. Что дѣлать съ физикою, начинающею, видно, развнчиваться не на шутку. Пока сидѣлъ не трогаюсь, дѣло шло кое какъ, а пришли волненія и—срѣзали.

Милостивый Государь,

высокоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Многократно имѣвъ высокое наслажденіе слышать пѣніе Ваше и Вашей капеллы, а въ бытность мою на должности въ Туль въ 1878 году даже и удовольствіе принимать Васъ у себя въ домѣ, какъ дорогаго гостя, я считаю священнымъ долгомъ своимъ присоединить и свой скромный голосъ къ

многочисленнымъ прославляющимъ великія заслуги, оказанныя Вами русской народной пѣснѣ, въ настоящіе дни празднованія двадцатипялѣтія служенія Вашего, дорогому для всѣхъ, отечеству. Да здравствуетъ истинный патріотъ, нашъ народный пѣвецъ Дмитрій Александровичъ Агреневъ-Славянской еще и еще на многія лѣта!...

Съ глубочайшимъ почтеніемъ къ Вамъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою доцентъ Московской духовной академіи, коллежскій совѣтникъ

Иванъ Корсунскій.

Сергіевъ Посадъ, Московск. губ., 23 апрѣля 1887 г.

Младшій Судовой врачъ коллежскій ассесоръ Николай Николаевичъ Вакуловскій, членъ корреспондентъ обществъ: Императорскихъ Московскихъ — Испытателей Природы и сельскаго хозяйства, Уральскаго — Любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ, Архангельскаго и Тамбовскаго — врачей, Энтомологическаго Кавказскаго сельскаго хозяйства въ Тифлисѣ и покровительства животныхъ въ С.-Петербургѣ; членъ Сотрудникъ обществъ: археологіи, исторіи и этнографіи въ Казани, юридическихъ при Казанскомъ и Новороссійскомъ университетахъ; Императорскаго вольно-экономическаго, Харьковскаго сельскаго хозяйства и Новгородскаго пчеловодства, дѣйствительный членъ обществъ: Русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, военно-санитарнаго въ Гельсингфорсѣ, морскихъ врачей въ Кронштадтѣ и Императорскаго минералогическаго

Дмитрію Александровичу

Агреневу-Славянскому.

Сердечно поздравляю съ торжественнымъ днемъ. Да дастъ Вамъ Господь здоровья дожить и до празднованія пятидесятилѣтія, и чтобы Вы были въ силахъ дать въ этотъ „золотой“ будущій день концертъ. Пробуждайте русскою пѣснью любовь ко всему русскому. Славная, милая, пѣвучая, могучая русская пѣсня должна быть народною и вытѣснить чужеземную,

намъ не родную. Да здравствуетъ могучій пѣвецъ ея; хвала ему и слава! Да здравствуетъ семья его, всѣ его соучастники! Позвольте просить Васъ принять отъ меня экземпляръ изданной мною знаменитой студенческой пѣсни.

Всего Вамъ лучшаго

Докторъ *Николай Вакуловскій.*

Кронштадтъ, Богоявленская, домъ Гуляева, апрѣль 23.

Н. П. Гилярову.

Просить передать юбиляру благодарность за минуты восхищенія, которыя доставилъ ему юбиляръ своимъ художественнымъ исполненіемъ пѣсенъ

віолончельстѣ Гаврушкевичѣ.

Черняговъ.

Привѣтствуетъ юбиляра стихотвореніемъ, посвященнымъ настоящему дню

Н. И. Коробенка.

Василь-Сурскъ.

Н. П. Гилярову.

Просить поздравить юбиляра и передать ему стихотвореніе

князь Владиміръ Яшкуль.

Москва.

Глубокоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ.

Съ чувствомъ глубокой радости и восторга читаль я статьи о торжествѣ Вашего юбилея; юбилей вышелъ на славу!... И въ чествованіи его приняли участіе не только Россія и Славянство, что было вполне понятно, но и почти весь міръ!... И въ то-же время я сильно опечаленъ, что ни мнѣ лично не удалось пріѣхать въ Москву на памятные дни 25, 26, 27-го апрѣля и никому изъ Казани, какъ многимъ хотѣлось бы— и слѣдовало. Въ апрѣлѣ мѣсяцъ пути здѣсь всѣ испорчены, навѣрное это и въ другихъ мѣстахъ остановило желавшихъ

лично присутствовать, лично поздравить Васъ съ торжественномъ пѣсни, да вдобавокъ и очень поздно извѣстно стало здѣсь о юбилеѣ. Какое теплое сочувствіе встрѣтилъ я къ Вашему празднику въ Александрѣ Антоновичѣ Больтерманѣ, вотъ-то поклонникъ Вашъ! Онъ ужасно хлопоталъ о подаркѣ, да время ужъ было больно коротко отъ извѣстія, полученнаго нами о Вашемъ юбилеѣ. Противъ Васъ здѣсь была одна только администрація за то, что ихъ черезъ посредство циркуляровъ, Комитетъ, какъ и всѣхъ насъ грѣшныхъ, пригласилъ принять участіе въ Комитетѣ, а не собственноручными отъ Васъ письмами, какъ будто бы Вы сами устраивали юбилей! Въдѣ вы-же за недѣлю до него были въ Перми, кажется (по газетамъ), и сами явились, не зная, что сдѣлано и что будетъ, въ Москву. Она (администрація) возстала противъ печатанія адреса и не только не дозволила печатать его и объявить, что онъ будетъ выставленъ въ магазинѣ „Восточная Лира“, но и „дали понять“, что вообще о Вашемъ юбилеѣ *слѣдуетъ умалчивать*. Кругокъ любителей музыки послалъ Вамъ привѣтствіе и какъ нельзя болѣе сочувственно отнесся къ Вашему празднику. Не знаю, дошла ли до Васъ эта телеграмма? За то „Общество взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ“ съ восторгомъ приняло извѣстіе о Вашемъ юбилеѣ. Эти простые труженики-рабочіе оказались гораздо отзывчивѣе къ Вашему празднику, къ торжеству русской имъ родной пѣсни, чѣмъ пресловутая аристократія, или, лучше сказать, отребье ея—мѣстная администрація...

Общество рабочихъ въ Казани хотѣло обратиться къ Вамъ съ просьбою, чтобы получить Ваше согласіе на избраніе Васъ членомъ ихъ Общества, съ тѣмъ, чтобы внести Ваше дорогое для русскихъ людей имя въ ихъ списки, въ списки людей, восторженно относящихся къ Вамъ и горячихъ Вашихъ поклонниковъ. Вамъ должна быть пріятна эта просьба простыхъ людей; надо думать, что Ваше и Вашей супруги чуткія сердца отзовутся на этотъ призывъ!..

Музыкально-инструментальный магазинъ
Восточная Лира.

Казань, 6-го мая 1887 г.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго.

Я имѣлъ честь получить приглашеніе Комитета прибыть въ Москву, чтобы присоединиться къ числу прочихъ цѣнителей пѣвца въ день его юбилея.

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности прибыть въ Москву къ знаменательнымъ днямъ 25—27 апрѣля 1887 года, мнѣ остается только отозваться, чѣмъ и какъ могу.

Вотъ мой взглядъ на событіе 25-го апрѣля и на дѣятельность юбиляра. 25-е апрѣля 1887 года неизгладимыми чертами занесется на страницы не только русскаго искусства, но и міровой исторіи—какъ праздникъ „русскаго самосознанія“ и „славянскаго единства“, ибо въ этотъ день, въ Москвѣ златоглавой, въ этомъ роскошномъ *сердцѣ* Россіи, чествуется исполнившееся двадцатипятилѣтіе славной народной артистической дѣятельности народнаго барда, Баяна нашего вѣка, Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго! Позволяю присоединить и свой слабый голосъ, чтобы воздать достойное достойному, къ общему хору, который несомнѣнно будетъ славить *славнаго*, чтить *чтимаго*, увѣличивать *уважаннаго* любовію и восторгами не одной только Россіи, но и всѣхъ Славянъ, для которыхъ онъ поетъ ихъ чистонародныя пѣсни и иностранцевъ, которыхъ знакомить со Славянами. Да, не даромъ Дмитрій Александровичъ принялъ фамилію „Славянскій“—да, онъ именно „Славянскій“ и здѣсь особенно славна и почтенна его дѣятельность,—ибо онъ постоянно напоминаетъ всѣмъ Славянамъ, что они — *одна семья*; вездѣ и всегда онъ поетъ пѣсни „всѣхъ“ Славянъ, и потому вездѣ и всегда среди Славянъ, безъ различія говоровъ, онъ понятенъ, онъ близокъ, онъ дорогъ, онъ *свой*... Да, трудна, почтенна, славна его дѣятельность, и да продлится она еще на долгіе, долгіе годы! Но какъ ни плодотворна эта дѣятельность Дмитрія Александровича Славянскаго и его помощницы, дѣлившей и дѣлящей всѣ его труды, а, слѣдовательно, имѣющей право дѣлить и его почести, *Ольги Христофоровны Славянской*, но передъ ними лежитъ еще не менѣе

широкій и славный путь: имъ еще предстоятъ великіе и славные труды,—труды, которые только имъ по „плечу“, по силамъ: это—созданіе *простонародной русской оперы* и приготовленіе себѣ преемниковъ, чтобы упрочить свое дѣло, чтобы не замерла ихъ великая миссія—дѣло русскаго и славянскаго единства и самосознанія,—дѣло, которому они такъ много, такъ умѣло и честно послужили!... Ура и живіо Дмитрій Александровичъ и Ольга Христофоровна Агреньевы-Славянскіе!... Ура и живіо Славянство!... Ура и живіо Москва златоглавая! Ура и живіо великая и святая Русь!...

Завѣдующій книжно-музыкальнымъ и инструментальнымъ магазиномъ „Восточная Лира“

Николай Юшковъ.

Казань.

РЫБИНСКОЕ
Ремесленно-Промышленное
попечительство
въ память
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА П.

——
Апрѣля 23 дня 1887 г.

№ 18.

~~~~~
Рыбинскъ.

Въ Комитетъ по устройству юбилея
Д. А. Агреньева-Славянскаго.

Рыбинское ремесленно-промышленное попечительство въ память Императора Александра II, желая выразить Д. А. Славянскому, въ день юбилея его славной артистической дѣятельности, свое глубочайшее уваженіе, избрало его своимъ почетнымъ членомъ.

Членскій дипломъ высылается Дмитрію Александровичу сегодня на имя Комитета и долженъ быть полученъ въ Москвѣ 29-го апрѣля.

Правленіе попечительства имѣетъ честь покорнѣйше просить Комитетъ принять мѣры къ полученію означеннаго диплома 24-го же и поднести его почетному юбиляру 25-го апрѣля отъ имени попечительства.

Въ день юбилея Правленіе попечительства будетъ привѣтствовать Дмитрія Але-

ксандровича телеграммой на имя Комитета.

Предсѣдатель Правленія
Н. Заіончевскій.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Не нахожу словъ Васъ благодарить за Вашу добрую память о насъ и за присланное намъ изъ Комитета приглашеніе на Вашъ юбилей. Смѣю Васъ увѣрить, что мы, съ своей стороны, помнили о Вашемъ юбилеѣ и во всякомъ случаѣ, хотя и далеко отъ Васъ, но мысленно и по телеграфу напомнили-бы о своемъ существованіи. Если-бы Вы знали, какъ мнѣ хочется быть въ Москвѣ, чтобы видѣть, какъ Васъ будутъ чествовать, и радоваться, что Васъ пѣнятъ по заслугамъ; я воображаю, какъ Ольга Христофоровна будетъ радоваться, и я исполнѣ ее понимаю. Ваша заслуга велика, и не даромъ Вы трудились. Имя Ваше должно быть дорого всякому Русскому, если сердце его бьется для родины. Дай Вамъ Богъ продолжать Вашу пѣснь и воспѣвать нашу родную землю. Прощайте, дорогой и славный пѣвецъ, жму Вамъ отъ души руку и спасибо за Вашу для меня дорогую память.

Остаюсь всегда искренно-преданная поклонница Ваша

Н. Селякина.

Крѣпко цѣлую Ольгу Христофоровну. Мужъ мой шлетъ глубокой свой поклонъ.

Многоуважаемый и незабвенный

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте мнѣ Васъ поздравить отъ всей души, какъ стараго своего друга, если позволите такъ выразиться. Съ какимъ-бы наслажденіемъ и удовольствіемъ я побывала-бы на Вашемъ праздникѣ, которому, конечно, будетъ сочувство-

вать вся Россія. Но будьте увѣрены, что едва-ли изъ всѣхъ лицъ, которыя будутъ присутствовать на Вашемъ юбилей, найдется такая поклонница и любительница Вашего задушевнаго пѣнія, какъ я. Ваше пѣніе проникло въ мою душу и вдохнуло жизнь въ самые лучшіе годы моей молодости. Никогда никто не произведетъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія своею теплою и задушевною, какимъ проникнуто Ваше пѣніе; мнѣ за эти годы приходилось быть нѣсколько разъ въ Петербургѣ и слышать всѣхъ знаменитостей нашей сцены, но все это не то, не та душа: въ Вашемъ пѣніи слышится что-то близкое русскому сердцу. На Вашемъ праздникѣ я, къ сожалѣнію, быть не могу—мы собираемся въ дорогу. Мой мужъ давно серьезно боленъ, и еще въ прошломъ году подалъ въ отставку, и теперь мы переселяемся на постоянное жительство въ Ковель, Волынской губ., который стоитъ на такомъ пунктѣ, гдѣ Вы можете быть проездомъ въ Варшаву или за границу, и потому я надѣюсь, Вы вспомните Вашего друга, и на пути, какъ въ Каменскѣ на Дону, побываете у насъ, чѣмъ, конечно, доставите мнѣ невыразимое удовольствіе. Мы будемъ жить въ домѣ отца моего мужа, слѣдовательно, спросите въ Ковель домъ Михалевича—и найдете насъ.

Судьба, какъ нарочно, преслѣдовала меня: я лишена была возможности видѣть и слышать Васъ, испытывать великое наслажденіе, ни съ чѣмъ несравнимое для меня. Вашъ голосъ будилъ въ душѣ моей всѣ лучшія чувства, и слезы подступали къ горлу, и я сама не могла дать отчета, отчего я хочу плакать: отъ радости ли встрѣчи съ Вами, или отъ горя понапрасну потраченной моей жизни.

Богъ одарилъ меня талантомъ, есть и душа—и при Вашей помощи изъ меня могла выйдти незаурядная пѣвица. Зачѣмъ меня мать не пустила съ Вами въ Америку? Ну, что прошло, того уже не воротить.

Позвольте-же мнѣ закончить мое письмо, дорогой мой старъй другъ, Дмитрій Александровичъ, желаніемъ, чтобы юбилей Вашъ вполне соответствовалъ Вашимъ ожиданіямъ.

Да хранить Васъ Господь на многіе годы въ утѣшеніе

всей русской земли, на радость истинно-любящихъ и почитающихъ Ваши Славянскія задушевныя пѣсенки, къ которымъ прошу Васъ причислить истинную поклонницу Вашего пѣнія—старого друга

А. Михалевичъ.

Р. S. Мой больной мужъ проситъ меня передать отъ него увѣреніе въ глубокомъ уваженіи къ Вамъ и всегдашней любви Вашего задушевнаго пѣнія.

Великъ. 29-го апрѣля 1887 г.

Многоуважаемый дорогой другъ

Дмитрій Александровичъ!

Я и вся семья моя поздравляемъ тебя и всю дорогую твою семью со днемъ твоего юбилея; дай Богъ дожить тебѣ и до 50-лѣтняго въ добромъ здоровьѣ и полномъ семейномъ спокойствіи и радостяхъ, какими ты постоянно дарилъ понимающей родной языкъ русскій народъ; конечно, нѣтъ пути славѣ безъ терній, но эти уколы зависти не уничтожатъ того теплаго чувства, которое къ тебѣ питаютъ массы. Русское спасибо постоянно сопутствуетъ тебѣ, какъ благословеніе, и ограждаетъ тебя отъ людскихъ навѣтовъ. Живи, дорогой, на славу и счастье русскаго люда, которому доставлялъ и продолжаешь доставлять теплыя минуты неизгладимыя никогда. Не лезть говорить моими устами а стоустая молва и отголосокъ изъ родныхъ уголковъ матушки Руси. Нѣтъ, не было и не будетъ другого Славянскаго, ничто не можетъ оставить такихъ впечатлѣній, какъ родные заунывные напѣвы, вылетающіе изъ твоей мощной груди.

Поцѣлуй за меня ручки многоуважаемой Ольгѣ Христофоровнѣ и скажи, что я, хотя лично и не буду на Вашемъ праздникѣ, но душею буду эти дни съ Вами и желаю полного успѣха на посрамленіе завистниковъ. Посылаю тебѣ, вмѣсто подарка, преданность неизмѣннаго друга, который способенъ пожертвовать всѣмъ, что есть дорогаго въ жизни. Обнимаю

тебя крѣпко, мысленно цѣлую и радуюсь наступленію радостнаго дня юбилея.

Твой искренно-уважающій другъ

Врачъ *П. Пирожковъ*.

Ростовъ-Ярославскій. 23 апрѣля 1887 г.

Высокоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте принести Вамъ искреннія чувства благодарности за тѣ высокія эстетическія наслажденія, какія Вы доставили намъ своимъ безпримѣрнымъ пѣніемъ. Вы—единственный пѣвецъ, поставившій себѣ цѣлью открыть всему міру неисчерпаемыя богатства русской народной музыки, въ которой сокрыто столько неподдѣльной естественности и чарующей прелести. Высоки цѣль и достойное выполненіе ея: слушая Васъ, чувствуешь себя близкимъ къ народнымъ интересамъ и чувствамъ, съ такою глубокою вѣрностію передаваемымъ Вами, живешь его жизнію, радуешься его радостями—словомъ, сливаешься въ одно съ народомъ. Вы вѣрно поняли русскую думу, какою она является въ народной музыкѣ: надрывающая сердце меланхолія и безшабашная удалъ широкой русской натуры—все нашло себѣ полное правды выраженіе въ Вашемъ пѣніи. Русское сердце чуяло себя въ своей сферѣ, когда лились предъ нимъ родные ему мотивы; оно судорожно сжималось и сильнѣе билось, настраиваемое такъ или иначе магическимъ дѣйствіемъ Вашего пѣнія. Не забудемъ мы никогда этихъ достопамятныхъ часовъ: имъ мы обязаны такими впечатлѣніями, которыя оставляютъ глубокой, ничѣмъ неизглаживаемый слѣдъ.

Служите-же Вы, Дмитрій Александровичъ, своему великому дѣлу съ такою же преданностію и любовію, какъ Вы служили ему до сихъ поръ! Открывайте народныя музыкальныя богатства и будьте увѣрены, что память о Васъ, какъ русскомъ народномъ пѣвцѣ, будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ жить тѣ, которымъ дорога русская народность, а имя

Ваше украсить первыя страницы въ лѣтописи русскихъ народныхъ пѣвцовъ.

А. Р.

1880 г., декабря 7-го дня.

Поздравляетъ сердечно многоуважаемыхъ Дмитрія Александровича и Ольгу Христофоровну съ славнымъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, который, увѣренъ, вполнѣ будетъ оцененъ всѣми, кто любитъ русскій народъ.

Александръ Викентьевичъ Рыжсей (капитанъ парохода „Одесса“).

Смирна, 6 февраля 1887 года.

Милостивый Государь,
многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Привѣтствуемъ изъ Воронежа Васъ и досточтимую Вашу супругу — Вашу сотрудницу, Ольгу Христофоровну, съ 25-лѣтнемъ Вашего славнаго служенія нашей русской народной пѣснѣ. Эта пѣсня и присуща Вамъ по природѣ, и близка по воспоминаніямъ дѣтства. Вы, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, проложили русской пѣснѣ путь туда, гдѣ слышались только иноземные романсы, арии да дуэты, Вы открыли ей двери концертныхъ залъ; чрезъ Васъ и огласилась, и не забудется она — наша родная пѣсня.

Огласилась — и стало извѣстно, что „человѣкъ жену бьетъ, бичуетъ“. И не забудется, потому что теперь „братецъ роденный смѣлѣе ратуетъ за нее, загнанную, забраненную“....

Огласилась — и „ей — младешенькой — покойнѣе спится, пріятнѣе дремлется“. И не забудется, потому что теперь „голубка, Маша, рѣже слезы льетъ и чаще пѣсни поетъ“.

Огласилось и почувствовалось, что „ребятушкамъ дѣйствительно работы довольно“. И не забудется, потому что теперь не по прежнему самовольно „приказчики пропиваютъ трудовыя деньги ребятушекъ“....

Въ доказательство, насколько, благодаря Вамъ, сказанія русской пѣсни проникли въ сознание и чувство провинціи, достаточно привести, между прочимъ, на память слѣдующій примѣръ. Когда слышались въ Воронежѣ голоса, стремившіеся къ ограниченію, даже къ отмѣнѣ правилъ Городской Думы о нѣкоторой свободѣ торговыхъ приказчиковъ отъ непрерывныхъ занятій въ праздничные дни,—тогда сказано было въ мѣстной печати словами Вашей пѣсни: „не течетъ рѣчка обратно“,—и правила Думы устояли. Послѣ этого и подобнаго примѣра не сомнѣваемся, что обновленное Вами, при участіи досточтимой Ольги Христофоровны, музыкальное творчество русскаго народа не заглухнетъ теперь никогда. Дѣтки—родныя и „названныя“—продолжаютъ съ любовью и честью Вашъ трудъ. „Еще разикъ, да разикъ“, скажемъ словами пѣсни нашей матушки Волги—и русская народная пѣсня получитъ всѣ, по достоинству принадлежащія ей, права гражданства.

Редакція и сотрудники газеты *Воронежскій Телеграфъ*.

Надѣюсь, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, привѣтствовать Васъ и лично, чему былъ-бы я весьма радъ. Предполагаю на-дняхъ ѣхать въ Москву. Отъ души Вамъ преданный, Вашъ покорнѣйшій слуга

Исаевъ.

Губ. г. Воронежъ, 23-го апрѣля 1887 г.

Дмитрій Александровичъ!

Концерты Ваши всегда приводятъ многочисленную публику въ неописанный восторгъ и могутъ быть, по всей справедливости, названы истинно-художественными въ своемъ родѣ, не оставляя желать ничего лучшаго, а строгая обученность Вашей капеллы доведена до той степени, за которою, можно положительно сказать, нѣтъ дальнѣйшаго совершенства.

Вообще, слушая Васъ, можно сдѣлать такое сравненіе, какъ

будто видишь предъ собою, одну за другой, разнохарактерныя музыкальныя картины; напрягаешь и слухъ, и зрѣніе, чтобы уловить всѣ детали этихъ роскошныхъ картинъ, своеобразныхъ, хватающихъ за душу, и, подавленный сильными впечатлѣніями, приходишь въ безотчетный восторгъ. Таково всегда дѣйствіе Вашей музыки на душу, способную чувствовать ея красоты, хотя-бы безъ анализа ихъ. Надо отдать еще должную похвалу чрезвычайной отзывчивости Вашей: на всѣ шумныя *bis* и *bravo* публики, всегда жадной получить отъ артиста удовольствія болѣе, чѣмъ обѣщано, Вы отвѣчаете исполненіемъ любимыхъ публикою пьесъ. Казалось бы этого довольно—такъ нѣтъ: даже по окончаніи концерта, когда хоръ оставляетъ эстраду, и тутъ поднимается неистовый шумъ и гамъ, съ тѣми-же требованіями повтореній и повтореній.

За всѣ эти отрадныя минуты, получаемыя черезъ Ваше посредство, большое Вамъ русское спасибо и сердечное поздравленіе съ торжествомъ. Слава Богу, что оцѣнка и русскимъ людямъ есть.

Н. Крюковъ.

Дорогой дядя!

Къ числу многихъ поздравленій Васъ со днемъ юбилея, прошу принять и мое, хотя скромное, но за то самое искреннее—родственное, съ пожеланіемъ Вамъ еще болѣшихъ пресущяній въ наступающемъ двадцати-пятилѣтіи и еще болѣшей славы. Какъ-бы былъ я счастливъ, если-бы могъ лично выразить Вамъ всѣ мои чувства глубокаго уваженія, преданности и любви, 25-го сего апрѣля. Мнѣ больно и грустно издалека привѣтствовать Васъ, славнаго русскаго Баяна—моего дядю, моего неоцѣннаго, милаго и дорогаго родственника—и какъ переполнено мое сердце любовью къ Вамъ, невозможно, немислимо передать на словахъ. Долженъ сказать правду: немножко всплакнулъ даже, когда прочелъ въ газетахъ, какъ чествуютъ Васъ, и что я не могу присутствовать при этомъ,—однимъ словомъ, текли слезы радости и слезы горя въ одно и то-же время.

Прошу вѣрить въ преданность глубоко-уважающаго Вася и любящаго племянника Вашего.

А. Оедоровъ.

Кіевъ, 27-го апрѣля 1887 г.

Высоочтимый юбиляръ, примите и мое сердечное поздравленіе по случаю Вашего заслуженнаго торжества и удостойте меня чести принятіемъ сдѣланнаго мною въ честь обожаемаго русскаго народнаго пѣвца, въ честь Вашу, достойный Дмитрій Александровичъ, вѣнка, украшеніемъ котораго служить названіе Вашихъ дивныхъ пѣсенъ. Я приготовлялъ для Ольги Христофоровны къ этому празднику букетъ съ фонтаномъ духовъ, подобный тому, какъ я поднесъ во время коронаціи Государынь Императриць, и сожалью, что онъ не поспѣлъ къ сегодняшнему дню.

Лашковъ.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Среди многочисленныхъ поздравленій ко дню Вашего юбилея отъ лицъ, безспорно высоко стоящихъ, какъ по положенію, такъ и уму, Вы, можетъ быть, найдете свободную минутку, чтобы прочесть нижеслѣдующія строки. Не обладая ни талантомъ, ни особеннымъ краснорѣчіемъ, я высказалъ въ своемъ стихотвореніи довольно слабо все то значеніе для исторіи русскаго народа, которымъ смѣло можете гордиться Вы, Дмитрій Александровичъ. Какъ-бы то ни было, прошу повѣрить, что все, что я высказалъ, сказано мною отъ чистаго сердца и такъ, какъ я лично понимаю Ваше значеніе.

А. Верховскій.

Многоуважаемая

Ольга Христофоровна!

Позвольте мнѣ отъ себя, отъ семейства моего и отъ мамы (Анны Васильевны Меншиковой, которая въ настоя-

щее время гостить у меня), принести наше скромное поздравление глубоко уважаемому юбиляру, Дмитрію Александровичу, пожелавъ искренно здоровья и благополучія, а равно и Вамъ и всему Вашему семейству, на долгіе, долгіе годы!.. Сейчасъ только что возвратились изъ Троицкой Лавры. Въ самый день юбилея глубокоуважаемаго Дмитрія Александровича была вынута просфора у преподобнаго Сергія о здравіи юбиляра и всѣхъ Васъ, которую и прошу Васъ принять.

Съ истинною къ вамъ преданностію и уваженіемъ остаюсь всегда готовая къ услугамъ Вашимъ

Зинаида Кочукова.

Москва, 27-го апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

По порученію мужа моего, престарѣлаго и давно уже больнаго неизлѣчимою болѣзнію, писателя, бывшаго члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и многихъ другихъ обществъ, бывшаго редактора „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, имѣвшаго честь познакомиться съ Вами много лѣтъ тому назадъ въ Симбирскѣ, осмѣливаюсь поднести Вамъ по случаю славнаго Вашего юбилея стихотвореніе моего больнаго старика.—Больной, разбитый параличемъ, онъ не преминулъ вспомнить Васъ и почтить Вашу дѣятельность своимъ, можетъ-быть, послѣднимъ литературнымъ трудомъ.

М. А. и В. П. Юрловы.

Милостивѣйшій Государь

Дмитрій Александровичъ!

Движимый чувствомъ безпредѣльнаго уваженія къ Вамъ, какъ къ величайшему народному пѣвцу, слава котораго гремитъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ и даже за океаномъ, я рѣшился присоединить свой скромный голосъ

къ многочисленной плеядѣ почитателей Вашего поистинѣ удивительнаго, громаднаго таланта. Позвольте поднести предлагаемое при этомъ стихотвореніе моего сочиненія, которое я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ предъ творческой силой Вашего таланта посвящаю Вашему уважаемому имени. Я человекъ крайне бѣдный и ничѣмъ инымъ не могу выразить Вамъ свое уваженіе, какъ этими, изъ души вылившимися строками. Много разъ я наслаждался Вашимъ дивнымъ пѣніемъ, но въ этотъ Вашъ прїѣздъ въ Москву не могъ, не смотря на всѣ старанія, попасть въ число счастливецъ, упивавшихся Вашими концертами. Причиной этому послужила та-же гнетущая бѣдность и недавній выходъ изъ больницы. Во всякомъ случаѣ, не откажите принять мое скромное посвященіе. Не лишнимъ считаю присовокупить, что и написано стихотвореніе моею собственною рукою. Глубоко уважающій Васъ почитатель

Сергій Епифановъ.

P. S. Не имѣя возможности лично поднести Вамъ мое посвященіе, такъ какъ не засталъ Васъ у себя, я рѣшился послать это письмо, въ чемъ искрениѣйше прошу извиненія. Благоволите отвѣтить, удостоено-ли мое произведеніе и мое скромное приношеніе Вашего вниманія. Для меня оно будетъ истиннымъ счастіемъ.

Москва.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте и мнѣ присоединиться сегодня къ числу Вашихъ цѣнителей и почитателей, съ поздравленіемъ по случаю Вашего юбилейнаго торжества.

Не могу приэтомъ не выразить Вамъ моей глубокой благодарности за то высокое удовольствіе, какое доставляли мнѣ Ваши концерты каждый разъ, когда я имѣлъ возможность присутствовать на нихъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что ничьи концерты не оставляли во мнѣ столь пріятныхъ впечатлѣній, какой-то отрады и успокоенія, какъ только

Ваши. Слушалъ-бы и слушалъ безъ конца... Да подасть-же Вамъ Господь силы и крѣпость попережнему еще многія лѣта подвизаться на Вашемъ высоко-художественномъ артистическомъ поприщѣ.

Съ искреннею любовью и уваженіемъ остаюсь студентъ С.-Петербургскаго университета

Дмитрій Модестовъ.

Петербургъ, 23-го апрѣля 1887 г.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Дмитрія Александровича Славянскаго.

По недостатку времени для пріѣзда въ Москву, чтобы лично привѣтствовать многоуважаемаго Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, въ день двадцати-пятилѣтія его неутомимой дѣятельности на пользу искусства, имѣю честь покорнѣйше просить Комитетъ по устройству юбилейнаго торжества прочесть между другими привѣтствіями и мое, чѣмъ премного обяжете готоваго къ услугамъ

С. Н. Л....ъ.

Сергіевскій посадь, 21-го апрѣля 1887 г.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго.

Принося глубокую благодарность за приглашеніе и за званіе почетнаго члена, я и жена моя, Софья Васильевна, просимъ передать наши искреннія поздравленія почтенному юбиляру и сожалѣемъ, что лишены возможности лично принять участіе въ дѣлахъ Комитета, по случаю отъѣзда изъ Москвы.

Съ глубокимъ уваженіемъ *Дм. Баташевъ.*

Москва.

Дорогой дядя!

Для насъ всѣхъ было-бы величайшимъ удовольствіемъ присутствовать на Вашемъ юбилеѣ, но приближеніе экзаменовъ не позволяетъ этого. Мама, всѣ братья и сестры просятъ передать ихъ поздравленія.

Нижній-Новгородъ.

Дмитрій Рузскій.

Поздравляю Васъ, многоуважаемые Ольга Христофоровна и Дмитрій Александровичъ, съ праздникомъ Вашего юбилея, мысленно присутствую на немъ и желаю всего, всего прекраснаго, а также здоровья Вамъ и Вашему семейству, которому прошу передать мои поздравленія.

Харитопова.

Новгородъ.

Поздравляю Васъ, Дмитрій Александровичъ, и желаю Вамъ отъ души успѣховъ во всемъ, а также Ольгѣ Христофоровнѣ и всему семейству. Посылаю письмо съ моимъ сыномъ, который жаждетъ быть Вамъ полезнымъ во время юбилея, и поэтому, если угодно, Вы можете его оставить при себѣ.

Е. Дроздова.

Москва.

Вторично привѣтствую Васъ письменно (вчера послалъ телеграмму); слишкомъ много отраднаго на сердцѣ, читая отзывы о Вашемъ славномъ юбилеѣ, чтобы еще разъ не поздравить Васъ и не пожелать долготѣйшей дѣятельности.

Ивановъ (жандармскій офицеръ).

Харьковъ.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Тѣ восторгъ и благодарность, которые возбуждались въ каждомъ изъ слышавшихъ Вашу задушевную и типичную передачу русскихъ народныхъ пѣсенъ — совершенно безграничны. Слава Вамъ за этотъ великій трудъ, и да подастъ Вамъ Богъ силы къ продолженію его. Да, не легко такъ трудиться, какъ Вы трудитесь, тѣмъ болѣе, что доселѣ никого почти не было, кто-бы такъ чутко прислушивался къ простонароднымъ пѣвцамъ. Отъ души желаю, чтобы подвигъ Вашъ увѣнчался вполне блистательно. Память объ Васъ для меня дорога, и эта память не можетъ ничѣмъ быть лучше

сохранена, какъ возможностью имѣть подѣ рукой нѣкоторыя изъ пѣтыхъ Вами пѣсенъ. Посылаю списокъ тѣхъ пѣсенъ, которыя-бы мнѣ хотѣлось имѣть, и почтительнѣйше прошу Васъ поручить кому-нибудь изъ Вашихъ пѣвцовъ списать эти пѣсни, за что я Вамъ буду очень благодаренъ. Для меня было-бы очень пріятно пріобрѣсти отъ Васъ фотографическую карточку. Я хотѣлъ лично засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе, но боюсь оторвать Васъ отъ Вашихъ репетицій.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть однимъ изъ читателей Вашего таланта

В. Андрашиновъ.

Изъ далекихъ окраинъ Россіи кружокъ друзей русской пѣсни шлетъ тебѣ, братъ нашъ по мысли и по чувству, самыя теплыя поздравленія и самыя искреннія пожеланія. Да поможетъ тебѣ Богъ отпраздновать золотое пятидесятилѣтіе русской пѣсни, могучей силой которой ты покоришь всѣ сердца соотечественниковъ и разнесъ славу Россіи по всему цивилизованному міру. Пьемъ за твою здравьице, славный нашъ Баянъ! Неужели родные звуки въ чудномъ исполненіи Славянскаго и его капеллы никогда не огласятъ нашихъ далекихъ окраинъ?...

Ф. Кротковъ.

Самаркандъ.

Многоуважаемые и добрѣйшіе

Дмитрій Александровичъ и Ольга Христофоровна!

Спѣшу воспользоваться открытіемъ сообщенія, чтобы отъ всего сердца привѣтствовать Васъ, добрѣйшіе, и принести Вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ такимъ торжествомъ, какого у насъ еще въ Россіи никто изъ частныхъ лицъ, не состоящихъ на службѣ, не удостоивался. Мысленно находился я при Васъ, восторгался и радовался высокой оцѣнкѣ Вашей дѣятельности, заслуженной постоянными тяжелыми трудами,

лично мнѣ извѣстными; въ теченіе юбилейныхъ дней, послѣдовательно представлялъ себѣ тотъ пьедесталь, на который Вы встали, и счастливъ же я былъ, присоединяясь къ Вамъ въ думяхъ, несказанно! Хотѣлось-было телеграмму послать, но призналъ, что моя, бѣднаго ссыльнаго, затерялась-бы въ массѣ полученныхъ Вами, и, обратясь съ грустью къ дѣйствительности, дожидался съ нетерпѣніемъ, когда отъ Архангельска, запертаго ледоходомъ Двины, откроется путь къ столицамъ. Отъ здѣшняго музыкальнаго общества Вамъ посланы телеграмма и адресъ. Нашъ Сѣверъ не остался безъ представителей. Слава Вамъ, труженникъ во славу Россіи.

Ляпуновъ.

Архангельскъ.

Многоуважаемые и добрѣйшіе

Дмитрій Александровичъ и Ольга Христофоровна!

Верусь за перо, чтобы выразить Вамъ всѣ искреннія чувства и пожелать всего, что только можетъ пожелать каждый самъ себѣ лучшаго въ мірѣ. Дорогие! какого торжества дождались Вы, какой славы заслуженно удостоились! Счастливы тотъ, кто лично могъ поздравить Васъ, поклониться юбиляру: это счастье не выпало на мою долю. Мужъ мой писалъ мнѣ, что помѣстилъ въ газетѣ („Архангельскомъ Листкѣ“) статью, гдѣ описалъ всю дѣятельность достойнаго юбиляра и его энергичной и неутомимой помощницы.

В. И. Ляпунова.

Тверь.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Сейчасъ я прочелъ въ „Русскомъ Курьерѣ“ извѣстіе объ исполнвшемся сегодня двадцатипятилѣтіи вашей дѣятельности. Сердечно поздравляю Васъ и всю семью Вашу и отъ души желаю Вамъ отпраздновать торжественно и полвѣка. Шлю Вамъ свое поздравленіе. Когда-то я получилъ медаль въ Университетѣ, и скоро исполнится двадцать пять лѣтъ моего не-

прерывнаго участія въ печати. Хотѣлось бы когда нибудь помѣстить статью о Вашей дѣятельности.

Вакуловскій (врачъ 7-го Морскаго экипажа).

P.S. Прилагаю „*Gaudeamus igitur*“ своего изданія.

Кронштадтъ.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Съ искреннимъ удовольствіемъ приношу Вамъ мои поздравленія въ день юбилея Вашей плодотворной, обширной дѣятельности, оцѣненной всѣми, кому дороги звуки славянской рѣчи и лучшаго ея выраженія—пѣсни. Вы настолько счастливы, что видите плоды этой дѣятельности. Блестящіе успѣхи Вашихъ концертовъ во всей Европѣ доказываютъ, что оригинальность и самобытная прелесть русской и, вообще, славянской пѣсни оцѣнены по достоинству, что дѣлаетъ Вамъ честь и славу. Ура! Ура!

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи искренняго доброжелателя Вашего. Управляющій Тверскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка.

Н. Миловидовъ.

Тверь.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте поблагодарить Васъ за любезное приглашеніе на устраиваемое въ честь Васъ торжество, и примите мое сердечное поздравленіе съ знаменательнымъ для Васъ днемъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи.

Баронъ *Ф. Врангель.*

С. Петербургъ.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте мнѣ принести Вамъ мое искреннее поздравленіе съ знаменательнымъ для Васъ днемъ исполненія двадцати-пяти лѣтъ Вашей народно-артистической дѣятельности и по-

желать Вамъ, Милостивый Государь, силъ и здоровья для того, чтобы Вы еще долго могли трудиться на пользу народной музыки.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности.

Н. Гартманъ.

Петербургъ, 23-го апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Въ день юбилея Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельности позвольте благодарить Васъ за то эстетическое наслажденіе, которое всегда доставляли мнѣ Ваши концерты, и примите лично и передайте Вашему семейству искреннія пожеланія и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по матушкѣ Россіи, или съ цѣлью ознакомленія съ истинно-русскими напѣвами по Европѣ, — повторяю, пожеланія процвѣтанія Вашего, близкаго всякому русскому сердцу, дѣла.

Вамъ невѣдомый поклонникъ

А. Ильинъ.

Камышинъ, 20 апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь,

Никита Петровичъ!

Получивъ увѣдомленіе объ избраніи меня почетнымъ членомъ Комитета по устройству юбилея Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, спѣшу принести Вамъ, какъ предсѣдателю того Комитета, глубокую признательность за сдѣланную мнѣ честь и извѣстить, что, будучи занятъ своими служебными дѣлами, я, къ величайшему моему сожалѣнію, не могу лично принять участія въ чествованіи многоуважаемаго юбиляра, къ дѣятельности котораго я всегда относился съ большимъ сочувствіемъ, и отъ души желаю продолженія ея въ томъ же направленіи на многія и многія лѣта.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Евгеній Пушкинъ.

Тверь, 21-го апрѣля 1887 г.

Тебѣ, пѣвецъ народныхъ пѣсенъ,
Я поздравленье приношу;
И для меня тотъ мигъ чудесенъ,
Въ который я его пишу.
Тому, кто стоитъ пожеланій,—
Конечно, добрыхъ, а не злыхъ,—
Словъ не найду для изліяній
Душевныхъ чувствъ въ стихахъ моихъ.
Повѣрь: здѣсь высказать нѣтъ силы
Все то, что я хотѣлъ сказать
И лишь желаю до могилы,—
Всего, что можно пожелать...

Позвольте и мнѣ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, принести мое прочувственное поздравленіе въ торжественный день Вашего юбилея. Дай Богъ получаемый Вами до сихъ поръ успѣхъ считать всегда на половину худшимъ противъ ожидаемаго въ будущее время!.. Пью за Ваше драгоценное здоровье и неоцѣнимые труды!

Искренній почитатель Вашего таланта и трудовъ

С. И. Манухинъ.

Г. Провскъ, Рязанск. губ., 24-го апрѣля.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Спѣшу поздравить Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей артистической дѣятельности; желаю Вамъ много лѣтъ здравствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаю Вамъ искреннюю мою и безпредѣльную преданность и сожалѣніе о томъ, что лишень счастья поздравить Васъ лично.

Н. Трофимовъ.

Одесса.

Многоуважаемый

Дмитрій Александрович!

Я Вамъ послалъ поздравительную телеграмму въ день Вашего юбилея и письмо; не знаю, получили-ли Вы ихъ, но, прочитавъ о днѣ Вашего юбилея, я весь превратился въ радость и восторгъ, не безъ прискорбія, впрочемъ, что не могъ лично во-очію видѣть Васъ и принести искреннія поздравленія и пожеланія отъ чистаго и преданнаго Вамъ сердца самыхъ грандіозныхъ успѣховъ и здравія. Съ истиннымъ наслажденіемъ я и другіе читали о чествованіи Васъ въ день юбилея въ Москвѣ и искренно желали дальнѣйшихъ и еще большихъ успѣховъ.

Заявляя Вамъ мое высокопочитаніе, остаюсь преданнымъ Вамъ до гроба, покорный слуга

Николай Трофимовъ.

Одесса.

Милостивый Государь

Дмитрій Александрович!

Привѣтствую Васъ, какъ юбиляра и какъ уважаемаго, многодостойнаго русскаго народнаго пѣвца, и прошу Васъ принять мое сердечное поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной артистической дѣятельности, радующей каждое русское сердце, и мои сердечныя пожеланія Вамъ всего хорошаго, а равно и Вашей почтенной супругѣ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть многоуважающей Васъ

И. М. Жуковъ.

Тверь.

Глубокоуважаемый, близкій всякому русскому человѣку народный пѣвецъ, Дмитрій Александрович!

Не погнушайтесь поздравленіемъ бѣднаго человѣка, испытываемаго судьбою, но, также какъ и свободные люди, горячо чувствующаго всю увлекательность Вашихъ пѣсенъ. Я хотя

слабый, но музыкантъ, и много разъ съ восторгомъ слушалъ Васъ. Вы вызывали слезы мои, да что я говорю: развѣ однѣ мои слезы вызывали Вы?... И что я и мои похвалы въ сравненіи съ Вашей всемірной славой! Я знаю,—многіе говорятъ это,—что у Васъ доброе русское сердце и я смѣю надѣяться, что Вы не откажетесь принять прилагаемую при семъ шка-тулку моей собственноручной работы, которую и препровожд-аю къ Вамъ въ имѣніе вмѣстѣ съ письмомъ, зная, что не до несчастнаго какого-то Пащухина будетъ всеѣмъ на юби-леѣ всемірно-извѣстнаго Славянскаго.

Николай Пащухинъ (изъ арестант. исправит. ротъ).

Тверь.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Вы, объѣхавъ много городовъ Привяслинскаго края, посѣтили и наши Кѣльцы. Хотя Вы пробыли лишь два дня, тѣмъ не менѣе на каждомъ шагу приходится и придется еще долго вспоминать о Васъ, а на меня это посѣщеніе Ваше произ-вело неизгладимо-отрадное впечатлѣніе. Куда ни придешь, хотя бы даже и въ польскую семью, вездѣ слышишь мотивы Вашихъ пѣсень и разговоры, пересыпанные похвалами со-бирателю и распространителю народныхъ сокровищъ, какимъ являетесь Вы, достойный нашъ пѣвецъ. Словомъ, Вы затро-нули и расшевелили такія струны сердца, которыя едва-ли теперь перестанутъ вибрировать, ибо потребность слышать и слышать еще эти дивныя звуки вызвала то, что полковой хоръ нашей музыки, разучивъ нѣкоторые изъ спѣтыхъ Вами здѣсь номеровъ, играетъ таковыя по праздничнымъ днямъ въ нашемъ городскомъ саду, а публика то и дѣло просить повторенія ихъ. Между тѣмъ, вспомните, какими неискрен-ними казались аплодисменты въ началѣ перваго концерта въ буквально переполненномъ публикой залѣ. Отмѣчая этотъ фактъ, я хочу сопоставить его съ тѣмъ неподдѣльнымъ восторгомъ публики, съ тѣмъ стономъ ея, къ которому вся масса, переполнявшая залъ, перешла въ концѣ перваго же

концерта, а о второмъ и говорить нечего! Публика какъ-то сроднилась съ Вами и шла слушать Васъ какъ близкаго роднаго по чувствамъ артиста: вотъ въ этомъ-то и велика заслуга Ваша вообще и заслуга поѣздки по нашей окраинѣ въ особенности. Большинство нашего общества, свыкнувшееся, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ этой окраинѣ, съ здѣшнею жизнью, а другая не русская половина его, знакомая съ русскою пѣснью, естественно сразу не могли постичь всей святости и правды русской пѣсни. Но то, чего не могли сдѣлать мы сами, сдѣлали Вы: Вы воскресили въ насъ воспоминаніе о звукахъ, съ дѣтства слышанныхъ нами; Вы покорили всѣхъ задушевною простотою русской пѣсни. По мѣрѣ того, какъ Вы пѣли, мы постепенно какъ бы все болѣе и болѣе оживали... восторгъ нашъ въ концѣ концерта трудно передать перомъ,—всѣ были охвачены какой-то нѣгой, очарованіемъ, а у истинно-русскихъ людей гордое сознаніе своего я весьма ясно выразилось на лицахъ.

Чѣмъ болѣе мы слушали Васъ, тѣмъ болѣе мы прозрѣвали, и несомолкаемый гулъ рукоплесканій и криковъ восторга долженъ былъ доказать Вамъ, что Вы заставили таки публику постичь всю глубину, всю ширь и всю мощь нашей неподражаемой народной простой пѣсни.

Пожинать лавры тамъ, гдѣ Васъ ждутъ уже съ распростертыми объятіями, не трудно; но одержать полную побѣду тамъ, гдѣ Васъ встрѣчаютъ съ предубѣжденіями съ одной стороны и равнодушіемъ съ другой, гдѣ къ Вамъ многіе относятся даже, быть-можетъ, враждебно, — при такихъ, повторю, условіяхъ одержать полную надъ всѣми побѣду — это дѣло не легкое, и въ приведенныхъ мною фактахъ и кроется вся, Вами самими несознаваемая, заслуга Ваша!

Не смѣшивайте мои искреннія слова съ тою массою хвалебныхъ, ежедневно расточаемыхъ передъ Вами, несомнѣнно, похвалъ; я не научное дѣлаю изслѣдованіе, а сердцемъ постигаю всю правду Вашего дѣла; я не слыхалъ Васъ досель ни разу и мои впечатлѣнія и наблюденія не подготовлены ни прежнимъ знакомствомъ, ни чѣмъ другимъ, — я въ первый разъ въ жизни и видѣлъ Васъ, — словомъ, мои впечатлѣнія —печа-

тлѣнія свѣжаго человѣка, мои наблюденія—наблюденія безпристрастнаго человѣка.

Я понимаю теперь, что юбилей Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельности былъ воистину и юбилеемъ пѣсни, слава которой росла вмѣстѣ съ Вашей, и отдѣлить Васъ отъ пѣсни или пѣсню отъ Васъ такъ-же невозможно, какъ небо и землю. Жалѣю, что мнѣ не удалось (да и у насъ такъ мало было извѣстно о времени празднованія юбилея) присутствовать на Вашемъ торжествѣ и отъ всей полноты моихъ чувствъ принести Вамъ поздравленіе и пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія Вашей пѣсни, что я дѣлаю только теперь, уже черезъ нѣсколько времени по прошествіи Вашего юбилея. Прошу Васъ и многоуважаемую Ольгу Христофоровну, Вашего единственнаго и столь достойнаго помощника, принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и поклоненіи.

Н. Н. Южновскій.

Городъ Кѣльцы.

Поздравляю Васъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, съ днемъ Вашего заслуженнаго торжества. Дай Богъ Вамъ долго еще разносить пѣсней русскую славу по лицу Русской земли.

Горячій поклонникъ Вашъ

А. Степановъ.

Сергіевскъ.

На окраинахъ Россіи есть русскіе люди, чтущіе Васъ и слѣдящіе за возрастающей заслуженной Вашей славой. Имъ остается только радоваться и прославлять Ваше имя.

Учитель сельской школы

Афетовъ.

Шенкурскъ.

Сердечно поздравляю Тебя, дорогой Дмитрій Александровичъ, съ радостнымъ днемъ; дай Господи дождаться и еще лучшихъ дней. Послалъ Тебѣ поздравительную телеграмму, а самого такъ и подмываетъ посмотреть на твой праздникъ, ибо, по моему слабому разумѣнію,—это праздникъ всей

Россіи. А воть, и соберусь еще. На всякій случай все-таки пишу. Твой другъ и братъ

Александръ Верховскій.

Мы такъ давно не видались, дорогой Дмитрій Александровичъ, что Вы, пожалуй, забыли насъ,—это такъ возможно при Вашей дѣятельности,—но мы, попрежнему, Васъ любимъ, помнимъ, и все, что Васъ касается, насъ интересуесть. Узнали мы и о юбилеѣ и хотя поздно, а шлемъ Вамъ поздравленіе, въ искренности котораго нѣтъ сомнѣнія.

Яковлевы.

Орскъ.

Позвольте Вашимъ горячимъ поклонницамъ и всегдашнимъ посѣтительницамъ Вашихъ концертовъ присоединиться къ тысячамъ поздравляющихъ Васъ. Имена наши Вамъ неизвѣстны, потому что гдѣ же Вамъ помнить ихъ (хотя мы и приходили къ Вамъ во время Вашихъ концертовъ въ Кредитномъ Обществѣ), они для Васъ—что капля въ морѣ. Симпатично намъ Ваше дѣло, Ваше пѣніе и Ваше сочувствіе къ молодежи и ея нуждамъ.

Ваши поклонницы Бестужевскихъ курсовъ.

Петербургъ.

Закинутый сюда рукою судьбы, протягиваю руку для пожатія старому товарищу и, сердечно поздравляя, радуюсь его успѣхамъ.

Политковскій.

Оханскъ.

Поздравляемъ Васъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, а за все, что Вы сдѣлали для русской пѣсни—благодаримъ. Не погибнетъ она теперь, выведенная Вами изъ неизвѣстности и глуши деревенской; Вы воистину воскресили ее. Честь и слава Вамъ!

Примите нашъ сердечный привѣтъ, который посылаемъ Вамъ въ имѣніе, чтобы Вы прочли его и вспомнили о друзьяхъ дѣтства.

Харитоновы, Степановы.

Серпуховъ.

Прими, мой дорогой Митюшенька, поздравленіе старой, большой тетки, которая не можетъ сама лично поздравить Тебя.

Джаксонъ.

Москва.

Вспоминаю твои концерты въ манежѣ Московскомъ въ 60-хъ годахъ; чудное то было время. Впрочемъ, ты теперь идешь все въ гору, вотъ уже и двадцатипятилѣтіе твое славное настало, съ которымъ отъ души поздравляю, а я хирѣю и старѣюсь, но люблю тебя и радуюсь твоимъ успѣхамъ попрежнему.

А. Поливановъ.

Вотъ откуда приходится поздравлять стараго добраго знакомаго; что дѣлать? Одно скажу: радуюсь несказанно Вашимъ успѣхамъ.

Соловцовъ.

Ябургъ.

Позвольте поздравить Васъ и пожелать Вамъ всего лучшаго въ жизни отъ Вашего покорнаго слуги, какъ прежде, такъ и теперь.

Шниценбергъ.

Нарва.

Дорогой благодѣтель

Дмитрій Александровичъ!

Поздравляю Васъ и горжусь, что Вы нашъ благодѣтель и позволите звать Васъ дядей. Любящіе Васъ

Александръ Гужиковъ и Гужикова.

Петербургъ.

Поздравляю Васъ, радуюсь душевно Вашей славѣ, замѣтно возрастающей.

Полочаникова.

Пермь.

Дорогой нашъ юбиляръ, чудный пѣвецъ народныхъ пѣсень!

Какое горе, что лично не могу поздравить Васъ, не могу сказать всего, что чувствую, и не могу услышать, увидеть близкое сердцу друзей торжество Ваше и пѣсни нашей общей. Больна и немощна. Да благословить Васъ Богъ, дорогой мой! Простите!

Вашъ старый другъ

Сосницкая.

Москва.

Поздравляю Васъ, добрыйшій Дмитрій Александровичъ, съ сегодняшнимъ (предполагаю, что письмо придетъ аккуратно 25 апрѣля,) торжествомъ Вашей двадцатипятилѣтней дѣятельности; невозможно миѣ побывать на немъ, полюбоваться Вами; дѣла много—да и служба... Охъ, ужь служба, служба эта! Ну, да что разстраивать Васъ. До свиданія!

А. Лясовъ.

Рязань.

Дорогая Ольга Христофоровна! Передайте Дмитрію Александровичу наши поздравленія и чувства полного къ нему уваженія и восхищенія.

Ваши всѣмъ сердцемъ

А. Кремницкая, О. Дятлова.

Воронежъ.

Многоуважаемые

Ольга Христофоровна и Дмитрій Александровичъ!

Получаемыя впечатлѣнія сглаживаются временемъ, обстоятельствами и смертью; впечатлѣнія-же, полученныя мною отъ Васъ и Вашей капеллы однажды, не сгладятъ ни время, ни обстоятельства, а смерть, одна лишь смерть! Пока мозги

работаютъ, кровь бѣжитъ въ жилахъ и сердце способно чувствовать, человѣкъ не утратитъ впечатлѣнія о Васѣ...

Да, нѣтъ, едва ли и могу я передать словами всю силу произведеннаго на меня Вами впечатлѣнія....

Здѣсь мы почти на чужбинѣ... пѣснь Славянскаго ободряетъ насъ, русскихъ людей, колонистовъ въ здѣшнемъ краѣ, напоминаетъ она намъ и воскрешаетъ въ нашей памяти ту широкую Русь, сыны которой, судьбою заброшенные сюда, стали забывать свое... перестали и тосковать по родинѣ.

Эта пѣснь, какъ мать родная, отыскала на чужбинѣ свое дѣтище, холодное и голодное, согрѣла, напоила и накормила его. Вотъ то впечатлѣніе, при которомъ остался я и каждый изъ насъ, русскихъ, послѣ того, какъ мы слышали Вашу пѣсню.

Можетъ ли это чувство, когда-либо въ жизни и при какихъ-либо обстоятельствахъ, пока только человѣкъ дышетъ, быть сглаженнымъ? Не только мы, но и дѣти наши почували въ этой пѣснѣ что-то родное, что-то близкое и дорогое ихъ сердцу.

Могучая грудь нашего русскаго Баяна, издавая звуки русской пѣсни, влагаетъ въ сердце всякаго русскаго идею о славѣ Славянства въ лицѣ Славянскаго, какъ русскаго и старшаго брата семьи славянской.

Да хранить же Господь Васъ, и да процвѣтаетъ Ваше дѣло на пользу родины.

Вы же лично, дорогая Ольга Христофоровна, доказали на дѣлѣ, что можетъ сдѣлать при твердомъ характерѣ и энергій русская женщина, какъ другъ и помощникъ мужа. Вашъ умъ, какъ геній, могущій вліять на судьбу народовъ, творить чудеса въ своей сферѣ и приносить громадный плодъ. Вы способствовали заслугѣ Дмитрія Александровича показать въ Европѣ значеніе русскаго человѣка и русской жизни.

Н. Де-Лазари.

Радомъ.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Исполненная восторга и благоговѣнія къ Вашему таланту, какъ единственному въ мірѣ, таланту пѣвца, восхищающему до одного всѣхъ своихъ слушателей, я осмѣливаюсь къ торжественному дню Вашего юбилея приподнести Вамъ стихи своего сочиненія для романса на мотивъ цыганской пѣсни. Скромность моя не позволяетъ открыть мнѣ Вамъ моего имени тѣмъ болѣе, что небольшія мои способности въ поэзіи, [выраженныя въ посылаемыхъ и посвящаемыхъ Вамъ стихахъ, могутъ лишь только казаться *живою рѣчью*, отголоскомъ задушевнаго мотива и отрывкомъ изъ жизни, исполненной драматизма. Лишь въ устахъ Вашихъ, въ Вашемъ голосѣ, въ Вашей дивной методѣ мотивированья всѣхъ напѣвовъ и придаваньи имъ какой-то сверхъестественной чарующей обаятельной прелести, можетъ-быть, (если Вы будете исполнять ее) она выиграетъ, и это будетъ наградой за мой ничтожный трудъ, который отъ всей полноты своей душевной преподношу Вамъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи, съ которымъ навсегда честь имѣю быть покорная слуга Ваша

Е. И. Л.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Принося Вамъ сердечное поздравленіе отъ своихъ и отъ всѣхъ, кто Васъ въ нашемъ кружкѣ когда-либо зналъ и Вами восторгался, съ эгоистическими пожеланіями еще долго и часто наслаждаться Вами и Вашей капеллой, позволяю себѣ предподнести Вамъ переложенную мною басню на музыку *Оселъ и Соловей*; только сегодня удалось мнѣ получить ноты. Онѣ писаны моимъ другомъ Ліоте, котораго и Вы когда то знавали, и который также шлетъ Вамъ свое сердечное поздравленіе со днемъ двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей артистической дѣятельности.

Одесса.

Докторъ А. Авенариусъ, Ліоте.

Прошло 14 лѣтъ со дня нашего первого знакомства, но живы въ душѣ моей чудные дни эти: столько новыхъ, невѣдомыхъ приятныхъ ощущеній пробудили они во мнѣ, столько гордаго сознанія, что и я—русская, что и я принадлежу странѣ, обладающей такими богатствами народными. Славное Вы дѣло сдѣлали на глазахъ знающихъ Васъ такъ давно; спасибо Вамъ отъ русскихъ людей и слава Вашему имени.

Начальница Петроковской женской гимназiи

В. Д. Далматова.

Петроковъ.

Нѣтъ словъ выразить тотъ душевный восторгъ, когда слышишь о Вашей славѣ, родной пѣвецъ родины! Друзья всѣ ликуютъ, а недруги (ужели ихъ много у родной пѣсни?)... да нѣтъ, и тѣ въ минуты, когда льется Ваша пѣсня, *наша пѣсня*, вѣщая людямъ русскую и славянскую правду, и тѣ, говоря я, забываютъ свои недочеты и лица ихъ горятъ божественнымъ огнемъ и дышатъ любовью и тихимъ родственнымъ веселиемъ... Если это помимо ихъ воли—и то важно! Да раздаются же еще долго и долго Ваши дивные звуки, все болѣе и болѣе очаровывая и расширяя число вѣрующихъ въ мощь русскаго духа, русской коренной правды.

Загоровъ.

Варшава.

Поздравляю и я Васъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, Ваша старая знакомая съ тѣхъ поръ, когда еще Вы были юнымъ, начинающимъ пѣвцомъ, но съ задаткомъ всего совершеннаго Вами прекраснаго и симпатичнаго.

Радуюсь и горжусь! Не пишу болѣе, ибо, можетъ быть, *да и несомненно*, моему письму суждено будетъ затеряться въ массѣ болѣе крупныхъ привѣтовъ нынѣ знаменитому, всѣмъ міромъ чествуемому пѣвцу.

Да хранить Васъ Богъ.

А. Степанова.

Саратовъ.

Вездѣ, гдѣ Вы были, Вы оставили хорошую, добрую, ничѣмъ не запятнанную память о себѣ, и не одними дивными Вашими звуками, но и Вашею готовностью всегда помочь заброшеннымъ судьбою, или людямъ бѣдствующимъ, любителямъ и служителямъ искусства, увы! часто бывающаго для людей не матерью, а мачихой.

Одинъ изъ таковыхъ.

Р. С. Вспомните путешествіе по Черному морю отъ Одессы до Ялты въ 1884 г.

Тифлисъ.

Многоуважаемый и достойнѣйшій

Дмитрій Александровичъ!

Вы всегда были добрымъ и внимательнымъ къ обыкновеннымъ смертнымъ. Примите же и на сей разъ въ числѣ многочисленныхъ поздравленій и пожеланій таковое и отъ ветерана артиста, радующагося Вашимъ постояннымъ заслуженнымъ успѣхамъ, какъ перваго пионера и популяризатора въ братскомъ соединеніи всѣхъ Славянъ. При семъ прилагаю слабый трудъ моей скромной музы — акростихъ Вашего имени *).

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи артиста-ветерана Андрея.

Фельдтъ Ансаровъ.

Одесса.

Давно мы съ тобой, дружище, не видались, а слышу и читаю о тебѣ часто и радуюсь, что ты идешь неуклонно своею дорогою, какъ и слѣдовало того ожидать по началу. Прими же и мой привѣтъ. Хотѣлось бы самому повидать тебя, да не всегда все всѣмъ удается въ жизни. Вѣрь искренности твоего

П. Остафьева.

Умань.

---

*) Акростихъ помѣщенъ въ I отдѣлѣ, стр. 249.

Позвольте поздравить Васъ, добрѣйшій Дмитрій Александровичъ, съ двадцатипяти-лѣтнимъ торжествомъ, на которомъ собираюсь побывать, если удастся. Вашъ

Мятлевъ.

Рыбинскъ.

Визитныя карточки, краткія письма съ поздравленіями и пожеланіями были получены отъ слѣдующихъ лицъ:

Изъ Москвы:

Поздравляю Дмитрія Александровича съ двадцатипятилѣтнемъ его дѣятельности и сожалею, что смерть матери мѣшаетъ мнѣ присутствовать на юбилеѣ лично.

Марья Николаевна Фальковская.

Отъ генераль-лейтенанта графа *Орлова-Давыдова*, графини *Орловой - Давыдовой*, Московскаго губернскаго предводителя дворянства графа *Шереметева*, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Надикто - Рьзунова*, *Вострякова*, *Зорина*, *Цироне*, *Глазыревскаго*, *Усачева*, *Курсанова*, *Титова*, *Алферова*, *Губарева*, *Качалова*, *Сольскаго*, *Анисова*, *Вольскаго*.

Поздравляю почтеннаго юбиляра.

Адольфъ Гензелтъ.

Изъ С.-Петербурга:

Поздравляю достойнаго юбиляра Дмитрія Александровича Славянскаго.

Артистъ Императорскихъ театровъ *Л. Л. Леонидовъ.*

Отъ *Николая Александровича Нотовича*, семейства *Буссъ*, *Кортазова*, *О. А. Самойлова*, доктора *Дворяшина*, доктора *Масевича*, *Ольги Николаевны Гурьевой*, *Направника*, *Владисова*, *О. Осипова*, *Д. А. Протопопова*, *Васильева*, *Васильевой*, *Рубцова*, *Мусина-Пушкина*.

Поздравляетъ уважаемаго юбиляра Дмитрія Александровича Славянскаго съ двадцатипятилѣтнемъ славной его дѣятельности

Анна Константиновна фонъ-Езенвейнъ,
урожденная *Батошкова.*

Изъ Новгорода:

Дочь *Екатерины Павловны*, урожденной *Инатъевой*.

Изъ Твери:

Отъ *А. В. Меньшикова*, *Марьи Михайловны Ильчаниновой*, *Николая Петровича Оленина*, доктора *Орфанова*, доктора *Н. М. Павлова*, *Егора Матвѣевича Сапѣина*, купца *Никифорова*, *Тимофея Степановича Попова*.

Изъ Одессы:

Отъ *Негурскаго*, князя *Хилкова*, князя *Галарина*.

Изъ Варшавы:

Отъ *Богусловскаго*, доктора *Маснеукаго*.

Изъ Радома:

Отъ *Лукашева*, полковника *де-Лазари*, полковника *Михѣева*, *Елизаветы* и *Вѣры Михѣевыхъ*.

Изъ Минска:

Отъ семейства *Озмидовыхъ*, *Викентьева*.

Изъ Кіева:

Отъ *Прикотъ*, *Воронковскаго*, *Александровскаго*.

Изъ Вологды:

Отъ семейства генеральши *Пацевичъ*, семейства *В.*

Изъ Казани:

Завѣдывающаго музыкальнымъ магазиномъ „Восточная Лира“, *Соймонова*.

Изъ Дерпта:

Отъ *Быстровцева*, *Мюнстера*.

Отъ *Петра Васильевича Неклюдова* (изъ Нижняго-Новгорода), баронессы *Рокасовской* (изъ Пензы), *Александра Гавриловича Иваненко* (изъ Ченстохова), полковника *Шадилова* (изъ Кутаиса), *Евдокии Осиповны Сидоренко* (изъ Чернигова), *Скрипичина* (изъ Воронежа), *Крутовича* (изъ Бобруйска), *Курочкина* (изъ Изюма), *Крыжановскаго* (изъ Житотира), *Хлѣбникова* (изъ Рыбинска), *Зайончевскаго* (изъ Вильны), *Эзенвеймъ* (изъ Лпбавы), *Куманина* (изъ Старой Русы), *Попова* (изъ Бѣлгорода), *А. М. Никифоровой* (изъ Тамбова), *Анны Ивановны Ба-*

ташевой (изъ Владикавказа), семьи *Батюшковыхъ* (изъ Новгорода), *Харламова* (изъ Ефремова), купчихи *Шараховой* (изъ Сызрани), *Юрѣва* (изъ Вятки), семейства *Далматовыхъ* (изъ Петрокова), *Эберта* (изъ Лодзи), *Елора Егоровича Никитина* (изъ Блнна), купчихи *Кротовой* (изъ Пошехонья), *Сукнова* (изъ Нѣжина), *Строева* (изъ Грязи), *Дятлова* (изъ Царевококшайска), *Алексина* (изъ Выборга), *Ивановскаго* (изъ Калуги), *Дмитрія Забызина* (изъ Острогожска).

Въ залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія, въ день юбилея, привѣтствовали юбиляра лично слѣдующія лица:

Графиня Бревернъ де-ла Гарди, *Генераль Духовской*, *Юванъ-Поповичъ-Липовацъ*, (адъютантъ князя Черногорскаго), *Полковникъ Генеральнаго Штаба П. П. Суворовъ*, *Самаринъ, А. П. и О. П. Суворовы. В. П. Каразина, Н. И. Вотякова, А. М. Фальковский, М. Н. Фальковская, П. М. и Б. Ф. Гензель, В. С. и Н. С. Перловы, Генераль Симанскій, Камергеръ Симанскій, докторъ Анбаровъ, В. Д. Ръшимова, М. И. Положесвъ, В. А. Е. В., Е. А. и Н. А. Савельевы, С. С. Мъшковъ, С. С. Юрьевъ, С. Д. Юрьевъ, содѣржатель хоровъ А. И. Нешумовъ и Сахаровъ, Эдуардъ Бартмеръ, Юлія Владиміровна Бартмеръ, В. В., В. А. и А. А. Верховскія, учительница Джаксонъ.*

Равно какъ былъ поздравляемъ юбиляръ депутаціей отъ студентовъ Московскаго университета.

Также привѣтствовали юбиляра слѣдующія лица:

Ф. С. Муравьевъ и Н. М. Жуковъ (изъ Твери), *Д. П. Ефремовъ* (изъ Сергіевскаго Посада), *О. Н. Гурьевъ, Д. Д. Коровяковъ, О. И. Ульянова* (изъ Петербурга), *Н. И. Ивановъ* (изъ Риги), *А. П. Хитросо* (изъ Софій), *докторъ П. И. Положесвъ* (изъ Пятигорска), *Анна Азгустовна Бастъ* (изъ Женевы), *А. А. Мальковъ* (изъ Саратова), *А. Абаза* (изъ Курска), *Н. М. Гладковъ* (изъ Владиміра), *Дроздовъ* (изъ Серпухова).

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЗЫВЫ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ.

Газеты по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея Д. А. Славянскаго.

Московскія Вѣдомости 4 сентября 1886 г. № 244.

7 декабря этого года должно исполниться двадцатипятилѣтнѣе артистической дѣятельности Дмитрія Александровича Славянскаго, какъ русскаго народнаго пѣвца и собирателя сокровищъ русскаго музыкальнаго творчества. Прослѣдимъ же этотъ четвертивѣковой трудъ почтеннаго дѣятеля и укажемъ на выдающіяся черты его русскаго національнаго дѣла.

Происходя отъ древняго дворянскаго рода Агрневыхъ, Дмитрій Александровичъ по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ Университетѣ поступилъ сперва въ военную службу. Прослуживъ въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ съ небольшимъ годъ, молодой офицеръ не могъ противустать природному влеченію къ музыкѣ; бросивъ службу, отправился для музыкальнаго своего образованія за границу, гдѣ провѣлъ шесть лѣтъ, обучаясь пѣнію и теоріи музыки сперва у Пановки и Бональди въ Парижѣ, потомъ у Паполардо въ Неаполѣ и, наконецъ, во Флоренціи у Pietro Romani.

Послѣ этой серьезной музыкальной школы онъ впервые выступилъ въ качествѣ опернаго пѣвца въ Италиі, гдѣ имѣлъ большой успѣхъ и получилъ даже орденъ Фердинанда отъ Неаполитанскаго короля. Возвратившись затѣмъ на родину, онъ предался изученію русской народной музыки и рѣшилъ посвятить свои силы и свое умѣнье на развитіе роднаго музыкальнаго творчества, на ознакомленіе публики съ русскою пѣснію. Четверть вѣка тому назадъ, мы до самозабвенія увлекались итальянскою оперой, платили огромныя день-

ги на выписываніе заграничныхъ оперныхъ свѣтилъ, переводили чужія оперы на русскій языкъ и наслаждались чуждыми намъ искусственными музыкальными произведеніями. Родные звуки мало прельщали насъ: они терялись неизвѣстные въ глухихъ деревняхъ и на раздолѣй полей обширной родины. Въ салонахъ процвѣтали такъ-называемые романсы съ пошлыми словами и пошленькими мотивами. Даже въ деревни, прилегающія къ городамъ, цивилизація проникла прежде всего въ видѣ романсовъ, занесенныхъ пришлымъ изъ городовъ людомъ и вытѣснявшихъ свободное творчество народное. Старинныя пѣсни бытовыя и историческія забывались тамъ подъ вліяніемъ моды на чужеземное, равно какъ старинная русская пляска своеобразная и характерная уступала мѣсто *кадрилям* и *линсе* (лансье).

Отказавшись отъ виднаго и блестящаго поприща опернаго пѣвца, отклонивъ предложеніе министра Императорскаго Двора поступить въ артисты русской оперы, Дмитрій Александровичъ задался скромною, но по своимъ послѣдствіямъ плодотворною задачей—изученія русскихъ пѣсень. Для этой цѣли онъ объѣхалъ Россію—побывалъ въ Сибири и на Кавказѣ, посѣтилъ Малороссію и губерніи Бѣлорусскія, и съ голоса народнаго записывалъ пѣсни и народныя поэтическія преданія. Мало того, онъ побывалъ въ Славянскихъ земляхъ и тамъ, не взирая на противодѣйствіе австрійскихъ властей, собиралъ пѣсни единовѣрнаго и единоплеменнаго намъ народа. Такимъ образомъ, имъ собрано болѣе тысячи пѣсень и въ томъ числѣ до 100 былинъ. Считаемо нужнымъ замѣтить, что русское общество *впервые* услышало наши былинны въ исполненіи Славянскаго и его хора, да кромѣ Славянскаго и до сихъ поръ никто въ концертахъ былинъ не поетъ. Эти былинны, забываемыя самимъ народомъ, вѣдомыя образованному обществу только изъ отрывковъ, помѣщаемыхъ въ хрестоматіяхъ, звучатъ нынѣ предъ нами тѣмъ самымъ ладомъ, какимъ онѣ сказывались „въ старину стародавнюю, въ старыя годы прежніе, въ тѣ времена первоначальныя“.

Выпущенные талантливою супругой нашего пѣвца четыре сборника русскихъ и славянскихъ народныхъ пѣсень со-

ставляютъ лишь незначительную долю всего матеріала, которымъ владѣть Дмитрій Александровичъ. Матеріаль этотъ подвергается постепенной обработкѣ; вскорѣ долженъ появиться пятый выпускъ, за нимъ не замедлятъ послѣдовать дальнѣйшіе.

У насъ возникло много разныхъ музыкальныхъ обществъ, носящихъ порой иностранныя названія, но между ними нѣтъ до сего времени, къ стыду нашему, ни одного, которое избрало бы своею задачей собраніе и разработку родныхъ народныхъ напѣвовъ *). А между тѣмъ, именно эти напѣвы и могутъ служить единственною основою русскаго музыкальнаго творчества. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ собранія народныхъ напѣвовъ Славянскій почти одинокъ.

Но Славянскій извѣстенъ публикѣ болѣе какъ исполнитель русской пѣсни и директоръ капеллы, которую можно назвать образцовою. Никто до появленія Славянскаго не слыхивалъ такого исполненія русскихъ пѣсень какъ solo, такъ и хороваго. Задушевность и симпатичность голоса Славянскаго и неподражаемое мастерство въ передачѣ всѣхъ оттѣнковъ народныхъ мелодій сразу выдвинули его, какъ народнаго пѣвца, на первое мѣсто и создали ему особое выдающееся положеніе. Его хоръ доведенъ по стройности исполненія пѣсень почти до безупречности оркестра и изумляетъ слушателей гармоничностью пѣнія, доселѣ не слыханною. Какими средствами Славянскій достигаетъ этихъ результатовъ, намъ неизвѣстно, но нельзя не подивиться его искусству въ дѣлѣ обученія и управленія хоромъ и не благодарить его за доставляемое имъ художественное наслажденіе. Невольно приходитъ мысль: ужели такое дѣло должно погибнуть съ прекращеніемъ дѣятельности Славянскаго, ужели общество и правительство не окажутъ поддержки и покровительства

---

*) Какъ на примѣръ небрежности нашей къ своему родному укажемъ на то, что собраніе русскихъ пѣсень П. В. Кирѣвскаго, незначительная часть коихъ обнародована Безсоновымъ, лежатъ до сего времени въ Румянцовскомъ музеѣ неизданными. А въ ихъ числѣ есть поистинѣ драгоцѣнные памятники далекаго прошлаго—пѣсни свадебныя, похоронныя, голосильныя и пр.

единоличнымъ усиліямъ частнаго человѣка, счумѣвшаго достигнуть двадцатипятилѣтнимъ трудомъ такихъ блестящихъ результатовъ? Ужели его дѣло такъ и останется частнымъ предпріятіемъ.

Русское общество еще обязано Славянскому тѣмъ, что онъ счумѣлъ мастерскимъ исполненіемъ русскихъ пѣсень заинтересовать въ нихъ образованную публику, относившуюся холодно и какъ бы пренебрежительно къ родной музыкѣ, заставилъ ее оцѣнить и полюбить безхитростную и безыскусственную пѣсню простаго народа и ввелъ ее въ моду. Мода на русское—какъ отрадно звучать эти слова! Успѣхъ, коимъ пользуются у насъ концерты Славянскаго, можетъ быть измѣренъ охлажденіемъ публики къ сомнительнымъ иностраннымъ знаменитостямъ, пріѣзжающимъ сюда съ избитыми и давно всѣмъ надоѣвшими оперными мелодіями. Поворотъ къ родному начиналъ замѣтно сказываться въ русскомъ образованномъ слоѣ—и Д. А. Славянскому принадлежитъ честь занимать въ этомъ движеніи, по отношенію къ русской народной музыкѣ, не послѣднее мѣсто.

Но за что мы еще въ долгу передъ Славянскимъ, это за недостаточное вниманіе наше къ успѣхамъ, которые онъ стяжалъ за границей въ теченіе истекшей зимы и весны. Артистическая его побѣдка по Европѣ была въ полномъ смыслѣ слова триумфальнымъ шествіемъ русской пѣсни. Надо принять во вниманіе, что почва для успѣховъ нашего пѣвца за границей была совершенно испорчена. Преслѣдуя одну цѣль наживы, эти мнимые представители русской народной музыки окончательно уронили и потопили во мнѣніи европейской публики русскую пѣсню, такъ что вновь поднять ее на должную высоту, заставить понять ее и ею наслаждаться было задачею не легкою.

Насколько эта задача удалась Славянскому, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ лежащія у насъ предъ глазами многочисленные выдержки изъ отзывовъ заграничной печати о концертахъ нашего пѣвца. Германскія, швейцарскія, французскія и англійскія газеты одинаково восторженно отзываются о пѣніи Славянскаго и его хора, одинаково удостовѣряютъ

о безпримѣрномъ успѣхѣ его концертовъ. Особенно для насъ интересны отзывы газетъ въ Германіи—этой странѣ классической музыки по преимуществу.

Берлинскій Курьеръ (23 октября 1885 года), восхищаясь роскошною обстановкой концертовъ Славянскаго, „этого, по его выраженію, единственнаго дирижера образцоваго хора“, прибавляетъ: „хоръ, состоящій изъ 50 человѣкъ исполнителей, пропѣлъ разные нумера программы съ ансамблемъ поистинѣ изумительнымъ. Преимущественно въ *riantissimo* можно восхищаться необычайною нѣжностью звуковъ и исполненіемъ разныхъ музыкальных оттѣнковъ, доведенныхъ до совершенства. Директоръ этой капеллы обладаетъ очень симпатичнымъ теноромъ; его метода, равно и управленіе хоромъ одинаково безупречны“.

Deutsches Tageblatt (24 октября 1885 года) заявляетъ, что „публика единодушно признала, что никогда ничего подобнаго (хору Славянскаго) не было видано и слышано въ Берлинѣ. Зрѣлище было поистинѣ волшебное и переносило насъ въ воображеніи въ заколдованную область тысячи и одной ночи“. *Fremdenblatt* (24 октября 1885 года) сообщаетъ, что „речитативъ, исполненный Славянскимъ и удивительно поддержанный всѣмъ хоромъ, произвелъ на публику волшебное дѣйствіе и перенесъ насъ мечтою въ лучшій міръ“. *Magdeburger Zeitung* (15 декабря 1885 года) заявляетъ, что, „когда хоръ Славянскаго запѣлъ русскія національныя пѣсни, впечатлѣніе было ни съ чѣмъ не сравнимое, думалось, что внимаешь легионамъ ангеловъ, спустившихся съ небесъ“.

Schlesische Zeitung (30 октября 1885) воздастъ похвалы О. Х. Славянско-Агреновой, „которая проявила большой музыкальный талантъ въ аранжировкѣ для хора различныхъ русскихъ мелодій“, и Дмитрію Александровичу, какъ исполнителю, „обладающему чистымъ и весьма правильнымъ теноромъ и прекрасною дикціей“, и какъ дирижеру, „управляющему хоромъ съ большимъ авторитетомъ и замѣчательною силою“.

Weser Zeitung (въ Бременѣ, 24 ноября 1885) восклицаетъ: „*Russkie nobydimli!* Что Русскіе прекрасно одарены въ музы-

кальномъ отношеніи,—это фактъ давно извѣстный, но мы должны признать, что концерты Славянскаго доставляли намъ глубокое очарованіе. Никогда не слыхивали мы подобнаго хора въ Германіи. Славянскій своимъ нѣжнымъ и гармоническимъ голосомъ производитъ поистинѣ чудеса“.

Beilage der Leipziger Nachrichten (25 декабря 1885): „мелодіи Славянъ, столь разнообразныя: то глубоко грустныя, то легкія и граціозныя, но всегда полныя рельнаго и истиннаго чувства—возвышаютъ душу и радуютъ сердце. *Онѣ служатъ проявленіемъ народа юнаго и мощнаго и заставляютъ насъ задуматься о будущности славянской націи“.*

Этихъ выдержекъ, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы Русскіе люди могли судить о томъ впечатлѣніи, которое Славянскій, при весьма неблагопріятныхъ для него условіяхъ, произвелъ на Европейскую публику. Онъ высоко пронесъ по цивилизованнымъ государствамъ Русское національное знамя; по окончаніи каждаго концерта его публика шумно требовала исполненія русскаго народнаго гимна и вездѣ, даже въ республиканской Швейцаріи и во Франціи, выслушивала его, стоя. Хоръ, составленный въ большинствѣ изъ простыхъ Русскихъ людей, изъ народа, подъ руководствомъ опытной и умѣлой руки, ослѣпилъ и восхитилъ людей Запада, завоевалъ въ нихъ симпатіи къ музыкальному творчеству Русскаго народа, несмотря на ихъ недоброжелательство къ намъ и ревность къ нашему могуществу. Этотъ фактъ самъ по себѣ не есть ли гражданская заслуга частнаго лица, дѣйствовавшаго въ интересахъ Россіи на свой личный рискъ и страхъ?

Почтимъ же четвертивѣковой общественный подвигъ Дмитрія Александровича Славянскаго на поприщѣ русскаго національнаго дѣла. Москва образовала Славянскаго въ высшемъ учебномъ заведеніи. Москва его впервые оцѣнила, поддержала и выдвинула какъ народнаго пѣвца, на Москвѣ нынѣ лежитъ и пріятный долгъ—привѣтствовать двадцатипятилѣтній трудъ его, посвященный русской народной пѣснѣ. Мы слышали, что многочисленные почитатели таланта Дмитрія Александровича собираются въ день 7 декабря пригласить

силь его въ Москву—дать народный концертъ, и выразить ему отъ Русскихъ людей глубокую признательность за подъятое имъ и неуклонно, въ продолженіе четверти вѣка, столь успѣшно веденное Русское дѣло.

Н. Ш.

Московскія Вѣдомости № 129. Юбилей славнаго собирателя и распространителя русской пѣсни, Д. А. Агренева-Славянскаго, нашель отголосокъ и въ Берлинѣ. Многіе русскіе какъ проживающіе въ германской столицѣ, такъ и находящіеся въ ней проѣздомъ, прибѣгли къ нашему консулу, прося его быть выразителемъ ихъ чувствъ предъ юбиляромъ. Посланы были прекрасно составленныя телеграммы, благодарившія Дмитрія Александровича за наслаженіе, имъ доставленное его здѣшнимъ слушателямъ, и чествовавшія въ немъ одного изъ людей, наиболѣе способствовавшихъ тому, чтобы сдѣлать русское имя за границей уважаемымъ и сочувственнымъ.

Современныя Извѣстія мартъ 1887 г. — 25, 26 и 27 апрѣля (стар. ст.) 1887 года исполнится *двадцать пять лѣтъ* съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій Александровичъ Агреневъ, подъ именемъ Славянскаго, вступилъ на общественное поприще въ музыкальной сферѣ.

Получивши въ концѣ 50-хъ годовъ музыкальное образованіе въ Италіи, онъ по возвращеніи на родину посвятилъ свою дѣятельность сначала исключительно записыванію, а затѣмъ и исполненію передъ публикою русскихъ народныхъ, а позднѣе и славянскихъ пѣсенъ. Уже одно записываніе пѣсенъ, т.-е. собираніе матеріаловъ для русской народной лѣтописи есть великая общественная заслуга почтеннаго артиста-дѣятеля. Какъ исполнитель народныхъ напѣвовъ, Славянскій не имѣеть себѣ подобнаго. Онъ очаровываетъ слушателей умѣньемъ вложить въ пѣсню душу народную, передать, такъ сказать, звуками исторію народа. Нельзя не обратить вниманія и на то, что воспроизведеніемъ народныхъ пѣсенъ предъ публикою отъ Петербурга до Кяхты, отъ Дуная до Чернаго моря, Славянскій оказалъ воспитательное

дѣйствіе на общество: возвратилъ уваженіе и довѣріе къ русскому творчеству народному, ослабилъ увлеченіе, иностранными романами и т. п. Въ этомъ смыслѣ Славянскій по справедливости долженъ быть причисленъ къ передовымъ людямъ патріотическаго направленія и притомъ сѣвшимъ сѣмя не безплодное и не на узкомъ поприщѣ. Жадное вниманіе, съ какимъ его повсюду слушали и слушаютъ, свидѣтельствуешь о его огромномъ вліяніи и значеніи, а о пространствѣ его путешествій легко можно составить понятіе изъ того, что въ теченіе своей *двадцатипятилѣтней* дѣятельности онъ однимъ желѣзнымъ дорогамъ за свои и своей капеллы перевзды переплатилъ 480.000 р. Впродолженіе своей артистической дѣятельности онъ собралъ болѣе 1.000 народныхъ напѣвовъ, изъ которыхъ болѣе 100 былинь и древнихъ сказаній; въ то же время онъ далъ 6.500 концертовъ. Но не одному отечеству Славянскій воспѣвалъ славу Россіи. Путешествія его за границей, не исключая Америки, произвели вездѣ удивленіе и восторгъ, и притомъ одинаково въ славянскихъ и иноземныхъ, въ монархическихъ и республиканскихъ земляхъ.

Русскіе побѣдили! такимъ восклицаніемъ начала, между прочимъ, одна нѣмецкая газета (*Weser Zeitung*) свою статью о Славянскомъ (1886 года). Слѣдующее обстоятельство подтверждаетъ сущность впечатлѣнія, произведеннаго Славянскимъ на Европу,—онъ достигъ того, что публикою всюду требовался русскій народный гимнь, и что особенно выразительно для всякаго, имѣющаго понятіе о западно-европейскомъ складѣ ума,—это тѣ, что вся публика поднималась, какъ одинъ человѣкъ, при пѣніи капеллою Славянскаго нашего гимна.

Послѣ такихъ доводовъ достойно признать за Славянскимъ воспитательное значеніе и гражданскую заслугу отечеству не въ общественномъ только, но и въ политическомъ смыслѣ: его пѣсни разсѣяли предубѣжденіе противъ насъ народовъ Запада, покорили мнѣніе всей Европы силою чудныхъ звуковъ.

Неблагодарнымъ оказалось бы русское общество, еслибы, въ виду всего сказаннаго, не почтило *двадцатипятилѣтняго*

юбилея дѣателя русскаго, именитаго пѣвца всѣхъ славянскихъ мелодій, неустанно и донинѣ трудящагося на славу и честь родины, и не возрѣло бы своихъ патріотическихъ чувствъ воспоминаніемъ о характерѣ дѣятельности чествуемаго пѣвца. Путешествуя по славянскимъ землямъ, Славянскій произвелъ обмѣнъ родственныхъ мелодій, чего не было до него. Всѣ тѣ, которые взвѣсятъ заслуги нашего Баяна, и тѣ, которые такъ горячо принимали пѣвца славянскихъ мелодій, не преминуть, конечно, откликнуться на призывъ къ празднованію двадцатипятилѣтняго юбилея Дмитрія Александровича Славянскаго и не оставятъ безъ вниманія радостнаго для всѣхъ русскихъ торжества въ честь возбужденія народныхъ мелодій, въ честь побѣды, одержанной русской пѣсней.

Русскій Курьеръ 24 апрѣля 1887 г., № 110.—Имя Славянскаго извѣстно всей Россіи, всему просвѣщенному свѣту. Пѣсня русская, благодаря трудамъ, энергіи и таланту юбиляра, всюду побывала—и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ; сверху внизъ, изъ стороны въ сторону, сквозь всю Русь прошла она. Славянскіе мотивы всѣхъ плѣнили. Собрать ихъ, воспроизвести и заставить ими восторгаться всѣ народы—вотъ заслуга Агренева-Славянскаго. Много труда, много заботъ было положено имъ на это дѣло,—велика и побѣда. вмѣстѣ съ юбиляромъ день этотъ празднуетъ и русско-славянская пѣсня, празднуетъ и авторъ этой пѣсни, русскій и славянскій народъ, празднуютъ всѣ, кому дорого родное творчество, дивный эпосъ родины, для кого чутки и близки къ сердцу дорогіе родные мотивы... Отъ души привѣтствуемъ юбиляра и шлемъ ему искреннее русское спасибо за его славную артистическую миссію. Отъ души желаемъ продолженія ея на многія лѣта!... Да состоится и золотая свадьба пѣвца съ пѣснею, какъ состоялась пока серебряная.

Всемирная Иллюстрація, № 956.—Газеты не упустили случая подтрунить надъ чествованіемъ юбиляра. Но какіе бы недостатки ни имѣлъ юбиляръ, важенъ принципъ и идея празднества: г. Славянскій имѣетъ ту великую заслугу за со-

бою, что онъ возвысилъ и популяризировалъ русскую и вообще славянскую народную пѣснь, и исполненіемъ ея какъ у насъ, такъ и у братьевъ-Славянъ содѣйствовалъ еще болѣе тѣсному единенію славянской семьи. Немаловажно и то, что онъ ввелъ русскую и славянскую пѣснь въ неславянскую Европу и въ Америку, на что иностранная печать указывала какъ на знаменательный фактъ, придавая этому даже нѣкоторую политическую окраску. Что касается самыхъ пѣсенъ, то всюду на Западѣ онъ правились; достаточно сказать, что г. Славянскій въ Сѣверной Америкѣ могъ дать около 300 концертовъ и вызвать цѣлый рядъ сочувственныхъ журнальныхъ статей и всякаго рода манифестацій. Даже менѣе пылкіе Англичане и Нѣмцы—и тѣ оказали славяно-русскому пѣснопѣвцу самый радушный приѣмъ. О Французахъ нечего и говорить,—тамъ г. Славянскаго и его капеллу встрѣтили по-родственному.

Насколько отъ всего этого искусство выиграло, здѣсь не мѣсто разбирать; вѣрно ли записаны пѣсни г. Славянскаго, проникся ли онъ ихъ настоящимъ духомъ и гармонировалъ и ритмовалъ онъ ихъ такъ, какъ особенность ихъ склада того требуетъ, здѣсь также разбирать не будемъ,—это должно быть предметомъ специальныхъ рефератовъ и изслѣдованій.

Оба концерта юбилярные привлекли множество посѣтителей, и исполненіе капеллы и руководителя ея вызывали обычные сочувственные восторги. Пѣвецъ увѣнчанъ былъ лавровымъ вѣнгомъ.

Оканчиваемъ нашу статью желаніемъ, высказаннымъ мѣстною печатью, чтобы г. Славянскому дожить и до пятидесятилѣтняго юбилея. Чтобы увѣнчать свое дѣло надлежащимъ образомъ, ему слѣдуетъ къ богатому собранному имъ матеріалу приступить съ критическою оцѣнкою его, а для воспроизведенія народной пѣсни въ наиболѣе правдиво-художественной формѣ не отворачиваться отъ того, что сдѣлано по этой части Сѣровымъ, Римскимъ-Корсаковымъ, Балакиревымъ, Сокальскимъ и др. Если г. Славянскій явилъ себя въ первый періодъ своего служенія родинѣ талантливымъ

собирателемъ матеріала и популяризаторомъ его, то пусть онъ теперь дастъ истинно народной пѣснѣ народную „русскую“ оправу и очиститъ ее отъ всякой иноземной фальши. Задача эта очень трудная, но поработать надъ ней стоитъ, и тотъ, кому дороги интересы отечественнаго искусства, оцѣнить это съ благодарностью.

Кіевское Слово 27 января 1887 г. — То высокое эстетическое удовольствіе и глубокое впечатлѣніе, которое испытываетъ публика на концертахъ Д. А. Славянскаго, досталось въ минувшее воскресенье въ удѣлъ заключеннымъ кіевского тюремнаго замка: Дмитрій Александровичъ со своимъ хоромъ, въ которомъ участвовала его дочь, пѣлъ обѣдно въ тюремной церкви. Скромная домовая церковь тюрьмы огласилась чудными звуками величественнаго пѣнія, глубоко западавшими въ душу. И если мы подумаемъ, что тюрьма имѣетъ своимъ назначеніемъ смягчить одичалаго человѣка и возвратитъ его обществу, то поймемъ, какую благородную услугу оказалъ Д. А. своимъ талантомъ. Въ церкви присутствовало до 300 арестантовъ обоюго пола, и впечатлѣніе, произведенное на этихъ людей, исключенныхъ изъ общества, было велико. Всякій разъ пѣніе вызывало благоговѣйную тишину, на глазахъ многихъ были видны слезы умиленія, было ясно, что это особенно выдающійся день для тюрьмы. Въ концѣ обѣдни тюремнымъ священникомъ было сказано прочувствованное слово. На обѣдѣ присутствовалъ г. начальникъ губерніи, г. вице-губернаторъ, тюремные директора: Барскій, Кучинскій, проф. Сикорскій, Игнатьевъ и значительное для небольшой тюремной церкви количество публики.

Арестанты, толпою стоявшіе за рѣшеткою, по окончаніи богослуженія долго не выходили изъ церкви, слѣдя глазами за всѣми движеніями почтеннаго Д. А. Замѣтивъ это, Славянскій подошелъ къ нимъ и сказалъ: „ну, братцы, послушали пѣніе?“ — „Спасибо, спасибо вамъ, батюшка, что и насъ, бѣдныхъ, не позабыли“, — отвѣтили ему арестанты, низко кланяясь.

Послѣдніе концерты Д. А. Славянскаго. 24 января, въ 2 часа

дня, въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ состоялся концертъ Д. А. Славянскаго, въ присутствіи супруги г. начальника края, начальствующихъ, служащихъ и учащихся. При первомъ появленіи почтеннаго Д. А. на эстрадѣ, Н. В. Лысенко поднесенъ былъ ему лавровый вѣнокъ, перевитый широкою голубою лентою съ надписью: „Славному русскому пѣвцу Дмитрію Александровичу Славянскому отъ кіевскаго института 24 января 1887 года“.

Передъ окончаніемъ концерта воспитанницы института поднесли Д. А. шесть полотенецъ собственной работы съ кружевами, вышитыхъ въ русскомъ стилѣ. На одномъ изъ нихъ вышита надпись: „Не красна моя работа, угодить тебѣ охота“ и „Ручки вытирайте, насъ не забывайте“; на другомъ: „Продли Богъ вѣку на многи лѣта“ и „Живи-поживай, да добра наживай“. По окончаніи концерта въ квартирѣ начальницы института былъ сервированъ для г. Славянскаго и его женскаго хора роскошный завтракъ.

Вечеромъ того же дня состоялся концертъ въ залѣ купеческаго клуба. Какъ и прежде, залъ былъ биткомъ набитъ публикой, такъ что не только всѣ стулья были заняты, но и стоять было негдѣ. Начался концертъ, по обычаю, старинною былиною: на этотъ разъ была исполнена любимая былина кіевская „про ласковаго князя Владиміра и Чурилу Пленковича“. Попржежнему, публика восхищалась въ высшей степени художественнымъ исполненіемъ русскихъ народныхъ мотивовъ и, по общему единодушному желанію, почти всѣ номера программы были повторяемы. Во время концерта г. Славянскому поднесенъ былъ лавровый вѣнокъ, перевитый широкою шелковою лентою съ вышитою на ней надписью: „Дмитрію Александровичу Славянскому — отъ цѣнителей его двадцатипятилѣтней дѣятельности. Кіевъ, 24 января 1887 г.“. Вслѣдъ за тѣмъ былъ поднесенъ дочери Д. А., талантливой Надеждѣ Дмитріевнѣ, букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ и дорогое жемчужное кольцо съ бриллиантовымъ фермуаромъ. Во время самого концерта исполненіе каждаго номера программы вызывало дружные аплодисменты публики, по окончаніи же выходъ пѣвца сопровождался восторгомъ ждавшей его публики.

Въ 2 часа дня 25 января, состоялся въ залѣ купеческаго клуба концертъ Д. А. Славянскаго для учащейся молодежи. Залъ былъ наполненъ преимущественно воспитанниками и воспитанницами учебныхъ заведеній; однако, много было и сторонней публики. Концертъ былъ исполненъ, какъ и всегда, прекрасно, и почтенный пѣвецъ былъ сопровождаемъ шумными аплодисментами.

Наконецъ, вечеромъ 25 января, въ той же залѣ устроенъ былъ послѣдній прощальный концертъ. Залъ былъ переполненъ публикой. Выборъ пьесъ на этотъ разъ былъ особенно удаченъ. Концертъ начался старинною былинною „Святогоръ“ талантливаго мѣстнаго композитора Л. Д. Малашкина, мотивы которой заимствованы имъ изъ сборника Кириши Данилова и народной духовной музыки (пѣніе слѣпцовъ). Начинается былина вступленіемъ: народъ встрѣчаетъ Баяна и привѣтствуетъ его, какъ почетнаго гостя. Баянъ благодаритъ ихъ и рассказываетъ былинну. Среди разсказа Баяна слышится голосъ вѣщаго Святогора, олицетворяющаго въ себѣ Славянство, которое преждевременно погибаетъ, не находя своей силушки. Это трогательное пѣніе производитъ чарующее дѣйствіе на слушателей. Передъ нами возстаетъ образъ могучаго старшаго богатыря—Святогора, который, не жалѣя своей силушки и не находя подобнаго себѣ борца, надрывается преждевременно, поднимая маленькую суму переметную. „Тутъ было ему конченье“ — поетъ Славянскій, замираетъ его голосъ при аккомпаниментѣ нисходящихъ аккордовъ и производитъ потрясающее впечатлѣніе: видишь, какъ медленно погибаетъ гигантъ отъ своей же силушки: по лицу его не слезы, а трудовая кровь течетъ.

Сердце замираетъ, когда слушаешь эти послѣдніе звуки, слезы давятъ... и въ это время со страхомъ, тихо-тихо поетъ хоръ свою послѣднюю, надгробную пѣсню погибшему богатырю; чувствуется въ ней, какъ вся семья Славянская оплакиваетъ величайшаго роднаго богатыря. Въ отвѣтъ на эти слезы слѣдуетъ утѣшительный гимнъ: „Не плачь, не плачь народъ, прійдетъ твое время“...—Г. Славянскій, такъ искренно любящій эту былинну, поетъ ее умирительно. По

окончаниі былины, онъ пригласилъ на эстраду самого композитора Л. Д. Малашкина и преподнесъ ему драгоценныя золотыя часы, сказавъ при этомъ. „Позвольте поблагодарить васъ, Леонидъ Дмитриевичъ, отъ лица всего Славянства за эту чудесную былинку, которая произвела сильное впечатлѣніе не только на нашихъ братьевъ Славянъ, но и въ средѣ всѣхъ народовъ“. Г. Малашкинъ хотѣлъ отвѣчать, но, расстроганный, заплакалъ слезами благодарности и умиленія и удалился съ эстрады при единодушныхъ аплодисментахъ публики.

Затѣмъ началось исполненіе остальныхъ номеровъ программы: г. Славянскій не скупился и на повторенія, и на новыя пѣсни, сверхъ программы. Съ фотографическою вѣрностью нашъ народный пѣвецъ воспроизводитъ всю жизнь русскаго человѣка, съ ея радостями и безысходнымъ горемъ. Публика то отъ души смѣялась вмѣстѣ съ бѣлоруссомъ, которому бѣда приключилась: уронилъ дудку и задавилъ двухъ жуковъ,—то со вздохами выслушивала жалобныя вопли молодой жены „загоненной, заброненной, рано выдаденной“. Сердце замираетъ, когда слушаешь бурлацкую пѣсню „Эй ухнемъ“!. Передъ нами движется вереница несчастныхъ бурлаковъ, не знающихъ ни отдыха, ни радости, и, подъ бременемъ непосильныхъ трудовъ, умирающихъ на тѣхъ же берегахъ, гдѣ они поютъ свою чудную пѣсню... и слышишь и видишь, какъ они проходятъ мимо, и звуки ихъ мало-по-малу замираютъ, теряясь въ необъятной ширѣ могучей Волги.

Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, мастерской акомпаниментъ юной дочери нашего народнаго пѣвца, Надежды Дмитриевны Славянской, которую публика встрѣчала и провожала дружными аплодисментами.

Въ числѣ послѣднихъ номеровъ программы г. Славянскимъ были исполнены и двѣ малорусскія пѣсни: „Гандзя“ и „Ой, ходыла дывчина бережкомъ“,—вызвавшія всеобщій восторгъ въ публикѣ. Затѣмъ былъ пропѣтъ любимый публикою маршъ г. Гинсбурга, посвященный Государю Императору. Пользуясь случаемъ, приводимъ текстъ этого марша.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь (bis).

* * *

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому по свѣту
Имя Царское гремитъ (bis.).

* * *

Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра,
Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура!
Ура!!

По окончаніи марша публика потребовала исполненія народнаго гимна, который и былъ пропѣтъ два раза.

Къ 11 часамъ утра 26 января, Г. Славянскій съ капеллою прибылъ въ кадетскій корпусъ. У входа онъ былъ встрѣченъ директоромъ корпуса и всѣми служащими. Г. Славянскому былъ предложенъ чай, а затѣмъ начался концертъ — въ рекреационной залѣ, въ которой собрались все кадеты. При первомъ появленіи почтеннаго пѣвца на эстрадѣ ему поднесень былъ большой серебряный позолоченный кубокъ, съ рѣзьбою, а на немъ надпись: „Дмитрію Александровичу Славянскому—отъ Кіевскаго Владимірскаго Кадетскаго Корпуса“. Для Н. Д. Славянской передана была корзинка съ прекрасными цвѣтами, которые, по порученію служащихъ въ корпусѣ, поднесены были ей г. Ѳедоровымъ-Украинцевымъ при ея отъѣздѣ изъ Кіева, на платформѣ вокзала. Исполненіе г. Славянскимъ русскихъ пѣсень вызвало неудержимый восторгъ въ средѣ кадетъ, такъ что они, не взирая на протесты почтеннаго пѣвца, на рукахъ вынесли его изъ залы.

У Славянскаго. Послѣ вечерняго концерта въ воскресенье на квартирѣ у Д. А. Славянскаго собрался небольшой кру-

жокъ его знакомыхъ—провести послѣдніе часы въ обществѣ незабвеннаго пѣвца. Всѣхъ было четверо: Д. А., Л. Д. Малашкинъ, одинъ офицеръ, близкій другъ Д. А., и я. Приглашая насъ къ себѣ, Д. А. сказалъ:

— Приходите, я очень радъ съ Вами поговорить на прощанье, только уже не взыщите—усталъ я сильно послѣ трехъ концертовъ. Захочу отдохнуть—такъ прямо и скажу: спасибо Вамъ, друзья мои, но я не могу больше сидѣть съ Вами, нужно еще уложить вещи въ дорогу, поспать, а завтра поутру двинусь изъ Кіева. Да, вѣдь, вы люди хорошіе, я съ Вами и не церемонюсь,—добавилъ онъ съ улыбкою...

Прямота въ обращеніи почтеннаго Д. А. намъ была хорошо извѣстна, и потому мы запросто пришли къ нему и усѣлись вокругъ стола, а Д. А. у другого стола принялся за какія-то хозяйственныя распоряженія. Покончивъ дѣла, Д. А., подсѣлъ къ намъ и завязалась дружеская бесѣда.

....— Трудненько мнѣ урвать часокъ побесѣдовать, а порассказать есть что: много мнѣ пришлось пережить на своемъ вѣку.... Вотъ вы, Л. Д., говорите, что Нѣмцы похваляются, будто они-де первые оцѣнили русскія пѣсни и меня. Это неправда; меня вездѣ хорошо принимали въ Россіи и до поѣздки за границу. А какъ однажды поддѣли меня! Впрочемъ, дѣло было не за границею, а въ Россіи. Незадолго до своей поѣздки по Европѣ пріѣхалъ я въ Ревель. Публика приняла меня очень радушно; восемь концертовъ далъ я въ этомъ городѣ и каждый разъ зала была полна. Видя такой успѣхъ, просятъ меня Нѣмцы дать концертъ въ ихъ же клубѣ, въ пользу нѣмецкихъ школъ. Я согласился и было условлено, что изъ сбора отдамъ я имъ 100 рублей. Что же вы думаете, какую штуку сыграли со мною Нѣмцы? Весь сборъ съ концерта оказался ровно въ 100 рублей, а сверхъ сотни, въ мою пользу, остался всего... пятиалтынный. Такъ хитро разочли: вычли за залъ и другіе расходы, и осталось всего 100 руб. 15 коп. Билеты, что ли, они распредѣлили въ такомъ количествѣ, ужъ не знаю, но въ результатъ—то, что они взяли изъ чистой выручки 100 руб., а на мою долю пришлось 15 копѣекъ. Больше не давалъ я для нихъ концерта.

Спасибо Кіеву: онъ всегда хорошо меня принималъ, а въ этотъ разъ меня встрѣтилъ у васъ такой восторженный пріемъ, какого я и не ждалъ. Передайте, В. И., Кіевской публикѣ мою искреннюю, глубокую благодарность. Хотѣлъ было я дать еще концертъ въ пользу бѣдныхъ арестантовъ, да тороплюсь на Сѣверъ, — зовутъ; вмѣсто спеціального концерта, я даю для нихъ часть сбора съ послѣдняго моего концерта. Завтра утромъ уѣду въ Нѣжинъ, а оттуда въ Минскъ, гдѣ предполагаю быть и въ день Пушкинскаго юбилея. Не сочувствую я затѣвѣ праздновать день смерти Пушкина какимъ-то торжествомъ. Нечему радоваться: день смерти нашего великаго поэта — скорбный для Россіи день... Въ годовщину его смерти, вѣроятно, спою по немъ панихиду. Изъ Минска я приглашенъ на три концерта въ Вильну, а оттуда уѣду въ Петербургъ. — Въ бесѣдѣ съ Д. А. провели мы около трехъ часовъ и въ результатѣ оказалось, что не онъ насъ пригласилъ оставить его въ покоѣ, а мы должны были его просить отдохнуть. — Нѣтъ, дорогіе, я такъ оживился бесѣдою, что и усталость моя какъ будто уже прошла.

Въ два только часа мы разстались съ незабвеннымъ Дмитріемъ Александровичемъ.

Однимъ изъ мѣстныхъ художниковъ срисована съ натуры картина, изображающая г. Славянскаго съ его хоромъ на литургіи въ церкви Кіевскаго тюремнаго замка.

Снимокъ съ этой картины будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Вчера, 26 января, въ 12 ч. 40 м. д., Д. А. Славянскій вмѣстѣ съ дочерью выѣхалъ изъ Кіева въ Нѣжинъ, гдѣ онъ предполагаетъ дать нѣсколько концертовъ. Капелла его уѣхала за нимъ въ тотъ же день съ почтовымъ поѣздомъ.

Въ этомъ году будетъ праздноваться двадцатипятилѣтній юбилей этого артиста, твердо стоящаго на стражѣ русской народной музыки, роднаго творчества.

Кіевское Слово 8 марта 1887 г., № 55. — Мы получили вѣсточку отъ Д. А. Славянскаго: „Наконецъ-то я добрался, — пишетъ онъ отъ 25 ноября, — до своего Кольцова (имѣніе

Д. А., въ 10 в. отъ Твери) и отдыхаю. Впрочемъ, завтра уже ѣду опять концерттировать до Святой недѣли. Путь мой лежитъ, начиная отъ Новгорода, на Рыбинскъ, Ярославль, Вологду, Кострому, Кинешму, Вознесенскъ и Владиміръ. Затѣмъ, послѣ этой поѣздки, ѣду въ Москву, гдѣ на Өоминой недѣлѣ состоится празднованіе моего юбилея.“

Для разработки программы чествованія двадцатипятилѣтней дѣятельности почтеннаго народнаго пѣвца организованъ какъ извѣстно, особый комитетъ изъ представителей литературнаго и музыкальнаго міра Москвы. Празднованіе юбилея предполагается трехдневное; музыкальныя общества всей Россіи и славянскихъ земель будутъ приглашены принять участіе въ юбилеѣ неутомимаго собирателя и талантливаго исполнителя народныхъ славянскихъ мелодій, распространившаго по цѣлому свѣту родные музыкальные мотивы.

Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ интересные рассказы Славянскаго, которые помѣщены были въ нашей газетѣ, во время его пребыванія въ Кіевѣ. По этому поводу онъ говоритъ далѣе въ своемъ письмѣ: „Я бы очень хотѣлъ помѣщать лѣтомъ, во время отдыха (теперь, передъ юбилеемъ положительно некогда), мои воспоминанія въ вашей газетѣ“.

Принося глубокоуважаемому Дмитрію Александровичу искреннюю благодарность за его лестное вниманіе къ газетѣ, мы надѣемся, такимъ образомъ, познакомить нашихъ читателей съ неизвѣстными еще доселѣ публикѣ эпизодами изъ жизни почтеннаго пѣвца.

Восторженный приѣмъ, съ какимъ встрѣтила знаменитаго артиста Кіевская публика, остался для него глубоко-памятнымъ. „Во всю мою жизнь, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ, — Кіевъ былъ для меня самымъ симпатичнымъ городомъ“, публика Кіевская, по любви и вниманію ко мнѣ, можетъ поспорить только съ одною Московскою.“

Г.

Кіевское Слово 25 апрѣля 1887 г.—Сегодня великій праздникъ русской пѣсни: Москва торжественно чествуетъ въ

стѣнахъ своихъ Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, перваго истинно-русскаго народнаго цѣвца, неутомимаго собирателя сокровищъ народнаго пѣсеннаго творчества, ознакомившаго весь цивилизованный міръ съ русскими мелодіями.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ Д. А. на это великое дѣло. Народная русская пѣсня была тогда въ пренебреженіи и даже въ презрѣніи у высшихъ и среднихъ слоевъ нашего общества; музыканты и ученые стыдились говорить о ней. Пѣсня эта, достояніе только народа, до тѣхъ поръ пряталась въ городахъ — по темнымъ угламъ и кабакамъ — и разносилась на раздольи полей и лѣсовъ. Многіе слушали ее, но никто не обращалъ на нее вниманія, никто не считалъ ее достойною.

Но явился могучій поборникъ „загоненной, заброненной“ русской народной пѣсни, Д. А. Славянскій. Одаренный высокимъ музыкальнымъ талантомъ, получивъ серьезное музыкальное образованіе, онъ чуткимъ ухомъ прислушался къ чарующимъ звукамъ русской народной пѣсни и полюбилъ ее всею душой. Изученіе пѣсни, ея распространеніе, ея проповѣдь всегда и повсюду, ея торжество — вотъ исходная точка и конечная цѣль жизни апостола русской пѣсни. Онъ первый осмѣлился пѣть ее передъ тѣмъ самымъ обществомъ, которое чуждалось ея, считая неприличнымъ даже слушать „вульгарные“ напѣвы. Градъ нареканій и ядовитыхъ насмѣшекъ со всѣхъ сторонъ посыпался на пѣвца и на пѣсню; но онъ бодро шелъ впередъ, все расширяя кругъ своей дѣятельности. Простая русская пѣсня, своею правдою, своею внутреннею силою, неотразимо влекла къ себѣ сердца слушателей и мало-по-малу завоевала симпатіи всего русскаго общества. Но не только сама по себѣ русская пѣсня, служащая правдивымъ выраженіемъ искреннихъ человѣческихъ чувствъ, живою струею пробилась себѣ русло среди мусора музыкальной дребедени, которою тогда (да, къ сожалѣнію, отчасти и теперь) восхищалась русская публика, — талантливое исполненіе ея нашимъ народнымъ пѣвцомъ много содѣйствовало ея торжеству, какъ въ Россіи, такъ и повсюду

въ чужихъ земляхъ. Независимо отъ чисто-виѣшнихъ условий, а именно самой техники пѣнія, доведенной до совершенства, и типичной, древней боярской виѣшности, Славянскій очаровывалъ слушателей умѣньемъ вложить въ исполняемую имъ пьесу эпическій, бытовой или историческій смыслъ, выразить ея глубокой драматизмъ, вложить, перелить, такъ сказать, въ нее душу народную, сказавшуюся въ пѣсенномъ творествѣ. Обѣхавъ славянскія земли и ознакомивъ весь славянскій мѣръ съ русскими мелодіями, онъ первый позаимствовалъ у нашихъ западныхъ и южныхъ братьевъ ихъ родные напѣвы и привезъ ихъ въ Россію.

Переплывъ океанъ, Славянскій явился въ Америкѣ и тамъ, въ теченіе цѣлаго года, упоенные звуками русскихъ мелодій, разсудительные янки на рукахъ носили нашего пѣвца.

Шли годы — и имя Славянскаго, вмѣстѣ съ русской пѣсней, покрылось европейскою славой. Музыкальные Нѣмцы признали, что они „никогда не слыхивали подобнаго хора въ Германіи“; а русскія мелодіи они сравнивали съ „пѣньемъ легионовъ ангеловъ, спустившихся съ небесъ“. Корифей французской музыки торжественно объявили, что „русскія пѣсни служатъ сокровищницей, изъ которой европейскіе композиторы должны черпать вдохновеніе“ (Гуно). „Русскіе насъ побѣдили“, — объявили Нѣмцы послѣ концертовъ Славянскаго; а мы добавимъ къ этому, что эта мирная славная побѣда русской національной пѣсни служитъ предвѣстіемъ грядущаго культурнаго единенія русскаго народа съ остальной Европой, взаимнаго пониманія и уваженія къ духовнымъ сокровищамъ, хранимымъ каждою націей.

Всею душой присоединяясь къ сегодняшнему торжеству русской пѣсни, пожелаемъ именитому пѣвцу ея „многая лѣта“ и бодрыхъ силъ на продолженіе того великаго дѣла, которое онъ поставилъ цѣлью всей своей жизни.

Кіевлянинъ 10 января 1887 г.: *Д. А. Славянскій и его капелла* (наканунѣ двадцатипятилѣтія). — 7 февраля текущаго года въ Москвѣ состоится празднованіе двадцатипятилѣтія артистической дѣятельности перваго народнаго русскаго пѣв-

ца, Дмитрія Александровича Славянскаго, пользующагося громадною популярностью въ трехъ частяхъ свѣта: въ Европѣ, Азїи и Америкѣ. Наканунѣ этого считаемъ вполне умѣстнымъ отмѣтить наиболѣе выдающіеся моменты изъ жизни виновника торжества, и хоть въ общихъ чертахъ подвести итоги его неутомимой плодотворной дѣятельности на пользу русскаго дѣла въ теченіе четверти вѣка.

Графиня Е. П. Растопчина оказала громадное вліяніе на будущее артистической карьеры Д. А. Войдя въ домъ графини Растопчиной, г. Славянскій познакомился здѣсь со всѣми тогдашними свѣтилами Москвы. Здѣсь всѣ обратили вниманіе на музыкальный талантъ молодаго гусара и предсказывали ему блестящую артистическую карьеру. Подъ вліяніемъ этого, а главное подъ вліяніемъ настойчивыхъ увѣщаній графини Растопчиной, Д. А. рѣшился оставить военную службу и серьезно заняться музыкальнымъ образованіемъ.

Изъ Москвы Д. А. уѣхалъ въ Петербургъ, явился здѣсь съ рекомендательными письмами къ министру Адлербергу, благодаря протекціи котораго былъ принятъ въ Петербургскую театральную школу, гдѣ началъ изучать пѣніе подъ руководствомъ профессора Риччи. Но Д. А. скоро увидѣлъ, что Петербургская школа не можетъ ему дать надлежащей музыкальной подготовки, и у него зародилась мысль о поѣздкѣ въ Италію, куда въ то время стремились для артистическаго усовершенствованія всѣ русскіе пѣвцы, музыканты и художники. Мысль эта была приведена въ исполненіе въ въ 1858 году. Здѣсь Д. А. бралъ уроки пѣнія и теорїи музыки у извѣстныхъ профессоровъ Пополадро и Pietro Romani. Черезъ 6 лѣтъ Д. А. выступилъ въ Италіи на оперной сценѣ и здѣсь сразу обратилъ на себя вниманіе публики и неаполитанскаго короля, наградившаго русскаго пѣвца орденомъ Фердинанда.

Пробывъ нѣкоторое время на итальянской оперной сценѣ, Д. А. возвратился въ Россію и выступилъ передъ русскою публикой въ качествѣ концертанта - солиста. Русская публика восторженными оваціями привѣтствовала молодаго пѣв-

ца, часто, впрочемъ, порицая его за то, что онъ на-ряду съ итальянскими аріями исполнялъ въ своихъ концертахъ русскія народныя пѣсни. 60-тые годы были временемъ наибольшаго увлеченія русскаго образованнаго общества вообще всѣмъ чужеземнымъ, а въ области музыки—т. н. „итальянщиной“; ко всему русскому русскіе того времени относились съ замѣтнымъ пренебреженіемъ и даже нетерпимостью, считая произведенія русскаго національнаго генія достояніемъ „презрѣнной“ толпы. Поэтому понятно, какіе „выговоры“ посыпались со всѣхъ сторонъ образованнаго слоя русскаго общества на пѣвца, рѣшившагося открыто пропагандировать русскую національную музыку. Но, встрѣтивъ недружелюбное отношеніе къ своей завѣтной мечтѣ со стороны высшаго круга русскаго общества, Д. А. нашелъ полную поддержку въ среднемъ классѣ. Когда, при звукахъ русской пѣсни, публика первыхъ рядовъ концертнаго зала пренебрежительно отворачивалась отъ эстрады, въ заднихъ рядахъ и „на верхахъ“ раздавались крики восторга, а по окончаніи пьесы шумные аплодисменты той же части публики щедро награждали артиста.

Д. А. послушался народнаго призыва и рѣшился стойко идти по разъ намѣченному направленію. Здѣсь же у него окончательно созрѣла мысль, внушенная еще графиней Растопчиной, мечтавшей объ объединеніи Славянъ, мысль собиранія русскихъ народныхъ и славянскихъ мотивовъ. Графиня Растопчина, бесѣдуя съ Д. А., не разъ говорила ему: „Пусть въ Вашемъ лицѣ Славяне приобрѣтутъ національнаго пѣвца, и когда, дастъ Богъ, они объединятся, ваше имя не будетъ забыто обще-славянскимъ народомъ“.

И вотъ, въ 1868 году, Д. А. отправляется въ качествѣ концертанта путешествовать по славянскимъ землямъ, но уже не ограничивается исключительно концертами, а начинаетъ записывать національныя славянскія пѣсни. Публика славянскихъ городовъ повсюду восторженно привѣтствуетъ концертанта, устраивая ему торжественныя встрѣчи и проводы, но австрійскія власти, особенно въ Чехіи, всячески старались противодѣйствовать успѣху русскаго артиста, видя въ

немъ яраго пропагандиста панславизма, содѣйствующаго національному возрожденію подвластныхъ имъ народовъ.

Газета Гатиука помѣстила въ статьѣ о празднованіи двадцатицятилѣтняго юбилея Д. А. Славянскаго-Агренева группу его съ семьей, въ русскихъ боярскихъ костюмахъ.

Ревельская Газета, Воронежскій Телеграфъ, Самарская Газета, Новороссійскій Телеграфъ, Саратовскій Листокъ, Пензенскія и Казанскія Губернскія Вѣдомости, Оренбургскій Листокъ, Екатеринбургская Недѣля, Орловскій Вѣстникъ, Варшавскій Вѣстникъ помѣстили на своихъ страницахъ біографію Д. А. Славянскаго, писали о его заслугахъ въ дѣлѣ народной пѣсни, а нѣкоторые изъ газетъ перепечатали статью Н. Ш. изъ № 244 *Московскихъ Вѣдомостей*.

ОТДѢЛЪ V.

ТЕЛЕГРАММЫ И ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ
ЗЕМЕЛЬ.

Бухарестъ.—Приносимъ сердечныя поздравленія именитому пѣвцу русской пѣсни со днемъ двадцатипятилѣтія неутомимыхъ трудовъ на пользу родной музыки.

Отъ Россійской Императорской миссіи въ Бухарестъ.

Яссы.—Славному пѣвцу Славянскому отъ горячо-сочувствующихъ Славянству.

Стефанеско, Бужано.

Браиловъ.—Сердечныя поздравленія юбиляру отъ Болгарскаго кружка въ Браиловъ. Твой сладкій гласъ да развѣва отъ Дринъ до Нева.

Веронъ.

Галацъ.—Искреннія поздравленія многихъ друзей Россіи.

Костуци, Миловановичъ, Кароли, Арндтъ.

Семендрія (въ Сербіи).—Поздравляя, привѣтствуемъ Ваше сегодняшнее торжество. Да дастъ Богъ Вамъ въ полномъ здравіи дожить и до 50-лѣтняго юбилея на славу и пользу всего Славянства. Живіо! Да здравствуетъ славянскій художникъ, народный пѣвецъ Славянскій.

Иосифъ Марковичъ, Прота Драманичъ, Жбановичъ, Николай, Мишичъ, Тодоровичъ, Стефановичъ, Димитривичъ, Лазаревичъ, Георгиевичъ, Оняновичъ,

Бѣлградъ.—Неподражаемому просвѣтителю и распространителю славянской пѣсни сердечныя живіо, слава!

Общество пѣвцовъ Люмиръ въ Бѣлградъ.

Софія.—По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей благословенной дѣятельности по распространенію Славян-

скаго народнаго пѣснопѣнія, приношу Вамъ отъ имени *столчнаго главнаго хора* сердечныя его поздравленія. Живите еще долго на славу и честь Славянскаго міра.

Регентъ Софійскаго пѣвческаго хора *Николай Николаевъ*.

Люблянъ (Лайбахъ).—Славянина-побѣдителя поздравляетъ общество *Словакъ* въ Лайбахъ.

Софія.—Привѣтствую Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ.

Николай Сукнаровъ, бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Президентъ Собранія.

Бѣлградъ.—Честь и слава тебѣ, и дай Богъ тебѣ еще долго водворять русскую пѣсню по славянскимъ землямъ!

Бѣлградскаго пѣвческаго общества предсѣдатель

Тодоровичъ.

Бѣлградъ.—Общество духовнаго пѣнія *Корнелія* чувствуетъ сегодняшнее торжество знатока славянской музыки.

Пиротъ (Сербія).—Единство Славянъ! Славянскій, ура!

Ярошевскій.

Вѣчная слава тебѣ, пѣвцу всего славянскаго міра, пѣсни котораго обновляютъ до тла все обвѣтшавшее и испорченное, не давая ему умереть своею смертію. Ура честнѣйшему артистическому юбилею Дмитрія Александровича, апостола славянскаго единенія!

Тодоровичъ, Цѣнтаевичъ, Санкевичъ, Стояновичъ, Станоевичъ, Кристичъ, Кирковичъ, Среттовичъ.

Загребъ.—Помните ли Вы: „Славянскій славный, какъ хорошо ты жалѣешь!“ Вы жалѣли Славянство и оно возрадовалось Вамъ. Призжайте снова къ намъ жалѣть насъ. Поздравляемъ, славимъ, отъ всего сердца восклицаемъ: да здравствуетъ славный братъ Росъ!

Дежеличъ.

Бѣлградъ.—Великому дѣятелю и неутомимому труженику на полѣ русской и общеславянской пѣсни слава! Искренно желаемъ ему съ тѣмъ же достоинствомъ продолжать на многія лѣта его полезную и знаменательную дѣятельность.

Дамскаго пѣвческаго и музыкальнаго общества
Предсѣдательница *Катерина Миловукъ.*

Бѣлградъ.—Двадцатипятилѣтнему труженику, носителю славянской мысли и славянской пѣсни, Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому приносить поздравленіе съ сегодняшнимъ торжествомъ *Бѣлградская читальня.* Слава тебѣ на многія лѣта!

Секретарь *Стефанъ Бояровичъ.*

Кенигсгрэцъ.—Да ниспошлетъ Вамъ небо силы и здорovie, необходимыя для того, чтобы пройти мирно весь славный путь Вашъ къ цѣли Вашего земнаго странничества, и дать Вамъ насладиться вполнѣ счастьемъ, которое испытываетъ только человѣкъ, положившій свои таланты на служеніе идеѣ и на торжество всего благороднаго и прекраснаго.

Чешско-славянская фабрика музыкальныхъ инструментовъ
В. Ф. Червени.

Сымовья Червени.

Калафатъ (Румынія).—Братскій привѣтъ Вамъ, доблестному труженику на поприщѣ народнаго творчества, дивному пѣвцу русскому! Да сохранить Васъ Всеблагій на многія лѣта! Пусть еще на долгіе годы чудные звуки Вашей могучей пѣсни во славу великаго народа Русскаго и всего Славянства, раздаваясь во все концы свѣта, возвышая и укрѣпляя духъ вѣры, любви слушателей, послужать лишнимъ звеномъ братскаго согласія и соединенія Славянъ.

Митрополитъ Виддинскій *Аноимъ.*

Пироть (Сербія).—Усерднѣйше привѣтствую изъ этой земли Вашъ торжественный юбилей двадцатипятилѣтней дѣятельности, полной успѣха. Надѣюсь, что весь Славянскій міръ

пойметъ его высокое значеніе и постигнетъ, что никто не въ состояніи такъ сблизить, примирить и сгладить историческія недоразумѣнія и предрассудки и скрѣпить вѣковыми узами Славянскій міръ съ Русскою землею, какъ истинная народная пѣсня, полнымъ и удивительнымъ апостоломъ и представителемъ которой являетесь Вы, Дмитрій Александровичъ, съ семействомъ.

Петрановичъ.

Люблянъ.—По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей артистической дѣятельности, которою Вы создали во всемъ мірѣ славу славянской пѣснѣ, громко восклицаемъ изъ Славянской окраины: „Слава на многая лѣта!“

Комитетъ Словенскаго народа.

Прага.—Славному русскому пѣвцу — Славянскому-Агрневу посылаемъ артистическое поклоненіе и наши благожеланія всѣмъ участникамъ этого юбилея славы, собраннымъ въ Москвѣ, и восклицаемъ изъ далекой Чехіи хвалебное многая лѣта всѣмъ братьямъ.

Общество пѣнія въ Прагѣ, Глаголь.

Германуй (станція желѣзн. дор. между Филиппополемъ и Адрианополемъ).—Смиренно присоединяю свои теплыя молитвы къ Богу къ чествующимъ Васъ Славянскимъ племенамъ, празднующимъ юбилейное торжество Вашего двадцатипятилѣтняго служенія на артистическомъ поприщѣ. Приветствую Васъ усердными благопожеланіями.

Левкійскій епископъ Гервасій.

Вѣна.—На прославленіе Славянскаго, котораго сердечно величаемъ и превозносимъ на славу и многая лѣта.

Славянская бесѣда въ Вѣнѣ.

Бѣлградъ.—Отъ имени Общества Краснаго Креста приветствую двадцатипятилѣтній юбилей славнаго пѣвца Славянскаго.

Предсѣдатель Симиць.

Прага.—Любители русскаго пѣнія искренно поздравляютъ со днемъ торжества Русскаго орла, героя великой Славянской семьи.

Мразъ.

Прага, „Николь“. — Поздравленіе Славянской Праги тому, кто работаетъ на славу Славянства и на радость всего чело-вѣчества. Многая лѣта!

Артистъ народнаго театра, предсѣдатель
Общества Чешскихъ актеровъ, *Слуковъ.*

Хрудимъ. — Народная слава о славянскихъ витязяхъ гре-мить во всемъ цивилизованномъ мірѣ. А между этими вита-зиями нынѣ первое мѣсто принадлежитъ Вамъ. Слава Вамъ!

Литературное общество „Славои“.
Пѣвческое общество „Славои“.

Вѣна.—Слава Вамъ, Русскій Баянъ, слава русской пѣснѣ, слава русскому имени и святой Россіи.

Русское Академическое Общество *Буковина.*

Люблина.—Побѣдителю на полѣ музыки, исполнителю на-родной пѣсни, прославителю Славянскаго имени—слава! Тор-жество Твое—торжество Славянскаго міра.

Грудичъ.

Львовъ. — Поздравляю пѣвца Славянства на зарѣ новой жизни!

Гофманъ.

Бѣлградъ.—Достойнѣйшему господину Славянскому честь и слава на долгіе годы. Живите!

Сивичъ.

Бѣлградъ. — Сердечно поздравляемъ Васъ, какъ родного пѣвца всѣхъ славянскихъ народностей.

Бывшій министръ *Васильевичъ.*

Софія.—Искреннія поздравленія отъ друзей.

Николаевичъ, Пашичъ, Мильско.

Загребъ.— На прославленіе всего Славянскаго міра, на славу родины, на радость и гордость сыновъ Славянства — да здравствуйте!

Коль.

Пильзень.—Вы разнесли по свѣту наши славянскія пѣсни. Мы любимъ и славимъ Васъ.

Тиль.

Пардубице (Богемія).— Поздравляемъ, славный панъ Славянскій, и радуемся Вашему славному юбилею.

Людмила.

Вуковаръ.— Примите сердечныя поздравленія отъ нашего общества.

Имекъ.

Вуковаръ.— Старому другу нашего дѣла славянскаго, пѣвцу славянскихъ пѣсенъ, отъ нашего кружка слава съ поздравленіемъ.

Гедеоновичъ.

Сомборъ.— Дивныя звуки Ваши, нѣкогда раздававшіеся среди насъ, пусть снова огласятъ земли Вашихъ братьевъ. Славянскій, мы ждемъ тебя!

Костицъ.

Любляна.— Пусть не смолкаетъ пѣснь твоя у насъ, а, раздаваясь на весь міръ, заявляетъ сосѣдямъ о нашей силѣ.

Дежелличъ.

Габрово.— Женская духовная обитель поздравляетъ Васъ, вспоминая Ваше дивное здѣсь пѣніе въ храмѣ.

Загребъ.— Поздравляемъ. Привѣтъ дорогому Славянскому!

Влесковичъ.

Тырново.—Поздравляемъ со славнымъ юбилеемъ Вашимъ.
Слава, слава всеславянской пѣснѣ.

Марковъ.

Прага.—Посылаемъ искреннія поздравленія Славяно-Русскому излюбленному пѣвцу.

Русскій Кружокъ.

Нумбрукъ.—Поздравляемъ драгоцѣннаго славянскаго пѣвца, славу и гордость славянскаго міра. Слава!

Общество (Шahol) *Глаголь.*

Семендрія.—Величаемъ, прославляемъ славнаго всеславянскаго пѣвца.

Петръ Марковичъ.

Дубровникъ (Далмація).—Славному другу Славянства, а также лично моему, хвала, честь и поздравленіе съ достойной двадцатипятилѣтней дѣятельностью, любой всему Славянству.

Матвій Банъ.

Зара (Далмація).—Поздравляю вмѣстѣ со всѣми друзьями Славянства, повторяю сказанное въ Бѣлградѣ: „Привѣзжайте, донесемъ на рукахъ“.

Анатолічъ (инженеръ).

Калинь (Богемія).—Отъ имени многихъ поздравляю славнаго Славянскаго.

Добрословъ.

Любляна (Лайбахъ).—Издалёка по разстоянію, близгіе по сердцу—шлють привѣты.

Хрибиръ.

Загребъ.—Мы любимъ тебя любовью братской, и братски протягиваемъ тебѣ руку. Продолжай свой честный и благотворный трудъ.

Дежелічъ.

Вуковарь.—Помнят Васъ всё здѣсь и радуются Вашему неуклонному пути по тропѣ славянской правды.

Влайковичъ Гедѣовичъ.

Пардубицы.—Поздравляю съ двадцатипятилѣтнемъ вашей народной службы, оцѣненной родиной и Славянствомъ.

Першитинъ.

Кроловъ.—Искреннѣйшія привѣтствія славному юбиляру.

Славянъ.

Ольмуць (Моравія).—Давно не слыхали мы Васъ, но пѣсня Ваша живетъ въ нашихъ сердцахъ, какъ первое слово надежды на будущее.

Жеротинъ.

Хрудимъ.—Отъ всего сердца привѣтствую Васъ по случаю юбилея.

Гладекъ.

Вѣна.—Сердцу всякаго истиннаго Славянина близокъ успѣхъ Вашего народнаго дѣла: не пѣсню народную поете Вы, а перелистываете страницы исторіи Славянства.

Живаю.

Пильзенъ.—Нѣжно поете Вы, но сильно затрогиваете сердца: правды много говоритъ Ваша пѣсня. Слава Вамъ, славный юбиляръ!

Миланъ Количъ.

Симаковъ (Сербія).—Поздравляю достойнаго народнаго пѣвца.

Инатій Рылицкій.

Ольмуць.—Дружескіе привѣты артисту славянской пѣсни.

Глянекъ, Голейшовскій, Холубекъ.

Граць.—Сердечно поздравляю достойнаго юбиляра.

Невелинъ.

Брюнъ.—Театральные артисты привѣтствуютъ собрата.

Кутна-Гора.—Общество *Тиль* привѣтствуетъ народнаго славянскаго пѣвца, чья его полезная и симпатичную дѣятельность.

Кралове.—Честь достойному пѣвцу, прославившему наши родные славяно-русскіе звуки на весь міръ!

Колекъ.

Пильзенъ.—Общество *Глаголъ* поздравляетъ юбиляра и съ братскою любовью привѣтствуетъ его торжество.

Колинъ.—Радуюсь торжеству славянской мелодіи, шлемъ привѣты ея возстановителю и разносителю.

Общество *Доброславъ.*

Львовъ.—Привѣтствую пѣвца всѣхъ Славянъ!

Симеоновичъ.

Брюнъ.—*Чешская Бесѣда* привѣтствуетъ дорогаго народнаго артиста, почитаемаго за роднаго всѣми Славянами.

Ольмюць.—Радуется, что славянская и русская пѣсня раздалась и прошли триумфально по всему свѣту. Слава пѣвцу Славянскому!

Д-ръ Пиптихъ, Галекъ.

Загребъ.—Старому другу и славному артисту, славянскому любимцу-пѣвцу, слава на вѣки!

Вашатный, Галлий.

Прага.—Чествуетъ пѣвца Славянскаго, какъ брата и вѣрнаго друга, и художника

Чешско-Славянская *Еднота.*

Теплицъ.—*Чешская Бесѣда* привѣтствуетъ Славянскаго пѣвца и желаетъ ему дальнѣйшей полезной дѣятельности.

Пардубице.—Общество *Людмила* поздравляетъ народнаго пѣвца и шлетъ ему искренніе привѣты.

Самоковъ—(чрезъ А. П. Хитрова).—Привѣтствіе славянскому пѣвцу отъ ректора духовнаго училища

Рыльского.

Вѣна.—Далекіе отъ родины, но близкіе къ ней сердцемъ, не можемъ не отличнуться родному симпатичному празднику Вашего четверть-вѣковаго служенія музыкальнымъ богатствамъ родины.

Лосевъ, Королевъ.

Броды.—Привѣтствую русскаго народнаго пѣвца.

Комарницкій.

Милостивая Государыня!

Извѣщая Васъ о полученіи нотъ, считаю долгомъ заявить, что Его Королевское Величество придаетъ полное значеніе и даетъ достойную оцѣнку празднованію въ честь г-на Славянскаго въ Москвѣ. Е. В. Королева приказала мнѣ выразить Вамъ Ея благодарность и поздравленія.

Прошу и отъ меня принять таковое же.

Министръ Двора Е. В. Короля Сербіи,
Полковникъ С. Янковичъ.

Бѣлградъ (Сербія).

3 мая (22-го апрѣля) 1887 года.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Ея Величество Королева Сербская Наталія не желаетъ дать пройти Вашему юбилею безъ того, чтобы не присоединить Ея поздравленія ко всѣмъ тѣмъ, которыя Вы получаете отъ музыкальнаго и другихъ обществъ. Та хорошая память, которую Вы оставили по себѣ посреди насъ, со времени Вашего короткаго пребыванія въ Бѣлградѣ, слѣшкомъ хорошо

врѣзалась въ сердца наши, таѣ что всѣ тѣ пожеланія, которыя я приношу Вамъ сегодня отъ имени моей Августѣйшей повелительницы, суть только слабый отголосокъ Ея къ Вамъ чувства уваженія и поклоненія. Да живите еще долго и въ добромъ здоровьи, пользуясь всѣми дарами высшими, окруженный благоденствіями, на славу Вашей страны и на процвѣтаніе чудной русской музыки.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе и моихъ къ Вамъ чувствъ глубокаго уваженія, поклоненія, вмѣстѣ съ поздравленіями.

Статсъ-дама Ея Величества Королевы Сербской

Бозилька Лешинина.

Бѣлградъ (Сербія).

23-го апрѣля 1887 года.

Любезнѣйшій

Дмитрій Александровичъ!

Пользуясь удобнымъ случаемъ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія отъ Комитета по устройству двадцатипятилѣтняго юбилея, которымъ чествуются неутомимые подвиги Ваши на поприщѣ артистическаго пѣснопѣнія на пользу Славянскихъ племенъ и святой нашей православной Церкви, спѣшу симъ скромнымъ письмомъ высказать о моей къ Вамъ преданности и моихъ смиренныхъ молитвованіяхъ по случаю юбилейнаго праздника Вашего и Вашего Богодарованнаго семейства. Благоволите принять эти прочувствованныя душою и сердцемъ поздравленія и уваженіе мое къ Вамъ, Ваше Высокородіе.

Любезнѣйшій мой Дмитрій Александровичъ! Идущіе изъ глубины сердца и души моей добрыя пожеланія должны убѣдить Васъ, что я преисполненъ истинною радостію и душевнымъ веселіемъ по поводу благоприятнаго извѣстія о Вашемъ торжествѣ. Честь и слава великой Россіи, которая родитъ подобныхъ Вамъ сыновъ.

Честь и слава Русскому братскому намъ народу, въ рядахъ котораго есть люди, подобные Вамъ, столь полезные

Славянскому міру. Хвала святой православной Церкви, которую радуете и которой веселите ея духовныхъ чадъ, воспѣвая службу Богу, Царю небесному, ниспосылающему душевныя силы и тѣлесныя крѣпости Вамъ и Вашему многочисленному пѣвческому хору. Простите, что издалека не могу прислать другаго подарка, кромѣ моего портрета; прошу принять его на память въ Вашъ праздникъ.

Послѣ всѣхъ выраженныхъ чувствъ въ настоящемъ письмѣ, смиренно молю Бога и Пресвятую Богородицу, да дадутъ, да ниспошлютъ Вамъ долголѣтнюю счастливую жизнь, Вашей супругѣ и Богодарованнымъ чадамъ Вашимъ.

Епископъ Левкійскій *Гervasій*.

Хармоній (близъ границы Адрианополя).

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Въ теченіе двадцатипятилѣтней Вашей полезной дѣятельности, услуги, оказанныя Вами не только одной Россіи, но и славянскимъ народамъ, всѣмъ извѣстны.

Между богатымъ собраніемъ Вашихъ композиторскихъ мелодическихъ напѣвовъ достойное мѣсто занимаетъ и напѣвъ героической Черногоріи.

Мнѣ очень пріятно, что могу прислать Вамъ сердечное привѣтствіе по случаю Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея. Прошу Господа, да продлитъ Онъ Вашу жизнь на пользу всего Славянскаго міра.

Присылая Вамъ Архіерейское благословеніе, съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь Вашего Высокородія смиренный молитвенникъ

Митрополитъ Черногорскій *Митрофанъ*.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Великіе художники, какъ и всѣ вообще великіе народныя дѣятели, посвящая всецѣло себя благу своего народа, тѣмъ

самымъ имѣютъ полное право на любовь и признательность его. Вы же, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, собирая и обрабатывая народные мотивы въ народныхъ пѣсняхъ, и силою народнаго гения, чарующаго въ Васъ, оживотворяя могущество народнаго духа не только Русскаго, но и общеславянскаго,—тѣмъ самымъ получили полное право на любовь и благодарность всѣхъ Славянъ.

Москва, сердце Россіи, въ данномъ случаѣ служить отголоскомъ сердца всего Славянства. Она передаетъ Вамъ лавровый вѣнокъ въ день Вашего двадцатипятилѣтняго служенія Россіи и Славянству. Къ этому неувядаемому вѣнку позвольте и мнѣ прибавить одинъ листокъ—мое глубочайшее уваженіе и искреннюю отъ всего сердца благодарность за труды Ваши и то словами невыразимое удовольствіе, которое во мнѣ всегда воспроизводило Ваше чудесное исполненіе русскихъ и общеславянскихъ мотивовъ. Дай Богъ дожить Вамъ до 50-лѣтняго юбилея, такого же могущественнаго и славнаго, каковъ и теперешній, поднявшій всю Русь необъятную со всѣмъ міромъ Славянскимъ воздать достойному пѣвцу достойную славу.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и истинною преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашъ покорнѣйшій слуга

Придворный протопресвитеръ *Іаковъ Павловичъ*.

Бѣлградъ, 20-го апрѣля 1887 года.

Милостивая Государыня

Ольга Христоворвна!

Долгъ преданности къ Вамъ и Вашему доблестному супругу обязываетъ меня по отношенію къ Вамъ, доставившимъ мнѣ исполненіемъ русскихъ и славянскихъ пѣсень истинное и невыразимое удовольствіе и душевное наслажденіе, просить Васъ принять мое поздравленіе въ незабвенный день славы двадцатипятилѣтія Вашего доблестнаго мужа, которому Вы до-

стойно содѣйствовали на возвышенномъ и славою увѣнчаномъ поприщѣ его русской и общеславянской дѣятельности.

Придворный протоіерей Ея Величества Королевы
Сербской *Павловичъ*.

Бѣлградъ (Сербія).

Достоважаемый Дмитрій Александровичъ!

Въ бытность мою и Вашу въ здѣшнемъ городѣ Тырновѣ въ 1884 году, я имѣлъ честь тамъ, на Мариномъ полѣ, въ присутствіи бывшего Болгарскаго князя, видѣть Васъ и послушать Вашъ хоръ, восхищающій славянскими пѣснями преданную Славянству душу. Неизгладимое изъ памяти событіе подыскивало случая высказать мое сочувствіе къ Вамъ, и вотъ я дожилъ до этого случая. Двадцатипятилѣтній юбилей Вашъ на народно-артистическомъ поприщѣ даетъ мнѣ возможность присоединиться къ цѣнителямъ Вашихъ заслугъ Славянству, вообще, на семь поприщѣ. Моля Всеблагаго и жизнедателя Творца, да ознаменуетъ Ваши заслуги Славянству Вашею многолѣтнею жизнію, при цвѣтущемъ Вашемъ здоровьи, съ достойнымъ почитаніемъ и святительскимъ благословеніемъ привѣтствую я Васъ съ днемъ двадцатипятилѣтняго Вашего юбилея на поприщѣ народно-артистическомъ.

Примите, Милостивый Государь, сіе искреннее мое привѣтствіе и сердечное желаніе, и позвольте мнѣ быть навсегда Вашимъ усерднымъ богомольцемъ.

Бывшій Охридскій Митрополитъ *Наванаилъ*.

Ловча, 11 апрѣля 1887 года.

Славному Комитету по устройству юбилея Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго.

Слава пѣснопѣнію излюбленнаго нашего Баяна, которому мы такъ радовались, ибо онъ возбуждалъ въ насъ чувства славянскаго братства, величественно возвышая тѣмъ блестящее имя великой и славной Россіи. Сердцемъ и душою уча-

ствуемъ въ торжествѣ въ честь и прославленіе дѣятельности во славу подвиговъ нашего возлюбленнаго Славянина.

Благородная миссія Славянскаго дѣлаетъ ему честь и приноситъ пользу Славянству, за что отъ сердца восклицаемъ:

Слава Дмитрію Славянскому!

Никола Коле-Рашичъ.

Нвшъ.

Я, да и многіе, были бы счастливы, еслибы могли быть свѣдѣтелями искреннихъ овацій и торжествъ незабвеннаго праздника героя всего Славянства.

Иосифъ Мразъ.

Прага (Карлзъ).

Достославный Господинъ!

Не такъ давно то время, когда чешскіе граждане нашей золотой славянской Праги любовались чарующими пѣснями Боговдохновеннаго пѣвца, и не забудутъ члены Besedy Mestauske „Prasse“ тотъ торжественный вечеръ, когда на нашей землѣ раздавался глаголь прекрасной славянской пѣсни, которою покорены были помыслы всѣхъ присутствовавшихъ. Къ концу двадцатипятилѣтней дѣятельности да увѣнчаются труды Ваши тѣмъ, чтобы народная славянская пѣснь заняла почетное мѣсто въ царствѣ музыки, чтобы чувствительная пѣснь деревенской хаты стала бы хозяйкой и въ палатахъ вельможи, чтобы весь свѣтъ узналъ прелесть, кроющуюся въ пѣснѣ Славянъ! А блестящіе результаты, полученные отъ трудовъ Вашихъ, да послужатъ Вамъ утѣшеніемъ, съ которыми Вы можете припоминать прошедшіе дни.

Примите, достойнѣйшій Дмитрій Александровичъ, въ день Вашего торжества лучшія благопожеланія нашего общества, припоминающаго пребываніе Ваше въ золотой Прагѣ. Живите Вы еще много лѣтъ, укрѣпляемые великою мыслию и трудами, которые составляютъ прекрасную цѣль Вашей жизни! Если когда-нибудь залетятъ Ваши воспоминанія въ страну братскаго чешскаго народа, въ стоглавую Прагу, вспо-

мните о нашемъ обществѣ, у котораго не выходитъ изъ памяти Ваше пребываніе.

Совѣтъ Пражской городской Бесѣды.

Славный Мужъ!

Пребываніе Ваше въ Прагѣ произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ насъ и оставило въ насъ неизгладимое воспоминаніе. Въ день Вашего торжества мы шлемъ Вамъ отъ имени Чешскаго студенчества самыя лучшія благопожеланія. Лучшія произведенія славянской пѣсни и литературы, заставляющія Западъ признавать славянскую народность, — Вы восполнили и украсили! Вы, славный мужъ, одинъ изъ тѣхъ передовыхъ бойцовъ, которые начали хотя и тяжелую культурную борьбу, но за то заслуживающую высокаго уваженія и, во всякомъ случаѣ, побѣдную.

Это начало, которымъ проникнута Ваша дѣятельность, обязано своимъ существованіемъ Вашимъ личнымъ трудамъ; тѣмъ не менѣе, лучшія проявленія Вашей дѣятельности рекомендуютъ народъ, къ которому Вы принадлежите, и который столь близокъ нашему сердцу.

Академическое Студенческое Общество.

Прага.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Ваша двадцатипятилѣтняя дѣятельность, какъ художника и патріота, приобрѣла Вамъ много почитателей и виѣ предѣловъ пространнаго царства Русскаго. И въ Сербіи—этомъ славянскомъ югѣ, гдѣ не разъ были слышны чудесные звуки Вашего замѣчательнаго хора, Вы имѣете искреннихъ друзей, которые посылаютъ Вамъ братское привѣтствіе въ день Вашего юбилея, двадцатипятилѣтняго успѣшнаго служенія великой славянской идеѣ духовнаго единства.

Примите, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, наши братскія привѣтствія вмѣстѣ съ искреннимъ желаніемъ: да

даруетъ Господь Вамъ долготу дней для осуществленія тѣхъ славянскихъ задачъ, которымъ такъ успѣшно содѣйствуетъ Ваша художественная дѣятельность.

Ваши сербскіе друзья:

*Иванъ Ристичъ, А. Василевичъ, Стоян
Бошковичъ, Јован Авакумовичъ, Тарновичъ.*

Бѣградъ, 20 апрѣля 1887 г.

Милостивый Государь

Дмитрій Александровичъ!

Поздравляю Васъ со днемъ Вашего юбилея двадцатипятилѣтней дѣятельности на народно-артистическомъ поприщѣ, и желаю Вамъ полного признанія Вашихъ неоспоримыхъ заслугъ въ исполненіи русскихъ народныхъ пѣсень, которымъ Вы посвятили всю свою жизнь. Дай Богъ вамъ еще многая лѣта въ полномъ здоровьи дѣйствовать на славу русской пѣсни и Русскаго народа, и дожить до полного успѣха всеславянскаго объединенія въ духѣ братской любви!

Благодарю Васъ, добрѣйшій Дмитрій Александровичъ, за память, за приглашеніе къ Вашему юбилею и за почетный билетъ, полученный мною вчера черезъ г. Мраза. Жалѣю только, что мнѣ нельзя имъ воспользоваться и лично присутствовать на торжественномъ актѣ Вашего юбилея въ дорогой мнѣ Бѣлокаменной и хлѣбосольной матушкѣ-Москвѣ.

Кланяюсь Ольгѣ Христофоровнѣ и всему Вашему семейству. Обнимаю и цѣлую Васъ.

Искренно Вамъ преданный

Профессоръ Пражскаго Университета

О. Колларъ.

Прага, 3 апрѣля 1887 г.

Собирателю и исполнителю русскихъ и, вообще, славянскихъ пѣсень и напѣвовъ, великому общественному артисту-дѣятелю русскаго народнаго творчества и пѣвцу всѣхъ славянскихъ мелодій, воспѣвателю славы Россіи, знаменитому

русскому патриоту-гражданину, Дмитрію Александровичу Агреневу-Славянскому, въ день торжественнаго празднованія его двадцатипятилѣтняго юбилея шлеть свои чествованія удивленный, восторженный и очарованный его слушатель въ городѣ Софіи, уважающій его цѣнитель, Софійскій гражданинъ

Дмитрій Димовъ.

Софія, 15 апрѣля 1887 г.

Достославный Господинъ!

Совѣтъ Умелецкой Бесѣды въ Чешской Прагѣ единогласно призналъ необходимымъ заявить Вамъ въ день Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея сердечныя расположенія. Да дастъ Вамъ Богъ много и много лѣтъ разносить на удивленіе міру славянскія пѣсни и покорять недруговъ Славянскаго народа. Мы, Чехи, сохранили о Васъ лучшія воспоминанія.

Умелецкая Бесѣда въ Прагѣ.

Докторъ *Янъ Строчакъ*, докторъ *Антонъ Болгаръ*.

Прага, 4 апрѣля 1887 г.

Благородный Господинъ!

Минуло двадцать пять лѣтъ, какъ Вы прославляете Русскій народъ, разнося его дивныя пѣсни за предѣлы своего отечества! Просвѣщайте и тѣ народы, которые стремятся закрыть сіяющій ликъ Славянской нашей матери покровомъ варварства, знакомя ихъ съ чудными славянскими пѣснями, заставляя и на этомъ полѣ Востока свѣтитъ солнце. И наше хорватское общество пѣнія „Коло“ братски привѣтствуетъ симпатичную и заслуженную Вашу дѣятельность, и радуется вмѣстѣ съ остальными братскими народами блестящимъ успѣхамъ, которые сопровождали Вашъ каждый шагъ во всей Европѣ на пути прославленія русской пѣсни. Присоединяясь къ чествованію Русскаго народа и безчисленнымъ Вашимъ почитателямъ, хорватское „Коло“ издалека привѣтствуетъ Васъ: Живіо на многія лѣта! Дай Богъ еще долго продол-

жать Вамъ благотворную дѣятельность, какую прославляетъ не только Русскій народъ, но мы, какъ его единокровные братья—дѣти одной матери! Мы сочувствуемъ всякому движенію Вашего сердца. „Ваша радость—наше веселіе, Ваша печаль—наше горе!“ Къ этому привѣтствію присоединяемъ еще одно желаніе: да дастъ намъ Богъ видѣть Васъ въ нашемъ бѣломъ Загребѣ и здѣсь поздравить. На торжествѣ Вашемъ въ Москвѣ представителемъ нашимъ будетъ профессоръ Малинаричъ, такъ какъ изъ Загреба за далью разстоянія выслать представителя невозможно.

Общество „Коло“ въ Загребѣ.

Докторъ *Пребекъ—Танекъ.*

Загребъ, 4 апрѣля 1887 г.

Милый нашъ братъ

Дмитрій Александровичъ Славянскій!

Благодарю Васъ отъ сердца, что не забыли меня въ день годовщины Вашего двадцатипятилѣтняго служенія; я былъ далеко отъ Черногоріи и лишь 31 мая (старого стиля) получилъ это извѣщеніе и, какъ братъ, возрадовался. Ваша дѣятельность плодотворна для единства Славянъ. Пѣсни Ваши соединяютъ племена Славянскія и одушевляютъ сердца ихъ духомъ единства и величія Славянъ. Вы сѣете сѣмя, изъ котораго въ будущемъ выростетъ славянское дерево, подъ сѣнью котораго свободно и здраво разовьются Славянскія племена—намъ на радость, врагамъ на страхъ! Ваша слава—есть наша слава! Восклидаю отъ сердца: да здравствуетъ долгіе годы и счастливо нашъ славянскій братъ, Дмитрій Александровичъ Славянскій! Живіо и пой многія лѣта, во славу Бога нашего, Царя нашего и великаго племени, Славянству нашему. Братски поздравляю.

Священникъ *Миланъ Джурджичъ.*

Цетиње, 1 Юня 1887 г.

Посылаетъ поздравленіе юбиляру любящій русскій народъ.

Симеонъ Спасицъ.

Смидерево (Семендрія).

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ.

Изъ газетъ узналъ о блестящихъ Вашихъ успѣхахъ. Спѣшу поздравить Васъ и сердечно желаю, чтобы успѣхи эти зажали ротъ тѣмъ завистникамъ, которые во всемъ ищутъ матеріала для злословія.

Всѣ поклонники русской пѣсни сердечно поздравляютъ и ждутъ извѣстія о новыхъ триумфальныхъ побѣдахъ.

Глубокоуважающій Васъ за Вашу дѣятельность артистъ

Г. Музыкально.

Яссы (Румынія).

Мнѣ жаль тебя....

Slavjanski slavni, koj „žališ milo“,
Žali oj's Rusi narod hervatski:
On bi te rado primio bratski,
Gvozdje da nije ruke mu zbito!

Kazuj nam braći: „tiransvo tlaći
Braću Hrvate, što su Slaveni,
Sudba ih gorka, pritisten k stieni
Pomožite braćo! da budu jaći“....

A kad se vratiš medj nas slobodne,
Živit ćeš braco! ko u svom domu;
Za se unapred radujem domu,
Jer ćeš mi vratit dane ugodne.

Tvoj odani poštovatelj *Gj. Deželčić.*

U Zagrebu.

Ко дню юбилея были получены изъ Праги:

Поздравленіе г. *Напрстака* съ приложеніемъ большаго альбома съ видами Праги и музея г-на *Напрстака*.

Отъ *Народнаго театра* описаніе исторіи его со дня основанія, съ приложеніемъ большаго альбома съ 50-ю рисунками видовъ театра.

Отъ почитателей книги „*Cesky narodni Poklad*“.

Визитныя карточки съ поздравленіями и привѣтствіями отъ *Чернева* (изъ Сисова), *Ильи Семеоновича* (изъ Тырнова), *Стефана Вадскаго* (изъ Габрова), *Ивана Карлосколя* (изъ Варны); *Дьлвоза* (изъ Софіи), *Добрянскаго* (изъ Вѣны).

Получено поздравленіе чрезъ митрополита Сербскаго Михаила отъ *Божидора Петровича* (изъ Цетинье), и личное, въ день юбилея, отъ *Іоанна Пановиць Липовецъ* (адъютанта князя Николая Черногорскаго).

Южное Славянство

Г. Дмитрію Славянскому-Агреневу.

Русская пѣвческая народная капелла посѣщаетъ Берлинъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Мюнхенъ, наконецъ Прагу, не давая возможности слышать себя въ Бѣлградѣ, Аграмѣ, Люблинѣ и т. д.

Сочувствія ожидаемъ мы отъ Васъ, братья Славяне, посѣтите и насъ, южныхъ Славянъ, *безпрепятственно хотя однажды*, дабы и мы могли радоваться Вашимъ чуднымъ героическимъ и національнымъ пѣснямъ, которые даже Германцевъ приводили въ восторгъ.

Однако, еслибы мы и не стояли, можетъ быть, того, что стоятъ наши германскіе сосѣди, зато въ насъ есть національный духъ, пробудившійся и возставшій изъ мрачной могилы, а вмѣстѣ съ національнымъ духомъ пробудился и музыкальный смыслъ. Потрудитесь же убѣдиться, что мы, какъ сосѣди музыкальных Нѣмцевъ и Итальянцевъ, идемъ уже по пути прогресса и самознанія, и безъ всякаго сомнѣнія, утвердительно можемъ сказать, что оцѣнимъ Ваше исполненіе не только также достойно, но и гораздо достойнѣе, чѣмъ Нѣмцы.

Отъ Вѣны до Будапешта всего не больше, какъ 7-ми часовое

разстояніе, въ Венгріи живеть много Славянъ, да и, кромѣ того, весьма возможно, что и высокоумные Мадьяры увлеклись бы никогда неслыханными русскими молодіями.

Пустая надутость Мадьяръ превышаетъ всѣ границы возможнаго, и поэтому все возможно!...

Наши музыкальныя и національныя сокровища еще въ младенчествѣ, и было бы не *по братски*, еслибы Вы отказали намъ въ обмѣнѣ Славянскихъ сокровищъ и чувствъ, въ радости Васъ слышать и въ неожиданной сердечной взаимности. Вѣдь все отъ Васъ нашло бы прямую дорогу и къ нашимъ сердцамъ, когда и въ Германіи Вы оставили неизгладимо пріятное воспоминаніе.

Просимъ Васъ предпринять артистическое путешествіе, которое не исключитъ и южно-славянскихъ земель, и въ случаѣ, еслибы препятствіемъ къ Вашей артистической поѣздкѣ къ южному Славянству оказалась въ высшей степени тупоумная политическая трусливость, мы бы утвердили доказательство всѣхъ доказательствъ, что можно невинными пѣснями разрушить свѣтъ.

А такой свѣтъ, съ такими признаками—карточный домъ!...

А такъ какъ твердому, какъ каменная стѣна, и вѣрному своими убѣжденіями, южному Славянству такого упрека сдѣлать нельзя, то Вашему артистическому плану и не должно быть препятствія, — а, напротивъ, скорѣе оно вызоветъ продолжительные: Живіо! во всѣхъ южно-славянскихъ земляхъ. Ура! ура! ура!...

Газета *Политикъ* въ Прагѣ очень распространена у насъ, и мы просимъ отпечатать въ ней Вашъ путевой планъ къ южнымъ Славянамъ.

Отвѣтъ Южному Славянству!

Духъ мой, сердце и желанія среди Васъ... но крылья мои подвязаны.

Когда я въ прошломъ году былъ въ Бѣлградѣ, представились ко мнѣ различныя славянскія депутаціи изъ Панчова, Новаго Сада и др. мѣсть и приглашали меня пріѣхать къ

нимъ съ моею народною русскою капеллою, чтобы я передалъ имъ понятными имъ братскими звуками наши русскія пѣсни,—но постороннія причины не допустили меня исполнить мое сердечное желаніе.

Во всякомъ случаѣ, я не оставляю своего искренняго желанія опять посѣтить Южное Славянство, всѣ тѣ мѣста, гдѣ еще въ 1868 г. я такъ прекрасно былъ принятъ, и гдѣ имѣю столько сердечныхъ друзей. Думаю увидаться съ Вами весною 1886 г. и сирѣпить наши братскія узы любви.

До свиданія, до скорого свиданія!

Д. Славянскій-Агреньевъ.

ОТДѢЛЪ V.

АНГЛІЯ.

Телеграммы, письма и привѣтствія.

Виндзоръ.—Ея Величество Королева Викторія поздравляетъ г. Славянскаго-Агренева съ празднованіемъ двадцатипяти лѣтія его артистической дѣятельности.

Отъ Ея Величества Королевы Викторіи.

Лондонъ.—Шлемъ самыя искреннія поздравленія.

Лордъ *Кильморэ*, графиня *Кильморэ*.

Райда.—Шлютъ юбиляру привѣты и поздравленія.

Генераль и генеральша *Уокеръ*.

Лондонъ.—Лучшія мои пожеланія Вашему юбилею.

Директоръ Королевскаго театра Друриленъ

Августъ Harris.

Лондонъ.—Сердечно поздравляю г. Славянскаго, съ которымъ знакомство въ Лондонѣ, въ церкви и въ домѣ архіепископа, мнѣ доставило столько удовольствія. Присоединяю и мои лучшія Вамъ пожеланія. Посылаю фотографическую карточку.

Капелланъ архіепископа Кентрберійскаго

Монтелю Фаулеръ.

Лондонъ.—Многіе изъ придворныхъ артистовъ просятъ передать Вамъ ихъ поздравленія по случаю двадцатипяти лѣтняго Вашего праздника.

Кіюзенсъ.

Лондонъ.—Просимъ г. Славянскаго принять наши искреннія поздравленія по случаю торжественнаго празднованія

его юбилея, и желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ какъ ему, такъ и его симпатичному и очаровательному семейству.

Придворный директоръ музыки

В. Кіузенсъ, Луиза Кіузенсъ.

Лондонъ.—Привѣтъ Вамъ, знаменитый артистъ.

Театръ Альгамбра. *Руфъ Лоскъ.*

Лондонъ.—Сердечныя привѣтствія и юбилейныя поздравленія знаменитому русскому артисту.

Ральстонъ, Векслеръ (піанистъ), Уэрдъ (органистъ), Аву-стинъ, миссъ Сооръ, мистриссъ Рабстонъ-Руудъ, Карлъ Блоодъ.

Лондонъ.—Привѣтствуемъ юбиляра.

Р. Вайтанъ, Б. Лейтонъ, С. Уолькопъ.

Ричмондъ.—Истинное наслажденіе доставили Вы всѣмъ намъ. Привѣтствуемъ.

Джонъ Чертесъ, Леди Вересъ.

Лондонъ.—Привѣтъ, воспоминаніе, ожиданіе, свиданіе.

Кларкъ.

Лондонъ.—Поздравляемъ достойнаго Славянскаго.

Бловицъ, Каткаръ.

Лондонъ.—Хорошіе моменты дали Вы вашимъ слушателямъ. Какъ забыть Васъ?

Издатель *Ф. Хилинсъ.*

Лондонъ.—Искренно поздравляю народнаго русскаго пѣвца и желаю, чтобы его дѣло росло и процвѣтало.

Крупенскій.

Лондонъ.—Поздравляемъ Васъ искренно.

Переводчикъ *Рушфохтъ, А. Довдинъ.*

Лондонъ. — Сердечно привѣтствуемъ съ юбилейнымъ праздникомъ.

Д-ръ Чесъ, Мазеффа, Г. Калсбъ.

Лондонъ. — Привѣтствуютъ юбиляра.

Henley Ragatta, Messrs Metzler, Wislow.

Лондонъ. — Лучшія пожеланія и поздравленія къ юбилею знаменитаго артиста.

(Русская лавка въ Лондонѣ) Санинъ.

Лондонъ. — Симпатичному Дмитрію Славянскому-Агреневу привѣты!

Вернеръ.

Нью-Кастль. — Прекрасное пѣніе Ваше находитъ отголоски во всѣхъ націяхъ и во всѣхъ сословіяхъ. Въ Лондонѣ всѣ, кто слышалъ Васъ, помнятъ и цѣнятъ Вашъ дивный талантъ, а друзья радуются и гордятся Вами и шлютъ сердечные привѣты къ Вашему торжеству.

Кети Броунъ.

Манчестеръ. — Помнимъ Ваши концерты въ Лондонѣ. Желаемъ Вамъ успѣха, поздравляемъ.

Кристи, Бетси-Кристи.

Саутгемптонъ. — Вашъ компаньонъ отъ Кале до Лондона привѣтствуетъ Васъ.

Рамейко.

Лондонъ. — Привѣтствія отъ очарованнаго Вашимъ пѣніемъ

Оливера Шерна.

Милостивая Государыня!

И Васъ поздравляю со славнымъ юбилеемъ мужа Вашего, которому Вы—лучшая помощница, поэтому при его празднествѣ невозможно забыть и Васъ, такъ какъ дѣятельность Ваша тѣсно слита съ его славой...

Я сохранилъ навсегда самыя теплыя воспоминанія о Вашемъ пребываніи въ Лондонѣ, и хотя сожалью, что не увижу Васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, но смѣю надѣяться, что Москва не положитъ преграды нашему желанію видѣть Васъ въ Лондонѣ; Москва, празднуя славно торжество въ честь Вашего мужа, не должна налагать на его поѣздку запрещенія, и лишать насъ удовольствія втораго Вашего приѣзда. Мы—въ восторгѣ, любуясь даже издалека на достойное горнованіе артиста, настолько же уважаемаго, насколько знаменитаго и почитаемаго.

Изъ Марлбору-гауза Ихъ Высочества просили меня передать господину Славянскому ихъ поздравленія, сочувствіе и благодарить г-жу Славянскую за музыку русскихъ, ею оранжированныхъ, напѣвовъ.

Графиня Васъ поздравляетъ, она здорова, а равно и оба наши сына. Мы надѣемся, что такое же доброе здоровье радуется и семью Славянскихъ, и что неслыханымъ успѣхомъ заключатся Ваши концерты въ Москвѣ. Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ высококомъ почитаніи.

Лордъ *Кильмор*.

Лондонъ, 23-го апрѣля (4-го мая) 1887 года.

Примите наши горячія поздравленія по случаю юбилея г. Славянскаго и искреннія пожеланія продолженія успѣха въ его артистическомъ дѣлѣ. Я увѣрена, что Ея Величество Королева Викторія сохранила не менѣе всѣхъ насъ пріятное воспоминаніе о Вашемъ пребываніи въ Лондонѣ. Вѣрьте самымъ искреннимъ чувствамъ.

Софія Сталь.

Лондонъ.

Милостивый Государь,
Господинъ Славянскій!

Архіепископъ, я и наши дочери посылаемъ все Вамъ самыя искреннія поздравленія, а также и супругъ и семья Вашей по случаю праздника Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея. Мы увѣрены, что все на этомъ торжествѣ будетъ достойно Вашего таланта, что исполнятся все Ваши желанія, и что вы будете вполне спокойны и счастливы, чего мы Вамъ отъ души желаемъ. Архіепископъ, а также и все мы — съ восторгомъ вспоминаемъ о Вашемъ дивномъ пѣніи въ архіепископской церкви совмѣстно съ архипастырскимъ служеніемъ, а не менѣе того и о томъ восхитительномъ послѣобѣденномъ нашемъ свиданіи въ архіепископскомъ дворцѣ, которымъ Вы насъ удостоили въ прошломъ году, и которое дало намъ возможность узнать и оцѣнить Васъ еще болѣе.

Примите же лучшія соединенныя пожеланія и привѣтствія архіепископа, мой и всей нашей семьи.

Искренно преданная Вамъ, жена архіепископа.

Мери Бензонъ.

Лондонъ, дворець Латбеки.

Милостивый Государь!

Пріятное воспоминаніе Вашего пребыванія въ Лондонѣ въ прошломъ году вызываетъ потребность цѣлой въ корзинкѣ поздравленій. Вотъ она! Я смѣло позволяю себѣ объявить Вамъ отъ имени цѣлаго Общества, настолько же многочисленнаго, насколько и благороднаго, что среди Вашихъ космополитическихкихъ обожателей Англичане занимаютъ первый рядъ.

Отъ имени графини, отъ моей семьи и нашихъ близкихъ друзей позвольте пожелать Вамъ исполненія всехъ Вашихъ артистическихкихъ и самыхъ задушевныхъ желаній и надеждъ, а отъ имени всего общества увѣрить Васъ, что если Ваши соотечественники желаютъ Вамъ выразить ихъ высокопочитаніе и заслуженную оцѣнку Вашей дѣятельности, то и ино-

странные Ваши почитатели съ восторгомъ откликаются на эти чувства національнаго восторга.

Отъ меня лично—не знатока, а любителя—прошу принять увѣренность въ истинной къ Вамъ симпатіи и въ дружескомъ почитаніи.

Лордъ *Кильмор*.

Лондонъ, № 11, Верхняя Бельгровская улица.

22-го апрѣля (4-го мая) 1887 г.

Примите по случаю Вашего торжественнаго юбилея наши самыя искреннія поздравленія, и просимъ передать таковыя же Вашей неутомимой сотрудницѣ, г-жѣ Славянской. Желаемъ полнаго успѣха Вашему симпатичному и достойному дѣлу, за которое Вы заслуживаете полнаго вознагражденія, наилучшихъ поздравленій и пожеланій какъ Вамъ, такъ и всему Вашему очаровательному семейству.

Въ Лондонѣ не одни друзья Ваши, но и всѣ слушавшіе Ваши концерты—остаются донынѣ подъ чарующимъ впечатлѣніемъ Вашихъ чудныхъ звуковъ. Музыка Вашихъ пѣсень и фотографіи Ваши и всего Вашего общества доставили удовольствіе Ея Королевскому Величеству: Еще разъ желая Вамъ успѣха, остаемся вполне искренно преданные Вамъ.

В. Кіузенсъ (придворный директоръ музыки),

Луиза Кіузенсъ.

Лондонъ.

Съ искреннимъ восторгомъ узнали мы объ юбилеѣ, который будетъ отпразднованъ въ этомъ году въ честь г-на Славянскаго-Агренева. Просимъ юбиляра принять наши поздравленія. Мы будемъ вспоминать Славянскихъ 7-го мая. Дѣло, совершенное Славянскимъ, единственное въ своемъ родѣ, и мы здѣсь не можемъ достаточно надивиться его таланту, его великой энергіи: они замѣчательны, и не мудрено, что всюду имѣетъ онъ такой могучій успѣхъ, которымъ онъ отчасти обязанъ разумной помощи его жены. Пусть же наши искрен-

нія пожеланія присоединятся къ многочисленнымъ поздравленіямъ, направленнымъ къ юбиляру.

Генераль Уокеръ.

Генеральша Уокеръ (Walker).

Лондонъ.

Я былъ бы счастливъ, еслибы имѣлъ возможность пріѣхать въ Россію, чтобы участвовать на празднованіи юбилея г-на Славянскаго, но—увы!—разстояніе не позволяетъ этого. Тѣмъ не менѣе, я отъ души желаю, чтобы всѣ поклоненія, которыхъ Дмитрій Александровичъ Славянскій-Агрневъ такъ достоинъ, были у его ногъ отъ имени многочисленныхъ почитателей, къ числу которыхъ я прошу причислить и меня.

Л. Енгель.

Лондонъ.

Въ день юбилея, когда онъ предполагается (7-го дек. 1886 г.), Лондонъ помнитъ и вспоминаетъ Васъ. Попрежнему остаемся расположенными сердечно къ Вамъ, Ольгѣ Христофоровнѣ и милому семейству и поздравляемъ Васъ, сочувствуя Вамъ всей душой, и всей душой желая успѣха Вашей славной и просвѣтительной профессіи. Въ Индіи не ладно. Вотъ гдѣ бы Ваша прекрасная миссія принесла великую пользу: туземцы Индіи сердцемъ отгадали бы, что народъ, такъ талантливо, искусно и сладко поющій такія дивныя пѣсни—хорошій народъ, неразумившійся, подобно Западу, любить и жалѣть достойныхъ любви и сожалѣнія. Еще разъ прошу принять отъ меня съ женой наилучшія пожеланія и глубокое уваженіе.

А. Молчановъ.

Лондонъ.

Р. S. По усиленной просьбѣ нашего ландлорда (*landlord'a*) прилагаю его портретъ и поздравленіе.

Къ письму приложенъ портретъ содержателя гостиницы на островѣ Уайтъ, въ которой останавливался Дмитрій Александровичъ съ семьею, когда пріѣзжалъ въ Уайтъ изъ Лондона.

Въ Комитетъ по устройству юбилея Д. А. Агренева-Славянскаго.

Возвратившись недавно изъ Россіи, узналъ о предстоящемъ юбилеѣ Дмитрія Александровича Славянскаго - Агренева.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить ему мое сочувствіе и переслать привѣтствія въ день его праздника.

Лондонъ не забываетъ Васъ, Дмитрій Александровичъ. Приятно слышать, что и Вы сохранили о немъ пріятныя воспоминанія. Жена моя также Васъ поздравляетъ. Желаю еще разъ видѣть Васъ, Дмитрій Александровичъ, съ супругою въ Лондонѣ. Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и преданности.

Делмаръ Морганъ.

Лондонъ.

Желалъ-бы присоединиться болѣе тѣснымъ и ощутительнымъ образомъ къ безчисленному кругу почитателей Дмитрія Александровича въ имѣющій быть торжественно отпразднованнымъ двадцатипятилѣтній юбилей его дѣятельности, но, застигнутый врасплохъ позднимъ извѣщеніемъ о днѣ празднованія юбилея, нахожусь вынужденнымъ ограничиться краткимъ поздравленіемъ, твердо уповая, что за русскимъ „ура“, и безъ подготовленій, дружно и отъ сердца вырывающимся, притомъ-же въ Москвѣ, дѣло не станеть, когда Вы сумѣли вызвать энтузіазмъ и въ англичанахъ, и даже въ первой леди Великобританіи, Ея Королевскомъ Величествѣ Королевѣ Викторіи сумѣли возбудить увлеченіе русской пѣсню и довести ее до приказанія пріобрѣсти сборникъ Вашего репертуара въ переводѣ на англійскій языкъ.

Н. Орловъ.

Лондонъ, 22 апрѣля (3 мая) 1887 г.

Съ какимъ восторгомъ воспоминаемъ мы всѣ здѣсь Васъ; сколько хорошихъ чувствъ оставили Вы намъ, и какъ гру-

стно, что Богъ знаетъ, когда увидимся.... Издали привѣтствуя Васъ, прошу вѣрить искренности моихъ словъ и не забывать Вашу маленькую Лиду, которая любитъ Васъ всѣмъ сердцемъ.

Л. Корвенъ.

Р. S. Привѣтствія Вамъ отъ госпожи *Фрезеръ.*

Лондонъ.

Г. Славянскій-Агреньвъ!

Боюсь, чтобы мое письмо не затерялось, такъ какъ, кромѣ моихъ сердечныхъ поздравленій и безконечныхъ пожеланій Вамъ, я хочу напомнить Вамъ о нашемъ разговорѣ, а именно о приглашеніи Васъ г. Жеро, и мнѣ-бы хотѣлось, чтобы Вы дали ему рѣшительный отвѣтъ. Лондонъ ждетъ Васъ и всѣ интересуются Вашимъ возвращеніемъ; жаль, хотя и сочувствую Вашему юбилею, что онъ помѣшаетъ намъ слышать Васъ въ маѣ мѣсяцѣ, какъ предполагалось.

Прося Васъ принять увѣреніе въ моемъ сердечномъ поклоненіи, остаюсь въ ожиданіи отъ Васъ скорого отвѣта

P. A. Verner.

Лондонъ.

Очень счастливъ, что, узнавъ изъ газеты *World* о Вашемъ юбилеѣ, въ состояніи Васъ поздравить, что и дѣлаю отъ чистаго сердца.

Г. Дайтонъ Пробинъ.

Лондонъ.

Глубокое почтеніе и сердечныя привѣтствія.

Уитинъ.

Лондонъ.

Очаровавшему всѣхъ насъ Дмитрію Славянскому-Агреньву шлю свой привѣтъ и поздравленіе.

Дайтенъ.

Лондонъ.

Ваша постоянная слушательница, представившаяся Вамъ въ „Сентъ Жеменсъ“ залѣ, привѣтствуетъ Васъ.

Леди Мепльтонъ.

Лондонъ.

Очень счастливъ, что могу поздравить Васъ.

Прокечъ.

Лондонъ.

Достойному Славянскому мой привѣтъ.

Гольдиакъ.

Лондонъ.

Вспоминая наше случайное знакомство, напоминаю о себѣ, привѣтствую Васъ.

Ботчи.

Лондонъ.

Прошу принять привѣтствіе и почтеніе..

Фальстонъ.

Лондонъ.

Я слышалъ въ Лондонѣ и восхищался. Привѣтствую Васъ.

Броккеръ.

Манчестеръ.

Поздравляю сердечно плѣвившаго насъ пѣвца.

С. Нешъ.

Ричмондъ.

Искренніе поклоны и привѣтствія отъ многихъ.

Бордъ.

Ричмондъ.

Вспоминаемъ съ большимъ восторгомъ Ваше здѣсь пребываніе.

Веллау.

Ричмондъ.

Артистъ-любитель приноситъ привѣтствія артисту-художнику.

Сакрителло.

Примите привѣты артиста.

Лоозерса.

Привѣтствуемъ!

Ж. Никельсинъ, Мери Чарльстонъ.

Поздравляемъ!

Г. Дѣрмозъ, А. Дюплексъ.

Привѣтствую и прилагаю при семъ обѣщанную Вамъ мою фотографическую карточку.

Гаррисъ.

Отъ г-на *Верто*, музыкальнаго агента, получено письмо съ привѣтствіями и приглашеніемъ концертировать въ Англи.

ОТДѢЛЪ VI.

ГЕРМАНІЯ.

IV P

.RIH

Телеграммы, письма и привѣтствія.

Штутгартъ. — Отъ Ея Величества королевы Виртембергской. Ея Величество королева Виртембергская поручила Вамъ передать Вамъ Ея всемилостивѣйшія поздравленія по случаю Вашего юбилея. Ея Величество надѣется, что Вы будете продолжать Вашу славную артистическую дѣятельность, посредствомъ которой Вы въ продолженіе двадцатипяти лѣтъ такъ безкорыстно служили проводникомъ патриотическихъ цѣлей національной музыки Вашей великой страны.

Баронъ *Вольфъ*.

Дармштадтъ. — Отъ князя Александра Болгарскаго. Его Высочество посылаетъ Вамъ свои лучшія поздравленія по случаю Вашего юбилея. Онъ все еще съ удовольствіемъ вспоминаетъ о Вашемъ пребываніи въ Софіи.

Метесъ.

Штутгартъ. — Примите и нашъ привѣтъ издалека. Чествуя Васъ сегодня, мы съ благодарностью вспоминаемъ неутомимаго пѣвца, доставившаго намъ на чужбинѣ рѣдкое, высокое наслажденіе услыхать дорогіе русскому сердцу звуки родной народной пѣсни.

Баронесса Дарья *Фредериксъ*, княгиня *Трубецкая*, *Сильванскій*, *Ейхлеръ*, графъ *Ламздорфъ*, *Фредериксъ* сынъ, *Владиміръ Фредрихъ* (русскій посолъ въ Штутгартѣ).

Гамбургъ. — Искренно поздравляемъ именитаго пѣвца.

Графъ *Кассини* (русскій посланникъ въ Гамбургѣ), *Выводцевъ* (русскій консуль).

Берлинъ. — Примите горячее привѣтствіе по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Вашего и благодарность за наслажденіе, доставленное Вами въ Берлинъ блестящимъ исполненіемъ русской народной пѣсни.

Алексѣй Николаевичъ *Кудрявцевъ* (русскій консуль).

Любекъ. — Примите поздравленія именитому юбиляру отъ любекскихъ друзей и почитателей.

Богословскій (русскій консуль).

Майнцъ. — Торжественное поздравленіе въ почетный день Вашего заслуженнаго юбилея отъ имени членовъ музыкальнаго кружка.

Президентъ *Бакке*.

Берлинъ. — Сердечныя поздравленія и привѣты къ Вашему двадцатипятилѣтнему юбилею.

Русскій кружокъ въ Берлинъ.

Берлинъ. — Многія лица, которымъ Вы доставили возможность и удовольствіе ознакомиться съ прекраснымъ русскимъ пѣніемъ, оглашавшимъ залы Филармоническаго Общества и Зимняго сада въ Берлинъ, просятъ меня привѣтствовать Васъ пожеланіями счастья и успѣховъ.

Отъ Берлинскаго Общества черезъ русское консульство
русскій консуль *Кудрявцевъ*.

Мюнхенъ. — Поздравляю всею семьей дорогаго юбиляра, стараго друга. Радуюсь несказанно успѣху на нашихъ глазахъ начавшагося отраднаго дѣла возрожденія русскаго звука и слова.

Яковъ Ханьковъ, Елена Ханькова, Ольга Ханькова, Лоло Ханькова.

Штутгартъ. — Ваше пѣніе подобно пѣнію соловья: чѣмъ болѣе его слушаешь, тѣмъ болѣе оно чаруетъ. Примите поздравленія отъ молодежи, собравшейся сегодня вечеромъ и подписывающейся Вашими почитателями.

Берлинъ.—Сердечныя поздравленія и пожеланія отъ имени многихъ Вашихъ берлинскихъ поклонниковъ изъ молодежи. Отъ Берлинскаго университета университетскій доцентъ, докторъ *Бернштейнъ*.

Берлинъ.—Собратья по искусству Королевскаго Прусскаго придворнаго театра въ Берлинѣ посылаютъ достойному маэстро Славянскому-Агреневу сердечныя поздравленія и пожеланія по случаю двадцатипятилѣтія артистическаго юбилея его.

Францъ Кролопъ (королевскій придворный пѣвецъ и вице-президентъ Общества нѣмецк. драматическихъ артистовъ), *Фонъ-Штралицъ* (директоръ придворной королевской оперы), *Вильма Фонъ-Фолленъ Хуберъ*, *Анна Гофмейстеръ* (придворная королевская пѣвица), *Паттини* (придворная оперная пѣвица), *Кааль* (придворный капельмейстеръ), *Денъ* (директоръ комедіи), *Краузе* (режиссеръ), *Глейеръ*, *Веркани* (придворныя актрисы), *Кесслеръ* (придворный актеръ).

Берлинъ.—Великому и симпатичному артисту поздравленія самыя искреннія отъ *Дезидеріи Арто-де-Падильянь*.

Нюренбергъ.—Помнимъ прекрасные звуки: „А изъ рощи, рощи темной пѣснь любви несется!“ Пускай еще разъ обрадуетъ насъ ими соловей, а пока поздравляемъ съ лучшими пожеланіями къ юбилею великаго артиста.

Студенты: *Литерсъ*, *Поперъ*, *Грюнденеръ* и товарищи.

Гейдельбергъ.—Лучшія поздравленія, пожеланія отъ гейдельбергскихъ студентовъ, которые поняли и оцѣнили Ваши концерты. Продолжайте-же дѣло съ Божиимъ благословеніемъ. *Отъ студентовъ.*

Берлинъ.—Поздравленія по случаю двадцатипятилѣтней Вашей артистической дѣятельности. Ваши чудныя пѣсни незабвенны.

Анна Гафферландъ.

Берлинъ.— Искреннія поздравленія знаменитому артисту Славянскому-Агрневу.

Музино (агентъ Императорскаго департамента отдѣла Россіи заграницей).

Берлинъ.— Сердечные привѣты и поздравленія отъ Вашихъ берлинскихъ друзей.

Кенигсбергъ.— Сердечныя поздравленія и пожеланія къ двадцатипятилѣтнему юбилею отъ артистовъ, удивлявшихся Вашему искусству.

Пѣвческій Кружокъ.

Дармштатъ.— Примите наши привѣтствія къ юбилею на славу Вашей дѣятельности. Мы сохранили прекрасныя воспоминанія о Вашей музыкѣ, которой мы восхищались и аплодировали. Пріѣзжайте еще разъ: Германія умѣетъ цѣнить все прекрасное.

Тирсъ Ландау (музыкантъ).

Гейдельбергъ.— Тысячи поздравленій и пожеланій отъ того, котораго слухъ Вы очаровали и покорили сердце. Впрочемъ, то же впечатлѣніе вынесъ весь городъ.

Газденъ-Тайфель (музыкальный торговецъ).

Страсбургъ.— Поздравленія, лучшія пожеланія.

Гинтерлахъ (музыкантъ).

Бреславъ.— Восхищавшіеся Вашимъ пѣніемъ посылаютъ поздравленія, пожеланія.

Лихтербергеръ (музыкальный магазинъ).

Страсбургъ.— Поздравляю русскаго артиста.

Артистъ *Арнольдъ*.

Гамбургъ.— Поздравляемъ Васъ съ празднованіемъ двадцатипятилѣтія.

Директоръ почтъ *Паницкій*.

Лейпцигъ. — Поздравляемъ Васъ, вспоминаемъ Ваше пребываніе здѣсь.

Беттинъ (директоръ хрустальнаго дворца).

Берлинъ. — Въ дни Вашего торжества будемъ душою съ Вами.

Граве, Соколовъ.

Берлинъ. — Дружескія привѣтствія отъ извѣстнаго Вамъ.

К. Маальмитерна.

Франкфуртъ. — Не забуду тѣ чудные звуки, которые порадовали меня на краю могилы.

Вашъ другъ *Бернеръ.*

Виртембергъ. — Очаровательныя пѣсни Ваши и въ воспоминанія прекрасны. Привѣтъ мой Вамъ.

Вейдманъ (музыкантъ).

Гальберштадтъ. — Если помните здѣшнихъ друзей, примите ихъ поздравленія.

Шульцъ, Вильгельмъ Ясперъ, В. Феризембль, Брандтъ.

Мюльгаузенъ. — Нельзя забыть ни Васъ, ни Вашихъ пѣсенъ, — такъ симпатично и то и другое.

Докторъ *Клифтъ.*

Лейпцигъ. — Въ день двадцатипятилѣтія знаменитому юбилію привѣты и выраженіе восторга.

Профессоръ, докторъ *Карлъ Ридеръ.*

Аугсбургъ. — Привѣтствую Васъ сердечно.

Виппернъ (докторъ правъ).

Ахенъ. — Невозможно забыть Ваши чудные концерты. Отъ искренняго сердца поздравляемъ Васъ.

Докторъ *Шлосманъ, Иосифъ Грюнъ.*

Бременъ. — Восторженные слушатели Вашихъ концертовъ поздравляютъ!

Луи Ютеръ, Генрихъ Овернъ, Груббе.

Берлинъ.—Поздравляю и желаю всего лучшаго.

Юанна Блуменфельдъ.

Познань.—Просимъ юбиляра принять искреннія поздравленія.

С. Случевскій. А. Штофертъ, Шиманъ, Ольшевскій.

Кенигсбергъ.—Друзья сердечно поздравляютъ заслуженнаго юбиляра.

Губнеръ, Брандтъ, Вейсъ.

Тильзитъ.—Ваши мелодичныя пѣсни раздаются еще въ нашихъ сердцахъ. Хвала пѣвцу этихъ прекрасныхъ мелодій.

Крюднеръ, Кирхгофъ, Рэчъ, Вульфъ.

Бресгау.—Европа достойно встрѣтила Ваше появленіе и сохранила свою благодарность и добрую память о Васъ.

Шиндель, Изральсонъ, Брандтъ.

Магдебургъ.—Чудныя пѣсни, радовавшія наши души, безсмертны. Поздравленія, лучшія пожеланія для Вашего благосостоянія и дѣятельности.

Лейманъ, Гертруэръ, Зиландъ.

Крайцнахъ.—Возвращаемся часто къ воспоминанію о Вашихъ чудныхъ пѣсняхъ. Честь Вамъ, поздравленіе, искреннее пожеланіе Вашему процвѣтанію.

Киферъ, Шиндель (адвокатъ).

Карлеруэ.—Пѣвцу русскихъ пѣсень. Счастливы тѣ, которые слышатъ Ваши роскошныя пѣсни въ день Вашей славы; мы же можемъ только поздравить Васъ.

Ваши поклонники.

Вюрцбургъ.—Ваши концерты оставили трогательное впечатлѣніе, неизгладимое временемъ. Слава русскому пѣвцу и его прекраснымъ пѣснямъ.

Фридрихъ Ютци, Штернбергеръ.

Франкфуртъ-на-Майнѣ.—Примите дружескія поздравленія съ лучшими пожеланіями отъ
Зетера (музыкальный магазинъ).

Нордгаузенъ.—Привѣты, поздравленія, поклоненіе Вашему таланту артистическому.

Виммеръ.

Висбаденъ.—Поздравляемъ, желаемъ продолжать очаровывать слушателей Вашими дивными мелодіями, ясными и звучными.

Шлинцъ, Фоссе, Гансъ-Виландъ.

Шверинъ.—Въ день Вашего знаменитаго юбилея вспомните друзей, которымъ оставили по себѣ пріятное воспоминаніе.

Глюкъ, докторъ Кнечкеръ, Годро, Тилъ, Кноптъ.

Нордгаузенъ.—Самыя сердечныя поздравленія по случаю Вашего юбилея національной музыки. Праздникъ изящной деревенской пѣсни, пересаженной во дворцы. Слава Вамъ, достойный сынъ отечества!

Петровъ, Верватъ.

Висбаденъ.—Сердечно поздравляемъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной народно-артистической дѣятельности; съ удовольствіемъ вспоминаемъ о триумфахъ Вашихъ въ Висбаденѣ.

Тачаловъ.

Инстербургъ.—Лучшія поздравленія и пожеланія отъ Вашихъ друзей.

Родовицъ (книгопродавецъ).

Страсбургъ.—Поздравляемъ, привѣтствуемъ!

Гуло Ляносъ, Генпъ.

Страсбургъ.—Сожалѣемъ, что разстояніе мѣшаетъ личнымъ поздравленіямъ. Несмотря на это, отрадное воспоминаніе не исчезнетъ никогда. Слава знаменитому артисту.

Рамель, Мильвуа, прочіе друзья русской пѣсни.

Фанкфуртъ. — Примите наши искреннія поздравленія съ юбилеемъ.

Штаиль.

Регинзбургъ. — Воспоминанія чудныхъ мелодій никогда не изгладятся. Благодаримъ за высоко-пріятныя минуты, поздравляемъ.

Вольфгангъ, Шейманъ, Шмидтъ, и-жа Шмидтъ.

Штутгардтъ. — Дорогому Славянскому пѣвцу, симпатичному человѣку привѣтъ и слава!

Дьяконовскій.

Карлсбадъ. — Поздравляемъ, сердечно привѣтствуемъ.

Балдаковъ, Горяновъ, Шенебергеръ.

Нордгаузенъ (Саксонія). — Прошу Васъ принять и мои привѣтствія и поздравленія по случаю Вашего артистическаго юбилея.

Георгъ Виммеръ (книгопродавецъ и устроитель концертовъ, данныхъ Славянскимъ въ Нордгаузенѣ 17 декабря 1885 года).

Мюльгаузенъ. — Сотрудники газеты „Экспрессъ“ привѣтствуютъ Васъ.

Ньюштадтъ. — Поздравленія, лучшія пожеланія!

Заасъ, Майеръ.

Майнцъ. — Сердечные привѣты и пожеланія отъ

М. В. Гольдберга.

Регенсбургъ. — Привѣтствую Васъ за Ваши дивныя пѣсни.

Г. Кехтъ.

Мюнхенъ. — Поздравленія и сердечныя пожеланія.

Генрихъ Арндтъ.

Мюнхенъ. — Примите привѣтствія, поздравленія.

Артуръ Лихтенбергъ.

Роштокъ. — Примите поздравленія отъ

Русской колоніи.

Инстербургъ. — Сердечныя привѣтствія и благодарность за удовольствіе, доставленное Вашими концертами здѣсь.

Русская колонія.

Штольпъ. — Увлеченные Вашимъ чуднымъ пѣніемъ, помнимъ Васъ и просимъ принять поздравленія отъ

Русской колоніи.

Галле. — Теплыя привѣтствія отъ Вашихъ поклонниковъ, здѣшнихъ Русскихъ.

Ништатъ. — Просимъ роднаго пѣвца, огласившаго насъ родными пѣснями на чужбинѣ, принять привѣты отъ извѣстныхъ ему русскихъ друзей.

Мангеймъ. — По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея примите мои поздравленія.

Гозденейфъ.

Дармштатъ. — Поздравленія и пожеланія!

Эльтеръ.

Любекъ. — Отъ души желая дальнѣйшихъ успѣховъ, привѣтствую Васъ.

Сандорфъ.

Майнцъ. — Поздравленія и сердечныя привѣты.

Фульдъ.

Вюрцбургъ. — Поздравляю славнаго артиста.

Юліусъ Эббенъ.

Штутгартъ. — Вашъ всегдашній внимательный слушатель привѣтствуетъ Васъ.

Циндль.

Кельнъ.—Поздравляю, привѣтствую!

Цаунъ.

Дармштатъ.—Многіе изъ Вашихъ почитателей привѣтствуютъ Васъ.

Раубъ.

Гейдельбергъ.—Привѣты и поздравленія.

Шюлеръ.

Лейпцигъ.—Тронутая до глубины души родными звуками на чужбинѣ, шлю Вамъ мои сердечныя привѣтствія.

Шидловская.

Страсбургъ.—Приношу искреннія Вамъ поздравленія.

Макартъ.

Мюльгаузенъ.—Отъ лица многихъ, помнящихъ Ваши концерты, поздравляю.

Бренбахъ.

Висбаденъ.—Лучшія поздравленія юбиляру!

Вернеръ.

Штольпъ.—Поздравляетъ Васъ цѣлый кружокъ Вашихъ бывшихъ восторженныхъ слушателей.

Маріусъ Стаденъ.

Берлинъ.—Сердечно привѣтствую.

Гопте.

Эйдкуненъ.—Проѣздомъ узнавши о Вашемъ юбилеѣ, привѣтствую въ Васъ вѣрнаго сына родины.

Андрей Трахтенбергъ.

Дрезденъ.—Прошу принять мои привѣтствія.

Швенцеръ.

Берлинъ.—Привѣты и пожеланія!

Вейдеманъ, Вейссъ.

Берлинъ. — Съ величайшимъ наслажденіемъ слушали мы Васъ, съ таковымъ-же и привѣтствуемъ.

Екельманъ, Адольфъ Геберъ.

Къ празднованію XXV-лѣтія.

Д. Славянскаго-Агренева.

Я внимала пѣснѣ соловья,
Какъ онъ трелью заливался,
Какъ могучей страстью отзывался,—
Призадумалася я....

Соловей тотъ на чужбинѣ...
Онъ поетъ со страстію глубокой
О своей все родинѣ далекой,—
Горевала я его кручинѣ.

Пѣсня та грустна, но хороша:
Въ ней порывъ есть и раздолье,
И родныхъ луговъ приволье...
Встрепенулася душа!

Звуки тѣ ручьемъ лились,
Молніей сверкали,
Грономъ оглушали,
Вѣтромъ пронеслись!

То порою замирали,
Раздавались чуть слышно,
Вновь поднявшись вдругъ неслышно,
Водопадомъ клокотали....

Противъ воли я всецѣло
Этимъ звукамъ покорялась,
Ихъ порывамъ отдавалась,—
Къ нимъ душа моя летѣла....

Сердце билося такъ сильно,
Будто все переживало...
И блаженство наполняло
Мое сердце такъ обильно!

Отчего, скажи мнѣ, соловей,
Чуждой нашимъ горамъ и полямъ,
Нашимъ странамъ и морямъ,
Восхищаюсь пѣснею твоей?...

Что за силой обладаешь,
Что нельзя тебя забыть,
Твои пѣсни разлюбить?
Ей сердца всѣхъ покоряешь!!...

Амалия Граве.

Лейпцигъ.

Къ юбилею, когда онъ ожидался, 26 февраля 1887 г., Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Максимиліановна поручила мнѣ написать Вамъ, что она поздравляетъ Васъ и сердечно благодаритъ за присланныя ноты. Принцесса прибавила при этомъ, что она намѣрена была просить объ этомъ Эйхлера (русскій консулъ), но онъ боленъ, и потому она не хотѣла его беспокоить. Дѣйствительно, Дмитрій Александровичъ, почитатель и знакомый Вашъ, серьезно боленъ уже около двухъ мѣсяцевъ, и потому поручилъ мнѣ тоже передать Вамъ его поздравленіе. Нужно ли упомянуть о томъ, съ какимъ удовольствіемъ мы читали газетные отзывы о Вашихъ концертахъ во время прошлогодняго путешествія Вами по Франціи и Англии? Дай Богъ, чтобы слава Вашего хора долго гремѣла. Прося Господа о ниспосланіи вѣсьмъ Вамъ благословенія, остаюсь

А. Измаиловъ (рус. священникъ).

Празднованіе Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея будетъ знаменательнымъ событіемъ въ Москвѣ. О немъ узнаемъ мы лишь по слухамъ и изъ газетъ. Съ живѣйшимъ интересомъ

слѣдя за Вашими успѣхами, мы часто вспоминаемъ о Вашемъ посѣщеніи Штутгарта; шлемъ наше искреннѣйшее поздравленіе и привѣтъ равно и Ольгѣ Христововнѣ. Эйхлеръ и графъ Ламздорфъ просятъ меня упомянуть и о ихъ привѣтствіяхъ и поздравленіяхъ. Когда-то Богъ приведетъ намъ свидѣться?

Преданный Вамъ *баронъ Фредериксъ*.

Штутгартъ.

Примите мои поздравленія и пожеланія по случаю Вашего юбилея.

Я и графъ просимъ Васъ принять горячія заявленія нашего почитанія, сожалѣемъ о невозможности намъ присутствовать на этомъ музыкальномъ праздникѣ.

Графиня *Остенъ-Сакенъ* (жена русскаго посла).

Мюнхенъ (Баварія).

Многоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Присоединяю мой сердечный привѣтъ къ многочисленнымъ привѣтамъ обращеннымъ къ Вамъ, Дмитрій Александровичъ, въ дни двадцатипятилѣтней годовщины Вашей славной артистической дѣятельности. Одаренный талантомъ, полный мужественной энергіи и одушевленный пламенною любовью къ Славянскому міру вообще и къ дорогому отечеству нашему въ особенности, — Вы сослужили славную двадцатипятилѣтнюю службу, оглашая дивными русскими и славянскими пѣснями отдаленнѣйшія страны міра!

Ваша артистическая дѣятельность, зачастую сопровождаемая тяжелыми испытаніями, принадлежитъ ко славѣ Русскаго народа, достойнымъ представителемъ котораго являлись Вы двадцать пять лѣтъ — на обоихъ полушаріяхъ земли. Да продлится эта дѣятельность на многіе годы, и да обрящетъ она себѣ въ будущемъ столь же талантливыхъ, полныхъ Вашей энергіи, преемниковъ, и да безконечно слышится русская пѣсня повсюду, гдѣ только находитъ человѣкъ уладу

въ пѣснѣ и музыкѣ! Жму Вашу руку. Редакторъ-издатель
журнала „Русская Старина“.

М. И. Семевскій.

Висбаденъ, 21 апрѣля (3 мая) 1887 года.

Привѣтствую Васъ издалека.

Баронъ Буксеноведенъ.

(Визитная карточка).

Мекленбургъ-Стрелицъ.

Приношу Вамъ мои привѣтствія съ хорошими о Васъ воспомина-
ніями.

Баронъ Августъ Коцъ.

(Визитная карточка).

Эрфуртъ.

Графиня Ульмъ-Ербахъ поздравляетъ артиста и проситъ
на память его и семьи его фотографіи.

(Визитная карточка).

Гановерь.

Сердечно поздравляемъ Васъ и всегда съ восторгомъ вспо-
минаемъ пріятно проведенное вмѣстѣ время и Ваши чудные
концерты.

Любекъ.

Семейство *Мейеръ* (американскій консулъ).

Отъ студентовъ университета.

Часто вспоминая пребываніе Ваше здѣсь и Ваше внима-
ніе къ молодежи, привѣтствуемъ Васъ, радуясь Вашей ра-
дости.

*Георгъ Мецъ, Гольнамеръ, Н. Кашиновскій, Д. Татаровъ, С.
Кудрявцевъ* и товарищи.

Страсбургъ.

Поздравляю съ днемъ знаменательнымъ, днемъ побѣды
русской пѣсни (фраза эта впервые сказана въ Германіи въ
Любекской газетѣ: „да, Русскіе побѣдили!“ *Ja, die Russen
haben gesiegt!*“) надъ западно-европейской подражательной
музыкой, у которой Вы отнимаете права гражданства въ
Россіи.

Студентъ *Твердышевъ*, химикъ.

Мангеймъ.

Милостивый Государь!

Позвольте и мнѣ выразить Вамъ по случаю Вашего юбилея мои искреннія пожеланія дальнѣйшихъ блестящихъ успѣховъ, которыхъ вы такъ заслуживаете.

Мнѣ было бы очень пріятно имѣть Вашъ портретъ въ моей портретной галлерей, гдѣ находятся всѣ знаменитости.

Павелъ Гильбрандтъ. (Издатель, докторъ правъ).

Штольцъ (Германія).

(Письмо написано по-русски, только имя
отпечатано на оборотѣ по-чешски.)

Милостивый Государь!

Въ Гамбургѣ живуще Славяни и членове чешского общества *Сворность* жалали бы себѣ сдѣлать Вамъ свою поклону и споздравленіе.

С искреннымъ почтеніемъ именовъ остальныхъ.

Иванъ Ивановочъ Пастряевикъ.

Гамбургъ.

Мои Вамъ искреннія привѣтствія и пожеланія.

Отто Дювиньо, директоръ строительной комиссіи.

(Визитная карточка).

Магдебургъ.

Визитная карточка съ поздравленіями и пожеланіями.

Отъ Доктора *Реймардтъ.*

Киль.

Далекая отъ Вашей родины поклонница Вашихъ чудныхъ пѣсенъ шлетъ сердечныя привѣтствія.

Люція Гринвальдъ.

(Визитная карточка).

Вюрцбургъ.

Визитная карточка съ поздравленіемъ.

Отъ *Альфонса Золь.*
Дрезденъ.

Визитная карточка съ поздравленіями и привѣтами.

Отъ *Каролины Шоттъ.*
Ландау.

Дорогой господинъ Славянскій.

Только что узналъ о празднованіи въ скоромъ времени Вашей двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности. Тороплюсь послать Вамъ искреннее поздравленіе къ этому прекрасному и рѣдкому празднику. Желаю Вамъ въ интересахъ искусства, которое Вы развиваете (обрабатываете — *cultivez*), чтобъ Вы продолжали еще долго при помощи такой гениальной супруги, какъ Ваша, подавать прекрасный и достойный примѣръ артистическому міру. Надѣюсь также Васъ снова увидать въ Германіи, гдѣ Вы пожали такую славу. Привѣтствіе горячее и Вашей супругѣ и сердечныя пожеланія отъ Вашего искренняго почитателя.

Концертная дирекція Вольфа, Директоръ *Германъ Вольфъ.*
Берлинъ, 3-го мая 1887.

Мнѣ пріятно выразить Вамъ мою сердечную симпатію и полное мое очарованіе, оставленные Вашими концертами во мнѣ и во многихъ, кого я знаю и люблю. Очень сожалѣю, что Вы не застали меня въ послѣдній разъ въ Берлинѣ.

Артистка *Арто.*
Ландграфенштрассе 17.
Берлинъ.

Дорогой господинъ Славянскій!

Позвольте мнѣ присоединить мои поздравленія къ поздравленіямъ г. Вольфа и выразить Вамъ наши общія пожеланія торжественному и великому дню, котораго празднованіе наступаетъ. Будьте увѣрены, что въ продолженіе всѣхъ дней

тріумфа и славы, которые Васъ ожидаютъ, жена моя и я будемъ мысленно съ Вами. Вы знаете, что оставили въ насъ неизгладимое о себѣ воспоминаніе, и мы надѣмся, что, возвратясь въ Германію, Вы вспомните о насъ.

Примите Вы, а равно и г-жа Славянская и Ваше семейство, увѣреніе мое въ уваженіи и преданности.

(Концертная дирекція г. Вольфа) *Ферновъ* Музыкальный агентъ.

Берлинъ.

Въ день Вашей славы не могу устоять противъ искреннѣйшаго желанія и потребности выразить Вамъ отъ моего имени и отъ имени г-жи Вольтемась и г-жи вдовы д-ра Филиппсъ наши наилучшія пожеланія Вамъ многочисленныхъ успѣховъ, которыхъ Вы такъ достойны, вслѣдствіе артистическаго Вашего таланта и тѣхъ трудовъ на пользу дѣла народной музыки Вашего отечества, которой Вы неустанно служили въ теченіе двадцати пяти лѣтъ.—Мы и доселѣ съ восторгомъ вспоминаемъ о наслажденіи, доставленномъ Вами намъ во время пребыванія здѣсь, и надѣмся, что Вы сохраните изъ Вашего путешествія по Европѣ о посѣщеніи Бремергавена самыя теплыя чувства, имѣвши здѣсь и повсемѣстно такой полный успѣхъ. Сохраните мѣстечко въ сердцахъ и для сердечно расположенныхъ къ Вамъ. Г-жа Вольтемась прилагаетъ свою фотографію.

Г. *Вольтемась*, Анна *Вольтемась*, вдова д-ра *Филиппсъ*.

Бремергавенъ.

Вспомните слѣдшаго артиста, которому Вы доставили неслезанное наслажденіе дивными звуками Вашихъ пѣсень, который плакалъ, слушая Васъ, плакалъ отъ радости и горевалъ о невозможности видѣть Васъ, хотя, впрочемъ, внутреннимъ зрѣніемъ и любовался Вами... Этотъ несчастный слѣпецъ поздравляетъ Васъ (я самъ диктую письмо это).

Искренности моихъ словъ и чувствъ можно вѣрить, а восторгъ мой Вы видѣли,—Вы видѣли мои слезы...

Да хранить Васъ Богъ и во время втораго двадцатипятилѣтія Вашей жизни для искусства. Вашей сотрудницѣ нераздѣльные отъ Васъ привѣты и поздравленіе.

За *Германа Блокке* (піаниста), *Макса Гегенвальда* (съ поздравленіями юбиляру).

Штетинъ, Августовская улица.

Отъ *Фишера* (артиста) визитная карточка съ поздравленіями и лучшими пожеланіями юбиляру продолженія его славной дѣятельности.

Берлинъ.

Альфредъ Шкраунъ, капельмейстеръ, поздравляетъ и шлетъ привѣты къ двадцатипятилѣтнему юбилею знаменитаго артиста.

(Визитная карточка).

Гота.

Вспомните и примите привѣты.

Профес. *Госсе*.

(Визитная карточка).

Лейпцигъ.

Отто Вурмъ (художникъ) поздравляетъ юбиляра съ двадцатипятилѣтіемъ его дѣятельности.

Гамбургъ.

Сердечно привѣтствую Васъ.

Полковникъ прусской службы *Мерешко*.

Дрезденъ.

Я прочла въ здѣшнихъ газетахъ о Вашемъ двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ и не могла отказать себѣ въ удовольствіи поздравить Васъ, живо припомнивши и мое пребываніе когда-то въ Россіи и чудные Ваши концерты здѣсь, такъ глубоко тронушіе меня. Прилагаю газету.

Юанна Вильдианенъ.

Эльбингъ.

Въ короткое пребываніе Ваше у насъ, Вы столько доставили намъ удовольствія, допуская насъ въ Ваши концерты, что мы долго не могли одолѣть тоску послѣ Вашего отъѣзда и до сихъ поръ вспоминаемъ Васъ и думаемъ, не соберетесь ли опять посѣтить насъ. Узнавши о Вашемъ юбилеѣ, спѣшимъ поздравить Васъ и пожелать еще большихъ Вамъ успѣховъ за Вашу истинный талантъ и доброе сердце, видное уже изъ того, что доступъ въ Ваши концерты для всѣхъ, занимающихся искусствами, доступенъ. Мы, вѣроятно, уже никогда не увидимъ Россіи, а русскіе артисты намъ всегда, подобные Вамъ, дороги и любы.

К. Деммеръ, Эмилиа Деммеръ. (Музыкантъ бывшій въ Россіи).
Мангеймъ.

Невозможно выразить Вамъ, какъ довольна Вами здѣшняя публика и пресса. У меня постоянно спрашиваютъ, скоро ли опять будете Вы здѣсь. Да, рѣдкій иностранецъ можетъ такъ расшевелить нашихъ довольно холодныхъ Берлинцевъ. Мои гости, узнавъ изъ газетъ о Вашемъ праздникѣ, всѣ просятъ привѣтствовать Васъ, что я и дѣлаю,

Управляющій гостинницею „*Тиръ Гартенъ*“
Берлинъ.

Примите мои дружескіе привѣты.

Фессельманнъ (Fesselmann). (Концертный агентъ).
Галле.

Съ лучшими привѣтствіями.

Вестфаль, королевскій инспекторъ полиціи.
(Визитная карточка).
Страсбургъ.

Никогда не забуду Вашихъ чудныхъ концертовъ.

Зигфридъ Геберъ.
Берлинъ.

Отъ *Владислава Свидловскаго* визитная карточка съ поздравленіями и сердечными привѣтствіями.

Познанъ.

Фохтъ помнитъ Вась, привѣтствуетъ и обнимаетъ.
Давцигъ.

Визитная карточка съ поздравленіями отъ уважающаго Вась.
Е. В. Куркерупъ, русскій комиссіонеръ.
Берливъ.

Поздравляетъ г. Славянскаго-Агренева
Галеръ (печатня).
Аугсбургъ.

Вы доставили намъ столько удовольствія Вашими дивными мелодіями, что мнѣ пріятно услышать изъ газетъ, какъ празднуютъ Вашъ юбилей.

Г-жа Шлюгъ.
Любекъ.

Пріятно слышать, какъ воздаютъ Вамъ должную честь. И я привѣтствую Васъ.

Вейсъ.
Карлсруэ.

Помнимъ и попрежнему восхищаемся Вашими мелодіями.
Бреннеръ.
Нюрнбергъ.

Съ сердечными привѣтствіями.
Бюлеръ.
Мангеймъ.

Просить принять ея привѣтствія
(Визитная карточка).
Ритшиеръ.
Мюльгаузенъ.

Всегда съ восторгомъ слушалъ Васъ и нынѣ привѣтствую.
Войтъ.
Ахенъ.

Тронули старика Ваши пѣсни; со впечатлѣніемъ этимъ во всю жизнь не разстанусь. Привѣтъ мой и слава Вамъ!

Йоаннъ Крестъ.

Давцигъ.

Здѣсь многіе, прочитавши въ газетахъ о Вашемъ юбилеѣ, пользуясь моимъ личнымъ съ Вами знакомствомъ, просятъ поздравить Васъ, что исполняю охотно, присоединяя и свои привѣты.

Шенбахъ.

Гейдельбергъ.

Помните, я говорилъ Вамъ, что Вы не поете, а что устами сердца говорите съ сердцами слушателей—то правда: сильное впечатлѣніе произвели Вы на большинство слушателей. Привѣтствую Васъ именемъ многихъ.

Говардъ.

Тюрингенъ.

Кто способенъ оцѣнить прекрасное, не можетъ не быть подъ влияніемъ обаятельныхъ Вашихъ звуговъ: они сильны и могучи, какъ сама жизнь, наивны и веселы, какъ дѣти. Крѣпко полюбились они многимъ.

Ерлангенъ.

Трюмбахъ.

Ваши мелодіи—юныя, какъ Ваша страна,—порой весело, порой грустно, но всегда отраднo дѣйствуютъ! Привѣтъ Вамъ отъ стараго поклонника.

Кенегъ.

Позванъ.

Здѣсь я иностранецъ, и Ваши пѣсни мнѣ чужія, а будятъ онѣ во мнѣ что-то родное, что-то нечуждое мнѣ я слышу въ этихъ звукахъ. У Васъ чуткая душа и она видна въ Вашей пѣснѣ,—вотъ чѣмъ Вы и подкупаете Вашихъ слушателей. Дружески жму Вашу руку и привѣтствую Васъ съ торжествомъ Вашего двадцатипятилѣтія.

Генрихъ Мартенсъ.

Бромбергъ.

Поздравленія и пожеланія отъ извѣстнаго Вамъ
Фрейбургъ. *Генслера.*

Привѣтствуемъ русскаго пѣвца.
Гейдельбергъ. *Визе. (Книжн. торг.)*

Привѣтствую въ Васъ истиннаго художника.
Гейдельбергъ. *Мирицъ.*

Многихъ до глубины души тронули Ваши дивныя мелодіи,
полныя свѣжести, искренности и неподдѣльнаго чувства; я
сочувствую имъ и вмѣстѣ со многими привѣтствую знаме-
нитаго пѣвца.

Гальберштадтъ. *Райхеръ.*

Визитная карточка съ поздравленіями отъ *Крюднера.*
Мюнхенъ.

Мои сердечныя поздравленія къ юбилею знаменитаго арти-
ста Д. Славянскаго-Агренева.

Когда голосъ твой чистый и ясный
Раздается въ концертномъ помѣщеніи,
Забываешь тогда даже міръ весь,—
А для меня это праздникъ!

* * *

Когда ты обращаешь твой чудный взоръ,
Такой мягкій и глубокій на меня,
Хотя бы даже то было на одинъ моментъ,—
Мнѣ кажется, что сердце мое отдыхаетъ и освѣжается...

* * *

О, какъ счастливо твое отечество,
Имѣя у себя такого художника, какъ ты!

Но знай, что и въ Германіи
Есть великіе люди, которые тебя оцѣнили.

*
* *

Мнѣ слышится въ пѣсняхъ, пѣтыхъ тобою,
Такъ много смыслу, правды и разума,
Что эти дѣти-звуки, которые ты делѣешь—
Суть во-истину великаны будущаго.

Эмилія Фишеръ.

Грентсвальдтъ, 20 апрѣля (2 мал) 1887 г.

Искренно привѣтствуетъ юбиляра.

(Визитная карточка).
Штутгартъ.

докторъ *Гольдебергъ.*

Мои искреннія поздравленія русскому пѣвцу, исполнителю
дивныхъ мелодій народныхъ.

Баронесса *Штакельбергъ.*

(Визитная карточка).
Лейпцигъ.

Русская по рожденію и симпатіямъ, я восхищалась до глубны души Вашими дивными, родными мнѣ звуками. Примите-же и привѣтъ мой и благодарность.

Бреннеръ.

Штетинъ.

Письменные поздравленія черезъ г-жу А. Бостъ отъ *Фауля*
(rentier) и *Ланца* (механикъ).

Мангеймъ.

ОТДѢЛЪ VII.

ФРАНЦІЯ.

Stances à M. Slaviansky d'Agréneff.

Стансы г. Славянскому-Агреневу.

Привѣтъ пѣвцу Россіи отдаленной,
Привѣтъ издалека отъ родственной души,
Отъ женщины, твоею пѣснью восхищенной,
Которой эти пѣсни кажутся такъ хороши.

*
* *

Уѣхаль ты, замолкъ твой звукъ волшебный,
Который сердцу чуткому такъ много говорилъ,
Пѣвецъ сокрылся чудный, незабвенный,
Что много такъ сердце на вѣки покоришь...

*
* *

Отрады много ты мнѣ въ сердцѣ поселилъ,
Бальзамомъ жизненнымъ его ты наполнялъ:
Меня и въ грусть вгонялъ и веселилъ,
Все существо мое блаженствомъ осѣнялъ.

*
* *

Тебѣ внимая съ упоеньемъ,
Я забывала свѣтъ, людей...
Да, я сроднилась съ вдохновеньемъ,
Великихъ жаждала идей...

*
* *

А иногда смертельнымъ ядомъ
Пронзала сердце пѣсня мнѣ,
И слышала я, будто рядомъ
Вдругъ адскій хохотъ въ тишинѣ

*
* *

Концертной залы... Упованій
Порывы звукъ тотъ потрясалъ,
И міръ волненій и страданій
Въ душѣ моей вдругъ воскресалъ!

*
* *

Тогда сомнѣнья понимала,
Что посылалъ тебѣ Творецъ,
Съ тобою вмѣстѣ я страдала,
Молилась за тебя, пѣвецъ!

*
* *

А звуки пѣсенъ разростались,
Все шли они живѣй, живѣй!...
Мои страданья унимались,
И сердцу дѣлалось теплѣй!...

*
* *

Хоть молода, я сознавала
Борьбу, что вынесъ въ жизни ты,
И сильно, страстно уповала,
Что сбудутся мои мечты:

*
* *

Что съ юныхъ лѣтъ пошелъ ты бойко
Своею жизненной тропой,
Что весь свой путь свершишь ты стойко,
Не преклонишься предъ толпой!...

*
* *

Хоть у толпы ты занимаешь
Волшебны звуки, но порой
И самъ ее ты поучаешь
Ея-же пѣснью удалой.

*
* *

Великое свершилъ, пѣвецъ, ты дѣло
И службу родинѣ ты сослужилъ,

Семья твоя съ тобою вмѣстѣ пѣла,
И мощный духъ въ васъ общій жилъ.

* * *

И если малое хотя значенье
Въ глазахъ твоихъ могу и я имѣть,
Пусть пробужу въ тебѣ любовь иль увлеченье,
Иль жалость, ненависть и мечь...

* * *

Ты только вѣрь, поэтъ, пѣвецъ народный,
Что страстью искренней пылаю
Къ твоей я музѣ благородной,
Въ тебя я крѣпко уповаю.

* * *

Ты не одинъ: вездѣ, всечасно буду
Съ тобою радоваться твоему успѣху,
Твоей я пѣсни не забуду,—
Въ воспоминаніи о ней найду утѣху.

* * *

Прими-жъ, пѣвецъ страны далекой,
Привѣты родственной души,
Въ твоей душѣ прекрасной и высокой
Всѣ отголоски хороши!...

(Alessandra.)
Алессандра.

Дополненіе къ стансамъ.

Вѣдь не ошиблась я, не увлеклась,
Не ложнымъ я восторгамъ отдалась...
Вѣдь эти дивные не лгутъ мнѣ звуки,
Когда поднять всѣ сердца муки
И всѣ восторги можешь ты...
Иль юношескія мои мечты
Однимъ ты словомъ разобьешь
И ихъ по вѣтру разнесешь?...

Ужель я ложно увлекалась
И грудь отъ боли надрывалась,
А надъ толпой ты равнодушно
Смѣялся холодно, бездушно?
Не можетъ быть.... закинь тогда
Мои стихи ты навсегда!
Иль лучше... нѣтъ, оставь сомнѣнье
Моей душѣ ты и волненье!

Alessandra.

Знаменитому артисту

Г. Дмитрію Славянскому-Агрневу.

Королю изъ артистовъ.

Какъ король, окруженный своимъ штатомъ,
Ты выходишь величественно передъ толпою,
И, послушный мановенію твоего волшебнаго жезла,
Твой дивный хоръ оглашаетъ звуками залъ.
Подобенъ звѣздному небу твой роскошный нарядъ,
Залитый разноцвѣтнымъ огнемъ—горящими камнями
Раздаются волшебные звуки... то тихіе и нѣжные,
То звонкіе и могучіе, какъ твое великое отечество..
Въ голосъ твоёмъ слышатся то слезы, то ласка,
То безнадежная тоска и злобное отчаяніе..
То любовь и нѣга, ласка и увлеченіе прекраснымъ...
А улыбка, осѣняя твой апостольскій дивный ликъ,
Освѣщаетъ прекрасное, полное могучаго вдохновенія,
Твое типично-русское лицо, твой богатырскій станъ...
Ты пѣлъ намъ—и мы всей душой увлекались тобою!
Слава тебѣ, пѣвецъ любви, радости и печали,
Твоя пѣсня—сама жизнь, сама вѣщая правда.
Привѣтствую тебя всей силой моей лиры,
Всѣмъ существомъ моимъ, всей мощью моего сердца!

Вильгельмъ Маркетти.

Парижъ.—Присоединяюсь отъ всего сердца къ празднику,
который собралъ всѣхъ Васъ для чествованія пѣвца Славян-

скаго, коего я прошу принять отъ меня увѣреніе въ уваженіи и моей симпатіи.

Генераль *Буланже*, почетный членъ Вашего юбилейнаго комитета.

Парижъ. — Примите и мои искреннія поздравленія по случаю Вашего юбилея.

Старшій секретарь русскаго посольства, *Николай Николаевичъ Гирсъ*.

Парижъ. — Вы принесли радость моимъ старымъ годамъ, давши мнѣ возможность послушать звучныя пѣсни моей чудной родины, которую я, старая и болѣзненная, можетъ быть, никогда не увижу; Вы дали мнѣ случай ближе узнать Васъ и Вашу жену, женщину возвышенную (*superieure*), я поздравляю и благословляю Васъ *).

Графиня Бобринская.

Парижъ. — Вспоминая лучшіе дни Вашего пребыванія здѣсь, душевно привѣтствую.

Графиня де-Гранваль.

Парижъ. — Великъ интересъ Вашего воспроизведенія старины въ пѣсняхъ и костюмахъ, живое оставляете Вы воспоминаніе.

Маркизь де-Гастроле.

Парижъ. — Симпатичному артисту, развившему во мнѣ вкусъ къ прѣкрасной русской музыкѣ — поклоненіе; привѣтствія также г-жѣ Славянской.

Графиня д'Аланъ.

Парижъ. — Поздравляютъ Славянскаго съ празднованіемъ его 25-лѣтняго юбилея и посылаютъ ему привѣты и пожеланія.

Маркизь и маркиза Сантъ-Еньянь.

---

*) Гр. Бобринская—мать бывшаго министра путей сообщения Бобринскаго, живущая въ Парижѣ и несмотря на свою старость, посѣщавшая всѣ концерты Д. А. Агреева-Славянскаго. Эта женщина очень религіозная и високообразованная; она дѣйствительно благословила Славянскихъ золотымъ крестомъ, украшеннымъ жемчугомъ.

Парижъ. — Воспоминаніе праздника 11 мая 1886 года въ Парижѣ живо.

Я привѣтствую великаго артиста Дмитрія Славянскаго и восклицаю изъ глубины моего сердца: да здравствуетъ Россія въ союзѣ съ Франціей!

Докторъ Пастёръ.

Парижъ. — Привѣтствую знаменитаго пѣвца.

Князь Сазанъ.

Парижъ. — Мои дружескія, сердечныя поздравленія юбиляру. Отъ директора скульпторнаго отдѣла музея Гревина (musée Grevin) въ Парижѣ, *Бернштама* (извѣстный скульпторъ).

Парижъ. — Привѣтствуетъ Васъ и съ восторгомъ вспоминаетъ: „Эй, ухнемъ!“

Г. Пфейферъ.

Марсель. — Достойный пѣвецъ дивныхъ пѣсенъ привѣтствую Васъ.

Художникъ Г. Бюте. (Buttet).

Парижъ. — Счастливъ поздравить достойнаго съ достойнымъ праздникомъ.

Артистъ Клитесъ.

Парижъ. — Желаю юбиляру въ будущемъ успѣха, превосходящаго еще бывшій, для увеличенія его заслуженной славы и для славы процвѣтанія изящныхъ искусствъ въ Россіи.

Художникъ-живописецъ Шереметевъ.

Парижъ. — Да здравствуетъ Славянскій, его хоръ и Россія!
Живописецъ *Сиклеръ.*

Парижъ. — Помнимъ и привѣтствуемъ Васъ.

Газета „Фигаро“! Шеншаль, Пижоннй.

Парижъ. — Привѣтствуемъ пѣвца, такъ чаровавшего насъ.
Валерія Болморъ, Г. Тальбо.

Парижъ. — Искреннѣйшія поздравленія отъ многихъ изъ Общества „*Маседуанъ*“

Масне.

Парижъ.—Ваше пѣніе создаетъ образы, это цѣлая поэма. Вы достойны Вашей славы.

Музыкантъ *Ларошъ*. (*Laroche*).

Парижъ.—Съ восторгомъ вспоминая концерты Ваши и знакомство наше, поздравляю.

Художникъ (*Robert*). *Робертъ*.

Парижъ.—Долго будетъ помнить Васъ Парижъ; много отраднато и теплаго дали Ваши звуки.

Мелисъ, Бене, Даркуръ (журналистъ).

Парижъ.—Посылаю поздравленія великому артисту, который очаровалъ Парижъ. Желалъ бы лично присутствовать на этомъ прекрасномъ юбилеѣ. Сердцемъ я съ Вами и съ Вашимъ прекраснымъ семействомъ.

Преданный Вамъ другъ Докторъ *Эмундъ Барре*.

Парижъ.—Наши самыя искреннія поздравленія, по случаю двадцатипяти лѣтъ дѣятельности, симпатичному артисту Дмитрію Славянскому!

Марель.

Парижъ.—Съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и привѣтствіями.

Амедей Сушаръ.

Парижъ.—Поздравляю Васъ, пѣвецъ Россіи! Вы освѣтили наши души электрической искрой Вашихъ чудныхъ пѣсень. Вамъ благодарность, поздравленія, пожеланія.

Маркъ Аврель, и его друзья *Тиссо, Жерарди, Аларронъ*.

Парижъ.—Вы огласили Вашими чудными пѣснями столицу Европы и очаровали Вашихъ слушателей. Слава Вамъ.

Рено, Тиботъ.

Парижъ.—Кто умѣетъ импонировать публикою, какъ Вы—

тотъ великій артистъ, достойный поклоненія. Примите мое поклоненіе.

Мариусъ Гольдбергъ.

Парижъ.—Искреннія поздравленія отъ Вашихъ вѣрныхъ друзей.

Дюле, Полико, Галліа.

Парижъ.—Всегда будемъ помнить Ваши увлекательные концерты. Примите наши привѣты.

Рудо (литераторъ), Челли, Девисъ.

Парижъ.—Посылаетъ лучшія пожеланія и хорошія воспоминанія.

Г-жа Сушанъ.

Марсель.—Примите поздравленія и привѣты новыхъ искреннихъ друзей.

А. Шаронъ, Клара Шаронъ.

Парижъ.—Отъ души привѣтствуемъ представителя Славянской музыки.

Свидерскій, Виронъ.

✓ Парижъ.—Самыя дружескія привѣтствія Юбилару.

Гино (Guinaud).

Парижъ.—Лучшія поздравленія, искреннія пожеланія процвѣтанія Вашей прекрасной музыкѣ.

Лабордъ, Маркъ Тиссо.

Парижъ.—Поздравленія Вамъ изъ гостинницы Ришелье. Помнимъ Ваши концерты.

Русскій поваръ Питларовъ.

Ницца.—Русское благотворительное Общество въ Ниццѣ, находясь еще подъ впечатлѣніемъ чарующаго пѣнія, сочувствуя его патріотическимъ цѣлямъ, посылаетъ лучшія пожеланія именитому артисту.

Президентъ Совѣта *Оршинъ*, товарищъ *Протопоповъ*, Предсѣдательница Дамскаго Комитета *Марія Батурина*, Почетный членъ *Щеголевъ*.

Ницца.—Примите идущія отъ сердца поздравленія по случаю двадцатипятилѣтія. Сохранили о Васъ лучшія воспоминанія.

Григорій Щеголевъ, Александра Щеголева.

Ницца.—Итальянки, Ваши поклонницы, шлютъ привѣты.
Олимпія Акканти, В. Струцца.

Ницца (Франція). — Г-ну Дмитрію Агреневу-Славянскому. Примите мои искреннѣйшія поздравленія по случаю Вашего юбилея, овацій котораго Вы вполне заслужили.

Лероа, директоръ „Monde Elegant“ въ Ниццѣ.

Ницца.—Поздравленія и сердечныя пожеланія съ виллы Бельмаре.

Отъ поклонницъ.

Авиньонъ.—Городъ нашъ, не посѣщенный Вами, все ожидаетъ Васъ. Слышавши Васъ въ Парижѣ, привѣтствуемъ Вашъ праздникъ, посылаемъ поздравленія, искреннія пожеланія.

Орель Фіосли, Стеиль.

Пузень (Франція) департ. Ардешъ. — Посылаю мои задушевные поздравленія симпатичному артисту, который очаровалъ меня и котораго знакомство доставило мнѣ истинное удовольствіе.

Елизе Бостъ (пасторъ).

Марсель.—Мы помнимъ „Боже Царя Храни“, „Кумушка Голубушка“, „Камаринскую“, и Ваше увлекательное пѣніе, и Вашъ стройный хоръ.

Чаршевскій, Сплавскій, графъ Делива.

Марсель.—Лучшія пожеланія и поздравленія къ юбилею

знаменитаго артиста Дмитрія Славянскаго-Агренева по случаю двадцатипятилѣтія его артистической карьеры отъ газеты „*Маленькій Марсель*“.

Марсель. — Вы поднимаете духъ націи воспроизведеніемъ ея національныхъ богатствъ. Вы сумѣли заставить восхищаться Вашей націей въ ея народной пѣснѣ. Честь и слава Вамъ, бардъ русской и сродныхъ славянскихъ націй.

Генрихъ Бонадъ.

Тулонъ. — Счастлива страна, въ которой родился артистъ, какъ Вы, служащій національнымъ стремленіямъ своей страны. Поздравленія, пожеланія отъ

Графа Деркуръ, Лярошъ, Боненъ.

Тулонъ. — Поздравленія искреннія, пожеланія единокорныя (unanimés). Надѣмся увидѣть Васъ снова здѣсь.

Отъ артистовъ-поклонниковъ въ Тулонъ.

Тулонъ (Франція). — Слава Вамъ, знаменитый и симпатичный артистъ, слава Вашей чудной пѣснѣ, слава Россіи, Вашему великому отечеству!

Служащіе въ гостинницѣ „grand-hôtel Victoria“.

Тулонъ. — Привѣтъ и поздравленіе.

Лобъ.

Тулонъ. — Вашъ единовременный помощникъ здѣсь посылаетъ Вамъ привѣты.

Д. А. Геркуръ д'Армантезъ.

Діеппъ. — Пѣвцу прекрасныхъ національныхъ пѣсней отъ имени людей, работающихъ для своей націи, привѣтъ!

Тирель, Морисъ, Бруно, Арну.

Лионъ. — Искреннее поздравленіе, пламенное пожеланіе процвѣтанія русской музыкѣ, которую Вы возродили въ Вашемъ прекрасномъ исполненіи.

Ренакль, Дени, Пля-Валле.

Лионъ.—Ваши лионскіе друзья, гордые Вашимъ успѣхомъ, аплодируютъ Вашему юбилею и симпатизируютъ Вашей заслуженной славѣ.

Дебуръ, Гильемъ, Бумарше, Морисъ, Дотель—друзья.

Каны.—Празднуемъ вмѣстѣ съ Россіей пѣвца національнаго, чудныя мелодіи котораго раздаются еще въ нашемъ сердцѣ. Хвала!

Делякрошъ, Гюйо, Давернъ.

Сенъ-Клу.—Поздравляемъ, желаемъ всего хорошаго.

Террье, Дюффо.

Гавръ.—Добрыя пожеланія и привѣты отъ друзей.

Симонъ, Дрюмонтъ.

Парижъ.—Шлемъ искреннѣйшія привѣты Дмитрію Славянскому-Агреневу.

Леметръ, Бюто, Деломъ.

Адресъ отъ общ. артист. и литерат. „Яблоко“, *Франція.*

„Яблоко“ Общество артистическое и литературное, основанное въ 1877 году въ *Нормандіи* и *Бретани.*

Достойнѣйшій г. Д. Славянскій-Агрень!

Съ восторгомъ узнали мы о тѣхъ справедливыхъ почестяхъ, которыя воздаются Вамъ на празднованіи Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея.

Въ Парижѣ еще я лично, присутствуя въ Вашихъ концертахъ и сталкиваясь съ Вами въ Обществѣ, оцѣнилъ Ваше великое артистическое значеніе, а въ особенности—благородство и возвышенность Вашего характера. Я сохранилъ о Васъ и о привѣтливой и достойной госпожѣ Славянской самыя отрадныя воспоминанія. Вамъ извѣстно, что, несмотря на разстояніе, Парижане и всѣ Французы чувствуютъ къ

Россіи и въ особенности къ Москвѣ нѣжную привязанность. Мы здѣсь, во Франціи, мыслимъ по крайней мѣрѣ, что сердца наши бьются одинаковымъ размѣромъ съ Вашими.

Я желалъ, Милостивый Государь, чтобы наше Общество одно изъ первыхъ выразило Вамъ свои искреннія чувства и поздравляю Васъ отъ лица его по случаю великаго событія изъ Вашей артистической дѣятельности.

Объ одномъ остается мнѣ сожалѣть, это о томъ, что я не могу быть въ этотъ день около Васъ, чтобы лично поздравить Васъ и лично передать Вамъ всѣ наши пожеланія и чувства высококаго нашего къ Вамъ уваженія.

Редакторъ-директоръ Общества „Яблоко“ докторъ *Елмундъ Барре*.

Адресъ отъ Музыкальнаго Общества въ Бернѣ.

Музыкальное Общество города Берна имѣетъ честь принести лучшія поздравленія г-ну и г-жѣ Славянскимъ по случаю юбилея знаменитаго артиста, вспоминая съ удовольствіемъ о пребываніи его въ Бернѣ въ 1886 г.

Представитель *Ж. Торманъ*.

Карль Гуно посылаетъ г. Д. Славянскому-Агреневу воспоминаніе его симпатіи и восхищенія, привѣтствуя артиста по случаю юбилея его знаменитой дѣятельности.

Карль Гуно.

Парижъ.

Ко всеобщимъ выраженіямъ симпатіи и уваженія артисту Славянскому присоединяю и я свои — и поздравляю его съ двадцатипятилѣтіемъ его артистической дѣятельности.

Я слышалъ и восхищался въ Парижѣ имъ и хоромъ, которымъ онъ управляетъ съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ. Я горячо вмѣстѣ съ другими аплодировалъ мелодіямъ Россіи, мастерски исполненнымъ подъ управленіемъ Славянскаго.

Л. А. Буро-Дюкурэ, проф. Парижской Консерваторіи.

Парижъ.

Одно изъ отраднѣйшихъ воспоминаній моея жизни — это знакомство съ Вами и Вашей пѣсней. Улица Тронше вызываетъ во мнѣ такія чувства, которыя оставляютъ только жалѣть, что Богъ вѣсть, когда мы съ Вами свидимся, и что все такъ быстро проходитъ въ жизни. Помимо очарованія Вашими концертами, сколько музицировали мы у Васъ... Прошу и нынѣ принять мои привѣты по случаю Вашего торжества.

Вашъ другъ композиторъ-піанистъ *Равина*.

Парижъ.

Отъ Агенства Общества авторовъ и композиторовъ.

За отсутствіемъ г-на Сушона, я позволяю себѣ отъ имени всего нашего Общества, котораго г-жа Славянская состоитъ членомъ, выразить полное наше Вамъ поклоненіе и поздравить Васъ отъ всей души съ Вашимъ торжествомъ. Мы также, какъ г. Сушонъ, относимся съ полнымъ восторгомъ и симпатіей къ Вашей достойной дѣятельности и къ той энергіи, которую Вы въ ней проявляете. Несомнѣнно, что Вы уже имѣете поздравленіе отъ г. Сушона; если же оно запоздастъ, то не примите это за равнодушіе, а поймите, что онъ среди кучи дѣлъ въ отвѣздѣ можетъ и не знать о Вашемъ юбилеѣ.

Примите увѣреніе въ нашемъ высококомъ почитаніи Вашего таланта и дѣятельности.

Беникъ Солель, Бонаде—товарищи.

Парижъ.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Москва собирается отпраздновать Вашъ двадцатипятилѣтній юбилей. Позвольте мнѣ, какъ Москвичкѣ и дочери Вашей крестной матери, сказать Вамъ душевное спасибо за тотъ почетъ и славу, которыми Вы окружили имя Славян-

саго, даннаго Вамъ покойной графиней Евдокіей Петровной Ростопчиной. Она первая повѣрила въ Вашу счастливую звѣзду и благословила Васъ на артистическое поприще. Ее уже всѣ позабыли, а Ваша сладкая пѣснь все еще звучитъ побѣдоносно и чаруетъ всѣхъ. Два года тому назадъ она, на чужой сторонѣ, заставила биться мое сердце и напомнила мое дорогое прошлое, возбудила воспоминанія о родинѣ. Спасибо Вамъ; хотя я больна лежу, но все-таки я хотѣла изъ далека присоединиться ко всѣмъ цѣнителямъ Вашего таланта и протянуть Вамъ руку.

Душевно уважающая Васъ *г-р. Лидія Ростопчина.*

Ницца.

Посылаю Вамъ мой журналъ съ лучшими Вамъ и супругѣ Вашей по случаю Вашего юбилея привѣтствіями.

Когда опять къ намъ?

Редакторъ газеты *Journal Industriel Д. А. Казалона.*

(При письмѣ газета со статьей о юбилеѣ Д. А. Славянского и о его заслугахъ).

Парижъ.

Вы истинный артистъ, достойный поклоненія. Вы увлекли стараго директора.

(Визитная карточка.

М. Стракошъ.

Съ восторгами и привѣтами.

Профессоръ музыки *Е. Гейросъ.*

(Визитная карточка).

Парижъ.

Ученица г-жи К. Патти позволяетъ себѣ привѣтствовать въ Васъ знаменитаго артиста.

(Визитная карточка). *С. Бренномъ.*

Парижъ.

Съ восторгомъ всегда вспоминая Ваши дивныя мелодіи, я лъщу себя надеждой снова услышать ихъ въ Парижѣ. Кружокъ Вашихъ поклонницъ уполномочилъ меня поздравить Васъ съ исходомъ двадцатипятилѣтія Вашей славной дѣятельности на пользу Вашего прекраснаго отечества.

Г. Бейеръ, М. Готье, М. Валеръ, Н. Лозель, А. Вернье, О. де-Виттъ, С. Малу, Мари Байэре.

Парижъ.

Примите симпатіи и восторги, знаменитый артистъ-художникъ!

Профессоръ пѣнія *М. Маркези.*

Парижъ.

Милостивый Государь!

Вы доставили намъ такое идеальное наслажденіе Вашими концертами въ Парижѣ, что, принося Вамъ наше искреннее поздравленіе съ Вашимъ торжественнымъ юбилеемъ мы собрались компаніей, все составленной изъ Вашихъ горячихъ поклонниковъ, и жалѣемъ только о томъ, что разстояніе не даетъ намъ возможности присутствовать лично и сказать: да здравствуетъ Россія и ея художникъ-воспроизводитель народныхъ богатствъ.

Подписано *Альверше.*

Парижъ.

Присоединяюсь мысленно къ празднованію торжественнаго юбилея Д. А. Славянскаго и отъ всего сердца участвую въ его радости. Прошу принять и мои поздравленія въ числѣ безчисленныхъ восторженныхъ привѣтствій. Талантъ, подобный тому, которымъ обладаетъ г. Славянскій, жизнь, такъ благородно пожертвованная на служеніе родинѣ, заслуживаютъ публичной награды, и всѣ понимающіе это, далеко-ли они или близко около Васъ, разъ слышавшіе Васъ, рады принять участіе въ Вашемъ торжествѣ.

Евгенія Дебуръ (M-elle Debourg).

Марсель.

Всегда съ удовольствіемъ вспоминаю я Ваше пребываніе въ нашемъ городѣ и радовался, что и публика такъ сразу оцѣнила всю красоту Вашихъ мелодій. Почитаю себя счастливымъ, сообщая Вамъ, что юбилей Вашъ встрѣтилъ здѣсь сочувствіе и въ обществѣ и въ прессѣ. Посылаю Вамъ номеръ „Маленькаго Марсельца“, вышедшій сегодня, и, прося Васъ принять мои самыя задушевные поздравленія по случаю XXV-лѣтія Вашей достойной дѣятельности, увѣренъ, что Вы не сомнѣваетесь въ искренности чувствъ Вамъ преданнаго, извѣстнаго Вамъ музыкальнаго агента.

М. Карбонель.

Марсель.

Привѣтствія отъ любителя и поклонника русскаго пѣнія.
(Визитная карточка). *Ф. Дрейфусъ.*

Парижъ.

Посвящаю мое стихотвореніе чудному пѣвцу, молодому благородному артисту Дмитрію Славянскому, разносителю чудныхъ національныхъ мелодій. Я чужестранецъ на сѣверѣ, я самъ пѣвецъ и живо чувствую всю силу великаго таланта.

Артистъ и поэтъ *В. Маркетти.*

Парижъ.

Восхищавшійся Вами привѣтствуетъ Васъ.
Извѣстный Вамъ

(Визитная карточка).
Ментонъ.

Перецо.

Поздравляемъ сердечно восхищавшаго Парижъ пѣвца.
Гостиница *Континенталь.*

Парижъ.

Привѣтъ Вамъ отъ
(Визитная карточка.)

Барона Орсини.

Ницца.

Съ искреннѣйшими привѣтами симпатичному пѣвцу и чело-
вѣку.

(Визитная карточка.)

Гарне.

Парижъ.

Съ самыми искренними и сердечными поздравленіями по
поводу юбилея.

Кетлеръ (музыкальн. агентъ).

Марсель.

Пройдетъ много лѣтъ и мы всё также живо будемъ чув-
ствовать очарованіе, произведенное на насъ Вашими дивными
звучаніями. Слава Вамъ и привѣтъ отъ

Альфреда Дюбургъ.

Тулонъ.

Славному пѣвцу дивныхъ пѣсенъ—наши сердечныя при-
вѣтствія.

В. Рюй, Г. Веротье, Де Во.

Парижъ.

Ваши поклонники шлютъ Вамъ привѣтствія.

Мазронъ, Ретти, Главье.

Лионъ.

Поздравляетъ Васъ артистъ, служащій въ театрѣ „*Ля Гете*“,

А. Годалу.

Парижъ.

Сердечныя привѣтствія отъ

В. Бене.

Парижъ.

Музыкальное агентство *Шляксъ* привѣтствуетъ русскаго артиста.

Парижъ.

Шлютъ привѣты

Луи Браунъ, В. Жераръ.

Парижъ.

Прошу принять мои привѣтствія.

Г. Борнесъ.

Руанъ.

Съ удовольствіемъ вспоминаетъ весь Парижъ Ваши здѣсь концерты. Привѣтствую Васъ лично.

Т. Еммери

Парижъ.

Многіе друзья Вашей пѣсни просятъ принять ихъ привѣтствія.

Карлъ Зааре, Д. Жиберъ, Д-ръ Мату, Бертоль.

Парижъ.

Съ искренними привѣтами отъ преданныхъ друзей.

Ж. Пиротъ, Авертинъ.

Марсель.

Восхищавшійся Вами въ Ліонѣ шлетъ Вамъ поздравленія.

С. Колле (Collet).

Гренобль.

Хорошія и дорогія воспоминанія оставили Вы намъ о себѣ, примите благодарность и привѣты.

Г. Фавье, Де Біель, Ф. Сентонъ.

Тулонъ.

Многоуважаемые дорогие друзья

О. Х. и Д. А.!

Вотъ куда завлекла меня охота; здѣсь я узналъ о предстоящемъ юбилеѣ Д. А. Сердечно сокрушаюсь, что едва ли попаду въ эти дни празднованія не только въ Москву, но и къ себѣ домой.

Во всякомъ случаѣ Вы не будете, конечно, сомнѣваться въ полномъ моемъ сочувствіи и дружбѣ, и присоедините и тутъ меня къ числу тѣхъ лицъ, которыя радуются отъ души всѣмъ Вашимъ удачамъ и считаютъ торжество Ваше вполне заслуженнымъ.

Н. Малыгинъ.

Мentonъ.

Милостивая Государыня!

Я имѣлъ удовольствіе слышать, видѣть, восхищаться и апплодировать замѣчательной капеллѣ г. Д. Славянскаго-Агренева, Вашего супруга. Полные артистическаго достоинства эти концерты, при мастерскомъ исполненіи г. Славянскаго и его неподражаемаго хора подъ его управленіемъ, производили на симпатизирующихъ всему русскому французовъ неотразимое впечатлѣніе. Я радъ, что имѣю случай выразить г. Д. Славяскому-Агреневу, черезъ посредство Васъ, знаменитой русской женщины науки и труда, принадлежащей къ обществу, котораго я состою столько лѣтъ президентомъ, мое полное, искреннее уваженіе и привѣтствіе. Сожалѣю, что года и многочисленныя мои занятія не даютъ мнѣ возможности посвятить свое время тому чудному, симпатичному дѣлу, которому Вы служите. Примите оба увѣреніе моего полного сочувствія и глубокаго почитанія.

Лоранъ-де-Рилле (Laurent de Rillé).

Президентъ Общества авторовъ и композиторовъ и музыкальнаго комитета въ Парижѣ.

(Président de la Société des Auteurs et des Compositeurs et des auditions musicales à Paris).

Вопрос о том, как развивалась физика в XIX и XX веках, является одним из самых интересных и важных. В XIX веке физика достигла своего расцвета, и были открыты многие законы природы. В XX веке физика перешла на новый уровень, и были открыты новые законы природы.

М. И. Бродягин

История развития науки

История развития науки в области физики является одним из самых интересных и важных. В XIX веке физика достигла своего расцвета, и были открыты многие законы природы. В XX веке физика перешла на новый уровень, и были открыты новые законы природы.

История развития науки в области физики является одним из самых интересных и важных. В XIX веке физика достигла своего расцвета, и были открыты многие законы природы. В XX веке физика перешла на новый уровень, и были открыты новые законы природы.

ОТДѢЛЪ VІІІ.

ИТАЛІЯ, ШВЕЙЦАРІЯ.

Телеграммы изъ Италиі.

Флоренція.—Аплодировавшіе Вамъ въ Ниццѣ, спѣшимъ поздравить Васъ съ юбилейнымъ празднѣствомъ.

Альфредъ Трейе, Генрихъ Трейе.

Флоренція.—Привѣтствуя Васъ, припоминаемъ Ваше обѣщаніе посѣтить насъ.

Мелясъ.

Флоренція.—Поздравляю русскаго артиста, пѣніемъ котораго восхищался въ Ниццѣ.

(Визитная карточка) К. Сивори.

Неаполь.—Приношу дань поклоненія моему артисту.

Вашъ старый другъ

профессоръ *Папалардо.*

Неаполь.—Привѣтъ отъ кружка артистовъ.

Подписано: *Палетти, Виконтини.*

Римъ.—Привѣтствую, радуюсь полученной Вами славѣ.
Старый знакомый

Никколо Сальвеліо.

Флоренція.—Искреннія поздравленія отъ артистки.

Матильда Меллини.

Привѣтствуя Васъ, господинъ Д. Славянскій-Агреньевъ, я возобновляю мое предложеніе Вамъ устроить концерты во Флоренціи, да и во всей странѣ, гдѣ ожидали Васъ изъ Ниццы. Отчего Вы не пріѣхали?

Эммануилъ Андреом.
(Музыкальный агентъ).

Флоренція.

Старый маэстро, много читавшій о Вашихъ успѣхахъ, привѣтствуетъ Васъ и будетъ радъ слышать Васъ въ своемъ городѣ.

(Визитная карточка)
Миланъ.

И. Понти.

Много и часто слышавшая Васъ въ Европѣ и восхищавшаяся дивными мелодіями Вашими шлетъ Вамъ сердечныя привѣтствія.

(Визитная карточка).

Амелина де-Кудре.

Баньи-ди-Лука.

Телеграммы изъ Швейцаріи.

Бернъ. — Примите мои искреннія поздравленія, Дмитрій Александровичъ, по случаю юбилея Вашей блестящей артистической карьеры.

Русскій посоль *Гамбургеръ*.

Женева. — Поздравленія и искреннія пожеланія продолженія Вашей славной и полезной карьеры артистической, отъ имени прихожанъ русской церкви.

Прихожане русской церкви въ Женевъ за подписью церковнаго старосты Зиновьева.

Женева. — Музыкальное наше общество привѣтствуетъ Васъ, поздравляетъ и смѣетъ увѣрить Васъ, что впечатлѣніе, произведенное Вашимъ пѣніемъ въ Женевѣ, оставило неизгладимое впечатлѣніе.

Директоръ и профессоръ консерваторіи *Бонадъ*.

Женева. — Русскій хоръ въ Женевѣ привѣтствуетъ русскаго юбиляра и надѣется на продолженіе его славной артистической дѣятельности на многія лѣта.

Директоръ русскаго хора *Спассо*.

Бернъ. — Ваши пѣсни обошли вокругъ свѣта, дѣйствуя побѣдоносно и неотразимо. Ученые и артисты пришли черпать въ сокровищницѣ звуковъ, которую Вы имъ открыли. Вы дѣлаете великое дѣло, не подозрѣвая того. Слава Вамъ и Вашимъ чуднымъ пѣснямъ!

Бернгардтъ, Флаунъ, Кузенъ.

Цюрихъ.— Русскіе, восхищавшіеся недавно на чужбинѣ родными звуками, шлютъ сердечные привѣты.

Люцернъ.— Къ сожалѣнію, не могу присутствовать на юбилей такого артиста, настолько же превосходнаго, насколько симпатичнаго. Примите выраженіе искренней дружбы, вмѣстѣ съ горячими поздравленіями и глубокимъ уваженіемъ.

Антоновичъ, Фуксъ, Берноффъ.

Лозанна.— Искреннѣйшія поздравленія отъ человѣка русскаго, вѣрнаго своему отечеству, пѣвцу русскому, который такъ расшевелилъ душу, пѣсни котораго заставили плакать мое бѣдное русское сердце.

Герценъ.

P. S. Посылаю телеграмму эту—увы!—письмомъ.

Женева.—Ваши друзья привѣтствуютъ Васъ.

Бертардтъ, Рамель.

Невшатель.—Артисты городского театра поздравляютъ русскаго пѣвца.

Лозанна (Швейцарія).—Ваши мелодичныя пѣсни дѣйствуютъ на душу такъ, какъ роса на цвѣты. Проходя Вы оставляете повсюду почитателей.

Галшиє, Фишеръ, Бартонь.

Лозанна.—Поздравляемъ сердечно.

Болгаринъ Чавовъ, Теодоровъ.

Лозанна.—Привѣтъ и честь великому артисту и его семьѣ. Отъ г. Готье, содержателя гостиницы (Belle vue) Бель-вю въ Лазаннѣ.

Веве.—Примите наши поздравленія по случаю Вашего славнаго юбилея и вѣрте нашей симпатіи.

Гершель, Россель, Марія Деклеркъ.

Цюрихъ.—Примите поздравленія запоздавшія, но не менѣе искреннія.

Лидертъ, Сентъ-Имье.

Биль.—Ваше появленіе напоминаетъ страницу изъ волшебныхъ сказокъ; оно восхитительно! Ваши концерты изъ тѣхъ, о которыхъ воспоминанія никогда не изгладятся. Примите наше лучшее пожеланіе.

Эмиль-Конти, Рамбертъ, Дешанъ.

Невшатель.—Невшательское типографическое общество посылаетъ Вамъ свои лучшія поздравленія и пожеланія.

Невшатель.—Искреннее пожеланіе, поздравленіе и привѣтъ по случаю Вашего артистическаго юбилея.

Даніиль Шотанъ (церковный распоряд.).

Сентъ-Этьеннъ.—Поздравленіе, наилучшія пожеланія, привѣтъ къ Вашему празднику отъ старыхъ друзей.

Верне артистъ, докторъ Каронъ, Либерсъ.

Монтрё.—Въ Юбилейный Комитетъ г. Славянскому.

Вы доставили намъ удовольствіе слышать Ваши чудныя пѣсни, тронувшія и очаровавшія насъ. Не откажитесь принять поздравленія служителей гостиницы Бель-вю.

Фрейбургъ.—Г. Дмитрій Славянскій-Агреньевъ! Кто Васъ разъ слышалъ, сохраняетъ о Васъ вѣчное воспоминаніе. Наши поклоненія знаменитому артисту безграничны!

Банне, Гетшель, Вурмъ, Брандтъ, Стиль, Миллеръ.

Базель.—Въ юбилейный Комитетъ г. Славянскому.

Привѣтъ знаменитому артисту, восхитившему и увеселившему наши сердца. Дорожимъ воспоминаніями о его путешествіи по Швейцаріи. Надѣемся свидѣться, какъ Вами было обѣщано Вашимъ поклонникамъ въ Базелѣ.

Поклонники.

Лютыхъ. — Сердечное поздравленіе съ искренними привѣтами Вашихъ почитателей и почитательницъ, у которыхъ съ Вашимъ именемъ соединены лучшія воспоминанія.

Почитатели и почитательницы (изъ русск. и иностр.)

Бернъ. — Поздравляю, сердечно радуюсь.

Косляковскій.

Женева. — Сколько очарованія и восторга сдѣлали Ваши концерты, не нахожу словъ выразить.

Г. Равель.

Люцернъ. — Увлеченные Вашей пѣсню, помнимъ Васъ и поздравляемъ.

Луи Лейснеръ, Артуръ Морциг.

Веве. (Швейцарія.) — Привѣтствія и сердечныя поздравленія отъ

Россъ Маркосъ.

Бернъ — Примите, родной пѣвецъ, привѣты восхищавшейся Вами на чужбинѣ, страдающей въ разлукѣ съ родиной

Русской колоніи.

Цюрихъ. — Русскіе, закинутые сюда судьбою, шлютъ горячія привѣтствія родному пѣвцу, пѣсней наполнившему радостью ихъ сердца.

Женева. — Многіе изъ горячо любящихъ родную пѣснь Русскихъ, посѣщавшихъ и восхищавшихся Вашими концертами, Васъ привѣтствуютъ.

Люцернъ. — Приносимъ наши сердечныя поздравленія по случаю торжества пѣсни представителю ея.

Русскіе.

Бернъ. — Спасибо Вамъ, славный пѣвецъ народа нашего, за отрадныя минуты, пережитыя нами въ Вашихъ концертахъ.

Многіе изъ Русскихъ.

Базель. — Вы освѣтили радостью нашу отверженную здѣсь отъ родины жизнь. Спасибо Вамъ, и да процвѣтаетъ Ваша пѣсня, всюду принося радость и восторги!

Поклонники и поклонницы (русскіе).

Невшатель. — Восхищавшіеся Вами *соотечественники и соотечественницы* помнить каждый звукъ Вашей дивной пѣсни и шлютъ вамъ горячіе привѣты.

Констанцъ. — Свѣтлымъ днемъ были для насъ Ваши здѣсь концерты. Во имя этой данной намъ отрады примите наши поздравленія.

Колонія Русскихъ.

Глубокоочтимый г. Славянскій!

Отъ меня и отъ имени многочисленныхъ Вашихъ друзей, имѣвшихъ счастье слышать Васъ въ Женевѣ, приношу Вамъ наши сердечныя поздравленія по случаю празднованія въ Москвѣ 25, 26 и 27 мая текущаго года Вашёго юбилея. Это торжество — достойная дань, отдаваемая Вашему таланту, Вашимъ настойчивымъ трудамъ по изслѣдованію народныхъ Славянскихъ мелодій—будетъ для Васъ законнымъ и весьма трогательнымъ доказательствомъ того, что Ваша нравственная цѣль вполне достигнута. Съ восторгомъ вспоминая наше знакомство въ Лозаннѣ, я желаю выразить также мое глубочайшее уваженіе г-жѣ Славянской, Вашей достойной, неутомимой, мужественной и прекрасной подругѣ. Пусть Божественное Провидѣніе ниспошлетъ Вамъ и всѣмъ членамъ Вашей почтенной семьи долгіе дни, посвященные Вашему прекрасному дѣлу. Примите увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи.

И. Д. Бюжаръ, сохранившій о Россіи и Москвѣ въ особенности лучшее воспоминаніе.

(Бюжаръ бывшій директоръ общества „Покровительства Швейцаркамъ, отправляющимся за границу“.)

Женева.

Господинъ Славянскій!

Позвольте Васъ поблагодарить отъ всего сердца за пріятныя воспоминанія, оставленныя Вами здѣсь послѣ отъѣзда, и поздравить Васъ съ празднованіемъ Вашего юбилея, принося лучшія пожеланія.

Тѣ всеобщіе восторги и поклоненіе, которые воздаются Вамъ, есть самая драгоцѣнная награда за совершенное Вами великое дѣло, которое сопряжено было съ великими лишеніями и великими трудностями.

Всѣ Ваши почитатели и друзья, которыхъ такъ много въ Женевѣ, очарованные Вашими звуками, будутъ мысленно праздновать съ Вами эти торжественные дни.

Примите же Вы и г-жа Славянская искреннія выраженія нашего къ Вамъ уваженія и поклоненія.

Адвокатъ *Карль Вюй.* (*Charles Vuille, avocat.*)

Женева.

Милостивый Государь!

Я и моя жена счастливы тѣмъ, что можемъ присоединить наши пожеланія Вамъ процвѣтанія къ пожеланіямъ всѣхъ Вашихъ друзей, и принести къ ногамъ Вашимъ наши поклоненія за часы того восторженнаго блаженства, которые Вы дали намъ Вашими концертами. Друзья Вашей родины, которую мы любимъ, какъ свою, мы привѣтствуемъ въ Васъ одного изъ привилегированныхъ ея сыновъ, который споспѣшествуетъ славѣ своей родины, указывая Европѣ на нравы и на поэзію своего отечества. Примите, Милостивый Государь выраженіе нашихъ лучшихъ чувствъ.

Андрей Денеръ де Шейтербергъ, Мери Денеръ де Шейтербергъ.

Женева. Каружъ, 20 апрѣля (2 мая) 1887 г.

Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ!

Поздравляю Васъ съ наступающимъ юбилеемъ двадцатипятилѣтней Вашей трудной дѣятельности. Увѣренъ, что не только Россія, но и вся Европа, судя по тому, рѣдко выпадающему на долю артистовъ иностранныхъ въ Европѣ, успѣху Вашему вездѣ, что и Европа, повторяю я, приметъ участіе въ торжествѣ знаменитаго и любимаго пѣвца.

Отъ *Петра Ивановича Спассовходскаго* (письмо), служащаго въ русской миссіи.

Женева.

Два лучшіе здѣшніе журнала уже отозвались при первомъ слухѣ о Вашемъ юбилеѣ весьма сочувственно. Г. Фавонъ, редакторъ „*Женева*“, самъ явился съ просьбою сообщить, что мнѣ извѣстно о юбилеѣ, и съ предложеніемъ написать о пѣвцѣ, котораго такъ полюбила Женева (его слова).

Кромѣ того, я прочелъ прекрасную статью въ *Газетъ Лозанской*, въ *Листкѣ для иностранцевъ* въ Веве, во многихъ *Парижскихъ газетахъ* и въ Кельнской газетѣ *Новая Музыкальная Газета*. Возрадовалось мое русское сердце, оторванное отъ родины, которое Вы привязали къ себѣ чуднымъ исполненіемъ родныхъ мнѣ съ дѣтства звуковъ. Спѣшу окончить письмо, чтобы Вы получили его раньше, до юбилея. Поздравленія и пожеланія всего хорошаго отъ всей моей семьи. М-elle Шипилова посылаетъ отдѣльное поздравленіе, она большая тоже Ваша поклонница. Примите увѣреніе въ моей къ Вамъ искренней преданности.

Петръ Спассовходскій.

Г-нъ пасторъ Августинъ Бостъ посылаетъ лучшія поздравленія и искреннѣйшія поздравленія г-ну Дмитрію Славянскому-Агрневу по случаю его юбилея и сердечно сожалѣетъ, что долженъ отсутствовать на трогательной и прекрасной церемоніи.

Пасторъ *Бостъ* (съ семействомъ).

Женева, ул. Кандоль 9.

Я такъ была глубоко тронута Вашими дивными звуками, увы, такъ не долго услаждавшими насъ, что, прочитавши въ *Genevois* о Вашемъ юбилеѣ, не могла отказать себѣ въ удовольствіи и поздравить Васъ, и пожелать Вамъ всего того, что жизнь еще можетъ, еще должна дать Вамъ, и какъ чело-вѣку и какъ художнику-артисту. Вѣрьте искренности.

M-elle E. Шлюгъ.

Женева.

Привѣтствую Васъ и съ восторгомъ вспоминаю Ваше пребываніе. Вы столько доставили всѣмъ удовольствія у насъ, что всегда будете доброжелательнымъ гостемъ въ Швейцаріи. Извѣстный Вамъ

Блокъ (часовая фабрика).

Шо-де-Фонъ.

Служащіе на инструментальной фабрикѣ просятъ принять поздравленія.

Кромгольцъ

Бернъ.

Съ привѣтствіями и лучшими воспоминаніями.

Шартъ.

Цюрихъ.

Посылаемъ привѣтствія русскому артисту.

Мартинъ (музыкантъ).

Женева.

Всегда съ восторгомъ мы вспоминаемъ о Вашемъ пребываніи въ Женевѣ и о томъ времени, когда Ольга Христофоровна гостила у насъ. Да и нельзя пожаловаться, что Васъ здѣсь не полюбили, напротивъ: Женева — капризный городъ и многія знаменитости здѣсь не производятъ ожидаемаго ими

эффекта. А въ Genevois какіе у Васъ друзья: и теперь все пишутъ о Васъ!

Когда-то увидимся? Думаю, теперь уже не здѣсь, а въ Россіи. Привѣтствія Вамъ мои и искреннія пожеланія.

М. Шипилова.

P. S. Привѣты Вамъ и поклонъ отъ моей маман (*и-жа Шипилова*) и отъ сестры *Кати (m-elle Шипилова)*.

Женева.

Съ поздравленіями и добрыми пожеланіями.

Отъ *Г. Фестеръ* и *Д. Сmidtъ*.

Шо-де-Фонъ.

Благодаря газетамъ, узнала о Вашемъ юбилеѣ и спѣшу, напомнивши Вамъ о себѣ, просить принять самыя сердечныя поздравленія мои Вамъ и Вашей достойной супругѣ, дѣятельной Вашей помощницѣ.

Поклонница Вашихъ дивныхъ мелодій *Магдалина Шено*.

P. S. *M-elle Море* просить передать Вамъ и ея поздравленіе.

Базель.

Еще разъ, лично, какъ другъ Вашъ, восторженный поклонникъ Вашихъ пѣсенъ, поздравляю и обнимаю.

Людвигъ Бонадъ.

Женева.

Если помните нашъ дружескій ужинъ, примите горячіе привѣты отъ

М. Шарпъ (Marie).

Лозанна.

ОТДѢЛЪ ІХ.

БЕЛЬГІЯ, ГОЛЛАНДІЯ, СКАНДИНАВІЯ и ТУРЦІЯ.

Телеграммы изъ Бельгіи и Голландіи.

Брюссель. — Чудны Ваши пѣсни и какъ воистинну артистично исполненіе. Онѣ никогда не забудутся. Счастлива, что не очень опоздала со своимъ поздравленіемъ.

Графиня Д Аржентинъ.

Брюссель. — Примите привѣты и поздравленія отъ восхищавшихся Вами

артистовъ театра Моне.

Брюссель. — Поздравленія, искреннія пожеланія и усердные поклоны.

Баронъ Пиларъ.

Лютихъ (Бельгія.) — Да дастъ Вамъ Всевышній силъ на продолженіе трудной задачи Вашей, предпринятой Вами во имя любви къ отечеству.

Семъенховичъ, Сельвели, студенты болгарскіе.

Брюссель. — Отъ лица многихъ, помнящихъ Васъ, привѣты.

Гюдюль.

Монсъ. — Всѣ пѣсни Ваши трогаютъ, радуютъ, восхищаютъ, ошеломляютъ, онѣ никогда не забываются! Честь, поздравленіе!

Еліасъ Декейзеръ.

Монсъ. — Искреннее поздравленіе достойному пѣвцу мелодій своего народа.

Декейзеръ, Виссъ, Эбнеръ.

Гага (Голландія). — Дружба, поздравленія и пожеланія отъ имени поклонниковъ національнаго пѣнія.

Читоловъ, Богословскій, Лемю, Кокоринъ.

Гага (Голландія). — Ваши почитатели посылаютъ Вамъ искреннія поздравленія съ лучшими пожеланіями по случаю Вашего юбилея.

Бланкердъ, Ванъ Имиотъ.

Замокъ Овербекъ-Вельпъ около Арнгема, Голландія. — Примите между прочими многочисленными пожеланіями также и самыя искреннія пожеланія Голландки, восхищенной русской музыкой, національными симпатичными и мелодичными русскими пѣснями и безукоризненнымъ исполненіемъ Вашего хора подъ Вашимъ гениальнымъ управленіемъ.

Дьвица Ж. А. ванъ Сприкенсъ.

Гравенгаге. — Сотрудники газеты „Отечество“ поздравляютъ пѣвца, такъ очаровавшаго всѣхъ здѣсь.

Гравенгага. — Поздравленіе на столько же заслуженное Вами, на сколько искреннее отъ тѣхъ, которые любовались Вами здѣсь.

Вельгъ Ратесъ, Линчицъ, Густикеръ.

Лонгъ-Вургаутъ (Голландія.) — Примите, М. Г., выраженіе моихъ искреннихъ чувствъ и мои горячія поздравленія.

А. Броутеръ-Ванъ-Цуръ.

Гага. — Примите мои поздравленія.

Винтеръ.

Гага. — Поздравляю съ торжествомъ.

Донекеръ.

Амстердамъ. — Сердечные мои Вамъ привѣты.

Гучикеръ.

Утрехтъ. — Привѣты и поздравленія.

Вестъ.

Лютихъ. — Въ память высокаго удовольствія, доставленнаго Вашими концертами, привѣтствуемъ Васъ.

В. Сельвелли, Д. Г. Ле-Лу.

Монсъ. — Отрадное воспоминаніе о Вашихъ дивныхъ мелодіяхъ неизгладимо. Слава Вамъ!

М. А. Верватъ, И. Семеновичъ.

Отъ *А. Алексѣва*, который поздравляетъ и посылаетъ статью изъ *Dagblad* о Славянскомъ въ переводѣ на русскій языкъ: „Не осудите: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Посылаю Вамъ переводы голландскихъ рефератовъ о Васъ, о Вашихъ концертахъ въ Гагъ, Амстердамъ, о Вашемъ значеніи и о юбилеѣ Вашемъ. Равнымъ образомъ, въ память о Голландіи благоволите принять отъ меня „*Souvenir de Hollande*“ (собраніе видовъ) и „*Album de Costumes des Pays-Bas*“. Поздравляю Васъ всѣхъ и отъ имени моей супруги. Почту за счастье, если присланное доставитъ Вамъ удовольствіе. Кстати сказать, я посылалъ статьи о Вашихъ концертахъ въ Гагъ въ „Новое Время“, но, кажется, тамъ ничего не печатали, или развѣ сократили безбожно“!

Гага.

Милостивый Государь,

досточтимый Дмитрій Александровичъ!

Позвольте принести Вамъ искреннія привѣтствія по случаю исполнившагося нынѣ двадцатипятилѣтія Вашей славной и полезной артистической дѣятельности. Живя за границей, мнѣ довелось убѣдиться въ великой заслугѣ, оказанной Вами нашей родинѣ, чрезъ живое распространеніе нашихъ народныхъ мелодій, далеко за предѣлами Россіи.

Ваше пребываніе въ прошломъ году за границую вообще, и въ Голландіи въ частности сдѣлало Васъ популярнымъ

на большомъ пространствѣ Западной Европы, заставило говорить о благозвучности русскаго языка, пробудило любовь къ его изученію.

О концертахъ, данныхъ Вами въ Гагѣ, Амстердамѣ, Утрехтѣ, Роттердамѣ, Аригеймѣ и Нимейгенѣ рефераты голландской періодической печати, изъ коихъ нѣкоторые я имѣлъ счастье отправить по Вашему адресу въ русскомъ переводѣ, сводились, какъ можете видѣть, къ одному лишь прославленію Вашей личности и Вами образованнаго стройнаго хора. По Вашемъ отъѣздѣ изъ Нидерландъ долго еще помѣщались корреспонденціи и выписки о Вашихъ концертахъ въ Бельгii, Франціи и въ другихъ странахъ Западной Европы—въ голландскихъ газетахъ. Для Русскихъ это было тѣмъ болѣе пріятно, что въ нашихъ отечественныхъ органахъ упоминалось лишь вскользь о Вашихъ концертахъ за границей и объ отношеніи къ нимъ иностранцевъ.

На возвратномъ пути въ Россію — Нидерландцы льстили себя надеждою вновь наслаждаться пѣніемъ „птичка“, какъ они выражались и устно и письменно о Вашемъ стройномъ хорѣ въ его цѣломъ составѣ, и видѣть Вашихъ пѣвцовъ въ роскошныхъ русійскихъ костюмахъ XVI и XVII вѣговъ, но этому счастью, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Нынѣ же въ Голландіи вновь интересуются Вами, героемъ истинно-русскаго торжества, и вполне сочувствуютъ празднуемому въ Москвѣ юбилею Вашей плодотворной дѣятельности. При этомъ выражаются надежды, что Вы не преминете посѣтить Нидерланды при слѣдующей Вашей поѣздкѣ за границу.

Припоминая здѣсь о награжденіи орденомъ Меджидіе со звѣздою и другими иностранными орденами, мы позволимъ себѣ пожелать Вамъ, Милостивый Государь, досточтимый Дмитрій Александровичъ, чтобы плоды Вашей послѣдующей дѣятельности послужили, преждев сего, къ примиренію партій и обильно возросли для пользы нашего обширнаго отечества и для надлежащаго прославленія Васъ, Вашей супруги, семейства Вашего и столь любимаго Вами,—стараніями Вашими организованнаго,—славнаго хора.

Благоволите принять эти слабыя строки привѣтствія и увѣренія въ истинномъ моемъ почтеніи и глубочайшей преданности, съ которыми имѣю честь быть, Милостивый Государь, досточтимый Дмитрій Александровичъ, всепокорнѣйшимъ слугою.

Александръ Алексѣевъ.

Гага, 11 (30) апрѣля, 1887 г.

Съ сердечными привѣтами и лучшими воспоминаніями о Вашемъ пребываніи здѣсь.

Богословскій.

Гага.

Съ восторгомъ мы воспоминаемъ, да и веѣ, кто Васъ видѣлъ и слышалъ, о Вашихъ чудныхъ мелодіяхъ. Благодарю Васъ и привѣтствую.

Щениринъ.

Роттердамъ.

Изъ Скандинавіи.

Христіанія (изъ Норвегіи.) — Въ бытность мою въ Парижѣ восхищался Вашими концертами. Привѣтствую Васъ и нынѣ.

Колязь Кейзеръ.

Телеграммы изъ Турціи.

Пера. — Отъ Русскаго посла въ Константинополь, *Александра Ивановича Нелидова*. Ваши цареграградскіе почитатели шлютъ Вамъ сердечные привѣты съ искренними пожеланіями долгой дѣятельности на славу родной пѣсни.

Посоль *Нелидовъ*.

Пера. — Отъ драгомана русскаго посольства въ Константинополь, *П. В. Максимова*. Искреннѣйшія поздравленія отъ Вашего константинопольскаго импрессаріо.

Константинополь. — Поздравляю, привѣтствую дорогаго юбиляра.

Н. Арбузовъ (драгоманъ).

Смирна (Малая Азія). — Далекъ закинутый судьбою, шлю Вамъ дружескій привѣтъ ко дню Вашего торжества.

Капитанъ *Рыжій*.

Боголюбивый, достоуважаемый благодѣтель

Дмитрій Александровичъ!

Миръ Вамъ и спасеніе!

Благодать и милость Господня да почіуютъ на Васъ во дни Вашего торжества и во вѣки вѣковъ.

Вмѣняемъ себѣ въ пріятную обязанность молиться ко Господу о здравіи, спасеніи и благополучіи Вашемъ и семейства Вашего. Всемилостивый Господь и мздовоздатель, призирающій съ высоты небснаго престола на дѣла и помышленія

человѣческія, за Вашу христіанскую любовь ко всему чистому и родному, за Вашу благотворительность и милосердіе ко святымъ церквамъ и обителямъ и радѣніе о православномъ церковномъ пѣніи, коимъ въ Европѣ и Америкѣ и во старинномъ христіанскомъ Царьградѣ Вы услаждали слухъ и сердца не токмо христіанъ, но и иновѣрныхъ, да воздастъ Вамъ сугубыми дарами въ сей и будущей жизни, ниспосылая Вамъ и христіолюбивому семейству Вашему все полезное для тѣла и спасительное для души.

Вручая Васъ и семейство Ваше Матернему попеченію Преблагословенной Владычицы, Радости и Утѣшенію всѣхъ благоскорбящихъ, и мощному предстательству Св. Страстотерпца и Цѣлителя Пантелеймона, иконой котораго мы Васъ благословляемъ, остаемся Ваши смиренные Святогорскіе афонскіе богомольцы.

Управляющій подворьемъ Русскаго Пантелеймоновскаго подворья схимонахъ *Паисій* съ братією.

Константинополь.

Съ радостью въ сердцѣ читаю, какъ чувствуетъ Москва нашего дорогаго роднаго пѣвца, и издалека шлю ему горячіе дружескіе привѣты, душевно сожалѣя, что не въ моей власти привѣтствовать, какъ-бы мнѣ хотѣлось, на этомъ русскомъ праздникѣ въ честь русской пѣсни и Васъ, русскаго пѣвца.

Обнимаю Васъ

Н. Арбузовъ (драгоманъ посольства Русскаго).

Константинополь, Пера.

Дорогой Дмитрій Александровичъ, присоединяю и мои горячія поздравленія, идущія хотя издалека, но отъ сердца, горячо любящаго и Россію, и ея чудныя пѣсни, и Васъ, ея достойнаго сына, борца за русское дѣло!

Капитанъ *Рыжій*.

(Пароходъ Владиміръ).

На Черномъ морѣ.

Привѣтствія изъ Африки и Америки.

Нью-Йоркъ.—Всегда съ удовольствіемъ и прежде, и теперь въ Лондонѣ слушалъ Васъ и, прочитавши въ газетахъ о Вашемъ юбилеѣ, шлю Вамъ привѣтствія.

Кинстонъ.

(Телеграмма).

Нью-Йоркъ.—Привѣтствую! Нью-Йоркъ Васъ приметъ также, какъ Лондонъ. Извѣстите.

Дейтонъ—Пробенъ.

Съ восторгомъ вспоминаетъ пребываніе въ Нью-Йоркѣ Д. А. Славянскаго и, дружески пожимая ему руку, привѣтствуетъ его торжество отъ лица всей общины.

Мистеръ Н. Василъ.

Президентъ коммуны во Флоридѣ.

Флорида.

Буфарикъ (Алжиръ).—Луи Бостъ, (пасторъ въ Буфарикъ, Африка, Алжиръ) посылаетъ искреннія поздравленія г. Д. А. Славянскому-Агрневу по случаю его юбилея.

Луи Бостъ.

ОТДѢЛЪ X.

ИНОСТРАННЫЯ ГАЗЕТЫ.

*Поздравленія изъ иностранныхъ газетъ или чрезъ посредство
таковыхъ.*

Театральная агентура (23 апр.). — Отдавая должную оцѣнку Д. Славянскому-Агрневу, шлетъ ему привѣтствія
Карль-Бернгардтъ.

Берлинъ.

Интеллигентный Листокъ (22 апр.) — Заслуги Славянскаго-Агрнева, какъ артиста и какъ народнаго пѣвца въ особенности, несомнѣнны. Онъ избралъ себѣ спеціальность и непреклонно идетъ своею симпатичною стезею, полный вѣры въ успѣхъ дѣла, близкаго къ жизни и къ сердцу каждаго человѣка, а потому и вѣрнаго. Мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ этого артиста.

Сельбахъ.

Гамбургъ.

Ежедневный Листокъ (24 апр.). — Еще юбилей, но симпатичный, какъ самъ его герой! Кто не помнитъ русскихъ здѣсь концертовъ г. Дмитрія Славянскаго-Агрнева и кто не восхищался ими!

Юлій Мункельтъ.

Галле.

Дневникъ (20 апр.). — Дѣйствительно это несравненная капелла,—капелла г. Д. Славянскаго-Агрнева; пѣніе ея живо хватаетъ за душу каждаго человѣка богатствомъ мелодіи и удивляетъ точностью исполненія и разнообразіемъ оттѣнковъ.

Гальберштадтъ.

Вѣстникъ (22 апр.). — Будто ничто новое, свѣтлое и юное повѣяло на насъ при звукахъ мелодій г. Славянскаго! Это не дюжинный артистъ, а вполне заслужившій крупныхъ овалцій и похвалъ.

Грейфсвальдъ.

Шлезвигская Газета (24 апр.). — То зрѣлище, которое намъ доставилъ г. Агреньевъ, не всегда и не часто приходится слышать и не скоро такія зрѣлища забываются. Вотъ почему и торжество его двадцатипятилѣтія находитъ отголосокъ и у насъ, и по просьбѣ многихъ мы шлемъ знаменитому артисту привѣты.

Бреславль.

Дневникъ (25 апр.). — Нельзя пройти молчаніемъ извѣстіе о праздникѣ двадцатипятилѣтія артиста, который заручился у насъ такой прочной симпатіей.

Магдебургъ.

Реформа (26 апр.). — Не только удовольствіе, но и удивленія достойно было появленіе пѣвцовъ подъ управленіемъ опытнаго и ученаго артиста, каковъ г. Славянскій. Горячо привѣтствуя его, желаемъ ему дѣльнѣйшаго процвѣтанія.

Гамбургъ.

Провинціальная Газета (24 апр.). — Отъ лица всѣхъ восхищавшихся дивными звуками передаемъ сердечное привѣтствіе и благодарность Д. Славянскому-Агревеву, какъ артисту и симпатичному человѣку.

Бременгавенъ.

Городская Газета (26 апр.). — Въ массѣ безчисленныхъ концертовъ, какъ свѣтлое облако, выдѣлялись концерты труппы Д. Славянскаго-Агреньева, оставившіе глубокое впечатлѣніе

по своей художественной прелести и роскоши обстановки. Пожелаемъ пѣвцу всего хорошаго въ день его торжества.

Вюрцбургъ.

Курьеръ (23 апр.) — Есть впечатлѣнія неизгладимыя, таковы—концерты труппы Славянскаго-Агренева, выдающагося артиста и дирижера. Вспомняемъ же его и въ день его юбилея и попросимъ принять издалека наши привѣтствія.

Мюнхень.

Курьеръ (26 апр.) — Намъ просятъ передать привѣтствія отъ многихъ, слушавшихъ съ восторгомъ концерты Д. Славянскаго-Агренева, знаменитому артисту, достойно получившему дань уваженія и поклоненія.

Бременъ.

Иностранный Листокъ (25 апр.).—Сердечно привѣтствуемъ Д. Славянскаго-Агренева.

Мюнхень.

Наука и Искусство (25 апр.).—Такъ недавно еще мы восхищались концертами русской народной капеллы подъ управленіемъ знаменитаго пѣвца Славянскаго, за которымъ признаемъ вполне заслуженную славу.

Штутгартъ.

Экспрессъ (23 апр.)—Намъ отлично и съ хорошей стороны извѣстенъ пѣвецъ и дирижеръ Д. Славянскій-Агреньевъ, окончившій двадцатипятилѣтіе своей артистической дѣятельности. Было бы несправедливымъ не признать за этимъ артистомъ заслуженной славы,—настолько увлекательны и интересны его концерты, мелодіи которыхъ составляютъ преимущественно его собственность, записанную имъ при помощи да-

ровитѣйшей изъ женщинъ, его жены О. Х. Славянской-Агреновой, съ голоса народнаго. Трудъ этотъ почтенный и заслуживающій вниманія.

Мольгаузенъ.

Республиканецъ (25 апр.). — То нѣжныя или печальныя, то могучія или страстныя, то удалыя или шутивыя мелодіи русскія, съ которыми насъ впервые познакомилъ Д. Славянскій-Агреновъ, глубоко запали намъ въ душу. Прочувствованными исходятъ эти звуки изъ сердца артиста, оттого и производятъ такое прочное (*une impression durable*) впечатлѣніе. Привѣты славному артисту русскому.

Лионъ.

Музыкальный Свѣтъ. — Эти чудные русскіе звуки простонародной пѣсни незабвенны! Такъ и преслѣдуютъ они, такъ и вертятся въ головѣ; есть въ нихъ что-то до того симпатичное, что кажется не надоѣло бы никогда ихъ слушать. Честь же Д. Славянскому-Агренову за его мастерскую передачу мелодій и горячая наша благодарность за то, что познакомили насъ съ этими звуками.

Нецца.

Фигаро (23 апр.). — Заявляя о XXV-лѣтніи дѣятельности Д. А. Славянскаго-Агренова, считаемъ у мѣста напомнить съ восторгомъ слушавшей его публикѣ о его заслугахъ артистическихъ и о томъ впечатлѣніи, какое производитъ пѣніе его съ его капеллою, такъ мастерски выправленной.

Парижъ.

Г. *Джонсенъ*, корреспондентъ *Фигаро* (24 апр.). — Привѣтствуютъ достойнаго Д. Славянскаго-Агренова.

Лондонъ.

Мониторъ (25 апр.).—Вспоминаетъ объ успѣхахъ Славянскаго и считаетъ его славу вполне заслуженной.

Парижъ.

Съверная Газета (22 апр.).—Посылаетъ привѣтствія Д. Славянскому-Агрневу.

Бремергавенъ.

Дневникъ (24 апр.).—Отрадное явленіе представляетъ капелла г. Д. Славянскаго-Агрнева: не говоря уже о чудномъ исполненіи, онъ сохраняетъ мелодіи народныя отъ уничтоженія, записывая ихъ и разнося ихъ всюду, даетъ композиторамъ хорошіе матеріалы для ихъ творчества. Мы сочувствуемъ прославленію такого артиста.

Ердангенъ.

Балтійская Газета (23 апр.).—Помѣщаетъ біографію Д. Славянскаго-Агрнева и извѣщаетъ публику о юбилеѣ его.

Штетинъ.

Крестовая Газета (25 апр.).—Привѣтствуетъ Д. Агрнева-Славянскаго.

Берлинъ.

Указатель (25 апр.).—Вспоминая концерты русскіе, желаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Магдебургъ.

Пресса (23 апр.).—Какъ много удовольствія доставляли намъ концерты г. Д. Слав.-Агрнева! Убѣждены, что онъ всегда встрѣтитъ вездѣ, а равно и здѣсь, то-же сочувствіе.

Висбаденъ.

Общая Газета (26 апр.)—Привѣтствуетъ Д. Славянскаго-Агренева.

Кенигсбергъ.

Указатель (23 апр.)—Извѣщаетъ о юбилеѣ Д. А. Славянскаго-Агренева и высказываетъ увѣреніе въ полномъ успѣхѣ торжества, помня, какъ и въ Германіи относилась публика къ артисту.

Гейдельбергъ.

Любекская Газета (26 апр.)—Въ мелодіяхъ Д. А. Славянскаго-Агренева такъ много гармоніи, не искусственной, а правдивой и искренней, что мы съ удовольствіемъ узнали о торжествѣ, съ которымъ будетъ праздноваться XXV-лѣтіе его. Такими артистами родина должна гордиться.

Любекъ.

Везерская Газета (25 апр.)—Мы искренно увлекались русской мелодіей, такъ хорошо она звучала въ устахъ даровитаго артиста и его неподражаемо-обученаго хора. Многие изъ чтившихъ его тогда, и теперь съ удовольствіемъ слѣдятъ за его торжествомъ.

Бременъ.

Дневникъ (*Dagblad*, 20 апр.). *Гравенгаге* (*Gravenhage*) въ Голландіи. Мы наслаждались всѣмъ, бывавшіе въ концертахъ г. Дмитрія Славянскаго-Агренева, изящнымъ и характеристичнымъ его пѣніемъ, бросали взглядъ на русскую народную жизнь и, выступи онъ здѣсь вторично, никто-бы не пропустилъ такого славнаго исполненія (*uitvoering*). Онъ достоинъ славы, полученной въ Европѣ и той, которой увѣнчиваетъ его отечество.

(Перевелъ А. Алексѣевъ въ Гагѣ и прислалъ).

Гравенгаге.

Отъ *Л. Ледрѣ*, редактора журнала *Турция* (27 апр.).—Въ день празднованія артистомъ Д. Славянскимъ-Агрневымъ XXV-лѣтія его дѣятельности, приносимъ ему сердечныя привѣтствія отъ всѣхъ, восхищавшихся его мелодіями и чуднымъ ихъ исполненіемъ.

Константинополь.

Изъ *Женевскаго Журнала* (22 апр.).—Москва празднуетъ 25-лѣтіе достойнаго артиста 7, 8 и 9 мая (25, 26, 27 апр. ст. ст.) Кто же не вспоминаетъ съ восторгомъ пребыванія этого артиста въ Женевѣ! Посылаю ему отъ лица всѣхъ, его слушавшихъ привѣты.

Женева.

Женевецъ (21 апрѣля). Отъ имени редактора *Фавона*.—Въ Москвѣ готовится празднованіе юбилея двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Дмитрія Славянскаго-Агрнева 25, 26 и 27 апрѣля ст. стилиа. Празднованіе это—съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и въ зданіи Московскаго дворянства, къ которому г. Славянскій принадлежитъ.

Мы помнимъ все г-на Славянскаго и, зная его, смѣло скажемъ, что онъ настоящая слава (*une véritable gloire musicale de son pays*) своего отечества, такъ какъ всю свою жизнь посвятилъ изученію и распространенію народной поэзіи и пѣсни, популярности которыхъ, а равно и пѣсенъ другихъ славянскихъ племенъ, онъ не только утвердилъ своими чудными концертами, при исполненіи и изданіи до 1.000 народныхъ мелодій, но разнесъ эти мелодіи въ музыкально-культурныхъ странахъ и поразилъ всѣхъ ихъ красотой. Счастье его въ томъ, что у него есть помощница, столь-же оконченная артистка, какъ и онъ самъ, и они посвятили оба жизнь свою этому дѣлу, съ самоотверженіемъ равнымъ ихъ достоинству. Исполненіе организованнаго г. Славянскимъ хора не имѣетъ соперниковъ (*est considéré comme sans-rival*). Вотъ за эту-то непрерывавшуюся дѣятельность (*ac-*

tivité ininterrompues), которая возвышала искусство въ Россіи, онъ и достоинъ грандіознаго торжества, на которое многочисленныя друзья г. Славянскаго и въ Женевѣ, а они здѣсь многочисленны, присоединяютъ свои искреннія поздравленія къ нашимъ.

Женева.

Лозанская Газета (22 апрѣля) посвящая Дмитрію Славянскому-Агрневу два большихъ столбца своей газеты, говоритъ сначала о предстоящемъ юбилеѣ, о мѣстѣ его происхожденія, потомъ пишетъ полную біографію его, дѣлая къ ней такое вступленіе: „Слава Дмитрія Славянскаго-Агрнева все растетъ и дошла до апогея въ поѣздку его по Европѣ и Америкѣ. Онъ вполне заслужилъ (il a bien mérité) торжественное празднованіе своего двадцатипятилѣтняго служенія патріотической идеѣ. Справедливость требуетъ и отъ насъ не умолчать о томъ, что намъ извѣстно объ этомъ именитомъ (cet éminent artiste) артистѣ, заслужившемъ несомнѣнно мѣсто на ряду со всѣми современными знаменитостями Европы, какъ по услугамъ, оказаннымъ имъ народной славянской музыкѣ, такъ и по оглушительнымъ успѣхамъ (succès retentissants), которые онъ стяжалъ въ Америкѣ и Европѣ, начиная еще съ 60-хъ годовъ, и которые увѣнчались (couronnés par) его путешествіемъ 1885—1886 г.“ (Затѣмъ слѣдуетъ полная біографія артиста.) Что же касается до его изданій народной музыки, которой нѣсколько экземпляровъ приобрѣли и мы (dout nous nous sommes obtenu quelques exemplaires lors de son séjour dans notre pays), въ его пребываніе у насъ, то ихъ можно достойно оцѣнить, сказавши, что вся исторія славянскихъ народностей отражается въ этихъ чудныхъ, выразительныхъ пѣсняхъ, гдѣ ничего нѣтъ искусственнаго, натягутаго (ou rien n'est artifice), гдѣ все истина и гдѣ правдивость преобладаетъ надъ всѣми другими качествами (et où le naturel l'emporte sur toutes les autres qualités). Чувствуешь, что ничего не уничтожено въ народныхъ этихъ мелодіяхъ, исполняемыхъ и аранжированныхъ г-номъ Славян-

скимъ при помощи его жены. Но этого капитальнаго труда (*cet éminent travail ne lui suffit pas*) ему мало: онъ захотѣлъ возродить эти народныя мелодіи и огласить ими весь міръ; чтобы онѣ безъ него не исчезли съ успѣхами цивилизаціи, подавленные иностраннымъ вліяніемъ на музыку въ Россіи (*sous l'oppression de l'influence étrangère sur la musique en Russie*). Развѣ безъ труда и таланта можно совершить такую трудную задачу? Не мудрено, что только послѣ двадцатипятилѣтняго труда и борьбы г. Славянскій, располагая только единичными своими средствами (*ne disposant que de ses moyens*), исполнилъ заданную самому себѣ задачу, а полный успѣхъ въ Европѣ наградила его за труды.

Г. Славянскій и его собственный (т. е. на его средства составленный) хоръ извѣстенъ всему свѣту (*est universellement connu*.) Благодаря ему и Западъ могъ насладиться чудными пѣснями, то меланхоличными, то веселыми, словомъ, изливающими душу всѣхъ славянскихъ народностей.

Честь и слава великому артисту! Въ хорѣ (*En chœur avec tous ses amis et ses admirateurs de l'Europe qui sont nombreux*) съ его европейскими друзьями и поклонниками, которые многочисленны, и съ Женевцами во главѣ ихъ, съ его отечествомъ, которое должно быть ему благодарно (*qui lui doit sa reconnaissance*), мы посылаемъ наши поздравленія и пожеланія самыя горячія знаменитому артисту.

Лозанна.

Изъ Англій. Газета „World“ (22 апрѣля), газетная статья. — Громадный успѣхъ, который имѣлъ г-нъ Славянскій-Агреньевъ со своимъ хоромъ въ Англій, въ прошломъ году, давалъ намъ надежду на возвращеніе и этимъ лѣтомъ въ Лондонъ извѣстнаго артиста, но онъ удержанъ приготовлениями къ торжеству по случаю его музыкальнаго юбилея и долженъ къ сожалѣнію, отложить свою поѣздку въ Лондонъ. Г-нъ Агреньевъ, принявшій имя Славянскаго и посвятившій всю свою жизнь на собраніе не только русскихъ, но и другихъ славянскихъ мелодій, прошелъ хорошую шестилѣтнюю школу въ Италіи

и усвоилъ себѣ такія тонкости артистическаго исполненія, которыя завоевали ему повсемѣстный успѣхъ. Онъ шагъ за шагомъ работалъ надъ своей трудной задачей и достигъ блестящихъ результатовъ на славу своей страны. Собирая и обучая малолѣтнихъ дѣтей, онъ образовалъ знаменитый, несравненный хоръ, которому мы восторженно аплодировали прошлый сезонъ. Заслуги его оцѣнены отечествомъ, и Москва устраиваетъ ему торжественный юбилей. Отъ всего сердца желаемъ, чтобы чудныя мелодіи Славянскаго продолжали привлекать всеобщее вниманіе.

Лондонъ.

(Людвигъ Енгель)

Louis Engel.

Изъ Анліи. Газета Вестминстеръ и Ламбесъ (Westminster and Lambeth), 25 апрѣля.—Тѣ, которые слышали г-на Агренева-Славянскаго въ залѣ Св. Джемса (St. James's hall) прошлымъ лѣтомъ, съ восторгомъ узнають о томъ, что великія заслуги, оказанныя этимъ артистомъ отечеству, на поприщѣ національно-музыкальнаго искусства его страны, блестящимъ образомъ признаны его соотечественниками и въ особенности Московскимъ Дворянствомъ, къ числу котораго принадлежитъ и онъ.

Празднованіе четверти—вѣковой дѣятельности именитаго артиста совершится въ Москвѣ, которая есть его alma mater. Подготовленный блестящей школой, онъ совершилъ громадныя путешествія по Европѣ, пожиная всюду побѣдныя лавры. И мы издалека желаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ и привѣтствуемъ его и его главнаго помощника, г-жу Славянскую, единодушно признанную дома и за границей.

Лондонъ.

Любекская Газета (25 апрѣля).—Мы съ удовольствіемъ узнали о празднованіи въ Москвѣ двадцатипятилѣтняго юбилея знаменитаго и всей Европѣ такъ хорошо извѣстнаго артиста, Дмитрія Славянскаго-Агренева, два года тому назадъ дававшего здѣсь концерты и имѣвшаго такой повсемѣстный успѣхъ. Многочисленные друзья его шлютъ ему при-

вѣтъ, видя и признавая въ немъ не однѣ только заслуги великаго художника, но и человѣка, возвысившаго ту національную отрасль своей страны, которая оставалась до него въ тѣни. Москва выражаетъ г-ну Дмитрію Славянскому-Агрневу посредствомъ юбилея свою благодарность за двадцать пять лѣтъ его достойной дѣятельности. Въ этомъ празднествѣ несомнѣнно примутъ участіе все композиторы, художники и ученые.

Любекъ.

Газета Регенсбургеръ Моргенблятъ (23 апрѣля).—Извѣстіе о юбилеѣ Славянскаго сильно интересуеъ наши музыкальные кружки, которые шлютъ ему свои поздравленія и пожеланія.

Регенсбургъ.

Парижъ. Гезетная „Хроника“ (22 апрѣля).—Сейчасъ узнали мы о празднованіи въ Москвѣ юбилея Д. А. Славянскаго въ честь двадцатипятилѣтія его артистической дѣятельности.

Мы не забыли еще того безпредѣльнаго наслажденія, которое доставилъ намъ въ прошломъ году этотъ знаменитый артистъ, стоящій во главѣ чуднаго хора, дирижируемаго имъ съ авторитетомъ и достоинствомъ истиннаго художника, глубоко посвященнаго въ тайны народнаго русско-славянскаго творчества.

Мы живо помнимъ эти концерты Славянскаго, въ которыхъ онъ открылъ передъ нами сокровищницу неисчерпаемаго народно-славянскаго эпическаго и лирическаго богатства.

Пѣсни Славянскаго, подобныя „Эй ухнемъ“ и др., которыхъ повторенія требовала публика въ каждомъ концертѣ, еще и до сихъ поръ звучать въ нашихъ ушахъ.

Заслуга Славянскаго: собраніе народныхъ мелодій, положеніе ихъ на музыку и воспроизведеніе—на столько же артистически хорошо имъ исполнено, на сколько симпатично и самое его дѣло. Въ аранжированіи мелодій помогала артисту его жена, на столько же симпатичная женщина, на сколько и отличная артистка. При усиленномъ и разумномъ трудѣ это дѣло привело къ желаемымъ результатамъ: мы восхищались исполненіемъ русской музыки народной въ концер-

тахъ въ Парижѣ: въ отелѣ Фигаро, на пиру въ честь Пастёра, въ залѣ *Континенталь* и въ Трокадеро и убѣждены, что требовалось много нравственныхъ и матеріальныхъ трудовъ и жертвованій для достиженія такого совершенства въ исполненіи, такого удивительнаго изящества отдѣлки, и все это говорить въ пользу артистическаго таланта и вкуса г. Славянскаго. Мы счастливы, что можемъ послать Славянскимъ, которыми такъ любовались мы еще недавно, вмѣстѣ со *всей парижской прессой* и отъ имени *всего Парижскаго Общества*, еще такъ недавно апплодировавшаго русскому знаменитому артисту, наши сердечныя пожеланія и поздравленія по поводу юбилея, вѣнчающаго всеми признанныя заслуги Славянскаго народнаго пѣвца.

При насъ останутся вѣчно дорогія воспоминанія, къ несчастію, быстро какъ молнія пребыванія среди насъ русскаго пѣвца.

Казалона.

Изъ Лиона. Газета *Express* (20 апрѣля). — Г. предѣдатель Комитета. Посылаемъ №№ *Express* (Экспрессъ), въ которомъ мы говоримъ о русскомъ артистѣ Дмитріи Александровичѣ Славянскомъ по поводу его юбилея. (Слѣдуетъ біографія Дмитрія Александровича Славянскаго и привѣтствіе по поводу его юбилея.) Я былъ бы очень благодаренъ Вамъ, Милостивый Государь, еслибы Вы указали мнѣ, гдѣ я могу приобрѣсть все аранжировки г. Славянскаго.

Секретарь редакціи Берлотъ-де-Форбинъ.

Прага. Газета *Народные Листы*. — Дмитрій Александровичъ Агрень-Славянскій, облюбленный пѣвецъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, услаждалъ нашъ слухъ чудными мелодіями въ концертахъ народнаго театра; концерты эти для всѣхъ незабвенны.

Юбилей въ честь двадцатипятилѣтней дѣятельности этого артиста будетъ праздноваться 25, 26 и 27 апрѣля, чѣмъ интересуется не одна Россія, но и вся Европа; присоединяемъ наши привѣты къ многочисленнымъ и заслуженнымъ привѣтствіямъ.

Амстердамъ. „Новости дня“ („Het Nieuws van den Dag“) пишутъ: Любитель и знатокъ музыки, Дмитрій Александровичъ Славянскій-Агреньевъ, хорошо знакомый уже нашей публикѣ, такъ какъ недавно давалъ здѣсь со своею капеллою концерты, празднуетъ юбилей своего двадцатипятилѣтняго служенія народному искусству.

5, 6 и 7 мая нашего стили будетъ справляться это торжество, т. е. начало его будетъ на этихъ дняхъ. Публика, восхищавшаяся концертами этого симпатичнаго артиста здѣсь, не будетъ недовольна сообщеніемъ нашимъ объ этомъ юбилей, дабы желающіе откликнуться знали, когда торжество.

Г. Агреньевъ служилъ прежде въ военной службѣ, какъ подобало всякому коренному дворянину того времени, но вскорѣ оставилъ ее, чтобы вступить на музыкальное поприще. Послѣ продолжительнаго ученія, онъ выступилъ въ качествѣ опернаго пѣвца и обратилъ на себя вниманіе въ Италіи, на родинѣ искусства.

Вотъ откуда ведетъ начало та дивная метода пѣнія и управленія капеллой, которой такъ всѣ мы восхищались. Старая италіанская школа, полная изящества и отчетливости, запечатлѣлась на артистѣ и оттого при помощи своихъ чудныхъ мелодій, собранныхъ имъ въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ (болѣе чѣмъ 1.000 экзем.), онъ такъ трогаетъ и увлекаетъ вездѣ и всегда своихъ слушателей, даже въ странахъ и у народовъ самыхъ требовательныхъ въ искусствѣ.

Его сочиненія или, вѣрнѣе, собранія народныхъ музыкальныхъ богатствъ, съ которыми мы имѣли случай познакомиться, составляютъ богатство Славянскаго народа и особенно русской музыки. Россія въ народномъ музыкальномъ дѣлѣ много ему обязана; а на своемъ музыкальномъ поприщѣ онъ не имѣетъ себѣ подобнаго. Считаемъ долгомъ указать на эти его заслуги передъ празднованіемъ его двадцатипятилѣтія и, воздавъ артисту-художнику должную благодарность за доставленное намъ его концертами удовольствіе, присоединиться къ числу тѣхъ, кто также считаетъ его достойнымъ привѣтствій и одобреній.

Ницца (23 апрѣля) *Ежедневный Курьеръ* (Le phare du Littoral) сообщаетъ публикѣ о юбилеѣ Дмитрія Славянскаго-Агренева, не сомнѣваясь въ томъ, насколько публика интересуется этимъ торжествомъ.

Маленькій Ниццесцъ (Le petit Niçois) 23 апрѣля заявляетъ сначала о юбилеѣ Дмитрія Славянскаго-Агренева и, изложивъ все извѣстное ему объ этомъ артистѣ, говорить: тотъ неподдѣльно-граціозный пріемъ, который всюду встрѣчали г. Славянскій-Агрень въ время путешествія по Европѣ въ 1884—1886 гг., даетъ намъ право думать, что и на этотъ праздникъ въ честь артиста откликнется вся наша интеллигенція съ знаменитыми людьми и артистами во главѣ, для привѣтствія достойнаго пѣвца по заслугамъ.

Иностранный Листокъ (20 апрѣля). — Дмитрій Славянскій-Агрень, весьма прославившійся своими заботами о разработываніи славянскихъ народныхъ напѣвовъ и дававшій съ блестящимъ успѣхомъ въ прошломъ году концерты въ Берлинѣ, празднуетъ 25 апрѣля свой юбилей двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности. Устроенъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ юбилейный Комитетъ въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ редактора „Современныхъ Извѣстій“ Н. П. Гилярова-Платонова, съ цѣлью торжественно отпраздновать четвертивѣковую дѣятельность заслуженнаго артиста.

Берлинъ.

Отъ Эдуарда Фишера, корреспондента *Вльнской свободной Прессы* (24 апрѣля). — Принося мои привѣтствія личныя, прошу сообщить мнѣ все, относящееся до юбилея, дабы я могъ сообщить объ этомъ въ европейскія газеты, сильно интересующіяся Вашими концертами и мелодіями.

Кіевъ.

Мистеръ Генри Марваль (М-г Henry Marval) привѣтствуетъ и приглашаетъ г. Дмитрія Славянскаго-Агренева, по порученію мѣстнаго общества „Lotus Club“ войти съ нимъ въ переговоры относительно артистическаго путешествія г-на Дмитрія Славянскаго-Агренева по Америкѣ.

Нью-Йоркъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Послѣюбилейныя путешествія Д. А. Славянскаго-Агренева.

I.

Царство Польское.

Осенью 1887 года было предпринято Д. А. Агреновымъ-Славянскимъ большое артистическое путешествіе въ Царство Польское. Д. А. Славянскій бывалъ на Западной окраинѣ ранѣе, но полный объѣздъ края былъ имъ предпринять въ этомъ году въ первый разъ. Кромѣ Варшавы, гдѣ было два раза по нѣскольку концертовъ, были посѣщены почти всѣ губернскіе и многіе уѣздные города. Сопровождая Д. А. Славянскаго въ этомъ его путешествіи, въ качествѣ корреспондента „Варшавскаго Дневника“, я по окончаніи путешествія написалъ брошюру, „За русскою пѣсню во слѣдъ по Повислью“, которой, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, не было суждено выйти въ свѣтъ. Въ этой брошюрѣ мною было обстоятельно изложено то впечатлѣніе, которое производила на поляковъ русская пѣснь въ исполненіи Д. А-ча и его капеллы. Заимствую изъ этой брошюры нѣкоторыя мѣста, по которымъ читатель можетъ составить себѣ понятіе объ обстановкѣ и успѣхахъ концертовъ...

Я уже сказалъ, что въ г. Млавѣ, польскіе крестьяне приходили въ восторгъ отъ русской пѣсни; здѣсь отмѣчу, что, кромѣ этой группы крестьянъ, въ залѣ концерта было около 150 человекъ поляковъ горожанъ, чиновниковъ и мелкой шляхты; надо замѣтить, что Млава—городокъ на границѣ съ Познанью, около сотни домовъ. Благодаря близости къ

Познани, млавское, какъ городское, такъ и окружное население воочию видитъ нищету своихъ познанскихъ братьевъ и обезличиваніе славянскаго населенія этой несчастной славянской земли; затѣмъ, собранные въ этомъ пограничномъ пунктѣ русскіе люди, сильные духомъ и сознаниемъ благородства своей русской миссиі въ этой окраинѣ,—сохранили въ населеніи большую чистоту славянской ихъ души, а потому и воспріимчивѣе она была для русскихъ впечатлѣній. Я со многими говорилъ: всякій охотно вель рѣчь на русскомъ языкѣ, и я, впервые здѣсь, а потомъ второй разъ въ Люблинѣ, слышалъ отъ *родовитыхъ* поляковъ взгляды, уповающіе на русское историческое посланничество въ семьѣ славянъ, какъ на твердую опору сохраненія народности и ея будущаго.

Проявленія восторга отъ русской пѣсни въ полякахъ одинаково были замѣтны въ Ломжѣ, Петроковѣ, Ченстоховѣ, Кельцахъ, Радомѣ, Люблинѣ и Новой Александриі.

Въ Ломжѣ 18 января, Д. А. Славянскій съ капеллою пѣлъ въ городскомъ православномъ соборѣ; на богослуженіи присутствовало много поляковъ. Когда вѣсть о пѣніи обѣдни, говорить „Варш. Дневникъ“, утромъ разнеслась по городу, то въ православный соборъ двинулась такая масса лицъ, *безъ различія христіанскихъ исповѣданій*, что оказалось нужнымъ для порядка поставить къ дверямъ собора городскую полицію.

Въ Люблинѣ, 26 февраля, тотъ же фактъ. „Стеченіе молящихся было необычайно: церковь, паперть и дворъ церковный были полны народа“, говорить та же газета, „*среди присутствующихъ было много поляковъ*“...

Въ Кельцахъ поляки-помѣщики, пріѣхавъ изъ окрестныхъ селъ почти ко времени начала русскаго концерта, не могли достать билетовъ и упрашивали пропустить ихъ въ залу хоть постоять . . . . .

Въ Радомѣ русская пѣснь раздавалась въ зданіи городского клуба (Resursa). Члены этого клуба поляки и русскіе, того же состава и совѣтъ старшинъ клуба. Большая часть польскаго общества Радома перебивалась на русскихъ концер-

тахъ. Разговаривая со многими изъ нихъ на польскомъ языкѣ, я съ удовольствіемъ наблюдалъ тотъ же восторгъ, какой подмѣчалъ въ Варшавѣ. Стоитъ вниманія тотъ фактъ, что Радомъ, чуть ли не единственный пунктъ въ цѣломъ Повисльи, гдѣ Поляки и Русскіе имѣютъ общій клубъ подъ именемъ городского—не въ этомъ ли слѣдуетъ искать причину тѣхъ симпатій, съ какими отнеслись къ русской пѣснѣ *родовитые* польскіе члены Радомскаго городского клуба.

Я уже сказала, что во всѣхъ городкахъ Повисльи, гдѣ раздавалась русская пѣсня, польское население въ большей или меньшей мѣрѣ отнеслось къ ней сочувственно, потому, минуя остальные пункты, остановлюсь на Сосновицахъ. Въ этомъ полунѣмецкомъ городкѣ сочувствіе къ пѣснѣ было выражено Поляками не только повислинскими, но и изъ Червонной Руси (Галиціи) ихъ пріѣхало въ концертъ болѣе 40 человекъ. Въ залѣ то и дѣло слышались крики: „bardzo dobrze“; требовались повторенія.

Слѣдуетъ знать я тутъ, что въ составѣ сорока галицкихъ Поляковъ опять-таки были преимущественно торговые люди, земледѣльцы и ремесленники. Я обращаю на это вниманіе еще потому, что въ то время, когда въ Галицкомъ сеймѣ, гдѣ засѣдаетъ родовитая шляхта, слово сказанное по-русски чуть не преступленіе, население бьетъ браво и кричитъ „dobrze“ русской пѣснѣ!

Въ Варшавѣ былъ въ два пріѣзда туда Д. А. Славянскаго цѣлый рядъ концертовъ; всѣ они были полны и вызывали общее обушевленіе. Вообще Варшава любитъ нашего русскаго пѣвца и онъ довольно часто концертируетъ тамъ. „Русская Газета“, конечно, передаетъ подробно всѣ впечатлѣнія публики, но и польскія не проходятъ русскихъ концертовъ молчаніемъ. Я приведу, какъ типъ отзывовъ всѣхъ польскихъ газетъ, строки старѣйшей изъ нихъ — „Kurjer'a Warszawsk'ago“ (№ 27, ¹⁵/₁ 88 г.):

„Въ послѣдніе два дня зала ратуши была зрѣлищемъ концертовъ, данныхъ хоромъ знакомаго ранѣе въ нашемъ городѣ г. Славянскаго.

Хоръ хорошо обученъ пѣть хоровыя пѣсни, преимущественно народныя.

Общество, которое посѣщало эти концерты, благодарило хористовъ и г. Славянскаго горячими браво за визитъ въ Варшаву“.

Вотъ образецъ рецензій другой газеты „Kurjer Codzienny“ (№ 26, 14/1 88 г.): „Вчера въ залахъ ратуши былъ данъ концертъ хоромъ, подъ дирекціей г. Славянскаго.

Исполненіе (produkcje) пѣсенъ этимъ хоромъ, знакомымъ въ нашемъ городѣ, обозначилось и на этотъ разъ тѣми же особенностями.

Въ хорѣ есть сильные голоса, выработанные и искусно и оригинально руководимые“.

Вотъ образецъ отзыва о русской пѣснѣ провинціальной газеты „Dziennik Łódzki“ (№ 34, 31/1 88):

„Въ пятницу отличался въ залѣ, набитой буквально биткомъ публикой, какъ въ партерѣ, такъ и на галлереяхъ, русскій хоръ, подъ управленіемъ г. Славянскаго. Этотъ хоръ состоитъ изъ пятидесяти пѣвцовъ. Въ хорѣ есть дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ. Хоръ отличается необыкновенной выразительностью въ исполненіи каждой пѣсни. Ни въ чемъ нельзя упрекнуть гармонию голосовъ. Cresendo, fortissimo, а особенно pianissimo, доведенное до звука эхо, отзывающагося гдѣ-то въ дали,—выработаны искусно и вызывали френетическіе браво. Пѣвцы выступаютъ въ русскихъ народныхъ костюмахъ, отличающихся роскошью Востока и живостью цвѣтовъ. Второй концертъ русскаго хора будетъ на будущей недѣлѣ въ четверг“.

Какъ отгѣнокъ этихъ рецензій, помѣщая еще одинъ отзывъ провинціальной газеты „Gazeta Kielecka“, вмѣстѣ съ обобщеніемъ, сдѣланнымъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ“:

„Артистическое путешествіе г. Славянскаго по здѣшнему краю и его концерты, вызывающіе такой радостный восторгъ между Русскими рѣшительно всюду, гдѣ онъ ни появится, расшевеливаютъ замѣтно и польское общество. Поляки, а по мѣстамъ (напримѣръ, въ Лодзи и Сосновицахъ) даже Нѣмцы, и не только туземные, но и прусскіе, пріѣз-

жающіе специально въ концерты Славянскаго изъ-за границы, смѣшиваются на этихъ концертахъ съ Русскими и не скупятся на похвалы талантливому истолкователю красоты русской пѣсни, восклицаніями: „bardzo dobrze!“ и „sehr schön!“ Мѣстная польская печать, по традиціи, отъ похвалъ воздерживается, но и она, какъ видно, не можетъ молчать о русскихъ концертахъ г. Славянскаго—*безъ сомнѣнія, потому, что они интересуютъ польское общество*“.

Любопытства ради приводимъ здѣсь польское описаніе концертовъ г. Славянскаго въ гор. Кѣльцахъ, напечатанное въ № 19 Gazet'ы Kieleck'ой.

„На прошлой недѣлѣ,—читаемъ въ названной газетѣ,—отличался дважды въ келецкомъ театрѣ хоръ, подъ руководствомъ г. Славянскаго. Хоръ пропѣлъ десятка полтора народныхъ русскихъ пѣсенъ, нѣсколько балладъ (т.-е. былинь), а также двѣ польскія пѣсни и мазурку Шопена.

„Всѣ пѣвцы одѣты въ живописные русскіе народные костюмы XVI и XVII вѣка, состоящіе изъ жупановъ, подпоясанныхъ по бедрамъ широкимъ поясомъ съ цвѣтными вышивками (we wzorzyste desenie). Самъ руководитель надѣваетъ богатый боярскій „контушъ“ синяго или желтаго цвѣта, свѣтло-красную рубаху, золототканый поясъ, цвѣтные сапоги и шапку, унизанную каменьями.

„Несмотря на высокія цѣны (8 рублей лежа, 3 и 2 рубля кресла, стоячія мѣста въ партерѣ 75 коп.), на оба представленія всѣ билеты были разобраны русскимъ обществомъ, не только келецкимъ, но и прибывшимъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ мѣстечекъ. Амфитеатръ переполняли солдаты.

„Послѣ каждаго нумера публика многократно кричала „bis“, и номеръ повторялся. Оба вечера окончились пѣніемъ гимна „Боже Царя Храни“, повтореннаго нѣсколько разъ и который публика слушала стоя.

„Доходъ съ концертовъ г. Славянскаго превзошелъ ожиданія, давъ валоваго сбора 1.400 рублей“. (Этотъ доходъ не могло дать только русское общество, такъ какъ Русскихъ только въ г. Кѣльцахъ, включая военныхъ, не болѣе 100 че-

ловѣкъ, да въ сосѣднихъ городахъ—около того же числа. Примѣч. автора).

Въ параллель отзывамаъ польскихъ газетъ о русской пѣснѣ привожу впечатлѣнія лодзинскихъ Нѣмцевъ, записанныя мѣстной газетой „Lodzer Zeitung“ (№ 33, $31\frac{1}{2}$ 88 г.).

Концертъ, данный Дм. Ал. Славянскимъ въ пятницу вечеромъ въ концертномъ залѣ, выказалъ вполне нами уже впередъ предсказанную привлекательную силу. Обширный концертный залъ былъ весь набитъ биткомъ и, какъ оказывается, далъ значительный сборъ въ 1.290 руб. Не менѣе великъ былъ и артистическій успѣхъ г. Славянскаго. И, дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ насъ исполненными такъ артистично національными русскими пѣснями, было необычайно, и только послѣ всего этого можемъ мы вполне понять и оцѣнить тѣ триумфы, которые г. Славянскій получилъ въ большихъ городахъ Европы и особенно въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Прагѣ и т. д. Не говоря уже о томъ, что г. Славянскій обладаетъ самъ прекраснымъ и гибкимъ голосомъ, хоръ его, составленный изъ прекрасныхъ голосовъ, начиная отъ нѣжныхъ дискантовъ до феноменально низкихъ басовъ, никогда еще не слыханной полноты и прелести, отлично обученъ и можетъ быть вполне справедливо названъ однимъ музыкальнымъ цѣлымъ. Вполне заслуженный успѣхъ такого пѣнія увеличивался съ каждой новой пѣсней, такъ что даже нѣкоторыя изъ нихъ должны были быть повторены на bis. Мы не хотимъ оставить неотмѣченнымъ также и роскошный видъ, который представился нашему взору при выходѣ хора на сцену: на переднемъ планѣ г. Славянскій, его выдѣляющаяся внушительная наружность, въ богатомъ боярскомъ костюмѣ, окруженный съ обѣихъ сторонъ своими вассалами, одѣтыми въ не менѣе роскошные и живописные русскіе костюмы прошлыхъ столѣтій—все это вмѣстѣ сфуллировалось въ одну прекрасную живую историческую картину. Мы въ заключеніе замѣтимъ, что г. Славянскій, уступая всеобщимъ неотступнымъ просьбамъ, дастъ еще одинъ концертъ въ слѣдующій четвергъ, билеты на который теперь же почти всѣ разобраны. Пусть

всякій, желающій доставить себѣ истинное рѣдкое эстетическое наслажденіе, своевременно запасется билетами на этотъ концертъ.

Къ этому описанію остается развѣ прибавить, что „Вальсъ“ Нѣмцы неистово требовали повторить три раза. Концертъ закончился пѣніемъ нашего народнаго гимна. Большая половина концертной залы была полна Нѣмцами, незначительная часть Поляками и затѣмъ русскими чиновниками и военными.

Всякому понятенъ восторгъ, съ какимъ привѣтствовали русскую пѣсню разбросанные по разнымъ уголкамъ Повисля русскіе люди. „Мѣстныя жители требуютъ Вашего прибытія къ намъ“, пишутъ изъ Замостья Славянскому. „Повѣдайте намъ дорогое, родное, познакомьте съ нимъ другихъ“ — телеграфируютъ изъ Петрокова. „Служимъ мы здѣсь, въ чужомъ краю, и пѣсни то родной слышать намъ никакъ не приходится, а ужь очень большая охота, да желаніе послушать ее“, пишетъ какой-то солдатикъ.

Не менѣе понятно будетъ и то животворящее вліяніе, какое оказала русская пѣсня на душу русскихъ людей. „Точно въ Москвѣ побывалъ“, говоритъ какой-то унтеръ-офицеръ, выходя изъ залы русскаго концерта. Были русскіе люди, забывшіе на столько по-русски чувствовать, что не хотѣли сначала идти послушать русской пѣсни, а потомъ, прослушавъ эту пѣсню, сами же мнѣ говорили: „знаете, я только вотъ сейчасъ понялъ, насколько я забылъ быть русскимъ человѣкомъ.“

Въ Люблинѣ, одинъ изъ поляковъ, родовитый шляхтъ, подъ вліяніемъ прослушанной польской мазурки, сѣтой послѣ русской пѣсни, воскликнулъ, обращаясь ко мнѣ, „какъ мало нужно, чтобы мы съ русскими) были друзьями!“ Короче скажу, значеніе русской пѣсни на столь оказалось сильнымъ, а пѣсни—нужной для Повисля, что органъ русской мысли въ этой окраинѣ нашель возможнымъ посвятить пѣснѣ и ея исполнителю передовую статью. Я ее помѣщаю цѣликомъ.

Въ настоящее время въ нашемъ краѣ гоститъ славный русскій пѣвецъ, Д. А. Славянскій (Агрѣневъ). Мы сказали:

„гостить въ краѣ“, а не въ Варшавѣ, ибо не проходитъ дня, чтобы г. Славянскій вмѣстѣ со своею капеллою не давалъ концерта въ какомъ-либо городѣ Привислянскаго края. Въ Варшавѣ уже были даны въ этотъ прїѣздъ три концерта, сегодня будетъ четвертый. Но передъ прїѣздомъ сюда, г. Славянскій далъ уже нѣсколько концертовъ въ другихъ городахъ, между прочимъ, въ Ломжѣ, гдѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, его русская пѣсня увлекала всѣхъ, безъ различія національностей. Изъ Варшавы г. Славянскій со своимъ хоромъ ѣздитъ уже въ Новогеоргиевскъ, Сѣдлецъ и т. д., и, вѣроятно, посѣтитъ и другіе города. Мы слышали, что изъ многихъ городовъ нашего края г. Славянскій получаетъ письма и приглашенія, чтобы онъ не забылъ посѣтить и ихъ въ удобное время. Одна изъ самыхъ большихъ залъ въ Варшавѣ, Александровская—въ зданіи магистрата, во всѣ три концерта были полна народа, особенно же много было посѣтителей въ послѣдній разъ, когда и на хорахъ, и въ самой залѣ, казалось, негдѣ было яблоку упасть. Можно сказать, что интересъ къ концертамъ г. Славянскаго постоянно возрастаетъ. Замѣтимъ, что г. Славянскій пѣлъ нѣсколько разъ въ Варшавѣ и, если не ошибаемся, первый разъ въ 1868 г.

Это одушевленіе, съ которымъ въ Варшавѣ встрѣчаютъ пѣсню Славянскаго, эти восторженные отзывы отовсюду, самое значеніе концертовъ г. Славянскаго — представляютъ явленіе такого рода, что на нихъ слѣдуетъ остановиться.

Слава г. Славянскаго, художественно, просто и изячно воспроизведшаго русскую народную пѣсню, и его значеніе достаточно опредѣлились. Въ апрѣлѣ прошлаго года въ Москвѣ торжественно праздновалось двадцатипятилѣтіе народной и артистической дѣятельности Д. А. Славянскаго и отзывы, полученные тогда имъ отовсюду, а также и все то, что тогда говорилось и писалось въ Москвѣ, представляютъ доказательство, такъ сказать, историческаго значенія дѣятельности русскаго пѣвца, который счумѣлъ постигнуть все изящество простоты русской пѣсни и все богатство русскихъ

мотивовъ нашей народной музыки. Но г. Славянскій не удовлетворился этимъ: онъ пошелъ далѣе и постигъ и славянскую пѣсню въ широкомъ ея разнообразіи. На его концертахъ вы можете услышать и польскіе, и чешскіе, и словацкіе, и югославянскіе мотивы, равно какъ и русскую старую былинку съ оставшимися въ ней отъ сѣдой старины русской мотивами, и церковную пѣсню въ ея торжественной, чудной мелодіи.

Въ нашей литературѣ мы сразу найдемъ имя того, кто схватилъ живьемъ изящное русское слово и создалъ русскій гармоничный стихъ. Въ музыкѣ русской можно также легко отыскать имя того великаго художника, который позналъ красоту русскихъ мотивовъ и облекъ ихъ въ стройную музыкальную форму. Теперь легко будетъ указать и имя того, кто прославилъ русскую пѣсню по всему міру, кто умѣлъ заставить прислушаться къ ея звукамъ и гордаго своимъ богатствомъ музыкальнаго творчества европейца, и прозаическаго американца. Въ этомъ отношеніи заслуги г. Славянскаго велики безспорно. Его художественное исполненіе и музыкальное воспроизведеніе русскихъ мотивовъ, его многолѣтняя дѣятельность отводятъ ему видное мѣсто среди русскихъ художниковъ и дѣятелей.

Но если всякая дѣятельность въ области художества на пользу и славу отечества имѣетъ и значеніе политическое, то дѣятельность г. Славянскаго въ этомъ отношеніи еще виднѣе. Вспоминаются рассказы очевидцевъ и корреспондентовъ объ его послѣднемъ путешествіи по Балканскому полуострову. Это было въ 1884 года, г. Славянскій былъ принятъ тогдашнимъ сербскимъ правительствомъ съ величайшимъ опасеніемъ, словно оно боялось, что русская пѣсня отниметъ у нихъ власть и силу. Но за то населеніе городовъ и сель наперерывъ, даже демонстративно, старалось показать свою любовь къ русской пѣснѣ и свое уваженіе къ русскому челоуѣку. Г. Славянскій не уронилъ и здѣсь русскаго имени и съумѣлъ отказаться отъ пѣнія за обѣдней, которую долженъ былъ служить непризнанный русскою церковью митрополитъ Мраовичъ, поставленный австрій-

скими слугами на мѣсто митрополита Михаила. И для него сербскія власти должны были согласиться, чтобъ обѣдно въ Бѣлградскомъ соборѣ служилъ священникъ сербъ, учившійся въ Россіи. Гдѣ ни былъ г. Славянскій со своею капеллою, всюду онъ пѣлъ нашъ гимнъ: „Боже, Царя храни“!—и даже республиканскіе янки и надменные Англичане поднимались съ мѣстъ и выслушивали его, стоя и снявъ шляпы. Австрія такъ испугалась русской пѣсни, что вовсе не допустила г. Славянскаго пѣть въ ея земляхъ...

Искусство, говорятъ обыкновенно, общечеловѣческое достояніе, какъ и наука. Но на произведеніяхъ искусства, какъ и на произведеніяхъ науки, лежитъ печать національнаго генія, та печать, которая опредѣляетъ нерѣдко самый характеръ произведенія и даетъ ему особенную цѣну. И въ первой изъ этихъ областей лишь то выдается изъ массы явленій своего рода, что отмѣчено этою національною оригинальностью, что носить на себѣ признаки свѣжести духа, творящаго нѣчто новое, невиданное дотолѣ. Русская пѣсня—новичокъ въ мірѣ музыкальномъ, а оригинальность и богатство русскихъ мотивовъ—это цѣлый неисчерпаемый запасъ для тѣхъ, кому дано слышать, понимать и облекать въ формы гармонію русской пѣсни. Въ этомъ отношеніи имя г. Славянскаго-Агренева останется навсегда въ лѣтописяхъ русской музыки, какъ пѣвца, умѣвшаго и чутя русскій звукъ и воспроизводить его, и пронесшаго русскую пѣсню въ конецъ земли... Русскій пѣвецъ умѣлъ познакомить и Славянъ съ русскою *), и Русскихъ со славянскою пѣснью. Онъ просла-

---

*) Говоря о выраженіяхъ восторга всюду, гдѣ только раздалось слово русской пѣсни, нельзя не упомянуть объ встрѣчѣ и проводяхъ, какія устроили русской пѣснѣ и ея выразителю студенты въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Русская молодежь, заброшенная судьбой далеко отъ родныхъ сильно почувствовала всю прелесть и живительное обаяніе родной пѣсни; студенты одинъ передъ другимъ надрывались и выбивались изъ силъ, какъ лучше принять и угостить своего народнаго пѣвца: носили его на рукахъ, пѣли ему хвалебныя пѣсни хоромъ и затѣмъ подали ему адресъ, вотъ его содержаніе: „Мы читали о торжествѣ Вашего XXV-лѣтія и отъ всей полноты русскихъ юныхъ сердець радовались ему. Глубоко цѣня посѣщеніе Вами этого уголка За-

вилъ русское имя всюду, гдѣ былъ,—и все славяне почували въ русской пѣснѣ то могучее сродство, которое крѣпитъ народы воедино, несмотря на все житейскія преграды...

Вотъ слова „Варшав. Дневника“, рисующія силу русской пѣсни:

Вечеромъ того же дня, 26 февраля, Д. А. Славянскій, по просьбѣ студентовъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, далъ концертъ въ одной изъ залъ зданія института. Концертъ начался пѣніемъ народнаго гимна. Въ отвѣтъ раздались неумолкаемые клики „ура“ болѣе 500 человекъ студентовъ и мѣстныхъ обывателей, собравшихся на концертъ, и гимнъ былъ повторенъ нѣсколько разъ. Сборъ съ концерта, за исключеніемъ расходовъ по поѣздкѣ изъ Люблина въ Новую Александрію и обратно, Д. А. Славянскій пожертвовалъ въ пользу нуждающихся студентовъ института. Послѣ концерта, заключившагося вторичнымъ исполненіемъ гимна по требованію публики, Д. А. Славянскій на рукахъ былъ вынесенъ студентами и публикою изъ залы въ уборную. Отсюда Славянскій уѣзжаетъ въ Люблинъ и Холмъ.

II. Румынія.

Весною 1888 года, по приглашенію русскаго посланника въ Румыніи М. А. Хитрово, Д. А. Агреньевъ-Славянскій принялъ со своей капеллою артистическую поѣздку по Румыніи. Свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ мы заимствуемъ изъ пи-

---

падной окраины Россіи, въ которомъ мы, студенты Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, съ восторгомъ привѣтствуемъ нашу родную русскую пѣсню въ исполненіи Вашемъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, освѣжающемъ наши силы труда и науки. Спасибо тебѣ, народный русскій пѣвецъ! Слѣдуетъ 78 подписей. Эти скромныя строки молодежи комментаріи не требуютъ. Пусть же не забываютъ односторонніе музыкальные теоретики наши, хотя и не русскіе, на всякомъ шагѣ ставившіе и ставящіе препятствія нашей родной пѣснѣ, пусть не забываютъ ея знаменательнаго объединяющаго и укрѣпляющаго политическаго значенія и перестанутъ смотрѣть букой съ верху своего, хотя и патентованнаго, не русскаго Олимпа, на овладѣвшую лишь нами могучую быль-пѣсню славяно-русскихъ сердець.

семь Д. А. Славянскаго, напечатанныхъ въ №№ 26 и 31 газеты „Русское Дѣло“ подъ заглавіемъ „Съ русской пѣснью по Румыніи“. Описаніе одного изъ концертовъ въ Бухарестѣ, сдѣланное Слаутоог'омъ въ газетѣ „Indépendance Roumaine“, даетъ понятіе объ обстановкѣ и успѣхѣ концертовъ.

Вотъ выдержки изъ писемъ Д. А. Славянскаго.

Въ Яссахъ за двѣ-три недѣли до нашего пріѣзда сторѣлъ прекрасный городской театръ, и мнѣ пришлось давать концертъ въ небольшой залѣ „Другъ Артистовъ“. Зала въ двухъ моихъ концертахъ, несмотря на очень высокія цѣны, была переполнена публикою, состоявшей изъ высшаго общества, военныхъ и гражданъ города. Впечатлѣніе, произведенное русскою пѣснью на слушателей съ перваго же нумера программы, было самое сильное. Было замѣтно, что публика увлекалась русскою музыкою, и что она не ожидала отъ Русскихъ (какъ потомъ было и высказано въ газетахъ) такого задушевнаго и стройнаго пѣнія. Дружные аплодисменты и требованія bis (не въ обычаяхъ, какъ говорили мнѣ, Румынъ, въ характерѣ которыхъ ничему не удивляться) доказывали силу этого впечатлѣнія. Митрополитъ Іосифъ пожелалъ послушать духовное пѣніе и, пригласивъ меня къ себѣ, выразилъ мнѣ это желаніе въ самыхъ горячихъ фразахъ. Его духовный хоръ, который недавно составленъ по образцу русскихъ духовныхъ хоровъ и управляется ученикомъ придворной капеллы, или консерваторіи г-омъ Музыкаско, состоящій изъ 50 человѣкъ взрослыхъ и мальчиковъ, долженъ былъ встрѣтить насъ въ соборѣ пѣніемъ, послѣ чего мы должны были отвѣтить тѣмъ же. Такъ какъ службы въ дни нашего пребыванія въ Яссахъ въ соборѣ не было, то и былъ назначенъ будничныи день для пѣнія, въ 5 часовъ вечера. Прекрасный заново-реставрированный соборъ, или митрополія, какъ его называютъ тамъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе 5.000 человѣкъ, былъ переполненъ публикою, начиная съ высшей аристократіи. Около дверей стояла полиція, которая не пускала всю массу желающихъ войти въ соборъ.

Я и всѣ мои пѣвчіе находились внизу около мѣста митро-

полита, который, какъ только вошелъ въ храмъ, благословилъ меня и каждаго пѣвчаго поочередно. Затѣмъ онъ обратился съ рѣчью къ находившимся въ храмѣ, въ которой высказалъ свою благодарность мнѣ за то, что я согласился пропѣть въ соборѣ и дать возможность познакомиться всѣмъ присутствующимъ съ настоящимъ духовнымъ пѣніемъ. — „Мой хоръ, сказалъ онъ, еще недавно созданный, не обладаетъ знаніемъ и опытностью, которыя пріобрѣтаются практикою и образцами, такъ пусть же и онъ поучится у такого знатока и исполнителя, который привелъ всю Европу и даже Америку въ умиленіе своимъ духовнымъ пѣснопѣніемъ“. Послѣ этой рѣчи на хорахъ раздались звуки пѣнія, похожаго на хоръ изъ оперы: это было пѣніе хора митрополита, исполнявшаго херувимскую, соч. Музыкально, и еще какихъ-то двѣ молитвы на румынскомъ языкѣ. Самые голоса и постановка ихъ мнѣ понравились, видно, что г. Музыкально кладезь на это много труда. Потомъ мы вошли на хоры и пропѣли: *Слава единородный* — Турчанинова, *Херувимскую* № 7 — Бортиянскаго, *Вскую шаташася*, псаломъ 2 — Малашкина, *Милость міра* — Іером. Виктора, *Впрую* — Березовскаго и концертъ *Скажи мнѣ Господи кончину мою* — Бортиянскаго. Послѣ пѣнія митрополитъ пригласилъ меня съ пѣвчими къ себѣ во дворець, какъ здѣсь называютъ его жилище. Митрополитъ принялъ насъ очень любезно, угостилъ по мѣстному, отъ Турокъ перешедшему сюда также, какъ и къ Болгарамъ и Сербамъ, обычаю, сначала сладостями, а потомъ чернымъ турецкимъ (съ гущей) кофе. Митрополитъ — человекъ лѣтъ за 60, средняго роста, плотно сложенный, нѣсколько суровый на видъ, чему способствуетъ еще длинная бѣлая борода. Высшаго образованія онъ не получилъ, ибо вышелъ изъ простой среды, нѣсколько грубоватъ въ обращеніи, но пользуется репутаціей человека прямого и большаго руссофила. Его упрекаютъ только за то, что онъ въ прошломъ году, при освященіи собора, дозволилъ присутствующимъ при этой церемоніи королю и даже королевѣ войти черезъ царскія врата въ алтарь, гдѣ, несмотря на то, что обѣ царствующія особы не православныя, совершилъ надъ ними миропомазаніе. Правда, что онъ, какъ слышно,

отговаривается тѣмъ, что это было не муро, а простое прованское масло,—но это и еще хуже для православнаго архiereя. Кромѣ того, въ соборѣ, который очень красивъ и украшенъ прекрасными иконами, неприятно поражаетъ тотчасъ же при входѣ въ соборъ, съ правой стороны, портретъ во весь ростъ короля и королевы; къ довершенію впечатлѣнія, королева даже декольтирована...

Послѣ угощенія, митрополитъ приказалъ своему хору спѣть для насъ двѣ румынскія народныя пѣсни, послѣ чего попросилъ меня заставить моихъ пѣвцовъ пропѣть для него лично и для окружающаго его духовенства нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсень. Пѣли мы въ маленькомъ внутреннемъ (безъ оконъ) дворикѣ, освѣщаемомъ сверху. Это прехорошенькое помѣщеніе совершенно въ древнемъ вкусѣ и вокругъ по стѣнамъ украшенное картинками изъ Священнаго Писанія. Прощаясь со мной, митрополитъ еще разъ высказалъ мнѣ свое высокое удовольствіе (*haute satisfaction*). Скажу кстати, что разговоръ онъ велъ на ломаномъ французскомъ языкѣ) и всѣ свои симпатіи къ Россіи.

Въ тотъ же вечеръ русскій консуль, г. Обермюллеръ, устроилъ для меня вечеръ, на который были приглашены нѣкоторыя лица изъ европейскихъ миссій и изъ мѣстной аристократіи. Вечеръ прошелъ весьма пріятно, благодаря любезности хозяевъ.

На другой день большое общество провожало насъ на желѣзную дорогу и напутствовало просьбами о возвращеніи. Благодаря русскому посланнику въ Бухарестѣ, румынскія желѣзныя дороги дали намъ билеты со скидкою 50% (чѣмъ мы, впрочемъ, пользовались и во все время путешествія по Европѣ, даже и въ Турціи, *исключая Россіи*). Дорога отъ Ясы до Бухареста чрезвычайно красива: вдали видны отроги Карпатъ, очевидно избѣгая которые, поѣздъ дѣлаетъ часто извилистые повороты. По словамъ мѣстныхъ жителей, зелени недостаточно для апрѣля мѣсяца распустилось вслѣдствіе холодовъ. Зима въ этомъ году здѣсь была страшно суровая, какой почти не запомнятъ сторожилы. По ихъ словамъ въ апрѣлѣ должно уже быть настоящее лѣто.

Пріѣхавши въ Бухарестъ, мы очутились сразу какъ бы въ родной русской семьѣ: я говорю о нашемъ русскомъ посольскомъ здѣсь кружкѣ. Михаилъ Александровичъ Хитрово, посланникъ въ Бухарестъ—это типъ истого русскаго боярина, съумѣвшаго своимъ умомъ, любезностью и гостепріимствомъ собрать вокругъ себя самый симпатичный кружокъ и сдѣлаться центромъ всего, что есть въ Бухарестѣ, выдающагося по уму, положенію и другимъ качествамъ. Откровенно говоря, не любятъ его только здѣсь развѣ тѣ, кто боится его вліянія. Партія свергнутаго министерства Братіано всѣми силами старается оклеветать его и приписываетъ ему несообразныя вещи, какъ, на примѣръ, пропаганду возстанія народа противъ правительства и его активное, будто бы, участіе въ разныхъ уличныхъ беспорядкахъ. Нашлась одна румынская газета, „Народная Свобода“, которая старалась увѣрить, что я съ своею капеллою выписанъ посланникомъ для того, чтобы развѣзжать по Румынскимъ городамъ и даже деревнямъ и, распѣвая русскія пѣсни, возбуждать въ народѣ симпатіи къ Россіи и раздуть начинавшееся въ разныхъ мѣстахъ королевства возстаніе, которое должно было имѣть цѣлью изгнаніе короля и замѣну его правителемъ, болѣе симпатичнымъ Россіи. Вотъ до какихъ вещей можно договориться?!...

Несмотря на раздуваніе извѣстною партією неудовольствія противъ Россіи, четыре мои концерта сопровождались полнымъ и блестящимъ успѣхомъ. На первые два объявленные концерта, въ театрѣ *Гульваръ*, имѣющемъ болѣе 1.500 мѣсть, еще до моего пріѣзда всѣ билеты были уже разобраны. Ложи продавались по 100 фр. (42 руб.) 60 фр. (25 руб. 20 к.); кресла, начиная отъ 20 фр. (8 руб. 40 к.) до 5 фр. (2 руб. 10 к.) и сборъ воловой былъ 8.000 фр. Надобно сказать нѣсколько словъ о самомъ театрѣ, который въ своемъ родѣ единственный, по своему оригинальному двойному назначенію, а именно: въ лѣтнее время этотъ самый театръ обращается въ купальню: снимается сцена, убираются полы и партеры, подъ которыми оказывается громадный бассейнъ для купанья. Театръ этотъ освѣщается во время представ-

лений 500-ми электрическими лампами, которыя даютъ пріятный и яркій свѣтъ. За то нельзя сказать ничего хорошаго объ акустикѣ: резонансу мало, потому что театръ слишкомъ широкъ и ложи глубоки, особенно 2-го и 3-го яруса. Послѣдній свой четвертый духовный концертъ я перенесъ въ старый залъ Atheneului, запущенный, страшно грязный, но съ роскошнымъ резонансомъ, что еще важнѣе для духовнаго концерта, поющагося а сарелла.

Во всѣхъ моихъ концертахъ, не исключая и духовнаго (не смотря на проливной дождь), присутствовала королева, одобряя насъ своимъ радушіемъ, восторгомъ и похвалами по окончаніи концерта. Замѣчательно, что въ нашихъ концертахъ были представители и чиновники всѣхъ посольствъ, исключая австрійскаго; были всѣ мѣстные румынскіе министры. Наплывъ публики былъ такъ великъ, что, кто не запасался заравѣ мѣстомъ, не попадалъ въ концертъ, или просилъ о приставномъ стулѣ *идь-нибудь*. Послѣднее, точно нарочно, каждый разъ случалось съ министромъ юстиціи, который пріѣзжалъ прямо, не запасаясь заравѣ билетомъ въ концертъ. Что концерты ороизводили сильное впечатлѣніе, можно судить было по тѣмъ страшно-бурнымъ аплодисментамъ, которые оглушали всѣхъ насъ, и по безконечнымъ просьбамъ повторенія спѣтыхъ нумеровъ, а также и потому, что съ каждымъ днемъ сочувствіе къ намъ публики вѣроятно увеличивалось. Мѣстные Славяне поднесли мнѣ прелестный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью: „Славному Славянскому отъ Славянскаго общества“.

Послѣ перваго концерта русскій посланникъ пригласилъ насъ на вечеръ и ужинъ, гдѣ было самое избранное общество разныхъ національностей и представители разныхъ посольствъ. Во время ужина, прекрасно сервированнаго, играли приглашенные „*Леотарии*“, т. е. мѣстные народные музыканты: скрипка, гитара, флейта и контръ-басъ, аккомпанировавшіе пѣнію народныхъ румынскихъ пѣсень. Пѣсни эти не только напоминаютъ венгерскія мелодіи, но это просто-на-просто *тѣ же* самыя пѣсни, исполненныя на другомъ языкѣ, мелодіи которыхъ не принадлежатъ ни венгерскому, ни

румьинскому народу, у которыхъ и нѣтъ вовсе самостоятельныхъ напѣвоѡ, а сложенные венгерско-румьинскими Цыганами и разнесенныя ими по обѣимъ странамъ, и *отчасти* привившіяся въ деревняхъ. Я говорю *отчасти*, потому что не замѣтилъ въ Румыніи особенно большой склонности простаго народа къ пѣнію. Собственно говоря, поютъ только въ горахъ Румыніи и то чуть ли не одну и ту же пѣсню „Doina“, варьируя этотъ напѣвъ на разные лады.

Издали напѣвъ этотъ красивъ, но, если вы пожелаете слышать его вблизи и спѣть въ хорѣ, вы вынесете совсѣмъ другое впечатлѣніе, такъ странно и дико звучать его интерваллы.

Вообще, Румыны народъ немзыкальный, и вы не услышите отъ крестьянина или крестьянки ни одного звука на полѣ. Это не то, что нашъ Русскій народъ, у котораго всякая работа сопровождается пѣніемъ, и спѣрится-то она лучше подъ звуки любимой пѣсни. Самый характеръ народа непривѣтливый и гордый, но при этомъ трусливый—и потому гордость нерѣдко смѣняется у нихъ приниженностью.

Въ этомъ микроскопическомъ государствѣ кишать разнохарактерныя страсти и всевозможныя раздѣленія, подраздѣленія и отѣнки партій и ихъ взглядовъ. Въ этой пучинѣ трудно разобраться, и едва ли они сами-собою придутъ къ одному знаменателю.

Королева, среди этого всеобщаго волненія умовъ, создала себѣ особенный міръ, идеальный, полный свѣта и теплоты. Она производитъ такое особенное впечатлѣніе, что я не могу удержаться, чтобы не поговорить о ней подробнѣе. Бывши очень довольна моими концертами, она пожелала видѣть меня съ женой и назначила намъ аудіенцію во дворцѣ своемъ. Аудіенція продолжалась около двухъ часовъ.

Въ два часа дня насъ провели въ кабинетъ ея величества, куда проходить надо черезъ ея зимній садикъ, въ которомъ среди зелени и тропическихъ растений красуется большая картина Айвазовскаго, изображающая море; передъ картиной тихо бьетъ фонтанъ. Кабинетъ, отдѣланный оригинально, съ большимъ вкусомъ, весь заставленный шкафами съ книгами, нотами, цвѣтами, картинами, заваленный разными

рѣдкостями, болѣе похожъ на studio ученаго мужа, чѣмъ на приемную высокопоставленной женщины. И въ этомъ, вдохновенія полномъ, studio, королева Елизавета, великая женщина, отдаетъ все свое время литературѣ, наукѣ и искусству; здѣсь передала она бумагъ все порывы своего сердца...

Королева уже ожидала насъ. Это женщина довольно высокаго роста, величественной наружности; волосы ея сѣды, но лицо все еще свѣжее и молодое, а главное освѣщается такою привѣтливою улыбкой, что не хочется оторвать отъ нея глазъ. Просто и ласково протянувши намъ руку, она опустилась въ кресло, пригласивъ насъ взглядомъ сѣсть по обѣ ея стороны.

Разговоръ завязался тотчасъ же, свободный и неумолкаемый. Королева говоритъ не громко, рѣчь ея плавная и нѣжная, но порой она воодушевляется и тогда голосъ ея звучитъ энергично и слова льются потокомъ. Нѣтъ отрасли науки и искусства, которыми не интересовалась бы она, которыя не были бы ей доступны. Она любитъ народную поэзію и много перевела народнаго на нѣмецкій языкъ; она изучаетъ народную жизнь Румынъ и интересуется жизнью и поэзію всѣхъ народовъ. Она изучила классическую литературу многихъ странъ и даже древнюю; нѣсколько знакома и съ русской литературой и даже съ русскимъ языкомъ (королева гостила въ молодости въ Петербургѣ у великой княгини Елены Павловны, которой приходилась племянницей). Искусство—ея стихія, безъ которой жизнь ей кажется лишеною свѣта и теплоты (ея подлинныя слова); въ складѣ ея рѣчи слышенъ поэтъ, а во взглядахъ ей на жизнь, общество и обычай его—чистая и возвышенно-симпатичная душа. Рѣчь шла на французскомъ языкѣ, шла безостановочно, безъ натяжки, и мы вышли очарованные двухъ-часовой бесѣдой съ монархиней—поэтомъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ „Carmen Sylva“.

Королева ведетъ жизнь чрезвычайно дѣятельную: она встаетъ въ 5 час. утра и тотчасъ же принимается за занятія въ своемъ поэтическомъ studio зимой, а лѣтомъ въ павильонѣ

своего роскошнаго сада; нерѣдко отправляется она на весь день въ горы, ища уединеннаго вдохновенія. Она завтракаетъ въ 12 час. дня и не обѣдаетъ вовсе (находя долгое сидѣнье за столомъ скучнымъ, потеряннымъ временемъ), довольствуясь холодными закусками къ вечернему чаю въ 8 часовъ. „Меня многіе упрекають за мою дѣятельную жизнь, говорила она намъ, но въ нашъ вѣкъ, когда въ общественной жизни чувствуется что-то гнетущее, точно вотъ-вотъ должна разразиться надъ всей вселенной густая черная туча, въ ней одной, въ моей непрестанной дѣятельности литературно-художественной, да еще въ природѣ, которую я обожаю за ея неподкупность, я чувствую себя вполне счастливой и нахожу, что безъ этихъ занятій нѣтъ ни счастья, ни самой жизни. И пусть нашъ практическій вѣкъ называетъ это идеализаціей, я называю именно это *реальной* жизнью; но пусть будетъ жизнь и та и другая идеализированная: одна основана на чистой, а другая на топкой почвѣ—я избрала первую“. Съ какимъ интересомъ слушала она рассказы о нашихъ путешествіяхъ, пожелала имѣть наши сборники пѣсенъ и прислала намъ свой портретъ съ собственноручной надписью: „La passion du beau exclue les passions étant céleste. Elisabeth“.

Король наоборотъ искусства не любитъ, и ни въ концертахъ, ни въ театрахъ никогда не бываетъ, да и вообще, въ настоящее же время въ особенности, нигде не показывается. Королеву любятъ и уважають, онъ же рѣшительно не пользуется любовью; по крайней мѣрѣ, мы ни отъ одного человѣка не слышали симпатичнаго о немъ слова...

17-го апрѣля мы выѣхали въ 9 час. утра изъ Бухареста въ Браиловъ, гдѣ въ этотъ же день (воскресенье) дали концертъ. Театръ въ этомъ городѣ очень хорошенькій, резонансъ порядочный, и билеты всѣ уже были на концертъ мой заранѣе проданы. На станціи желѣзной дороги насъ встрѣтилъ здѣшній первый аристократъ, болгарскій патриотъ Веронъ, со многими другими представителями мѣстнаго общества. Концертъ былъ въ самый день нашего пріѣзда и прошелъ чрезвычайно оживленно; публики было множество, и

она положительно забросала насъ цвѣтами на эстрадѣ. Болгары, румынскіе подданные въ Браиловъ и эмигранты поднесли намъ великолѣпный вѣнокъ изъ искусственныхъ лавровыхъ листьевъ съ вызолоченными натуральными желудами, символъ свободы.

На трехцвѣтныхъ лентахъ красовалась слѣдующая надпись:

Дмитрію Славянскому
Агреневу
Българска Браилска колоние
17 апрѣль 1888
Дано твой сладкій гласъ
Да развѣва
Отъ Дринъ до Нева
Братска любовь; на добъръ часъ!

Я упомянулъ объ этомъ вѣнкѣ и надписи, чтобы показать, какъ сильно у здѣшнихъ Болгаръ славянское чувство.

Здѣсь мы пѣли много болгарскихъ пѣсень, записанныхъ мною и О. Х. Славянскою во время путешествія нашего по Болгаріи, и даже болгарское хорѣ (народный танецъ).

По окончаніи концерта я и жена моя были приглашены Верономъ въ его роскошный домъ на вечеръ и ужинъ. Общество было тамъ преимущественно болгарское и самое сердечно-расположенное къ Россіи. Семейство Верона очень образованное и чрезвычайно музыкальное (сейчасъ видно славянское происхожденіе), такъ что вечеръ былъ какъ бы продолженіемъ концерта: скрипка смѣнялась фортепіано, послѣднее пѣніемъ. Семейство это уѣзжаетъ ежегодно зимою въ Ниццу, такъ какъ зима здѣсь болѣе чувствительна, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ, вслѣдствіе плохаго устройства печей, да и жизнь въ Браиловъ скучная: общественныя удовольствія всѣ случайныя и всѣ живутъ маленькими кружками. На будущую зиму это семейство собирается въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что они дали себѣ слово болѣе не посылать дѣтей на воспитаніе въ Европу, а въ Россію, видя, что съ воспитаніемъ въ Европѣ вышло то, что всѣ члены семьи говорятъ между собою на французскомъ языкѣ, чтобы лучше понимать другъ-

друга. Болгарскій языкъ забыть, румынскому за границей не учились, между тѣмъ отецъ плохо говоритъ по-французски—вотъ тутъ и веди интимные семейные разговоры! Да и то ли еще бываетъ: въ семьѣ русскаго вице-консула въ Браиловъ, самъ вице-консулъ старикъ говоритъ только по гречески (онъ Грекъ) и по-румынски вполнѣ хорошо, ломано по-французски, жена же его и вовсе не знаетъ послѣдняго языка. Молодая ихъ невѣстка, жена сына, не знающая ни одного изъ этихъ языковъ, съ горемъ говорила намъ на дняхъ, что она со времени своего замужества еще ни разу не говорила съ матерью своего мужа. И это не исключеніе, почти въ каждой семьѣ такой разладъ. Возвращаюсь къ вечеру у Верона, гдѣ между прочимъ слышенъ былъ и русскій языкъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ бывшихъ тамъ Болгарокъ воспитывались въ Одессѣ.

За ужиномъ говорилось много рѣчей, безъ которыхъ Славяне не могутъ обойтись. Рѣчи говорились на французскомъ языкѣ. Веронъ между прочимъ объяснилъ обществу все великодушіе Россіи, уступившей Болгаріи и Румыніи города, гдѣ историческіе памятники гласятъ о русскихъ подвигахъ, а мѣста орошены и освящены кровью русскихъ воиновъ. Только около четырехъ часовъ утра все общество разошлось по домамъ.

20-го апрѣля въ 6 час. утра мы сѣли на русскій пароходъ „Болгарія“, и плывемъ теперь внизъ по Дунаю на пути въ Одессу. Страстная недѣля прервала мои концерты въ Румыніи, но я уѣхалъ, напутствуемый просьбами и личными, и выраженными въ телеграммахъ, о возобновленіи моего артистическаго путешествія по Румыніи и о посѣщеніи оставшихся въ сторонѣ городовъ.

Статья Клаушоог'а въ переводѣ гласитъ:

„Въ воскресенье вечеромъ дворецъ сіялъ, какъ въ былые прекрасные дни. Наружу неслись гармоническія пѣсни, ангельскіе голоса, привлекавшіе прохожихъ, какъ во время оно голоса сиренъ. Длинный рядъ экипажей загромождаеть бульваръ, а два электрическихъ солнца бросаютъ съ фасада

фантастическій свѣтъ на толпу, выстроившуюся шпалерами передъ подъѣздомъ. Это концертъ русскаго хора подъ управленіемъ г. Агренева-Славянскаго.

Только половина девятаго, а зала переполнена зрителями сверху до низу. Съ перваго спектакля Коклена я не видалъ столько публики. Сборъ былъ полный и передъ кассой понапрасну тѣснилась цѣлая толпа жаждущихъ билетовъ, которыхъ уже не было съ утра. Ложи представляли цѣлый цвѣтникъ. Ея величество королева почтила концертъ своимъ присутвіемъ; она была въ глубокомъ траурѣ. Гофмейстерина г-жа Сланичано и фрейлины г-жи Ромало и Давила были также въ черномъ. Въ партерѣ цѣлый океанъ головъ: тамъ собрался весь элегантнѣйшій и извѣстнѣйшій Бухарешть. Давно не видано такой избранной публики. Но вотъ раздаются три удара и занавѣсъ поднимается среди глубокаго молчанія. Видъ прекрасенъ и вызываетъ рукоплесканія публики. На эстрадѣ возвышается г. Агреньевъ-Славянскій. У него библейская голова съ длинными, стелющимися по плечамъ волосами. Знаменитый артистъ одѣтъ въ великолѣпный костюмъ русскаго боярина XVI вѣка: огненно-красный бархатъ, покрытый золотымъ шитьемъ и окаймленный сободемъ, высокіе сапоги изъ желтаго сафьяна, боярская мѣховая шапка съ брилліантовымъ перомъ. Рядомъ съ нимъ на стулѣ m-me Славянская, великолѣпная въ блестящемъ русскомъ костюмѣ. Это—просто прелесть. Точно мадонна, покрытая роскошными приношеніями. Г-жа Славянская—красавица не русскаго типа, брюнетка съ тонкими чертами и прелестными глазами, проникнутая восточною прелестью, гибкостью и изяществомъ. Бархатное платье вышито золотомъ, широкая накидка съ рукавами изъ атласа шафраннаго цвѣта, обшита голубымъ песцомъ. Ожерелье крупнаго жемчуга обвиваетъ шею и свѣшивается на грудь. Большой кокошникъ, расшитый золотомъ, въ тонъ костюму и усыянный дорогими каменьями, обрамляетъ прекрасную головку; длинное покрывало окружаетъ ее подобно ореолу и спадаетъ на спину, точно свѣтлый лучъ. Два мальчика, одинъ съ свѣтлыми, длинными кудрями, другой брюнетъ, попеременно

держатъ мѣховую шапку г. Славянскаго. За ними рядъ дѣтей въ оригинальныхъ костюмахъ 16 вѣка, поразительно богатыхъ, изъ краснаго и синяго бархата, шитаго золотомъ. Въ глубинѣ хористы — мужчины въ мѣховыхъ шапкахъ, съ энергичными лицами, съ черными усами, въ живописныхъ костюмахъ прошедшихъ вѣковъ Россіи. Въ серединѣ гармоніумъ, сопровождающій пѣніе. Вся картина полная цвѣтовъ и золота, напоминаетъ страницу стариннаго служебника.

Успѣхъ концерта былъ поражающій. Зала тряслась подъ громомъ рукоплесканій. Г. Славянскій и хоръ должны были повторять всѣ нумера программы. Для многихъ зрителей это было отдаленною родиной, представлявшей въ народныхъ пѣсняхъ, то гремящихъ, какъ разлившійся потокъ, то мелодичныхъ, полувоздушныхъ, ласкающихъ, какъ дуновеніе лѣтняго вѣтерка. Пѣніе сначала поражало; потомъ, по мѣрѣ того, какъ ухо привыкало къ этимъ мелодіямъ, звуки точно увлекали слушателя какимъ-то таинственнымъ потокомъ. Мелодія очаровывала и плѣняла васъ. Звукъ, сначала полный, иногда слабѣлъ и доносился точно вздохъ отдаленнаго эхо. Эффектъ былъ поразительно реаленъ. Казалось, видишь безконечную равнину и идущихъ по ней съ пѣснями крестьянъ и крестьянокъ; или же видишь на рѣкѣ барку, наполненную поющими балладу рыбаками. Народныя былины и военныя пѣсни, спѣтыя полнымъ голосомъ, весьма понравились публикѣ. Наэлектризованная зала много разъ вызывала пѣвцовъ; великолѣпный вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ съ лентами былъ поднесенъ г. Славянскому бухарештскимъ славянскимъ Обществомъ. Мы услышимъ русскій хоръ еще во вторникъ и въ четвергъ. Это не только любопытное зрѣлище, но одно изъ самыхъ интересныхъ музыкальныхъ наслажденій, какія намъ приходилось испытывать. Послѣ спектакля русскій посланникъ г. Хитрово предложилъ въ читальной залѣ „Hotel du Boulevard“ ужинъ г-ну и г-жѣ Славянскимъ и нѣсколькимъ пѣвцамъ капеллы. Въ числѣ гостей было нѣсколько представителей бухарештской аристократіи и иностранныхъ пословъ и посланниковъ и т. д. Лукулль и Ватель казалось,

предводили пиромъ, на которомъ остроуміе, веселость и шампанское били ключомъ. Послѣ ужина танцовали до разсвѣта. Г-жа Славянская переодѣлась въ черное платье, озаренное ея прекрасными глазами. Эта царица народнаго пѣнія доказала намъ вечеромъ, что она принадлежитъ къ породѣ сильфовъ. Она граціозно и неумоимо исполняла національныя пляски, а во время вальса закружила всѣхъ кавалеровъ. Г. Хитрово хозяйничалъ на этомъ импровизированномъ праздникѣ съ своей обычной любезностью, а всѣ члены посольства прилежно помогали ему“.

Indépendance Roumaine (№ 3176, 1888).

Такіе же отзывы появились въ газетахъ „Bukarester Tagblatt“, „Unirea“, „Liberta“, „Ероча“, „Romania Vutoare“ и въ другихъ румынскихъ изданіяхъ.

III. Кіевскій юбилей 900 лѣтій Крещенія Руси.

Участіе Д. А. Агренева-Славянскаго въ кіевскихъ юбилейныхъ торжествахъ выразилось въ устройствѣ имъ на свои средства ряда концертовъ, на которые всѣ славянскія гости, а также съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ Россіи представители городовъ, обществъ и учреждений, имѣли бесплатный входъ. Подробное описаніе этихъ концертовъ мы находимъ въ „Кіевскомъ Словѣ“.

Вчера состоялся послѣдній концертъ Д. А. Агренева-Славянскаго въ пользу славянскаго благотворительнаго общества. Въ программу концерта, между прочими славянскими пѣснями, были включены: сербскій народный маршъ: „*Радо иде Србинъ у войнике!*“ и словацкая стоворная пѣснь. Передаемъ текстъ марша въ переводѣ на русскій языкъ изъ сборника славянскихъ пѣсенъ О. Х. Славянской.

Радъ идти сербъ на войну съ врагами,
Гдѣ зеленый лавръ ему награда,
Побѣдить враговъ своей отчины —
Юной жизни всей его отрада.

Пушекъ трескъ: трахъ! трахъ!
Не вселяеть ему страхъ!
Пушекъ трескъ: трахъ! трахъ!
Не вселяеть ему страхъ! страхъ! страхъ!
А невѣста дорогая,
Мать, отецъ сѣдой,
На побѣду уповая,
Снаряжаютъ его въ бой.
Впереди предъ войскомъ цѣлымъ
Храбрый сынъ идетъ,
Шляпа лаврами обвита,
Громко онъ поетъ:
Я повергну турокъ въ прахъ,
Сербъ внушаетъ врагу страхъ!...
На враговъ маршъ, сербы-братья, дружно,
Къ родинѣ любовь—залогъ побѣды,
Путь кровавый мы къ врагамъ проложимъ,
Довершимъ мы Сербіи обѣты!
Отряхнемъ съ ногъ прахъ
И забудемъ на вѣкъ страхъ!
На конѣ, среди дубравы,
Съ лаврами въ рукахъ,
Пожинай, сербъ, цвѣты славы,—
Да трепещеть врагъ!
Ну-жъ впередъ, дружище братья! }
Страха намъ не знать!
Чтобъ костями мусульмановъ
Поле все устлать!
И по вѣтру пронесенъ
Громкій крикъ, что сербъ спасенъ!...

Словакская пѣсня:

Ай чо бы бола дробна ятелинка,
Ай чо бы бола отава и т. д.

т. е.: Ахъ, если бы была уже мелкая травочка, если бы выросла уже и вторая трава и т. д. Эта словакская народная

пѣсня интересна тѣмъ, что она можетъ служить образчикомъ того, какъ по пѣснямъ можно изучать нравы; въ ней мы видимъ, какъ различны взгляды на замужство у насъ и у словаковъ. У насъ главную роль въ супружествѣ у простаго народа играетъ приневоливаніе, что вполне выразилось въ пѣснѣ: „Матушка, что во полѣ пыльно?“, въ которой мать, уже просватавши свою дочь, обманываютъ ее и, ожидая въ домъ жениха, на вопросы дочери: „отчего въ полѣ пыльно?“ отвѣчаетъ; „кони, дитятко, разыгрались!“. И когда, испугавшаяся близости грозящей ей бѣды, дочь все понимаетъ, она не находитъ другихъ словъ, кромѣ: „Дитятко, не бось, не пужайся! свѣтъ — милое мое, не бось, не пужайся!“—Женихъ уже въ избѣ, мать снимаетъ икону, дочь въ ужасѣ кидается ей на шею и въ отвѣтъ ей тоже хотъ и слезное, но деспотичное: „Дитятко, Господь Богъ съ тобою!“ шепчетъ надъ нею благословляющая уже ее образомъ мать. У словаковъ, судя по пѣснѣ — не такъ ладится судьба дѣвушки: она сама *объщаетъ себя* любимому человѣку, она, какъ тайну, носить въ сердцѣ своемъ это обѣщаніе почти до его исполненія и, отправляя будущаго мужа на заработки, до которыхъ не мыслима свадьба, нѣжно сама говоритъ ему: „ахъ, хотъ бы скорѣе выросла мелкая травочка, хотъ бы подросла и вторая трава, тогда ты назовешь меня своей“... Прощаясь съ нимъ, она лепечетъ ему, склоняясь на его плечо: „ахъ, спѣши, спѣши, возвращайся... а теперъ дай чувствовать мнѣ на лицѣ твое дыханье, отъ котораго выздоровѣтъ болящее по тебѣ мое сердце“.

Этимъ концертомъ заключается серія празднествъ, устроенныхъ въ честь гостей-славянъ—празднествъ, художественно-артистическая часть которыхъ цѣликомъ выпала на долю нашего народнаго пѣвца.

Дѣйствительно, гдѣ бы проводили славянскіе гости вечера, если бы не явился къ намъ неожиданно, хотъ и не приглашенный, но дорогой гость? Городъ, позаботившись обо всемъ, упустилъ изъ виду артистическую часть и не только никакихъ суммъ для этой цѣли не ассигновалъ, но даже не нашелъ возможнымъ принять предложеніе Д. А. Славянскаго о

безвомездномъ его участіи на празднествѣ. Но славянскій пѣвецъ явился самъ и взялъ въ устройствѣ праздника то, что принадлежало ему по праву, сдѣлалъ то, что возможно было сдѣлать одному ему: пополнилъ всѣ пробѣлы своими концертами, согрѣлъ и воодушевилъ славянскихъ гостей исполненіемъ народныхъ излюбленныхъ пѣсенъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Не мудрено, что каждый славянскій гость отъ чистаго сердца лично выразилъ благодарность русскому пѣвцу, своими единичными усиліями ставшему въ ряды устроителей славянскаго торжества 900-лѣтія крещенія Руси. Честь и слава его энергіи, его глубокому знанію дѣла и безкорыстію,—такъ какъ всѣ гости имѣли право бесплатнаго доступа во всѣ его концерты, да и не одни славянскіе, а и русскіе гости, какъ, напр., всѣ съѣхавшіеся со всѣхъ уголковъ Россіи учителя пѣнія.

Четверть вѣка уже проработалъ Славянскій надъ народной пѣснюю, и мы смѣло можемъ сказать, что не безплодно.

Вспомнимъ, что такое была для cadaго изъ насъ пѣсня 25 лѣтъ тому назадъ?

То счастливое время, когда бояре потѣшались, слушая игру или пѣніе доморощенныхъ, взрослыхъ на родныхъ звукахъ пѣвцовъ — миновало, пѣсня отошла на задній планъ, вытѣсненная романсомъ, шансонеткой и, наконецъ, аріей; ея гнушались, она была въ загонѣ. Порвалась нить, связывавшая всѣ классы общества, и они разбѣжались: одни шли впередъ, другіе отстали. Черезъ лакейскія барскихъ хоромъ и черезъ шарманки проникъ и въ народъ чуждый звукъ, и недоувѣрчиво сталъ относиться и народъ къ своей пѣснѣ...

Въ такое-то время впервые раздались вновь звуки родной пѣсни въ концертномъ залѣ, къ ужасу тѣхъ, кто, оторванный отъ родной почвы, забылъ пѣсню, можетъ быть, нѣкогда пѣтую надъ его колыбелью убаюкивавшей его няней.

Можно представить себѣ ту бездну препятствій, неудачъ и разочарованій, которыми привѣтствовались первые шаги возрожденной пѣсни. Сколько надо было пѣвцу имѣть силы воли, сколько твердой вѣры въ мощь роднаго звука, чтобы,

не отречься отъ своего излюбленнаго дѣтища—пѣсни, чтобы шагъ за шагомъ, день за днемъ подвигаясь къ желанной цѣли, выростить это дитя, могучее и сильное, на славу своей родины, чтобы провести его отъ избы до дворца, чтобы ею же, этой пѣснею, уже выросшимъ и окрѣпшимъ дѣтищемъ—орленкомъ, разнести русскую славу по всему свѣту. Вотъ въ этомъ-то и заслуга нашего народнаго пѣвца. Онъ проникъ намъ въ душу звуками своей пѣсни, такъ что, слушая его, не знаешь—пѣсню ли слышишь, или то чувство, перешедшее въ звуки, голосъ сердца, идущій къ сердцу...

Славянскія племена тоже всё единогласно признають его своимъ славянскимъ народнымъ пѣвцомъ, ибо онъ собиралъ мелодіи славянъ на мѣстѣ еще въ тѣ годы, когда и концертировать тамъ было опасно, и съ богатымъ запасомъ все-славянскихъ мелодій первый путемъ концертовъ приступилъ къ ознакомленію всѣхъ славянскихъ племенъ со сродными имъ звуками, былъ, какъ выразился г. Генчичъ (Сербъ) въ своей рѣчи самымъ симпатичнымъ и дѣйствительнымъ посредникомъ между разбросанными славянскими племенами. Какимъ же бы другимъ путемъ, кромѣ живой передачи звуками всѣхъ фазъ народной жизни, могло произойти общеніе? Звукъ пѣсни дѣйствуетъ сильнѣе слова, ибо не только принимается умомъ, но и шевелить въ сердцѣ сочувственныя струны. Не „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, не „Былина о Добрынь Никичичѣ“, не „Ци ня дудка моя“, не „Сунце ярко“ (сербская пѣсня), не „Не плачи майко (болгарская), не „Ай чо бы бола“ (словакская) слушались собравшейся аудиторіей, не эффектная или печальная мелодія проникала во дворцы и производила минутный эффектъ, а рисовалась въ выразительномъ исполненіи славянскаго пѣвца цѣлая нить исторической, бытовой, семейной жизни народовъ славянскихъ, видѣлись исходныя точки ихъ нравовъ и вѣрованій, ихъ симпатій и антипатій. Все, отъ крестинъ до похоронъ, отъ мирнаго очага до военнаго бивуака, воспѣла пѣсня—и воспѣла чистосердечно съ дѣтскою простотою, не подтасовывая фактовъ...

Сложилъ народъ эту пѣсню, сложилъ вѣками, не зная ни ритма, ни гармоніи, никакихъ законовъ, кромѣ законовъ чув-

ства и правды. Зачѣмъ намъ чуждые, оторванные отъ родной почвы звуки, когда на нашихъ народныхъ пѣсняхъ и поэзіи можно основать все, что хочетъ художникъ, когда почти каждая мелодія, каждый стихъ цѣликомъ просится въ драму и оперу?

Возьмите хотя бы несложную ни по мелодіи, ни по тексту бурлацкую пѣсню „Эй, ухнемъ!“ И всего-то въ ней пять-шесть звуковъ, шесть тактовъ, но развѣ въ этихъ звукахъ не скрывается глубокая драма цѣлой касты людей—паріевъ, задачею которыхъ всю жизнь было—*идти въ ногу*, чтобы ровно тянуть лямку?... Что это за люди, что оставили они позади себя? Неужели нѣтъ у нихъ никакихъ надеждъ въ будущемъ? Вотъ тутъ-то въ красноречіи каждаго изъ этихъ тружениковъ и проглядываетъ человѣкъ, то-есть, вѣришь, внутренняя жизнь даже отверженного, низведеннаго на степень машины, человѣка, у котораго и въ зачерствѣломъ отъ тупаго труда сердцѣ и въ отяжелѣвшемъ отъ физической усталости тѣлѣ проглядываетъ искра Божія и также быстро потухаетъ, какъ оплывшая восковая свѣча, погружая вновь сердце труженика въ могильный мракъ. Развѣ это не живая, не разрывающая сердце драма?... (*Кіевское Слово*, № 444).

Въ промежутокъ между концертами Д. А. Славянскій съ капеллою былъ приглашенъ принять участіе въ знаменитой поѣздкѣ Славянъ по Днѣпру на пароходѣ „Рыцарь“. Объ этой поѣздкѣ подробныя свѣдѣнія даетъ также „Кіевское Слово“.

Славяне на Днѣпрѣ. Въ поведѣльникѣ кіевское славянское общество устроило для славянскихъ гостей прогулку по Днѣпру на пароходѣ „Рыцарь“, любезно предложенномъ въ распоряженіе общества Д. С. Марголинымъ, управляющимъ дѣлами организующагося втораго пароходнаго общества. Ровно въ два часа дня пароходъ, богато убранный флагами, отплылъ отъ пристани внизъ по Днѣпру съ многочисленнымъ обществомъ, въ которомъ, кромѣ славянскихъ гостей, собравшихся почти въ полномъ комплектѣ, присутствовали: графъ Н. П. Игнатьевъ, В. К. Саблеръ, и. д. предѣдателя кіевскаго славянскаго общества Ф. М. Гарничъ-Гарницкій, Д. А. и

О. Х. Славянскіе съ дѣтьми и капеллою, архимандритъ Паисій, бывшій настоятель русскаго Пантелеймоновскаго подворья въ Царьградѣ, Н. И. Ашиновъ, подполков. Римскій-Корсаковъ, представители Абиссиніи, племянница Негуса Марія Михайловна Оганнесъ, одесскіе представители: князь Ю. Е. Гагаринъ, М. А. Бухтѣевъ, А. А. Кривцовъ, А. И. Черепенниковъ, члены славянскаго общества и проч.—всего около ста пятидесяти лицъ. Съ самаго начала во всемъ обществѣ установилось доброе, непринужденное настроеніе, не измѣнявшееся до самаго конца. Во время пути до Китаева и обратно капелла Славянскаго исполнила нѣсколько нумеровъ, покрытыхъ, по обыкновенію, громкими аплодисментами. Взявши затѣмъ на пристани военный оркестръ, „Рыцарь“ поплылъ вверхъ къ Межигорью, а общество усѣлось за обѣдъ. Первый завѣтный тостъ за Государя Императора былъ покрытъ восторженными криками, долго неумолкавшими и заглушавшими своею силою звуки оркестра. Изъ массы рѣчей, горячихъ, прочувствованныхъ, краснорѣчивыхъ, мы беремъ только одну, сказанную женщиною—О. Х. Славянскою.

„Я прошу у сильной половины рода человѣческаго позволенія передать впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ путешествій по славянскимъ землямъ вездѣ за пѣсню.

Путешествіе это наглядно убѣдило меня въ томъ сочувствіи, въ той горячей симпатіи, которую славяне, т.-е. *славянский народъ* питаетъ всюду къ Россіи, къ русскому народу, въ томъ тепломъ упованіи, которое они возлагаютъ на русскаго богатыря, на историческаго дядю Ивана.

Не восторги, вызванныя художественной стороною нашихъ концертовъ, подкупили меня,—нѣтъ: они вездѣ—и въ Европѣ, и въ Америкѣ были одинаково сильны; въ восторгахъ же славянъ было не то: тутъ звучала такая родственная струна, которая составляла полное созвучіе со *смысломъ* нашихъ пѣсень. Да и какъ могло быть иначе?

Первообразъ пѣсни, т.-е., тотъ первобытный стихъ, которымъ нераздѣленное славянство воспѣвало на могилахъ предковъ геройскіе подвиги своихъ богатырей, есть родоначаль-

никъ всеславянской народной пѣсни. Пѣсня эта есть памятникъ народной жизни, это документъ его историческаго роста; переходя отъ вѣка въ вѣкъ изъ усть въ уста, она, какъ въ зеркалѣ, отразила всю жизнь народа: его радости, горе, надежды и стремленія; въ пѣснѣ видна и дикость языческихъ нравовъ, и раздѣлъ славянскихъ народностей, и первые лучи христіанства, и ужасъ татарскаго полона, и побѣдоносные клики оружія Дмитрія Донскаго,—словомъ, всѣ тѣ событія и чувствованія, которыя разлились, такъ сказать, по всему народному тѣлу.

Съ другой стороны, въ людяхъ, стоящихъ на стражѣ славянскихъ интересовъ, не было недостатка въ сочувствіи, добромъ желаніи и умѣннн примѣнить эти чувства къ практикѣ. Отчего же большинство добрыхъ начинаній не приводитъ къ желаемымъ результатамъ?... Опять прося старшую братію извинить меня за мою смѣлость, скажу: виновата во всемъ невѣрная передача фактовъ и событій, театромъ для которыхъ служатъ территории славянскихъ земель.

Люди, избравшіе себѣ орудіемъ перо, частью отъ неумѣлости, частью сознательно, искажали, можетъ быть, ради краснаго словца, истину, или, играя въ мудрецовъ, глядѣли дальше горизонта.

Я провозглашаю, господа, тостъ за тѣхъ воиновъ пера, которые, поправъ ногами лжеревензента, выступятъ впередъ съ девизомъ „*все во имя правды*“.

Затѣмъ, г-жа Славянская по просьбѣ присутствующихъ прочла еще свое стихотвореніе „Сонъ въ Константинополѣ“, навѣянное пребываніемъ на берегахъ Босфора. Вотъ его текстъ:

Сонъ въ Константинополѣ.

Я видѣла сонъ... Заря занималась,
Востокъ загорался, востокъ весь сіялъ,
И сердце мое изъ груди вырывалось,
Невѣдомый звукъ мою душу плѣнялъ...
Я въ легкомъ каикѣ, едва разбивая
Спокойныя волны Босфора, неслась,

И все, что за мной позади, забывая,
Впередь я невѣдомой силой влеклась.
Не жалко мнѣ было отчизны далекой,
Забыла я кровь свой, забыла друзей,
Однимъ лишь я чувствомъ, идеей высокой
Прониклась всѣмъ сердцемъ, всей волей своей!
А стѣны Царь-града, зарей залиты,
Блистали на ясной лазури небесъ,
И башни, и храмы, врагомъ отняты,
Стояли,—свидѣтели бывшихъ чудесъ!
И вдругъ надъ Царь-градомъ раздалися стоны,
То стоны загубленныхъ душъ христіанъ...
И ангеловъ гдѣ-то небесные сонмы
Покрыли молитвами стонъ христіанъ.
О чудо!... О радость!... Вдоль стѣнъ Византіи
Разверзлось вдругъ небо, хоръ духовъ возсталъ,
И крестъ Константина надъ храмомъ Софіи
Милліономъ огней и лучей заблесталъ...
Надъ куполомъ гордой, христіанской Софіи
Гудитъ колокольный торжественный звонъ,
И знаменемъ мощной твердыни, Россіи,
Отнынѣ до вѣка Востокъ осѣненъ!
Народъ въ умиленьи, ногами босыми,
На плиты христіанскаго храма вступилъ,
И чувства, что въ сердцѣ вѣками таимы,
Всѣ вышли наружу, всѣ мигъ ихъ излилъ!...
Хоругвями храмъ весь внутри разукрашенъ,
Бриллиантами залить Спасителя ликъ,
И образъ Владычицы кротокъ и ясенъ...
А радость народа, восторгъ какъ великъ!...
О плиты собора челою ударяясь,
Широко крестя обнаженную грудь,
Въ домъ Господнемъ навѣкъ водворяясь,
Забывши суровый и тягостный трудъ,
Забывши сословіи и званій различья,
Ликуетъ и князь, и вельможа, и тотъ,
Отъ бѣдной кто жизни для храма величья

Несетъ отъ земли свой послѣдній доходъ.
...А съ клироса звуки лились, раздавались
Широкою пѣснью по свѣту всему...
Сердца всѣхъ христіанъ во едино сливались:
Всѣ мысли, всѣ чувства неслись къ Одному,
Къ единому Богу, чей Крестъ православный
Въ сердцахъ вѣки вѣчныя будетъ носить,
Тотъ Крестъ, что на куполь Софій всеславной
Сподобились мы наконецъ, водрузить!...

Въ Межигорѣ была высадка; гости гуляли, пили чай у
настоятеля обители, смотрѣли храмъ, знаменитый въ лѣто-
писяхъ запорожскихъ. Возвращеніе въ Кіевъ было также
оживленно и также сердечно. На верхней площадкѣ парохо-
да молодежь устроила даже танцы. Къ пристани новаго па-
роходства, богато иллюминированной такъ же, какъ и нака-
нунѣ, пароходъ подходилъ въ началѣ двѣнадцатаго ночи,
подъ звуки „Боже, Царя храни“ и „Коль Славень“.

Эта прогулка надолго останется въ памяти всѣхъ участни-
ковъ, горячо благодарившихъ строителей.

Концертами своими Д. А. Славянскій-Агрень въложилъ
серьезную лепту въ общее дѣло, имѣя въ виду, что платная
часть публики, составлявшая меньшинство, не могла окупить
и части произведенныхъ расходовъ; со стороны же города
не было ассигновано на свѣтскую часть торжествъ никакихъ
суммъ, и кромѣ концертовъ Д. А. Славянскаго никакихъ
удовольствій Славянамъ-гостямъ предложено не было. (*Кіев-
ское Слово*, № 443).

Передъ отъѣздомъ Д. А. Славянскаго изъ Кіева, въ послѣд-
немъ его концертѣ, на эстрадѣ были прочитаны, под-
несенные ему славянскими гостями и народными учителями
и учительницами, два адреса, покрытые многочисленными
подписями. Славянскій адресъ гласитъ: „Милостивый Госу-
дарь, Дмитрій Александровичъ, позвольте намъ, гостямъ древ-
няго Кіева и святой Руси, выразить Вамъ живое сочувствіе наше

Вашей дѣятельности и нашу искреннюю благодарность Вамъ за то высокое наслажденіе, которое испытывали мы, слушая русскую и славянскую пѣсню въ образцовомъ исполненіи Вашей капеллы. Не въ первый разъ славяне видѣли и слышали Васъ — не въ первый и не въ послѣдній; но всякій разъ все живѣе и живѣе было въ слушателяхъ чувство наслажденія при звукахъ родныхъ мелодій въ родномъ исполненіи.

Вы въ четверть-вѣковомъ служеніи своемъ народному, русскому, всеславянскому дѣлу будили въ насъ чувство единенія, сознанія близости со всеми братьями по крови и языку, по духу и сердцу. Этимъ Вы заслужили полное право на носимое Вами имя пѣвца Славянскаго.

Глубокое Вамъ за это спасибо—искреннее, отъ глубины сердца и низкій поклонъ. Вы своимъ участіемъ украсили великій праздникъ 900-лѣтія крещенія Руси!

Митрополитъ сербскій *Михаилъ*, митрополитъ черногорскій *Митрофанъ*, архимандритъ *Паисій*, протоіерей *Обрадъ Михайловичъ*, священникъ *Димитрій Миленковичъ* (Кіевъ), священникъ *Іоаннъ Иличъ* (Шабаць, Сербія), протоіерей *Іоаннъ Намовичъ* (Кіевъ), румынскій священникъ *Кононъ Арамеско Доничъ*, *Милославъ Р. Протичъ* (бывшій министръ въ Сербіи), *Драганъ Цанковъ* (бывшій министръ въ Болгаріи), *Стоянъ Рибарачъ* (Пажареваць, Сербія), *Велизаръ Кундовичъ* (Лазница, Сербія), *Александръ Кузмановичъ* (Земунъ, Австро-Венгрія), *Николай Стояновичъ* (Пожареваць, Сербія), *Александръ Рацесвъ* (болгар. Одесса), *Н. Поповичъ* (сербъ), *І. Пешчъ* (сербъ), *Святозаръ Гурбанъ Ваянскій* (галичанинъ), *Георгій Генчичъ* (Зайчаръ, Сербія), *Іванъ Н. Живановичъ* (Смедерево, Сербія, племян. Груича), *Стойча Здравковичъ* (Неготинъ, Сербія), *Іоаннъ Мариновичъ* (Неготинъ, Сербія), *Петръ П. Узелацъ* (герцеговинскій вождь, Одесса, гост. Швейцарія), *Миланъ Шевичъ* (боснякъ), *А. Піеторъ* (галичанинъ - редакторъ), *П. Мудронъ* (адвокатъ изъ Галиціи), *Костадинъ Цанковъ* (Журжево, Румынія, братъ Цанкова министра), *Александръ Люцкановъ* (зять Цанкова, въ Константинополь), *С. Бобчевъ* (болгаринъ-эмигрантъ), *К. Бакчевановъ* (капитанъ, болгарскій эмигрантъ),

Борочковъ (эмигрантъ болгарскій), *Иванъ Вазовъ* (поэтъ болгарскій, эмигрантъ. Одесса), *С. Мыларовъ* (эмигрантъ, редакт., 19 февр., болгаринъ), *Маджаровъ* (болгаринъ-эмигрантъ), *Теодоровичъ* (купецъ изъ Браилова, болгаринъ), *П. И. Гумецкій*, редакт. „Червонной Руси“, *И. Марковъ* (галичанинъ), *И. Мажовскій* (болгаринъ изъ Македоніи), *А. Теодоровъ* (Тырново, болгаринъ), *Димитрій Миловановичъ* (сербъ, Неготинъ), *Іоаннъ Становичъ* (сербъ, Неготинъ), *Марко Феодосіевичъ* (Земинъ. Сербъ), *Траиминъ* (галичанинъ), *Мирко Пейчъ* (Крагоеваць, Сербія, въ Кіевской академіи), *Петръ Цвѣтичъ* (Бѣлградъ, купецъ), *Миланъ Бойовичъ* (Сербія), *Николай Георіевичъ* (Земунъ, Австро-Венгрія), *Сима Симицъ Крушеваць* (Сербія), *Майоръ Шечевичъ* (Сербія), *Петръ Иличъ* (Градиште, Сербія), *Аранджело Марковичъ* (Бѣлградъ, племян. Митр. Михаила), *Петръ Михайловичъ* (Неготинъ, Сербія), *Михаилъ Себе* (Браиловъ, Румынія, болгаринъ), *Елена Себе*, его жена, *Николай Іоанновичъ* (Сербъ. Пожераць), *Василій, Дмитрій*, братья *Иличи* (Бѣлградъ, Сербія), *Младенъ Георіевичъ* (Неготинъ, Сербія), *Елизавета Поповичъ*, учительница (Неготинъ, Сербія), *Персида Лазаревна Миленковичъ*, жена священника, *Божидаръ Спасичъ*, учитель изъ Сербіи, *Симеонъ Григорьевичъ* (сербъ, при Митр. Мих.), *Червенный* (*Отакаръ*) музыкантъ (чехъ), *Гусъ Пейсекъ*, капельмейстеръ-чехъ), *Гаверіилъ Музыкаческо*, профессоръ Ясской консерваторіи), *Андрей Сабо*, редакторъ венгерскій (Будапештъ), *Ф. О. Лашекъ*, органистъ-чехъ, *Милане Лукомирскій*, сотрудникъ газ. „Эпоха“ (Букарештъ, румынъ), *Иванъ Георіевичъ Орловъ-Дандинъ*, капельмейстеръ штаба Туркестанскаго военнаго округа (Ташкентъ), *Григорій Маскалевъ*, пѣвецъ, (Кіевъ), *Екатерина Ивановна Карамизъ*, казакъ *Н. Римскій-Корсаковъ*, *Владиміръ Фелуцекъ*, *Иванъ Эм. Левицкій*, *Осипъ А. Мочаловскій*, редакт. „Страхопуда“ и „Бесѣды“, *Григорій И. Летникъ*, *Самуилъ П. Процикъ*, *Кондратъ Ф. Захарчукъ*, *Григорій Марк. Мурунъ*, *Филиппъ С. Минчакевичъ*, *Михаилъ Г. Панамаръ*, *Иванъ Бѣлоруссецкій*, *Стефанъ Бабковъ*, *Симеонъ Дума*, *Дымко Сарубули*, *Др. Франіо Барвичъ*, *Антонъ Коутскій* (Бромърижъ, Моравія), *Алоисъ Соколь*, (Соботка въ Чехіи), *Марія Червена* (изъ

Кралева-Градца, въ Чехіи), *Оттокарь Святославъ Червенный*, инженеръ-технологъ (изъ Кралева-Градца, въ Чехіи), фирма *В. Ф. Червенный* и сыновья (Кіевъ), *Терезія Зноемска*, (въ городъ Креловъ), *Франциска Зноемска*, *Иванъ Зборима*, инженеръ Закаспійской жел. дороги, *Б. Шварцъ*, капельмейстеръ 41-го драгунскаго Ямбургскаго полка въ Гимчовъ, *Эмел-Киль*, изъ Хорватіи, дирижеръ Ташкентскаго музыкальнаго общества *Фезлейсъ*, *Голецовъ* (музыкантъ), *Елизавета Краперанска*, *Новицкій*.

Второй адресъ отъ имени народныхъ учителей и учительницъ былъ представленъ учителемъ Н. Д. Абламскимъ и составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Милостивый Государь, Дмитрій Александровичъ! Древній Кіевъ отпраздновалъ 900-лѣтіе крещенія Руси торжественно и не самъ только, а и тысячами гостей, прибывшихъ не только со всѣхъ мѣстъ безпредѣльной нашей матушки земли Русской, но и со всѣхъ мѣстъ Славянскихъ земель! Русскіе, Чехи, Болгаре, Сербы, Черногорцы, Словаки, Галичане и многіе другіе гости собрались въ Кіевъ, откуда ведетъ свое начало наше православіе и всѣ обычаи нашей святой старины. Всѣ наши праздники и народные обычаи сопровождаются пѣснями. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси ознаменовано въ Кіевѣ блестящимъ успѣхомъ русской народной пѣсни и пѣсни всѣхъ славянскихъ народовъ! Имя Славянскаго останется навсегда въ памяти всѣхъ гостей, которые испытывали высокое наслажденіе, слушая русскія и славянскія народныя пѣсни въ образцовомъ исполненіи своего народнаго пѣвца и его капеллы.

Отъ лица народныхъ учителей и учительницъ Кіевскаго учебнаго округа, прибывшихъ въ Кіевъ для слушанія курсовъ церковнаго пѣнія и принимавшихъ участіе въ празднованіи 900-лѣтія крещенія Руси, позвольте выразить Вамъ, Дмитрій Александровичъ, ихъ живое сочувствіе и искреннѣйшую благодарность за то высокое наслажденіе, которое Вы представили имъ любезно, давъ прекрасныя мѣста въ театрѣ бесплатно, что дало имъ возможность видѣть и слышать въ образцовомъ исполненіи нашу народную пѣсню и пѣсни соплемennыхъ намъ братьевъ Славянъ! Глубокое Вамъ за это

спасибо отъ глубины сердца! Двадцатипятилѣтнее Ваше служеніе русской и славянской народной пѣснѣ даетъ Вамъ полное право на имя пѣвца славянскаго! Участіе Ваше въ торжествѣ 900-лѣтія крещенія Руси съ Вашей образцовой капеллой дало возможность намъ слышать Ваше прекрасное пѣніе и видѣть необыкновенный восторгъ Русскихъ и Славянъ, что намъ, русскимъ народнымъ учителямъ, послужить великимъ примѣромъ и въ назиданіе.

За себя и товарищей учитель Николай *Абламскій*“.

Присутствовавшій на юбилейныхъ торжествахъ въ качествѣ гостя венгерскій писатель, Андрей Сабо, помѣстилъ въ иллюстрированной газетѣ „*Vasarnapi Ujság*“ описаніе Кіевскихъ торжествъ и спеціально цѣлую статью о Д. А—чѣ, О. Х—нѣ Славянскихъ и ихъ капеллѣ. Статья эта была имъ собственноручно переведена по-русски и прислана г-жѣ Славянской при слѣдующемъ письмѣ, которое передаемъ съ сохраненіемъ стили и орфографіи г. Сабо, ибо замѣчательно, что венгерець, который никогда до Кіевского празднества не былъ въ Россіи, самоучкой въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выучился русскому языку на столько, что можетъ говорить свободно и недурно писать. Вотъ это письмо: Милостивая Государыня, Ольга Христофоровна! Можетъ быть: Вы меня ужъ и забыли. Но я не забылъ ни Васъ, ни моего обѣщанія. Вотъ статья, въ которой я хотѣлъ поставить память любезнаго знакомства съ Вами въ Кіевѣ. Попробую переводить статью:

„Познакомивъ меня (т. е. Шараповъ) съ пѣвцемъ Дмитріемъ Славянскимъ-Агрневымъ и его супругой, Ольгой Христофоровной Сл.-Агрневой, и „*Bláha Lujza*“ русскихъ. (*Bláha Lujza* называется наша очень любимая, народная пѣвица.)

О Славянскихъ надо нѣсколько словъ особенно говорить. „Славянскій чрезвычайно отличный пѣвецъ, и не смотря на то, что онъ могъ бы быть въ каждую минуту членомъ С.-Петербургской оперы, онъ посвящался національной миссіи, т. е. собранію русскихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ пѣнію. Для той цѣли онъ во первыхъ одинъ, потомъ съ супругой и съ хоромъ, составленнымъ изъ членовъ около ста, путеше-

етвовалъ по ужасно громадному государству, купилъ себѣ и снабжалъ собственный пароходъ, списывалъ народныя пѣсни во всѣхъ провинціяхъ, отъ-учился эти пѣсни отъ народа,— супруга же его, будучи хорошей, талантливой музыканткой, переписала ихъ на хоръ. За ея труды выбрали славную женщину членомъ с.-петербургскаго географическаго Общества, и парижскаго Общества авторовъ и композиторовъ. Какъ прибыла слава Ольги Христофоровны въ Парижъ, это объясняется тѣмъ, что Славянскіе пѣвали во всѣхъ большихъ городахъ Европѣ и Америкѣ, — были они и въ Будапештѣ, но почему-то имъ ни позволили у насъ вступить на сцену. Жалѣть должна того наша публика, потому что она имѣла бы случай не только знакомиться съ отличнымъ, по его оригинальности безсравненнымъ хоромъ, но и убѣдиться въ томъ, какое чудесное сходство между мотивами венгерскихъ и малороссійскихъ пѣсень.

„Само собою разумѣется, что Славянскихъ любятъ въ Россіи чрезвычайно, и поютъ не только передъ государемъ, но часто и передъ рабочими въ большихъ фабрикахъ, передъ душевно-больными въ большихъ больницахъ, даже передъ арестантами.

„На одномъ изъ прилагаемыхъ при семъ рисунковъ видно Славянскій съ одной частью своего хора въ національныхъ русскихъ костюмахъ изъ XVII вѣка. Жаль, что они въ Кіевѣ ни имѣли при себѣ такихъ фотографій, на которыхъ видны были бы и дѣвушки—члены хора,—но здѣсь фотографія Ольги Христофоровны, которая можетъ служить и типомъ русской красоты“.

— „Боюсь, только, что и русскій этотъ текстъ будетъ для Васъ весьма по венгерски и не понятенъ, потому что въ русскомъ языкѣ я еще и до сихъ поръ очень слабъ.

„Не успѣлъ я раньше написать эту статью, потому что я былъ обязанъ рядомъ написать мое путешествіе въ Кіевъ.

„Я бы былъ очень радъ, если Вы приняли это мое напоминаніе съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ я его написалъ и пошлю Вамъ.

„Кланяюсь Вашему почтенному супругу и всѣмъ членамъ

Вашей дорогой семьи,—и имѣю честь съ искреннимъ почтениемъ быть готовымъ къ услугамъ.

Будалешть.

Szabó Endre“.

Затѣмъ молодой интеллигентный сербъ Георгій Генчичъ прислалъ Д. А. Славянскому Агрневу слѣдующее письмо, написанное по-русски: Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Въ ту минуту, когда пишу Вамъ эти строки, я сижу на зеленомъ балконѣ Коле Рашича. Слово не имѣю описать Вамъ какъ дорога, какъ пріятна была память Ваша для этого закаленного друга всего русскаго. Въ особенности радовался онъ и вся семья его карточкѣ Вашей и „описанію свадьбы русскаго крестьянина“. Мы долго сидѣли на балконѣ и разговоръ со старикомъ былъ въ высшей степени интересенъ для меня. Онъ мнѣ много кое-чего рассказывалъ изъ времени Вашего пребыванія здѣсь. Все это дышало истинною любовію и восторгомъ о семьѣ перваго Славянскаго пѣвца, котораго мы, славяне вообще, безъ различія племенъ и исповѣданій, съ гордостью можемъ назвать настоящимъ борцомъ и лучшимъ представителемъ славянской взаимности.

Ну что Вамъ рассказать еще о старинномъ другѣ Вашемъ? Онъ все тотъ же бодрый и свѣжій духомъ Коле Рашичъ. Рѣчь его и теперь, какъ и прежде, струится, какъ быстрый ручеекъ; но увы!—неудачныя, трудныя и полныя тяжелаго испытанія времена не могли не положить свою роковую печать и на мысли этого неутомимаго, энергическаго бойца славянской идеи. Онъ ужасно жалѣеть, что не имѣлъ возможности явиться на торжествѣ въ Кіевѣ; но въ долгу своимъ задушевымъ чувствамъ все таки не остался: на листѣ изъ Ниши на первомъ мѣстѣ находится имя Коле Рашича. Примите глубочайшій поклонъ отъ всего его семейства, которое сохраняетъ лучшія воспоминанія о всѣхъ Славянскихъ.

Примите же, глубокоуважаемый и искренно любимый Дмитрій Александровичъ, сердечное привѣтствіе и глубочайшую благодарность за все, сдѣланное Вами во имя братства и, всѣмъ истиннымъ славянамъ дорогой, славянской идеи, отъ

того, который съ собою уноситъ лучшія воспоминанія о Славянскомъ—пѣвцѣ и его славной семьѣ.

Неизмѣнно преданный Вамъ Георгій Андреевичъ *Геншичъ-Нишъ* (Сербія).

IV. Москва.

Страшное событіе 17 октября 1888 г., отмѣченное всеобщимъ патриотическимъ одушевленіемъ, вызвало у Д. А. Агренева-Славянскаго патриотическій гимнь, который, положенный на музыку О. Х. Славянскою, былъ исполненъ на московскихъ концертахъ въ 1888 году, организованныхъ въ соотвѣтствіе съ чувствами народнаго одушевленія. Два концерта были даны въ большой залѣ Дворянскаго Собранія, имѣвшіе блестящій успѣхъ, и цѣлый рядъ общедоступныхъ народныхъ концертовъ въ театрѣ „Скоморохъ“ М. В. Лентовскаго, предназначенныхъ главнымъ образомъ для престопадаря и встрѣчавшихъ неподдѣльное сочувствіе и искреннюю благодарность.

Капитальною пьесою всѣхъ концертовъ былъ гимнь „Спасень нашъ Царь“. Вотъ его текстъ:

Спасень нашъ Царь невидимой рукою
Для блага родины святой,
Царицу-матушку со всей семьей родною
Всевышній сохранилъ отъ гибели земной!

Молитвы теплыя возносимъ мы Тому,
Кто чудо сотворилъ и спасъ Царя,
Не попустилъ, чтобъ погрузилася во тьму
Восшедшая для всѣхъ Славянъ заря!

Ликуюемъ мы и будетъ ликовать потомство наше,
Изъ рода въ родъ передавая всѣмъ про чудо это:
Спасень нашъ Бѣлый Царь, Царей всѣхъ краше!
Воскликнемъ же Ему: ура и многи лѣта!

Дмитрій Агреневъ-Славянскій.

Гимнь этотъ, заслужившій Высочайшую благодарность всегда вызывалъ высокое одушевленіе и требованіе повто-

ренія. Исполнялись также и нѣкоторыя древнія славянскія и русскія легенды, впервые введенныя въ репертуаръ капеллы, разработкою которыхъ постоянно занята О. Х. Славянская. Таковы „Легенда о Ледовомъ побоищѣ 1242 года“, „Легенда объ изцѣленіи Ильи Муромца каликами переходжими“, „Былина объ Екатеринѣ Микулишичѣ и Добрынь“ и др.

Концерты вызвали множество лестныхъ отзывовъ печати и личную благодарность со стороны московскаго генералъ-губернатора князя, В. А. Долгорукова, чутко слѣдящаго за русской пѣсню и сочувствующаго ея пѣвцу, Д. А. Славянскому-Агрневу. На послѣднемъ концертѣ былъ прочтенъ поднесенный москвичами-почитателями слѣдующій адресъ Д. А. Славянскому-Агрневу:

Нашему родному Баяну, Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому. Москвичи-почитатели. 1888 г. 27 ноября.

Глубокоуважаемый и искреннолюбимый

Дмитрій Александровичъ!

Позвольте намъ, почитателямъ Вашего таланта, выразить Вамъ чувства живѣйшей благодарности за то воистину эстетическое наслажденіе, которое доставляютъ намъ Ваши русскіе концерты.

Дивные звуки Вашихъ пѣсень, то трогательные и заунывные, то широкіе, какъ сама наша матушка Русь Святая, то удалые и шуточные, полные природнаго юмора, свойственнаго молодой, неиспорченной націи, — доходятъ до нашихъ сердець и шевелятъ въ нихъ сочувственныя струны, а полный исторической неподкупной правды текстъ этихъ пѣсень, такъ обаятельно переданныхъ Вами, рисуется въ нашемъ воображеніи цѣлыя картины прошлаго: возстаетъ изъ могилъ сѣдая старина съ ея сказочными и дѣйствительными героями, проходятъ передъ умственными очами всѣ фазы семейной, бытовой и исторической жизни народа...

Да, не поете Вы только, Дмитрій Александровичъ, а живописуете, и оживаютъ древніе герои въ устахъ Вашихъ, являясь передъ слушателями Вашими во всей ихъ жизненной правдѣ и трогательной красотѣ.

Пойте же, дорогой намъ пѣвецъ, еще многіе, многіе годы, развивая въ молодомъ поколѣннн любовь къ родинѣ, знакомя насъ съ бытовой жизнью народа,—словомъ сѣя въ сердца наши русское сѣмя, и дай Богъ, чтобы возшло оно сильное и плодоносное на счастье и славу возлюбленной нашей родины!

П. А. Литибергъ, А. Ѳедоровъ-Украинцевъ, Иванъ Ефимовъ Поповъ, П. Кирсановъ, В. Дацкова, Е. Дацковъ, Сорокинъ, С. Мѣшковъ, Н. Варенцова, Е. Варенцовъ, Семень Мѣшковъ, Петръ Колонинъ, А. Херодиновъ, Веніаминъ Гупоревичъ, С. Каблукъ, Григорій Колонинъ, М. Новиковъ, Д. Реутовъ, П. Крючковъ, П. Норкинъ, Н. Громинъ, Д. Чаинъ, Я. Вирскій, И. Дмитріевъ, В. Вирскій, Н. Коробовъ, И. Зиминскій, К. Басмановъ, П. Вирскій, В. Исаевъ, І. Каблукъ, М. Виноградовъ, М. Прокоповичъ, А. Колонинъ, Н. Костроминъ, И. Хруслевъ, И. Павловъ, С. Простаковъ, К. Кубицкій, Р. Робинсонъ, А. Прискинъ, А. Широкова, Н. Ѳедорова-Украинцева, Е. Пристлей, Ф. Пустошина, Ал. Пристлей, А. Пристлей, П. Купчинскій, Т. Хрущовъ, А. Щ. Флменъ, Филипъ Тарасовъ, Емел. Залесскій, Петръ Леоновъ, Сергій Тьстовъ, Николай Босунинъ, Василій Курбаковъ, Яковъ Кулаковъ, Александръ Бубновъ, Кн. Щербатовъ, Ф. Топоровская, Поручикъ Н. Ляпуновъ, Алексій Лупандинъ, Иванъ Трагеничевъ, Я. Домашинъ, В. Фроловъ, П. Колосовъ, Н. Спорскій, М. Зубатовъ, Губыревъ, И. Сидоринъ, Казначеева, А. Никанорова, С. Михайловъ, Д. Черновъ, А. Кобякова, И. Сашновъ, И. Гончаровъ, Н. Широковъ, В. Пьсенкинъ, А. Блорусовъ, Н. Литвакъ, П. Соболевъ, Михаилъ Фроловъ, Михаилъ Колитковскій, Л. Дялибель, А. Алмазова, А. В. Савельевъ, Е. В. Савельева, Е. А. Савельева, В. Савельевъ, В. Гладковъ, Н. Гладкова, Л. Ежова, Н. Ежова, Г. Бартмеръ, М. Бартмеръ, Е. Бартмеръ, Н. Бартмеръ, В. Грейнеръ, В. Гроссе, Н. Колпаковъ, В. Кутукова, Князь В. Оболенскій, И. Смирновъ, В. Духовская, Алексеевъ, В. Кроузъ, Н. Васильева, И. Бьлова, Н. Верховская, Д. Кубаревъ, П. Суворовъ, А. Суворова, О. Суворова, В. Каразина, С. Петрова, А. Замысловъ, Л. Малащкинъ, Епифановъ, Д. Джексонъ, В. Галдоревскій, М. Н. Шенкинъ, Ѳ. Горбовъ, М. Губинъ, Н. Пузыревскій, К. Полочанино-

ва, О. Стахъева, И. Суцова, Сер. Трифоново, А. Пузановъ, В. Граве, А. Сысова. И. Москвинъ, П. Простаковъ, О. Лебедева, Ар. Кулушинъ, К. Додромысловъ, Гавр. Кирилинъ, Анд. Зауляевъ, Ос. Волинъ, Мар. Севастьянова, П. Микулинъ, Ек. Мартынова, Е. Зимина, А. Маркова, Викт. Катъковская, Ант. Селинъ, С. Вакурова, В. Викентьевъ, Т. Веселовъ, Д-ръ А. Анбаровъ, Инокент. Котлаковский, А. Вершинъ, Д. Горелина, А. Хазарова, С. Бьялковъ, Т. Бобровъ, Е. Домбровская, П. Сусловъ, Ольга Масловская, М. Завьяловъ, А. Апрълевъ, А. Вишневскій, А. Бехтеевъ, М. Цвѣтковъ, Н. Богоносъ, Титовъ, Г. Лужковъ, П. Воейковъ, В. Торская, Г. Даньковский, И. Горбачевъ, А. Королевъ, М. Рукинъ, Криткорфъ, В. Михайловъ, М. Потаповъ, М. Гяцинтовъ, Н. Н. Карасевъ, Т. А. Блехъ, М. В. Багровниковъ. С. И. Савосинъ, Андрей Семеновъ, Ф. Байдаковъ, М. Горшковъ, С. Кольцеховъ, П. Силинъ, П. Яковлевъ, М. Егоровъ, Г. Николаевъ, И. Слишковъ, А. Юковичъ, П. Петровъ, А. Соколовъ, И. Е. Корховъ, Д-ръ Положевъ, Д. Колокольниковъ, Боярыниновъ, П. Гензель, Т. Протасовъ, А. Фальковский, М. Фальковская, Анлаксинъ, Т. Гревцовъ, Б. Раанъ, В. Робревичъ, С. Тюжаевъ, О. Живописцевъ, А. Зубовскій, Л. Короткова, Ю. Бартмеръ, Е. Гурскій, К. Юзинъ, Ф. Котоминъ. Ф. Яковлевъ, А. Меньшикова, Филиппъ Споровъ, А. Антонниковъ, В. Казанцевъ, Н. Артемьевъ, И. Крымзенковъ, Т. Заворуевъ, Н. Анисимовъ, А. Соболевскій, В. Петрешинъ, В. Толмачевъ, Н. Каминскій, Д. Ефремовъ, В. Башмачниковъ, Ел. Ефремова, Б. Васильевъ, С. Медведевъ, М. Положевъ, О. Пирожкова, Л. Пирожкова, С. Пирожкова, Н. Гурьева, Е. Дольманнъ, Н. Вотякова, Н. Кротковъ, Д. Афросимовъ, Н. Сибаринъ, К. Суботнинъ, А. Кохъ, М. Шиловская, Князь Д. А. Водбольскій, Княжна А. А. Водбольская, А. В. Башкировъ, С. Цвѣтковъ, О. Цвѣткова, А. Константиновъ, В. Константиновъ, А. П. Гончаровъ, Оскаръ Крюгеръ, Анна Паллаевъ, В. О. Θεоктистовъ, Князь М. Мещерскій, Княгиня Е. Мещерская, Е. О. Степанова, В. В. Козляниновъ, А. С. Фонъ-Бухъ, К. В. Силантьевъ, А. К. Силантьевъ, О. К. Силантьева, С. П. Карпинскій, С. П. Карповскій, А. Г. Плесконосова, А. Э. Шимановская, А. К. Ртищевъ, О. А. Ртищева, В. А. Ртищевъ, М. А. Салмановъ, Н. А. Шейнъ,

Е. Д. Кривошеинъ, К. М. Мазуринъ, Н. С. Ждановъ, А. П. Пономаревъ, Князь Петръ Доморуковъ, Князь Павелъ Доморуковъ, М. А. Мазовецкая, Адольфъ Рени, Гастонъ Винтерфельдъ, О. А. Симоновская, К. М. Персикова, Лидія Корсакова, М. Н. Крузе, Лидія Лассъ.

V. На сѣверо-востокъ Россіи.

Зимою 1889 года Д. А. Агреньевъ-Славянскій предпринялъ артистическое путешествіе по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи; онъ объѣхалъ, начиная съ Уфы, города Бирскъ, Мензелинскъ, Златоустъ, Міасскъ, Екатеринбургъ, Шадринскъ, Челябинскъ, Куингуръ, Тюмень, Камышловъ, Ирбитъ и др. города, закончивъ путешествіе Самарой.

Путешествіе это сопровождалось мучительнѣйшей ѣздой на лошадяхъ съ одной стороны и повсемѣстнымъ восторгомъ во всѣхъ посѣщенныхъ Славянскимъ городахъ, гдѣ онъ до Ирбита останавливался и пѣлъ. Въ Уфѣ Д. А.—чу поднесли адресъ. Происходило это такъ: актеры, терпящіе, какъ почти вездѣ въ провинціи, дефициты, просили Д. А.—ча дать концертъ въ ихъ пользу, что онъ и исполнилъ 10 января.

Желая отблагодарить пѣвца за дружескую помощь, актеры устроили ему въ театрѣ самый парадный приемъ: на сценѣ съ обѣихъ сторонъ капеллы ожидали выхода Д. А.—ча представители отъ общества уфимскаго съ одной, отъ актеровъ съ другой стороны. Громкіе аплодисменты покрыли появленіе Славянскаго передъ публикой. Впередъ вышелъ Павелъ Александровичъ Полторацкій, первый актеръ Уфы, и сказалъ слово, между тѣмъ какъ представитель изъ публики поднесъ на серебряномъ подносѣ артистической работы серебряный кубокъ. Г. Полторацкій сказалъ слѣдующее:

„Позвольте, многуважаемый Д. А.—чь, выразить Вамъ отъ лица всей нашей труппы признательность за ту матеріальную помощь, которую Вы оказали намъ; Вы, можно сказать, спасли насъ! Не весело встрѣтили мы праздникъ Рождества Христова; у насъ не было почти возможности отпраздновать этотъ день по христіанскому обычаю, но Вы

явились къ намъ на помощь и сдѣлали насъ, хотя въ концѣ праздниковъ, съ праздникомъ. Спасибо Вамъ, сердечное спасибо! Примите на память объ Уфѣ чару эту. На ней написано только три слова: „Пейте на здоровье!“—Да, пейте, Д. А., и будьте здоровы, и пойте еще многіе, многіе годы! Этого желаютъ все истинно-русскіе люди, которые понимаютъ и цѣнятъ Ваши заслуги, а таковыхъ не мало!“ Оркестръ сыгралъ тушь. Публика неистово рукоплескала. „Благодарю Васъ,—отвѣчалъ Д. А.,—Вы сердечно тронули меня выраженіемъ Вашихъ чувствъ. Радъ, что мнѣ удалось оказать Вамъ небольшую услугу и что руководившее мною искреннее желаніе помочь моимъ товарищамъ по искусству въ минуту невзгоды могло осуществиться. Но этимъ матеріальнымъ успѣхомъ мы, т.-е. и я, и Вы, обязаны прежде всего почтенной уфимской публикѣ, которая оказываетъ мнѣ такой радушный пріемъ и такъ усердно посѣщаетъ мои русскіе концерты“. Музыка и аплодисменты слились въ одинъ общій гулъ и заглушили дальнѣйшія слова артиста. Публика, разставаясь съ нимъ въ этомъ концертѣ, доставившемъ блестящій сборъ артистамъ уфимской труппы, взяла слово, что Д. А. еще дастъ концертъ свой, что онъ и общалъ исполнить на обратномъ изъ Ирбита пути своемъ черезъ этотъ городъ.

Уфа.

Вотъ адресъ артистовъ, напечатанный и поданный ими въ роскошной рамкѣ Д. А. Славянскому:

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Все наше общество приноситъ Вамъ благодарность за Ваше благосклонное участіе, которымъ Вы поправили обстоятельства нашего дѣла. Вы внесли въ наше театральное дѣло духъ бодрости и оживленія! Вашимъ участіемъ все скрасилось, все прошлое забылось, хотя съ трудомъ забывается такое прошлое. При Вашемъ появленіи мы какъ будто перенеслись въ другой міръ. Да, рѣдко найдешь теперь та-

кихъ людей, которые бы отнеслись къ намъ такъ, какъ Вы, съ такимъ сердечнымъ участіемъ. Позвольте же отъ души пожелать Вамъ, дорогой человѣкъ, много, много лѣтъ жизни и счастья!

Распорядитель *П. Абрамовъ-Полтораикий.*

Режиссеръ *Д. Вольфъ.*

Н. Охотинъ, М. Марлинскій, С. Царевшниковъ, С. Лазаревъ, А. Ньмовъ, М. Борисова, Е. Царевшниковъ, Л. Метельская, Р. Абрамова, Ю. Ларская, В. Русанова, П. Сартакова, (актеры).

Уфа, 10 января 1889 г.

Духовныя концерты, а равно и пѣніе въ церкви капеллы Д. А. Агренева-Славянскаго, подъ его личнымъ управленіемъ, которымъ такъ восхищались знатоки пѣнія въ Европѣ, все болѣе и болѣе вызываетъ оцѣнку и въ Россіи. Въ послѣдній зимній сезонъ Д. А.—чѣ имѣлъ почти во всѣхъ большихъ городахъ, которые онъ посѣтилъ, приглашенія спѣть обѣдню соборне съ архіереемъ, какъ-то: въ Оренбургѣ въ самый день Рождества Христова въ соборѣ при служеніи владыки Макарія и на другой день въ его же частной церкви; въ Самарѣ, Ирбитѣ, Екатеринбургѣ и др. городахъ.

Епископъ Екатеринбургскій, владыка Поликарпъ, извѣстный цѣнитель и знатокъ музыки и ученый человѣкъ, бывшій до того 20 лѣтъ профессоромъ Кіевской Духовной Академіи, при служеніи котораго въ день престольнаго праздника исполняла пѣніе капелла подъ личнымъ управленіемъ Д. А. Агренева-Славянскаго, такъ былъ тронутъ высокохудожественнымъ исполненіемъ капеллы, что удостоилъ Д. А. тотчасъ же послѣ обѣдни своего посѣщенія и сказалъ ему слѣдующее: „Благодарю Васъ, достоуважаемый Д. А., за воистину (его подлинныя слова) высокое наслажденіе. Меня поразили Вы стройностью, отчетливостью и внятнымъ произношеніемъ въ духовномъ пѣніи, а равно и прочувствованностью каждой исполненной Вами молитвы. Видно, что Вы глубоко-религіозный человѣкъ, когда сумѣли заставить хоръ подъ Вашимъ управленіемъ пѣть съ такимъ чувствомъ и

смысломъ. Не я одинъ, но и всѣ молящіеся, я замѣтилъ, были проникнуты чувствомъ умиленія и потребностью горячей молитвы при стройныхъ звукахъ исполняемыхъ Вами пѣснопѣній. Не одно народное пѣніе, но и близкое, сродное ему церковное изучаете Вы, какъ видно, и я не удивляюсь, что Вы и имъ, этимъ пѣніемъ, шевелили сердца Вашихъ слушателей въ Европѣ и Америкѣ. Здѣсь вы оставляете по себѣ неизгладимое впечатлѣніе. Благословляю Васъ на путь въ Ирбитъ, ибо тамъ Вы съ Вашей капеллой явитесь, какъ отдѣльный оазисъ среди если не стихійныхъ, то человѣческихъ бурь и страстей, а тамъ-то и нужно Ваше все-облагораживающее, зарождающее инныя, чистыя чувства пѣніе!“

Владыка благословилъ Д. А. образомъ Симеона Верхотурскаго и долго бесѣдовалъ съ русскимъ пѣвцомъ о развитіи путемъ искусства народныхъ массъ.

Въ Ирбитѣ, гдѣ Д. А. со своею капеллой пѣлъ обѣдно по пріѣздѣ на ярмарку и молебень въ Пассаждѣ въ день 19 февраля, купечество уступило подъ концертъ Пассаждѣ, обыкновенно даваемый только разъ въ годъ подъ концертъ съ благотворительною цѣлью. Папльвъ публики, собравшейся въ количествѣ до 7.000 чел., былъ такъ великъ, что галлерей едва выдерживали. Во время концерта купечество поднесло Д. А. Славянскому роскошный серебряный большой кувшинъ въ русскомъ вкусѣ на серебряномъ же большомъ подносѣ, съ надписью:

„Незабвенному и неподражаемому исполнителю „Эй, ухнемъ“ отъ купечества, торгующаго въ Пассаждѣ.

Ирбитъ, 19 февраля 1889 г.“

И, дѣйствительно, концерты Д. А. Славянскаго явились въ Ирбитѣ какъ бы оазисомъ. Для этого нравственнаго и облагораживающаго впечатлѣнія, какъ говорилъ владыка, пришлось принести серіозныя матеріальныя жертвы, ибо сборы съ концертовъ не могли покрыть огромныхъ расходовъ по путешествію капеллы на лошадяхъ и устройству заново цѣлаго концертнаго зала, такъ какъ приходилось нанять домъ и устроить всю новую обстановку, ибо порядочнаго помѣщенія во всемъ городѣ не было.

Вотъ какого рода отзывъ былъ сдѣланъ объ этихъ концертахъ въ „Ирбитскомъ Ярмарочномъ Листкѣ“:

„Среди вялости и затишья ярмарочной жизни вдругъ является человѣкъ, вокругъ котораго, какъ бы по слову кудесника, всѣ сгруппировываются, всѣ прислушиваются къ его вѣщему, дивному голосу.

„Человѣкъ этотъ—Д. А. Агреньевъ-Славянской.

„Придя въ концертный залъ, мы нашли тамъ массу публики. Кругомъ только и слышались разговоры о Славянскомъ: одни рассказывали о началѣ его артистической дѣятельности въ 60-хъ годахъ, когда онъ выступалъ передъ публикою въ качествѣ солиста и поражалъ ее своимъ громаднымъ пріятнымъ теноромъ, а главное—манерою пѣть.

„Другіе передавали о знаменитомъ юбилеѣ Славянскаго, бывшемъ въ Москвѣ 1887 г., гдѣ многіе лучшіе, выдающіеся люди сошлись вмѣстѣ и всесторонне выяснили значеніе его (Славянскаго), какъ народнаго пѣвца и неутомимаго труженика на поприщѣ собиранія пѣсеннаго творчества нашего русскаго народа.

„Здѣсь слышалось о предстоящихъ приготовленіяхъ Славянскаго къ всемірной выставкѣ въ Парижѣ, тамъ перечисляли лучшія пѣсни репертуара капеллы.

„Но вотъ взмогъ на эстраду Славянской. Все смолкло.

„И полилась дивная пѣснь, полная чарующихъ звуковъ, то меланхолически-грустныхъ, то граціозно-веселыхъ, то торжественно-величественныхъ.

„И все это властно захватило нашу душу и перенесло ее изъ сѣренькой, обыденной жизни въ лучшій міръ—міръ стройныхъ звуковъ. Залъ грохнулъ отъ рукоплесканій.

„Неумолкаемое „bis“ пронеслось со всѣхъ сторонъ.

„Вотъ послышалось удивительное *pianissimo* бурлацкой пѣсни „Эй ухнемъ“....

„Но мы отказываемся говорить о *pianissimo* и *fortissimo*, а равно и о знаменательномъ явленіи, какое представляетъ изъ себя Славянской въ исторіи отечественной музыки; первое—дѣло знатоковъ музыки, второе—ея историковъ.

„Не намъ вплетать лишній вѣнокъ въ артистическую карьеру Славянскаго.

„А лучше попросту скажемъ ему „*русское спасибо*“ за доставленное намъ эстетическое удовольствіе и пожелаемъ ему здравствовать много и много лѣтъ, чтобы снова заявить на предстоящей Парижской выставкѣ, какъ хороша народная пѣсня и ея талантливые исполнители“.

Въ Самарѣ Д. А. 26 марта со своею капеллою пѣлъ обѣдню въ Спасо-Преображенской церкви и затѣмъ далъ духовный концертъ. Вотъ отчетъ о пѣніи духовномъ въ Самарской „Газетѣ“:

„Въ воскресенье, 26 марта, въ Спасо-Преображенской церкви, церковное пѣніе во время литургіи исполнялось капеллой Д. А. Славянскаго, подъ личнымъ его управленіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, имя Д. А. Славянскаго привлекло въ церковь массу исключительно интеллигентной публики. Чтобы въ церкви не произошло давки и духоты, были приняты мѣры противъ наплыва публики допущеніемъ въ храмъ только по билетамъ; несмотря на это, церковь была совершенно переполнена народомъ, внимавшимъ съ наслажденіемъ дивное исполненіе духовнаго пѣнія.

„До Херувимской пѣсни, пока не было еще выдающихся номеровъ, которые бы могли во всемъ блескѣ и силѣ обрисовать мастерское исполненіе, въ церкви по временамъ слышался кашель, неясный шумъ, какъ это бываетъ обыкновенно при большомъ стеченіи народа. Но вотъ началась Херувимская (№ 7 Бортиянскаго). Вся масса публики застыла такъ, что, казалось, можно было услышать біеніе собственнаго сердца; всѣ прониклись глубокимъ благоговѣніемъ.

„Піаниссимо исполнено было неподражаемо; въ особенности хорошо была исполнена дискантовая партія; при образцовомъ исполненіи идеи автора, дискантъ въ капеллѣ Славянскаго въ своемъ родѣ феномень, точно также, какъ и свѣжая, сочная, открытая октава.

„Поразительно былъ исполненъ „Символь вѣры.—Казалось, что пѣлъ, какъ бы речитативомъ, не цѣлый хоръ, а одинъ человекъ; всѣ слова, слоги, отдѣльныя буквы слышались съ

паразительною ясностью. То благоговѣнное чувство, которое испытывалось при пѣніи „Отче нашъ“,—словами передать невозможно. Всѣ затаили дыханіе, находясь подъ чарующимъ впечатлѣніемъ дивнаго исполненія. По окончаніи пѣнія этой молитвы, молящіеся невольно поспѣшили облегчить грудь: началось откашливаніе, неясный шопотъ... Но вотъ, совершенно неожиданно, раздались первые, какъ бы сдержанные, аккорды концерта. Всѣ сейчасъ же смолкли, такъ что концертъ прошелъ въ глубочайшей тишинѣ. То мощные, то замирающіе звуки, при дивной гармоніи этого концерта, сжимали сердца молящихся, которые, конечно, не скоро забудутъ то эстетическое наслажденіе, которое испытали, слушая капеллу Д. А. Славянскаго.

На богослуженіи присутствовалъ преосвященный Серафимъ, исправляющій должность начальника губерніи А. С. Брянчаниновъ и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Изъ Самары Д. А. Славянскій проѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ далъ съ большимъ успѣхомъ нѣсколько концертовъ и былъ приглашенъ спѣть заупокойную службу по случаю смерти извѣстнаго, проживавшаго въ Саратовѣ, музыкальнаго критика, И. П. Ларіонова. Вотъ что пишетъ по этому поводу „Саратовскій Листокъ“ (№ 85, 25 апр. 1889 г.):

„Сегодня мы похоронили своего товарища и друга, И. П. Ларіонова. Похороны его вышли по-истинѣ торжественными; гостящій въ настоящее время въ Саратовѣ артистъ-пѣвецъ, глава извѣстнаго всей Россіи хора-капеллы, Д. А. Славянскій, пѣлъ со своею капеллою на похоронахъ композитора, лично ему извѣстнаго и дружески къ нему всегда расположеннаго, И. П. Ларіонова. Обстоятельство это привлекло въ небольшую приходскую Покровско-Введенскую церковь многочисленную, едва вмѣстившуюся публику. Еще наканунѣ похоронъ, на воскресномъ концертѣ г. Славянскаго, публика волновалась вопросомъ, будетъ ли капелла Славянскаго пѣть въ церкви, или нѣтъ. Къ общему удовольствію, вопросъ этотъ разрѣшился утвердительно и стѣны одной изъ стариннѣйшихъ церквей Саратова огласились въ понедѣльникъ, 24 числа, въ 10 час. утра, чудными звуками церковныхъ пѣс-

нопѣній... Никогда наши храмы не слышали подобнаго стройнаго пѣнія: были и у насъ хоры блаженной памяти епископа Аѳанасія, — хоры, гремѣвшіе на далекое пространство вполне заслуженною славою, — но тѣ хоры, поражая великолѣпіемъ голосовъ, феноменальностью басовъ и величавыми forte, были все же *ниже* капеллы г. Славянскаго по стройности, ансамблю и гармоніи. По первымъ звукамъ, по коротенькому спѣтому „Господи помилуй“, слушатели уже были поражены чуднымъ пѣніемъ хора г. Славянскаго. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, подѣ впечатлѣніемъ пѣнія хора, замѣтилъ, что „*церковь полна небснаго тѣнія!*“... Лучшей характеристики и похвалы хору г. Славянскаго трудно было придумать. Пользуясь случаемъ, мы выражаемъ какъ Д. А. Славянскому, такъ и его хору искреннюю свою признательность за доброе ихъ согласіе *проводить въ послѣдній путь* скончавшагося И. П. Ларионова: лучшей для покойнаго чести было не нужно: онъ какъ жилъ, такъ и похороненъ среди звуковъ, подѣ сѣнію прекраснаго пѣнія!...

„Особенно хорошо вышли у капеллы „Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, Единнородный“ и пр., такъ называемая „царская“ Херувимская, „Милость мира“, соч. іеромонаха Виктора, „Тебе поемъ“, соч. Ломакина, „Отче нашъ“, соч. Моцарта (чудная, великолѣпная вещь, неслыханная въ Саратовѣ) и концертъ: „Скажи ми, Господи, кончину мою“.

„Словомъ, вся обѣдня, спѣтая капеллой г. Славянскаго, произвела громадное впечатлѣніе на слушателей, и жаль было лежавшаго въ гробу музыкальнаго критика, который лучше всѣхъ насъ могъ бы оцѣнить прелесть и красоту пѣнія г. Славянскаго“.

Какъ бы résumé, въ дополненіе всѣмъ недосказаннымъ идеямъ по поводу духовнаго и свѣтскаго пѣнія Д. А. Агренева-Славянскаго, дѣлаетъ священникъ Д. Троицкій, въ гор. Шадринскѣ, большой почитатель концертовъ Д. А. Агренева-Славянскаго. Онъ посвятилъ ему нѣсколько строкъ въ своемъ сочиненіи „*Задачи церкви, русскаго духовенства и учителей народнаго тѣнія*“ и преподнесъ Д. А. свою брошюрку съ слѣдующей надписью:

„Великому творцу и славному пѣвцу русской народной пѣсни, Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому, въ знакъ глубокаго и искренняго уваженія и почтенія отъ одного изъ безчисленныхъ почитателей“.

Высокоочтимый Дмитрій Александровичъ, перелистывая предлагаемую при семь брошюру Вы между прочимъ усмотрите (отмѣчено на поляхъ), какъ высоко смотритъ духовенство на Ваше дѣло и какъ поэтому, несмотря на разность служенія, мы крѣпко связаны между собою одной общей идеей.

Священникъ *Д. Троицкій*.

Приводимъ выдержку изъ брошюры, въ которой проведена та идея, что свѣтская и духовная музыка, исходя изъ одного корня, должны идти рука объ руку:

„Въ давнюю старину, наши отцы и дѣды воспитали въ русскомъ народѣ множество добрыхъ обычаевъ, которые и сохранили въ немъ до настоящаго времени во всей свѣжести и непосредственности, живое чувство вѣры. Чего это имъ стоило, легко только теперь представить; но, безъ сомнѣнія, масса труда — методическаго, настойчиваго, постояннаго была положена ими на это дѣло. Почему бы и намъ не взяться за тоже самое дѣло? Мы не думаемъ, чтобы кто-либо сталъ настаивать на безусловномъ запрещеніи Церковью свѣтскихъ пѣсень, такъ какъ съ одной стороны это граничило бы съ утопійей, и въ случаяхъ настойчиваго запрета могло бы повести даже къ прямой профанаціи духовнаго пѣнія, когда оно, наприм., раздалось бы на пирахъ, свадьбахъ и другихъ разнаго рода весельяхъ,—а съ другой—было бы незаконнымъ посягательствомъ на стѣсненіе одной изъ наилучшихъ и наиболѣе родственныхъ съ религіей сторонъ чело-вѣческаго духа, стороны поэтической. „Поэзія“, говоритъ одинъ христіанскій мыслитель,

„...не запахъ въ цвѣтахъ,
Не радуга только надъ тучей, —
Прекрасное вѣчно, мѣняя въ вѣкахъ
Лишь обликъ свой силой могучей

И скупо дая намъ въ житейской волнѣ
Песчинки свои золотыя однѣ“ *).

„Есть много пѣсень, которыя облагораживаютъ и возвышаютъ духъ человѣка, развиваютъ его національное самосознаніе и патриотическое чувство, вносятъ въ сердце струи свѣта и радости, когда его облегаютъ тучи скорби и мрака. Но въ пѣсняхъ возможенъ выборъ, и вотъ изъ такого-то рода поэтическихъ произведеній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ самобытному народному творчеству или же вылившихся изъ-подъ пера лучшихъ отечественныхъ поэтовъ, и могли бы быть составлены людьми умными, хорошо понимающими духъ народа, сборники народныхъ пѣсень и, при посредствѣ духовенства, получить всеобщее распространеніе въ народѣ. И здѣсь, въ этомъ дѣлѣ, естественнымъ союзникомъ священника долженъ опять явиться народный учитель, которому несравненно, конечно, удобнѣе привить къ народу чрезъ дѣтей пѣніе новыхъ пѣсень, чѣмъ священнику, такъ какъ послѣднему забота о пѣсняхъ была бы поставлена, пожалуй, немоцною совѣстію нѣкоторыхъ еще и въ вѣну.

„Утѣшаемъ себя надеждою, что рано или поздно наступитъ наконецъ время, когда одна и та же пѣсня, и пѣсня чистая, не обезображенная и искалѣченная, какъ нынѣ, фабричнымъ и лакейскимъ пѣтствомъ, а въ художественномъ исполненіи будетъ всюду раздаваться: и на берегахъ Волги, и на стогнахъ столицъ, и въ отдаленныхъ странахъ Сибири, и попрежнему будетъ роднить и воодушевлять русскій народъ, какъ на поляхъ брани, такъ и на дружескихъ бесѣдахъ, и разнаго рода братчинахъ. *Пѣсня, какъ и молитва, должна быть общая у народа;* и духовенство, мы убѣждены, не измѣнитъ своей мисси, если такъ или иначе повліяетъ на очищеніе, облагороженіе и осмысленіе народной пѣсни. Здѣсь скажется лишь только его цивилизующее значеніе, какъ извѣстной духовной и земской силы, умѣющей въ высшихъ духовныхъ цѣляхъ преслѣдовать и интересы міра сего, единственно понятные большинству человѣчества.

*) Изъ Тегнера „Вѣковѣчное“.

„Точно также, настаивая на христіанскомъ провозженіи воскресныхъ и праздничныхъ дней, духовенство обязывается тѣмъ самымъ выработать и программу занятій воскреснаго дня для каждой общественной среды и прихода, и обезпечить ея выполненіе всѣми зависящими отъ него средствами. Для этого ему необходимо прочно организовать воскресныя чтенія, дневныя и вечернія, пѣніе столь любимыхъ народомъ (и преимущественно женщинами и пожилыми мужчинами) духовныхъ, свѣтскихъ пѣсень и кантъ, указать и другія благочестивыя упражненія, доступныя каждому“.

Эти указанія на значеніе пѣсни въ народномъ образованіи, а также и замѣтки о духовномъ пѣснопѣніи Д. А. Славянскаго, исполнявшемся въ сѣверовосточной Россіи въ послѣднее его путешествіе, и тщательная ихъ отмѣтка и оцѣнка свидѣтельствуютъ, съ какой чуткостью отнеслась мѣстная публика къ той наиболѣе важной отрасли дѣятельности Д. А., которая стяжала ему, между прочимъ, уваженіе иностранцевъ, даже изъ наиболѣе предубѣжденныхъ противъ Россіи. Духовная пѣснь, наиболѣе дѣйствительная въ смыслѣ нравственнаго подъема духа слушателей, составляетъ выдающуюся заслугу въ дѣятельности нашего Баяна. Д. А. Славянскимъ разработаны и введены въ его духовный репертуаръ многіе совершенно позабытые, но замѣчательные по своимъ художественнымъ достоинствамъ старые концерты, вытѣсненные изъ употребленія вслѣдствіе ихъ чрезмѣрной трудности, какъ въ смыслѣ необходимаго высокаго музыкальнаго образованія солиста, такъ и необыкновенно обработаннаго хора. Безъ Д. А. этимъ концертамъ пришлось бы или погибнуть вовсе, или десятки лѣтъ ожидать своего возвращенія въ свѣтъ.

Въ Царицынѣ Д. А. Агреньевъ Славянскій былъ приглашенъ со своею капеллою спѣть заупокойную службу по скончавшемся г. Министрѣ Внутреннихъ дѣлъ, Графѣ Дмитріи Андреевичѣ Толстомъ, что исполнено имъ было при стеченіи многочисленной публики.

И здѣсь слушатели прониклись глубокимъ чувствомъ благоговѣнія при слушаніи прекраснаго исполненія капеллы подѣ

управленіемъ Дмитрія Александровича и, сердечно потрясенные дивными звуками, которыми, казалось, оплакивалась горькая утрата, сдѣланная Россіей, высказывали народному пѣвцу—Славянскому—искреннюю признательность за ту чуткость его сердца, съ которою этотъ артистъ всегда откликается на всякое желаніе публики и на всякое истинно-доброе и хорошее дѣло.

На слѣдующій день Д. А. съ своею капеллою опять приглашенъ былъ спѣть панихиду, чтобы почтить память извѣстнаго писателя Салтыкова-Щедрина.

Изъ Царицына Д. А. Агреньевъ-Славянскій поѣхалъ въ Астрахань, гдѣ онъ встрѣтилъ самый восторженный и радужный пріемъ.

Вотъ что говорили астраханскія газеты по поводу концертовъ Дмитрія Александровича Агреньева-Славянскаго:

„Первый концертъ Д. А. Агреньева-Славянскаго собралъ такое множество публики въ стѣнахъ зимняго театра, что пришлось нѣкоторымъ сидѣть въ оркестрѣ и на приставныхъ мѣстахъ. Нужно ли говорить, что исполненіе капеллой г-на Славянскаго программы было превосходно и что bis'ы были безчислены, а любезный пѣвецъ не жалѣлъ ни себя, ни хора, чтобы доставить публикѣ удовольствіе? Глядя на г. Славянскаго, мы нашли его „все тѣмъ же“, съ его какъ бы неувядаемымъ, истинно-русскимъ теноромъ. А капелла—другія лица видны въ ея составѣ, но музыка та же... Этотъ оркестръ изъ живыхъ инструментовъ не нуждается, разумѣется, въ рекламахъ, а похвалъ онъ слышалъ много, поэтому мы можемъ сказать только одно: „идите, гг., слушать Славянскаго, а читать о немъ будете... послѣ“. („Астраханскій Справочный Листокъ“, № 99).

„Состоявшійся въ среду, 4-го мая, въ театрѣ Плотниковыхъ, концертъ г. Агреньева-Славянскаго принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ разряду такихъ, какіе рѣдко выпадаютъ на долю Астрахани. Хоръ г. Славянскаго, не говоря уже о замѣчательной стройности его, отличается еще необыкновеннымъ искусствомъ передавать до послѣдней тонкости всѣ характеристическія черты и оттѣнки именно русской, народной пѣсни,

и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ виѣ всякаго сравненія съ какимъ-либо другимъ хоромъ. Въ хорѣ г. Славянскаго есть все то, что присуще русской народной музыкѣ: и заучивность, и простодушная радость, и беззавтное удалство, а подъ часть и какая-то искренняя набожность и покорность судьбѣ. Это съ внутренней стороны, а съ виѣшней мы должны сознаться, что рѣдко встрѣчали хоръ, такъ замѣчательно дисциплинированный и такъ послушный не капельмейстерской палочкѣ, а дирижерскимъ, точно вдохновляющимъ всю ту массу, мановеніямъ рукъ г. Славянскаго. Техническая часть хороваго пѣнія доведена у г. Славянскаго до совершенства, такъ что хоръ этотъ представляется какъ бы *промаднымъ вокальнымъ инструментомъ, приводящимся въ движеніе какимъ-то невидимымъ, но при томъ точно осмысленнымъ, душевнымъ механизмомъ.*

Аранжировка всѣхъ исполненныхъ въ этомъ концертѣ пьесъ весьма интересна и вполне соотвтвенна характеру каждой изъ нихъ. Возьмемъ наприм. эту общественную, незатѣливую по фактурѣ своей, пѣсню „не бѣлы снѣги“, на которой всѣ мы, такъ сказать, выросли. Кто изъ насъ не знаетъ ее наизусть? А между тѣмъ она г-омъ Славянскимъ такъ оригинально аранжирована и части ея такъ удачно распределены между соло и хоромъ, и притомъ исполняется съ такими оттѣнками, что слышишь точно что-то новое. Вообще г. Славянский большой мастеръ давать истинное значеніе свѣтамъ и тѣнямъ въ исполняемыхъ его хоромъ пьесахъ. Это внести разнообразіе даже въ такія вещи, которыя, по заурядности и бѣдности своихъ мотивовъ, прошли бы совершенно незамѣченными. Какъ тщательно выработано въ его хорѣ piano, имѣющее притомъ еще и нѣсколько оттѣнковъ, такъ что оно является иногда какъ бы дальнимъ эхо, а иногда точно теряющимся вдали, что итальянцы выражаютъ терминомъ *perdendosi*, и какая постепенность въ переходахъ отъ этого piano иногда до самаго мощнаго, потрясающаго *fortissimo!* Кроме того, г. Славянский весьма умѣло сопоставляетъ одну пѣсню съ другой. Такъ, невозможно было лучше выбрать вслѣдъ послѣ мечтательныхъ „не бѣлыхъ снѣговъ“,

какъ веселую, съ плясовымъ колоритомъ, „во лузяхъ“. Выборъ пьесъ въ этомъ концертѣ былъ, въ общемъ, весьма удачный, а по музыкальнымъ достоинствамъ мы особенно отмѣтимъ во 1-хъ „рапсодію о Добрынь“, которая, при просторѣ и безпретенціозности своего мотива, прекрасно передаетъ смыслъ этой былинны: въ ней такъ и слышатся отклики далекой, языческой старины. Затѣмъ весьма музыкальна и мелодична пѣсня „какъ у бабушки“, такъ оживленно кончающаяся плясовымъ мотивомъ. Музыкальная мысль, положенная въ основу гимна „спасень нашъ Царь“, съ котораго начался концертъ, вполне соответствуетъ тексту его и видимо вдохновлена имъ. Можно еще отмѣтить, по красивости мелодіи, кавказскую пѣсню „хазъ булатъ“, въ которой мужской дуэтъ идетъ въ замедленномъ мазурочномъ темпѣ. Изъ пьесъ же, которыя спѣты были *par dessus le marché*, въ благодарность публикѣ за ея столь щедро выкрикиваемые *bis*, наиболѣе понравились намъ „спится мнѣ младшенькѣ“, „кудри“, „некому березу поломати“ и „шуми Марица“, спѣтая передъ общеславянской пѣсней. Самъ г. Славянскій, своимъ пріятнымъ, идущимъ въ душу, тѣмбромъ голоса, вполне дополняетъ то прекрасное впечатлѣніе, которое получается отъ его хора. Кромѣ этого г. Славянскій обладаетъ еще замѣчательной способностью подчинять голосъ свой всѣмъ тѣмъ движеніямъ души, которыя возбуждаются словами и мыслью той или другой пѣсни, и неподобенъ въ своихъ *riano*: съ какою нѣжностью онъ провелъ его, наприм., въ бурлацкой пѣснѣ „эй ухнемъ“, до крайнихъ предѣловъ тональнаго исчезновенія. Зала театра была совершенно полна, т. е. такъ полна, что, пожалуй, и легендарный гоголевскій городничій не нашелъ бы для себя мѣста въ ней. Это показываетъ, съ какимъ дружнымъ сочувствіемъ отнеслась астраханская публика къ концерту г. Славянскаго. Будемъ надѣяться и почти убѣждены, что оно не охладится и при слѣдующихъ концертахъ его“. („Астраханскій Вѣстникъ“ № 18). *Тимшъ*.

Лѣтомъ Д. А. отправляется въ Европу, имѣя отъ Парижской выставки приглашеніе на 4 концерта въ зданіи Трокадеро (Trocadéro), а оттуда совершить обратный путь въ Россію черезъ Испанію, Италію и Грецію.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Пропуски.

Во время печатанія текста настоящаго изданія были сдѣланы слѣдующіе пропуски: пропускъ (на 74 стр., въ концѣ VII главы—послѣ стиховъ Ѡ. Глинки) въ текстѣ (отъ автора).

1) Да и кто же изъ истинно русскихъ людей, къ какому бы слою общества таковыя не принадлежали, оставался равнодушнымъ къ дѣятельности Д. А. Агренева-Славянскаго и не считалъ его своимъ роднымъ, сердцу близкимъ человѣкомъ?

Такъ и даровитый нашъ русскій поэтъ, рано, къ несчастью, сошедшій въ могилу, И. З. Суриковъ, вышедшій изъ народа и выросшій на родныхъ звукахъ, глубоко любилъ и уважалъ Д. А. и не задолго до своей смерти, въ послѣднее свое съ Дмитріемъ Алекс. свиданіе, подарилъ ему книжку своихъ стихотвореній, сдѣлавъ на нихъ слѣдующую надпись: Глубокоуважаемому Дмитрію Александровичу, *«какъ родному отъ роднаго»*, на память.

1875 года, 29 ноября, Москва.

Въ главѣ XVI (стр. 157) послѣ рѣчи С. Ѡ. Шарапова пропущены слѣдующія рѣчи: В. А. Скрипичина, сотрудника „Русскаго Курьера“, А. А. Малькова, преподавателя пѣнія въ Саратовѣ, депутата мѣстнаго отдѣла Императорскаго музыкальнаго общества, и А. Абазы, директора музыкальнаго общества въ Курскѣ, депутата отъ курскихъ музыкальныхъ классовъ. Вотъ эти рѣчи.—

2) Рѣчь А. А. Скрипичина:

Не задержу, буду кратокъ, а потому, надѣюсь, не утомлю. Миѣ бы хотѣлось представить вниманію и твоему, скажу по-русски, досточтимый юбиляръ, и веѣхъ присутствующихъ здѣсь—представить въ краткой и сжатой формѣ сумму заслугъ виновника сегоднешняго русскаго праздника. Чув-

ствую, что прикоснуться къ этой темѣ слѣдовало бы живою рѣчью, но, боясь что-нибудь пропустить, я мою скромную прозу въ честь дивной пѣсни и пѣвца записалъ и прочту.

Не тѣмъ только любезна народу своему его пѣсня, что она дитя его родное; она дорога ему, какъ откликъ, и откликъ правдивый, его собственной души и его собственной мысли. Она тотъ наслѣдникъ, въ которомъ узнаются знакомыя вамъ черты отца-народа и матери-земли, и чувствуется какъ бы продолженіе ея родоначальника. Слова пѣсни представляютъ собою какъ бы самую природоу созданный фотографическій снимокъ съ народныхъ думъ, стремлений, вѣрованій и надеждъ; въ нихъ, въ этихъ словахъ, отражается, и что особенно важно, безъ прикрасъ отражается вся правда духовной жизни народа, въ нихъ показуется вся картина жизни дѣйствительной: и той жизни, что за сохой стоитъ, и той, что на заваленкѣ сидитъ, и той, что въ хороводѣ ходитъ.

Но не въ одномъ словѣ вся сила пѣсни. Душа пѣсни имѣетъ особаго пѣстуну. Пѣстунъ этотъ—музыка. Музыка это—чародѣй, волшебникъ пѣсни. Можно и слова иногда не вымолвить, а только голосъ подать, какъ уже само чувство укажетъ слушателю на автора,—на этого могучаго, но терпѣливаго, на много пострадавашаго, но всегда удалаго и правдиваго автора—русскій народъ!

По одному мотиву русской пѣсни невольно поймется тогда, что тутъ дѣло не въ музыкальныхъ вкусахъ,—вкусы у насъ бываютъ различные и причудливые; дѣло и не въ теоретическихкихъ сочетаніяхъ звуковъ,—теорія—своего рода канцелярщина, форма, а духъ въ форму не укладывается; онъ самъ ее лѣпитъ; а потому вся сила въ напѣвѣ. Благодаря „напѣвамъ“, мы еще лучше понимаемъ, что пѣсня сложена народомъ: именно и про силу богатырскую, часто подспудную, но великую, про кручину горькую, но истинную, порой про судьбу-лиходѣйку и злую мачиху, а порой и про веселье разлюбезное и про ширь могучую, про удаль молодецкую. Собрать всѣ эти мотивы, всѣ эти фибры и нервы души народной въ одно цѣлое, собрать ихъ по всему пространству земли Русской, изъ всѣхъ ея весей, и подарить этими разсы-

паннами вдоль и поперекъ нашей матушки Руси многоцвѣтными и драгоценными перлами слова и напѣва, подарить этимъ роскошнымъ букетомъ роднаго эпоса родину—заслуга великая и достойная поклона.

Но не въ этомъ только заслуга Агренева-Славянскаго. Онъ показалъ не намъ однимъ это выхоленное и сбереженное имъ дитя роднаго народа. Онъ показалъ этого чуднаго ребенка всему свѣту, и мало того что показалъ, заставилъ подивиться ему, восхититься имъ и поклониться ему.

Одни народы, даже намъ враждебные, при звукахъ пѣсни русской и о враждѣ позабыли, а восторженно признали, что „красавица“ она! Другіе народы, единоплеменные, слово родное, музыку родную почували въ ней и тоже восторженно сказали: родная къ намъ пришла, сердцу вѣсть подала! И эта вѣсть закрѣпила душу братьевъ со старшимъ ихъ братомъ. А такое дѣло есть уже дѣло общественное, дѣло и славы, и гордости, и пользы народной,—за такое дѣло не грѣхъ поклониться и еще разъ Агреневу-Славянскому и сказать ему еще разъ русское спасибо!

Но есть и еще одна сторона, и сторона важная. Славянскій понялъ, что пѣсня народная сильна именно тѣмъ, что она народомъ и поется, а что одинъ человекъ только запѣвалъ, только руководить ею, тонъ даетъ, и онъ создалъ хоръ-капеллу, которая и показала во-очію для всѣхъ, какъ поется пѣсня въ натурѣ. Невольно напрашивается сравненіе изъ русской же жизни. Было время, когда вольница разная бродила съ атаманами вдоль Руси, забѣгая и къ сосѣдямъ; но эта вольница была иногда не добрая, душегубная. Одно, что пришлое по душѣ русскому народу въ ней,—это довольство и молодечество. Пѣсня русская тоже и свободна, и вольна, и удала, а потому сравнимъ капеллу во главѣ со Славянскимъ именно съ вольницею, предводимою атаманомъ; но эта вольница не душегубная, а душу улаждающая, мысль нашу исправляющая, о думѣ народной и объ исторіи и бытѣ его поющая,—словомъ, вольница культурная, и потому тѣмъ болѣе еще удалая, еще болѣе могучая. Слава же ей! Слава ея атаману! Слава пѣснѣ и ея автору—народу русскому!“

3) Рѣчь А. А. Малькова:

„Я былъ свидѣтелемъ зарождающейся Вашей нынѣ всемирной славы, я видѣлъ восходъ Вашей путеводной звѣзды, видѣлъ, какъ горячо, съ какой энергіей и любовью къ дѣлу брались Вы за его начинаніе и я, опытный уже тогда человѣкъ, пророчилъ Вамъ то торжество Ваше въ торжествѣ Вашего дѣла, свидѣтелемъ котораго я сегодня, и которое радостью наполняетъ, горячо любящее Васъ и опять-таки дѣло, которому Вы служите, мое русское сердце. Идите же неуклонно своей дорогой, дорогѣй многимъ сердцамъ юбиляръ, и никогда въ истинно-русскомъ сердцѣ не заростетъ и по прошествіи многихъ лѣтъ, когда не станетъ насъ, тропа къ Вашей памяти. Дай Вамъ Богъ здравія и многолѣтія!

Затѣмъ г. Мальковъ передалъ адресъ отъ г. Саратова.

4) Г. Абаза прочелъ адресъ, напечатанный въ отдѣлѣ приложеній, предпославъ ему слѣдующія слова:

„Поздравляю Васъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, въ день завершенія 25-лѣтія Вашей славной дѣятельности отъ имени нашихъ курскихъ музыкальныхъ классовъ, избравшихъ меня депутатомъ для поднесенія Вамъ нижеслѣдующаго адреса“.

5) Въ отдѣлѣ стихотвореній пропущенъ слѣдующій акростихъ г. Грабина:

Слава тебѣ, Славянскій пѣвецъ,
Любимый отчизны ты сынъ,
Авторъ не ты, не Творецъ,
Веселыхъ и грустныхъ напѣвовъ родныхъ,
А чудный импровизаторъ ты ихъ!
Ты ихъ взлелѣялъ, ты ихъ взростилъ,
Ехидную ненависть къ нимъ побѣдилъ.
Ты-ль не достоинъ изъ лавровъ вѣнца,
Бѣдя по свѣту въ конецъ изъ конца!...

Равнымъ образомъ не помѣщены слѣдующія стихотворенія:

6) Да сохранить тебя Творецъ,
И счастье ниспослетъ въ удѣлъ—

Для продолженья славныхъ дѣлъ,
Родной всѣмъ Москвичамъ пѣвецъ!

* * *

Ты сѣмя всхожее посѣялъ,
Ты пѣсню изъ пеленокъ взялъ,
Ее лелѣялъ и ласкалъ,—
Родные звуки намъ навѣялъ!

* * *

Взросло могучее дитя,—
Проникла пѣснь во всѣ углы:
Въ жилища, хижины, дворцы,—
Проникла плача иль шутя...

* * *

Славянской пѣснью огласилъ
Россію изъ конца въ конецъ,—
Тебѣ сплетенъ давно вѣнецъ
Вездѣ, гдѣ пѣсню разносилъ...

* * *

Хвала тебѣ—и да продлитъ
— Желанье русскихъ-то сердець—
Намъ дорогую жизнь твою Творецъ,
И горе въ жизни отдалить.

С. Н. А...з..

(Бывшій Москвичъ, уроженецъ Кремля, въ настоящее время гражданинъ Сергіевского посада).

- 7) Тебѣ хвала, тебѣ и честь,
Пѣвецъ народной славы!
Пусть радостную вѣсть
Разноситъ шумъ дубравы!
Народъ нашъ благодарный
Ужъ сплелъ давно вѣнецъ
Тебѣ, пѣвецъ желанный,
Отъ русскихъ всѣхъ сердець.

Ты четверть вѣка вѣрой
Отчизнѣ посвящаль,
Твой монументъ нетлѣнный
Скульпторъ ужъ изваяль.

Изъ вѣка въ вѣкъ просторнѣй
Тропа къ нему ведетъ,
И въ памяти народной
Она не заростетъ!

Живи-жь, поэтъ, на славу намъ!—
И въ звукахъ пѣсни чистой, нѣжной,
Отчизны передай сынамъ
Духъ Руси мощный, безмятежный...

Тебѣ хвала, тебѣ и честь,
Пѣвецъ народной славы!
Пусть радостную вѣсть
Разноситъ шумъ дубравы!

Народъ нашъ благодарный
Ужъ спелъ давно вѣнецъ
Тебѣ, пѣвецъ желанный,
Отъ русскихъ всѣхъ сердець.

Тебѣ хвала, тебѣ и честь,
Пѣвецъ народной славы!
Пусть радостную вѣсть
Разноситъ шумъ дубравы!

А.

8) Въ отдѣлѣ писемъ отъ Славянъ опущено слѣдующее письмо Петра П. Узелаца:

Глубокоуважаемый

Дмитрій Александровичъ!

Деятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ прогресса и цивилизаціи, и въ то же время вѣкъ славянства и славянской будущности. Нѣкогда насъ, Славянъ вообще и Русскихъ въ частности, другіе народы знать не хотѣли, считая насъ варварами; все, что считалось славяно-русскимъ, они игнорировали и даже

презирали. Но насколько XIX-й вѣкъ успѣлъ прочистить себѣ путь къ лучшему, настолько же и славянство успѣло поднять себя высоко; враги Славянъ и славянской идеи уже знаютъ, что такое Россія и ея могущество, а потому и боятся; Европа познакомилась съ русской силой и въ то же время съ русской цивилизаціей, литературой, художествами и съ русской пѣсней.

Вамъ, многоуважаемый Дмитрій Александровичъ, принадлежитъ великая заслуга за знакомство Запада и дальнихъ краевъ съ русской пѣсней. Вы побѣдили русскихъ враговъ и порадовали русскихъ людей и славянскихъ друзей. Отъ души радуюсь, что матушка-Русь дала намъ такого сына, который пришелъ къ счастливой мысли пѣть славяно-русскія пѣсни и внѣ своего отечества, и друзьямъ, и врагамъ нашимъ: благодаря этому друзья ликуютъ, враги же краснѣютъ и трепещутъ.

Радуюсь торжеству Вашей двадцатипятилѣтней славной дѣятельности, отъ души поздравляю Васъ вмѣстѣ съ Вашей многоуважаемой сотрудницей, супругой, и желаю, чтобы Вы и впредь долгое время пѣли на славу Россіи и Славянъ, врагамъ же нашимъ на страхъ и ужасъ!

Преданный Вамъ,

Петръ П. Узелацъ.

Публицистъ, бывшій предводитель боснійскаго возстанія.

Константинополь.

9) Въ отдѣлѣ адресовъ слѣдующіе адреса:

Отъ Славянъ.

Многоуважаемый,

Дмитрій Александровичъ!

Нижеподписанные славяно-сербы поздравляютъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей славной дѣятельности, доказавшей свѣту, что и славяне обладаютъ кладомъ, какого не имѣетъ ни одинъ народъ. Нѣтъ словъ, изъ которыхъ бы мы могли создать Вамъ вѣнокъ славы; будущее покажетъ, какую громадную услугу Вы оказали Россіи и Славянамъ Ва-

шей пѣсней. Вы открыли намъ прелести высшаго полета мысли и этимъ еще болѣе способствовали тому, что мы охотнѣе и искреннѣе протягиваемъ другъ другу руки. Да здравствуютъ благороднѣйшіе представители славянскаго движенія! Пусть раздастся величественная славяно-русская пѣсня на славу намъ! Пойте намъ на многія лѣта и веселите, смягчайте наши огрубѣлыя сердца, дабы и мы наконецъ убѣдились въ собственномъ могуществѣ.

Герцеговинецъ *Спиридонъ Копривица*, бывший русскій студентъ; *П. И. Вукичъ*, Черногорецъ; *П. Х. Кочевичъ*, Боснякъ; *Алекса Кешель*, бывший сербскій офицеръ; *Дервишъ Бей Любовичъ*, мусульманинъ Герцеговинецъ; *Павель Г. Ивановичъ*, Боснякъ; *Убрахимъ Бей Куленовичъ*, магометанинъ-Боснякъ.

Константинополь.

10) Отъ мастеровыхъ Севастопольскаго адмиралтейства Русскаго Общества пароходства и торговли:

Мастеровые Севастопольскаго адмиралтейства Русскаго Общества пароходства и торговли приносятъ сердечную и искреннюю благодарность русскому пѣвцу народныхъ пѣсень Дмитрію Александровичу Агрневу-Славянскому, 25 лѣтъ разносящему русскую пѣснь по всеѣмъ странамъ міра, за отрадныя минуты, доставленныя имъ русскими пѣснями хора его, пропѣтыми въ мастерскихъ адмиралтейства 15-го мая 1888 года.

За всѣхъ: *Бовень, А. Ермольевъ, Л. Морозовъ, В. Пановъ, М. Шмелевъ, Е. Стельманъ, А. Аликлеевъ, И. Татченко, Ф. Алпатовъ, С. Андрейченко, И. Дьякинъ, Ѳ. Васильевъ, П. Черепановъ, Е. Дмитріевъ, Е. Караповскій, Иванъ Горбачевъ, Спиридонъ Котляръ, А. Еремьевъ, И. Излевъ, Н. Черноурикій, С. Герасимовъ, М. Окороковъ, И. Возжовъ, А. Щепановскій, П. Вобликовъ, М. Кондратьевъ, Е. Яценко, П. Ламбросъ, А. Сіющенко, М. Краславскій, П. Васильевъ, И. Кондратьевъ, Ѳ. Вирховскій, Я. Кондратенко, К. Антоновъ, Г. Ковальскій, Г. Шалутковъ, П. Ивановъ, И. Низаровъ, В. Петровъ, А. Яковлевъ, К. Костовъ, А. Карповъ, П. Семченко, Л. Васильевъ, М. Матвеевъ, А. Орловъ, Я. Веречко, В. Родинъ, М. Швиденко, В. Доб-*

ровольскій, Г. Абрамовъ, Г. Нечаевъ, Т. Ивановскій, А. Ми-
роновъ, С. Ермоленко, Н. Ехамекъ, С. Капитоновъ, В. Матвѣевъ,
И. Васильевъ, И. Кручковъ, П. Моно, В. Цацкинъ, В. Андрей-
ченко, Н. Маляренко, Е. Одинцовъ, Василій Сертеевъ, А. Суз-
далевъ, А. Лешовъ, Д. Макаренко, К. Товіевъ, Г. Матрозовъ,
М. Кожевниковъ, Д. Ширяевъ, Гр. Ивонинъ, Д. Восковъ, Ф. Ива-
новъ, Ив. Катакозинъ, А. Еремьевъ, А. Стригуценко, М. Мат-
вѣевъ, Ф. Ермолаевъ, К. Морозовъ, Г. Матвѣевъ, В. Митинъ,
И. Семеновъ, П. Морозовъ, Ф. Зайцевъ, П. Черешныхъ, С. Са-
мофаловъ, А. Лубеновъ, А. Машевъ, В. Кузьминъ, С. Зайцевъ,
Антонъ Корецкій, Максимъ Воцининъ.

11.) Отъ профессора Шарпъ съ женою изъ Дрездена
поздравительная телеграмма.

12.) Въ отдѣлѣ писемъ: Письмо Е. Крайбъ изъ Девоншира.

(Вилла Сентъ Обинъ St. Aubyn Villas, Devonshire.)

Узнавши изъ газеты о Вашемъ XXV-лѣтнемъ юбилеѣ, я
спѣшу принести Вамъ мои самыя теплыя поздравленія и по-
желанія Вамъ всего, всего хорошаго.

Я нѣкогда въ Россіи еще восхищалась Вашими пѣснями;
недавно же, во время Вашихъ концертовъ въ Лондонѣ, я
вспоминала, опять слушая Васъ, Вашу милую родину, гдѣ
я провела нѣсколько лѣтъ—пріятныхъ лѣтъ.

Вы не знаете меня, но Ваши звуки мнѣ знакомы, и я счи-
таю пріятнымъ удовольствіемъ Васъ привѣтствовать.

Е. Крайбъ.

35

18

1

2011146943